

Г. Р. ХАГГАРА



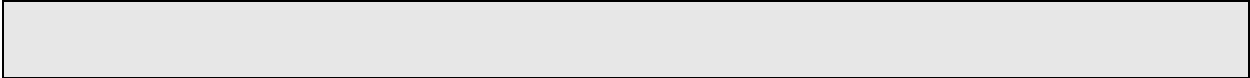
Annotation

В восьмой том Собрания сочинений известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) входят романы «Ледяные боги», «Братья» и «Завещание мистера Мизона», а также повесть «Доктор Терн».

- -
 - [ЛЕДЯНЫЕ БОГИ](#)
 - [Глава II. Племя](#)
 - [Глава III. Секира, которую сделал Паг](#)
 - [Глава IV. Смерть Хенги](#)
 - [Глава V. Клятва Ви](#)
 - [Глава VI. Паг заманивает волков](#)
 - [Глава VII. Ви встречается с тигром](#)
 - [Глава VIII. Лодка и ее содержимое](#)
 - [Глава IX. Лалила](#)
 - [Глава X. Мать выброшенных детей](#)
 - [Глава XI. Урок матери-волчицы](#)
 - [Глава XII. Рыжие Бороды](#)
 - [Глава XIII. Ви целует Лалилу](#)
 - [Глава XIV. Зубр](#)
 - [Глава XV. Ви бросает вызов богам](#)
 - [Глава XVI. Жертвоприношение](#)
 - [Глава XVII. Которая?](#)
 - [БРАТЬЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [II. Сэр Эндрию д'Арси](#)
 - [III. Посвящение в рыцари](#)
 - [IV. Продавец вина](#)
 - [V. Рождественский праздник в Стипле](#)
 - [VI. Знамя Салах ад-Дина](#)
 - [VII. Вдова Масуда](#)
 - [VIII. Кони Огонь и Дым](#)
 - [IX. На палубе галеры](#)
 - [X. Город аль-Джебала](#)
 - [XI. Господин Смерти](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
- [II. Бой на мосту](#)
- [III. Бегство в Эдессу](#)
- [IV. Султан Салах ад-Дин](#)
- [V. Д'Арси уезжают из Дамаска](#)
- [VI. Вульф расплачивается за отравленное вино](#)
- [VII. Под стенами Аскалона](#)
- [VIII. «Звезда счастья Хасана»](#)
- [IX. Что случилось с Годвином](#)
- [X. В Иерусалиме](#)
- [XI. Святая Розамунда](#)
- [XII. Последние капли кубка](#)
- [ЗАВЕЩАНИЕ МИСТЕРА МИЗОНА](#)
- [II. Юстас лишается наследства](#)
- [III. Августа Смиссерс и ее сестренка](#)
- [IV. Решение Августы](#)
- [V. На корабле «Канчаро»](#)
- [VI. Мистер Томби забегает вперед](#)
- [VII. Катастрофа](#)
- [VIII. Остров Кергелен](#)
- [IX. «Татуируйте меня!»](#)
- [X. Смерть мистера Мизона](#)
- [XI. Спасены!](#)
- [XII. Саутхемптонская набережная](#)
- [XIII. Юстас покупает газету](#)
- [XIV. Свидание](#)
- [XV. У адвоката](#)
- [XVI. На законном основании](#)
- [XVII. Испытания Августы](#)
- [XVIII. Августа исчезает](#)
- [XIX. Дело «Мизон, Аддисон и К°»](#)
- [XX. Джеймс Шорт защищает дело](#)
- [XXI. Иск подлежит удовлетворению](#)
- [XXII. Свадьба](#)
- [XXIII. Новая фирма «Мизон и К°»](#)
- [ДОКТОР ТЕРН](#)
- [II. Асиенда](#)
- [III. Сэр Джон Белл](#)
- [IV. Стивен Стронг идет в поручители](#)

- [V. Допрос](#)
 - [VI. Врата смерти](#)
 - [VII. Я перешел Рубикон](#)
 - [VIII. Bravo, антивакцинисты!](#)
 - [IX. Карьера и деньги](#)
 - [X. Дженни встречается с доктором Мерчисоном](#)
 - [XI. Появление странного человека](#)
 - [XII. Призраки заразы](#)
 - [XIII. Время жатвы](#)
-



Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах



МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

том

8

Ледяные боги
Братья
Завещание мистера Мизона
Доктор Терн



МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1993



Ледяные боги





ЛЕДЯНЫЕ БОГИ

Глава I. Ви ждет знака

Ви молился богам, каких знал, — Ледяным богам, тем, которым поклонялось его племя. Сколько времени верило в них племя, — он не знал. Не знал также, откуда пошло племя, только слышал легенду, что когда-то, в древние времена предки, родоначальники, пришли сюда из-за гор, отступая к югу и к солнцу от грозного холода.

Боги обитали в темном, почти черно-синем льду самого крупного из ледников, сползавших с вершин необъятных снежных гор. Главная масса этого ледника нисходила в центральную долину, но немалая часть ледяного потока шла по меньшим долинам на восток и на запад и доползала к морю. Там весной, зачатые в самом сердце покрытых снегом холмов, рождались дети Ледяных богов; великими айсбергами выходили они из темных недр долин и уплывали прочь на юг. Потому обители богов — огромный центральный ледник — медленно продвигалось вперед.

Урк Престарелый, тот, кто видел рождение всех в племени, рассказывал, как дед говорил ему, когда сам Урк был еще совсем маленьким, что в дни молодости самого деда нижняя оконечность центрального ледника была не больше, чем на бросок копья, и выше, нежели свисала теперь над долиной. Ледник висел на высоте приблизительно двадцати высоких сосен, поставленных одна на другую, висел чудовищной угрозой и медленно, совершенно незаметно, но неуклонно сползал. Большая часть ледника состояла из темного, почти черного льда, который подчас — когда живущие в нем боги разговаривали — трещал и стонал; а когда боги сердились, ледник смещался вперед, передвигался иногда на большой кусок — на длину руки, сбивал стоящие на пути скалы и обрушивал их вниз, в долину, в качестве предвестника будущего своего прихода.

Кто эти боги и что они — этого Ви не знал. Знал он лишь одно: что они ужасны, что власть их безгранична, что надлежит страшиться их, что нужно им поклоняться, как поклонялись им его предки, и что в их руках — судьба племени.

В осенние ночи, когда поднимаются туманы, кое-кто из племени видел богов. То были огромные призрачные видения, продвигающиеся по

леднику, медленно сходящие с ледника. По временам случалось, что боги подходили к самому берегу, на котором жил народ. Соплеменники Ви слышали даже, как боги смеются. А жрец племени Нгай Волшебник и Тарен Колдунья, которая прячется, Тарен, которая выходила только по ночам и была любовницей Нгая, рассказывали о том, что боги говорили с ними и давали советы и указания.

С Ви боги никогда не разговаривали, хотя он не раз оставался на целые ночи лицом к лицу с ними; никто иной в племени не мог бы на это осмелиться. По временам — особенно, когда Ви бывал совершенно сыт, доволен и спокоен и охота его была удачна, — боги были так тихи и так молчаливы, что Ви начинал сомневаться в самом их существовании. Ви начинал думать, что боги — сказка, а то, что называется их голосами, — просто шум льда, ломающегося и трескающегося от морозов и оттепелей.

В одном только он не мог сомневаться. Скрытый глубоко подо льдом, на расстоянии не менее трех шагов от поверхности, видимый далеко не всегда, а только при определенном освещении, стоял один из богов. Уже много поколений он был известен племени под именем Спящий, ибо никогда не шевелился. Толком разобрать его очертания Ви не мог. Видел только, что у Спящего длинный нос, у корня толстый, как дерево, и все утончающийся к концу. По сторонам носа виднелись огромные, искривленные зубы. Голова была большая, и позади нее громоздилось необъятное тело, не меньше, чем тело кита, такое большое, что всех очертаний до конца нельзя было различить.

Это, несомненно, был бог. Это было бесспорно даже для Ви. Это был бог хотя бы уже потому, что никто во всем племени никогда не видывал подобного ему существа и никогда не слышал о нем. Впрочем, почему бог спал в глубине ледника — этого понять никто не мог. Правда, если бы кто-нибудь слышал что-нибудь о подобном чудище, видел бы такое чудище, Ви, несомненно, решил бы, что это не бог, а просто мертвое животное. Но это существо не было похоже ни на что известное племени.

И поэтому, подобно всем своим родичам и соплеменникам, Ви считал богом доисторического огромного слона, в начале ледниковой эпохи попавшего в лед — должно быть, за сотни, а может быть, и за тысячи лет до этого времени — и в замерзшем потоке медленно принесенного от дальнего места своей гибели сюда, для того чтобы, очевидно, найти последнее пристанище на дне морском. Бог, несомненно, был странный — впрочем, не страннее многих иных богов.

Ви явился сюда, к леднику, когда еще не рассвело, после споров с женой, гордой и прекрасной Аакой, явился затем, чтобы получить от богов указания и узнать их волю.

А дело было серьезное.

Племенем правил сильнейший в нем, Хенга, родившийся десятью веснами ранее Ви; мужчина огромный, сильный и свирепый. Закон племени гласил, что править должен сильнейший, и править до тех пор, покуда более сильный, чем он, не явится к пещере, в которой живет вождь, не вызовет вождя и не убьет его в единоборстве. Так, Хенга убил своего отца, бывшего вождем до него.

А теперь вождь угнетал племя. Сам он не работал, но брал у других их пищу и меховые одежды, которые они добывали. Более того, хотя женщин в племени было мало и мужчины сражались за них, Хенга брал женщин у родителей или мужей, держал их у себя некоторое время, а затем прогонял или убивал их и брал себе новых жен. И никто не смел сопротивляться, ибо жизнь Хенги была священна и Хенга был волен делать все, что ему нравится.

Единственный, кто имел право спорить с ним, был, как уже сказано, тот, кто вызовет его на единоборство, ибо убить вождя не в единоборстве было великим грехом и убийца был бы изгнан из племени и проклят. Если же вызвавший побеждал, пещера вождя и жены его, и все имущество переходили к победителю; победитель становился, в свою очередь, вождем и правил, покуда сам не погибал так же, как и его предшественник.

И потому никогда не случалось, чтобы вождь племени дожил до старости, ибо как только годы начинали уменьшать его силу, выступал кто-нибудь моложе и сильнее его и убивал вождя. Впрочем, по той же причине мало кто вступал в единоборство с вождем, ибо мало кто желал стать вождем, помня, что вождь естественной смертью не умирает и что лучше терпеть угнетения, нежели умереть.

Но Ви хотел вступить в единоборство, хотел стать вождем по двум причинам: во-первых, потому, что Хенга был слишком жесток, и, во-вторых, потому, что он правил племенем неразумно, угнетал его и вел к гибели. И к тому же Ви знал, что если он не убьет Хенгу, то Хенга убьет его, убьет из ревности.

Хенга уже давно убил бы Ви, если бы Ви не пользовался уважением

племени за то, что он был великий охотник, за то, что запасы племени в значительной степени пополнялись им, так что убийца навлек бы на себя всеобщую ненависть. В силу этого Хенга, боясь вступить с Ви в открытый бой, пытался исподтишка расправиться с ним.

Так, например, совсем недавно, когда Ви осматривал свои волчьи ямы на опушке леса, внезапно мимо него прожужжало копье, пущенное с нависающей скалы, взобраться на которую он не мог. Ви подхватил копье и убежал. Он узнал это копье, оно принадлежало Хенге. К тому же обнаружилась одна подробность: кремневый наконечник копья был смочен ядом, который племя добывало из внутренностей разлагающейся рыбы, смешивая их с соком особой травы. Яд этот Ви легко узнал, потому что сам пользовался им на охоте. Копье он сохранил и никому, кроме жены, не сказал обо всем этом событии ни слова.

А затем последовало дело много хуже. У Ви был сын Фо, мальчик десяти лет, которого он любил больше всего на свете, и была дочь, годом моложе Фо, по имени Фоя. Детей в племени было мало, так как большинство их умирало в младенчестве от холода, недостатка пищи и различных болезней. К тому же рождавшихся девочек по большей части выбрасывали на съедение зверям.

Однажды вечером Фои не было, и все решили, что ее растерзали лесные волки, а может быть, горные медведи. Аака плакала, и Ви, когда никто не видел этого, плакал тоже, разыскивая Фою, которую любил. Два дня спустя, выйдя утром из хижины, он нашел у входа что-то завернутое в звериную шкуру. Развернув тук, он обнаружил труп маленькой Фои; шея ее была свернута, и следы пальцев огромной руки отпечатались на горле. Ви сразу догадался, что сделал это Хенга, и та же мысль пришла в голову всем остальным, ибо никто во всем племени, кроме вождя, никогда не убивал, если не считать тех случаев, когда люди убивали друг друга, сражаясь за женщин, которых было немного. Однако, когда Ви показал тело народу, все промолчали, только покачивая головами, и каждый думал, что Хенга вождь и, следовательно, имеет право распоряжаться жизнью и смертью всякого.

И тогда кровь Ви вскипела в нем, и он заговорил с Аакой и сказал ей, что хочет вызвать Хенгу на единоборство.

— Он об этом только и мечтает, — сказала Аака. — Ведь он дурак; он думает, что сильнее тебя и легко убьет тебя. И тем самым предохранит себя на будущее время, когда ты, несомненно, — это даже для него ясно — убьешь его. Я давно уже хотела, чтобы ты вызвал Хенгу, — я убеждена, ты одолеешь его.

И Аака завернулась в свой меховой плащ и улеглась спать.

Утром она вернулась к этой теме.

— Слушай, Ви. Во сне мне явилось видение. Мне представилось, что Фоя, наша дочь, стоит у моего ложа и говорит: «Пусть Ви, мой отец, ночью пойдет молиться Ледяным богам и ждет знака от них. Если на заре с вершины ледника упадет камень, это будет приметой ему, знаком, что должен он бороться с Хенгой, что отомстит Хенге за пролитую им мою кровь, что станет вождем вместо Хенги. Если же камень не упадет, пусть не вызывает Хенгу, ибо в таком случае Хенга убьет его. А затем, расправившись с Ви, Хенга убьет Фо, брата моего, а тебя, мать мою, возьмет себе в жены». По-моему, Ви, нужно послушаться голоса нашей умершей дочери. Ты должен пойти к Ледяным богам и помолиться им, и ждать от них знака.

Ви с сомнением поглядел на нее. Он не очень доверял ее рассказам, не верил в сны и был убежден, что она придумала это, чтобы подбить его на поединок с вождем.

Это он ей и высказал:

— Подобный сон — гнилая палка, на которую нельзя опираться. Я знаю, ты давно уже хочешь, чтобы я сразился с Хенгой, хотя он грозный и страшный воитель. Но, если я сражусь с ним и он убьет меня, что станется с тобой и с Фо?

— С нами сбудется то, что суждено нам, и ничего больше. А так племя начнет твердить, что Ви боится отомстить за кровь убитой дочери ее убийце Хенге.

— Не знаю, будут ли говорить, но знаю, что, если это и скажут, скажут ложь. Я беспокоюсь не за себя, но за тебя и за Фо.

— В таком случае ступай к Ледяным богам и жди от них знака.

— Я пойду, Аака, но не вини меня потом, если приключится беда.

— Беда не приключится, — ответила Аака и улыбнулась в первый раз после смерти Фои.

Она была уверена, что Ви, несомненно, одолеет Хенгу в единоборстве. Нужно было только заставить его вызвать Хенгу, а уж тогда он отомстит за убитую дочь и сам станет вождем племени. И потому еще улыбалась она, что была твердо уверена (хотя причин своих и не называла) в том, что с вершины ледника на заре, когда солнечные лучи упадут на лед, несомненно, свалится камень.

Итак, на следующую ночь Ви Охотник тихомолком прокрался из селения, обогнул подножие высившегося на востоке холма и пошел по ущелью между гор, покуда не дошел до основания большого ледника.

Волки, кишевшие в окрестностях, волки, по-зимнему голодные — весна в том году наступала поздно, — почуяли его и окружили. Но Ви Охотник не боялся волков; к тому же печаль ожесточила его сердце. С воплем ринулся он на самого большого волка, вожака стаи, и вонзил кремневое копье в его горло. А когда волк завертелся на копье, щелкая окровавленными челюстями, Ви ударом каменного топора вышиб волку мозги, бормоча:

— Так умрешь, Хенга! Так умрешь, Хенга!

Волки поняли, что с этим противником им не справиться, и разбежались все, кроме вожака, который остался лежать мертвый. Ви потащил труп на вершину скалы, в место, где стая не могла достать его, и оставил там, чтобы освежевать его поутру.

Покончив с волком, он продолжал свой путь вверх, по холодной долине, куда звери не заходили, так как здесь не было никакой добычи. Он поднимался, пока не достиг ледника. Мощная стена сползающего льда тускло светила в лунном свете и заполняла расщелину от края до края: лед был шириной не менее чем в четыреста шагов. Ви, когда был здесь в последний раз, вбил кол между двух скал и другой кол пятью шагами ниже, так как хотел проверить, движется ли ледник.

Ледник двигался. Первый кол был скрыт под массой льда, и жесткий ползучий язык ледника уже подбирался ко второму.

Боги проснулись, боги шли к морю.

Ви вздрогнул. Но вздрогнул он не от холода, к которому привык, а вздрогнул от страха, ибо боялся этого места. Здесь было обиталище богов, скрывавшихся в леднике; богов, в которых он верил, богов вечно гневных.

И тут он вспомнил, что не принес с собой жертвы, дабы умиловить их. Он вернулся туда, где лежал убитый волк, и с трудом, пользуясь острым кремневым копьем и каменным топором, отделил голову волка от туловища. Он вернулся, положил волчью голову на камень у подножия ледника и пробормотал:

— Она кровоточит, а боги любят кровь. Клянусь, если я убью Хенгу, я принесу богам его труп, который понравится им больше, чем волчья

голова.

Затем он стал на колени и начал молиться. Молился он долго и закончил так:

— Укажите же мне, о боги, что делать. Должен ли я вызвать Хенгу так, как ведется издавна, и сойтись с ним в единоборстве перед лицом всего народа? Если же мне не делать этого, то как смогу остаться я здесь? Значит, тогда я должен бежать отсюда с женой моей, Аакой, и с сыном моим, Фо, и, может быть, с моим приемышем, карликом Пагом, мудрым Человеком-Волком, бежать отсюда и искать себе иного жилища за лесами, если нам удастся пробиться сквозь них. Примите мое приношение, о боги, и дайте мне ответ. Если я должен биться с Хенгой, бросьте камень с вершины ледника, а если мне нужно бежать, дабы спасти жизнь Ааки и Фо, не бросайте камня. Я жду здесь и буду ждать, пока солнце не поднимется и не наступит ясный и полный день, и тогда, если камень упадет, я вернусь и вызову Хенгу на единоборство. А если он не упадет, я откажусь от мысли вызывать его и в ночи скроюсь отсюда с Аакой и с Фо, и с Пагом, если он последует за мной, и тогда у вас будет четыремя почитателями меньше, о боги!

Последнее соображение пришло ему в голову внезапно, вспышкой вдохновения. Это соображение очень понравилось ему, и Ви решил, что оно должно убедительнейшим образом подействовать на богов, так как почитателей у них было немного и потому боги вряд ли пожелали бы лишаться их.

* * *

Ви окончил молитву — занятие было утомительно для него больше, чем целый день охоты и рыболовства, и, продолжая стоять на коленях, глядел на гроздящийся перед ним ледник. Он не имел ни малейшего представления о законах природы, но знал, что если пустить тяжелое тело вниз по скату, то оно понесется все быстрее и быстрее и дойдет до подножия с быстротой, уже совершенно неопикуемой. Он помнил, как однажды убил медведя, скатив на него камень.

Вспомнив это, он стал думать о том, что случится, если вся эта огромная масса льда двинется по-настоящему, а не с обычной скоростью всего в несколько ладоней за год. Впрочем, и тут ему помогла память. Как-

то в лесу увидел он ледяное дитя, рождение глетчера, увидел, как глыба, величиной с целую гору, внезапно обрушилась вниз по одной из западных долин в море, взметнув пену и брызги до самых небес. Глыба эта не причинила вреда никому, кроме, может быть, тюленей и котиков, игравших в бухте. Но если бы двинулась не глыба, если бы двинулся огромный центральный ледник и вместе с ним все маленькие западные ледники, что бы случилось с племенем на побережье? Всех бы перебило, всех до единого, и ни одного человека не осталось бы во всем мире.

Он, понятно, не называл этого «мира», потому что о мире, о вселенной он ничего не знал. Землю называл он словом, которое обозначало «место», и в это понятие входили те несколько миль побережья, лесов и гор, по которым он блуждал и которые были ему знакомы. С большой высоты не раз видел он другие побережья и леса, горы за каменной пустынной равниной, но все эти края казались ему ненастоящими, казались сонным видением. По крайней мере, там не жили ни мужчины, ни женщины, иначе племя услышало бы голоса тех людей или увидело бы дым от их костров, костров, у которых соплеменники Ви грелись и готовили пищу.

Правда, ходили рассказы о том, что существуют еще люди на свете, и даже хитрый карлик Паг полагал, что это так. Но Ви — человек дела — не обращал внимания на подобные рассказы. В этой долине вместе с ним жили единственные люди на земле, и если бы их раздавил ледник, то вообще все было бы кончено.

Впрочем, если даже люди и погибнут (если, понятно, не считать Ааки, Фо, Пага — о других он мало беспокоился), ничего ужасного не произойдет для остальных существ: те, что идут в пищу — тюлени, птицы и рыбы, в особенности же лосось, который весной поднимается вверх по реке, и форель, — будут даже счастливее, чем сейчас.

Эти размышления также утомили его, ибо он был человек дела и только сейчас начинал учиться думать. Он оставил мысли, так же как бросил молиться, и только большими задумчивыми глазами глядел на лед перед собою.

Небо уже серело, и все кругом стало светлеть. Скоро встанет солнце, и он сможет взглянуть в глубину льда.

Взглянуть! Там, во льду, были лица странные, какие-то чудовищные лица, одни широкие, толстые, другие тощие, и они, казалось, колебались и изменялись вместе с меняющимся освещением и игрой теней. Несомненно, то были лица меньших богов, которых, наверно, немало, и все это были боги злые, коварные, и все они издевались над ним, подглядывали, насмехались.

А позади них неясным очертанием выделялся великий Спящий, такой, каким он был всегда — бог-гора, бог с изогнутым носом, по длине превышающем человеческий рост, бог с огромными кривыми зубами, величиной с полотнище хижины, бог с маленькими холодными глазками, которые казались вечно устремленными на смотрящего. А позади, в глубинах, терялось неизмеримое, необъятное тело, высотой, должно быть, словно три человека, если бы они стали друг другу на голову.

Да, это был бог!

Глядя на него, Ви мысленно представил себе, как в некий день бог пробудится, прошибет лед, вырвется на свободу и сбежит вниз по горе.

Ви поднялся с колен, робко подполз к самому леднику и заглянул в отверстие во льду. Он хотел тщательнее рассмотреть бога. Когда он стоял наклонившись, в ясном небе, над плечом горы, поднялось солнце и тепло засветило на ледник в первый раз за всю ту весну, вернее, за раннее лето. Лучи солнца упали в расщелину во льду, и Ви различил Спящего лучше, чем ему случалось видеть бога до сих пор.

Поистине Спящий был огромен. А вот позади него виднелось нечто подобное человеку, какой-то смутный образ, о котором Ви много раз слышал, но которого до сих пор никогда не видел. А может быть, это тень? Ничего наверняка Ви сказать не мог, потому что как раз в это мгновение солнце закрыло облаком, и неясный образ исчез.

* * *

Ви терпеливо стал пережидать, пока облако пройдет.

Его счастье, что он пережил. Как раз в то мгновение, когда он подумал было о том, чтобы вернуться вниз, огромная каменная глыба, лежавшая, очевидно, на самом гребне ледника, отделилась от своего подтаявшего фундамента и, грохоча, обрушилась вниз по глетчеру, перескочила через Ви и ударилась в то самое место, на котором он стоял, молясь. Ударилась, пробила яму в промерзлой земле, в порошок растерла волчью голову и затем огромными скачками понеслась дальше, к побережью.

— Спящий охранил меня, — пробормотал Ви, оборачиваясь, чтобы посмотреть вслед несущейся скале. — Остаюсь я там, где стоял, я был бы растерт в порошок так же, как волчья голова.

Затем он внезапно вспомнил, что скала — камень. И что камень упал в ответ на его молитву, что упавший камень — знак, которого он ожидал. Тогда он торопливо ушел прочь, дабы не свалился еще один камень и не принес бы своим падением не ответ богов, но угрозу раздавить собой Ви.

* * *

Пробежав несколько шагов по скату ледника, он добрался до ниши в горе и сел, зная, что здесь ему не грозят скатывающиеся камни. Его захватили какие-то смутные и неопределенные мысли.

— О чем это я спрашивал богов? Если камень упадет, я должен биться с Хенгой, или если камень упадет, я не должен биться с ним?

Вдруг он вспомнил. Понятно, он должен биться. И Аака всегда подговаривала его биться. Холод пробежал по всему его телу.

Понятно, легко говорить о битве с этим разъяренным великаном, но сразиться с ним — дело совсем не легкое. Но боги сказали свое слово, и он не смел не повиноваться приказу, о котором сам просил. И наверное, боги, спасшие его жизнь от скатившейся каменной глыбы, тем самым хотели показать ему, что Хенгу он одолеет. А впрочем, может быть, боги хотели сохранить его жизнь только затем, чтобы Хенга ради их удовольствия разорвал его в клочья. Ведь боги любят кровь. Ведь боги жестоки. И затем ведь боги — боги зла, и потому им должно быть приятно ниспослать победу злему человеку.

На все эти вопросы Ви ответить не мог. Поэтому он поднялся и медленно пошел к берегу, размышляя о том, что, наверное, в последний раз в жизни видел ледник и обитающих в нем Ледяных богов, в последний раз, потому что он сегодня вызовет Хенгу на бой и, значит, сегодня сразится с ним. А стало быть, ему уже не жить.

Возвращаясь, он прошел мимо места, где оставил убитого волка, взглянул на скалу и был поражен тем, что кто-то уже свежует зверя. Пальцы его сжались на рукоятке копья, ибо свежевать убитого другим зверя значило нарушать охотничий закон, значило красть убитое другим. В этот момент показалась голова свежующего. Ви улыбнулся, и пальцы его, сжимавшие рукоять копья, разжались. То был не вор. То был Паг, любивший его, его раб.

Странный вид был у Пага. Это был карлик с огромной головой,

косоглазый, широкогрудый, длиннорукий силач, но на толстых коротких ногах, не длиннее, чем ноги восьмилетнего ребенка. Он был безобразен, просто чудовищен, плосконосый и ширококоротый, но безобразное лицо в шрамах всегда было растянуто в насмешливую улыбку. О Паге рассказывали, что при рождении (то было немало времени тому назад, ибо юность Пага прошла) он был так безобразен, что мать бросила его в лесу, боясь, как бы отец, который в то время был на берегу и охотился за тюленями, не убил ее за то, что она принесла такого уродя; мать выбросила его, намереваясь сказать, что сын родился мертвым.

Но случилось, что отец, вернувшись и узнав об участи ребенка, отправился искать его труп, но нашел дитя живым, хотя один глаз у него вытек от удара о камень при падении и лицо было изорвано колючками. Но так как ребенок был первый и так как отец был человек мягкосердечный, он снес его назад в хижину и заставил мать выкормить его. Мать выкормила ребенка, но видно было, что она испугана, хотя никому не говорила чем, да и отец не рассказывал о том, в каких условиях нашел сына.

И так вышло, что Паг не умер, но остался жить.

Помня зло, которое причинила ему мать, он с малолетства стал женоненавистником. Большую часть своей жизни он проводил в лесу с волками, за что (а впрочем, говорят, тут были и другие причины) и был назван Человеком-Волком. Паг не только не умер, но вырос умнейшим во всем племени, ибо природа, создавшая его безобразным и отвратительным на вид, наградила его умом большим, чем у всех остальных в племени, и острым, злым языком, которым он преследовал всех женщин, нещадно издеваясь над ними.

За насмешки они ему платили полноценной ненавистью и сговорились погубить его. И вот наступило время голода, и все женщины племени убедили тогдашнего вождя, отца Хенги, что причина всех бед и злочлукений племени — Паг. И потому вождь изгнал Пага из племени, обрекши его на голодную смерть. Но, когда Паг уже умирал, Ви нашел его и привел к себе в хижину, где он и остался рабом, хотя Аака ненавидела его не меньше, чем все остальные женщины племени. Но закон гласил, что жизнь спасенного принадлежит спасителю.

В сущности же Паг был много больше, чем рабом. С того самого часа как Ви, невзирая на гнев женщин, привел к себе Пага, тот полюбил своего спасителя и хозяина больше, чем женщина любит своего первенца, больше, чем мужчина любит свою нареченную, и любовь укреплялась еще тем, что Ви защищал Пага и спасал его, сам рискуя навлечь на себя гнев вождя и

гнев своих одноплеменников, ибо женщины уже ликовали, что избавились от Пага и его злого языка.

С тех пор Паг стал тенью Ви, был готов ради него переносить какие угодно муки, готов был умереть ради него, готов был даже удержаться от шуточек и насмешек в адрес Ааки или какой-нибудь иной женщины, на которую Ви взглянул бы одобрительно. Впрочем, последнее было для Пага труднее всего: для того чтобы воздержаться от насмешек, ему приходилось до боли прикусывать себе язык. И так случилось, что Паг любил Ви, а Ви любил Пага, и потому Аака, ревнивая и завистливая, стала ненавидеть Пага еще больше, чем ненавидела его до того.

То, что Ви спас жизнь Пагу, изгнанному в самый злой холод на голодную смерть, изгнанному за то, что приносит несчастье, что сварлив и неуживчив, вызвало немало толков и суматохи. Но когда дело дошло до вождя, отца Хенги, человека мягкосердечного, он объявил, что раз Паг был дважды выброшен из племени и осужден на голодную смерть и дважды спасался и возвращался назад, ясно, что боги предрекли ему какую-нибудь иную кончину. Раз уж Ви подобрал его, Ви должен кормить его и смотреть за тем, чтобы Паг никому не причинял беды. Если же Ви нравится держать в своем жилище одноглазого волка, то это дело Ви.

Вскоре после того Хенга убил своего отца и стал вождем вместо него, так что дело с Пагом было позабыто. Паг остался в хижине Ви и жил с ним вместе. Ви и дети любили Пага, а Аака ненавидела его.

Глава II. Племя

— Хороший мех, — сказал Паг, указывая на волка окровавленным ножом. — Весна пришла поздно, и зверь еще не начал линять. Когда я выдублию его как следует, выйдет хороший плащ для Фо. А Фо очень нужен теплый плащ, даже летом. Ведь все прошлое лето он кашлял.

— Да, — тревожно сказал Ви, — кашель напал на него с тех пор, как он спрятался в холодной воде от гнавшегося за ним черного длиннозубого медведя. Мальчик знал, что медведи в воду не входят. Но за это, — добавил он, внезапно рассвирепев, — я убью того медведя. И Фо горюет по сестре.

— Да, Ви, — прохрипел Паг, и его единственный глаз загорелся ненавистью, — Фо горюет, Аака горюет, ты горюешь и даже я, Человек-Волк, горюю о ней. Почему ты звал меня с собой на охоту в тот день, хотя я хотел остаться дома и сердце мое чуяло грозящую беду? А я хотел остаться дома и присмотреть за Фоей, которую Аака отпустила побегать только потому, что я сказал ей, чтобы она не отпускала девочку далеко и следила за ней.

— Такова воля богов, Паг, — пробормотал Ви и отвернулся.

— Богов! Каких богов? Это воля не богов, а двуногой твари. Он зол, как сам тигр с саблевидными клыками, о котором нам рассказывали деды. Да, это воля не богов, всему виною Хенга, и способствовала ему раздражительность Ааки. Убей этого человека-тигра, Ви, и брось думать о черном медведе. А если ты не хочешь или не можешь убить Хенгу, предоставь это мне. Есть одна женщина, которая ненавидит его за то, что он отверг ее и сделал служанкой той, которую взял вместо нее. А яд я умею варить, отличный яд...

— Нет, это незаконно, — сказал Ви, — и такое убийство навлечет на нас проклятие. Но закон разрешает мне убить его, и я его убью. Об этом я и говорил с богами.

— Так вот, значит, куда делась волчья голова! Пошла на жертвоприношение! Понимаю. А что сказали тебе боги, Ви?

— Они подали мне знак. Все случилось так, как сказала Аака: если мне суждено биться с Хенгой, то с ледника упадет камень. Камень упал. Он чуть не задавил меня, но в то время я отошел от волчьей головы и приблизился ко льду, чтобы лучше разглядеть Спящего, величайшего из богов.

— По-моему, он вовсе не бог, Ви. Мне так кажется, что это просто

зверь неизвестной нам породы, зверь замерзший, а Тень позади Спящего — человек, который охотился за этим зверем. Они оба попали в снег и там умерли, а снег обратился в лед, и так пошел ледник.

Ви удивленно взглянул на него: мысль эта была ему совершенно нова.

— Как же может это быть, Паг? Ведь и Спящий и Тень в леднике были вечно. И наши праотцы помнят, что они были здесь, и такого зверя никто не видывал. И кроме нас вообще людей не существует.

— А ты в этом уверен, Ви? Мир велик. Если ты поднимешься на вершину холма, увидишь там, далеко, как только хватает глаз, другие холмы, а между ними виднеются равнины и леса. И далеко в две стороны идет море и немало заливов по морскому берегу. Отчего же в таком случае не должно быть больше людей на свете? Неужто боги создали только нас? Слишком мало нас одних для забавы им.

Ви только покачал головой в ответ на эти кощунственные рассуждения, а Паг продолжал:

— А то, что ты думаешь о камне, — часто ведь случается, что, когда солнце подточит лед, с гребня начинают идти трещины, и валуны сыплются с ледника. А все, что мы называем стенаниями и призывами богов, по-моему, просто треск льда, смерзающегося от сильного мороза, и лед подчас трещит, просто когда оседает под собственной тяжестью.

— Замолчи, Паг, — перебил его Ви, затыкая пальцами уши. — Я больше не хочу слушать твои безумные речи. Если боги услышат их, они нас покарают.

— Если люди услышат эти речи, они нас убьют. Ведь люди живут в страхе перед тем, чего не могут видеть, и рады спасти свои жизни ценой жизни другого. А что до богов — вот им.

И Паг показал леднику кукиш, необычайно древний знак презрения.

Ви был так подавлен этими словами и поступком, что уселся на камень, будучи не в силах отвечать, а Паг, первый скептик, продолжал:

— Если уж мне пришлось выбирать себе бога, — а, на мой взгляд, люди и так достаточно злы, и незачем было ставить на ними кого-нибудь еще злее, — я выбрал бы себе богом солнце. Солнце дает жизнь; когда солнце сияет, все растет, и все живые существа сходятся в пары, и птицы кладут яйца, и тюлени приплывают сюда выращивать приплод, и цветут цветы. А когда нет солнца, а есть только мороз и снег, все существа или умирают, или уходят прочь отсюда, и жить становится трудно, и волки и медведи боятся голода и пожирают людей. Да, я выбрал бы себе солнце добрым богом, а мороз и черную тьму — злыми богами. Но послушай, Ви! Как же быть с Хенгой? Ты вызовешь его на бой?

— Да, — последовал свирепый ответ, — сегодня же.

— О, если бы ты победил! Если б ты убил его! Поразил бы так, и так, и так!

И Паг вонзал кремневый нож в брюхо убитого волка.

— Да, — задумчиво добавил он, — дело это нелегкое. Мне никогда не приходилось слышать ни об одном человеке столь же сильным, как Хенга. Прав Нгай, который называет себя волшебником, а на самом деле только лжец и обманщик, прав, говоря, что мать Хенги ошиблась. Нгай говорит, что она хотела принести двойню, но только дети в ее утробе смешались, и вышел один Хенга. Ведь он прямо двойной: у него зубы во рту в два ряда, и он вдвое выше ростом, чем все люди, и злее всех, побольше даже чем вдвое. Впрочем, он, несомненно, человек, а не то, что ты называешь богом: ведь он жиреет и становится все более тяжел на подъем, и волосы его начинают седеть. Значит, его можно убить. Значит, его может убить всякий, у кого хватит силы проломить его толстый череп. Собственно, я бы предпочел отравить его, но ты говоришь, что этого делать нельзя. Ну, я обдумаю все, и мы с тобой еще поговорим перед боем. А пока что — наверное, потом нас будут окружать болтливые бабы, так что не удастся толком поговорить — скажи мне, Ви, что я должен делать, если Хенга убьет тебя? Наверное, тебе вовсе не хочется, чтобы он взял себе в жены Ааку, как он давно собирается сделать, и чтобы он превратил Фо в раба?

— Вовсе не хочется.

— В таком случае прикажи мне убить их или присмотреть за тем, чтобы они сами убили себя.

— Приказываю тебе это, Паг.

— Хорошо. А что должен делать я?

— Не знаю, — устало ответил Ви. — Поступай как тебе заблагорассудится. Я благодарю тебя и желаю тебе добра.

Паг поднял край наполовину содранной с волка шкуры, отер свой единственный глаз и сказал:

— Ты недобр ко мне, Ви. Правда, меня называют Дважды Выброшенный, и Человек-Волк, и Безобразный, и Злоязычный, но ведь я всегда верно служил тебе. А тебе безразлично, что станет со мной.

* * *

Со свеживанием волка было покончено, и Паг накинул себе на плечи окровавленную шкуру. Она висела шерстью наружу, так как, по словам Пага, не нужно было давать ей сморщиться, а несколько капель крови ему не мешают. И оба, больше не разговаривая, пошли вниз к берегу; впереди шествовал подвижный, стройный и рослый Ви, за ним ковылял на коротких ногах безобразный Паг.

Растянувшись на побережье на большое расстояние, стояло много грубых зданий, похожих на теперешние индейские вигвамы или на грубые хижины, какие строят австралийские дикари. Возле хижин бродили и валялись остромордые, длинношерстые, хмурые и крупные звери, которых современный человек принял бы скорее за волков, чем за собак. Родоначальниками их и вправду были волки, но сколько поколений тому назад, сказать невозможно. Эти же звери были более или менее ручными и являлись, пожалуй, самым ценным достоянием племени, которое с их помощью отпугивало настоящих хищных волков и других диких зверей, блуждавших по побережью и в лесах.

Как только эти звери увидели Ви и Пага, они яростно бросились вперед, разинув пасти и свирепо рыча, но, зачуяв знакомый запах, немедленно успокоились, и в большинстве своем вернулись к хижинам, откуда прибежали. Только несколько животных, принадлежавших лично Ви и бывших у него в хижине, не отставали, виляли хвостами, прыгали на Ви и старались облизать его лицо. Он погладил по голове одну из собак, большого пса Ио, своего любимого спутника на охоте, и немедленно остальные собаки ревниво набросились на Ио. Пагу стоило немалого труда растащить их.

Шум собачьей грызни привлек внимание племени, и немало народу выглянуло из хижин, чтобы узнать, в чем причина свалки.

То были люди со свирепыми лицами, все темноволосые, подобно Ви, Впрочем, ниже его ростом и не так крепко сложенные. Все члены племени были, в общем, похожи друг на друга — результат перекрестных браков на протяжении бесчисленного множества поколений. Если бы чужестранец пришел в племя, ему, наверно, пришлось бы отличать людей друг от друга скорее всего по возрасту, но так как сюда не попадал никакой иностранец, то все это было неважно, потому что соплеменники легко улавливали незаметную для посторонних разницу.

У большинства людей лица были измождены и покрыты ранними морщинами, показывающими, что эти люди хорошо знакомы с голодом, холодом и нуждой. У многих, как и у Ви, были прекрасные глаза, но глаза эти были точно поражены ужасом, и взоры бегали нерешительно, как бы

украдкой. Детей в племени было немного. Дети держались вместе одной кучкой, очевидно для того, чтобы не попадаться под ноги старшим и тем избежать пинков; или же они бродили вокруг костров, на которых жарилась пища, насаженная на вертела (племя не очень много умело вообще, не знало ремесел и даже пищу готовило примитивным способом и не обладало никакой кухонной утварью), по большей части тюленье мясо. Дети блуждали вокруг костров попеременно с собаками, стараясь, когда никто не увидит, урвать кусок мяса. Только несколько младенцев, сидя на песке, играли палочками и ракушками. Женщины на вид были еще более удручены, чем мужчины. Впрочем, это было вполне понятно: женщины были на положении рабов, и они делали тяжелую работу и служили своим повелителям, взявшим их в жены либо силой, либо в обмен на другую женщину, либо же за выкуп теми ценностями, которые знало племя, — костяными крючками для ужения, кремневым оружием, веревками из сухожилий и выделанными шкурами.

Среди этих представителей первобытного человечества (не нужно забывать, что таковы были наши предки) пробирался к своей хижине Ви, сопровождаемый Пагом.

Хижина Ви была больше и опрятнее прочих. Шесты, на которые натягивались шкуры, были связаны наверху, обтесаны, и выдубленные звериные кожи покрывали крышу, сделанную из сушеных листьев и водорослей; эта крыша прекрасно предохраняла от холода.

По всему было видно, что с Ви в племени считаются: все встречные расступались перед ним, и не одна женщина сочувственно глядела ему вслед, так как у всех еще было свежо в памяти, как Хенга всего несколько дней назад похитил его дочь и убил ее. Одна из женщин напомнила об этом другой, но та (она была старше, и трудная жизнь приучила ее к равнодушию) ответила, как только Ви отошел достаточно далеко, чтобы можно было не опасаться быть услышанной:

— А кому какое до этого дело? Будущей зимой одним ртом на прокорм будет меньше. Да и кому охота воспитывать дочерей, чтобы с ними стало то же, что с нами?

Несколько молодых женщин — в племени девушек не было, как только девочка подрастала, ее сейчас же кто-нибудь брал себе в жены — окружили Пага и, будучи не в силах сдержать любопытство, принялись расспрашивать его о волчьей шкуре у него на плечах. Но Паг был верен себе; он огрызнулся, что им незачем вмешиваться в чужие дела, а следует позаботиться о своих, и сказал, чтобы они работали, а не шлялись даром. Женщины рассердились, стали ругать его, дразнить, смеяться над его

безобразным видом и корчить рожи. Тогда Паг науськал на них собаку, и они разбежались.

Ви и Паг подошли к хижине Ви.

Когда они приблизились, закрывавшая вход завеса распахнулась, и из хижины выбежал мальчик лет десяти. Мальчик красивый, но несколько худощавый, с оживленным сияющим лицом и совсем непохожий на своих однолеток.

Фо бросился к отцу на шею и закричал:

— Мать заставила меня есть в хижине, потому что холодный ветер, а я все еще кашляю. Но я услышал твои шаги и походку Пага; ведь, знаешь, он ступает, точно тюлень переваливается на плавниках. Где ты был, отец? Утром я проснулся и не нашел тебя.

— Я был у обиталища богов, — ответил Ви, взглянув по направлению к леднику, и поцеловал сына.

В это мгновение Фо заметил огромную волчью шкуру, свисавшую до земли с плеч Пага. Со шкуры все еще струилась кровь.

— Где вы добыли эту шкуру? — закричал он. — Какая красота! Вот это волк — всем волкам волк! Это ты убил его, Паг?

— Нет, Фо, я только освежевал его. Учись быть наблюдательным. Взгляни на копые отца. Весь наконечник его окровавлен, на рукояти запекшаяся кровь.

— Но твой нож, Паг, тоже окровавлен, и ты весь окровавлен, с головы до пят. Откуда же мне узнать, кто из вас убил волка, когда вы оба такие храбрые? А что вы собираетесь делать со шкурой?

— Из нее мы сделаем для тебя плащ, Фо. Я сделаю его искусно, так, что когти останутся в лапах, но отчищу их так, что, когда ты запахнешься в плащ, когти будут сиять.

— Очень хорошо. Сделай это поскорее, Паг. Ведь плащ будет теплый, а сейчас дуют такие холодные ветры. Отец, зайдем в хижину; еда ждет тебя, и ты расскажешь мне, как убил волка.

Фо схватил Ви за руку и потащил его за собой за завесу из дубленых шкур, а Паг и собаки ушли в пристроечку позади хижины, где жил карлик.

Хижина была длинная, футов в шестнадцать, и футов в двенадцать шириной. Посередине в глиняном очаге горел огонь, и дым поднимался к отверстию в потолке; впрочем, так как утро было тихое, дым выходил в вытяжное отверстие не весь, и воздух в хижине был тяжелый и удушливый. Но Ви, привычный к этой обстановке, даже не заметил духоты.

По ту сторону очага стояла Аака, жена Ви, одетая в юбку из тюленьей шкуры, скрепленную завязками под грудью; в хижине было тепло, и

потому на Ааке не было плаща. Это была стройная, статная женщина лет тридцати; ее густые черные волосы свисали четырьмя пышными косами, завязанными на конце узлами из травы и сухожилий. Кожа Ааки была светлее, нежели кожа большинства женщин племени; кожа у нее, в сущности, была даже белая, только обветрившаяся от сурового климата; лицо было несколько широкое, но красивое и тонкое. Правда, физиономист подметил бы некоторую сварливость. Подобно всем ее соплеменницам, у Ааки были большие и печальные темные глаза. Она стояла у очага и жарила на заостренных палочках полоски мяса.

Когда Ви вошел, она посмотрела на него любопытствующим и испытующим взглядом, точно пытаясь прочесть его мысли, затем улыбнулась несколько смущенно и пододвинула обрубок дерева. Больше Ви не на что было сесть, так как племя не знало мебели, даже самой примитивной. Подчас случалось пользоваться вместо стола каким-нибудь большим плоским камнем или применять вместо вилки раздвоенный прутик, но дальше этого никто в племени не шел, да и импровизированная вилка выбрасывалась после употребления и о ней забывали. Так, вместо кроватей использовались охапки сушеных водорослей, брошенных на пол и накрытых какими-нибудь шкурами; для освещения служили большие раковины, наполненные тюленьим жиром, в котором плавал скрученный из мха фитилек.

Ви присел на обрубок, и Аака подала ему одну из палочек, на которую был насажен большой кусок потрескивающего тюленьего мяса, полусырого, прокопченного дымом, а в одном месте даже обугленного. Аака подала мужу мясо и стала рядом в покорной позе, ожидая приказаний, в то время как Ви пожирал мясо с манерой, которую мы бы элегантно ни в коем случае не назвали.

Затем Фо скромно и робко вытащил из какого-то укромного уголка хижины что-то завернутое в широкий древесный лист, развернул узел и опустил его наземь. В узле оказалась растертая в мелкий порошок, чуть коричневатая пыль — мальчик тщательно соскреб ее со скал, с которых испарилась морская вода. Как-то Ви случайно пришлось примешать к пище этот самый порошок, и оказалось, что от примеси пища становится намного вкуснее. Таким образом Ви открыл для своего племени соль; впрочем, соплеменники его считали соль роскошным нововведением, которым вряд ли надлежит пользоваться. Но у Ви взгляды были более широкие, чем у остальных, и Фо было поручено собирать порошок; прежде это входило в обязанности его сестры Фои. За этим занятием ее и захватил убийца Хенга.

Вспомнив это, Ви отстранил лист с его содержимым, но затем, увидев обиженное выражение лица мальчика, снова придвинул лист к себе и опустил мясо на его содержимое.

Наевшись досыта, Ви знаком разрешил Ааке и Фо съесть оставшееся мясо, на которое они жадно набросились, так как ничего не ели с самого вечера. Дело в том, что закон не позволял членам семьи есть, прежде чем не насытится глава ее. Напоследок Ви взял ломоть провяленной на солнце трески, такой твердой, что ни один современный человек не мог бы даже укусить ее. На сладкое пошла пригоршня диких слив, которые Фо нашел где-то в холмах, а Аака испекла в золе.

По окончании еды Ви приказал Фо снести остатки Пагу и остаться в пристройке, покуда его не позовут. Затем он выпил немало ключевой воды, которую Аака собирала в большие раковины и в камень (самое ценное ее имущество), который ледником был выдолблен в форме горшка и обтесан трением о другие камни. Он напился воды, потому что пить больше было нечего, хотя осенью Аака угощала его чем-то вроде чая: она варила какую-то известную ей траву в раковине, и настойку этой травы все пили и нахваливали за тепло и бодрящее действие. Но трава эта цвела только осенью, и до сих пор никому в голову не приходило собирать ее и сушить. Таким образом, потребление первого известного людям яда было поневоле ограничено, что, впрочем, шло только на пользу.

Напившись воды, Ви задернул шкуры, висевшие у входа, и скрепил их, протянув шнурок в специально проделанные для этого петли. Затем он уселся на свой обрубок.

— Что сказали боги? — торопливо спросила Аака. — Они ответили на твою молитву?

— Да, женщина, ответили. На восходе солнца с гребня ледника упала скала и раздавила мое жертвоприношение, так что лед воспринял его.

— Какое приношение?

— Голову волка, которого я убил по пути к леднику. Аака подумала некоторое время и сказала:

— Сердце подсказывает мне, что примета эта добрая. Волк этот — Хенга, и ты убьешь Хенгу подобно тому, как ты убил волка. Я слыхала, что шкура волка предназначена на плащ для Фо. Это добрая примета, ибо она обозначает, что в некий день власть и звание вождя, которыми сейчас наделен Хенга, перейдут к Фо. И, наконец, если ты убьешь Хенгу, Фо останется в живых. Если же в живых будет Хенга, то Фо умрет, как умерла Фоя.

Ви слушал, и лицо его становилось все светлей.

— Твои слова дают мне силу. А теперь я пойду созову племя и объявлю ему, что вызываю Хенгу на смертный бой.

— Ступай, — ответила она, — но выслушай меня, муж мой. Сражайся без страха, ибо, если мое толкование примет и предвещаний неверно и Хенга убьет тебя — что тогда? Скоро мы все умрем. Часть умрет медленно от голода, холода, старости и болезней, но смерть от руки Хенги скорая и легкая. Но если ты будешь убит, то и мы умрем — умрем скоро, очень скоро.

Ви встал и вышел из хижины. Аака смотрела ему вслед и бормотала про себя:

— Быть может, все мои мысли о предвещаниях вздор. Значит, я обезумела. Но я безумна от горя по Фое и страха за Фо. И я должна дожить до того дня, до того часа, когда Ви выбьет ударом секиры мозги из толстого черепа Хенги. А если Ви будет убит, то я вместе с Пагом отравлю Хенгу. Говорят, что Паг — волк. Я ненавижу Пага, и Ви слишком много думает о нем. Но что мне до того, волк ли Паг или какое иное чудище? Он любит Ви, любит моих детей и поможет мне отомстить Хенге.

* * *

И тут она услышала, как трубит рог дикого буйвола, служивший сигналом для племени. Значит, Вини-Вини, прозванный Трясучкой, потому что дрожал, как медуза, даже когда его ничто не пугало (а это бывало очень редко), созывает племя для общего обсуждения новостей. Аака, зная, какие новости сообщат племени, поднялась, накинула плащ и пошла на звук рога к Месту Сборищ.

Здесь, на ровном месте, на некотором расстоянии от хижин, шагах в двухстах от скалистого отрога горы, собиралось все племя, все мужчины и все женщины, кроме тех, которые были слишком больны или слишком стары, чтобы прийти, и все дети, кроме тех, которые лежали в колыбели. Собираясь, люди возбужденно болтали друг с другом, радуясь тому, что случилось что-то, что нарушает ужасающее однообразие жизни. Время от времени идущие указывали на вход в большую пещеру, видневшуюся в скалах расположенного у Места Сборищ горного отрога. В этой пещере жил Хенга, ибо с незапамятных времен здесь находилось жилище вождя племени, в которое никто не смел вступать без разрешения. Жилище это

было священно и неприступно, подобно нынешним дворцам.

Аака шла, чувствуя, что за ней внимательно следят ее одноплеменники. И она знала, почему так внимательно следят за нею, но делала вид, что не замечает пристальных взглядов. Дело было в том, что она жила с Ви, а пронесся слух, что Ви Могучий, Ви Великий Охотник, Ви, чью дочь на днях убили, собирается сделать что-то необычайное; впрочем, что именно — этого никто не знал наверняка.

Все хотели спросить Ааку, но в выражении ее лица было что-то, в связи с чем никто не решался обратиться к ней; и глаза ее были холодны и неподвижны, и все чуточку побаивались ее. И так она шла одна, окруженная почтительным отдалением, и искала глазами Фо. Вскоре она заметила его в обществе Пага. На плечах карлика по-прежнему висела пахучая волчья шкура, хвост которой — так как Паг ростом был мал — волочился по земле. Аака заметила, что народ расступился, пропуская Пага. Но она знала, что это делают не потому, что любят его или уважают, а только потому, что боятся.

— Погляди, — сказала неподалеку от Ааки какая-то женщина другой, — вон идет наш ненавистник, злоязычный Паг.

— Да, — ответила та, — и он так торопится, что даже позабыл снять с себя волчье обличье, в котором охотился прошлую ночь. Слыхала ты, что у жены Бука пропал трехлетний ребенок? Говорят, что его унесли медведи, но мне сдается, что Человек-Волк знает, что случилось с ребенком, лучше, чем кто бы то ни было.

— Однако Фо не боится его. Смотри, Фо идет с ним рядом, держит его за руку и смеется.

— Ну, это-то понятно, что Фо его не боится, ведь...

Тут женщина заметила Ааку и сразу же замолчала.

«Хотела бы я знать, — размышляла Аака, — потому ли мы, женщины, ненавидим Пага, что он уродлив и ненавидит нас, или потому, что он умнее, чем мы, и всегда побеждает в словесных поединках. И хотела бы знать, почему это все считают, что он наполовину волк или волчий оборотень. Должно быть, потому, что он охотился вместе с Ви. Но как это может человек быть человеком и волком одновременно? Впрочем, одно-то уж в этих рассказах чистая правда: то, что у него какие-то дела — не дела, а что-то с волками есть. А может, он сам об этом нарочно рассказывает, для того чтобы все мы боялись его».

Наконец она пришла на Место Сборищ и стала по соседству с Фо и Пагом. Племя расположилось, стоя или лежа, кольцом вокруг ровно утрамбованной площадки, на которой племя иногда плясало, когда пищи

бывало достаточно и погода стояла теплая. Эта же площадка служила и местом советов. На этом месте юноши сражались и боролись за право завладеть девушкой, которую избирали себе в жены.

С одной стороны кольца (в сущности, это был скорее овал, нежели круг) рядом с Вини-Вини Трясучкой, который время от времени все еще трубил в свой рог, стояли некоторые старейшины племени. Это были: старый Тури Скрыга, хранитель пищи, который всегда бывал толст и жирен, как ни тощало племя; Пито-Кити Несчастливый, которому всегда не везло, у которого рыба всегда сгнивала, которого покидали жены, чьи дети умирали, чьи сети всегда рвались, так что его кормили другие, боясь, как бы он не умер и не передал своего невезения тем, кто не заботился о нем; Уока Злой Вещун, бледнолицый и остроскулый мужчина, который каркал и грозился грядущими бедствиями; Хоу Непостоянный, склоняющийся то на одну, то на другую сторону, колеблющийся точно лист под ветром, всегда опровергающий то, что говорил накануне; Рахи Богатый, торговавший каменными топорами и крючками для ужения и благодаря этому живший хорошо без всякого труда; толстопузый Хотоа Заика, который всегда говорил медленно, но предпочитал молчать, покуда вопрос не будет разрешен, а когда вопрос бывал разрешен, он громко выкрикивал решение и делал при этом мудрое лицо; Тарен, которая жила с Нгаем, жрецом Ледяных богов, волшебником, гадавшим на раковинах, предсказывавшим будущее и выползавшим из своей норы только когда приближалась какая-нибудь беда.

И, наконец, там стоял Моананга Отважный, младший брат Ви, Великий Боец, который сражался с шестью людьми и добился наконец своего — завладел Таной Прекрасной И Любящей, самой красивой женщиной племени, Моананга, который убил двух людей, пытавшихся силой похитить у него Тану. Это был круглоглазый человек со смеющимся лицом, вспыльчивый, но отходчивый и добродушный, и он был первым охотником в племени после Ви. К тому же он любил Ви и держался всегда вместе с ним, так что вместе они были — одно целое. И вот поэтому-то Хенга, вождь, ненавидел их обоих и знал, что вдвоем они сильнее, нежели он.

Все эти люди разговаривали, наклонив головы друг к другу, перешептывались, пока не появился Ви, рослый, мощный, молчаливый. Едва увидев его, все сразу умолкли.

Ви оглядел собравшихся, медленно всматриваясь каждому в лицо, и затем произнес:

— Я хочу сказать племени.

— Мы слушаем тебя, — ответил Моананга.

— Внимайте же, — заговорил Ви. — Есть закон, по которому каждый в племени вправе вызывать вождя на смертный бой. И по этому закону, если вызвавший убьет вождя, то сам становится вождем.

— Такой закон существует, — заявил Урк, старый колдун, который делал для женщин талисманы и варил любовные зелья, а долгими зимними вечерами рассказывал повести о том, что случилось давным-давно, еще прежде, чем родился дед его деда; то были повести диковинные и непонятные. — Такой закон существует. Дважды в моей жизни случалась смена вождя, второй раз это было, когда Хенга вызвал и убил своего отца и сам занял пещеру.

— Да, — прибавил Уока Злой Вещун, — но если вызывающий потерпит поражение, то убивают не только его, но и всю его семью... — тут он взглянул на Ааку и Фо... — А также, возможно, его друга или брата, — и он взглянул на Моанангу. — Да, таков закон, и в том нет сомнений. Пещера принадлежит только вождю, и то, если он может защитить ее собственными своими руками. А если восстанет кто-нибудь, кто сильнее, нежели вождь, он может убить вождя и забрать себе и пещеру, и женщин, и детей, если там есть дети, и убить их или превратить в рабов, и владычествовать до тех пор, покуда силы его не начнут убывать и более сильный, чем он, не убьет его.

— Я знаю это, — сказал Ви. — Внемлите же вновь. Хенга причинил мне зло: он похитил и убил дочь мою, Фою. Поэтому я хочу убить его. И он правит племенем свирепо и жестоко. Ничья жена, ничья дочь, ничья одежда, ничья пища не укрыты от Хенги. Его жестокость такова, что прогневила богов. Вот и лета уже у нас холодные, и весна не приходит. Почему бы это? Я говорю, что виной тому — жестокость Хенги. Поэтому я убью его и займу пещеру и буду править мягко, так что у каждого будет пищи вдоволь и каждый сможет спокойно спать в своей хижине. Что вы ответите мне?

Заговорил Вини-Вини Трясучка, содрогаясь всем телом:

— Мы отвечаем, что ты можешь делать все что хочешь, Ви, но мы в это дело не вмешиваемся. Если же мы вмешаемся, то, когда тебя убьют — а я не сомневаюсь в том, что тебя убьют, ибо Хенга сильнее, нежели ты, да, сильнее, ибо он тигр, ибо он буйвол лесной, ибо он рычащий медведь, — тогда он убьет также и нас. Поступай как знаешь и делай что хочешь, но делай все один. Мы поворачиваемся к тебе спинами, мы затыкаем большими пальцами себе уши, мы закрываем глаза ладонями и не видим ничего.

Паг плюнул наземь и сказал низким, ворчащим голосом, который, казалось, выходил у него не изо рта, а из чрева:

— А мне кажется, что ты увидишь кое-что в некоторую ночь, когда звезды будут ярко сиять. Я думаю, Вини-Вини Трясучка, что наступит ночь, когда ты увидишь кое-что такое, от чего так затрясешься, что развалишься на куски.

— Это Человек-Волк, — завизжал Вини-Вини, — защитите меня. Почему Человек-Волк угрожает мне здесь, на Месте Сборищ, где мы обсуждаем целым племенем слова Великого Охотника Ви?

Никто не отвечал, потому что многие боялись Пага, и все, вплоть до последней рабыни, презирали труса Вини-Вини Трясучку.

— Не обращай внимания на слова этого жалкого труса, брат, — сказал круглолицый Моананга, — я пройду с тобой до входа в пещеру, когда ты будешь вызывать Хенгу, и я думаю, что многие пойдут с тобой, дабы быть свидетелями вызова, ибо таков обычай и таков закон. Пускай те, кто не хочет идти, остаются позади. Ты сам рассудишь, как поступить с ними, когда станешь вождем и будешь править нами и жить в пещере.

— Благодарю тебя за смелые речи, брат, — ответил Ви, — пойдём.

Глава III. Секира, которую сделал Паг

Когда вопрос был таким образом улажен, стали судить и рядить о том, как послать вождю Хенге вызов, сделанный Ви. Престарелого Урка заставили рассказать, как поступали в таких случаях прежде, и старик стал говорить длинно и путано, то и дело противореча только что сказанному. Наконец вскочил Хоу Непостоянный и заявил, что он-то ничего не боится и готов предводительствовать. Впрочем, он тут же немедленно отказался от своих слов и заявил, что вспомнил: эта обязанность по праву лежит на Вини-Вини Трубаче, который обязан трижды протрубить возле устья пещеры и тем вызвать вождя. На это все согласились с криком и шумом, возможно потому, что даже их первобытному сознанию было присуще чувство юмора.

Вини-Вини, как он ни протестовал, заставили идти впереди и трубить.

Итак, процессия тронулась. Первым шел Вини-Вини, вплотную за ним Паг, по-прежнему в окровавленной волчьей шкуре; чтобы Вини-Вини не сбивался с пути, Паг время от времени покалывал его в спину острым кремневым ножом. Затем шли сам Ви и его брат Моананга, а уже позади них старейшины и все племя. Так, по крайней мере, тронулись они в путь, чтобы пройти приблизительно триста шагов, отделявших их от скалы, но еще прежде, чем дошли они до пещеры, большинство стало отставать, так что процессия растянулась длинным хвостом от Места Сборищ до обиталища Хенги.

По существу, налицо оставались только Вини-Вини, которому никак не удавалось улизнуть от Пага, Ви, Моананга и в некотором отдалении Уока Злой Вещун, который бесконечным потоком слов сулил всем беды. Рядом с ним отважно шла Аака, с ненавистью глядя на его перекошенное лицо. Храбрейшие из остальных, гонимые любопытством, держались на расстоянии достаточном, чтобы слышать, что происходит, но большинство предпочло остаться в отдалении или спрятаться.

— Труби! — проворчал Паг Вини-Вини. Тот заколебался, и Паг уколол его в спину ножом.

Тогда Вини-Вини затрубил робко и нерешительно.

— Труби снова! — повторил Паг.

Вини-Вини приложил рог к губам, но не успел еще перевести дыхание, как огромный камень выкатился из пещеры и ударил его в живот; Вини-Вини свалился, скуля и пыхтя.

— Теперь, по крайней мере, у тебя есть законная причина дрожать, — сказал Паг и заковылял в сторону, чтобы не быть ушибленным следующим камнем.

Но следующий камень не был брошен. Вместо него из пещеры с ревом выскочил дюжий волосатый темнолицый мужчина, размахивая огромной деревянной дубиной. Это был сам Хенга: рослый, сильный, широкоплечий, лет сорока, с грудью как у быка, огромной головой, с которой на плечи падали длинные черные волосы, и широким, толстогубым ртом, откуда выступали желтые клыкообразные зубы. На плечах у Хенги болталась шкура пещерного тигра — одеяние, соответствующее его званию, — и на шею было надето ожерелье из тигровых когтей и зубов.

— Кто послал этого пса тревожить мой покой? — скорее прорычал, чем прокричал он, указывая дубиной на корчившегося на земле Вини-Вини.

— Я, — ответил Ви. — Я и все племя. — Я, Ви, чье дитя ты убил, — смело продолжал он, — в присутствии всего народа явился вызвать тебя, вождь, на бой, на который ты должен выйти согласно закону. И победитель будет вождем племени.

Хенга сразу притих и взглянул на него в упор.

— Вот, значит, как? — спросил он голосом, шипящим от ненависти. — Знай, что я надеялся довести тебя до этого, и для того чтобы подтолкнуть тебя, я и убил твое отродье и убью второго твоего детеныша.

Он взглядом указал на стоящего в отдалении Фо.

— Ты уже давно надоедаешь мне, Ви, болтовней и угрозами, и я все собираюсь положить им конец. А теперь скажи мне, когда народ хочет полюбоваться на то, как я переломлю тебе кости?

— За час до захода солнца мы встретимся. Мне хочется уже эту ночь спать в пещере, как приличествует вождю племени, — спокойно возразил Ви.

Хенга засверкал на него глазами, покусывая губу, и затем сказал:

— Да будет так, пес. Я явлюсь готовый на Место Сборищ за час до захода солнца. Но только эту ночь проведешь в пещере не ты. Аака будет спать в пещере эту ночь, а ты будешь спать в брюхе у волков, а теперь прочь, ибо мне прислали лосося, первого пойманного в этом году лосося, и я хочу поскорее съесть его.

Тогда заговорила Аака:

— Ешь досыта, злой дух, убийца детей! Ешь досыта, ибо я, мать, говорю тебе, что это твоя последняя трапеза.

Хенга, хрипло смеясь, вернулся в пещеру, а Ви со спутниками ушел.

— Кто бы это мог послать Хенге лосося? — лениво спросил Моананга.

— Я, — ответил шедший рядом с ним Паг вполголоса, так, чтобы не услышал Ви. — Я этой ночью поймал его и послал Хенге. То есть, вернее, сделал так, что лосося положили на камень возле устья пещеры.

— Зачем это? — спросил Моананга.

— Потому что Хенга любит лососей и уж непременно съест первого лосося, который пойман в этом году. Он съест рыбу всю, без остатка, и отяжелеет перед началом боя.

— Это умно. Мне бы это никогда в голову не пришло, — сказал Моананга. — Но откуда ты узнал, что Ви вызовет Хенгу?

— Этого не знали ни я, ни Ви. Но я догадывался об этом: ведь Аака послала его просить совета у богов. Когда женщина посылает мужчину просить совета у богов, совет этот всегда будет именно таким, какого она хочет. По крайней мере, она в этом убедит мужчину, и мужчина ей поверит.

— А это еще умнее, — произнес Моананга, внимательно и удивленно круглыми глазами глядя на карлика. — Но почему это Аака хочет, чтобы Ви сражался с Хенгой?

— По двум причинам. Во-первых, она хочет отомстить за убитую девочку, во-вторых, она считает, что Ви сильнее Хенги и что она таким образом станет женой вождя племени. Впрочем, в последнем она еще не вполне уверена; я думаю так потому, что она условилась с Ви, что в том случае, если Ви будет убит, я должен убить ее и Фо. Затем мне предстоит покончить с самим собой. А может быть, я с собой покончу не сразу, а только после того, как убью или, по крайней мере, попытаюсь убить Хенгу.

— Значит, что же? Ты потом будешь вождем племени? — удивленно спросил Моананга.

— Может быть, некоторое время буду. Хорошо, если оплеванный и униженный будет плевать и унижать тех, кто раньше издевался над ним. Но ты — брат Ви и любишь его, и тебе я могу сказать, что, если Ви будет убит, я ненамного переживу его, потому что нет на свете человека, кроме разве что Фо, кого я любил бы так же, как люблю Ви. Я вождем не буду; вождем будешь ты, Моананга. А я исчезну, хотя, быть может, впоследствии ты будешь слышать, как зимними ночами я буду выть вокруг хижин, выть вместе с волками, моими родичами, как говорят дураки.

Моананга снова удивленно уставился на мрачного карлика, чьи речи пугали его. Затем, чтобы переменить разговор, он спросил:

— А кто, по-твоему, победит?

Паг остановился и указал на море.

На некотором расстоянии от берега шла яростная борьба между

хищной акулой и китом. Грозная акула загнала кита на мелкое место, где кит беспомощно плескался, бессильно пытаясь ускользнуть. Морской волк — так племя называло акулу — высоко подпрыгивал и, падая снова в воду, ударял кита по голове своим ужасающим мечеобразным хвостом; удары гулко разносились по побережью. Кит корчился в агонии, взбивал воду и пенил ее громадными плавниками, но ничего не мог сделать, хотя был и сильнее, и больше акулы. Вот уже он стал задыхаться и разевал огромную пасть, и тогда хищник влетел ему в глотку, ухватил кита за язык и вырвал его. Тогда кит перевернулся на спину и стал истекать кровью.

— Взгляни, — сказал Паг. — Вот Хенга, огромный и могучий. И вот Ви, проворный и ловкий. И вот Ви одержал победу и до отвала наестся китовым мясом и накормит им всех своих друзей. Вот тебе мой ответ. А теперь я иду готовить Ви к битве.

* * *

Паг вошел в хижину и отослал Ааку и Фо, чтобы остаться наедине с Ви. Затем снял плащ с Ви, уложил его и натер ему все тело тюленьим жиром. Затем острым кремнем и тонко отточенной раковиной медленно и с трудом обрезаю волосы, покуда их не осталось так мало, что Хенге не за что было ухватиться, да и самые остатки волос он натер тюленьим жиром. Затем он посоветовал Ви поспать и ушел, унося с собой каменный топор Ви, копье, которым Ви убил волка, и кремневый нож с рукоятью из двух плоских кусков дельфиньего зуба.

На пороге хижины он встретил Ааку, которая сердито бродила у входа. Она попыталась войти в хижину.

— Нет, — сказал Паг, — нельзя.

— Почему?

— Потому что Ви отдыхает и ему не нужно мешать.

— Значит, безобразное чудище, всем ненавистный Человек-Волк, живущий только из милости, может входить в хижину к моему супругу, а я, его жена, не могу! — яростно воскликнула она.

— Да, не можешь, ибо сейчас ему предстоит мужское дело, ибо сейчас ему предстоит убить врага или быть убитым им, и нечего женщинам подходить к нему, покуда дело не сделано.

— Ты говоришь так потому, что ненавидишь женщин, которые на тебя

даже взглянуть не хотят.

— Я говорю это потому, что женщины ослабляют мужчин, потому что женщины жалкими словами убивают в них мужество.

Она отпрыгнула в сторону, чтобы проскочить мимо него, но Паг также отпрыгнул и занес копье. Тогда Аака остановилась, потому что боялась карлика.

— Слушай, — сказал он, — ты напрасно бранишь меня и упрекаешь, Аака, я — друг тебе. Но я не виню тебя в ненависти ко мне, ибо знаю причину этой ненависти. Ты ревнуешь ко мне Ви и ревнуешь ко мне Фо; ведь оба они любят меня больше, чем тебя, хотя любят совсем по-другому.

— Любят тебя, выкидыша, уroda?!

— Да, Аака. Ты, очевидно, не знаешь, что любовь бывает различная. Бывает любовь мужчины к женщине, которая никогда не изменяется. Повторяю тебе, что ты ревнуешь. Еще сегодня я сказал Ви, что, если бы он не взял меня с собой на охоту, но оставил бы сторожить Фою, ее бы не украл и не убил тот зверь, живущий в пещере. И я солгал. Я мог отказаться пойти с Ви на охоту, и он не заставил бы меня идти с ним, ибо знает, что я никогда ничего не делаю без надлежащей причины. Я пошел с ним из-за того, что ты сказала мне; ты должна хорошо помнить свои слова. Я сказал, что Фоя в опасности, что Хенга хочет украсть ее и убить, что лучше мне остаться сторожить ее, а ты ответила, что никогда не позволишь волчьему приемышу охранять твою дочь, что сама устроишь ее. Ты ее не уберегла. Ты выбрала меня, и я ушел на охоту с Ви, и Хенга похитил Фою и убил ее.

Аака повесила голову и ничего не возразила, так как знала, что Паг говорит правду.

— Оставим это, — продолжал Паг. — Мертвецы мертвым; умерли и не встанут. Я сказал тебе мудрые и правильные слова, теперь можешь снова выбрать меня, войти в хижину и разбудить Ви. Но, повторяю, если ты так поступишь, ты можешь изменить исход боя и обречь почти на верную смерть и Ви, и себя, и Фо.

— А Ви спит? — спросила Аака уже более сдержанным тоном.

— Думаю, что спит, потому что я посоветовал ему заснуть, а в таких делах он слушается меня. И прошлую ночь он спал очень мало. Но путь открыт, и я сказал все, что хотел сказать. Теперь поступай как знаешь. Ступай, разбуди его, спроси, спит ли он, утоми его бабьей болтовней, расскажи ему, какие сны снились тебе, что ты думаешь о Фое и Ледяных богах, подготовь его этим к бою с Хенгой, силачом и великаном.

— Не пойду, — ответила она, топая ногой. — Ведь не то, если Ви

потерпит поражение, ты будешь своим ядовитым языком указывать на меня как на причину его смерти. Но знай, безобразный отщепенец, помни, Человек-Волк, что, если Ви победит и останется в живых, он должен будет выбрать между тобой и мной, ибо, если ты будешь жить с ним в пещере, я останусь здесь, в хижине.

Паг рассмеялся низким горловым смехом.

— Тогда-то уж наверняка будет мир и тишина. Ведь если Хенга будет убит, после него в наследство останется немало красивых женщин, которые также живут в пещере и, несомненно, не сразу согласятся выселиться оттуда. А впрочем, поступай как знаешь; у тебя полная свобода и в этом деле, и во всех других. Только говорю тебе, Аака, что ты напрасно оскорбляешь меня: ведь, быть может, в скором времени тебе понадобится моя помощь для того, чтобы покинуть этот мир.

Внезапно он перестал насмехаться, перестал раскачивать огромной головой — он всегда покачивал головой, когда издевался, — посмотрел ей прямо в глаза единственным своим глазом — народ говорил, что он видит этим глазом в темноте не хуже дикой кошки — и сказал спокойным и ровным голосом:

— Почему ты издеваешься над моим безобразием? Сам я создал себе свой облик или получил его от женщины? Кто выбил мне правый глаз? Я сам выдавил его или женщина вышибла его, ударив меня о камень? Сам я покинул племя зимой, уходя на голодную смерть, или меня выгнали женщины только за то, что я говорил им правду? Почему ты сердисься на меня за то, что я люблю Ви, который спас меня от жестокой женщины, и люблю твоего сына Фо, зачатого тобой от Ви? Почему ты не можешь понять, что я, несмотря на то, что безобразен, обладаю сердцем большим, чем у всех вас, и мудростью большей, чем мудрость всех в племени, и что эти сердце и мудрость — верные слуги Ви и всех тех, кому Ви прикажет служить? Почему ты ревнуешь меня?

— Хочешь знать, Паг? Потому что ты говоришь правду. Потому что ты для Ви дороже, чем я; потому что ты и для Фо дороже, чем я. Мы с тобой станем друзьями только тогда, когда явится тот, кого Ви полюбит больше, чем он любит тебя. Только тогда, но не раньше.

— Это может случиться, — задумчиво сказал Паг, — а теперь больше не мешай мне, ибо я иду готовить Ви оружие для этого боя и не хочу терять времени понапрасну. Ступай в хижину, путь открыт, как я уже сказал, ступай и рассказывай Ви все что хочешь.

Аака заколебалась, но потом ответила:

— Нет, я пойду помогать тебе готовить оружие, ибо мои пальцы гибче

твоих. Пусть между нами на час наступит мир, а если хочешь, продолжай издеваться, но я не буду отвечать тебе.

Паг снова рассмеялся горловым смехом и промолвил:

— Женщины странны, так странны, что даже я не могу полностью понять их. Идем! Идем, ибо острия копья и топора притупились, и связки, удерживающие их в рукоятках, нужно переменить.

Некоторое время Паг, Аака и мальчик Фо, который помогал им, бегая с поручениями или удерживая нужные части, работали над простым оружием Ви, заостряли копье и оттачивали острие топора. Когда топор был наострен до последней возможности, Паг взвесил его на руке и с проклятием бросил на землю.

— Слишком легкий, — сказал он. — Как может эта игрушка устоять против дубины Хенги?

Он поднялся, сбегал в свое логово позади хижины и вернулся, неся блестящий обрубок, имеющий форму секиры.

— Взгляни, — сказал он, — это немногим больше топора Ви, но тяжелее втрое. Я нашел это у горы, где валялось много таких камней. Прошлой зимой, при свете тюленьего жира, я обточил и обработал его.

Аака взяла этот предмет, и рука ее пригнулась к земле, настолько он был тяжел. Тогда она потрогала край предмета, который был острее, нежели край только что отточенного топора, и спросила, что же это такое.

— Не знаю, — сознался Паг. — В общем, эта вещь похожа на камень, побывавший в жарком пламени. Но она блестит. И эта вещь такая твердая, что обрабатывать ее я мог только другим куском такого же камня. Я стучал и колотил эту вещь после того, как она полежала в огне и раскалилась докрасна, а затем оттачивал и приглаживал ее мелким песком и водой.

Паг того не знал, но ясно было, что странная вещь — осколок железного метеорита. Паг, руководимый только догадкой, стал одним из первых на свете кузнецов. Обнаружив, что странный «камень» настолько тверд, что не поддается никакой обработке, Паг раскалил его докрасна на жарком огне и затем обрабатывал его другим подобным же «камнем», положив на камень вместо наковальни. Таким образом Паг впервые использовал железо и самостоятельно открыл одно из важнейших ремесел человечества, самостоятельно сделал один из важнейших шагов вперед в истории людского рода.

— А это не сломается? — с сомнением спросила Аака.

— Нет, — сказал Паг. — Я уже испытывал этот камень. Удар, который разносит в куски самый крепкий каменный топор, не оставляет на этой вещи никаких следов. Эта штука не сломается. Выдержит. Но не выдержит

то, что ударят этим. Я сделал эту секиру для себя, но отдам ее Ви. А теперь помоги мне.

И он вытащил рукоять. Рукоять, подобно лезвию, была совершенно особая, до сих пор в племени невиданная. Паг с бесконечным терпением и трудом сделал ее из толстой голенной кости огромного оленя. Эту кость, почерневшую, полужареную, он нашел однажды на берегу реки, когда рыл яму, для того чтобы добыть воду. Очевидно, кость эта принадлежала благородному созданию, известному у нас под названием *ирландский олень* или *cervus giganteus*, когда-то в избытке водившемся в тамошних лесах. Отрезав изрядный кусок этой кости, Паг сделал в ней глубокую щель, разделив тем самым край ее надвое, и в эту щель вставил шейку секиры. Шейка пришлась как раз и только на дюйм или два выступала из щели. С большим искусством, правда при помощи Ааки и Фо, принялся он за работу.

Сухожилиями и полосками сырой оленьей кожи он скрепил рукоять и клинок, завязав концы многократными узлами. Затем, размягчив на огне клей и янтарь, которым в огромном количестве было усеяно побережье (он нагревал их, смешав в раковине), покрыл этой клейкой массой узлы и самые связки и, когда клей высох, подравнивал его острым камнем. Потом он опустил готовую секиру в ледяную воду и держал ее там, пока клей не застыл окончательно. После этого, вынув секиру из воды, подержал ее в дыму пылавшего рядом костра, чтобы клей совершенно засох и чтобы связки из шкур ссохлись от жары. Затем он покрыл первый слой клея новым слоем, охладил его пригоршней снега, высушил на огне и отполировал.

Наконец он со всем управился. Гордость переполняла его сердце, и он поднял оружие, восклицая:

- Вот лучшая секира, какую когда-либо видело племя.
 - А кость не разломится? — недоверчиво спросила Аака.
 - Нет, — возразил Паг, продолжая тереть потемневший от дыма клей.
- Я испытывал крепость кости так же, как испытывал крепость клинка. Никто не в силах сломать ее. Взгляни! Чтобы рукоять была прочнее, я обтянул ее кожей. Ну, а теперь я пойду будить Ви.

* * *

Продолжая полировать секиру и топорище куском шкуры, Паг тихонько вошел в хижину, оставив Ааку за дверьми. Ви спал как дитя. Паг осторожно положил секиру на шкуру, служившую крышкой ложа, вернулся к двери и спрятался в тени занавесей. Затем он поскреб ногой земляной пол, и Ви проснулся.

Первым, что он увидел, была секира. Он сел, взял секиру в руки и стал жадно ее рассматривать. Когда он насмотрелся на все ее чудеса, — а для него это была необычайно чудесная вещь, сделанная из никогда не виданного им камня, втрое тяжелее обычного, и с рукоятью из черной кости, тверже моржового клыка, с двумя узлами на нижнем конце (образованными соскабливанием сустава и препятствующими сползанию рукояти), обтянутой кожей и с топором острым, острее любого кремневого топора, — он решил, что, наверное, ему все это грезится во сне, ибо подобным оружием сражаются одни только боги.

Паг проковылял к его ложу и сказал:

— Пора вставать, Ви. Но сперва скажи мне, нравится ли тебе твоя новая секира?

— Ее, наверное, сделали боги, — задыхаясь от волнения, сказал Ви. — С этим оружием я без страха могу идти один против белого медведя.

— Да, ее сделали боги. Эта секира — дар богов. Я потом расскажу, как они прислали тебе ее. Но дана она тебе не для того, чтобы убить белого зверя, который бродит во тьме, а чтобы расправиться со свирепым хищником, который рыщет и убивает и днем и ночью. Говорю тебе, Ви, это — Секира Победы. Раз она у тебя — ты непобедим. Слушай, Ви. Хенга набросится на тебя, размахивая своей огромной дубиной. Отскочи в сторону и изо всех сил ударь его по рукам. Если удар секиры обрушится ему на руки или на рукоять дубины — начисто отрубит. Если его руки уцелеют, он снова набросится на тебя, пытаясь схватить тебя и, раздавить в объятиях или переломить тебе шею или позвоночник. Если успеешь, бей его по ногам. Старайся повредить сухожилия, чтобы он захромал. Но, если ему все же удастся ухватить тебя, старайся выскользнуть из его объятий. Ты весь смазан жиром, так что тебе это должно быть легко. И тогда, прежде чем он снова поймает тебя, бей его по шее или по голове, или по спинному хребту, куда придется! Ведь эта секира не только ломает то, что ты ударишь, но глубоко вопьется в тело и убьет его. Но только не оброни секиры. Видишь, к рукоятке прикреплена петля; накинь ее двойным оборотом на руку, тогда секира не соскочит. Чтобы было верней, я привяжу ее к твоей руке вот этим сухожилием. Протяни руку.

Ви протянул руку и возразил, в то время как Паг ловко укреплял

сухожилием петлю у него на кисти:

— Понимаю, но не знаю, удастся ли мне сделать хотя бы часть того, что ты говоришь. И все-таки, как чудесна эта секира! Как бы то ни было, я постараюсь орудовать ею как можно лучше.

Тогда Паг снова натер Ви тюленьим жиром, заново осмотрел секиру, все ли узлы как следует ссохлись и крепко ли держится клей. Затем он дал Ви кусок сушеной рыбы с тюленьим жиром, дал ему напиться, набросил шкуру ему на плечи и вывел из хижины.

* * *

Аака ждала снаружи вместе с Моанангой, братом Ви.

Она взглянула на мужа и спросила:

— Кто обрезал ему волосы?

— Я, — ответил Паг, — и у меня были достаточные основания для этого.

Она топнула ногой и холодно сказала:

— Как смел ты коснуться его волос? Я ненавижу тебя за это!

— Если тебе так хочется ссориться со мной, можешь ненавидеть меня за это так же, как и за любую другую вещь. Но помни, Аака, что в конце концов ты будешь благодарна мне за то, что я это сделал, хотя, впрочем, в силу самой благодарности ты станешь еще больше ненавидеть меня.

— Это невозможно, — отвечала Аака.

И они тронулись к Месту Сборищ.

* * *

Собралось все племя.

Стояли кольцом, молча, потому что были настолько возбуждены, что было не до разговоров. От исхода этого боя зависела их участь. Хенгу боялись и ненавидели его, потому что он правил жестоко и убивал каждого, кто осмеливался роптать, но Ви племя любило. Но никто не смел проронить ни слова, ибо никто не знал, каков будет исход боя, и все

думали, что нет на свете человека, кто бы устоял против мощи великана Хенги, кто спасся бы от яростных ударов его огромной дубины.

Народ удивленно глазел на новый топор, висевший на руке Ви; люди указывали на него, подталкивая друг друга локтями. Люди дивились тому, что волосы Ви коротко срезаны, и не понимали, какова тому причина; впрочем, думали, что это — жертва богам.

Срок наступил. Хотя холодный туман над морем и берегом закрывал солнце, все знали, что осталось до захода солнца не более часа, и наступила гробовая тишина.

Внезапно раздался голос кого-то из племени, кто стоял с краю:

— Он идет! Хенга идет!

Все обернулись к пещере.

Великан вышел из-под утеса и направился к ним, ступая тяжело, но небрежно. Ви наклонился, поцеловал сына и дал знак Ааке, чтобы она присмотрела за ним. Затем в сопровождении своего брата Моананги и Пага он вышел на открытое место посередине круга стоящих людей. Там стоял Урк Престарелый, колдун, чей долг был оглашать правила и условия боя, завещанные законами племени.

В то время как Ви подходил к месту, Уока Злой Вещун крикнул ему:

— Прощай, Ви. Мы больше не увидим тебя. Очень жаль, что тебя убьют. Ведь ты хороший охотник и всегда приносишь большую добычу. Кто же заменит нам тебя?

Паг обернулся, засверкал на него своим единственным глазом и сказал:

— Меня-то уж, во всяком случае, ты увидишь!

Ви шел, не обращая внимания. Он сошелся с Хенгой, одетым в тигровую шкуру — знак своего достоинства — и держащим в левой руке огромную дубину.

— Очень хорошо, — прошептал Паг Ви. — Посмотри, как плотно набит его живот, он съел всего лосося.

Шедшие за Хенгой рабы остановились на некотором расстоянии от места встречи.

Хенга заревел:

— Что? Я должен биться не только с этим человечком, но и с его друзьями?

— Пока еще нет, Хенга, — смело возразил Моананга. — Сперва убей человечка, а затем можешь сразиться с его друзьями.

— Это дело нетрудное, — ухмыльнулся Хенга.

Вперед вышел Урк, поднял руку и с гордым видом приказал замолчать.

Глава IV. Смерть Хенги

Сперва Урк, как знаток старинных обычаев племени, начал подробно пересказывать закон о сражениях, подобных сражению Ви с Хенгой. Он сообщил народу, что вождь сохраняет свое звание и пользуется своими правами и преимуществами только потому, что он сильнее всех в племени, подобно тому как стадом повелевает сильнейший буйвол. Если же против вождя восстает охотник моложе и сильнее, он вправе убить вождя, если это ему удастся, и занять место вождя. Но только закон требует, чтобы вождя он убил в открытом и честном бою, в присутствии всего народа, причем в бою каждый имеет право пользоваться только одним оружием.

Если вызвавший победит, пещера и все живущие там принадлежат ему и все признают его вождем. Если же он будет побежден, труп его будет брошен на съедение волкам.

В общем, Урк, сам того не зная, излагал учение о том, что выживают только наиболее приспособленные, и о том, что сильный может угнетать и повелевать слабыми, — закон, много тысяч лет спустя сформулированный Дарвином.

Хенга начинал терять терпение. Ему казалось, что он быстро справится с презираемым врагом. Ему хотелось поскорее вернуться в пещеру, выслушать приветствия своих жен и отоспаться после лосося, которого он — как справедливо предвидел Паг — обглодал всего.

Но Урк не смолкал. Он, как хранитель преданий, чувствовал себя в своей стихии; он был главным жрецом и руководителем всех обрядов племени и считал малейшее отступление от традиций смертным грехом.

Возмущенным дребезжающим голосом он заявил, что все малейшие обряды должны быть выполнены. Не то он не будет иметь права на полагающиеся ему в виде гонорара одежду и вооружение побежденного. При этом он жадно взглянул на странную секиру, подобной которой ему никогда не случалось видеть; взглянул жадно, хотя его сморщенные руки вряд ли могли бы занести секиру для удара. Он громко заявил, что когда-то, в дни своей молодости, помогал отцу, бывшему колдуном племени до него, в подобном же деле и что на нем и сейчас надет плащ, снятый тогда с трупа побежденного.

И он указал на облезлую и лоснящуюся шкуру на плечах. Он добавил, что, если его сейчас перебьют, он предаст нарушителя обряда самому страшному проклятию, какое сможет придумать. Наверное, оба

слушающие его прекрасно понимают, что из этого последует.

Ви выслушал и промолчал. Но Хенга проревел:

— Так поторопись, старый дурак. Я начинаю зябнуть, и скоро будет слишком темно, так что я не смогу изуродовать этого малого так, чтобы собственные псы его не узнали.

Тогда Урк стал излагать причины, заставившие Ви послать Хенге вызов.

Разозленный наименованием «старый дурак», он излагал эти причины особенно ядовито. Рассказал, что, по мнению Ви, Хенга угнетает народ, и привел немало ярких и убедительных примеров этого угнетения. Рассказал о похищении Хенгой дочери Ви Фои и об убийстве ее. Разгоряченный собственными словами, он стал выкладывать еще новые обвинения, уже непосредственно не связанные с Ви.

Тут Хенга не выдержал, подскочил к старику и ткнул его ногой в живот так, что тот отлетел на несколько шагов.

Урк поднялся и, прихрамывая, отошел в сторону, призывая на голову Хенги все мыслимые и немыслимые проклятия.

Хенга скинул тигровую шкуру, которую унес один из рабов, Ви сбросил с плеч свой плащ.

Взявший у него плащ Паг шепнул:

— Поберегись! Он что-то прячет в правой руке. Он хочет сплутовать.

Затем он проковылял в сторону с плащом в руке.

Великан и охотник остались в пяти шагах друг от друга.

В то время как Паг отходил, Хенга поднял руку и с невероятной силой метнул в Ви кремневый нож с рукоятью из китового уса, нож, который он до сих пор прятал в своей огромной лапе. Но Ви был предупрежден и с криком «Нечисто!» отскочил в сторону и припал к земле так, что нож просвистел у него над головой.

В следующее мгновение он вскочил и бросился на Хенгу, который схватил дубину обеими руками и занес ее над головой, чтобы одним ударом сокрушить противника.

Прежде чем удар был нанесен, Ви, вспомнив совет Пага, ударил сам изо всей силы. Хенга подставил дубину, чтобы прикрыть голову. Секира Ви встретила дубину на самой ее середине, и острая сталь пробила толстое дерево, так что большая часть дубины упала наземь. Видевший это народ закричал от удивления.

Хенга швырнул рукоять в Ви, попал ему в голову и, в то время как Ви отскочил, поднял толстый конец дубины. Ви остановился на мгновение, чтобы стереть кровь от пореза на лбу, заливавшую ему глаза. Затем он

вновь бросился на Хенгу и, держась на расстоянии, недоступном для укороченной дубины, попытался ударить великана по колену, как советовал Паг. Но руки у Хенги были невероятно длинные, а рукоять секиры Ви была короткая, так что задача оказалась нелегкой. Наконец ему удалось попасть. Правда, он не повредил ни одного сухожилия, но секира врезалась в ногу Хенги повыше колена так глубоко, что Хенга взревел от боли.

Обезумевший от ярости великан решил изменить план. Отшвырнув дубину, он, в то время как Ви выпрямлялся после удара, прыгнул на противника, обхватил его могучими руками и, надеясь переломать ему ребра или задушить насмерть, стал давить, как медведь.

Они начали бороться.

— Все кончено, — сказал Уока. — Человек, которого Хенга обхватил руками, — мертв.

Стоявший рядом с ним Паг ударил его по рту и крикнул:

— Так ли это?! Смотри, Вещун, смотри!

В это время Ви выскользнул из объятий Хенги, как угорь выскользывает из руки ребенка. Хенга поймал его за волосы, но волосы Ви были обрезаны коротко и натерты тюленьим жиром, так что удержать их Хенге не удалось. Тогда великан ударил его кулаком с такой силой, что нанесенный в лоб удар свалил Ви наземь. Хенга, не давая противнику встать, навалился на него, и оба покатались по песку.

Никогда до сих пор не видало племя подобного боя, и никакие предания не говорили ни о чем схожем. Они извивались, корчились, хватали друг друга, катались по земле, то один оказывался наверху, то другой. Хенга пытался ухватить Ви за горло, но руки его скользили по натертой тюленьим жиром коже. Охотник каждый раз ускользал от смертельных объятий и даже несколько раз улучил возможность нанести Хенге удар кулаком.

Но вот оба они поднялись, причем руки великана все еще обхватывали Ви. Хенга боялся выпустить противника, потому что был безоружен, а секира по-прежнему висела на кисти Ви. Они боролись, передвигаясь то взад, то вперед, покрытые кровью, песком и потом.

Зрители только качали головами и дивились, как может человек устоять против тяжести и силы Хенги. Но Паг, замечающий все своим единственным глазом, шепнул Ааке, которая, в тревоге и страхе забыв ненависть, прижималась к нему:

— Приободришь, женщина. Лосось не прошел даром. Смотри, Хенга устает.

Паг не ошибался.

Объятия великана ослабевали, дыхание его тяжелело и гулко прерывалось; более того, стала дрожать нога, на которую обрушился удар секиры Ви, так что Хенга не смел больше опираться на эту ногу. Однако, страшным напряжением собрав все свои силы, он отбросил от себя Ви так яростно, что тот свалился наземь и лежал с мгновение неподвижный, точно был оглушен или из него вышибли дух.

Тогда Моананга громко простонал, ожидая, что вот-вот Хенга вскочит на неподвижно распростертое тело врага и насмерть растопчет его.

Но с Хенгой случилось что-то странное. Казалось, его охватил внезапный ужас. А может быть, он решил, что его противник мертв.

Как бы то ни было, он не дожидаясь, но присмотрелся, повернул и стремглав побежал к пещере.

Ви пришел в себя или же попросту перевел дыхание, потом присел и взглянул ему вслед. Затем с криком вскочил на ноги и бросился вслед за Хенгой, а за ним устремилось все племя. Да, даже Урк Престарелый ковылял следом, опираясь на свой жреческий посох.

Между Хенгой и его преследователем лежало немалое расстояние. Но с каждым шагом раненая нога убежавшего слабела, а Ви гнался за ним с быстротой оленя. У самого устья пещеры он перехватил вождя, и сбежавшийся народ увидел, как сверкнул занесенный топор и услышал, как ударилась блестящая сталь в спину Хенге и как Хенга грохнулся наземь. Оба исчезли в тени пещеры, а собравшийся снаружи народ ожидал исхода, каков бы он ни был.

Недолгий срок спустя что-то зашевелилось в темноте; из пещеры кто-то вышел.

Это был Ви, в руках у него было что-то странное, и окровавленный топор все еще свисал с его правой руки. Он, шатаясь, прошел вперед; луч заходящего солнца пробился сквозь туман и упал на Ви и на то, что он нес.

То была огромная голова Хенги.

С мгновение Ви стоял тихо и неподвижно, точно задумался, а собравшиеся криком приветствовали его как в бою добывшего звание вождя. Неожиданно он закачался, потерял сознание и тяжело опустился на руки Пага, который, заметив, что Ви слабеет, успел пробиться сквозь толпу и подскочить как раз вовремя, чтобы подхватить падающего.

Ви перенесли в пещеру, так как туда было ближе всего.

Труп павшего великана Хенги выволокли оттуда, точно это был труп собаки. Затем, по давно выраженному желанию Ви, труп отнесли к подножию глетчера и положили — по обету Ви — там как жертву Ледяным богам. Но только несколько человек из племени, те, которые больше всего пострадали от Хенги и которые больше всех ненавидели его, завладели его мертвой головой. Неподалеку стояла мертвая сосна, вершина которой была сожжена молнией. Эти люди вскарабкались на дерево и насадили отрубленную голову на один из зубцов покосившегося ствола. Там голова и осталась; длинные волосы ее трепались по ветру, и пустые глазницы смотрели вниз на хижину.

Войдя в пещеру, обнаружили, что все огромное обиталище полно женщин, которые, хотя Ви еще был без сознания, торопливо выражали преданность и покорность своему будущему господину и повелителю, сгрудились и копошились вокруг него, покуда Паг при помощи Моананги и других не выгнал их вон, говоря, что если вождь Ви захочет увидеть какую-нибудь из женщин, он пошлет за ней.

— Впрочем, — добавил он, — по-моему, это маловероятно. Ведь вы все безобразны.

Последнее было суцей неправдой. Женщины разошлись искать убежища где придется и сердились на Пага. Сердились главным образом на то, что он назвал их уродливыми, а не на то, что выгнал их. Они прекрасно понимали, что иначе он и не мог поступить, ведь они были женами Хенги и могли отравить Ви или постараться как-нибудь иначе прикончить его. Естественно, что им нельзя было доверять.

Ви опустили на ложе Хенги, в боковой пещере, возле ярко пылающего огня. Тот скоро оправился от обморока, напился воды, поданной ему одним из рабов (их не выгнали вместе с женщинами), и в первую очередь подозвал Фо, которого нежно поцеловал. Затем позвал Пага и приказал ему привести Ааку. Но Аака, узнав, что ее муж оправился и в общем пострадал не сильно, ушла, сказав, что должна присмотреть за огнем у себя в хижине и вернется сюда утром.

Итак, Паг и Моананга накормили Ви тем, что нашлось в пещере; в том числе оказались остатки лосося, которые Хенга собирался съесть после боя. Наевшись, Ви повернулся и заснул, так как настолько утомился, что не в силах был даже говорить. Фо примостился на ложе рядом с отцом и последовал его примеру.

Ви проспал всю ночь и, проснувшись поутру, оказался в одиночестве, так как Фо ушел.

Он чувствовал, что все тело его затекло и одеревенело, что на затылке ноет шишка, вскочившая, когда он стукнулся головой оземь после удара Хенги. Вообще все тело ломило от ужасных объятий великана. На лбу обозначился глубокий порез, рваная рана осталась от рукоятки дубины; вся кожа была исцарапана когтями Хенги. Впрочем, он чувствовал, что все кости целы и что опасного вообще ничего нет. И сердце его наполнила радость, что все окончилось именно так, а не наоборот; ведь вчера не Хенга, а он, его труп, мог быть отдан волкам на съедение.

Он ощущал радость и благодарность.

Благодарность кому? Кому обязан он тем, что уцелел? Ледяным богам? Возможно. Если так — он благодарен им, ведь он не желал умереть и предвидел, что ему предстоит немало работы для народа. Да и Ледяные боги казались ужасно далекими и страшно холодными. Правда, камень упал, но это могло произойти и случайно. Так что он вообще не в состоянии был разрешить вопрос, интересуются ли боги хоть сколько-нибудь им и его участью. Паг считал, что богов вообще не существует; возможно, что он прав. Ясно пока было лишь только то, что, не вмешайся Паг в дело, Ледяные боги не спасли бы его вчера от смерти, не дали бы ему победы над великаном Хенгой, над сильнейшим человеком, которого когда-либо знало племя. А о силе, равной силе Хенги, ничего не говорилось даже Урком и теми другими, кто длинными зимними ночами складывает песни и выдумывает разные рассказы. Ведь Хенга однажды поймал дикого буйвола за рога и голыми руками свернул ему шею.

Все сделал Паг.

Это Паг натер ему все тело тюленьим жиром и коротко обрезал волосы, чтобы Хенга не смог ухватить его. Это Паг сделал и подарил ему чудодейственный топор, блестящую секиру, которая еще и до сих пор покоилась на ложе рядом с ним, секиру, при помощи которой ему удалось уложить Хенгу на месте (Паг уже объяснил, откуда эта секира). И еще раз: это Паг воодушевил и вдохновил его к борьбе, внушая ему уверенность, что в нынешний раз он одержит серьезную и большую победу. Эти слова Пага Ви помнил все время и все время твердил их про себя, даже в те мгновения, когда казалось, что все кончено.

Но теперь Хенга мертв.

Он не просто был сбит с ног ударом секиры, но и после этого дважды метнулся блестящий «камень», и голова отлетела от толстой шеи. За Фою отомщено, Фо и Аака спасены, а он, Ви, — повелитель пещеры и вождь племени. И потому Ви поклялся, что Паг, хотя бы трижды называли его карликом, уродом и отщепенцем, должен непременно быть всегда возможно ближе к Ви. В этом он поклялся, поклялся сделать Пага своим советником, хотя знал, что ревливой Ааке еще более тесная дружба с Пагом будет не по сердцу.

Лежа и размышляя подобным образом, Ви заметил при скупом попадающем в пещеру свете, что трое из числа женщин — самые молодые и самые красивые — вернулись в прежнее жилище и стоят в некотором отдалении, переговариваясь и поглядывая на Ви. Наконец они пришли к какому-то решению; они спокойно направились к нему, и Ви судорожно ухватил секиру. Увидев, что Ви бодрствует и глаза его открыты, они стали на колени, коснулись лбами земли, назвали Ви господином и повелителем и сказали, что желают остаться у него, ибо он столь велик и могуч, что убил Хенгу, и поклялись всегда быть ему верными.

Ви слушал их удивленно, не зная, что ответить. Меньше всего на свете он желал сделать этих женщин своими домочадцами, хотя бы уже по той простой причине, что все, к чему Хенга имел касательство, было ему отвратительно. Но Ви был человек мягкосердечный и не хотел сказать это грубо.

В то время как он подыскивал смягчающие обиду выражения, одна из женщин, не поднимаясь с колен, проползла вперед, взяла его руку, приложила ее ко лбу и поцеловала.

В это мгновение появились Аака и Паг.

Женщины вскочили, отбежали на несколько шагов, сбились в кучу, а Паг хрипло расхохотался.

Аака же выпрямилась во весь свой рост и сказала возмущенно:

— Видно, ты быстро освоился в новом жилище, о муж мой. Вот уже наложницы Хенги с любовью целуют тебя.

— С любовью! — удивленно воскликнул Ви. — Да гожусь ли я для любви? Эти женщины явились сами. Я не звал их и не посылал за ними.

— О да, несомненно, они явились сами, так как знали, что их приход будут приветствовать, о муж мой. А может быть, они вообще и не уходили отсюда? По правде говоря, мне начинает казаться, что в пещере вождя для меня вообще не будет места. Но этому я только рада; собственный дом милее, чем эта темная дыра.

— Но я не раз слышал, как ты в зимние холодные ночи, когда ветер бушевал в хижине, говорила, что хорошо было бы лежать в теплой и уютной пещере вождя.

— Разве? Ну, значит, в таком случае, теперь я этого не думаю. Ведь в те времена я не видала пещеры, так как не принадлежала к числу домочадцев Хенги.

— Замолчи, женщина, — сказал Паг. — Давай лучше узнаем, как себя чувствует вождь Ви. А этих рабынь я уже раз прогнал отсюда и сегодня сделаю то же. Вождь, мы принесли тебе пищу. Ты в состоянии есть?

— Кажется, да, если только Аака поднимет меня.

Аака разгневанно взглянула на женщин и еще более сердито посмотрела на Пага, так что Ви решил, что она откажется. Но, если даже и было так, она переменила решение и поддержала Ви, который был еще слишком слаб, для того чтобы сидеть без посторонней помощи. Вернувшийся Фо кормил его, все время болтая о вчерашнем сражении.

— А ты не боялся за отца? — спросил его Ви под конец. — Ведь мне пришлось бороться с великаном, с человеком, чуть ли не вдвое больше меня ростом.

— Вовсе не боялся, — весело отвечал Фо. — Паг сказал мне, что ты одержишь победу, так что мне нечего было пугаться. А Паг всегда бывает прав. Впрочем, — добавил он, покачивая головой, — когда я увидел, что ты лежишь на земле и не шевелишься и Хенга вот-вот набросится на тебя, мне показалось было на мгновение, что и Паг может один раз ошибиться.

Ви рассмеялся, с трудом поднял руку и погладил курчавую голову Фо. Стоявший в отдалении Паг глухо проворчал сквозь зубы:

— Никогда больше не думай, что я ошибаюсь. Бог живет только верой своих поклонников.

Этих слов Фо не понял.

Аака тоже ничего не поняла в этих словах, но догадалась, что Паг сравнивает себя с богом, и от этого на ее нахмуренном лице появилось выражение злобы и ненависти. Она верила на свой лад — так, как верили до нее ее предки и как они научили ее, и не любила легкомысленных разговоров о богах. Тем более не любила, что если боги в действительности существуют, то их — по ее мнению — нужно бояться. Правда, она послала Ви молиться Ледяным богам, которым он верил, и ожидать знака, который они подадут, — упавшего камня. Но послала она его потому, что пришла к убеждению, что наступила пора ему сражаться с Хенгой и отомстить за убитую Фою, по крайней мере, приложить к этому все старания, даже рискуя жизнью. Тем более что она твердо знала, что в это время года, на

рассвете, почти всегда с усеянной валунами вершины глетчера падают камни. Знала она также, что Ви с места не сойдет, покуда не дождется знака. Более того, она была убеждена (позаботилась об этом), что в это утро один, а то и несколько камней упадет с глетчера.

Поэтому-то она и нахмурилась и сказала Фо, что глупо верить всему, что ни скажет Паг.

— Однако, — попытался протестовать мальчик, — ведь то, что говорит Паг, всегда оказывается правдой. И затем, ведь Паг сделал эту чудесную острую секиру, и он натер отца тюленьим жиром, и он срезал волосы отцу, а мы с тобой не догадались сделать это.

Паг, желая прекратить разговор, вмешался:

— Все это мелочь и пустяки, Фо, и сделал я это только потому, что безобразный урод, вроде меня, должен думать и защищать себя и своих друзей мудростью, подобно тому как поступают волки и другие хищные звери. Людям же красивым, вроде твоих родителей, нечего заботиться об этом, потому что они защищают себя многими различными способами.

— Возможно, что они думают не меньше твоего, карлик, — сердито возразила Аака.

— Да, Аака. Они, несомненно, думают, только с меньшим проком. Разница между нами та, что я и подобные мне думаем правильно и приходим к правильным выводам, а те думают неправильно.

И, не дожидаясь ответа, Паг быстрым ходом проковылял куда-то по своим делам.

Аака смотрела ему вслед с выражением удивления в своих прекрасных глазах и затем спросила:

— Паг будет жить в пещере?

— Теперь я вождь и этим обязан ему. Он был советчиком, он дал мне секиру и он должен быть советником вождя. Этого требует справедливость.

— В таком случае я буду жить в хижине, — заявила она, — где ты сможешь найти меня, когда захочешь явиться. Это место противно мне: оно пахнет Хенгой и его наложницами. Тьфу!

И она ушла, хотя, правда, впоследствии возвратилась. Впрочем, слово свое она сдержала: она действительно не спала в пещере... то есть до тех пор, покуда не наступила зима.

Глава V. Клятва Ви

Ви был очень крепок и здоров и оправился вскоре после великого боя. Правда, еще довольно долгое время страдал он от нагноений на царапинах, полученных в борьбе с Хенгой, чьи ногти, казалось, были не менее ядовиты, чем волчьи зубы.

Уже на следующий день Ви вышел из пещеры и предстал перед всем племенем, которое собралось снаружи для того, чтобы приветствовать своего нового вождя. Приветствовали они его очень сердечно и затем поручили Урку Престарелому служить глашатаем всех бед и напастей, которых собрали они немало. Во всех этих горестях — считало племя — вождь должен помочь.

В первую очередь пожаловались они на климат: за последние годы летние сезоны были страшно холодны и бессолнечны. В ответ на это Ви посоветовал им обратиться с молитвой к Ледяным богам. Некоторые из собравшихся закричали, что если разбудить богов и растревожить их молитвой об этом, то они нашлют на страну еще больше льда, а племени и своих льда, снега и инея достаточно. Это было соображение, на которое Ви решительно ничем не мог возразить.

Затем они заговорили о делах домашних, достаточно щекотливых. Урк напомнил, что женщин в племени мало, значительно меньше, чем мужчин, так что дело доходит до того, что многие мужчины, которые охотно женились бы даже на самой безобразной, на самой сварливой женщине, не могут найти вообще никакой невесты и вынуждены оставаться холостяками. А в то же время некоторые более сильные или более богатые имеют по три или четыре жены, а бывший вождь, пользуясь своим положением и властью, захватил себе то ли пятнадцать, то ли даже двадцать самых молодых и самых красивых женщин. Племя считало, что этих женщин Ви не должен оставлять себе.

Ви ответил, что он не собирается оставлять их себе и докажет это в самое ближайшее время. Что же до всего предшествующего, племя, в сущности, само виновато в малочисленности женщин. Нужно только отказаться от бессмысленного обычая выбрасывать новорожденных девочек, а вместо того выкармливать их так же, как и мальчиков.

Тогда Урк заговорил об иных вопросах. Начал он с вопроса о налогах, то есть, точнее говоря, о чем-то аналогичном нашему представлению о налогах. Народ считал, что вождь берет слишком много и дает слишком

мало взамен. Вождь сам ничего не делает и решительно ничего не производит, и в то же время предполагается, что его со всеми многочисленными домохозяевами племя должно содержать в роскоши и излишестве. К тому же вождь забирал себе приглянувшихся ему женщин племени, грабил запасы пищи и шкур, а по временам, случалось, и убивал.

А главное, вождь покровительствовал нескольким богачам. Тут Урк внимательно и демонстративно взглянул на Тури Скрыгу, хранителя пищи, и на Рахи Богатого, который торговал рыболовными крючками, шкурками и кремневыми орудиями; их выделявали ему бедняки, которым за это в глухое зимнее время от него перепадали жалкие крохи пищи. Племя утверждало, что этим богачам, их злодеяниям покровительствовал вождь, которому они в ответ отдавали львиную долю своей нечестной наживы, за что он возвышал их, приближал к себе и возвел даже в звание советников. Таким образом, каждый встречный должен был низко кланяться этим двум народным обиралам.

Ви обещал разобраться с этим делом и постараться прекратить безобразия.

Последнее, на что жаловалось племя, это на нарушение старинных обычаев. Если кто-нибудь убил дичь или поймал ее в капкан или ловушку, или нашел убитого зверя, пригодного в пищу, или изловил рыбу и хочет свою добычу спрятать на зиму, на него набрасывается шайка голодных бездельников, которые желают жить за счет работающих и ничего не делать. Добычу они отбирают.

Ви обещал разобрать и это дело.

Затем он объявил, что племя должно собраться в ближайшее полнолуние, и тогда он сообщит, до чего додумался, и предложит племени для утверждения новые законы.

* * *

Между этим сборищем и полнолунием прошло семнадцать дней.

Все это время Ви думал. Он часами ходил по берегу в сопровождении одного только Пага (Аака презрительно называла карлика тенью Ви) и постоянно с ним совещался. Когда этот срок стал приближаться к концу, Ви призвал к себе Урка Престарелого, своего брата Моанангу и еще двух или трех людей. Он не позвал ни одного из советников Хенги; но зато

выбранные им были всем известны как люди честные и работающие.

Все племя, пожираемое любопытством, пыталось узнать от участников совещания, о чем это мог с ними советоваться вождь. Но люди ничего не говорили. Тогда на них науськали их жен. Женщины, любопытные от природы, из кожи вон лезли и пускали в ход всевозможные хитрости, чтобы узнать то, чего добивалось все племя. Даже нежная и любящая жена Моананги Тана приняла участие в этой охоте; она даже заявила мужу, что не будет разговаривать с ним, даже не посмотрит на него, покуда он ей всего не расскажет. Но муж не рассказал ей ничего и ничего не рассказали и другие.

Так племя решило, что Ви или Паг, а может быть, и оба — великие волшебники, раз сумели обуздать языки мужчин настолько, что те не проболтались даже собственным женам. Но вот произошла странная вещь.

С того дня как Ви стал вождем, погода стала улучшаться. Ушли прочь холодные, сулящие снег и непогоду облака; перестали дуть пронзительные северные и восточные ветры; наконец, хотя и с большим запозданием, пришла весна, вернее, лето, потому что весны в том году не было. Появились тюлени, хотя в значительно меньшем количестве, чем обычно; лосось, очевидно затертый льдами, громадными массами шел вверх по реке; прилетели гуси и стали вить гнезда. — Поздно пришло, рано уйдет, — сказал Паг, замечавший все, что происходит. — Впрочем — лучше это, чем ничего.

Так и произошло, что в назначенный день все племя, досыта наевшееся и пребывавшее в превосходнейшем настроении, встретило своего вождя, которого стало считать чуть ли не добрым гением. Даже Аака была хорошо настроена.

Когда Тана, приходившаяся ей сродни вдвойне — и по крови и как жена Моананги, брата Ви, — спросила ее, что должно случиться, Аака, смеясь, ответила:

— Понятия не имею. Но, наверное, нам расскажут какую-нибудь чепуху, которую Ви придумал со своим Человеком-Волком; пустая болтовня, вроде гоготания гусей. Все это наделает шуму и быстро позабудется.

— Во всяком случае, — без всякой логической связи сказала ей Тана, — Ви ведет себя по отношению к тебе очень хорошо. Ведь я знаю, что он усматривает во всех рабынь Хенги.

— Да, ведет он себя очень хорошо, но сколько времени это еще будет продолжаться? Или ты думаешь, что он, став вождем, будет непохож на других вождей? Все люди ведь на один лад. Все они на один покррой. И к

тому же, — с кислой усмешкой добавила она, — женщин-то он отослал, а Пага оставил.

— А какое тебе дело до Пага? — спросила Тана, широко раскрыв глаза.

— Больше, чем до всего остального, Тана. Постарайся только понять меня, если тебе это удастся: я ревную только ум Ви, а до всего остального мне дела нет. А этот карлик захватил именно его ум.

— Вот как! — Тана удивленно поглядела на нее. — Странная у тебя фантазия. А вот мне, например, совершенно безразлично, что будет с умом Моананги. Я ревную только его тело (а для этого у меня немало оснований), но никак не его ум.

— Совершенно верно, — резко оборвала ее Аака, — потому что у него нет ума. С Ви дело обстоит совершенно иначе: ум его и больше и значительнее, чем тело. И вот поэтому-то я и хочу, чтобы ум остался моим.

— В таком случае постарайся научиться быть такой же умной, как Паг, — рассердившись, возразила Тана и, отвернувшись от Ааки, заговорила с соседкой.

* * *

Племя собралось на Месте Сборищ, перед пещерой, на том самом месте, где Ви победил Хенгу.

Собравшиеся сидели или стояли полукругом; более видные и почитаемые находились впереди, а остальные сзади. Наконец Вини-Вини затрубил в рог, затрубил громко, спокойно и четко, потому что на этот раз он не боялся ни камней, ни каких-либо других провозвестников появления вождя.

Ви появился в плаще из тигровой шкуры, в том самом, который носил Хенга; плащ этот, как заметила Аака, был велик Ви. Ви был озабочен и хмур. Он вышел из пещеры, сопровождаемый Моанангой, Урком, Пагом и остальными советниками, и уселся.

— Все ли племя собрано здесь? — спросил Вини-Вини Трубач, и собравшиеся ответили, что явились все, кроме тех немногих, кто не в силах прийти.

— Так внимайте же вождю, Ви, Великому Охотнику, могучему воину, победителю злого Хенги... Впрочем, может быть, кто-нибудь желает

оспаривать у Ви звание вождя? — И он замолчал.

Никто не отозвался.

Ни один человек в полном рассудке не желал иметь дело с чудодейственной секирой, расколовшей огромную голову Хенги, голову, пустые глазницы которой, как вещественное напоминание, глядели на собравшихся с обломанного ствола близстоящего дерева.

Итак, Ви поднялся и заговорил:

— О племя, мы верим, что нигде нет подобных нам. По крайней мере, подобных нам мы не встречали ни на побережье, ни в лесах вокруг, хотя позади Спящего, там, во льду, таится Тень, которая, по-видимому, похожа на человека. Если это человек, то он умер много времени тому назад. Скорее же всего это бог. Быть может, он был родоначальником нашего племени и был окружен льдом, и в нем сохранен. Итак, раз мы — единственные люди и раз мы стоим выше, нежели звериный народ, ибо можем думать и разговаривать, и строить хижины, и делать много вещей, которых звери не могут, хотя они и сильнее нас, мы должны показать им нашим поведением, нашим общением друг с другом, что мы выше и лучше их.

Никому из племени никогда в голову не приходило сравнивать себя или себе подобных с окружающими их животными; таким образом, возвышенные речи Ви были приняты молчанием. Если бы соплеменник Ви стал сравнивать себя со зверем, возможно, он во всех отношениях отдал бы зверю предпочтение.

Потом, разговаривая между собой и вспоминая слова Ви, они сравнивали силу людей с силой медведя, дикого лесного буйвола, кита; результаты получались для людей плачевные.

«Где человек, — спрашивали они, — который мог бы плавать, как тюлень, или летать, как птица, или быть ловким, подвижным и свирепым, как полосатый тигр, живущий или живший в пещерах, или охотиться стаями, как хищные, прожорливые волки, или строить такие же искусные жилища, как муравьи, или вообще во многом, бесконечно многом сравниться с совершенствами тварей, населяющих воды, небеса и землю? А в сущности, не являются ли эти твари в своей области не менее разумными, чем человек? Затем: правда, их язык непонятен людям, но разве из этого не следует, что они разговаривают на своем языке и поклоняются своим богам? Если кто-то в этом сомневается, ему достаточно послушать, как волки и собаки воют на луну».

Но все это говорили они после, во время же речи Ви никто ему не возражал.

Изложив эту основную предпосылку, Ви продолжал речь.

Он внял жалобам народа, посоветался со многими мудрейшими из племени и решил, что наступило время издать новые законы, которые заставили бы всех повиноваться и связали бы все племя в прочный узел. Если же кому-нибудь законы не нравятся, он должен уступить большинству, которое соглашается с законами; если же он не уступит, а будет противиться, то его покарают как преступника. Если племя согласно, то пусть выразит свое одобрение.

Народ устал от долгого молчаливого сидения, кроме того, законов еще никто не слышал. Только один или два хитреца воскликнули, что им хотелось бы сперва услышать законы. Но их голоса потонули в общем крике одобрения.

Племя выразило свое согласие.

— Во-первых, — продолжал Ви, — нужно разрешить вопрос о женщинах. Женщин слишком мало, и единственным средством помочь в этой беде явится обещание каждого мужчины иметь только одну жену. Я сам клянусь Ледяными богами, что не возьму себе второй жены, и сдержу свою клятву. Если же я нарушу клятву, то да покарают Ледяные боги и меня, и племя, которым я правлю, если племя позволит мне нарушить клятву.

За этим потрясающим заявлением наступила тишина.

Тана восторженно шепнула Ааке:

— Что скажешь, сестра? Что скажешь ты о новом законе?

— Я думаю, что из него в конце концов ничего не выйдет, — презрительно ответила Аака. — Ви и другие мужчины будут соблюдать закон до тех пор, пока не встретят женщину, при виде которой им захочется преступить его. Я думаю, что и немало женщин воспротивится ему. Когда женщина старится, она хочет, чтобы все работы по дому и приготовление пищи для всей семьи лежали на ком-нибудь помоложе ее. Вот цена этому закону: он бессмыслен, как все новшества.

Она показала кукиш.

— А впрочем, пускай этот закон проходит, — продолжала она, — он для нас послужит оружием против наших мужей, когда они захотят преступить его. Я думаю, что первым же нарушителем будет Ви, и произойдет это вскорости. Ви — просто глупый мечтатель и считает, что несколькими словами можно изменить людскую природу. А вернее всего, мысль эта не Ви, а пришла в голову Пагу. Паг же, как ты сама знаешь, не мужчина и не женщина, но просто карлик и волчий щенок.

— Волчьи щенки и волки подчас бывают очень полезны, Аака, —

задумчиво возразила Тана и стала прислушиваться к разговорам своих соседей.

Разговаривали немало.

Как только потрясающее предложение Ви было понято его слушателями, началось великое смятение. Все мужчины, у которых не было жен, и все мужчины, желавшие чужих жен, кричали от радости, и их поддерживало немало женщин, бывших вторыми, третьими и четвертыми женами и, следовательно, не пользовавшихся достаточным вниманием. Но с яростью протестовали против нового закона именно многоженцы.

Споры были шумны и долги и наконец закончились компромиссным решением. Многоженцы согласились с законом с условием, что им разрешат сохранить ту жену, которая им больше по сердцу, а также вообще менять жен по общему согласию всех участвующих в этом деле. Племя, достаточно терпимое вообще, пошло на эту уступку. Протестовал только Ви.

Ви горел энтузиазмом реформатора и хотел показать пример.

— Пускай каждый поступает как ему заблагорассудится, но знайте все, что я, вождь, никогда не женюсь на другой женщине, покуда жива моя жена. Не женюсь, даже если она будет просить меня об этом, что вряд ли случится. Внимай, о народ: я вновь клянусь богами, что не возьму другой жены. Если же наступит время, когда я ослабею и обезумею и явится мне искушение нарушить клятву, то да проклянут боги, если это случится, не только меня, но и весь народ поголовно, от мала до велика...

Слушатели заволновались, и кто-то крикнул:

— Почему?

— Потому, — пылко заявил Ви, — что, зная, сколько бед мой поступок может навлечь на ваши головы, я не поддамся безумию, ибо я ваш вождь и защитник. Если же я обезумею, вы можете убить меня.

За этим потрясающим заявлением наступила тишина. Через некоторое время Хотоя Заика задал вопрос:

— Если мы даже и убьем тебя, Ви, чем это поможет нам, раз проклятие, о котором ты просил богов, уже обрушится на наши головы? И кто же вдобавок осмелится пойти против тебя, когда ты вооружен чудодейственной секирой, которой разрубил Хенгу надвое?

Прежде чем Ви успел придумать подходящий ответ, — вопрос был задан хитро и о возможности его он не подумал, — снова поднялся общий шум. Много женщин приняло участие в обсуждении, и кричали они во все горло. Таким образом, Ви ответить не удалось.

Наконец выступили вперед трое — достаточно злобная тройка: Пито-

Кити Несчастливый, Хоу Непостоянный и Уока Злой Вещун. Ораторствовал за всех Уока.

— Вождь Ви, — заговорил он, — народ слышал твои речи о законах брака. Многим слова твои не пришлись по сердцу, ибо ты отменяешь старинные обычаи. Все же мы признаем, что что-то нужно сделать, прежде чем племя погибнет. Ведь у тех, у кого много жен, детей не больше, чем у тех, у кого одна жена. Да и холостяки становятся убийцами и похищают не только женщин, но и иное добро. Поэтому мы принимаем новый закон на срок в пять лет — срок достаточный, чтобы увидеть, что этот закон может дать нам. Мы отметили для себя твою клятву не жениться на другой жене, покуда Аака жива, и запомнили, что ты предашь себя проклятию богов, если нарушишь клятву. Мы не думаем, что ты сдержишь эту клятву; ведь ты вождь и волен делать все, что тебе угодно. Но если ты нарушишь клятву, мы уж присмотрим, чтобы проклятие обрушилось на тебя. Что же до того, что ты призываешь проклятие на все племя, до этого нам вообще нет никакого дела, в это мы вообще не верим. Чего ради должен страдать народ от того, что ты нарушишь клятву! Боги отомстят злодею, а не невинным. Поэтому от имени всего народа я говорю, что мы принимаем твой закон, хотя я лично полагаю, что из отказа от старинных обычаев ничего доброго выйти не может. Думаю, что скоро на тебя обрушится проклятие и ты умрешь.

Так говорил Уока Злой Вещун, оправдывая тем свое прозвище. Он сказал и ушел вместе со своими спутниками и смешался с толпой.

Стало уже темнеть, потому что все эти споры заняли немало времени; к тому же немало народу ускользнуло, чтобы попытаться устроиться заново — воспользоваться возможностями неожиданного и внезапного переворота в брачном законодательстве.

Поэтому Ви отложил обсуждение следующего предлагаемого им закона — закона, касающегося выращивания младенцев женского пола, — до следующего дня.

Племя разошлось.

* * *

Эту ночь Ви спал в хижине, в которой жил до того, как стал вождем. За ужином он попытался поговорить с Ааккой о своем великом новом законе.

Она с минуту слушала, затем ответила, что с нее хватит всех разговоров об этом за целый день, что нужно ужинать и поговорить о действительно серьезном деле — как ей собирать запасы на зиму теперь, когда она — жена вождя племени. А если ему уж так хочется продолжать болтовню о пустяках, пускай обращается к своему советчику Пагу.

Это возражение рассердило Ви.

— Неужели ты не понимаешь, что благодаря этому закону женщины стали на голову выше, чем были, что теперь они — ровня мужчинам?

— Если так, — ответила Аака, — следовало бы раньше спросить у нас, желаем ли мы становиться выше. Вот если бы ты расспросил женщин, ты наверняка обнаружил бы, что большинство довольны своим теперешним состоянием, не желают ни вырастать, ни прибавлять себе работы и детей. А впрочем, все это неважно, так как вообще твой закон — сплошной вздор; законы придуманы дураками, и я бы сочла тебя за самого большого из них, если бы не знала, что твоими устами говорит Паг, который ненавидит женщин и срубает старые деревья (последняя фраза обозначала: разрушает старинные обычаи). Мужчина есть мужчина, и женщина есть женщина, и что они делали издавна, то будут делать всегда. Болтовней ты не изменишь их, Ви, хотя ты и считаешь себя умнее всех. Впрочем, мне приятно слышать, что ко мне в дом ты не ткнешь никаких нахальных девчонок. Так, по крайней мере, ты поклялся и угрожал самому себе за нарушение клятвы гневом богов и проделал все это в присутствии многих свидетелей. А многочисленность свидетелей лишней раз доказываем что ты дурак. Ведь если ты нарушишь клятву, тебе от них грозит немало хлопот.

Ви вздохнул и замолчал. Он думал, что придется по сердцу Ааке, которую любил и которой добился, претерпев немало мучений. Аака же — он это знал — по-своему любила его, хотя частенько обращалась с ним грубо. Все-таки он отметил, что, поскольку ей это выгодно, она воспользовалась его законом: добилась того, чтобы сохранить Ви для себя одной. Но он никак не мог понять, почему она презирает и унижает то, что ей приносит пользу; ведь так никто на свете не поступает. Он пожал плечами и заговорил о зимних припасах и о планах его и Пага, планах, осуществление которых обеспечило бы им на зиму изобилие.

* * *

Перед рассветом их разбудил сильный шум.

Женщины визжали, мужчины кричали и бранились. Фо, спавший на другом конце хижины, за занавеской из шкур, выполз, для того чтобы разузнать в чем дело; и он, и его родители решили, что, очевидно, волки унесли кого-нибудь.

Фо возвратился почти немедленно и сообщил, что идет форменное сражение, но из-за чего — он узнать не мог.

Ви хотел встать и принять участие в деле, но Аака удержала его словами:

— Успокойся! Это просто действует твой новый закон. Вот и все.

Утром оказалось, что она совершенно права. Несколько жен убежали от своих старых мужей к молодым любовникам; несколько мужчин, у которых не было жен, похитили или попытались захватить их силой. Результатом этого были побоища и целое сражение, в котором один из стариков был убит и немало мужчин и женщин изранены.

Аака смеялась над Ви по этому поводу. Но он был так опечален этим делом, что даже не попытался спорить с ней, сказав только:

— Ты в последнее время дурно обращаешься со мной. А я только и стараюсь сделать доброе и люблю тебя. Это я доказал уже давно, когда бился с человеком, который хотел насильно похитить тебя; помнишь, я убил его, что доставило мне немало тревог и неприятностей. Тогда ты поблагодарила меня, и мы пошли вместе и много лет жили счастливо. И вот недавно Хенга, который ненавидел меня и всегда пытался забрать тебя к себе в пещеру, поймал нашу дочь Фою и убил ее. С того времени ты, любившая Фою больше, чем Фо, переменилась по отношению ко мне, хотя не я виной всему приключившемуся.

— Твоя вина в том, что случилось, — возразила она. — Нужно было остаться охранять Фою, а не идти охотиться для собственного удовольствия.

— Ты знаешь, что я охотился не для собственного удовольствия, а для того, чтобы добыть мяса. А если бы ты только заикнулась мне, я бы оставил Пага сторожить Фою.

— Так карлик уже успел выложить тебе свою историю? В таком случае выслушай истину. Он сам предложил мне остаться сторожить Фою, но я вовсе не желала, чтобы это отвратительное создание охраняло мою дочь.

— Паг никаких историй мне не рассказывал, но, очевидно, он только хотел выгородить тебя и потому упрекал меня за то, что я взял его с собой на охоту, когда нужно было опасаться Хенги. Слушай, Аака, ты поступила дурно. Пускай ты ненавидишь Пага, но он любит меня и всю мою семью.

Если бы ты позволила ему остаться охранять Фою, она была бы жива по сей день. Но оставим эти разговоры. Умершие мертвы, и больше мы их никогда не увидим. Слушай, по твоему совету я пошел к богам и молился им, вызвал Хенгу, убил его и отомстил, как ты того желала. Во всем этом деле Паг мне помогал своими мудрыми советами; и главное — он подарил мне секиру. Теперь я прогнал прочь всех женщин вождя, которые по праву и обычаю принадлежат мне, я провозгласил новый закон, по которому у каждого мужчины может быть только одна жена. Для того чтобы служить примером, как и подобает вождю, я обрек себя проклятьям, себя и все племя, на случай, если моя воля ослабнет, если я нарушу закон. А ты все настроена злобно против меня. Или ты разлюбила меня?

— Хочешь знать истину, Ви? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Хорошо, я скажу ее тебе. Я не разлюбила тебя, и ни один другой мужчина мне не нравится, и я люблю тебя не меньше, чем в день, когда ты за меня убил Ронги. Но вот в чем дело: я не люблю Пага, твоего самого близкого друга. А ты неразлучен с Пагом, а не со мной. Твой советчик — Паг, а не я. Правда, с того времени, что Фоя убита, вода кажется мне горькой на вкус, а мясо точно вываленным в песке, и вместо сердца камень колотится в моей груди, и мне дела нет ни до чего, и я равно готова жить и умереть. Но вот что я скажу тебе: выгони прочь Пага, — а ты вождь, ты на это имеешь право, — и я, сколько смогу, постараюсь быть для тебя тем же, чем была прежде: не только твоей женой, но и твоим советчиком. Выбирай между мной и Пагом.

Ви закусил губу (так он поступал всегда, когда бывал смущен) и грустно поглядел на нее.

— Женщины странны и не в состоянии понять, что справедливо и что нет. Однажды я спас Пагу жизнь, и потому он любит меня; из-за того же, что он мудр, мудрее всех в племени, я прислушиваюсь к его советам. Да, благодаря его сообразительности и его советам, а также подарку, который он сделал мне, — он взглянул на висящую на стене секиру, — я убил Хенгу; не послушайся я Пага, Хенга убил бы меня. И Фо любит его, и он любит Фо, и с помощью Пага же я создал новые законы, которые сделают легкой жизнь всему племени. А ты говоришь мне: «Выгони Пага, выгони своего друга и помощника». А ты ведь прекрасно знаешь, что, как только он выйдет из-под моего покровительства, женщины, которые его ненавидят, либо убьют его, либо же вынудят уйти прочь и жить в лесах, подобно хищному зверю. Поступи я так, я был бы подлым псом, а не человеком, и, во всяком случае, не был бы достоин звания вождя, ибо долг вождя — быть справедливым ко всем. Почему ты требуешь от меня этого?

Или ты ревнуешь меня к Пагу?

— На это у меня есть собственные причины, Ви, и причины вполне достаточные. Но раз я прошу тебя, а ты не уступаешь моим просьбам, ступай своей дорогой, а я пойду своей. Однако нечего разглашать в народе, что мы поссорились. Что же до твоих новых законов, повторяю тебе, что они только принесут тебе неприятности, и больше из них ничего не выйдет. Ты хочешь срубить дерево старое и вместо него посадить новое и лучшее. Но, если даже дерево и примется, ты умрешь прежде, чем оно разрастется настолько, чтобы защитить тебя от дождя. Ты тщеславен; ты безумен. И таким тебя сделал Паг.

* * *

Вернувшись в пещеру, Ви обнаружил, что Паг ожидает его с завтраком.

Пищу добыл Фо, который ушел из хижины раньше, чем отец, на самой заре. Фо подавал еду очень торжественно и таинственно. Завтракая — а ему подали лосося, — Ви лениво заметил, что еда приготовлена как-то по-новому и ей придан особый вкус солью, устрицами и какими-то травами.

— Я никогда ничего подобного не ел, — сказал он. — Как приготовлен этот лосось?

Тогда Фо с гордостью показал ему стоящий возле огня выдолбленный кусок дерева. В чурбан была налита вода, и она кипела.

— Это каким образом? — спросил Ви. — Ведь если дерево попадает на огонь, оно загорается.

Фо сдул пепел с очага и показал отцу несколько раскаленных докрасна камней.

— Сделано это вот таким образом, — сказал он. — Вот этот чурбан найден в болоте; я много дней подряд выжигал его сердцевину и, когда она обугливалась, вырезал ее куском такого же блестящего камня, из которого сделана твоя секира. Когда я все очистил, я залил чурбан водой и наложил туда раскаленные докрасна камни, накладывал, покуда вода не закипела. А тогда я опустил в воду очищенную выпотрошенную рыбу, устриц и травы и продолжал бросать туда камни, чтобы вода не стыла; бросал до тех пор, покуда рыба не оказалась готовой. Вот как это было сделано. Скажи, рыба получилась вкусная?

И он рассмеялся и захлопал в ладоши.

— Очень вкусная, — ответил Ви, — и я с удовольствием поел бы еще, но только сыт по горло. Вообще, это очень хитрая выдумка. Чья она?

— Все это выдумал Паг, но я сделал почти всю работу.

— Хорошо. Возьми себе остатки рыбы и можешь есть. А затем вымой чурбан, чтобы он не вонял. Вы с Пагом сделали больше, много больше, чем думаете, и скоро будете прославлены всем племенем.

Фо ушел в полном восторге, а затем даже отнес горшок матери, ожидая, что она похвалит его. Но этого он не дождался. Как только Аака узнала, что идея нового приготовления пищи принадлежит Пагу, она заявила, что вполне удовлетворена пищей, приготовленной так, как это делали предки, и убеждена, что от вареной рыбы можно заболеть.

Но никто не заболел, и скоро варка рыбы распространилась повсеместно. Все племя занималось выжиганием деревянных чурбанов, вычищало обугленную сердцевину кремневыми орудиями и затем кипятило воду в горшках раскаленными камнями. В эту воду бросали не только рыбу, но и яйца, и мясо, замороженное при хранении во льду. Так, даже старые и беззубые снова могли есть и стали тучнеть. Да и вообще здоровье членов племени улучшилось, и в частности, дети почти перестали болеть несварением желудка — результатом питания обугленным на огне мясом.

Глава VI. Паг заманивает волков

Ви с советниками снова собрал племя перед пещерой, для того чтобы объявить новые законы. Впрочем, на этот раз явилось не столько народу, сколько накануне, так как многие — таковы были плоды первого закона — лежали больные и раненые, а иные продолжали еще ссориться и драться из-за женщин, многие же холостяки строили хижины достаточно большие, чтобы жить там вдвоем.

Сразу же, прежде чем Ви успел заговорить, посыпалось множество жалоб на бесчинства последней ночи и просьбы о вознаграждении за убытки и увечья. Выплыло немало запутанных вопросов, связанных с распределением женщин. Например, если три или четыре человека хотят жениться на одной и той же девушке, кто из них должен взять ее?

Ви отвечал, что выбор в данном случае всецело принадлежит девушке.

Этим заявлением все были удивлены и просто ошарашены. До сих пор женщина по большей части не имела права выбора; дела такого рода разрешались ее отцом, если он был известен, обычно же — матерью. Иногда, если у нее не было покровителя, сильнейший из поклонников убивал или избивал всех своих соперников и попросту уволакивал приглянувшуюся ему девушку за волосы.

Однако Моананга и Паг вскоре указали Ви, что, если он будет тратить много времени на выслушивание и разбор всех жалоб, немало дней придется ждать, покуда удастся объявить новые законы.

Поэтому Ви отложил разбор всех споров на будущее время и провозгласил народу новый закон. Согласно этому закону отныне ни один младенец женского пола не может быть выброшен на съедение волкам или обречен на смерть от холода, если только он не родится нежизнеспособным уродом. Этот закон вызвал немалый ропот. Ворчавшие возражали, что дитя принадлежит родителям, в частности матери, которая вольна поступать со своим добром как ей вздумается.

Для того чтобы прекратить эти толки, Ви торопливо объявил, какое наказание полагается за нарушение этого закона. Наказание это было ужасное: выбросившие ребенка на гибель сами должны были подвергнуться такой же участи, и никто не смел прийти к ним на помощь.

— А если нам нечем прокормить ребенка? — спросил чей-то голос.

— Если это докажут мне, я, вождь, возьму этих детей и буду заботиться о них так, как если бы они были мои. Или же отдам их в

бездетную семью.

— Семейство у нас скоро будет немалое, — заметила Аака.

— Да, — согласилась с ней Тана, — и все-таки Ви великодушен и Ви прав.

На этом собрание закончилось с общего согласия, так как племя чувствовало, что больше чем один закон в день оно переварить не в состоянии.

* * *

На следующий день они сошлись вновь, но в еще меньшем количестве, и Ви продолжал объявлять свои новые законы, законы превосходные, но слушателей они интересовали мало — наверное, потому, что, подобно всем дикарям, были не в состоянии надолго сосредоточиться на подобных вещах.

Кончилось дело тем, что народ вообще перестал являться на Место Сборищ, и законы пришлось объявлять Вини-Вини Трубачу. Целыми днями ходил он от хижины к хижине, трубя в рог и выкрикивая законы в дверь, куда все женщины не рассердились на него и не приказали детям прогнать его градом яичной скорлупы и головами сушеной рыбы.

В общем же, к тому времени, когда он кончил свой обход, в хижинах, с которых он начал, уже начисто позабыли о том, что он говорил.

Но законы были объявлены, никто против них не протестовал, и Ви считал их действующими. И незнание законов не могло считаться оправданием для нарушения их. Предполагалось, что каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок знает законы, если даже и не выполняет их.

Но Ви вскоре убедился, что одно дело — издать закон, а другое — заставить народ исполнить его, что первое значительно легче второго. Убедился он в этом, когда к законодательной деятельности ему пришлось прибавить деятельность судебную. Почти каждый день вынужден он был сидеть перед пещерой или — если погода была скверной — в самой пещере, и разбирать судебные казусы и назначать наказания. Таким образом постепенно по всему племени распространялось знание законов и соответствующих наказаний за нарушение их.

Так, когда Тури, хранитель пищи, ухитрился захватить себе больше,

чем полагалось, из запасов вяленой рыбы (он попросту явился на место, где вялилась рыба, раньше других), его хранилище было разгромлено и запасы были распределены между нуждающимися. С тех пор он стал тщательнее прятать свое обманным путем приобретенное добро.

Так, когда удалось доказать, что Рахи Богатый, который нажился на торговле, в обмен на данные ему уже вперед шкуры вручал скверные рыболовные крюки, либо недостаточно острые, либо с обломанными кончиками, либо на слабой основе, к нему в хижину явился Моананга в сопровождении нескольких человек, разрыл земляной пол, нашел завернутые в шкуру крючки, забрал их и распределил между теми членами племени, у кого крючков не было. Рахи рвал и метал по этому поводу, но на его сторону не стал никто, потому что всем было приятно видеть, как человек, нажившийся на бедняках, наказан за свое стяжательство.

В общем же итоге Ви — хотя многие и стали роптать и даже плести интриги против него — приобрел за свои новые, хорошие законы большую популярность в племени. Теперь народ знал, что в пещере живет не убийца и не грабитель вроде Хенги и бывших прежде вождей, но человек честный, который берет с племени возможно меньшие поборы и стремится принести пользу всему народу, хотя и является, как считало большинство, безумцем. Поэтому племя постепенно стало подчиняться его законам, одни больше, другие меньше, и народ начал хвалить Ви и желать, чтобы он правил племенем подольше. Так говорили люди, хотя в открытую и восставали против него.

Но вот произошли большие неприятности.

Одна сварливая и скверная женщина по имени Эйджи родила девочку и, не желая возиться с ней, заставила мужа снести ребенка на опушку леса, где его должны были съесть рыскавшие там по ночам волки. Но за этой женщиной следили другие женщины, которым Паг поручил это дело (Паг хорошо знал ее натуру и подозревал ее). Мужа же заметили в то самое мгновение, когда он — при наступлении ночи — клал ребенка на камень у опушки леса, и подслушали, как он рассказывал жене о том, что сделал, и как она благодарила его.

На следующее утро их обоих привели к Ви, который сидел возле устья пещеры и вершил правосудие.

Ви спросил их, что стало с девочкой, которая родилась у них месяц тому назад. Эйджи смело ответила, что девочка умерла и что труп ее согласно обычаю выброшен. Тогда Ви подал знак, и из пещеры вышла повивальная бабка с той самой девочкой на руках: девочка была взята в пещеру, как обещал Ви, издавая закон.

Эйджи заявила, что это не ее дочь. Тогда девочку показали отцу. Тот взял ее на руки и заявил, что это его ребенок. Его стали расспрашивать, и он сознался, что снес девочку на съедение волкам против собственной воли, только ради того, чтобы избежать шума и ссор в доме.

Итак, когда преступление было доказано полностью, Ви, повторив закон, объявил решение. Так как родители богаты и отнюдь не нужда привела их к преступлению, они подлежат следующему наказанию: на закате солнца их отведут к опушке леса и привяжут к деревьям у того же камня, на который они положили девочку, и оставят там, чтобы волки сожрали их.

При этом строгом приговоре в народе раздались крики, так как большинство членов племени в свое время выбрасывало новорожденных девочек. Послышались даже угрозы в адрес Ви.

При наступлении ночи Эйджи и ее муж под плач и завывания родных и друзей были выведены из хижины и привязаны к деревьям в назначенном месте. Там их покинули как преступников, которые попались в совершенном преступлении.

Всю ночь с места казни раздавались вой и крики, и племя считало этот шум знаком того, что Эйджи и ее муж растерзаны волками. Волки всегда блуждали на некотором расстоянии от хижин, но в зимние месяцы, когда бывали очень голодны, врывались в поселение; обычно же они не осмеливались приближаться к хижинам, так как боялись острог и волчьих ям.

Смерть преступников разъярила народ, так что немало людей бросилось к пещере с воплями протеста и негодования против Ви, по чьему приказу погибли Эйджи и ее муж. Народ кричал, что не стерпит, чтобы мужчин и женщин убивали за то, что они хотят отделаться от бесполезного порождения. Сбежавшиеся немало изумились, когда увидели в устье пещеры трех убитых волков и стоящих позади них Эйджи и ее мужа со связанными руками и ногами.

Тогда вперед проковылял Паг с окровавленным копьём в руке и заговорил:

— Слушайте! Эти двое справедливо были приговорены к той же смерти, на какую они обрекли своего ребенка. Но вот вышли Ви Вождь и Моананга, брат его, и я, Паг, и с нами пошли собаки, и мы притаились в ночи рядом с приговоренными, но так, чтобы они нас не видели. И пришли волки, шесть или восемь штук, и набросились на обреченных. Тогда мы отвязали собак и, не щадя собственных жизней, обрушились на зверей, троих убили и остальных так изранили, что они убежали. А затем отвязали

Эйджи и ее мужа от деревьев и снесли их сюда, так как они были настолько перепуганы, что сами не могли идти. А теперь по приказу Ви я освобождаю их и объявляю всем, что если кто-нибудь еще выбросит новорожденную девочку, то его приговорят к смерти и оставят умирать, и никто не придет к нему на помощь.

Так Эйджи и ее муж были освобождены и ушли восвояси, покрытые позором, слава же Ви после этого происшествия сильно возросла — так же, как слава Моананги и даже слава Пага.

С той поры больше не выбрасывали девочек на смерть и на съедение хищным зверям. Но немало девочек было принесено к Ви родителями, заявлявшими, что не в состоянии прокормить их. Этих детей Ви — согласно своему обещанию — поселил в пещере и отвел для них несколько закоулков, расположенных недалеко от света и от огня. Сюда и являлись матери кормить их грудью, покуда девочки не подрастали настолько, что их можно было поручить уходу специально назначенных для этого женщин.

Естественно, что все эти перемены вызвали много разговоров в племени, так что даже создались две партии, из которых одна стояла за нововведения, а другая была против них.

Как бы то ни было, до сих пор никто еще не ссорился с Ви, которого все признавали лучшим и мудрейшим из всех вождей, о которых жили предания в племени. К тому же у народа не было времени для размышлений, ибо в летние месяцы все были заняты тем, что собирали пищевые запасы для долгой и свирепой зимы.

Ви и его совет распределяли работу по добыче пищи, считаясь с силой каждого человека в племени. Даже детям поручили собирать яйца морских птиц, потрошить и разделять треску и других рыб и вялить их на солнце, и круглые сутки охранять в огороженном месте, куда не могли добраться ни волки, ни лисицы. Десятая часть всей собранной пищи шла вождю на прокорм его самого и всех, кого он содержал.

Половина остального количества пищи складывалась про запас в расчете на зимнюю нужду. Хранилищем служила пещера, но главные склады пищи вырубались глубоко во льду, у подножия глетчера, и заваливались огромными камнями для того, чтобы ни волки, ни другие хищники не могли растаскивать запасы.

Так Ви работал с утра до ночи. Паг помогал ему. Ви распорядился всем в жизни племени и уставал настолько, что засыпал, еле добравшись до ложа, — тот самый Ви, который прежде охотился без усталости целыми днями.

Ночи ему случалось проводить иногда и в хижине Ааки, но Аака

держала слово и не оставалась на ночь в пещере, потому что там жил Паг. Так Ви с женой жил якобы мирно и разговаривал с ней о повседневных житейских мелочах, но оба ни слова не говорили о том, из-за чего однажды рассорились.

Фо было приказано спать в хижине матери. Но там он проводил только ночи, а все дни бывал с отцом, который его встречал с каждым днем все более радостно.

Аака стала ревновать мужа даже к Фо. Мальчик скоро это почувствовал.

* * *

Зима наступила очень рано; в сущности, в тот год вообще не было осени.

Был спокойный день, и солнце светило, совершенно не грея. Ви ходил по берегу с Урком Престарелым, Моанангой и Пагом. Он был так занят, что мог совещаться только во время работы, на ходу. Внезапно раздался звук, подобный грому, — это поднялись покрывавшие побережье утки; их были тысячи. Они поднялись, взметнулись столбом и улетели на юг.

— Что их могло испугать? — спросил Ви.

— Ничего, — ответил Урк. — Лет семьдесят тому назад, когда я был еще ребенком, помню, они вели себя точно так же в это самое время года. И после этого отлета наступила самая жестокая и самая долгая зима, какую мы когда-либо знавали. Было так холодно, что умерло много народу. Впрочем, может быть, птицы испуганы каким-нибудь шумом, например треском льда. Если их испугал какой-нибудь шум, они вернуться. Если же не вернуться, мы их не увидим до следующей весны.

Птицы не вернулись. И улетели они так поспешно, что на берегу остались сотни еще не вполне оперившихся птенцов, которые едва-едва умели летать. За ними гонялись дети, избивали их и складывали про запас во льду. Прочь от берега шли также и тюлени; исчезла и рыба.

В следующую же ночь ударили свирепые заморозки.

Ви совершенно правильно расценил их как начало зимы. Поэтому он послал людей за дровами на опушку леса, где валялось много сломанных деревьев.

Работа была медленная и мучительная.

Племя не знало пилы и очищало деревья от сучьев и разделяло на части кропотливой работой — действуя кремневыми топорами. Долгий опыт позволял им рассчитывать на добрый месяц работы в лесу, прежде чем пойдет снег, который схоронит палые деревья так, что к ним уже нельзя будет подступиться. Сбор топлива обычно бывал последней перед наступлением зимы работой племени.

Но в этом году снег пошел уже на шестой день. Правда, снег шел негусто, но небо было закрыто тяжелыми тучами. Ви поставил все племя на работу, перестал обращать внимание на какие бы то ни было нарушения законов и следил лишь за тем, чтобы каждый трудился изо всех сил. Благодаря этому за две недели удалось набрать больший запас дров, чем когда-либо случалось видеть Урку за всю его жизнь. И был сделан запас не только дров, но и мха, идущего на фитили для светильников, а также были сложены огромные груды оставленных приливами водорослей, которые горели, может быть, даже еще лучше, чем дерево.

Народ ворчал на эту беспрестанную работу в метели и на холоде. Но Ви не обращал внимания на жалобы, так как был испуган чем-то, чего сам не знал. Он заставлял народ работать в продолжение всего дня и большинства часов ночи.

Он оказался прав.

Едва успели затащить в селение последние стволы, едва успели спрятать в подземные хранилища груды водорослей, как пошел густой снег. Он шел беспрестанно много дней подряд и покрыл землю слоем глубиной чуть ли не в человеческий рост. Оказалось, что, не торопи Ви с работой, ни к палым деревьям, ни ко мху, ни к водорослям добраться было бы уже невозможно. А вслед за снегом пришли морозы, великие морозы, которые продолжались много месяцев.

Подобной зимы никто и никогда не видел. Ужас зимы состоял, может быть, даже не в густоте и количестве снега и даже не в холодах, а в том, что день был короче, чем день любой предшествующей зимы. День был короток настолько, что его почти не успевали заметить. Солнце не светило — оно только рассеивало слабый свет сквозь густые свинцово-серые тяжелые тучи.

Еще не успели толком начаться морозы, а самый злой ворчун племени уже благословлял Ви за то, что тот приказал собрать такое количество топлива и пищи; только эти запасы и спасали от голодной и холодной смерти. Но даже при наличии всех этих огромных запасов умерло немало стариков, немало больных и немало детей. Земля промерзла, и схоронить их было невозможно. Трупы были унесены из селения и заброшены снегом.

Вскоре их вырыли и съели волки.

По мере того как продолжалась зима, волки становились все более свирепыми. Пищу они себе найти не могли, и, обезумев от голода, блуждали вокруг селения; случалось, что по ночам они врываются в хижины и набрасывались на обитателей, а днями лежали в засадах и ловили детей.

Ви приказал соорудить вокруг селения валы из снега; в проходах между валами круглые сутки горели костры, чтобы отпугивать зверей. Принесенные плавучими льдами белые медведи появились на побережье, блуждали по холмам, ревели и пугали людей. Впрочем, белые медведи еще не убили никого из племени. Очевидно, эти звери боялись человека. Однако они причинили племени другой ущерб, не менее значительный: они по запаху нашли несколько складов пищи, разрыли их и сожрали все находившиеся там припасы.

Вскоре нападения волков и других хищников стали совсем наглыми. Жить в беспрестанном страхе больше было нельзя. Ви, посоветовавшись с Моанангой и Пагом, решил приняться за беспощадное истребление зверей, прежде чем они успеют причинить еще больший ущерб.

В покрытых льдом холмах, между которыми стояло селение, находилось узкое и высокое ущелье, в сущности — тупик; из ущелья был только один выход, да и тот в одном месте сужался до двух с половиной шагов.

Ви, искусный и опытный охотник, решил загнать всех волков в этот горный тупик и построить у входа в него каменную стену такой высоты, чтобы волки не могли перебраться через нее; таким образом ему удастся навсегда отделаться от них.

Но в первую очередь следовало приучить их входить в это ущелье.

За это они принялись следующим образом.

В начале зимы к берегу прибило умирающего кита. Племя, пользуясь тем, что кит погиб в мелкой воде, принялось вырезать из него жир и мясо. Вырезанные куски раскладывали на выступающих из воды камнях. Рассчитывали, что, когда наступит зима и вода замерзнет, мясо и жир легко будет унести по льду. Разделка кита была прервана работой по заготовке дров, а затем наступили морозы, снежные бури и метели, так что никак не удавалось подойти к скалам.

Когда наконец установилась ровная погода, Ви отправился на берег и обнаружил, что в продолжение одной из оттепелей (чередовавшихся со снежными бурями) мясо совершенно сгнило. Когда же все замерзло, Ви решил пустить это мясо в ход в качестве приманки для волков. Он призвал

старейшин племени и изложил им свой план.

Слушали его недоверчиво. Особенно недовольны были Пито-Кити Несчастливый и Уока Злой Вещун. Они заявили, что волки часто нападают на людей, но никогда еще не случилось, чтобы люди нападали на волчью стаю, тем более зимой, когда волки особенно свирепы и ужасны.

— Послушайте, — возразил Ви, — что вы предпочитаете: убить волков или чтобы волки сожрали ваших жен и детей?

На этот прямой вопрос дать ответа они не могли и пытались извернуться. Словом, дело кончилось тем, что обсуждение отложилось до следующего дня.

В ту же самую ночь волки в огромном количестве — никак не меньше сотни — напали на селение. Они перелезли через снеговые валы, промчались мимо сторожевых костров, и, прежде чем волков успели отогнать, в клочья оказались разорванными женщина и двое детей и к тому же немало народу было покусано.

После этого старейшины приняли план Ви, потому что ничего другого придумать не могли.

Сперва самых сильных людей послали к устью ущелья, чтобы натащить сюда побольше камней. Из этих камней была сложена стена — на широком основании, вдвое выше человеческого роста. Промежутки между камнями были заполнены снегом, который немедленно смерзся. Посреди стены был оставлен узкий проход для волков, и рядом сложили про запас камни — для того чтобы немедленно закрыть отверстие, когда понадобится. Затем отправились на берег за китовым мясом.

Тут их постигла неудача. Оказалось, что, несмотря на обильный снег, мясо и жир примерзли так крепко, что отодрать их оказалось невозможно. Таким образом, все их труды пропали даром. На обратном пути Уока громогласно заявил, что он с самого начала знал, что так и будет.

Всю ночь Ви и Паг совещались, но не могли ничего придумать. Ви предложил было зажечь костры, чтобы мясо оттаяло. Паг возразил на это, что в таком случае жир загорится, и все пойдет насмарку. Тогда Ви обратился к Ааке.

— Значит, когда Паг не может помочь тебе, ты идешь ко мне за советом? — заметила она. — Я помочь ничем не могу.

Помог случай.

Под утро с берега раздались странные звуки: слышались рычание, скрежет и рев. При первых лучах Ви разглядел целую стаю белых медведей, крадущихся сквозь туман.

Когда медведи ушли, Ви, захватив с собой Пага, пошел посмотреть,

что они натворили. Оказалось, что медведи, учуявшие мясо (благо ветер смел с него снег), отодрали его своими острыми когтями от камней. Они съели немало, но оставалось мяса еще достаточно.

Тогда Ви сказал Пагу:

— Я думал, что все дело рухнуло, что нам придется оставить ловушку без приманки и попытаться силой загнать туда волков. Но боги, оказывается, помогли нам.

— Да, — сказал Паг, — медведи помогли нам. Не знаю я только, боги ли являются медведями или медведи богами.

Торопливо, прежде чем мясо заново примерзнет, созвали племя. Люди явились во множестве; одни с веревками, которыми привязывали огромные куски мяса, другие с грубо сплетенными корзинами. Прежде чем наступила ночь, они снесли почти все мясо в ущелье, где бросили его на произвол судьбы, чтобы оно примерзло и чтобы волки, таким образом, не смогли ни утащить его, ни сожрать так легко.

Ночью они следили при свете луны и увидели и услышали множество волков, которые собрались у входа в ущелье и рыскали взад и вперед, не решаясь войти, опасаясь ловушки.

Наконец несколько волков вошли, и наблюдавшие за ними люди дали им беспрепятственно нажраться и вернуться восвояси. На следующую ночь волков явилось больше. Каждую ночь их все прибывало, хотя замерзшее мясо с трудом поддавалось даже их крепким челюстям.

На четвертую ночь Ви созвал племя и перед самым заходом солнца разослал всю молодежь под предводительством Моананги в леса. Им было дано поручение полукругом оцепить волчьи логова и не шевелиться, пока на условленной скале не вспыхнет сигнальный костер. Тогда они с криками должны броситься вперед и гнать волков ко входу в ущелье.

Люди пошли за Моанангой, зная, что предстоит решительная схватка, что теперь должны погибнуть либо они, либо волки.

Ви заметил, что Паг держит себя как-то странно. Как только молодежь ушла, Паг сказал:

— Это бесполезно, Ви. Ведь если волков испугать криками, они побегут не к ущелью, а постараются либо прорваться через линию загонщиков, либо обогнуть их. Словом, они поодиночке или парами, но скроются.

— Почему ты раньше не сказал этого?

— Были причины. Послушай, Ви! Все женщины называют меня Человеком-Волком. Считают меня оборотнем, считают, что я по ночам перекидываюсь в волка и охочусь в стае. Это, понятно, вздор, но к этой лжи

примешано сколько-то правды. Ты знаешь, что вскоре после моего рождения мать бросила меня в лесу, рассчитывая, что волки съедят меня, а отец нашел меня и принес назад. Но ты, наверно, не знаешь, что в лесу я пробыл десять дней. Я был грудным младенцем, так что ничего не помню о том времени, но нужно полагать, что меня выкормила какая-нибудь волчица.

— О подобных вещах я слышал, но, по-моему, все это бабьи рассказы, — ответил Ви. — По-моему, и твоя история — чепуха. Отец, наверное, нашел тебя в тот же день, когда ты был брошен.

— По-моему, это правда. Моя мать, умирая, все рассказала мне. Она сказала, что отец (его вскоре разорвали волки) сам поведал ей это под секретом, потому что не смел говорить об этой истории вслух. Он рассказывал, что пошел искать мой труп, хотя бы кости, а нашел меня в логовище, какое волки устраивают для своих детенышей. Надо мной стояла огромная серая волчица, и ее сосок был у меня во рту. Очевидно, эта волчица лишилась детенышей. Она зарычала на него, но убежала. А он схватил меня и побежал домой. Мать клялась мне в этом.

— Бред умирающей, — проворчал Ви.

— Не думаю, — возразил Паг, — и у меня есть на то основания. Когда меня выгнали из племени, мне пришлось уйти в лес, потому что никто не хотел помочь мне. Я пошел в лес, чтобы волки растерзали меня и прикончили мою жизнь. Вечерело, и я видел за деревьями собравшихся волков; они дожидались ночи, чтобы наброситься на меня. Я нехотя следил за ними, ожидая конца. Волки все приближались, и внезапно на меня набросилась большая серая волчица, прыгнула, остановилась и принялась. Она трижды обнюхала меня, лизнула и с рычанием ринулась на других волков. Самцы побежали прочь, но две волчицы остались.

Она схватилась с ними, перегрызла одной горло, а другую так искусила, что та с воем убежала. Тогда она убежала тоже. Я изумленно глядел ей вслед, но потом вспомнил рассказ матери и больше не удивлялся. Очевидно, это была та волчица, которая выкормила меня.

— А тебе случалось еще ее видеть, Паг?

— Да. Она возвращалась дважды. Один раз через пять дней, а второй раз — на седьмой день после первого ее возвращения. Каждый раз она приносила мне мясо. Это была гнилая падаль, очевидно выкопанная ею из-под снега, но я не сомневаюсь в том, что это было лучшее мясо, какое она могла найти. Она совершенно отощала от голода, но я уверен в том, что она приносила мне свою долю.

— И ты ел это мясо?

— Нет. Ведь я хотел умереть. И вдобавок меня рвало от одного вида этого мяса. А затем ты нашел меня и привел к себе, и с тех пор я больше не встречался со своей кормилицей. Но она еще жива; я несколько раз видел ее. Последний раз — этой зимой. Теперь она водит стаю.

— Странная история, — сказал Ви, удивленно глядя на него. — Если она правдива, если только тебе это все не пригрезилось, ты должен был бы быть поласковее к волкам. А ты ведь их убил немало.

— А с чего мне быть ласковыми с ними? Разве они не разорвали моего отца? Разве они не сожрали бы меня? Но к этой волчице я испытываю нежность. Поэтому и я прошу в награду за то, что я сделаю, пощадить ее жизнь.

— А что ты сделаешь?

— Вот что. Перед тем как зажгут сигнальный костер, я отправлюсь в лес и разыщу эту волчицу. Она узнает меня и придет ко мне. Я поведу ее, и все волки пойдут за ней. И я приведу их в ловушку. Я спасу только ее — вот плата, которую я требую.

— Ты с ума сошел!

— Называй меня сумасшедшим, если я не вернусь или если мой замысел провалится. Если же я уцелею и сделаю все, что собираюсь, называй меня мудрым.

Паг рассмеялся низким гортанным смехом.

— До того времени как зажгут костер, остался час. Дай мне этот час, и ты увидишь, — закончил он.

И, не дожидаясь ответа, Паг соскользнул со скалы и скрылся во тьме.

— Он сошел с ума, — пробормотал Ви. — Вот и конец нашей дружбе. Впрочем, вскоре все выяснится. Уже близко время, когда нужно будет зажечь сигнальный костер.

Прошло еще немного времени, и Ви взглянул на луну. Звезда уже исчезла за краем ее диска. Подходил условленный час.

Он нагнулся к Фо, сидевшему у его ног, и шепнул ему что-то. Фо кивнул и через несколько мгновений вернулся к отцу, держа в руках дымящуюся головню, которую принес из маленького костра, горевшего за краем горы.

Ви взял головню, подошел к сложенной на скале куче сухого дерева, раздул головню и ткнул ее в горку измельченных водорослей, лежащую у низа кучи. Высушенные водоросли запылали синим огнем, и вскоре горела уже вся куча.

Ви приказал Фо вернуться в пещеру. Фо отошел в сторонку, якобы направляясь домой, но спрятался за утесом, так как больше всего на свете

ему хотелось посмотреть на эту великую охоту на волков.

Ви был уверен, что Фо ушел, и спустился вниз, где между камнями спрятались старики. Их было человек пятьдесят или чуть больше, и предводительствовал всеми Хотоа Заика. Они укрылись под ветром от волков, так чтобы те их не учуяли.

Ви приказал всем быть наготове и дождаться, пока все волки не войдут в ловушку, и только тогда, по его приказу, но не раньше, броситься вперед с камнями в руках и заложить отверстие, чтобы волки не могли вернуться. Пока что они должны беспрестанно ворошить камни, чтобы те не примерзли.

Старики дрожали от холода и страха и выслушали его угрюмо.

Уока сказал:

— Я предчувствую, что из этого дела ничего хорошего не выйдет.

Хоу Непостоянный спросил:

— Нельзя ли отказаться от этой затеи и пойти домой?

Нгай Волшебник заявил:

— Я молился Ледяным богам и после этого видел сон. Мне снилось, что Пито-Кити спит в брюхе у волка. Понятно, это обозначает, что всех нас сожрут волки.

Пито-Кити застонал и стал ломать руки.

Урк Престарелый покачал головой и заявил:

— Никогда не выдумывали такой вещи. Никогда; не то я бы слышал это от деда. А то, чего не делали раньше, незачем делать теперь.

Только Хотоа, человек мужественный, хотя и глупый, заявил:

— Камни готовы, и я буду закладывать вход в ущелье, хотя бы мне пришлось делать это одному.

Ви рассердился.

— Слушайте. Луна светит ярко, и я вижу всех. Если хоть один человек побежит, я разгляжу его и вышибу из него мозги. Да, первый же, кто побежит, умрет.

Он взмахнул секирой и многозначительно взглянул на Хоу и Уоку.

После этого все замолчали, зная, что Ви держит свои обещания.

* * *

Начали появляться волки. На снегу они казались темными тенями. По

двое и по трое пробегали они, высунув языки, и скрывались в ущелье.

— Не шевелитесь, — шепнул Ви. — Эти волки пришли кормиться.

Он оказался прав. Вскоре из глубины ущелья раздались рычание и лязг зубов. Волки ссорились из-за мяса.

Наконец издалека донеслись крики. Загонщики увидели огонь и принялись за дело. Прошло немало времени.

И внезапно сидевшие в засаде увидели ужасное зрелище: снежная тропинка под ними почернела от волков. Волков было больше, чем они могли сосчитать. Их были сотни, и шли они медленно, молча и нехотя, как упирающийся гость.

А впереди них рысцой трусила огромная тощая серая волчица. Рядом с ней бежал, держась за загривок, или ехал на ней верхом, — при неверном лунном свете и благодаря теням утесов они толком не могли разобрать, — кто-то, похожий на человека.

Это был Паг.

Сидевшие в засаде задрожали от ужаса, а некоторые закрыли глаза руками. Даже Ви вздрогнул. Значит, Паг говорил правду. Значит, в его жилах текла всосанная с молоком волчья кровь. Значит, в мозгу его жили волчьи хитрости.

Серая волчица вошла в проход. Ви разглядел ее сверкающие глаза и стертые желтые клыки. Рядом с ней прошел Паг. Они вошли в проход каменной стены, покрытой снегом. Вошли, и волчица закинула морду и громко завывала.

Следовавшая за ней толпа волков колебалась. Но на призывный вой все волки вскинули морды и завывали в ответ. Подобных звуков никто в племени никогда не слышал; они были так ужасны, что многие попадали наземь, чуть не лишившись сознания.

Вожак стаи позвал, и стая должна была повиноваться зову. Волки бросились ко входу, давя друг друга, карабкаясь друг другу на спину, торопясь.

Все волки вошли в ловушку. Ни один из многих сотен не остался снаружи.

Настало время запираť проход.

Ви открыл уже рот, чтобы дать сигнал, и заколебался.

Ведь там внутри в ловушке остался Паг. Когда волки обнаружат, что они попались, они разорвут его и волчицу, приведшую их на смерть. Нужно подать сигнал, но Паг в ловушке. В состоянии ли он отдать приказ, который обрекает Пага на смерть?

Паг один, а в племени народу много. Если волки вырвутся, обезумев от

ярости, — ни один из племени не уцелеет.

— К стене! — хрипло сказал Ви. Схватив огромный камень, он бросился вперед.

Из расщелины вышла огромная серая волчица и с ней, целый и невредимый, Паг. Он наклонился, что-то шепнул ей на ухо, и присутствующим показалось, что она прислушалась к его словам и облизала ему лицо. Затем она отпрянула прочь, точно камень из пращи.

На пути ее стоял Пито-Кити Несчастливый; он повернулся, чтобы бежать. Она с рычанием бросилась на него, укусила его в бедро, помчалась дальше и скрылась из виду.

— Заваливайте! — кричал Ви. — Заваливайте!

— Заваливайте! — повторил за ним Паг. — Заваливайте поскорей, если хотите увидеть солнце. Я ухожу. Мое дело сделано.

И он проковылял мимо людей, которые с ужасом отстранялись от него.

* * *

Ви бросился к входу и положил свой камень. За ним кинулись другие. Над растущей стеной показалась волчья морда. Ви взмахнул секирой, и волк свалился с рассеченным черепом. Послышался лязг зубов: загнанные волки поедали убитого. Это дало людям короткую передышку.

Груда камней росла, но теперь волки навалились на нее всей своей тяжестью. Одних убивали, других отгоняли. Даже самые робкие отчаянно дрались каменными топорами, копьями и дубинами, ибо каждый помнил, что, если стае удастся перелезть через стену или проломить ее, ни один человек живым не уйдет.

Итак, одни строили, другие сражались, а третьи носили корзины с сырой глиной или снегом и затыкали щели между камнями. Скрепы немедленно замерзали, и каменная кладка становилась крепкой, как крепостная стена.

Нескольким волкам удалось взобраться на спину к другим и прыгнуть оттуда на гребень стены, прежде чем ее довели до полной высоты. Большинство этих волков убежало, и от них-то и пошли новые волчьи стаи. Но самые свирепые из выскакивающих волков сражались с людьми до последнего издыхания.

Посреди этого шума и смятения Ви услышал призыв на помощь; он

обернулся, так как голос был как будто бы знакомый.

На ослепительно блестящем под луной снегу его сын Фо бился с огромным волком. Зверь взревел и прыгнул. Фо пригнулся и принял тяжесть прыжка на острие кремневого копья. Мальчик упал, и волк рухнул на него.

Ви бросился вперед, думая, что запоздает, что найдет сына с перегрызенным горлом.

Он пришел слишком поздно: и Фо и волк лежали недвижно. Собрав все свои силы, он оттащил труп волка. Под ним лежал покрытый кровью Фо.

Думая, что мальчик мертв, Ви с болью в сердце поднял его, так как любил сына больше всех на свете.

Внезапно Фо выскользнул из его объятий, подскочил, потянулся и глубоко вздохнул.

— А ведь я убил волка! Посмотри: копьё сломалось, но конец его торчит из спины. Он уже разинул пасть, чтобы перегрызть мне горло, но задрожал и умер.

— Ступай домой! — резко приказал ему Ви.

В душе же он радовался чудесному спасению сына.

И он бросился назад к стене и не отходил, пока она не достигла такой высоты, что ни один волк на свете не мог бы перескочить через нее. Перелезть через стену было также невозможно, потому что верхние ряды камней выступали над нижними и шли уступами внутрь ловушки. Ви, стоя возле стены, дожидался, пока не замерзнут окончательно снег, мокрый песок и сырая глина. Направлялся домой он уже в твердой уверенности, что до весны ничто не разрушит стены.

Работа была кончена, и на востоке уже пробивалась заря короткого зимнего дня. Ви вскарабкался на стену и заглянул в ущелье. Оно еще было во тьме, так как луна уже села, а солнечные лучи сюда не доходили. Во мгле он разглядел сотни свирепых глаз; окрестные холмы откликались эхом на вой взятых хитростью волков.

Так они выли много дней. Более сильные пожирали тех, кто слабел. Наконец в темной котловине наступила тишина.

Все волки передохли.

Глава VII. Ви встречается с тигром

Прошло два дня, в продолжение которых Ви главным образом спал.

Этот великий бой с волками утомил его почти до смерти. Впрочем, потрясен он был главным образом не сражением, но зрелищем ужасной дружбы Пага с серой волчицей и боязнью, которую испытал, когда волк обрушился на Фо. Немало страху пережил он также, строя стену, от мысли, что вот сейчас вся стая хищников разнесет наложенные людьми камни и разорвет в клочья его и всех его соплеменников.

Он подчас просыпался, и Аака бывала с ним нежна, нежнее, чем когда-либо, с того самого времени, как Хенга убил Фою. Дело в том, что Аака гордилась великими делами Ви и тем, что слава его была у каждого на устах. Видя, что он поправляется, она приносила ему пищу и говорила с ним ласково, что утешало Ви, который по-прежнему юношеской любовью любил Ааку, хотя в последнее время она и была холодна к нему.

Ви сидел на кровати, и Аака подавала ему еду (таков был обычай племени); в пещеру вошел Моананга и весело, как всегда, стал говорить о событиях той ужасной ночи.

— В сущности, работал-то только ты один, Ви, — заметил он. — А мы только шлялись по лесу, расцарапали себе ноги и изодрали лица о полузанесенные снегом деревья и сучья. И все это совершенно без толку.

— А волков вы не видели?

— Ни единого. Вою-то в отдалении мы слышали досыта. Выходит так, что они все ушли, не дожидаясь нас, что их увел один наш общий приятель, который, как говорят, умеет околдовывать волков. Впрочем, наверно, эти рассказы — чепуха.

Он пожал плечами.

— Но зато мы видели кое-что иное, — таинственно сказал Моананга.

— Что именно?

— Того самого великого полосатого зверя, о котором рассказывают старики; тигра с саблевидными зубами. Знаешь, ты носишь шкуру такого же тигра. Это и есть плащ вождя.

Уже много поколений подряд вожди племени носили в качестве знака своего достоинства тигровую шкуру; происхождение этой шкуры оставалось загадкой для племени — считалось, что она была «всегда». Вообще же предания говорили об огромном тигре, бывшем когда-то грозой племени, но этого тигра не видел никто. Люди считали, что либо порода эта

вымерла, либо покинула местность.

— А что делал тигр? — спросил Ви. В нем проснулся инстинкт охотника.

— Он вышел из-за деревьев, смело прошел вперед, прыгнул на скалу и остановился там, уставившись на нас и помахивая хвостом. Это огромный зверь, вышиной с оленя, но он не обратил никакого внимания на шум, стоял, мурлыкал, как дикая лесная кошка, и глядел на нас горящими глазами. Впереди нас стоял человек по имени Фин; тигр прыгнул на него. Фин заметил движение тигра и бросился бежать. Но тигр прыгнул так, как никто не прыгает. Он перескочил через наши головы и обрушился на Фина. Схватил его и ускакал прочь, неся Фина в зубах, как дикая кошка несет пойманную птицу. Больше мы не видели ни его, ни Фина. Народ говорит, что тигр — это Хенга, и потому он и выбрал Фина, которого при жизни ненавидел.

— В таком случае я должен усиленно беречься, ведь Хенга ненавидел меня много больше, чем Фина. Хенгу я убил и клянусь, что убью тигра, если он еще будет рыскать в этих краях. Но хотел бы узнать, откуда пришел этот зверь.

В это мгновение вошел Паг.

Аака, слушавшая рассказ о смерти Фина, поднялась и ушла, бросив на ходу:

— Вот идет человек, который, наверно, сможет научить, как поймать тигра в ловушку. Ведь что такое тигр? Только большой полосатый волк!

При приближении Пага все находившиеся в пещере расступились и отошли подальше: правда, они были благодарны Пагу за его выдумку, но после этой истории с волками они боялись его еще больше, чем прежде. Даже Моананга задрожал и уступил карлику место.

— Нечего бояться, — насмешливо приветствовал их Паг, — серая волчица убежала, и ее родичи не следуют ни за мной, ни за ней. Я только что наблюдал за ними. Они дерутся и пожирают друг друга. В скором времени они все передохнут. Ведь эту стену им не одолеть и не прокопать.

— Скажи, Паг, — смело спросил Моананга, — кто ты: человек или волк в образе карлика?

— Ты знал моего отца и мою мать, Моананга, и потому можешь сам ответить на свой вопрос. А впрочем, в каждом человеке есть кое-что волчье, а во мне несколько больше, чем в остальных. Ви знает, почему я это утверждаю.

— Если в каждом человеке есть что-то волчье, значит, и в тигре может быть что-то человеческое, — задумчиво пробормотал Моананга и повторил

Пагу историю о тигре и Фине.

Паг внимательно выслушал его.

— Стоит пройти одной туче, как за ней следует другая, — задумчиво сказал он. — С волками расправились, а теперь им на смену тигр появился. Не знаю, живет ли в нем Хенга. Но если Хенга и вправду поселился в тигре, то его нужно прикончить как можно скорее.

И он взглянул на Ви и на Фо, который теперь стоял рядом с отцом, прижавшись к нему.

Затем Паг отправился достать что-нибудь поесть.

Начиная с этого дня, тигр стал не меньшим бедствием для племени, чем были волки, хотя он был один, а волков — целое множество.

Тигр рыскал вокруг деревни в ночной темноте, а когда рассветало и люди выходили из хижин, он врывается в селение, хватал кого попало и убегал, унося добычу в зубах. Его не останавливали никакие изгороди, он не попадался ни в какие ловушки, и движения его были так быстры, что никто не мог ранить его копьем.

Дело кончилось тем, что Ви начал бояться — впрочем, больше за Фо, чем за самого себя. Несомненно, рано или поздно мальчик попадетсся, а может быть, первым попадетсся сам Ви.

Народ жил в беспрестанном страхе, и теперь уже никто не решался выходить из хижины, пока совсем не рассветет, и уж, во всяком случае, никто не осмеливался выходить за пределы селения в одиночку.

Наконец с большим запозданием наступила весна. Снега растаяли, и в лесах снова появились олени.

Ви надеялся, что теперь тигр перестанет убивать людей и начнет охотиться на дичь, а может быть, уйдет туда, откуда явился, уйдет, чтобы найти своих сородичей. Но эти предположения оказались неверными.

Тигр, очевидно, был последним живущим тигром с саблевидными зубами, и ему некого было искать. Но дело не в этих предположениях; суть в том, что он остался в окружавших залив лесах и появлялся то в одном месте, то в другом; на людей он набрасывался по-прежнему — не обращая никакого внимания на дичь, тигр уволок еще нескольких человек.

Кончилось дело тем, что никто уже не решался ходить на охоту, так как каждый боялся, что чудовище набросится на него. Логово тигра не было известно никому. Тигр, казалось, одновременно бывал повсюду, следил за всеми движениями людей и знал, куда они пойдут.

В конце концов все племя собралось на Месте Сборищ и послало Вина-Вина Трясучку вызвать Ви.

Ви явился в сопровождении Пага.

Урк Престарелый заговорил от имени племени:

— Тигр с большими» зубами убивает нас. По нашему мнению — это Хенга. Ты убил Хенгу и превратил его в тигра. Ты — Великий Охотник и наш вождь по праву победы. Мы хотим, чтобы ты убил тигра, как убил Хенгу.

— А если я не могу или не хочу, что тогда?

— Тогда, если нам удастся, мы убьем тебя и Пага и выберем другого вождя, — ответил за собравшихся Вини-Вини. — А если не удастся, то мы перестанем подчиняться тебе и твоим законам и уйдем прочь отсюда, с места, где жили испокон веков, и постараемся найти себе иное жилье, подальше от тигра.

— А может быть, тигр пойдет за вами? — мрачно ухмыляясь, заметил Паг.

Эти слова произвели самое тяжелое впечатление: о такой возможности они не думали.

Но Ви, не давая никому ответить, начал тихим, грустным голосом:

— Видно, среди вас у меня немало врагов. Этому я не удивляюсь: последняя зима была суровая, была многим хуже предшествующих, холода были жестоки и снега было больше, чем когда-либо до сей поры, и следствием этого — смерти и болезни. Одних из нас убили волки, других тигр. Боги, которые живут во льду, не помогли нам, хотя жертв мы приносили немало. Вы велите мне убить тигра, а не то вы убьете меня сами и выберете иного вождя, на что вы — согласно старинным обычаям — имеете право. И вы собираетесь, если я окажусь сильнее вас, покинуть меня и уйти прочь искать новые места для становищ вдали от мест, где вы родились... Внимай же, о племя! — внезапно воскликнул Ви громким голосом. — По-моему, вам нечего уходить отсюда в иные места, где вы, может быть, встретите опасности большие, чем те, от которых вы убегаете. Я отправляюсь сам на этого тигра и постараюсь одолеть его, как одолел Хенгу. Возможно, что я убью тигра, но куда более вероятно, что он прикончит меня. В таком случае вам предстоит либо бороться с хищником, либо бежать отсюда. Как бы то ни было, вам решительно незачем пытаться убить меня, ибо знайте, что мне надоело быть вождем. Совсем недавно я освободил вас от угнетателя, который безжалостно убивал своих единоплеменников, и с того времени, трудясь и день и ночь, я заботился только о том, чтобы всем было хорошо, и изо всех сил старался улучшить жизнь племени. Вы считаете, что я не справился со своей задачей, и я совершенно согласен с вами; ведь не то вы бы больше были привязаны ко мне. Поэтому я и слагаю с себя звание вождя. Если же обычай не позволяет

этого, я стану здесь безоружный и буду ждать, когда тот, которого вы выберете мне на смену, дубиной или копьем прикончит мою жизнь... Итак, — закончил он, — выбирайте человека, и я подчинюсь ему. Но как вождь племени, я даю вам последний совет: скажите ему, чтобы он пощадил мою жизнь на некоторое время, чтобы дал мне возможность пойти на тигра. Если тигр, паче чаяния, не убьет меня, я возвращусь, и тогда вы будете вольны поступать со мной как вам будет угодно.

Народ услышал эту речь, оценил ее благородство и устыдился, но, помимо стыда, немало было и смущения и замешательства, потому что племя не знало, кого выбрать вождем вместо Ви.

И в довершение всех неприятностей Паг громко заявил, что не успеют они выбрать вождя, как он сам вызовет его на бой.

При этих словах все, кто уже начал было поглядывать в сторону пещеры, торопливо опустили глаза.

Кто-то выкрикнул имя Моананги, но тот заявил:

— Ну нет. Я на стороне моего брата Ви. Если вы изгоните его или предадите смерти, значит, вы все сошли с ума. Где вы найдете человека, более отважного, мудрого или честного, чем он? Почему вы сами не пойдете на тигра? Не потому ли, что перетрусили?

Никто не отвечал.

Некоторое время они смущенно перешептывались, затем кто-то выкрикнул:

— Ви наш вождь! Мы не хотим другого.

Так кончилась эта смута.

* * *

В ту же ночь Ви и Паг совещались о том, как убить тигра. Рассуждали они долго и серьезно, но никак не могли найти никакого разумного решения. Уже были перепробованы все уловки. Тигр не попадался ни в какие, даже самые искусные ловушки; он не ел отравленного мяса; он не боялся огня, и вообще его ничем нельзя было прогнать. Дважды племя, вооружившись, шло на него, но один раз он укрылся от них, а другой раз сам на них напал, убил одного из них и скрылся. С тех пор племя больше не решалось нападать на него.

— Мы с тобой должны одни идти на него, — сказал Ви.

Паг покачал головой:

— Нашей силы не хватит на это. Прежде чем ты успеешь ударить его секирой, он прикончит нас обоих. Тут нужно применить другой способ. Тигр, должно быть, очень одинок. Дай мне на время плащ вождя, Ви. Если он пропадет, я дам тебе лучший.

— Зачем?

— Я скажу потом. Ты мне дашь плащ и ожерелье из тигровых костей?

— Бери, если хочешь, — устало уступил Ви, зная, что бесполезно стараться выпытать у Пага тайну, которую тот хочет хранить.

— Возьми их и возьми с ними вместе и звание вождя, если хочешь, — также устало предложил Ви. — Хватит с меня их всех. О, как бы я хотел снова быть просто охотником и никем больше!

— Ты и будешь охотником, — медленно ответил ему Паг, — величайшим охотником, какой когда-либо жил. А теперь давай некоторое время больше не будем говорить о тиграх, а не то они мне начнут сниться по ночам.

* * *

Несколько следующих дней Паг пропадал целыми часами и возвращался поздно ночью, всегда очень усталый. Ви заметил, что вместе с Пагом таинственно скрылись не только плащ из тигровой шкуры и ожерелье из тигровых когтей, но и высушенная ветрами голова Хенги, торчавшая на расщепленном дереве.

Однажды Аака спросила Ви, почему он не носит плаща.

— Потому что зима прошла и становится жарко, — ответил Ви.

— По-моему, вовсе не жарко. А почему ты не носишь ожерелья?

— Потому что кожа стала нежной, и когти царапают ее.

— Паг здорово научил тебя. Он бы сам не смог отвечать ловчее. А куда это он ходит так таинственно?

— Не знаю. Я сам собирался спросить у тебя об этом. Ведь ты так бдительно следишь за каждым его поступком.

— Думаю, что могу ответить на вопрос. По-моему, он ходит на охоту со старой волчицей. Потому-то он такой усталый и приходит домой. Я слыхала, что совсем недавно нескольких наших мертвецов было выкопано из-под снега и съедено.

— Об этом мне никто ничего не говорил.

— Даже вождю племени сообщают не все, а особенно о тех, кого он любит, — бросила Аака и ушла, рассмеявшись.

Две ночи спустя Паг подошел к устью пещеры, смочил слюной палец, выставил его наружу и озабоченно проверил направление ветра. Затем подошел к Ви и прошептал:

— Ты готов подняться за час до рассвета и пойти со мной убивать тигра?

— Не лучше ли пойти не одним? — нерешительно произнес Ви.

— Нет. Только дураки делятся добычей с другими. Пускай слава останется нашей. А теперь больше не спрашивай меня ни о чем. Здесь слишком много ушей.

— Хорошо, — согласился Ви, ~ я пойду с тобой, убью тигра или погибну.

* * *

Часа приблизительно за полтора до рассвета они выскользнули из пещеры, подобно теням. Но Ви, перед тем как уйти, поцеловал Фо, спавшего рядом с его ложем: Ви думал, что больше не увидит сына. Он взглянул на спящую Ааку и грустно вздохнул.

Ви был в полном вооружении: взял с собой тяжелую секиру из блестящего камня, два кремневых копья и кремневый нож. Паг также захватил с собой два копья и нож.

Они вышли из селения и пробирались лесом при свете заходящей луны и блестящих звезд.

Паг заметил, что поднявшийся в последнее время ураган утих.

— Вот посмотри, как ярко светят звезды. Это предвещает хорошую погоду.

Ви рассердился и закричал:

— Да перестань ты болтать о погоде и звездах. Скажи мне лучше, куда мы идем и зачем. Что я, по-твоему, младенец, чтобы ты мог держать меня в неведении?

— Да, — хладнокровно ответил Паг. — Ты младенец, у которого любая женщина может выпытать тайны. Обо мне этого уж, во всяком случае, сказать нельзя.

— Я возвращаюсь домой, — сказал Ви и остановился.

— Но, впрочем, если хочешь, — спокойно продолжал Паг, — теперь я могу рассказать тебе, в чем дело. Только не стой на месте, как девушка, ожидающая возлюбленного. Поторопись. Времени у нас осталось мало.

— А терпения у меня и того меньше, — проворчал Ви и пошел.

— Так вот в чем дело. Ты знаешь ведь, там, на опушке леса, стоят две скалы, которые народ называет Муж и Жена, потому что они так близко друг от друга и все-таки разделены. Я обнаружил, что по пролегающей между ними тропинке ходит этот самый тигр. Для того чтобы отпугнуть его на некоторое время, я развесил там изношенные человеческие одежды. Затем я принялся за работу и вырыл яму; яма, доложу тебе, замечательная. Она узка, как могила, и вся утыкана острыми кольями. На дне ее я зажег костер, для того чтобы уничтожить человеческий запах. Яму я перекрыл сосновыми ветвями, которые пахнут так сильно, что запах человека на них не заметен, а их я усыпал мелким песком, совершенно схожим с песком всей местности. Этот песок я принес туда в мешке из только что снятой и невыдубленной шкуры, а насыпал в мешок раковинной; так что я ни к одной песчинке не прикоснулся. Словом, тигр будет обманут.

— Этого тигра ничем не обманешь, — хмуро пробурчал Ви в ответ. — Ведь он хитер, как человек. Мало мы делали ловушек? А ведь он ни разу не попадался ни в одну.

— Да, Ви, тигр очень хитер, но только он одинок, и, если он увидит, что другой тигр прошел по этому месту и поджидает его на той стороне ямы, он почти наверняка пойдет сюда. На этом и построен весь мой замысел.

— Другой тигр? Что ты хочешь сказать?

— Скоро узнаешь. И вот что, Ви. Забудь, что ты хороший вождь. Помни только, что ты значительно лучший охотник, и молчи. Если мы подойдем тихо, нам бояться нечего, так как ветер дует с той стороны, где находится тигр, и учуять нас он не может.

Наконец они добрались до места. Невдалеке от ямы лежала груда камней.

Паг шепнул Ви:

— Скорее прячься здесь. Рассвет близок, и тигр должен вскоре пройти. Держи секиру наготове.

— Что ты собираешься делать?

— Увидишь. Не удивляйся ничему. Не двигайся, пока я не позову тебя на помощь или пока на тебя не нападут.

Паг скрылся где-то в темноте, а Ви, став на колени, смотрел в щелку

между камней. Он с юности привык к охоте и не хуже, чем звери, видел в темноте. Он заметил на снегу (здесь, в тени между утесами, снег еще не растаял) следы тигровых лап и подумал, что Паг опоздал, что тигр уже прошел. Затем он сообразил, что это невозможно: ведь тигр должен был тогда свалиться в яму.

В таком случае, откуда же взялись эти следы? Этот немой вопрос еще усугубился, когда он увидел в тени утеса тигра. Да, да, тигра. Тигра, и по эту сторону ямы. Как мог тигр попасть сюда?

Они только что прошли по открытому месту, где деревьев не было (это не то, что та сторона расщелины, густо заросшая лесом), и тигру негде было укрыться. А ведь это был тигр. Ясно видна была его полосатая шкура. Тигр ворчал и грыз что-то лежащее на самом краю прикрытой ямы.

«Если, — подумал Ви, — я внезапно прыгну на него с камнем и ударю изо всей силы, быть может, мне удастся переломить ему шею или размозжить голову, прежде чем он набросится на меня».

Тут он вспомнил, что карлик приказал ему не шевелиться, разве только в случае, если на него нападут или сам Паг позовет его на помощь. Вспомнил он также, что Паг вполне заслуженно гордится тем, что никогда не говорит попусту. Поэтому Ви остался на месте и продолжал ждать.

Уже пробивались первые серые лучи рассвета. Они упали и в тень, скрывавшую тигра. Упали на то, что он пожирал.

То была голова Хенги! Ви понял все. Тигром был Паг. Да, в этой шкуре, сделанной из плаща вождя, скрывался Паг, и он ворочал голову Хенги, делая вид, что пожирает ее. И подумать только, что Ви несколько мгновений тому назад собирался наброситься на это чучело. Он мог убить Пага! При одной мысли об этом вся кровь его похолодела. Затем он забыл обо всем.

На той стороне расщелины, медленно подползая, помахивая хвостом, тащась брюхом по земле, оскалив зубы и взъерошив шерсть, появился чудовищный зверь, которого они преследовали. Вот тигр поднялся во весь рост. Он был не ниже оленя! Зверь стоял, подозрительно оглядываясь и всматриваясь горящими глазами.

Тигр внизу, или, вернее, Паг в его шкуре, зарычал еще свирепее и яростно затеребил голову Хенги. Чудовище прижало уши и зарычало в ответ, но дружелюбно. Затем, очевидно, учуяло запах головы Хенги и взглянуло на нее.

Тигр сделал несколько шагов, выгнув спину и скакнул, как скачет играющий котенок. Затем высоко взлетел в воздухе и всеми четырьмя лапами грохнулся на покрытие ямы; сучья провалились под его тяжестью.

Он свалился в яму, а за ним покати́лась голова Хенги. Ужасный рев потряс воздух, потому что острые колья, которые Паг насажал на дне ямы, глубоко вонзились в тигра под тяжестью его тела.

Ви выскочил из прикрытия и побежал к Пагу.

Тот уже успел скинуть с себя шкуру и стоял у края ямы, держа копьё в руке и глядя вниз. Ви посмотрел по направлению его взгляда и увидел, как огромный тигр (глаза его сверкали, как раскаленные угли) корчится на кольях. Внезапно зверь замолчал, и они подумали было, что он умер.

Вдруг Паг крикнул:

— Берегись! Зверь идет!

В то же самое мгновение когти тигра показались на краю ямы, а за ним вслед потянулась его огромная плоская морда. Тигр соскочил с кольев и вылезал из ловушки.

Паг ударил чудище копьём, вонзив его глубоко в горло. Зверь схватил рукоять зубами и перегрыз ее.

— Бей! — крикнул Паг.

И Ви, изо всех сил обрушив свою секиру на тигра, мощным ударом раскроил ему череп.

Но и это не убило тигра. Ви ударил вновь и раздробил ему одну переднюю лапу. Тигр поднялся и выскользнул из ямы. Встал на дыбы и взмахнул неповрежденной лапой.

Ви отбежал назад и пригнулся, так что удар прошел поверх него, а Паг отскочил в сторону. Тигр бросился за Ви, завис над ним, стоя на задних лапах. Он был так изрублен, что прыгать не мог. Ви схватил секиру обеими руками, ударил, и острое лезвие глубоко погрузилось в брюхо зверя. Ви попытался выдернуть секиру, но не успел еще рвануть, как тигр обрушился на него всей тяжестью своей туши.

Паг подбежал и вогнал зверю в бок свое второе копьё. Раз за разом наваливался он на торчащую позади лопатки рукоять.

Тогда тигр, уже разинув пасть, чтобы сомкнуть ее на голове Ви, жалобно простонал. Челюсти его сжались, когти судорожно дернулись, голова опустилась на лицо Ви, дрожь пробежала по всему телу, и он притих.

Паг снова навалился на копьё, вгоняя его все глубже и глубже, пока не убедился окончательно, что острое пробило сердце тигра. Тогда, взявшись за лапы чудища, карлик напряг всю свою громадную силу и потянул. Мертвый зверь перекатился на спину. Под ним лежал Ви, весь красный от крови.

Паг решил, что Ви мертв, и тихо всхлипнул от горя. Но Ви присел и

стал тяжело переводить дух; он чуть не задохнулся под тяжестью тигровой туши.

— Ты ранен? — наклонился к нему Паг.

— Кажется, нет, — пробурчал Ви. — Когти миновали меня.

— У тебя будет изумительный новый плащ, — сказал Паг.

— Он твой, по заслугам, — отвечал Ви.

Глава VIII. Лодка и ее содержимое

Ни Ви, ни Паг не были даже поцарапаны. Однако в пещеру они возвратились, прислонясь друг к другу, — так устали они от боя. С трупом они одни ничего сделать не могли и потому оставили его на месте. Но прежде чем уйти, Паг вытряс из плаща водоросли и мох, которыми он был набит; плащ был весь вымазан кровью и грязью, и Ви отказался надеть его. Поэтому Паг набросил его себе на плечи. Но голову Хенги он оставил на месте. Она свою службу сослужила, и Паг поклялся, что никогда больше не приблизит ее к своей голове.

— Вдоволь нанюхался ее, — заметил он.

До селения они добрались на самом рассвете, так что никто еще не вышел из хижин. Народ, зная, что тигр нападает в этот час, по утрам не выходил. Так Ви и Паг добрались до устья пещеры незамеченными.

Но в пещере их ожидали.

Фо спозаранку разбудил Ааку словами о том, что отец куда-то ушел. Аака же, жестокая в разговоре с Ви, всегда тревожилась, если он уходил куда-нибудь без ее ведома. Сегодня же утром она тревожилась больше обыкновенного, так как Ви ушел из пещеры не один, а вместе с Пагом. Не в силах совладать с нетерпением, она послала Фо (хотя ему и грозила опасность попасться в лапы тигру) за Моанангой.

Итак, в пещере оказались и Моананга, и Тана, которую он не хотел оставить одну в хижине, и еще несколько человек, которых он позвал, потому что никто не выходил один в этот час, когда тигр рыскал возле деревни.

Войдя в пещеру, Моананга спросил, в чем дело. Аака ответила, что хочет знать, не видели ли они Ви. Она не может найти ни Ви, ни Пага, который, несомненно, ушел вместе с ее мужем.

Моананга сказал, что не знает, и попытался успокоить ее, напоминая, что у Ви немало забот, о которых он не говорит, и, несомненно, он ушел по одному из таких дел.

Но Фо прервал его жестом. Мальчик только указал пальцем вперед, и все, обернувшись, поглядели в том же направлении: из утреннего тумана вынырнул Ви, с головы до пят залитый кровью. Он шел, опираясь на плечо Пага, как хромым опирается на палку.

— Я не напрасно тревожилась, — сказала Аака. — Ви ранен, и ранен сильно.

— Однако он идет легко, и секира его не менее красна, чем он сам, — возразил Моананга.

Ви подошел к пещере, и Аака спросила:

— Чьей кровью ты покрыт? Своей или какого-нибудь другого человека?

— Не человеческой. Это кровь тигра, на которого охотились мы с Пагом.

— Паг бел, а ты красен от крови. Но что стало с тигром?

— Убит.

Все удивленно уставились на него, и Аака спросила:

— Ты убил его?

— Нет. Я только бился с ним, но убил его Паг. Паг выдумал хитрый план. Паг приготовил ловушку, Паг поместил приманку, и Паг пронзил копьём сердце тигра, прежде чем зверь успел разгрызть мне череп.

— Поглядите на череп тигра, — сказал Паг. — Да измерьте, приходится ли секира Ви к дыре в голове. Взгляните на переднюю лапу тигра и установите, чье оружие раздробило ее.

— Паг! Вечно Паг! Неужели без Пага ты ничего не можешь делать, муж мой?

— Могу, — с горечью возразил Ви. — Могу, например, поцеловать женщину, если она красива и добра.

Ви прошел мимо нее в пещеру и приказал дать ему воды, чтобы умыться. А Паг сел у входа в пещеру и стал рассказывать всем желающим слушать о том, как Ви убил тигра. О своем участии в этом деле он не сказал ни слова.

Человек двадцать или больше под предводительством Моананги отправились за трупом, принесли его и положили на такое место, где он был виден всем. В тот день каждый, кто мог стоять на ногах, и стар и млад приходили смотреть на мертвое чудовище, причинившее племени столько зла. Паг сидел рядом с трупом, ухмылялся и показывал, где ударила секира Ви, раздробившая череп тигру, и как Ви переломил тигру лапу.

— А кто пробил ему сердце? — спросил кто-то.

— Ну, понятно, Ви, — весело ответил Паг. — Когда тигр набросился на него, он отскочил в сторону и ударил его копьём, а затем тигр упал на него, хотел отгрызть ему голову, но уже было поздно.

— А ты что делал в это время? — вмешалась Тана, жена Моананги.

— Я? А я смотрел. Нет, забыл. Я стал на колени и молился богам, чтобы Ви одолел тигра.

— Ты лжешь, Человек-Волк, — возразила Тана. — Ведь оба твои

копья глубоко сидят в теле тигра.

— А может, и лгу, — не смущаясь продолжал Паг. — Если я лгу, то этому делу я научился от женщин. Если тебе, Тана, никогда не случалось врать с хорошей или дурной целью, тогда можешь упрекнуть меня. Но если и ты врала, то лучше молчи.

На это Тана ничего не могла возразить, ибо всем было известно, что она не всегда говорила правду, хотя вообще отличалась хорошим, правдивым характером.

* * *

Когда Ви наконец оправился от усталости и нервной дрожи, когда его помятые бока перестали болеть, весь народ собрался и стал восхвалять его. Племя славилло Ви, который избавил его от тигра, а также от волков. Племя славилло Ви, говоря, что, наверное, он один из богов и вышел из льда, для того чтобы спасти племя.

— Так вы говорите, когда все идет хорошо и когда опасность уже миновала. Но когда дела принимают дурной оборот и опасности грозят вам, тогда вы поете совсем другие песни, — грустно улыбаясь, возразил Ви. — Это у вас старая привычка: когда нужно хвалить, вы молчите, но зато распинаетесь, когда похвала не нужна.

Для того чтобы отделаться от приставаний и восхвалений, он ускользнул с Места Сборищ и отправился один гулять на побережье. Паг остался на месте и принялся свежевать тигра, а потом дубить его шкуру.

И наступило время, когда каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок могли в одиночку гулять по берегу, ничего не опасаясь, ибо убийца Хенга был мертв, ибо волки были мертвы, ибо тигр был мертв. И всех их убил Ви. И к тому же еще несколько месяцев тому назад медведи покинули эту местность. Впрочем, неизвестно было, ушли ли они от страха перед тигром или от недостатка пищи.

* * *

Великий ураган с юга, поднимавшийся в эту весну много дней подряд и бушующий почти до самой ночи, улегся к тому времени, когда Ви отправился на тигра. Серое небо было совершенно чисто, но солнца этой весной было, кажется, еще меньше, нежели в прошлом году. Воздух продолжал оставаться холодным, очень холодным, таким, какой бывает перед тем, как пойдет снег; а время для снега было совсем неподходящее. Цветы, обычно украшавшие своей пестротой леса и склоны холмов, еще не расцвели. Тюлени и птицы явились в значительно меньшем количестве, чем обычно. Ураган уже стих, но море еще волновалось, и на берег то и дело с глухим шумом порывисто набегали большие волны, на которых колыхались глыбы льда.

Ви шел на восток.

Он дошел до ледника и упал на колени, чтобы помолиться богам. Он хотел сказать им, что готов пасть жертвой за племя.

Что-то оборвало ход его мыслей.

Это было следующее соображение: ведь ледник надвигается на долину, в которой живет племя.

Он встал, чтобы измерить, на много ли подвинулся ледник, насколько свирепы боги, как скоро собираются они поглотить племя.

Он смотрел и не верил глазам.

Он помнил, что в глубине льда видна фигура Спящего с длинным носом и закругленными зубами. Позади него виднеется Тень, точно преследующая его, Тень, имеющая смутный человеческий образ. Теперь все переменялось: Спящий стоял на месте, но смутный образ каким-то чудом оказался впереди него, совсем близко от Ви.

Это был человек.

В том, что это человек, не могло быть никаких сомнений. Но такого человека Ви никогда не видал. Все члены его были покрыты шерстью, лоб отступал назад, и огромная нижняя челюсть выдавалась из-под плоского носа. Руки этого человека были длинны, непомерно длинны, ноги сведены полукругом, и в руке человек держал короткий, грубый деревянный обрубок. Глубоко сидящие открытые глаза были малы, зубы огромны и выступали, на голове росла грубая сбитая шерсть, и с плеч свисал плащ — шкура какого-то животного, — скрепленный на шее когтями. На лице этого странного и безобразного создания было написано выражение величайшего ужаса.

Ви сразу увидел, что этот человек умер внезапно, умер, чем-то испуганный. Чего же он испугался? Вряд ли Спящего. Ведь все время видно было, что не Спящий гнался за ним, а он за Спящим. Он испугался

чего-то другого.

Внезапно Ви понял, чего испугался этот человек. В стародавние времена, тысячи зим тому назад, этот праотец племени (Ви не подозревал о существовании других людей, кроме его народа, и считал человека во льду своим предком), этот человек бежал от льда и снега, и они обрушились, поглотили его, и он задохнулся и умер.

Он не был богом. Он был только несчастным человеком. (Впрочем, был ли он уже человеком?) Да, он был только несчастным человеком, которого захватила смерть и которого лед сохранил, как сохранил и написанную на его лице историю его кончины.

Но если это не бог, то бог ли Спящий? Может быть, Спящий — просто дикий зверь, который погиб вместе с человеком, погиб в минуту, когда широко разинул рот и взывал к небесам о помощи?

Нет, это не боги. Им он молиться не будет.

Ви вернулся на побережье.

Он задумчиво продолжал идти на восток по холмикам и обледеневшим долинам. Он шел к небольшому заливу, где обычно собирались тюлени. Он надеялся, что уже увидит тюленей, прибывших с юга вынашивать детенышей.

Тюлени были всегда центром внимания племени: их мясо шло в пищу, шкуры — на одежду, их жир — на светильники.

Ви шел, огибая утесы, и наконец добрался до берега. Немедленно мысль о Спящем и о человеке исчезла. Ви осматривал побережье пронизательным взором охотника. Он оглядывал воду залива, низкие скалы, на которых обычно ползали тюлени (скалы эти были расположены приблизительно в четырех полетах копья от берега). Тюленей не было видно нигде.

«Этой весной они запаздывают еще больше, чем в прошлом году», — подумал Ви.

* * *

Он уже собирался вернуться домой, когда заметил на той стороне скал, среди морского прибоя, какой-то странный предмет, что-то длинное и заостренное с обоих концов. Сперва он решил, что это какое-нибудь не известное ему животное, выброшенное волнами, и уже собрался идти

назад, как внезапное колыхание прибоя показало ему, что странная эта вещь — полая и что в ней лежит что-то похожее на человека.

Тут у Ви проснулось любопытство; он решил подойти поближе.

Желание было тщетно: группа скал была окружена быстро набегавшим приливом, и единственным способом добраться туда было — переплыть. Правда, Ви великолепно плавал, но вода была еще необычайно холодна (по ней плавало немало льдин), так холодна, что плыть было опасно для жизни, не говоря уже о том, что можно было порезаться об острые края льда. Поэтому он решил, что лучше идти домой, тем более что и плыть далеко. Незачем больше ломать себе голову над чем-то, что лежит в незнакомом полом предмете.

Но тут он почувствовал, что уйти не может. Что, если там лежит человек? Нет, это невозможно, ведь, кроме его племени, на свете нет других людей. Он видел, наверно, какой-нибудь свалившийся в море ствол или разложившийся труп большой рыбы.

А верно ли, что на свете, кроме его племени, больше нет людей? Ведь он только что видел тело человека, жившего, должно быть, тысячи лет тому назад, в те времена, когда поглотивший его ледник еще скрывался в глубинах дальних гор.

С чего же взял Ви, что он и его племя — единственные двуногие создания на земле?

Он решил посмотреть, чего бы это ни стоило. Пускай он потонет в ледяной воде, пускай его оглушит льдина — что из этого? Вождем станет Паг или Моананга. Во всяком случае, кто бы ни стал вождем, за Фо будет присмотр, тем более, если Ви не будет в живых, Аака не будет ревновать к нему мальчика.

Так думал Ви.

Он скинул плащ и положил его на скалу, а под ним спрятал секиру. Если он не вернется, Паг и все остальные узнают по этим приметам, что море поглотило его.

Итак, Ви бросился в воду.

Сперва его обожгло холодом, но он плыл большими бросками, время от времени останавливаясь, чтобы отогнать льдины или пощупать их под водой, нет ли на них острых углов, о которые можно порезаться. По мере того как он плыл, он согревался.

Его согревало не только движение. Кровь его струилась по жилам быстрее от радости поисков, от надежды на приключение. Холодно было только на берегу, когда в голове его теснилось столько печальных мыслей, когда его преследовало воспоминание о человеке, увиденном в леднике.

А теперь он чувствовал себя, точно мальчик, доползавший до орлиного гнезда. Однажды Ви проделал это: он сползал с горы, неся в корзине на спине птенцов, в то время как орлы-родители носились вокруг него. Да, он снова был бесстрашным мальчиком, свободным от воспоминаний о вчерашнем, свободным от страхов о завтрашнем. Мальчиком, живущим только в настоящем.

Наконец Ви благополучно добрался до скал. Влез на них, по-собачьи отряхнулся и стал осторожно пробираться между камнями. Дошел до того места, где с берега заметил тот странный заостренный предмет, в котором кто-то лежал.

Предмет этот исчез.

Нет, он здесь! Здесь, под ним, колышется на прибое.

Что это такое — неизвестно. Но ясно, что это сделано рукой человека, для того чтобы плыть в этом по воде. Предмет оказался намного больше, чем он предполагал: в нем могли поместиться пять или шесть человек. Предмет этот, очевидно, был выдолблен из дерева: на нем еще видны были следы топора.

Глаза не обманули его.

В выдолбленном дереве лежал кто-то, накрытый белым меховым плащом; плащ закрывал все, даже голову. Из-под края плаща выбивалась коса, длинная, как болотные весенние цветы, видна была также и рука, держащая какой-то кусок дерева, который, судя по форме, служил для того, чтобы управлять большим выдолбленным стволом.

Ви долго и изумленно глядел; наконец он заметил, что рука эта тонка и мала, как у женщины. Рука принадлежала не мертвой женщине; правда, она посинела от холода, но вот пальчики шевельнулись.

Ви подумал с мгновение.

Что ему делать?

Плыть к берегу, неся женщину в обмороке, невозможно. К тому же ледяная вода убьет ее. К берегу ее можно доставить только в том предмете, в котором она лежит. Но перетащить этот огромный ствол ему не под силу. Значит, выход только один. Ви заметил, что ствол находится почти рядом с западным протоком, по которому проходят приливы и отливы. Сейчас как раз прилив. Если толкнуть эту штуку в поток воды — прилив донесет ее до берега.

Он спрыгнул в воду и толкнул ствол. Легкое сооружение послушно поддалось толчку, правда, немножко зачерпнув воды, и пошло к волнам прилива.

Вот уже прилив.

Здесь Ви на мгновение остановился. Он решил было плыть позади ствола и подталкивать его, если нужно, и направлять рукой. Затем вспомнил, что вода чудовищно холодная, и путь далек, и что судорога может захватить его на полдороги.

Понятно, если он утонет, беды особенной в том нет; но что будет с женщиной?

Ее, наверное, и так нелегко вернуть к жизни, а если его не будет, она наверняка умрет. Место было пустынное, сюда приходили только охотиться на тюленей. Но если даже охотник придет, то, увидев женщину в выдолбленном стволе дерева, либо убежит со страху, либо убьет ее. В племени ходили предания о колдуньях с моря, носительницах несчастья.

Тогда Ви пришло в голову, что он может сам вскочить в этот ствол и направлять его при помощи той вещи, которая была в руке у чужестранки. Не раз случалось ему при спокойном море и тихой погоде (да и не ему одному!) садиться на кусок дерева и, гребя суком, переплывать на отмель в заливе, где кишмя кишела рыба. Словом, с употреблением весла, находившегося в руке у чужестранки, Ви был знаком.

Он взял весло у нее из рук, взобрался в лодку, уселся у ног лежащей и несколькими толчками вогнал челнок в прилив. Течение воды подхватило лодку и понесло ее вперед, так что Ви только и оставалось, что удерживать правильный курс. Ви ловко погружал весло то с одной, то с другой стороны и искусно ускользал от плавающих льдин.

Так обнаженный дикарь и закрытая плащом женщина (он не решился еще открыть ее лицо отчасти потому, что был наг, а отчасти и потому, что боялся, как бы морская колдунья не утащила его на дно) благополучно добрались до берега.

Глава IX. Лалила

Ви выскочил на берег, взялся за свисавшие с носа лодки канаты из шкуры, и втащил челн на песок, выше того места, куда достигал прилив. Затем побежал к скале, быстро оделся, взял секиру, — кто может знать, что скрывается под этим меховым плащом? Но помимо секиры, он захватил также и мешок, который брал с собой в путешествия. В мешке хранились продовольствие дня на два и приспособления для добывания огня. Затем он вернулся к лодке и с дрожью (подобно всем дикарям, он боялся всего неведомого) откинул покрывало с лица лежащей.

В то же мгновение он отшатнулся.

Он никогда не видал, никогда не мечтал о женщине такой красоты. Она была молода, высока ростом, и всю ее закрывал поток русских волос. Лицо ее посинело от холода и обветрилось и все же было бело, как снег; лицо было овально, и черты его тонки и правильны. Глаза были закрыты, чему он обрадовался: будь глаза открыты, он знал бы, что она мертва. Веки были смежены, и на щеки опускались длинные загнутые ресницы, но не русые, как волосы, а темные, почти черные. Женщина была одета, но одета странно. На перевязях держалось длинное синее платье из какого-то ему не известного материала, перетянутое меховым поясом, на который были пришиты блестящие камушки и поблескивающие ракушки. На шее висело янтарное ожерелье. Ноги были обуты в вышитые сандалии. Поверх платья на женщине был темно-синий плащ, сделанный из того же неизвестного, что и платье; к плащу был прикреплен расшитый мешок.

Ви отшатнулся, бормоча:

— Морская Колдунья! Носительница зла! Это не женщина. Старики говорят, что их нужно выбрасывать в море, чтобы они не навлекли проклятия на племя. Сейчас я брошу ее в море.

Он подошел к ней вплотную, прикоснулся к ее лицу кончиками пальцев, думая, что это мираж и он наткнется на пустоту.

— У нее тело, как у женщины! А какое тело у колдуний?

В это мгновение Морская Колдунья вздрогнула и слабо застонала.

— Колдунии живут во льду. Разве они дрожат? Я сперва отогрею ее и оживлю. Если она не женщина, а колдунья, я убью ее, если только она прежде не убьет меня.

Он огляделся. На берегу был утес из мягкого камня, где приливы выточили пещеру; рядом журчал источник. Ви поднял Морскую Колдунью

на руки, снес ее в пещеру и опустил на ложе из сухих водорослей, на котором сам спал в прошлом году, когда в последний раз охотился на тюленей. Затем он стал приводить женщину в чувство: растирал ей руки и ноги. Она все не приходила в себя. Он снова поднял ее и прижал к груди, чтобы согреть.

Обморок все продолжался.

Он опустил ее на ложе и накрыл своим плащом. В пещере в числе запасов, приготовленных охотниками, лежала куча дров.

Ви вынул из мешка палочки для добывания огня, одну зажал между ногами, насыпал на нее трут, а другую палочку — из твердого дерева и заостренную на конце — быстро завертел между ладонями, завертел быстрее, чем ему когда-либо случалось вращать ее. Мелькнула искра, и трут воспламенился. Ви принялся раздувать огонь, подбавляя к нему растертые водоросли; наконец огонь разгорелся. Ви поджег костер, и запылало веселое пламя.

Ви остановился, восхищаясь собственной работой и смутно дивясь тому, как от трения двух кусков дерева появляется огонь; ведь если выпустить этот огонь на свободу, он может сжечь целый лес.

Ви каждый день дивился многим вещам, которых не понимал.

Но нужно было думать о другом.

Он перенес меховой плащ к самому огню и положил на него Морскую Колдунью, предварительно заботливо убрав ее волосы в сторону, чтобы они не загорелись.

Так она лежала, жар бил ей в лицо, освещая его, и Ви как зачарованный глядел на это лицо, гадая, выживет Колдунья или умрет. Он надеялся, что выживет, хотя смутно чувствовал, что, если бы она умерла, было бы лучше: он предвидел немало тревог и забот из-за нее.

Но Морская Колдунья была достаточно крепкой и умирать не собиралась.

Тепло оживило ее. Она открыла глаза, и Ви увидел, что они большие, темные и очень нежные. Затем она села, опираясь на руку, взглянула на огонь, пробормотала что-то мягким голосом и протянула к огню вторую руку. Затем стала озираться: взглянула на море, осмотрела пещеру.

Тогда ее взгляд упал на Ви.

Она увидела широкоплечего смуглолицего мужчину, молча, неподвижно стоявшего перед ней на коленях с протянутыми руками.

Она вздрогнула и стала внимательно разглядывать его.

Ее взгляд медленно прошелся по всей фигуре и надолго задержался на его лице. Затем упал на секиру и стал испуганным. От секиры снова к лицу;

на лице она прочитала, что бояться нечего, что лицо дикое, но не злое, серьезное и доброе. Она покачала головой и улыбнулась.

Он медленно и неловко улыбнулся ей в ответ.

Тогда она коснулась пальцами губ и горла.

Ви смотрел, недоумевая. Затем понял. Он выскочил из пещеры и принес воду в пригоршнях — никакого другого сосуда у него не было. Она вновь улыбнулась, кивнула и выпила принесенную воду. Трижды ходил он за водой, пока Колдунья не утолила жажды.

Тогда она показала на зубы, и снова Ви все понял.

Он раскрыл мешок, вынул оттуда сушеную рыбу и в знак того, что еда съедобна и не отравлена, отломил кусок, разжевал и проглотил. Морская Колдунья смотрела недоверчиво; видно было, что к такой пище она не привыкла. Но она уступила голоду, отломил кусочек и попробовала. Пища, очевидно, ей понравилась. Она попросила еще и съела довольно много, затем знаками попросила опять принести воды.

К тому времени уже стемнело.

Женщина показала на небо и задала какой-то вопрос. Ви не понял ничего и ответил ей что-то, чего не поняла она. Он был в большом затруднении. Наступала ночь, до селения было не близко, и ночной путь туда был опасен.

К тому же Морская Колдунья, должно быть, сильно устала и нуждается в отдыхе, если только колдуньи вообще отдыхают.

Он приготовил ей ложе из водорослей возле костра и знаками посоветовал ей лечь. Взяв другую охапку водорослей, перенес ее к устью пещеры, ткнул пальцем в себя, затем на водоросли, и дал ей понять, что ляжет здесь. Она утвердительно кивнула в ответ, и Ви вышел из пещеры, чтобы посмотреть, не явился ли за ним Паг по оставленным следам.

Но Паг свежевал тигра и думал, что Ви вернется ночью. Ви никого не нашел и возвратился.

Не входя в пещеру, он взглянул внутрь и увидел, что Морская Колдунья легла и, очевидно, спит — глаза ее закрыты. Он улегся, зарывшись в водоросли, но не мог заснуть.

Не мог он спать не потому, что ему было холодно, и не потому, что лег на пустой желудок (он не притронулся к пище, потому что хранил ее для Морской Колдуньи). Всякий дикарь легко обходится без пищи день или два, и холод ему не в диковину. Спать ему мешала мысль о найденной им женщине и о том, что может произойти благодаря этой находке.

Он знал: что бы ни случилось, даже если она исчезнет так же мгновенно и неожиданно, как появилась, — он никогда не забудет

Морскую Колдунью.

А если она не исчезнет? Какими глазами посмотрит на нее народ? Как примет ее Аака? Где она будет жить?

Раньше все было просто — он мог жениться на ней. Но он сам издал новый закон и дал клятву, а несоблюдение клятвы навлечет на него насмешки и позор.

Так думал Ви, стараясь разрешить неразрешимые проблемы.

Наконец он бросил тщетные попытки. Он дважды вставал и подбавлял дров в огонь. Делал он это, отвернувшись от спящей, ибо, по обычаям племени, мужчина не должен глядеть на спящую женщину. Но, хотя он не видел ее, он чувствовал на себе ее взгляд.

Наконец ему удалось забыться сном.

Шорох разбудил его. Не шевелясь, он приоткрыл глаза и увидел: Морская Колдунья стоит над ним и внимательно его рассматривает. Он лежал не шевелясь, прикидываясь спящим. Его вид обманул ее, и она вышла из пещеры.

Взором разыскала она луну, стала на колени и тихо запела. Затем встала, подошла к лодке и задумчиво остановилась возле нее. Нагнулась и попыталась столкнуть ее. Но киль глубоко погрузился в морской песок, и лодка не шевельнулась.

«Она хочет вернуться в море. Пусть так. Так будет лучше. Я помогу ей», — подумал Ви и подошел к лодке.

Женщина взглянула на него удивленно, но без страха. Видно было, что она уже не боится его. Он знаками объяснил ей, что, если она хочет, он может вывести ее лодку на воду.

Очевидно, она удивилась.

Она очень серьезно всмотрелась в его лицо, разглядела печальное выражение глаз и поняла, что предлагает ей это Ви вовсе не для того, чтобы отделаться от нее.

Тогда она пробормотала несколько слов, махнула руками, снова посмотрела на луну и наконец решилась. Покачала головой, улыбнулась, тихо взяла Ви за руку и повела его к пещере.

«Колдунья хочет остаться, — подумал Ви. — Что поделаешь! Во всяком случае, я был готов помочь ей, когда она хотела уехать отсюда».

Наконец настал день. Серый и хмурый, но не дождливый.

Колдунья вышла из пещеры и поманила Ви, который дрожал снаружи. Он некоторое время колебался, затем вошел. Она подложила дров, и костер ярко горел.

Она, очевидно, умылась. На лице ее не было ни единого пятнышка, и

плащ ее и одежда были сухи и казались ему, никогда таких одеяний не видавшему, великолепными. Она проводила по своим русым волосам чем-то остро зубым, сделанным из рога. Ви никогда этой вещи не видал, но, поняв ее назначение, был страшно удивлен, как это его племя само не додумалось до гребня.

Ви подумал, что женщина, должно быть, голодна. Раскрыл мешок и вытащил оттуда еду. Колдунья принялась есть, затем остановилась и протянула еду Ви, знаками показывая, чтоб он ел также. Он отказывался, но она настаивала на своем, объяснив ему, что не будет есть, если он не присоединится к ней.

Дело кончилось тем, что они дружно уничтожили все запасы Ви.

В то самое мгновение, когда Ви давал Морской Колдунье последний кусок рыбы, в устье пещеры появился Паг; он остановился, глядя на их резко очерченные на фоне огня фигуры, точно это были привидения.

Морская Колдунья увидела его, неуклюжего, кривоногого, большеголового, одноглазого, и впервые испугалась.

Она схватила Ви за руку и вопросительно поглядела на него. Ви, не зная, что делать, улыбнулся, погладил ее по руке и сказал Пагу повелительным тоном, который она поняла:

— Что ты здесь делаешь?

— Сам не знаю, — задумчиво сказал Паг. — Я вижу, что здесь мне не место. Я шел по твоим следам, боясь, не случилось ли с тобой чего дурного, а оно-то и случилось.

И он уставился своим единственным глазом на Морскую Колдунью.

— Есть ли у тебя какая-нибудь еда? — спросил Ви, который, по правде говоря, хотел оттянуть объяснение. — Если есть, давай; эта девушка долго не ела и еще голодна.

Паг ехидно усмехнулся.

— Откуда ты знаешь, что она не замужем и что долго не ела? Ты понимаешь ее язык?

— Нет!

Ви ухватился за последний вопрос и сделал вид, что не заметил первых.

— Я нашел ее плавающей в выдолбленном стволе и оживил.

— Такая находка заслуживает внимания: она просто красавица. Но не знаю, что скажет Аака по этому поводу.

— Я тоже не знаю.

— Может быть, она — колдунья, которую лучше всего убить?

— Может быть, но я убивать ее не собираюсь.

— Понимаю тебя, Ви. Кто может убить этакую красавицу? Взгляни на ее тело, лицо, волосы, глаза.

— Уже видел их, — раздраженно оборвал его Ви. — Перестань болтать глупости и скажи лучше, что мне делать.

— Я думаю, что лучше всего жениться на ней и сказать племени, что ее послали тебе Ледяные боги, или Морские боги, или еще какие-нибудь там боги, — посоветовал Паг.

— А новый закон?

— Гм... — произнес Паг. — Мне этот закон никогда не нравился. Ну, словом, если ты не собираешься убивать ее и не хочешь на ней жениться, остается только привести ее в селение. С Аакой жить она не сможет, в пещере — также, значит, нужно дать ей отдельную хижину. Возле самого устья пещеры стоит пустая прекрасная хижина, так что тебе даже в гости будет ходить недалеко.

Ви рассеянно спросил, чья же это хижина пустует.

— А помнишь, Рахи Скрыга умер на прошлой неделе то ли от страха перед тигром, то ли с горя, что ты приказал ему поделить его рыболовные крючки и кремневые ножи между теми, у кого их нет?

— Помню. А кстати, ты нашел эти крючки?

— Пока нет. Я думаю, что старуха Рахи, которая после его смерти убежала из хижины, запрятала их к нему в могилу. Но я этим еще займусь. Словом, есть хижина в полной исправности.

— Да, и женщины, которые присматривают за детьми в пещере, могут присматривать и за Морской Колдуньей.

Паг с сомнением покачал головой и заметил, что не думает, чтобы какая-нибудь женщина согласилась присматривать за Морской Колдуньей, так как молодые женщины будут ревновать, а старые — бояться ее.

— Особенно потому, — добавил он, — что ты сказал, что она — колдунья.

— Ничего подобного я не говорил, — рассердился Ви. — Я назвал ее Морской Колдуньей, потому что она явилась с моря.

— А может быть, потому, что она колдунья, — вставил Паг. — Во всяком случае, нужно узнать, как ее зовут.

— Верно. Ведь если женщины откажутся смотреть за ней, я поручу ее тебе.

— Что ж, случалось мне заниматься вещами и потруднее.

Паг повернулся к Морской Колдунье, которая все время внимательно вслушивалась в разговор, догадываясь, что речь идет о ней.

Он ткнул Ви в грудь и сказал: «Ви», затем ткнул в грудь себя и сказал:

«Паг». Он повторил это несколько раз, затем указал на нее пальцем и посмотрел вопросительно.

Некоторое время она ничего не понимала, но уже на третий раз догадалась, улыбнулась и повторила их имена. Затем прикоснулась пальцем к своей груди и сказала: «Лалила».

Они кивнули и воскликнули «Лалила!» Она кивнула в ответ, снова улыбнулась и повторила: «Лалила».

Затем Паг и Ви заговорили о лодке, повели Лалилу к ней и знаками показали, что хотят спрятать лодку в пещере.

Они вылили воду из лодки и втоптали ее в пещеру. Паг внимательно осмотрел ее (он понимал, что эта вещь может пригодиться), потом лодку засыпали водорослями, а весла зарыли в песке.

Затем Ви взял Лалилу за руку и знаками показал ей, чтобы она шла за ними. Сперва она испугалась и сопротивлась, но затем пожала плечами, вздохнула, умоляюще посмотрела на Ви и покорно пошла.

* * *

Час с лишним спустя Аака, Моананга, Тана и Фо, ожидавшие на краю селения, испуганно думали о том, почему Ви так долго не возвращается.

— Смотрите! — закричал Фо, показывая на появившихся людей. — Вот идут отец, Паг и какая-то красавица.

— Она действительно прекрасна, — согласился Моананга.

Тана смотрела, широко раскрыв глаза.

Аака воскликнула:

— Она действительно прекрасна, но она колдунья и принесет нам зло!

Тана внимательно смотрела на то, как высокая чужестранка легко скользила по песку. Разглядела ее синий плащ, янтарное ожерелье и русые волосы. Увидала, когда Лалила подошла ближе, темные глаза.

— Ты права, Аака. Это колдунья, но не такая, как ты думаешь, а из таких, какими мы с тобой хотели бы быть, — сказала Тана.

— То есть?

— Она влюбит в себя всех мужчин, и ее возненавидят все женщины. Каждая из нас хотела бы добиться того же.

— Ты, но не я.

— Можешь говорить что хочешь. Ты только говоришь так. Ты неласкова с Ви. Но стоит только ему уйти, как ты следишь за ним жадными глазами.

Тана никогда не любила Ааку и очень почитала Ви.

Аака, понятно, в долгу бы не осталась, но в это мгновение идущие уже подошли.

Фо повис на шее у отца, Моананга пробормотал обрадованное приветствие, Тана двусмысленно улыбалась, разглядывая одежду и ожерелье чужестранки.

Ви обратился к Ааке, но та перебила:

— Привет, о муж мой. Мы боялись за тебя и рады вновь увидеть тебя и твою тень.

Она взглянула на Пага.

— А это кто с тобой — высокий юноша или женщина? — с усмешкой спросила она.

— Кажется, женщина. Осмотри ее, и сама увидишь.

— Ни к чему. Ведь ты, наверное, знаешь. Но где ты нашел ее?

— Это длинная история. Суть в том, что нашел я ее в выдолбленном древесном стволе в Тюленьем заливе.

— Так... А где ты провел ночь?

— В пещере. Лалила спала в пещере, а я — снаружи.

— Так. А откуда ты знаешь ее имя?

— Спроси у Пага. Он узнал его, а не я.

— Значит, и в этом деле замешан Паг? Надеюсь, по крайней мере, что эта колдунья — не волк, обернувшийся женщиной.

— Я уже сказал, что нашел ее я сам. Паг увидел ее только сегодня утром. Смейся, если хочешь. Паг подтвердит тебе мои слова.

— Паг подтвердит всякие твои слова. Однако...

Ви рассердился и воскликнул:

— Хватит! И я, и Лалила нуждаемся в пище и отдыхе.

Он с Лалилой и Пагом пошел вперед, а за ним последовали остальные. Только Тана уже успела убежать в селение, чтобы рассказать всем новость.

Глава X. Мать выброшенных детей

Новость распространилась мгновенно. Когда они дошли до селения, им навстречу уже бежали обитатели даже самых отдаленных хижин. Все хотели посмотреть на Морскую Колдунью, которую нашел Ви. Вот она появилась.

Она шла между Ви и Пагом, спокойная, стройная, на голову выше всех женщин племени, кроме разве что Ааки. Увидели ее длинные русые волосы, белую кожу, чудесные синие одежды, расшитые сандалии и янтарное ожерелье. Ни у кого больше не оставалось сомнений, что это колдунья!

Сперва народ молчал.

Но вот Лалила прошла, и вместе с нею прошел страх перед проклятием, которое она может навлечь одним взглядом. За спиной ушедших начались перешептывания.

— Что за безобразная колдунья! — сказала какая-то женщина. — Волосы у нее цвета солнца, и руки такие длинные.

— Хотел бы я, чтоб ты была так безобразна! — возразил ее муж.

Так разгорался спор.

Все женщины и несколько стариков утверждали, что она уродлива, а мужчины и дети кричали, что она — красавица.

В дело вмешался Урк Престарелый, который тут же выдумал историю о том, как в дни его прапрадеда такая же точно ведьма (возможно — эта же, ведь ведьмы не стареют) приплыла сюда на льдине, которую везли белые медведи. Народ пытался забросать ее камнями, но камни обрушивались на бросавших их. Колдунья сошла на берег, поселилась в пещере и шесть дней пела там. Наконец сын вождя влюбился в нее и попытался поцеловать. Она обратила его в медведя, села верхом и уехала.

Одни поверили рассказу, другие нет.

Во всяком случае, настроение создалось для Лалилы благоприятное: все твердо решили не пытаться ни забрасывать ее камнями, ни целовать, чтобы не приключилось беды.

Тем временем те трое подошли к пещере, где к ним присоединились Аака, Моананга и Тана.

— Что ты собираешься делать с Колдуньей? — косясь на Лалилу, спросила Аака.

— Не знаю. Быть может, поместить ее в нашу старую хижину? Ведь

ты спишь в пещере и бываешь в старой хижине только днем.

— Ни за что! У меня и так хлопот достаточно. Так что нечего мне прибавлять еще и ведьму. К тому же зима прошла, и я вновь переселяюсь в хижину.

Ви закусил губу.

— У меня, — вмешался Моананга, — две хижины рядом, и одна из них служит кладовой. Если поселить ее...

Тана перебила его:

— Ну что ты говоришь? Кладовая полна. И кроме того, я в ней стряпаю.

Ви пошел дальше, оставив спорящих Моанангу и Тану.

Возле устья пещеры стояли женщины, которые ходили за девочками, воспитывавшимися в пещере согласно новому закону. Ви обратился к женщинам, чтобы они выбрали из своей среды кого-нибудь, кому бы поручили ходить за чужестранкой с моря. Женщины, услышав это, посмотрели на Лалилу и разбежались.

— Все случилось, как ты сказал, — обратился Ви к Пагу. — Что же теперь делать?

Паг сплюнул и поглядел на Лалилу и Ви.

Затем он заметил:

— Если узел никак нельзя распутать, его приходится разрезать. Раз никто не желает ходить за Колдуньей и раз ты не желаешь, чтобы она умерла с голоду, — возьми ее в пещеру и смотри за ней сам. А если тебе это не нравится, убей ее.

— Я не сделаю ни того, ни другого. Я дал клятву, и в пещеру она не войдет. Я и собаке не дам умереть с голоду. Убивать ее я тоже не хочу. Это будет такое ужасное преступление, что небеса обрушатся.

— Будь она стара и безобразна, небеса остались бы на месте. Но все-таки что же делать? — сентенциозно заметил Паг.

— Вот что, Паг. Сведи ее в хижину Рахи. Прикажи кому-нибудь из моих слугителей — мужчине, не женщине — убрать хижину, развести огонь и принести для Лалилы пищу. А сам ты поселишься в пристройке к хижине — там, где Рахи держал свои припасы.

— Словом, я должен стать нянькой Колдуньи. Собственно, я мог ожидать, что этим все и кончится, — сказал Паг.

И так случилось, что Лалила, пришедшая с моря, стала жить в хижине Рахи, и прислуживал ей Паг, ненавидящий женщин.

Лалила безропотно пошла, куда сказал Ви, и подчинилась всему, что он хотел. Паг также не протестовал против внезапно свалившейся на него странной обязанности.

Делал он это не только для того, чтобы угодить Ви, он был умнее всех в племени, кроме, может быть, только Ви, и сразу понял, что женщина эта не колдунья, а только принадлежит какому-то другому племени. Паг заметил также, что народ, из которого происходит Лалила, знает много ремесел, ему не знакомых, и старался научиться им.

Странная жизнь была у Лалилы. Она сидела в хижине и готовила приносимую пищу, готовила незнакомыми ему способами. Она гуляла в сопровождении Пага и наблюдала обычаи племени или подходила к морю и долго глядела на юг.

Однажды в пасмурный день она знаками попросила у Пага выдубленные шкуры, жилы и осколки моржовых клыков. Из осколков, при помощи острого и раскаленного кремня, она сделала иглы и стала шить на чуждый лад.

Паг рассказал о ее способе шитья женщинам племени, и они стали через него просить у Лалилы игл. Та с охотой делала их, покуда больше не осталось осколков.

Ее языку Пагу научиться не удалось. Поэтому он стал учить ее языку племени. Учение пошло быстро, особенно с тех пор как на уроках стал присутствовать Ви.

Научившись языку племени, она рассказала Ви и Пагу кое-что о себе. Рассказала, что она — дочь вождя племени, которому нет числа, племени, обитающего далеко на юге. Народ там живет в домах, построенных на сваях и стоящих посреди озера. Питаются они рыбой и дичью. Выращивают некоторые травы и их зерна растирают между камнями, смешивают с водой и готовят в глиняной посуде. Оружие у них из кремня, слоновых и моржовых клыков и рога. Одежда ее сделана из шерсти домашних животных и окрашена соком одной травы, не той, которая идет в пищу. В месте, где она жила, часто идут дожди, но солнце светит ярче и воздух теплее, чем здесь.

Ви и Паг с удивлением слушали ее рассказы.

Наконец Ви спросил:

— Почему же, о Лалила, ты покинула страну, в которой была в таком почете?

— Из-за одного мужчины, которого я ненавидела.

— Почему же ты ненавидела его?

Она помолчала и затем медленно заговорила:

— То был брат моего отца. Отец мой умер, и брат его хотел жениться на мне и стать вождем. Я ненавижу его. Я нагрузила лодку едой и выплыла в море.

— А ты смогла бы найти путь назад?

— Думаю, что да. Я все время шла у берегов и запомнила очертания прибрежных гор. Думаю, что, если мне удастся выбраться из льдов, я без труда доберусь до дому. Я заснула только тогда, когда проехала последнюю горную вершину и попала во льды.

— Значит, горы недалеко, — заметил Ви. — Не то ты успела бы замерзнуть, прежде чем попасть сюда.

На этом разговор закончился, но Ви с Пагом еще много раз обсуждали услышанное от Лалилы.

* * *

Некоторое время спустя Лалила сказала, что ей скучно, что она просит дать ей какую-нибудь работу.

Паг долго обдумывал ее просьбу, затем однажды, когда Ви ушел по какому-то делу, сводил ее в пещеру и показал ей, как воспитывают там девочек. Заодно он объяснил ей, как они туда попали.

— У твоего народа жестокие нравы, — заметила она. — У меня на родине выгнали бы из племени мать, которая посмела выбросить своего ребенка.

Она подошла к детям и стала вглядываться в них, затем заявила, что за ними смотрят плохо и что две девочки, очевидно, скоро умрут.

— Несколько уже умерли, — отвечал Паг.

Ви, незамеченный ими, вернулся в пещеру и стоял в отдалении, наблюдая. После слов Пага он подошел и сказал:

— Ты права, Лалила. За детьми плохо смотрят. Матери перестают обращать на них внимание через несколько недель после рождения, точно для того, чтобы показать, что дети все равно обречены на смерть. Что ж я могу сделать? Хочешь помочь мне, Лалила?

— Да. Но только женщины племени станут ненавидеть меня еще

больше прежнего. А почему твоя жена Аака не смотрит за детьми?

— Мы с Аакой никогда не сходимся. Лалила, я назначаю тебя главной нянькой этих детей. Всякий, кто ослушается тебя, будет наказан.

Так Морская Колдунья Лалила стала матерью выброшенных детей.

Целыми днями сидела она у огня, окруженная девочками, кормила их и низким голосом пела им песни своей родины. Ви эти песни нравились, и он часто приходил в пещеру и, сидя в тени, смотрел и слушал, думая, что Лалила его не замечает. Наконец, когда он обнаружил, что она знает о его посещениях, он стал сразу садиться у огня и разговаривать с ней.

Она рассказывала ему о родине, о племенах, живших рядом с ее народом, и это удивляло соплеменников Ви, считавших себя единственным народом на свете; она рассказывала о простых ремеслах, которые знали ее соотечественники, и Ви жадно слушал ее. Но о своем путешествии она не говорила ничего и на вопрос, хочет ли вернуться на родину, отвечала, что не знает.

Вскоре Ви стал доверять ей свои тревоги и дела. Об Ааке, правда, он ничего ей не говорил.

Лалила слушала и наконец сказала, что горести его неизлечимы.

— Хотя ты родился здесь, о вождь, ты непохож на своих соплеменников. Тебе нужно было родиться среди моего народа.

— Когда люди идут в горы, всегда кто-то один опережает других, — возразил Ви.

— И тогда он оказывается один.

— Нет, он возвращается и ведет остальных.

— И тогда, прежде чем вершина будет достигнута, наступит ночь, — сказала Лалила.

— А что же сделает человек, если он один достигнет вершины?

— Взглянет на новые земли и умрет. По крайней мере, он первый увидит их, и когда-нибудь те, что придут потом, увидят его кости.

С того дня как Ви услышал эти речи, он полюбил Лалилу не только за ее красоту, но и за ум.

Аака вскоре заметила это и стала смеяться над ним.

— Почему ты не женишься на колдунье? Кто видал когда-нибудь вождя с одной только женой? Я ревновать не стану, а у тебя только один ребенок.

— Я дал клятву.

— Вот ей цена, — сказала Аака, показывая кукиш.

Но Аака была неискренна.

Как женщина, она не ревновала Ви — она была воспитана в обычаях

многоженства. Но она ревновала его по другому поводу: раньше она была единственным его советчиком. Затем Ви сдружился с Пагом, и Аака стала ненавидеть Пага. А теперь появилась эта колдунья, и Ви слушает ее.

Ненависть Ааки к Лалиле превзошла ненависть к Пагу.

Паг также ненавидел Лалилу, и по той же причине. Ви, несмотря на все свои недостатки, относился к числу тех людей, которых любят тем больше, чем лучше узнают их. Ревность Пага была естественной, но Ви даже не подозревал о ней.

Ви стал близким другом Лалилы, делился с ней своими горестями, и чем ближе он становился с ней, тем дальше отодвигались от него Аака и Паг.

Лалила слушала, давала советы и утешала. Но в глубине души она, как женщина, не могла понять, почему он не пытается приблизиться к ней еще больше. Но она сама не знала, обрадуется ли его попыткам еще увеличить их близость. Но затем она вспомнила о новых законах и стала еще больше уважать Ви.

* * *

Как уже было сказано, в тот год племени пришлось еще тяжелее, чем в прошлые годы. Весны не было, и лето было холодное. Тюленей пришло очень немного, так что их не хватало ни на пищу, ни на одежду. Мало было также птиц и лососей. Народ был спасен от голода только тем, что случайно загнал в залив четырех китов, которые не могли выбраться обратно. Их мясо заготовили впрок.

Ви работал не покладая рук, заготавливая впрок китовое мясо и вообще добывая пищу для племени. Но народ, привыкший к летнему изобилию, ворчал и хмурился. Затем пошел слух, что всему виной Морская Колдунья, которая угнала солнце с небес.

Народ говорил, что если прогнать Лалилу, солнце снова начнет светить, и звери и птицы вернуться, и все будет хорошо. Почему же колдунья не возвращается в море в своем выдолбленном дереве? А если она не хочет, ее можно выбросить туда живой или мертвой.

Так говорил народ, но до Ви эти толки еще не доходили.

Глава XI. Урок матери-волчицы

Однажды Паг проходил мимо хижины Ааки. «Он грустен, — подумала Аака, — и я знаю почему. Ви покинул его ради этой желтоволосой колдуньи». И она позвала Пага и предложила ему целое блюдо жареных ракушек. Паг жадными глазами поглядел на еду и спросил:

— А они отравлены?

— Почему ты спрашиваешь?

— Причины вполне основательные. Во-первых, я не помню случая, чтобы ты по доброй воле предложила мне поесть. Во-вторых, я знаю, ты меня ненавидишь.

— И то и другое верно, Паг. Я ненавижу тебя и поэтому никогда не кормила. Но меньшая ненависть уступает место большей. Ешь!

Паг набросился на ракушки и съел все до единой, потому что любил хорошо поесть, а год был голодный, и по приказу Ви на зиму откладывали как можно больше.

Аака внимательно следила за тем, как он ест, и, когда он кончил, наконец сказала:

— Теперь поговорим.

— Жаль, что нету еще, — ответил Паг, облизывая блюдо. — Но раз ракушки съедены все, то говори о Лалиле.

— Ты и теперь доказал, что умен, Паг.

— Да, я умен. Будь я глуп, я бы давно умер. Ну, чего ты хочешь?

— Ничего, кроме того, — она наклонилась и стала шептать, — чтобы ты убил ее или устроил так, чтобы ее убили. Ты — мужчина и можешь это сделать. Если же ее убьет женщина, то скажут, что это из ревности.

— Понимаю. Но почему я должен убивать Лалилу, с которой мы друзья и которая знает больше, чем все племя, вместе взятое?

— Потому, что она навлекла проклятие на племя, — начала Аака. Паг остановил ее движением руки.

— Можешь думать это, Аака, или говорить, что ты это думаешь, но незачем убеждать меня в том, что я считаю вздором. Виноваты в наших бедах небеса и погода, а не эта красавица с моря.

— То, во что верит народ, всегда правда, — хмуро возразила Аака, — или, по крайней мере, народ считает, что это правда. Слушай, если эту колдунью не убьют или не изгонят назад в море, народ может убить Ви.

— С Ви может случиться кое-что и похуже. Он может остаться в

живых, преследуемый всеобщей ненавистью и видя, что все его замыслы рушатся и все его друзья обратились против него. Впрочем, некоторые, кажется, уже начали обращаться против него, — печально сказал Паг. — Ну, говори, что ты хочешь сказать, — пристально поглядел он на Ааку.

— Ты это знаешь, — сказала Аака, опуская взгляд.

— Да, думается, знаю. Знаю, что ты ревнуешь к Лалиле и хочешь отделаться от нее. Но новый закон стоит стеной между Ви и Лалилой, так что тебе бояться нечего.

— Не говори мне о дурацких законах Ви. Если Ви хочет взять себе еще жену, пускай берет. Таков наш обычай, это я понимаю. Но я не могу понять, как смеет он дружить с этой колдуньей, сидеть с ней у огня и беседовать, а я, жена, должна оставаться на морозе снаружи... И ты тоже, — медленно добавила она.

— Прекрасно понимаю. Ви мудр, а сейчас ему приходится трудно. Он ищет себе помощника. Вот он нашел светильник и поднял его в руке, чтобы рассеять тьму.

— Да, а пока он смотрит на свет, ноги его провалятся в яму. Слушай, Паг. Когда-то я была советчиком Ви. Потом ты заменил меня. А теперь пришла эта колдунья и отняла его у нас обоих: поэтому мы, бывшие врагами, должны стать друзьями и избавиться от Лалилы.

— Для того чтобы стать врагами вновь? Понимаю тебя. Словом, ты хочешь избавиться от Лалилы? Так?

— Да.

— Хочешь, чтобы я прикончил ее не сам, но подговорив против нее народ?

— Возможно, что это — самый лучший исход, — тревожно согласилась Аака. — Ведь на народ-то она и навлекла проклятие.

— А ты в этом уверена? А может быть, если ее оставить в покое, она принесет много пользы? Ведь мудрость полезна, а она мудра.

— Я убеждена, что лучше всего будет, если убрать ее, — вспыхнула Аака, — и ты думал бы то же, если бы ты был женой, у которой отнимают любимого мужа.

— А чем жена показывает свою любовь к мужу? Я не был женат и на знаю. Скажи, тем ли, что резка с ним и осуждает все, что он делает, и ненавидит его друзей, или тем, что заботится о нем и помогает ему в затруднительных положениях. Я знаю только, что такое дружба. Ведь даже собака может быть предана хозяину, — подумав, продолжал Паг. — Но любовь и ее пути мне неведомы. Но я, как и ты, ревную к Лалиле и не огорчусь, если она уедет отсюда. Словом, я обдумую то, что ты мне сказала,

и мы еще поговорим. А теперь я уйду, если у тебя нет больше ракушек, Аака.

Ракушек больше не оказалось, и Паг ушел, и Аака все-таки не знала, что он сделает. Она знала, что он ревнует Ви к Лалиле и потому должен желать ей гибели.

Но Паг — человек странный и непонятный.

* * *

Паг ушел в леса, так как знал, что Ви совещается с Лалилой и в нем не нуждается. Он забрался в самую глушь, куда никто из людей не заходил, бросился ничком наземь и стал думать.

Паг думал до тех пор, пока его голова не пошла кругом и думать больше стало невозможно. И тогда в нем сразу проснулся зверь; ему надоели размышления, захотелось стать самым настоящим зверем, хищным зверем, какие живут в лесах.

Он приложил руки ко рту и протяжно завыл. Он выл трижды, и наконец вдали раздался ответный вой. Тогда Паг замолчал и стал ожидать. Солнце тем временем село, и наступили сумерки.

Раздался шорох; кто-то ступал по засохшим сосновым иглам. Затем между стволами деревьев появилась огромная волчья морда и подозрительно огляделась. Паг завыл снова, потихоньку, но волк все еще колебался. Он отошел и стал кружить, пока до него не дошел запах Пага.

Тогда волк прыгнул, и за ним следом затрусил волчонок. Серая волчица подбежала к Пагу, положила ему передние лапы на плечи и облизала его лицо. Паг погладил ее по голове, и волчица уселась у его ног, как собака, и тихим ворчанием подозвала волчонка, точно чтобы познакомить его с Пагом. Но волчонок не хотел подходить к человеку. Паг и волчица сидели одни. И Паг говорил с волчицей, которая много лет тому назад кормила его. Он говорил, а она сидела, точно слушала и понимала его. Но понимала она только, что с ней говорит человек, которого она когда-то кормила.

— Я убил всех твоих родичей, Серая Мать, — говорил Паг волчице, — почти всех. Но ты простила мне, ты пришла на мой зов, как прежде приходила. А ведь ты — только зверь, а я — человек. Если ты, зверь, можешь простить, то почему я, человек, должен ненавидеть того, кто

причинил мне значительно меньше обид, чем я тебе? Почему должен я убить Л ал ил у только за то, что она похитила у меня человека, которого я люблю? А ведь она мудрее меня и красавица! Серая Мать, ты — хищный зверь, и ты простила меня и пришла на мой зов; потому что когда-то вскормила меня! А я человек!

Волчица поняла, что вскормленный ею человек чем-то взволнован. Она облизала ему лицо и прижалась к ногам того, кто уничтожил всех ее родичей и воспользовался ее любовью, чтобы повести ее стаю на погибель.

— Я не убью Лалилы и не буду подговаривать народ, — сказал наконец Паг. — Я прощу, как Серая Мать простила меня. Если Аака хочет погубить Лалилу, пусть строит козни, но я предупрежу Морскую Колдунью. Да, я предупрежу ее и Ви. Спасибо тебе за урок, Серая Мать.

Волчица убежала вместе с волчонком, а Паг вернулся в селение.

* * *

Утром следующего дня Паг сидел возле пещеры и наблюдал, как Лалила возится с девочками. Как переходит от одной к другой, нянчится с ними, успокаивает и дает указания своим помощницам.

Наконец она покончила с работой и уселась возле Пага. Она посмотрела на небо, завернулась плотнее в плащ и вздрогнула.

— Почему ты остаешься в этой холодной стране, Лалила? Ведь ты из края, где светит солнце и где тепло. Почему ты не возвращаешься на родину?

— Мне страшно отправляться в путь. Море велико, и я боюсь.

— Почему же ты переплыла его и приплыла сюда, Лалила? Ведь ты была дочерью и наследницей вождя?

— Женщина не может править одна. Всегда кто-нибудь правит ею, Паг, а я ненавижу того, кто хотел править мной. И я отправилась искать смерти во льдах. Но я нашла не смерть, а это место.

— И снова стала править. Ведь ты правишь тем, кто правит нами. Кстати, где Ви?

— Кажется, пошел кого-то мирить. Твой народ вечно ссорится.

— Голод и холод тому виной. К тому же народ боится.

— Чего, Паг?

— Небес без солнца, недостатка еды, приближающихся зимних

холодов... проклятия, обрушившегося на племя.

— Какого проклятия?

— Принесенного Морской Колдуньей.

— Я принесла проклятие? — она обернулась к нему и широко раскрыла глаза.

— По-моему, твои взгляды могут принести только благословение, а не проклятие. Но народ думает, что, кроме нас, на свете нет людей, и потому считает тебя колдуньей, рожденной морем. С тех пор как ты прибыла, случаются одни несчастья. Тюлени не явились, птицы не явились, рыбы не явились. Сейчас ранняя осень, а холодно почти как зимой.

— Могу ли я повелевать солнцем? — грустно спросила Лалила. — Я ли виновата в том, что тюлени, птицы и рыбы не вернулись сюда? Я ли виновата в том, что дождь превращается в снег?

— Так думает народ, особенно с тех пор, как ты вместо меня стала советчиком Ви.

— Паг, ты ревнуешь ко мне.

— Да. Но мне кажется, что я сужу справедливо. Меня просили убить тебя или подговорить народ на это. Я не согласился, ибо ты прекраснее и мудрее всех нас и научила нас многим вещам, нам прежде не знакомым. Не согласился я и потому, что нехорошо убивать чужестранку. А ты не колдунья, а просто чужестранка.

— Убить меня! — воскликнула она, глядя на него большими испуганными глазами.

— Я уже говорил, что отказался сделать это. Но другой может не отказаться. Выслушай меня. Я дам тебе совет, а ты вольна последовать ему или отвергнуть его.

— Ворон сидел в клетке, а лиса посоветовала ему открыть клетку. Ворон послушался, да только забыл, что голодная лиса караулит снаружи. Такая есть у меня на родине басня, — заметила Лалила, подозрительно глядя на Пага. — А впрочем, говори, — решила она.

— Можешь не бояться, — хмуро возразил Паг. — Если ты последуешь моему совету, лиса останется еще более голодной, чем была до сих пор. Слушай! Тебе грозит большая опасность. Спастишь ты можешь только одним путем: стать женой Ви. Ведь все знают, что, хотя Ви только и думает о тебе, ты не жена ему. Никто не осмелится прикоснуться к Ви. Правда, на Ви ропщут, но его любят. И к тому же племя знает, что Ви дни и ночи думает только о других, а не о себе, и помнит, что Ви могуч, Ви убил Хенгу и тигра с саблевидными зубами. Никто не осмелится коснуться человека, на которого Ви набросил свой плащ; но если плащ на тебя не наброшен —

остерегись. Итак, стань женой Ви, и ты будешь в полной безопасности. Я советую тебе поступить так, хотя знаю, что если Ви возьмет тебя в жены, то я, Паг, который любит Ви больше, нежели его любишь ты (если ты вообще любишь его), буду выгнан прочь из пещеры в леса. Впрочем, там у меня есть еще друзья, которые меня не тронут.

— Стать женой Ви! — воскликнула Лалила. — Я не знаю, хочу ли я этого. Я об этом не думала. И он никогда не намекал мне, что хочет взять меня в жены. Если бы он хотел этого, он бы сказал мне. Он говорил со мной о многом, но об этом — никогда.

— Мужчины не всегда говорят о том, чего хотят, Лалила. Кажется, женщины тоже. Ви рассказывал тебе о своих новых законах?

— Да, часто.

— А помнишь такой закон: так как женщин в племени мало, то никто не должен иметь больше, чем одну жену?

— Да.

Лалила покраснела и опустила глаза.

— Значит, он рассказал тебе о том, что призывал проклятие богов на свою голову и на голову всего племени в том случае, если нарушит этот закон.

— Да, — повторила она еще тише.

— Возможно, что Ви именно поэтому не говорил с тобой о том, что хочет взять тебя в жены.

— Он и не может хотеть. Ведь он дал клятву не нарушать закон. В ответ Паг только хрипло рассмеялся.

— Клятвы бывают различные. Одни клятвы даются для того, чтобы их соблюдать, другие же — для того, чтобы нарушать.

— Да, но эта клятва связана с проклятием.

— В том-то все и дело, — сказал Паг. — В этом источник всех бедствий. Тебе предстоит выбирать. Ты прекрасна и мудра, и стоит тебе захотеть, чтобы Ви на тебе женился, как ты добьешься своего. Но в таком случае ты не должна бояться последствий: того, что проклятие за нарушенную клятву упадет и на его голову, и на все наши головы, и даже на тебя. Но куда проклятие не обрушится, ты будешь счастлива. А может быть, проклятие вообще не обрушится. Если же ты не станешь его женой, продолжай быть его советчиком, и твоя рука будет в его руке, но никогда не обовьется вокруг его шеи. И так будет продолжаться, куда не восстанет против тебя все племя, возбужденное твоими врагами. А из них, может быть, я — самый жестокий и самый непримиримый.

Лалила улыбнулась.

— Ярость народа обрушится на тебя, — продолжал Паг, — и тебя изгонят или убьют. А может быть, ты предпочитаешь вернуться к своему народу в твоей волшебной лодке? Урк Престарелый утверждает, что ты можешь сделать это. Он говорит, что так поступила твоя прапрабабка, которую он знал и которая во всем была похожа на тебя.

Лалила слушала, хмурия высокий лоб, затем заговорила:

— Я должна подумать. Не знаю, какую возможность я выберу, ибо не знаю, какой путь лучше для Ви и для всего племени. Во всяком случае, Паг, благодарю тебя за твое доброе отношение, с тех пор как Луна, моя богиня, привела меня сюда. Если нам больше не придется говорить, прошу тебя, запомни, что Лалила, которая пришла с моря, благодарит тебя за всю твою доброту к ней, бедной страннице, и будет благодарить тебя всю жизнь.

— За что? — проворчал Паг. — За то, что я ненавижу тебя, лишившую меня общества и дружбы Ви — единственного человека на земле, которого я люблю? За то ли, что одним ухом я внимаю Ааке, которая советовала мне убить тебя? За это ты меня благодаришь?

— Нет, Паг, — спокойно и ласково ответила она. — Как могу я благодарить тебя за то, чего не было? Я знаю, что Аака ненавидит меня, и знаю, что ненависть ее ко мне совершенно естественна, и потому вовсе не осуждаю. Но знаю я также, что ты меня вовсе не ненавидишь. Я знаю, что ты любишь по-своему, даже несмотря на то, что я стала между тобой и Ви, как тебе кажется. В действительности я между вами не становилась. Быть может, одним ухом ты и внимал Ааке, но при этом плотно зажал второе ухо. Ты сам лучше, чем я, знаешь, что никогда не собирался ни убить меня, ни каким-нибудь образом добиться моей смерти; но по доброте своей пришел предупредить меня об опасностях.

Услышав эти ласковые слова, Паг встал и долго глядел на нежное и прекрасное лицо Лалилы. Затем схватил ее ручку и прижал к своим толстым губам. Волосатой лапой вытер свой единственный глаз, плюнул наземь, бормоча что-то, что могло быть и проклятием, и благодарностью, и заковылял прочь.

Лалила глядела ему вслед, по-прежнему ласково улыбаясь.

Но, когда он ушел и она осталась совсем одна, то перестала улыбаться.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Вечером, когда Ви вернулся, она дала ему, как всегда, отчет о детях, за которыми смотрела, и обратила его внимание на двух больных девочек, которые нуждаются в особом уходе.

— Зачем мне знать это? — улыбаясь, спросил Ви. — Ведь ты смотришь за ними.

— Так надо. Хорошо, чтобы обо всем знали не меньше, чем два человека. Ведь один может заболеть или забыть. А это, кстати, напоминает мне о Паге.

— То есть?

Ви был очень удивлен.

— Сама не знаю почему. Напоминает... Должно быть, потому, что зашла речь о двоих. Ты и Паг когда-то были одно целое, а теперь вы разделились — по крайней мере, так ему кажется. Ви, будь поласковой к Пагу, больше бывай с ним. Вообще верни былые отношения с ним... Слышишь? Больная девочка кричит. Бегу к ней. Спокойной ночи, Ви.

Она ушла.

Он удивленно глядел ей вслед; в голосе ее и поведении он обнаружил что-то, чего не понимал.

Глава XII. Рыжие Бороды

Утром Лалилы нигде не было.

Ви заметил это сразу. Он расспросил о ней у одной из подначальных ей женщин.

— Лалила позвала меня, — сказала та, — и, сообщив, что пища у детей уже приготовлена, а самой ей нужно немножко отдохнуть, заявила, что идет в лес и там проведет целый день, и чтобы о ней не тревожились и не искали ее, потому что она вернется к ночи. — Она больше ничего не говорила? — тревожно осведомился Ви.

— Сказала, когда и какую пищу давать обеим больным девочкам в том случае, если ей захочется провести ночь в лесу. Впрочем, в лесу она, наверное, на ночь не останется, не собирается этого делать. Вот и все.

Ви отправился по своим делам, которых у него было немало, и больше не задавал вопросов, должно быть потому, что в пещеру вошла Аака и могла услышать их.

Но день для него тянулся медленно, и к вечеру он торопился в пещеру, надеясь найти Лалилу уже там. Он собирался серьезно поговорить с ней, так как она его встревожила своим уходом без предупреждения, и объяснить, что, блуждая одна, она подвергается большим опасностям.

Когда он вошел в пещеру, на дворе уже была ночь. Лалилы в пещере не оказалось.

Он некоторое время дождался, делая вид, что ужинает. Но к пище даже не притронулся. Затем он послал за Пагом.

Паг вошел в пещеру, поглядел на Ви в упор и спросил:

— Зачем вождь посылает за мной в первый раз за такой большой промежуток времени? Еще немного — и твой приказ запоздал бы. Я теперь никому не нужен и как раз собирался отправиться в леса.

— Ты тоже хочешь гулять в лесах? — подозрительно спросил его Ви.

— В чем дело?

Ви рассказал ему.

Выслушав рассказ Ви, Паг вспомнил свой разговор с Лалилой и смутился; но он не обмолвился ни словом об этом разговоре.

— Решительно нечего бояться, — сказал Паг, — Лалила, как тебе известно, поклоняется Луне. Наверное, она отправилась молиться, приносить жертвы и вообще справлять обычаи своих одноплеменников.

— Возможно, что это так, — согласился Ви. — Но я в этом совсем не

уверен.

— Если ты боишься за нее, — продолжал Паг, — я могу отправиться искать ее.

Ви своими быстрыми глазами взглянул в лицо Пага и сказал:

— Мне приходит на ум, Паг, что ты испуган исчезновением Лалилы еще больше, чем я, и что у тебя есть основательные причины бояться. Но, как бы то ни было, нынче ночью никто не может отправиться искать Лалилу. Ведь луна застлана тяжелыми облаками и идет сильный дождь. Кто же может найти женщину в темноте леса?

Паг подошел к устью пещеры, поглядел на небо, вернулся и сказал:

— Ты совершенно прав. Небо совсем черное, и дождь идет сплошной стеной. Не видно ничего на расстоянии вытянутой руки. Наверное, Лалила заползла в какое-нибудь дупло или спряталась под развесистым деревом и вернется сюда на заре.

— Боюсь, что она убита.

Паг промолчал.

— А может быть, она уехала прочь отсюда, на родину. И я думаю, виной этому ты или Аака, а может быть, вы оба. Во всяком случае, вы-то уж должны знать, где она и почему она скрылась.

Ви говорил гневным, сдавленным голосом.

— Я ничего не знаю, — ответил Паг. — Возможно, что она в хижине у Моананги. Сейчас пойду и погляжу.

Он ушел и возвратился спустя довольно долгий промежуток времени с сообщением, что ее нет ни в хижине Моананги, ни в другой хижине и что ее в тот день никто не видел.

Всю ночь Ви и Паг просидели у огня, даже не пытаясь сделать вид, что спят, и не сводили взгляда с устья пещеры.

Наконец наступил рассвет. Рассвет серый, скудный и холодный. Дождь прекратился.

С первыми же лучами зари Паг, не говоря никому ни слова, выскользнул из пещеры. Ви последовал за ним, думая догнать его, но Паг ушел, и никто не знал, куда.

Тогда Ви принялся сам расспрашивать о Лалиле и разослал повсюду людей искать ее. Посланные вернулись через положенное время с сообщением, что никого не нашли. Тогда Ви разослал весь народ на поиски, и сам также отправился искать Лалилу.

Когда он уходил из пещеры, Аака спросила его:

— Почему ты так тревожишься о колдунье? Она исчезла, как исчезают все колдуньи после того, как причинят приютившему их племени зло.

— Если Лалила и колдунья, во всяком случае, нам она принесла добро, а не зло, — ответил Ви, глядя на играющих детей.

Он отправился в лес, захватив с собой Моанангу.

Весь народ и он сам искали целый день напролет, но ничего не нашли. Возвратились они в селение только к ночи, усталые до смерти.

Ви был грустен, ибо ему казалось, что Лалила вырвала у него сердце и унесла его с собой. В ту же ночь одна из больных девочек умерла: ребенок не хотел брать пищу ни от кого, кроме Лалилы. Ви осведомился о Паге, но оказалось, что Пага никто не видел, что Паг исчез так же, как и Лалила.

— Наверное, он скрылся вместе с Лалилой. Ведь они были большие друзья, хотя он и утверждал обратное, — предположила Аака.

Ви не отвечал ей, но подумал, что, должно быть, Паг отправился хоронить Лалилу.

* * *

Вскоре после рассвета следующего дня в пещеру вполз отощавший Паг. Вид у него был голодный, как у лягушки, которая весной выползает из зимнего логова.

— Где Лалила? — спросил Ви.

— Не знаю. Но лодка ее исчезла. Должно быть, она вытащила лодку из пещеры и спустила ее на море — немалый труд для женщины.

— Что ты наговорил ей?

— Кто может помнить, что говорил несколько дней тому назад? — уклонился от ответа Паг. — Дай мне поесть, потому что я пуст, как выеденная раковина.

* * *

Пока Паг ел, Ви пошел на берег.

Он сам не знал, зачем идет туда. Должно быть, потому что море взяло у него Лалилу так же, как море дало ему ее. Поэтому Ви хотел увидеть море еще раз. Он стоял, глядя на серые, ровные волны, и внезапно на самом

краю спустившегося над водой тумана заметил какое-то движение.

«Это, должно быть, рыба, — подумал он. — Но хотел бы я знать, что это за рыба. Только киту случается стоять на воде, а эта рыба много меньше кита».

Он лениво и равнодушно смотрел на эту странную рыбину, почти не видя ее, и вдруг как-то сразу обнаружил (несмотря на то, что движущийся предмет был так далеко и его закрывали полосы тумана), что это вовсе не рыба, а что-то знакомое. Но что именно?

И тут он сразу узнал: это тот самый выдолбленный древесный ствол, в котором Лалилу прибило к здешнему берегу. Но теперь этот ствол не прибывает к берегу, а его кто-то гонит, его гонит гребец, и гонит быстро, изо всех сил.

Рассвело еще больше, и наконец солнечные лучи осветили светлые волосы гребущего. Тут только Ви узнал Лалилу и бросился ей навстречу, по пояс вбежав в воду.

Лалила приближалась, не замечая его, пока он ее не окликнул. Тогда она, задыхающаяся, перестала грести, и лодка, скользя, подошла к нему.

— Где ты была? — сердито спросил он. — Знаешь ли ты, что я очень тревожился о тебе?

— Разве? — И она как-то странно поглядела на него. — Ну, об этом поговорим потом. Дело в том, Ви, что сюда движется много народу. Они едут в лодках, таких же как эта, только значительно больших. Я мчалась от них, чтобы предупредить тебя.

— Много народу? — спросил Ви. — Кто это может быть? Ведь, кроме моего племени, существуют только твои соотечественники. Должно быть, ты привела их с собой.

— Да нет же, нет! Этих людей я никогда не видела. Да к тому же они едут с севера, а не с юга, не с моей родины. Скорее бежим в селение: это свирепый, яростный народ.

Они вышли на берег, где уже собрались несколько человек, издали увидевших лодку, в том числе Моананга и Паг. Лодку вытащили на песок, и Лалила с трудом выбралась из нее, и то при помощи Ви. Едва ступив наземь, она сразу упала в изнеможении; видно было, что она устала до смерти.

— Рассказывай, — сказал Ви, глядя на нее в упор, точно боялся, как бы она не исчезла снова.

— Рассказывать мне нечего, вождь, — ответила она. — Мне надоела земля, и я решила немножко поплавать по морю. Я вывела лодку и так, для развлечения, выбралась в открытое море.

— Ты лжешь, Лалила! — грубо оборвал ее Ви. — Но все равно продолжай.

— Я выбралась в открытое море. Погода была спокойная, и я легко добралась до оконечности горной цепи, которая лежит за краями залива. Впрочем, вы, наверное, никогда ее не видели.

И она слабо улыбнулась.

— Так вот, вчера вечером, на самом заходе солнца я внезапно увидела большое количество лодок; они шли с севера и в то мгновение, когда я их заметила, огибали мыс. Видно было, что они идут вдоль берега. Это большие лодки, и в каждой из них сидело помногу мужчин, мужчин волосатых и ужасного вида. Они заметили меня и окликнули грубыми голосами на каком-то языке, которого я не могла понять. Я повернула и помчалась от них прочь. Они погнались за мной, но наступила ночь и спасла меня. Все же иногда луна пробивалась между облаками, и они замечали мою лодку. Наконец тучи окончательно застлали луну, а я успела заметить здешние холмы и таким образом знала дорогу. И гребла беспрестанно сквозь туман и тьму. Я думаю, что эти люди ненамного отстали от меня. Я думаю, что они нападут на вас и что вы немедленно должны готовиться. Вот все, что я хотела сказать.

— А зачем они явились? — ошарашенно спросил Ви.

— Не знаю, — ответила Лалила, — но, судя по виду, они очень голодны. Наверное, они пришли за пищей.

— Что же делать?

— Я думаю, что нужно им сопротивляться! Встретить их боем и отогнать прочь.

Ви задумался, потому что никак не мог себе представить, как это люди могут драться с другими людьми. До появления Лалилы и до ее рассказов о том, что ее соотечественники сражаются со своими соседями, подобная мысль ему в голову не приходила. И соплеменники его совсем не умели сражаться с людьми, так как племя считало себя единственным на земле и не представляло надобности обороны от других людей.

Паг прервал ход размышлений Ви:

— Ты сражался с хищными зверями и убивал их. Ты сражался с Хенгой и убил его. Мне представляется, что ты точно так же должен поступить и с этим народом, который хочет напасть на нас. Если Лалила не ошибается, то либо они убьют нас, либо же нам придется убить их.

— Да, да, ты прав, так оно и должно быть, — все еще недоумевая, согласился Ви и добавил:

— Пускай Вини-Вини созовет племя и пускай все явятся

вооруженными как можно лучше. И пускай он идет не один созывать народ, пусть ему помогут — так будет быстрее.

Несколько человек из стоящих на берегу помчались исполнять приказ вождя; они пустились бежать изо всех сил. Когда они ушли, Ви обернулся к Пагу и спросил:

— Что же теперь делать, Паг?

— Ты спрашиваешь совета у меня, когда Лалила рядом? — горько усмехнулся Паг.

— Лалила женщина и сделала все, что может сделать женщина. Теперь очередь за нами, за мужчинами.

— Этим всегда кончается.

— И все-таки, что же нам делать?

— Не знаю, — ответил Паг, — а впрочем, сейчас начнется отлив. Ты сам знаешь, что во время отлива к нам в залив есть только один ход — в расщелине между скал. А ведь в расщелине омут. Чужеземцы-то ведь этого не знают и пойдут сквозь расщелину, где их и затянет в омут. Наверное, лишь немногим удастся пробраться в залив. С ними мы и должны биться и уничтожить как их, так и всех тех, кто останется по ту сторону скал. Но что я могу знать о сражениях? Ведь я только карлик. Вот твой брат Моананга. Он могуч и высок, и отважен. Сделай его начальником. Пускай он руководит боем. Но помни, Ви, ты должен стоять позади сражающихся, потому что твое присутствие подбодрит народ. А если понадобится, ты и сам должен принять участие в сражении.

— Да будет так, — сказал Ви. — Моананга, я назначаю тебя начальником над сражающимися. Сделай что можешь, а я поддержу тебя как могу.

— Подчиняюсь, — просто и мужественно отвечал Моананга. — Если меня убьют, а ты останешься жив, присмотри за тем, чтобы Тана не умерла с голоду без меня.

Как раз в это мгновение сбежался созванный новостями, переходившими из уст в уста, народ. Вيني-Вини, увидев, что все собрались, перестал трубить. Народ стал кругом. Каждый был вооружен чем мог: одни — каменными топорами, другие — кремневыми ножами и копьями с кремневыми наконечниками, третьи — закаленными на огне дубинами, четвертые — арканами.

Ви обратился к народу с речью о том, что с севера сюда плывут чужеземцы, которые собираются напасть на племя. Чужеземцы эти, наверно, хотят перебить всех в племени, мужчин, женщин и детей. Единственный способ спастись от смерти — это сражаться с ними и

перебить чужестранцев всех до единого. Предводительствовать сражающимися будет Моананга.

Вместе с мужчинами на яростные трубные звуки Вини-Вини сбежались и женщины. Услыхав эту речь, они стали выть и плакать и цепляться за мужей. Наконец удалось их отогнать.

Вслед за этим Хоу Непостоянный стал громко доказывать, что Лалила просто врет, что никакие люди в лодках вовсе не плывут сюда и что вообще нет никакой надобности готовиться; Уока Злой Вещун заявил, что если такие люди и плывут сюда, то незачем пытаться оказывать им сопротивление. Люди, которые плывут в лодках, должны быть мудрыми и сильными и перебьют всех, кто выступит против них. Словом, единственное, что остается, бежать и спрятаться в лесу. Этот совет, очевидно, многим пришелся по сердцу. Несколько человек сразу пустились наутек.

Увидев это, Ви подошел к Уоке и ударом кулака сбил его с ног. Затем он двинулся к Хоу, но Хоу догадался, зачем Ви подходит к нему, и убежал. Тогда Ви заявил, что первому же, кто попытается бежать, он размозжит череп. Эта угроза подействовала: больше никто не шевельнулся.

Хоу же, стоя в отдалении, все еще продолжал говорить, что никакие люди не приближаются. Внезапно раздался крик. Несколько человек заметили, как из тумана выплыло много больших лодок. Лодки были огромные. В некоторых сидело по восемь, а то и по десять гребцов. Лодки направлялись к заливу, и гребцы ничего не подозревали об омутах и подводных скалах и не обращали внимания на то, что начинается отлив.

В результате шесть или восемь лодок, проходя буруны, наткнулись на подводные камни. Лодки треснули, сидевшие в них люди попадали в воду, несколько человек потонуло. Но большинство пловцов в потерпевших крушение лодках доплыли к скалам с правой стороны и оттуда что-то кричали своим товарищам, которые кричали им в ответ.

На остальных лодках стали грести потихоньку и осторожно, и так как море было спокойно, им удалось в общем благополучно добраться к скалам, на которых высадились их товарищи. Лодки пристали, и приплывшие в них вылезли, оставив в каждом челноке по одному или по два человека присматривать за тем, чтобы прибой не отогнал лодки назад в море.

На скале набралось уже около ста человек или даже больше. Все заговорили разом. Они размахивали руками и указывали на берег длинными копьями с наконечниками из моржового клыка или какого-то белого камня.

Ви смотрел на них с берега и наконец сказал Пагу:

— Действительно, эти чужеземцы страшны на вид. Смотри, как они высоки и сильны. Они покрыты шерстью, почти как звери, а волосы и бороды у них рыжие. По-моему, это вовсе не люди, а черти. Только у чертей может быть такой вид и только черти могут путешествовать одни, без женщин и детей.

— В таком случае, — возразил Паг, — это очень голодные черти. Смотри, тот рослый детина, который, очевидно, у них начальник, раскрывает рот и тычет пальцем внутрь его, показывает себе на желудок и потом машет рукой по направлению к нам, что, дескать, здесь они найдут себе достаточно пищи.

Он промолчал. В это время волны прибили почти к самым ногам Ви два трупа из затонувших лодок.

— Черти-то, оказывается, тонут, смотри. А что до жен, — добавил Паг после некоторой паузы, — жен всегда можно украсть.

Он посмотрел на женщин племени, которые стояли невдалеке маленькими кучками, говорили все одновременно и били себя в грудь. Перепуганные насмерть дети цеплялись за их платья.

— Ты совершенно прав, — сказал Ви.

Слова Пага подействовали на него, и он, подумав несколько мгновений, решительно подозвал к себе одного или двух людей из племени:

— Ступайте к Урку Престарелому и передайте ему мой приказ. Я приказываю, чтобы он увел всех женщин, всех детей и всех стариков и спрятал их. Я не знаю, чем кончится наша встреча с этими Рыжими Бородами, и лучше, чтобы женщины и дети скрылись.

Посланные ушли, и начались смятения и вопли. Одни женщины бросились бежать к лесу, другие не двигались с места, а третьи обнимали своих мужей и пытались потащить их с собой.

— Если эти вопли не прекратятся, сердца мужчин растают, как жир на огне, — сказал Паг. — Смотри, уже кое-кто из них следует за женщинами.

— Ступай ты и погони их в лес.

— Ну нет, — возразил Паг. — Я никогда не отличался особенной любовью к женщинам и не желаю с ними путаться сейчас. Я лучше останусь на месте.

Тогда Ви в голову пришла иная мысль. Он заметил, что Аака стоит на полдороги между женщинами и мужчинами, вернее, между женщинами и большинством мужчин, которых Моананга уговаривает как только может.

Ви подозвал Ааку к себе. Она услышала его зов и приблизилась, так

как мужества у нее было достаточно.

— Жена, — сказал Ви. — Эти рыжие черти собираются напасть на нас, и нам предстоит либо убить их, либо быть убитыми ими.

— Знаю, — спокойно отвечала Аака.

— В таком случае, — продолжал Ви, опустив глаза и говоря торопливо, — лучше всего, чтобы женщины не видели боя. Поэтому я прошу тебя увести в лес и спрятать там всех женщин, стариков и детей. Кстати, заодно ты разыщешь и тех, кто там спрятался. Потом, после того как сражение закончится, вы можете вернуться.

— Какой смысл возвращаться для того, чтобы обнаружить, что наши мужья убиты? Не лучше ли нам остаться здесь и умереть вместе с мужчинами?

— Женщины, очевидно, не будут убиты, Аака. Наверное, этим рыжим чужестранцам нужна не только пища: им, возможно, нужны и жены. Во всяком случае, вы умрете не сразу, хотя под конец они, наверное, убьют и съедят вас. Поэтому я приказываю вам уходить.

— Морская Колдунья, которая привела этих чужеземцев, понятно, также должна уйти, покуда не натворила еще зла, — заметила Аака.

— Она не привела их. Она сама бежала от них! — сердито воскликнул Ви. — Во всяком случае, можешь захватить ее с собой, а Фо возьми с собой непременно. Но только пришли назад всех мужчин, которые попрятались в лесу. А теперь ступай, я тебе приказываю.

— Повинуюсь, — сказала Аака, — но знай, о муж мой, что хоть мы с тобой и далеко разошлись за последние годы, если ты умрешь, то умру и я, ибо когда-то, в прошлые времена, мы были одно целое.

— Благодарю тебя, — сказал Ви. — Но если мне случится быть убитым, то мой совет тебе: оставайся жить, правь племенем, возроди его и сделай мощным.

— Какая же польза от одних женщин без мужчин? — возразила Аака, пожимая плечами.

Затем она повернулась и ушла, и Ви заметил, что, уходя, она рукой утирала глаза.

Аака подошла к женщинам и что-то крикнула им свирепым голосом. Она без устали повторяла свое приказание до тех пор, пока женщины не стали медленно и поодиночке двигаться к лесу. Женщины уводили стариков, тащили за собой детей, несли их на плечах. И так шум понемногу стих, и печальная, скулящая процессия скрылась за деревьями.

Все это время Рыжие Бороды, стоя на скалах, болтали друг с другом, очевидно разрабатывая план нападения.

Наконец они решились. Большинство их уселось в лодки, пересекло узкий пролив и высадилось на скалах по левую сторону. Теперь, при почти полном отливе, скалы эти также были обнажены. Остальные же уселись в лодки и решительно направились к тому месту берега, где стоял Ви.

Паг заметил это и с восторгом закричал:

— А это им не удастся! Их лодки наткнутся на подводные скалы и пойдут ко дну, а они сами попадут в омуты и потонут, как вот эти.

И он указал копьем на качающиеся в прибое тела утопленников.

Но ему вскоре пришлось убедиться, что Рыжие Бороды собирались делать совсем не то.

В то время как Паг говорил, Ви услышал легкое потрескивание ракушек на приморском песке. Он обернулся, чтобы посмотреть, кто это идет. То была Лалила! Синий плащ прикрывал ее плечи и в руке она держала копье.

— Почему ты здесь? — сердито набросился он на нее. — Почему ты не ушла в лес? Всем женщинам было приказано прятаться в лесу!

— Твой приказ относился к племени, — спокойным голосом возразила она, — а я не вхожу в состав твоего племени. Я пряталась в хижине и дождалась, чтобы все ушли. Не гневайся, о вождь, — продолжала она тихим и ласковым голосом, — но я видела много народов и знаю, как они сражаются, и думаю, что могу дать добрый совет.

Он стал кричать на нее, бранить и приказал уйти. Она стояла рядом с ним, не слушала его слов, не обращала никакого внимания и только смотрела на море. Затем внезапно воскликнула:

— Так я и думала!

Она прыгнула вперед, заслонила собой Ви, который стоял, глядя на море, затем зашаталась и упала ему на руки.

И он и Паг удивленно посмотрели на нее и увидели, что в плаще ее торчит маленькое копье с перьями.

— Вытащи его, Паг, — сказала она, выпрямляясь. — Не одни эти Рыжие Бороды умеют пускать стрелы. Счастье мое, что мой плащ толст и прочен.

— Если бы ты не заслонила меня, это копье пробило бы мне грудь! — воскликнул Ви, глядя на нее.

— Это случайность, — улыбаясь, ответила ему Лалила.

— Ты лжешь! — возразил Ви.

Лалила ничего не сказала, только улыбнулась опять и плотнее закуталась в плащ.

Покуда Паг вытаскивал стрелу, Лалила продолжала улыбаться, но он

заметил, что губы ее побледнели и дрожат. Наконец карлик выдернул стрелу и обнаружил, что на костяном ее наконечнике кровь и кусочек мяса. Паг видел это, но промолчал.

— Ложись, о вождь, — сказала Лалила. — Ложись здесь, за скалой, и ты ложишься, Паг. Так вы будете в безопасности. Я также лягу.

Когда все укрылись за камнями, Лалила продолжала:

— Слушайте, вот в чем дело. Эти Рыжие Бороды вооружены луками и стрелами, и, очевидно, они замыслили перестрелять всех вас или, по крайней мере, отпугивать выстрелами до тех пор, пока окончательно не схлынет отлив, а тогда они хотят вскарабкаться по скалам и напасть на вас.

В это мгновение подошел Моананга. Его также заставили прилечь.

— В таком случае, — сказал Ви, — может быть, нам лучше всего отойти на такое расстояние, куда не смогут долетать их маленькие копья.

— Вот этого они и добиваются, — объяснила ему Лалила. — Если вы отойдете от берега, им никто не помешает сейчас же взобраться по скалам и выйти на землю. У меня есть кое-какие соображения, и, если ты позволишь, вождь, я выскажу их.

— А что именно? — спросили в один голос Ви и Моананга.

— Вот в чем дело, вождь. И ты и весь твой народ знаете эти скалы до мельчайшего камушка. Ведь вы с детства собирали здесь ракушки, так что вам известны все оползни на них и все омуты. Раздели своих людей на два отряда, поручи один Моананге, а другим предводительствуй сам. С двух сторон окружите эти скалы и нападите там на Рыжие Бороды. Ручаюсь вам, что если вы приблизитесь смело и решительно, то часть чужеземцев немедленно спрячется в лодки. Оставшихся вам легко будет перебить. А сидящие в лодках не осмелятся стрелять в вас, чтобы не ранить своих же товарищей. Сделайте это, но только поскорее.

— Совет разумен, — сказал Ви. — Моананга, возьми себе половину людей и наступай слева, а я с остальной половиной пойду справа. А ты, Лалила, либо оставайся на месте, либо же уходи и прячься в лесу.

— Я останусь здесь, — слабым голосом отвечала Лалила и отвернулась, чтобы Ви не заметил крови, просочившейся на ее синий плащ.

Мужчины пошли, и она крикнула им вслед:

— Пускай все люди наберут камней и швыряют ими в лодки Рыжих Бород, да пускай камни будут потяжелее, тогда удастся пробить днища лодок и затопить их.

Мужчины племени стояли кучками, и вид у всех был несчастный и перепуганный. Они с опаской поглядывали на волосатых врагов в лодках и на скалах.

Ви обратился к племени резко и решительно:

— Эти Рыжие Бороды явились сюда неизвестно откуда. Они голодны и потому будут сражаться отчаянно. Они хотят убить нас, перебить всех до единого и затем забрать сперва наши запасы пищи, а затем и женщин, если только найдут их. А может быть, они и детей съедят. У нас народу не меньше, чем у них, а может быть, даже и больше. Великий позор будет нам, если они нас одолеют, перебьют наших стариков, заберут себе наших жен и съедят наших детей. Так я говорю?

На этот вопрос толпа ответила утвердительно, но ответ был не слишком пылкий и бодрый. Большинство косилось на леса, в которых укрылись женщины.

Тогда заговорил Моананга:

— В этом деле я начальник. И я объявляю, что, если кто-нибудь убежит, я постараюсь убить его на месте. А если это мне не удастся, я уж непременно убью его потом, после сражения.

— А у меня память хорошая, — добавил Паг, — и я замечу каждого и уж запомню, кто что делал. И о трусах расскажу женщинам. Так что тому, кто убежал, потом проходу от насмешек не будет.

Тогда Ви разделил племя на два отряда и в каждом храбрейшие стояли позади, для того чтобы помешать остальным спастись бегством. После того как был установлен порядок, оба отряда стали карабкаться по скалам. Люди шли ловко и осторожно, то обходя ямы с водой, то смело ступая по ним, потому что каждый чуть не с младенчества знал, в какой яме вода глубокая, а в какой мелкая.

Когда Рыжие Бороды увидели приближение племени, они все завыли и сразу стали качать головами так, что их длинные бороды затряслись, и каждый при этом ударял себя в грудь левой рукой. Затем они взмахнули копьями и, не дожидаясь нападения, бросились вперед, карабкаясь по камням. Сидящие в лодках принялись яростно пускать стрелы, но так как люди Ви двигались быстро, в цель попало только несколько стрел и ранило некоторых оборонявшихся.

Увидев кровь, племя обезумело. В одно мгновение каждый забыл о своих страхах. Сомнений и нерешительности больше не было. Казалось, к людям племени вернулось нечто, о чем забыли даже их дальние предки. Они замахали каменными топорами и кремневыми копьями и закричали все вместе; они рычали, как медведи, и выли, как волки; они скрежетали зубами; они высоко подпрыгивали; они пустились вперед бегом. Но Ви и Моананга одновременно остановили своих воинов, потому что оба начальника знали, что должно случиться с Рыжими Бородами.

А случилось с Рыжими Бородами вот что: Рыжие Бороды бросились вперед, забыв обо всем на свете. Одни поскользнулись на заросших мокрыми водорослями камнях и скатились в водяные ямы. Другие, не желая следовать примеру первых, осторожно обходили каждую яму, не зная, глубока она или мелка, и благодаря этой самой осторожности скользили и падали. Немало народу утонуло, но немало и вынырнуло из воды. Тогда Ви и Моананга повели свои отряды в бой. Племя бросилось вперед, перескакивая с камня на камень, ни разу не ошибаясь и ни разу не оступившись, так как каждый с детства привык к таким прыжкам. Они проходили возле водяных ям, из которых Рыжие Бороды пытались выкарабкаться, и камнями или ударом топора разбивали черепа врагов. Так они перебили много Рыжих Бород и сами не потерпели при этом никакого урона.

Рыжие Бороды вскарабкались на самые оконечности скалистых мысков и, стоя там, встретили решительный приступ возглавляемых Ви и Моанангой отрядов. Бой был жестокий и беспощадный. Рыжие Бороды были сильны и свирепы, и немало соплеменников Ви пало под ударами их копий с костяными наконечниками.

Дело начало принимать дурной для племени оборот, но Ви своей ослепительной секирой, которой убил Хенгу, разрубил надвое череп вождя Рыжих Бород.

Рыжие Бороды, увидев, что их вождь убит, взвыли и, поддавшись внезапной панике, бросились к лодкам и стали торопливо забираться в них.

Ви и Моананга, вспомнив советы Лалилы, приказали своим людям бросать в лодки врагов самые тяжелые камни, какие только в состоянии метнуть. Приказ был исполнен, и немало лодок было проломлено камнями. Вода врывалась в пробоины, и лодки шли ко дну.

Люди, сидевшие в тонущих лодках, пытались уплыть прочь, но в ледяной воде их схватывали судороги, и Рыжие Бороды тонули. Иные стремились выбраться на берег, но там их встречали копьями или камнями, так что ни один не уцелел.

Дело кончилось тем, что из всех лодок Рыжих Бород удалось уйти только пяти. Лодки шли торопливо, полным ходом, вышли в море и больше не возвращались. В ту ночь дул свирепый ураган, так что возможно, что лодки затонули, а может быть, Рыжие Бороды, и так достаточно отощавшие, погибли на море голодной смертью.

Главное же было в том, что Рыжих Бород племя больше не видело. Рыжие Бороды пришли неизвестно откуда и ушли неизвестно куда. Только большинство из них остались здесь в заливе — в водяных ямах между

камнями или на дне морском.

Так закончилась первая битва, которую когда-либо вело племя.

Глава XIII. Ви целует Лалилу

Когда Рыжие Бороды ушли, оба отряда вернулись на берег, неся с собой раненых. Выяснилось, что в общей сложности убито было всего двенадцать человек и двадцать один ранен. В числе раненых оказался также и Моананга, в бок которого вонзилась стрела; но рана Моананги была несерьезна. Рыжих же Бород погибло не меньше шестидесяти. На следующее утро прилив выбросил на берег именно такое количество трупов. Выбросило на берег и Лалилу. Она лежала на спине. Они подошли к ней и увидели, что песок, на котором она лежала, красен от крови, и что синяя ее одежда также красна.

Ви издал вопль, задрожал и упал бы, но Моананга схватил его за руку.

— Лалила мертва, — сказал Ви глухим, сдавленным голосом, — мертва. Та, которая спасла нас, мертва.

— Ну, я знаю, кто этому обрадуется, — проворчал Паг, — а впрочем, еще нужно проверить.

Он распахнул ее одежды, и они увидели ранку под грудью; ранка еще кровоточила. Паг, искусный во врачевании, стал внимательно разглядывать рану.

— Понимаешь, брат, ведь она, раненая, давала нам советы, как биться, и никому не обмолвилась о том, что ее ранила стрела! — сказал Моананга, обращаясь к Ви.

Ви кивнул. Видно было, что он сдерживается, что говорить ему трудно.

— Я знал об этом, — буркнул Паг. — Я ведь выдернул стрелу.

— Почему же ты не сказал? — спросил Моананга.

— Если бы Ви знал, что Морская Колдунья ранена, он бы лишился мужества. Лучше было бы, чтобы Лалила умерла, нежели чтобы весь народ был перебит.

— То была великая победа, — сказал Моананга Ви, который промывал его раны морской водой, — и племя билось мужественно.

— Да, — согласился с ним Ви. — Племя сражалось как нельзя лучше.

— И все-таки, — вмешался Паг, — мы одни ничего бы не добились. Сражение выиграно только благодаря совету Морской Колдуньи. Если б мы дожидались на берегу нападения Рыжих Бород, мы бы сейчас, наверное, не рассуждали. И камни в лодки мы бросали тоже по совету Лалилы.

— Ты прав, — сказал Ви. — Мы должны поблагодарить ее.

Все трое пошли к камням, за которыми прятались в начале битвы. Лалила лежала на том же месте, уткнувшись лицом в землю.

— Она, должно быть, заснула; ведь она устала от гребли, когда убегала от Рыжих Бород, — заметил Моананга полусшепотом, чтобы не разбудить Лалилу.

— Но все-таки как-то странно: спать, когда кругом рыщет смерть. И Ви с сомнением поглядел на Морскую Колдунью.

Паг ничего не сказал. Он стал на колени, обхватил Лалилу своими длинными руками и перевернул.

— Что с Лалилой? — спросил Ви, не обращая внимания на эти речи.

— Успокойся, — ответил Паг. — Она потеряла много крови, но рана, очевидно, не глубокая. Плащ задержал стрелу. Если только острие не отравлено, Лалила выживет. Пойдите оба здесь и последите за ней.

Он торопливо заковылял к росшим на берегу кустам и стал шарить в них. Наконец он нашел нужное ему растение, сорвал с него несколько листьев и принялся жевать их. Вернулся, вынул зеленую массу изо рта и часть наложил на рану Лалилы, а часть на рану Моананги.

— Жжет! — заверещал Моананга.

— Да, выжигает яд и останавливает кровь, — пояснил Паг и накрыл Лалилу плащом.

Тут Ви, очевидно, пришел в себя после забытья. Он наклонился, поднял Лалилу на руки, точно ребенка, и понес ее к пещере, сопровождаемый Пагом, Моанангой и немалым количеством людей племени, которые размахивали копьями и радостно кричали.

В то же время из лесу стали выходить женщины. Спрятавшись в лесу, самые молодые и энергичные женщины немедленно влезли на деревья и издали следили за ходом боя. Как только выяснилось, что Рыжие Бороды прогнаны, все женщины бросились к хижинам, оставив стариков и детей позади. Первым добежал Фо.

— Отец! — сердито закричал он. — Разве я ребенок, чтобы женщины тащили меня в лес в то время, когда ты сражаешься?

— Тише, — сказал Ви, кивком головы указывая на свою ношу. — Тише, сын мой. Об этом мы поговорим потом.

Затем появилась Аака. Лицо ее было спокойно и надменно. Впрочем, если говорить правду, она бежала не медленнее, чем все остальные.

— Привет, о муж мой, — сказала она. — Говорят, ты победил врагов. Правда это?

— Кажется, так. Во всяком случае, они побеждены. Подробности я расскажу тебе позже.

Он хотел пройти, но она преградила ему дорогу.

— Если Морская Колдунья убита за измену, почему же ты несешь ее на руках? — спросила она.

Ви не отвечал, потому что гнев сковал ему язык. Вместо него, хрипло рассмеявшись, ответил Паг.

— Ты метила в ястреба, а попала в голубку, Аака. Морская Колдунья спасла жизнь Ви, заслонив его от копья, которое убило бы его.

— Этого можно было ожидать, раз она вечно бывает там, где не требуется. Что она делала среди мужчин, когда должна была быть с нами?

— Не знаю. Знаю только, что она отдала свою жизнь, для того чтобы спасти жизнь Ви.

— Так ли это, Паг? В таком случае он должен постараться спасти ее жизнь. Я отправляюсь ухаживать за ранеными нашего племени. Идем, Тана, рана Моананги перевязана, и мы здесь не нужны.

И она медленно ушла.

Но Тана за ней не последовала, так как хотела узнать все подробности о Лалиле, а также убедиться в том, что Моананга в полной безопасности.

* * *

Ви внес Лалилу в пещеру и уложил на подстилку из водорослей. Тана увела с собой Моанангу, а Паг ушел, чтобы приготовить укрепляющее питье для Лалилы.

Ви и Лалила как будто бы остались одни. В действительности же смотревшие за девочками женщины попрятались по темным углам пещеры. Ви покрыл Лалилу мехами, взял ее руку и стал растирать ее.

Лалила пришла в себя от тепла и стала говорить точно в бреду:

— Как раз вовремя! Вот летела стрела, и я загородила ей дорогу. Если я спасла его, все хорошо! Кому нужна жизнь чужестранки? Даже ему не нужна она.

Она открыла глаза и при свете костра увидела глядевшего на нее Ви.

— Я еще жива? — пробормотала она. — Ты жив, Ви?

Ви не отвечал. Он только наклонился и поцеловал ее в губы. Хотя Лалила была слаба, она ответила на его поцелуй, затем отвернулась и хотела заснуть. Но Ви продолжал целовать ее, пока не вошел Паг с питьем, а следом за ним не вышли из темных углов женщины и дети.

Лалила выпила укрепляющее питье и заснула глубоким и ровным сном. Ви следил за ней и внезапно обернулся; у огня стояла Аака и внимательно разглядывала мужа.

— Значит, колдунья жива, — произнесла она тихо и медленно. — Какая у нее прекрасная сиделка! — воскликнула она. — Когда ты возьмешь ее себе в жены, Ви?

Ви поднялся, подошел к ней и сказал:

— С чего ты взяла, что я возьму ее себе в жены? Я дал клятву.

— По глазам твоим видно! Что клятвы перед услугой, которую она тебе оказала? Хотя не думала я услышать, что Ви прикрывается в сражении женщиной.

— Ты знаешь, как это произошло, — возразил он.

— Я знаю только то, что видела и что говорит мне сердце.

— А что говорит тебе сердце?

— Что проклятие, принесенное этой колдуньей, только начало свое действие. Она выплыла в море и вернулась, ведя за собой целое войско Рыжих Бород. Ты победил пришельцев и на время избавился от них. Но немало наших убито и ранено. Не знаю, что она сделает теперь, но думаю, что у нее в запасе еще немало несчастий. Повторяю тебе, она колдунья, и лучше всего было бы, если бы ты оставил ее умирать на побережье, хотя, наверно, она и умереть не может.

— Я думаю, любая жена сказала бы, что так не говорят о женщине, спасшей мужа, — сдерживаясь, возразил ей Ви. — Впрочем, раз ты считаешь ее колдуньей, убей ее, Аака. Она сопротивляться не может.

— Убить ее? И навлечь ее проклятия на мою голову? Нет, Ви, я этого не сделаю.

Ви, не в силах более сдерживаться, покинул пещеру.

* * *

На Месте Сборищ было шумно.

Сюда снесли трупы убитых, и сюда сошлось все племя. Женщины и дети, лишившиеся в сражении мужей и отцов, выли. Раненые расхаживали, хвастаясь своими ранами, и все мужчины племени восхваляли собственные доблести в великом сражении с морскими дьяволами.

Народ стоял кучками вокруг говорунов. В центре одной кучки Уока

Злой Вещун разглагольствовал о том, что побежденные Рыжие Бороды — только предвестники великого войска, которое вскоре обрушится на племя. В другой кучке Хоу Непостоянный уверял, что победа — символ счастья, которое долго продлиться не может, и потому лучшее — немедленно бежать в леса, пока на племя не обрушились новые беды.

В то время Вини-Вини Трясучка в сопровождении плакальщиков переходил от трупа к трупу. Возле каждого убитого он останавливался, трубил в рог и выкликал счет ранам. После этого все плакальщики выли хором.

Но большинство народа собралось вокруг Урка Престарелого. Тот бормотал, трясая седой бородой, что теперь вспомнил давно забытое:

— Мой прапрадед рассказывал моему прадеду, что его (прадеда) прапрадед слышал от своих предков, что когда-то, в давние времена, в племени появилась колдунья, во всем подобная Лалиле, а вслед за ее появлением произошло нашествие точно таких же Рыжих Бород. И беда еще больше от того, что наш вождь Ви любит эту колдунью: вот и женщины рассказывают, что он ее поцеловал.

— А что случилось потом? — раздался чей-то голос.

— Не помню точно, — ответил Урк. — Кажется, колдунью принесли в жертву Ледяным богам, и после этого Рыжие Бороды больше уже не появлялись.

— Значит, Лалилу нужно принести в жертву Ледяным богам? — настаивал тот же голос.

Урк покачал головой, затем заявил, что не уверен, так ли это, но что все же неплохо было бы ее принести в жертву, если Ви согласится.

— Почему? — не унимался голос. — Ведь она предупредила нас о нашествии Рыжих Бород и собственной грудью приняла копье, которое должно было пронзить Ви.

— Потому, — ответил Урк, — что после каждого великого события боги требуют себе жертвы. Рыжие Бороды все перебиты, ни одного не осталось в живых. Лучше принести в жертву чужестранку Лалилу, нежели кого-нибудь из племени.

В толпе был Моананга.

Услыхав эти слова, он подошел к Урку, схватил его одной рукой за бороду, а другой ударил по лицу.

— Слушай ты, старый дурак, если кого-нибудь и принесут в жертву, то скорее всего тебя, потому что ты — враль и рассказываешь народу небылицы и вздор. Ты прекрасно знаешь, что Лалила, против которой ты подговариваешь народ, спасла жизнь Ви, спасла жизнь всем нам. Уже

раненая, она дала нам совет, как победить врагов. Если бы не она — никого из нас не осталось бы в живых. Ты паршивая собака!

Моананга еще раз ударил Урка по лицу, опрокинул старика на песок и ушел. А слушавшие приветствовали его речь одобрительными криками, как раньше одобряли слова Урка.

Такова психология первобытного народа.

В это мгновение появился Ви.

Урк поднялся и начал славить Ви, говоря, что такого вождя не бывало у племени с самого начала его дней. Народ сбежался и подхватил хвалебную песнь Урка. К песне присоединились даже раненые, ибо знали, что если бы не Ви, то им и их женам пришлось бы еще хуже.

Да, как бы они ни ворчали, они твердо помнили, что спас их Ви. И они все помнили, что сам Ви обязан жизнью Лалиле.

Ви слушал их восхваления, но не отвечал. Он оттолкнул от себя женщин, пытавшихся поцеловать ему руку, и подошел к собранным трупам. Посмотрел на них, приказал похоронить и, не говоря больше ни слова, стал осматривать раненых.

Ви был грустен, и слова Ааки причинили ему немалую боль. Он хотел остаться верен клятве и не знал, как ему поступить.

* * *

Начиная с того дня Ви был молчалив, ибо на душе у него было тяжело, и он боялся говорить, чтобы не выдать грусти. Он сторонился людей и подолгу бродил один или с Фо. Сын, казалось, был единственным дорогим, что осталось ему.

Ви снова стал ходить на охоту, как в те времена, когда еще не был вождем. Он говорил, что сидение в пещере портит ему и здоровье, и настроение и что он, как лучший охотник племени, должен помогать народу, раз грозит голод. Охота бывала по большей части неудачна: олени, очевидно в связи с плохой погодой, ушли из лесов.

Однажды Ви гонялся за ланью, но она скрылась от него, и он повернул домой.

Путь его шел мимо небольшого ущелья. Ущелье это было глубиной и шириной не больше, чем шагов в тридцать. Оно было окружено отвесными скалами, и устье его было узко — шага в три. Снаружи находилась скала

высотой в четыре копыя. Под скалой — болото, посреди которого бил ключ.

Проходя мимо ущелья, Ви услышал храп и ворчанье. Он остановился и спрятался за дерево, чтобы посмотреть, что за зверь издает эти звуки.

Из ущелья вышел огромный зубр. Зубр был так высок, что если бы человек стал рядом с ним, взглянуть через плечо зубра человеку не удалось бы. Зубр остановился на скале, оглянулся и стал принюхиваться. Ви испугался, не учуял ли его зубр.

Но ветер дул от зубра к Ви, так что тревоги были напрасны. Ви глядел на зубра внимательно; таким внимательным взглядом он не смотрел никогда ни на кого, кроме разве что в тот день, когда впервые увидел Лалилу. Ви слышал предания о зубрах, но до сих пор ему случалось видеть только молодую полуподросткую самку.

А тут перед ним стоял рослый самец. Рога его были искривлены, тело покрыто темной шерстью, а по спинному хребту шли пучки шерсти посветлее. Глаза зубра были свирепые, ноги короткие, с огромными копытами.

Ви страшно захотелось напасть на этого зверя, но он удержался, зная, что зубр затопчет его насмерть.

Пока он смотрел, животное повернулось и прошло мимо него, продираясь между деревьями.

Когда зубр ушел, Ви с опаской подобрался к устью расщелины и заглянул внутрь. Он ничего не увидел и вынужден был осторожно войти. Расщелина была пуста, и только в глубине росло несколько деревьев. По целому ряду признаков Ви установил, что здесь берлога зубра: на стволах висели клочья шерсти — это зубр чесался; земля была утоптана копытами, а кое-где взрыта — зубр чистил и вострил рога.

Ви выбрался из расщелины и стал размышлять. Он посмотрел вниз со скалы на болото. Затем сошел к болоту, положил на его край древесный ствол и начал копьём измерять глубину трясины.

Она была глубока. Для того чтобы наконечник уперся в твердую почву, нужно было погрузить копые и руку до самого локтя. Он трижды измерял глубину и каждый раз находил дно на одном уровне. Тогда Ви снова взобрался на скалу возле устья расщелины и принялся размышлять.

Зубр спит в этой берлоге днем. По вечерам выходит пастись. Если вечером, выходя, он наткнется на человека, который метнет в него копьём, что сделает зубр? Очевидно, набросится на этого человека. А если человек отскочит в сторону? Очевидно, зубр свалится в трясину и увянет там, и тогда человек спустится со скалы и более или менее легко одолеет зубра.

Так рассчитывал Ви.

Ноздри его раздулись и глаза заблестели: он представил себе великий бой между зубром и охотником там, внизу, в трясине.

Затем ему пришли в голову иные мысли:

«Но есть немало против. Зубр может подхватить человека на рога; зубр может оказаться достаточно хитрым и не свалиться со скалы; наконец, зубр может выбраться из трясины и раздавить человека».

Во всех трех случаях — верная смерть.

Ви стал размышлять в третий раз.

«Так ли я счастлив, чтобы мне бояться смерти? Сколько раз я думал о том, что хорошо было бы мне оступить в лесу и напороться на собственное копьё. Если бы не Фо, я бы давно уже «оступился»... Что может быть лучше для охотника, нежели умереть славной смертью в бою с великим зубром, подобного которому никто в племени даже не видел? Племя сложит обо мне песни, и много веков подряд будет греметь мое имя».

Так решил Ви и в сумерках заторопился домой. Путь был далек, и прежде чем он добрался до пещеры, уже стемнело.

* * *

Приближаясь в темноте, он увидел, что Аака стоит у огня и озабоченно смотрит наружу. Возле нее сидит Паг, оттачивающий копьё, и Фо что-то шепчет на ухо карлику. У другого огня Лалила укладывает детей. Моананга что-то нашептывает ей; она улыбается, но глаза ее тревожно обращены к устью пещеры.

Ви появился из темноты.

Аака увидела его, и немедленно лицо ее приняло прежнее высокомерное выражение.

— Ты запоздал, о муж мой. И так как ты один, — она взглянула на Лалилу и на Пага, — я стала уже бояться, не встретил ли ты еще каких-нибудь» чужеземцев.

— Я думаю, жена, что чужеземцы больше к нам не появятся. Я ранил лань и преследовал ее, но она от меня убежала. Я устал и голоден.

— А лань унесла твое копьё в ране, отец? — спросил Фо.

— Да, — рассеянно ответил Ви.

— Почему же оно у тебя в руке?

— Оно выпало из раны, и я потом нашел его в горах.

— Почему же оно покрыто грязью?

Ви даже не слышал этого вопроса.

Паг, наблюдавший все это своим единственным глазом, встал, взял копье и принялся счищать с него грязь. Карлик заметил во время работы, что на наконечнике нет следов крови.

Аака последнее время снова спала у себя в хижине, так как, по ее словам, дети слишком много кричали по ночам. Однако, прежде чем уйти, Аака подала Ви еду, чтобы этого не сделала Лалила, ибо мужчине, по обычаям племени, пищу подносила жена.

Весь следующий день Ви провел дома, занимаясь делами управления.

С племенем было немало хлопот. Наступила осень, и стояли холода. Еды было в обрез, и по приказанию Ви ее откладывали на зиму. И тут случилась беда: рыба, которую разложили вялить, не провялилась, так как солнца почти не было, и сгнила.

Женщины, чьи мужья и сыновья были убиты в сражении с Рыжими Бородами, успели забыть о том, каких опасностей они избежали. Эти женщины стали ворчать, и к ним присоединились жены и матери умерших от ран.

Общий крик был:

— Лалила, Морская Колдунья, возлюбленная Ви, навлекла на племя все эти беды: голод, холод и нашествие Рыжих Бород. Лалилу нужно убить или изгнать.

Но никто не смел поднять руку на Лалилу. Во-первых, все были убеждены, что Лалила — жена Ви, а Ви боялись и почитали. Во-вторых, далеко не все были того же мнения, что и роптавшие. Немало мужчин было на стороне Лалилы; одни — потому, что она была красавица, другие — потому, что знали, что Лалила спасла жизнь Ви.

На стороне Лалилы были также многие женщины. Во-первых, на ее стороне были матери выброшенных детей. Материнское чувство сохранилось в их сердцах, и они восхваляли Ви, спасающего девочек от смерти, и Лалилу, которая смотрит за ними. Но страннее всего было то, что на стороне Лалилы стояла Аака, хотя в прошлом она и подговаривала Пага убить чужеземку и до сей поры ревновала Ви к Морской Колдунье.

Аака защищала Лалилу не только потому, что та спасла жизнь Ви. Аака твердо знала, что стоит Лалиле захотеть, и Ви забудет свою клятву, а Лалила этого не делала! Итак, Аака, хотя и ссорилась с Лалилой, втайне ей покровительствовала и защищала ее.

Одним из вернейших друзей Лалилы был Моананга, который

пользовался в племени почти такими же любовью и почетом, как Ви, особенно после сражения с Рыжими Бородами. С той минуты, когда Моананга увидел, что Лалила ценой собственной жизни спасла Ви, он влюбился в нее. Это послужило причиной многих ссор с его женою. Но он не сдавался и открыто говорил, что любит Лалилу.

Он даже объяснился ей в любви и сказал, что он не связан никакой клятвой. Лалила отказала ему, и Тана поэтому долго издевалась над ним. Но Лалила отказала ему так мягко, что он остался ей верным другом; возможно, впрочем, и в силу того, что знал, что Лалила любит Ви. В результате же всей этой истории Тана также стала сторонницей Лалилы, ибо была ей благодарна за урок, который та дала Моананге.

Глава XIV. Зубр

На следующее утро Ви встал, когда еще было темно. Он поцеловал Фо, который спал рядом с его ложем, и осторожно выскользнул из пещеры, вооруженный тремя копьями и железной секирой. Уходя, он при свете костра увидел спящую Лалилу, остановился, долго смотрел на ее прекрасное лицо, вздохнул и ушел, думая, что она его не видит. Но, как только он вышел из пещеры, Лалила присела и долго смотрела ему вслед.

У входа в пещеру сидел на привязи его пес Ио, который не подпускал к себе никого, кроме Ви. Этот пес часто ходил с хозяином на охоту и был обучен выгонять дичь на засаду. Ви спустил собаку с привязи, и та радостно залаяла, учуяв знакомый запах. Но Ви ударил собаку по голове, и пес понял приказ и немедленно замолчал.

Они тронулись в путь.

Возле хижины Ааки Ви остановился. Он чуть было не вошел туда, но вспомнил, что время слишком позднее, для того чтобы прийти ночевать, и, значит (особенно раз он вооружен), он куда-то идет. Аака пристала бы к нему с расспросами, и кончилось бы дело ссорой или, по крайней мере, размолвкой.

Он снова вздохнул и пустился в путь.

Наконец он вошел в лес.

Следовал он не тем путем, каким возвращался после того, как побывал в расщелине зубра. Он шел другим путем, так как боялся, не поджидает ли его зубр.

Он дошел до какого-то холма и, следуя своему охотничьему инстинкту, добрался до болота, взошел на скалу и спрятался в колючих кустах, так как не знал, в котором часу зубр возвращается со своих ночных пастбищ.

Он неподвижно сидел, наблюдая за птицами, которые, усевшись на ветвях соседнего дерева, готовились к отлету. Некоторое время они сидели нахохлившись, затем вспорхнули и унеслись. Ви следил за ними, удивляясь причинам их отлета и не зная, что птицы бегут от холодов в более теплые южные страны.

Затем мимо него прошмыгнул кролик. Пробежал, испуганно пискнул и забился под камень. Через мгновение Ви понял, чего испугался кролик: за ним гналась гибкая, молчаливая куница. Она метнулась и забилась под камень, под которым спрятался кролик. Раздался шум борьбы, послышался писк, и затем кролик снова выбежал, но куница бежала за ним, и зубы ее

впились в шею кролика.

Внезапно Ио, не обративший внимания на кролика, так как был обучен охоте на крупную дичь, приподнялся. Он осторожно выбрался из кустов, прижался к ногам хозяина, принялся — ветер дул от берлоги зубра — и тихо зарычал. Рычание было так тихо, что Ви еле услышал его.

Ви взглянул в том же направлении, что и собака, и увидел, на что рычит Ио.

Всего на несколько шагов выше их проходил огромный зубр. Он возвращался к себе в берлогу с пастбища, и слабый утренний свет играл на его рогах.

Ви взглянул и ужаснулся.

Снизу зверь был совершенно необъятных размеров. Рост его казался еще больше благодаря тени, отбрасываемой им. Зубр шел, покачивая головой и ударяя хвостом себя по бокам. Вид у зверя был такой страшный, что Ви решил было бросить всякую мысль о единоборстве с ним и вернуться восвояси, пока еще не поздно.

Тогда он вспомнил, какой великой славой покроет себя, если одолеет этого грозного самца. Он уселся и снова стал ждать. Ждать, чтобы зубр улегся и заснул. Ви собирался напустить Ио на спящего зверя. Кроме того, Ви ждал, чтобы солнце, случайно в тот день пробившееся из облаков, поднялось на такую высоту, чтобы его лучи ослепили выбежавшего зубра.

И вот солнце поднялось.

Теперь нужно было решиться: либо вернуться домой и подвергнуться насмешкам Пага, которому он приказал оставаться в пещере, и Ааки, которая будет издеваться над ним, спрашивая, где же лань, за которой он гонялся, либо убить зверя.

Ви встал, потянулся, выпрямился и влез на скалу, закрывавшую вход в расщелину.

Он снял меховой плащ и повесил его на сук дерева. Теперь на нем только и было, что одежда из очищенной от волос шкуры, доходившая ему до колен. Секиру он повесил на левую руку и в левую же руку взял два коротких тяжелых кремневых копья, а третье сжал правой рукой, готовой в любое мгновение метнуть его.

Он посмотрел в глубь расщелины, но зубра не было видно. Очевидно, зверь укрылся в глубине под деревьями. Собака учуяла зубра: шерсть ее поднялась дыбом. Ви погладил пса по голове и сделал движение рукой.

Ио понял и метнулся в расщелину с быстротой камня, пущенного из пращи.

Не успел Ви пересчитать пальцы на обеих руках, как услышал

яростный лай, треск сучьев, и понял, что зубр разбужен и набросился на Ио.

Лай и треск приближались, и наконец появился зубр. Ио прыгал перед ним на безопасном расстоянии и заходил в лае. Зубр пригибал морду, взрывал землю рогами, рыл ее копытами и яростно набрасывался на пса. Ио отскакивал и все ближе и ближе наводил зверя на Ви. Наконец, когда зубр был у самого устья расщелины, Ио прыгнул и вцепился ему в нос.

Зубр замотал головой и бросился вперед, пытаясь сбросить собаку. Но та висела, не разжимая хватки.

Вот уже зубр был рядом с Ви, который стоял неподвижно, зажав копые в поднятой руке. Зубр опустил морду, пытаясь раздавить собаку.

«Пора!» — подумал Ви.

Он прыгнул и изо всей силы вогнал копые в правый глаз зубра. Вогнал копые и навалился на древко всей своей тяжестью. Наконечник копыя ушел далеко внутрь и ударился о глазную кость. Зубр взревел от ярости и боли и так замотал головой, что древко копыя отломилось, а Ио был далеко отброшен, хотя не разжимал зубов.

Зубр учуял человека и набросился на него. Ви прижался к скале, и зверь, не увидев его, так как Ви был справа, пронесся мимо, лишь задев рогом охотника. Зубр повернулся и бросился вновь. Но Ви опередил его. Он взобрался по скале и остановился на высоте вдвое больше человеческого роста. Ноги его опирались на выступ, а левый локоть — на какой-то торчащий корень.

Теперь зубр заметил его.

Поднявшись на задние лапы, зверь попытался достать охотника рогами. Ви взял копые в правую руку — другое копые при этом упало — и свободной левой рукой (секира висела на петле, приделанной к ней) уцепился за корень. Пасть зубра показалась у самого края выступа. Но именно этот выступ и мешал зубру достать Ви. Зубр заревел от ярости, широко раскрывая пасть.

Ви наклонился вперед и метнул второе копые в глотку зверя. Кровь потекла с морды, и зубр рванул и ударил по выступу, на котором стоял Ви. Рога пришлись под самый выступ, известняк поддался, и выступ обрушился. Ви повис на левой руке.

Тут он заметил, что Ио снова появился и рычит. Затем рычание смолкло: Ио вцепился в зубра. Зубр сразу стал на все четыре лапы и, брыкаясь, побежал по тропинке. Корень не выдержал, и Ви упал. Он упал на ноги, покачнулся и в нескольких шагах от себя заметил зубра, который чуть ли не свернулся в клубок, стараясь достать собаку. Ио вцепился ему

между задними лапами.

Ви подобрал свое последнее копьё, валявшееся на тропинке.

В это мгновение зубр своим уцелевшим глазом увидел охотника. Зверь рванулся на человека, Ви метнул в него копьё, которое засело в шее, и отскочил. Но был вынужден отскочить влево, так как зубр мчался, вплотную прижимаясь к правой стене расщелины.

Зубр повернул и снова набросился на него. Ви ухватил его за рога и повис на них. Зубр затряс головой, силясь сбросить охотника, прыгнул, и все трое — Ви, пес и зубр — свалились в болото.

* * *

Вскоре после того как Ви покинул пещеру, Паг проснулся оттого, что кто-то прикоснулся к его плечу. Раскрыл глаза и при слабом свете костра увидел Лалилу. Ее глаза были широко раскрыты, и лицо побледнело от страха.

— Проснись, Паг, — сказала она. — Слушай. Некоторое время назад я внезапно проснулась и увидела, что Ви выходит из пещеры вооруженный. Затем послышался лай Ио. Я долго думала, но больше не в силах терпеть. Мне чудится что-то недоброе.

Паг вскочил, схватил копьё и топор.

— Идем, — сказал он и быстро заковылял вон из пещеры. — Собаки нет. Очевидно, Ви пошел охотиться. Бояться нечего. Впрочем, если ты так тревожишься, пойдём искать.

Они быстрым шагом направились к лесу. Проходя мимо хижины Моананги, они увидели, что хозяин хижины уже проснулся и вышел посмотреть, какая погода.

— Бери топор и копьё и беги за нами, — крикнул Паг. — Поскорее, объясню на ходу.

Моананга нырнул в хижину, вооружился и бегом нагнал остальных. Идя быстрым шагом, Паг объяснил ему, в чем дело.

— Бабы причуды, — буркнул Моананга. — С кем это будет Ви сражаться? Тигр убит, волков осталось мало, а олени ушли из лесу.

— А ты никогда ничего не слышал о зубре? Я-то видел следы, но Ви ничего не сказал об этом. Очевидно, Ви сам наткнулся на него, — сообщил Паг полупшепотом, чтобы не тратить дыхания.

Светало.

Внезапно Паг указал копьем наземь.

— Вот следы Ви и Ио. Они прошли меньше чем час тому назад.

Он пригнулся к земле и шел по следу. Остальные торопились за ним.

Шли они быстро, потому что уже светлело и след был ясно заметен Пагу, который — как говорило племя — мог вести по одному запаху. По отпечаткам ног они добрались наконец до болота у скалы.

Они хотели обогнуть его по следу Ви, но Лалила вдруг воскликнула и показала пальцем.

Посреди болота слабо бился зубр. На его шее сидел Ви, держась за рог одной рукой, а другой из последних сил рубя секирой. Из-под туловища зубра виднелись задние лапы раздавленного пса.

Подошедшие рванулись вперед, но в это мгновение зубр сделал последнее усилие. Он выпрямился, встал на дыбы и рухнул на спину, погребая Ви под собою. Тина сомкнулась над охотником. Зубр простонал, дрожь пробежала по его телу, единственный оставшийся глаз закрылся.

Паг и Моананга обежали болото и добрались до подножия скалы. Отсюда было уже недалеко до того места, где увязли Ви и зубр. Они прыгнули на бесчувственное тело зверя.

Паг напряг все свои силы и оттащил в сторону огромную голову. Под ней лежал Ви!

Подошла Лалила.

Она и Моананга, стоя по пояс в тине, тащили тело вождя. Они тянули, пыхтели и наконец высвободили его из-под туши зубра. Ви перенесли на твердую землю и положили ничком. Он шевельнулся. Кашлянул. Красная тина хлынула из его рта.

Они пришли вовремя: Ви ожил!

* * *

В племени было великое смятение.

Лалила, Паг и Моананга доставили Ви в селение, почти неся его на руках. Народ узнал, что случилось, ринулся к болоту и выволок оттуда как убитого зверя, так и Ио, который и мертвый продолжал сжимать впившиеся в тушу челюсти.

Они смыли с зубра тину и обнаружили копыта Ви в глазу, в горле, в шее.

Увидели следы ударов секиры. Ви старался отрубить зубру голову, но грива и шкура оказались слишком толстыми. Отрубить голову не удалось, но оглушенный ударами зубр был в конце концов побежден.

Народ дивился огромным рогам. Заметил, что один рог раздроблен — этим рогом зубр обломил известняковый выступ, на котором стоял Ви. Народ смерил тушу и приволок ее к Урку Престарелому.

У того хватило совести не говорить ничего о себе. Однако «премудрый» старец не преминул сказать, что в дни прадеда его прадеда зубр, еще больший, был убит вождем племени. Вождь поймал его в сеть и забросал насмерть камнями.

Кто-то спросил Урка, откуда он это знает, а тот, нимало не смущаясь, ответил, что об этом его прабабке рассказала ее прабабка, а сам он слышал это от своей прабабки, когда был совсем мальчишкой.

Зубра освежевали, мясо его поделили между людьми, а шкуру принесли в пещеру. Голову несли на шестах четыре человека и водрузили ее на то дерево, на котором раньше торчала голова Хенги.

Так голова и сидела на вершине дерева, и одно копьё торчало из глазницы, а другое — из пасти. Народ приходил глазеть на голову. Даже Ви, оправившись после боя, уселся в устье пещеры, смотрел на голову и сам не мог понять, откуда у него взялось столько силы и решимости бороться с этим чудовищем.

Аака обратилась к нему:

— Ты великий охотник, муж мой, и давно уже мог бы прикончить Хенгу; ты мог бы его прикончить прежде, чем погибла наша дочь. Я горжусь тем, что носила твоих детей. Но скажи мне, как это случилось, что Паг и Моананга вытащили тебя из тины из-под туши зубра?

— Не знаю. Кажется, Лалила имеет какое-то отношение к этому делу. Она что-то сказала Пагу и Моананге, и те побежали искать меня. Спроси Лалилу. Я не видел ее с тех пор, как пришел в себя.

— Я уже искала ее, но ее нигде не найти, но я не сомневаюсь в том, что и здесь не обошлось без ее колдовства.

— Даже если бы и так, тебе не на что сердиться.

— Я не сержусь. Я благодарна ей за то, что она сохранила жизнь величайшего человека в нашем племени. Я думаю даже, что ты должен жениться на ней, Ви, — она этого заслужила. Только сперва надо найти ее.

— Я издал закон о браке, — возразил Ви. — Неужели тот, кто издает законы, должен их нарушить?

— А почему бы и нет? Воля его. И кто посмеет что-нибудь поставить в вину человеку, который один на один одолел этого зубра? Я то уж, во

всяком случае, не посмею.

— Я был не один. Мы одолели его вдвоем с Ио. Не будь собаки, зубр прикончил бы меня.

— В таком случае да славится Ио. Будь я творцом законов, как ты, Ви, я бы сделала Ио богом.

Она улыбнулась и ушла поговорить с Пагом и Моанангой. Она хотела узнать все подробности дела.

Ви сидел у пещеры, насыщался и рассказывал о бое с зубром. Фо слушал его, разинув рот. Затем Ви отправил мальчика помогать в свежевании, а сам ушел искать Лалилу.

* * *

Не зная, где найти ее, он наугад отправился к Тюленьему заливу. Лодку Лалилы после боя с Рыжими Бородами вытащили на прежнее место, и, очевидно, сама Лалила могла уйти только сюда.

День уже близился к концу, когда Ви дошел до маленькой пещеры. Лалила сидела у огня и ждала то ли захода солнца, то ли восхода луны. Она вздрогнула, увидев его, затем опустила глаза и промолчала.

— Зачем ты здесь?

— Чтобы поблагодарить Луну за то, что моя тревога о тебе оказалась не напрасной.

— И больше ни за чем? — он взглянул на стоявшую в углу лодку.

— Не знаю. Я сама еще не решила.

— Слушай, — сказал он дрожащим от ярости голосом. — Если ты не поклянешься мне, что не будешь пытаться бежать вторично, я сейчас же секирой изрублю твою лодку или сожгу ее.

— К чему? Если я ищу смерти — мне открыто много путей. Если заперт один путь, остается сотня других.

— Почему ты ищешь смерти? Ты несчастна? Разве ты ненавидишь меня настолько, что хочешь умереть?

Лалила наклонила голову и, не глядя на него, ответила:

— Ты знаешь, что ненависти к тебе у меня нет, Ви. Скорее, ты слишком дорог мне. И из-за этого будет великая беда.

— Так давай встретим ее вместе.

— Мы ничего не можем встретить вместе. Ты дал клятву и ее не

нарушишь. Слушай. Я повторяю эту клятву за тебя. Я не согласна жить, если ты будешь покрыт позором, как человек, нарушивший клятву ради женщины.

— Значит, все кончено, — простонал Ви.

— Слушай, Ви. Когда ты уходил сегодня утром, я прочла по твоему лицу, что ты уходишь с надеждой больше не вернуться.

— Да. Ибо я несчастен.

— А кто теперь счастлив? Клянусь тебе, что не покину тебя, до конца буду стоять рядом с тобой. Но женой твоей не стану. Мы будем только рядом. Дай мне такую же клятву, Ви.

— Клянусь!

Глава XV. Ви бросает вызов богам

С некоторого времени в племени началась смута. Зима была ужасающая. Даже Урк Престарелый заявил, что о такой зиме не слышали со времен прадеда его прадеда. С севера и востока дули непрерывные ветры. В немногие тихие дни снег падал в таком количестве, что хижины были совершенно засыпаны. Ежедневно нужно было прокапывать тропинки, чтобы выйти из хижины.

Море замерзло на большее расстояние, чем когда бы то ни было. Сквозь сплошной лед продирались огромные — величиной с целую гору — айсберги. Все побережье кишело свирепыми белыми медведями.

Племя питалось пищей, скопленной по приказам Ви. Но время от времени народу приходилось выходить на бой с белыми медведями, которые обнаглели до такой степени, что старались ворваться в жилища. В этих сражениях погибло немало людей — от ран и от холода. Много стариков и детей померзло, особенно в тех хижинах, где, несмотря на приказы Ви, не собрали достаточного количества топлива.

Наконец зима прошла.

Но весны не было. Снег перестал падать, и лед у берегов стал тоньше. Забурлили реки, но они несли глину, а не воду. Деревья вынырнули из снежных покровов, но стояли безлиственные, черные, мертвые. Травы не было, цветов не было, тюленей не было, птиц не было. Холод стоял такой, какой обычно бывал зимой лет двадцать пять или тридцать тому назад.

Племя роптало.

Из уст в уста передавались слухи:

— На нас обрушилось проклятье! Проклятье принесено Морской Колдуньей!

Народ совещался и наконец выслал к пещере своих представителей для переговоров с Ви. То были: Нгай — колдун и жрец Ледяных богов, Пито-Кити, Хоу, Уока, Хотоа Заика и Урк Престарелый.

Вини-Вини затрубил в рог.

Ви вышел из пещеры, одетый в плащ из шкуры убитого им тигра. Представители племени стояли перед ним, смущенно повесив головы. В отдалении, на Месте Сборищ, толпился народ.

— Чего вы хотите от меня?

— Вождь, — забормотал Урк. — Племя послало нас сказать, что больше не в силах сносить гнев Ледяных богов.

— Ледяных богов нет. В леднике живут огромный зверь и человек. В ледник они попали уже мертвые.

От этих слов посланные задрожали, а Нгай замахал руками и забормотал молитву. Но Урк продолжал:

— То, что ты говоришь, вождь, великий грех. Слушай. От предков моих я знаю, что когда-то, когда народу угрожали те же беды, что теперь, тогдашний вождь принес в жертву ледяным богам своего сына, и тепло вернулось.

— Значит, вы требуете, чтобы я принес в жертву Фо?

— Вождь! Нгай, жрец богов, и Тарен, его жена, пророчица, молились богам, и боги дали им ответ.

— Каков же этот ответ? — спросил Ви, опираясь на секиру и глядя на Нгая.

Тощий, жестоколицый Нгай медленно ответил тонким голосом:

— О вождь, голос богов сказал: «Боги требуют жертвы, и жертва должна быть на двух ногах!»

— А голос назвал жертву?

— Нет. Но голос сказал, что вождь должен сам выбрать эту жертву из своей семьи и собственной рукой заклать ее в святом месте перед лицом богов.

— Кто же входит в мою семью?

— Только трое, о вождь. Твоя жена Аака, твой сын Фо и твоя вторая жена Морская Колдунья.

— У меня нет второй жены, — возразил Ви, — Я сдержал клятву, данную племени.

— Мы считаем, что она твоя вторая жена и что она навлекла на нас и гнев богов, и чужеземцев, с которыми мы сражались, — упрямо твердил Нгай, а все остальные утвердительно кивали головами. — Мы требуем, — продолжал он, — чтобы ты выбрал кого-нибудь из этих троих и обреченного принес в жертву богам на закате солнца, перед полнолунием, в час, когда солнце и луна смотрят друг на друга в небесах.

— А если я откажусь?

Голос Ви был совершенно спокоен. Нгай взглянул на Урка, и Урк заявил:

— Если ты откажешься, о вождь, — народ об этом уже думал и вот что говорит тебе, — народ убьет всех троих, и твою жену Ааку, и твоего сына Фо, и твою жену Морскую Колдунью, чтобы не было сомнений, не пропущен ли кто-нибудь, кого хотят боги. Народ убьет их там, где сможет настичь. Бодрствующими или спящими, идущими или плывущими. Убьет и

снесет их трупы Ледяным богам в знак того, что жертва принесена.

— А почему не убить меня? — спросил Ви.

— Потому что ты вождь, а вождя может убить только тот, кто одолеет тебя в единоборстве. А кто посмеет выступить против тебя?

— Итак, подобно волкам, вы убьете слабых, а сильных оставите в живых? Хорошо, о посланники! Хорошо, о уста народа! Вернитесь к племени и скажите, что Ви, вождь, обдумает ваши слова. Завтра в этот же час вернитесь сюда, и я сообщу вам свою волю. Завтра вечером — если я решу принести жертву — жертва будет принесена в час, когда солнце и полная луна глядят друг на друга в небесах.

И они ушли, не решаясь взглянуть ему в глаза, ибо взор его жег пламенем.

* * *

Об этом разговоре Ви никому не сказал ни слова — ни Ааке, ни Пагу, ни Лалиле, хотя, наверное, все трое знали, в чем дело; все они и даже Фо как-то странно глядели на него.

Вечером, подойдя к устью пещеры, Ви увидел, что между хижинами горит большой костер, и народ собрался вокруг огня.

«Может быть, им посчастливилось найти мертвого тюленя?» — подумал Ви.

В это мгновение из селения пришли Паг и Моананга.

— Что там происходит? — спросил Ви.

— Ужасные вещи, брат мой. Кое-кто уже съел все свои запасы. А ты приказал никому не давать новых до полнолуния. Эти люди с голоду убили двух девочек и пожирают их мясо. Я пытался остановить их, но они набросились на меня с дубинами. Они свирепы, как волки.

— Не может быть! — произнес Ви сдавленным голосом.

— Я предлагаю собрать людей и напасть на них, — сказал Моананга.

— К чему проливать кровь? — возразил Ви. — Звери, если голодают, должны нажраться досыта. Я ухожу. Мне нужно подумать. Пусть никто не следует за мной. Не бойтесь, я вернусь. Сторожите девочек. Должно быть, еще немало народу голодает.

Ви ушел.

Холмы, мимо которых он проходил, были покрыты толстым слоем льда, чего никогда не бывало. Лед этот сполз с главного ледника и нависал на высоте трех копий.

«Что будет, если этот лед двинется дальше?» — подумал Ви и ужаснулся.

Вождь дошел до долины Ледяных богов.

Главный ледник также двинулся вперед: последняя поставленная Ви вежа была погребена подо льдом, внизу была свалена огромная груда принесенных глетчером камней. Эти валуны делили долину на две части. Если стать лицом к лицу со Спящим и человеком (теперь, казалось, он убегает от Спящего), то слева оказывалось большое открытое пространство, а справа, где лед был не так крут, — небольшой закоулок.

Ви взглянул на Спящего и на охотника, и ему показалось, что оба они стали ближе, чем прежде; хотя теперь они громоздились выше, он яснее различал их очертания.

— Эти боги путешествуют, — прошептал он и уселся на скалу, чтобы подумать.

Через некоторое время он выпрямился и громко расхохотался. Он вскочил на груду валунов. Он казался крохотной букашкой на фоне необъятного глетчера.

Он потряс секирой, грозя Спящему и человеку, за которым Спящий гнался, и взмахнул оружием, точно поражая бесформенные тени, расползавшиеся внутри ледника, тени, которые народ считал образами меньших богов.

— Я бросаю вам вызов! — крикнул он, и голос его отдался странным эхом от глетчера. — Я бросаю вам вызов! Вы получите жертву! Моя кровь потечет перед вами! Жрите мою смерть! И когда нажретесь, перед вами и перед вашими поклонниками станет сила большая, чем вы. Да, ненасытные! Пред вами станет сила Человека!

Так кричал Ви.

И он сам не знал, что говорит и откуда пришли к нему такие слова. Но Ледяные боги не отвечали. Спящий и охотник глядели на Ви. Мороз хрустел, и стояла глубокая тишина. Луна сияла. Ви, полу замерзший, пошел домой.

* * *

Войдя в пещеру, он наткнулся на что-то бесформенное и закутанное в меха. То был Паг.

— Ну, что же сказали обитатели ледника?

— Из ничего ничего не исходит. А что ты делаешь?

— Охраняю тех, кто внутри. Слушай. Я все знаю. Они — он указал на пещеру, — знают тоже. Пусть Ледяные боги молчат — у меня есть совет. Что, если мы втроем — ты, Моананга и я — нападём на тех, кто говорил с тобой, и убьём их? Если мы прикончим вожаков, остальные стихнут и повесят головы. Они трусы.

— Я не хочу проливать кровь. Даже кровь тех, кто ненавидит меня. Они обезумели от голода.

— В таком случае потечёт кровь тех, кого ты любишь.

— Не думаю. Во всяком случае, охраняй их. Их окружают голодные волки.

Он вошёл в пещеру и улегся между Фо и Аакой. Ааке он ещё раньше приказал бросить хижину и переселиться сюда.

Глава XVI. Жертвоприношение

В полдень явился Вини-Вини и затрубил в рог. Ви вышел на призыв. Перед пещерой стояли вчерашние ораторы.

— Что насчет жертвоприношения? — спросил Урк. — Вождь, мы ждем твоего слова.

— Кажется, вчера уже была принесена жертва — там, между хижинами.

Они смутились и стали совещаться.

Тогда заговорил Хотоа Заика:

— Вождь, мы умираем с голоду. Старые боги, которых ты отрицаешь, также голодают. Нам нужна пища, им — кровь. Назови обреченного на жертву, а не то мы убьем всех троих.

— Я ведь тоже вхожу в семью вождя. Уверены ли вы в том, что боги требуют не меня? Может быть, вам убить меня? Я один, вас много. Убейте же меня, и вот будет жертва богам.

Тогда кто-то выскочил из темноты пещеры и стал рядом с ним. То была Аака.

— Убьете меня также, ибо я следую за своим мужем. Мы, столько лет спавшие рядом, и после смерти не должны разлучаться.

Посланные народа отшатнулись. Хоу и Уока просто бросились бежать — они были трусы.

— Слушайте, собаки, — загремел Ви, — ступайте к народу и скажите ему, что на заходе солнца я буду ждать всех в обителище богов. Мы вместе предстанем перед вашими богами; с одной стороны стану я со своей семьей, а с другой вы все. Быть может, там будет названа жертва. А до тех пор я молчу. Собаки, прочь!

С мгновение они стояли, растерянно глядя на него, а он горящими глазами сверкал на них. Он опирался на секиру, и тигровая шкура обвивала его мощный стан.

Они задрожали и бросились бежать, как лисицы от волка.

Аака взглянула на мужа, и глаза ее выражали гордость.

— Скажи мне, Ви, той ли ты крови, что эти двуногие звери, или тебя зачал какой-нибудь бог? Скажи мне, что ты задумал?

— Я ничего не задумал.

— Значит, Морская Колдунья знает твои замыслы? Ведь всем известно, что она мудрее меня.

— Я не совещался с Лалилой.

— Значит, Паг нашептал тебе мысли? Паг, твой друг и мой враг, который учит тебя волчьему искусству?

— Мимо цели! — сказал Паг, который стоял рядом. — Я вчера давал Ви советы, которые пришлось бы тебе по сердцу, Аака, но Ви отказался последовать им.

— Какие советы?

— Советы секиры и копья. Советы оставить собак убитыми у их дверей, чтобы стая знала, — волчьи советы, Аака.

— Не ожидала я найти у тебя мудрость.

Паг не успел ответить.

Ви топнул ногой и крикнул:

— Довольно! На восходе луны все узнают, кто мудр и кто глуп. А пока оставьте меня в покое.

Ви вошел в пещеру, ел, пил, смеялся и рассказывал Фо о диких зверях и о том, как убивал их, — все рассказы, которые мальчик очень любил. Но ни Ааке, ни Лалиле, ни Пагу, ни Моананге он не сказал ни слова.

Наевшись, Ви улегся и заснул. Паг и Моананга охраняли вход.

* * *

Наступил вечер.

Ви, Лалила, Аака, Паг, Моананга и Тана оделись потеплей, и мужчины вооружились. Все вышли из пещеры. На Месте Сборищ их ожидало племя. Молча прошли мимо собравшихся, и молча последовали за ними, пока все не добрались до обиталища богов.

Ви со своими домашними прошел направо и стал несколько выше народа, собравшегося в левой, большей части долины.

— Здесь тесно, — сказала Аака, — нам трудно будет стоять.

— Нас мало, а их много. К тому же, когда мы здесь, нас видят и слышат все, — пояснил Ви.

Он повернулся и громко объявил:

— Я, Ви, вождь, со всей своей семьей здесь.

Голос его глухо отдавался от каменных и ледяных глыб.

— Скажи мне, о народ, чего ты требуешь от нас?

В ответ раздался тонкий голос жреца Нгая:

— Мы хотим, о вождь, чтобы кто-нибудь из семьи был принесен в жертву богам, дабы снять с племени проклятие, навлеченное на него Лалилой, Морской Колдуньей.

— Пусть боги назовут мне, кого принести в жертву.

Нгай запел длинную молитву, которую подхватил народ. Высокие голоса странно звенели в морозном воздухе и смолкли. Наступила тишина.

Снова заговорил Ви:

— О вы, живущие во льду, которых я когда-то считал богами, но которых я теперь считаю выдумкой дураков, внимлите мне. Правда, что на племя обрушилась беда, что зимы стали дольше и более жестоки и что пищи не хватает. Но беды эти стали приходить к нам еще до тех пор, как появилась здесь эта женщина, Лалила, которую называют Морской Колдуньей. Но раз племя требует, чтобы кого-нибудь из моей семьи принесли в жертву, и считают, что кровь убитого вернет всем остальным тепло и пищу — я готов на смерть.

Он замолчал и взглянул вниз.

Смутный лунный свет не скрывал выражения лиц. Племя было смущено. Люди начали перешептываться. Лица погрузнели. Кое-где раздавался женский плач.

Ви услышал обрывки речи:

«...Он всегда был добр к нам... Он делал все, что в состоянии сделать человек... Он не властен повелевать временами года... Он не может приказать птицам лететь и тюленям плыть... И ведь он, если бы захотел, мог взять себе вторую жену. Значит, клятвы он не нарушил. Боги не могут требовать его крови... Его не нужно приносить в жертву. Ведь мы останемся тогда без вождя...».

«Добро побеждает», — подумал Ви.

Но Нгай, ненавидевший его, также заметил перемену настроения. Жрец выбежал и, стоя спиной к леднику, закричал высоким и пронзительным голосом:

— Вы хотите умереть с голоду? Хотите поедать собственных детей? Посмеете ли вы оставить богов без пищи?

— Нет! — закричало племя, перепуганное таинственным светом и старой верой в могущество богов Нгая. — Да свершится жертвоприношение! Пусть течет красная кровь! Пусть боги утолят свой голод красной кровью.

— Вот тебе ответ, Ви, — закричал Нгай в гробовой тишине. — Сходи же на смерть, если смеешь, а не смеешь, пошли нам кого-нибудь из своей семьи!

Аака, Фо, Лалила, Паг и Моаканга сбились в кучу. Ви уже собрался сойти со скалы и упасть на собственное копьё или предаться ножу Нгая.

* * *

В это мгновение что-то случилось.

Еще не ясно было что, но все застыли на месте, точно окаменевшие. Высоко с вершин гор донесся стон, точно одновременный крик многих сотен тысяч птиц. Стало еще холоднее. Тени во льду сместились и спутались. Они рванулись вперед, понеслись назад, исчезли и вновь возникли выше, чем были раньше. Волосатый человек впереди Спящего шевельнулся.

Земля задрожала, точно от ужаса.

Тишина стала еще глубже, и внезапно ее нарушил треск. Треск многих тысяч громов. Когда он смолк, из самых недр льда рванулся вперед Спящий, преследуя волосатого охотника. Да, Спящий с белыми клыками рванулся вперед, точно разъяренный бык. Он рванулся, как камень из пращи. Волосатый охотник пролетел в воздухе и исчез, но Спящий упал всей тушей на жреца Нгая, растер его в порошок и пронесся дальше, раскрывая себе в толпе кровавую тропинку.

Снова наступила тишина на мгновение.

— Похоже на то, что Ледяные боги приняли свою жертву, — сказал Ви.

Еще не успел он замолчать, как Великий Ледник двинулся вперед. Глетчер потек по долине, сбрасывая перед собою скалы, пучась, как взволнованное море.

Племя еще не успело в ужасе повернуться, чтобы бежать, как Ледник залил всю левую часть долины.

Ви соскочил со скалы. Он со своей семьей забрался подальше в горы и с ужасом наблюдал, как ледяная река со скрежетом пронесется мимо него.

Сколько времени стояли они там? Этого никто не знал.

Они наблюдали, как течет лед. Видели, как он стек в море и как вздыбился там ледяными холмами.

Внезапно — так же внезапно, как начал двигаться, — он остановился, и ночь была тиха, как прежде.

Когда все окончилось, они выбрались по горам к селению. Но уже с нависающих скал увидели они, что долина, в которой жило племя, залита сплошным потоком льда. Они посмотрели дальше и в ужасе остолбенели: от побережья также ничего не осталось. Глетчер смыл холмы, и от гор до моря лежал ровный поток льда, в глубине которого были схоронены обиталища племени.

Аака, прислонившись к Ви, в холодном лунном свете глядела на место, где жила, и сказала:

— Проклятье, которое принесла твоя ведьма, исполнилось уже, наверное, до конца. Что бы еще она смогла придумать?

— Дурно, по-моему, говорить это после того, что случилось. Где народ, который взывал к живущим во льду? Он сам оказался во льду, а я, назначенный в жертву, уцелел со всем своим домом. Время ли теперь для ссор, жена?

Тогда заговорил Паг:

— Ты знаешь, Ви, я никогда не верил в Ледяных богов. Теперь я верю еще меньше: ведь веровавшие в них погибли, а неверовавшие спаслись. Верившие сами попали в лед, и, может быть, когда-нибудь другой народ будет считать их богами. Но скажи, что нам делать теперь?

Ви закрыл лицо руками и не отвечал.

Тогда впервые за весь день заговорила Лалила.

— Лед закрыл всю долину и дошел до залива. Но по ту сторону залива открытое море и там, в пещере, спрятана моя лодка и запас пищи.

— Идем туда, — сказал Паг, — оставаться здесь — значит погибнуть.

Первыми к пещере добрались Паг и Моананга.

Паг заглянул внутрь, увидел во мраке чьи-то глаза и отскочил:

— Осторожней! — крикнул он Моананге. — Здесь спрятались медведи или волки.

Звук его голоса испугал укрывшихся в пещере. На берег вышла тюленья самка со своим детенышем. Прежде чем неуклюжие животные успели убежать, Паг и Моананга прикончили их топорами.

— Ну, теперь мы обеспечены едой на долгое время, ~ сказал Паг. — Нужно только их освежевать, пока они не промерзли.

Втроем — при помощи Фо — они справились с этой работой, прежде чем Ви подошел с женщинами. Дело в том, что Тана была так испугана

всеми событиями этой ночи, что Аака и Лалила вынуждены были чуть не нести ее.

Затем сошедшиеся обыскали пещеру, убедились, что в ней никого нет, развели костер и молча, все еще дрожа от страха, уселись вокруг него.

Глава XVII. Которая?

Перед рассветом Ви вышел из пещеры, чтобы посмотреть при солнечном свете на новый облик местности. Кроме того, он хотел побыть один и поразмыслить о случившемся. Следом за ним вышла Лалила и окликнула его.

— Странные вещи случились, Лалила, — сказал Ви — и сердце мое сжимается от мысли, что из моего народа никого не осталось в живых. Я охотно предложил себя в жертву. Но я жив, а они мертвы, и скорбь душит меня.

И в первый раз с тех пор, как умерла Фоя, Ви заплакал. Лалила взяла его за руку, стала утешать, обтирая ему слезы своими волосами.

— Я причинила тебе много бед, Ви. Я сама охотно послужила бы жертвой, но я верила в то, что ты победишь, и предчувствовала еще большие беды.

— Очевидно, у всех у нас было это предчувствие, Лалила. Смерть висела в воздухе. Но что бы ты подумала обо мне, если бы я сказал: «Возьмите эту женщину, Лалилу, которую вы считаете колдуньей, и принесите ее в жертву»?

— Сочла бы более мудрым, чем ты являешься в действительности, — грустно улыбнулась она. — Но поверь, я благодарна тебе и никогда не забуду твоего благородства.

Рассвело.

Была странная и чудесная ярко-красная заря. Казалось, природа платила пережившим ужасную ночь тем, что выставляла все чудеса своей красоты.

Но что увидали они при дневном свете!

На месте, где стояло селение, лед сгрудился так высоко, что переваливался за окружающие холмы. Горы были обнажены. Лес, в котором Ви убил зубра, был вырван с корнем.

И впереди, так далеко, как хватал глаз, лежал толстый слой льда. Лед на море был покрыт валунами и свалившимися с берега ледяными глыбами и казался неподвижным, как скала. Окрестность производила такое впечатление, будто весь мир превратился в ледяную пустыню.

— Что же произошло? Земля умирает? — спросил Ви, озираясь.

— Не думаю. По-моему, лед движется к югу и здесь больше жить нельзя.

— Значит, мы должны погибнуть, Лалила?

— Вовсе нет. Моя лодка цела и может выдержать нас всех. И у нас есть запас пищи.

— Но лодка ведь не поплывет по льду?

— Нет. Но мы можем толкать ее перед собой, покуда не доберемся до воды, и тогда мы поплывем.

— Куда?

— Ко мне на родину. Там зимой бывает тепло. Туда, бывало, доплывали льдины, но они таяли у самых берегов. Мой народ дружелюбен и миролюбив.

— Но ведь ты бежала от него!

— Да. Но думаю, что, если вернусь, меня встретят с почтением и не тронут моих спутников. Но как хочешь. Мы можем остаться.

— Это невозможно! Берег, леса и море покрыты льдом. Нам негде жить, и, когда кончатся запасы еды и топлива, мы умрем от голода и холода. Впрочем, давай посоветуемся с другими.

У входа в пещеру стояла Аака.

— Наговорились? — спросила она. — Быть может, владельница этих запасов разрешит нам притронуться к пище, которую она здесь собрала, в то время как наше племя умирало с голоду?

Услыхав эти слова, Ви закусил губу.

— Аака, здесь все принадлежит тебе, а не мне, а запасы собраны из той пищи, которую давали мне. Я сложила их еще давно, когда собиралась покинуть этот край, — грустно и спокойно сказала Лалила.

Паг ухмыльнулся, но Ви сказал:

— Бросьте глупые толки и давайте есть.

Они наелись, затем Ви обратился ко всем со следующими словами:

— Наша родина похоронена подо льдом. Что нам делать? Запасов у нас мало. Медведи и волки скоро разыщут нас здесь. По-моему, нужно идти к югу, таща с собой лодку Лалилы. Когда мы доберемся до открытой воды, мы сядем в лодку и поплывем. Туда, куда лед не добрался.

— Ты вождь, — сказала Аака, — и мы должны подчиняться тебе. Но думаю, что путешествие в лодке Лалилы кончится бедой для нас.

Не давая разгореться ссоре, вмешался Паг:

— Нет ничего хуже худшего. Здесь мы умрем. Там мы, может быть, выживем, и в конце концов хуже смерти ничего не будет.

— Я согласен с Пагом, — сказал Моананга.

Тана молчала. Она еще не оправилась от потрясений. Фо топнул ногой и закричал:

— Мой отец вождь, и он приказал. Кто может спорить с ним? Никто не отвечал.

Все поднялись, нагрузили лодку запасенной пищей и накрыли ее шкурами убитых вчера тюленей. Поверх шкур они положили весла и куски дерева, которые смогут заменить весла. По просьбе Лалилы они положили в лодку также и ствол, из которого можно будет сделать мачту. Впрочем, что такое мачта, никто, кроме Лалилы, не знал. В заспинные мешки они наложили топлива, водорослей и шкуры, лежавшие в пещере.

Таща за собой лодку по снегу и толкая ее по льду, они пустились в путь. Впереди шла Лалила с шестом в руках и проверяла крепость льда.

Так Ви, Аака, Фо, Моананга, Тана и Паг покинули родину.

Несколько часов волокли лодку, продвигаясь очень медленно. С берега лед казался сплошным и ровным, в действительности же он был весь перерыв. Они присели отдохнуть и подкрепиться. Поев, они встали, чтобы тронуться в путь, хотя уже считали свой труд бесцельным, а замыслы — неосуществимыми.

— Отец, лед движется! — неожиданно закричал Фо. — Когда мы остановились, вот эти скалы были впереди нас, а теперь они сзади.

— Кажется, это так, но я не уверен, — сказал Ви.

Они заспорили.

В это время Паг куда-то исчез. Через некоторое время он вернулся и сказал:

— Лед движется. Я ходил назад. Лед разломился позади нас, и трещина полна льдинами. К берегу нет возврата.

Они поняли, что морское течение несет их к югу. Кое-кто испугался.

— Можно только радоваться. Так мы быстрее доберемся до цели, — сказал Ви.

Они продолжали тащить и толкать лодку по льду. Делали они это / главным образом для того, чтобы согреться. Они трудились целый день и к вечеру пришли к такому месту, где лежал глубокий снег. Поднялась метель. Они были вынуждены остановиться, так как сквозь хлопья не было видно дороги. Соорудили себе хижину из снега и заползли в нее на ночь.

Утром снег больше не шел. Выйдя из хижины, путешественники обнаружили, что только в отдалении, на востоке, видны снежные вершины гор, окружавших родимый залив.

Они вышли из хижины и потащили лодку дальше. Снег окончательно затвердел, и острый киль лодки легко скользил по нему, так что двигались они быстро.

Так шли они целый день, время от времени отдыхая. К вечеру они

добрели до мягкого снега. Устав за день, они остановились, построили себе опять хижину из снега, развели перед нею костер, приготовили пищу и поели.

Утром оказалось, что снег еще мягче, чем накануне, и стоит ступить на него, как проваливаешься по щиколотку. Лодку волочить по этому снегу невозможно.

— Мы не можем двинуться ни вперед, ни назад, — сказал Ви. — Значит, нам остается только одно: не сходить с места. Но где мы находимся — я сказать не могу, и гор не видно.

Тана заплакала, Моананга смотрел с грустью.

— Да, будем сидеть на месте, пока не умрем. Ничего хорошего и не могло выйти из этого путешествия. Разве только Лалила научит нас летать, подобно птицам, — сказала Аака.

— Этого я не могу сделать, — сказала Лалила. — И мы все единогласно решили рискнуть на это путешествие. Смерть от нас еще далека. От холода мы можем укрыться в этой снеговой хижине, тюленьего мяса нам хватит надолго, а для питья нам сгодится талый снег. Я надеюсь, что лед несет нас к югу, и мне кажется, что сегодня теплее, чем вчера.

— Разумно сказано, — заметил Паг. — Нужно увеличить хижину и ждать, что произойдет.

Так они и поступили.

* * *

После того как работа была окончена, Паг и Моананга принялись выспрашивать у Лалилы все подробности ее поездки на север и допытываться о том, где ее родина и каково там живется. Она отвечала на их вопросы как умела. Но Ви с ней почти не разговаривал, потому что Аака следила за ними ревнивым взглядом.

Так прошло четыре дня и четыре ночи.

За все это время произошло только одно изменение: воздух с каждым часом становился все теплее и теплее. Это им не только казалось: снег таял, и со стен их хижины капало. К концу четвертого дня они заметили позади, на западе, огромную ледяную гору.

Айсберг все увеличивался и приближался. Казалось, что его гонит на них или их гонит к айсбергу. Из этого они заключили, что лед по-прежнему

движется, хотя движение его они ощутить не могли. Всю ночь раздавались ужасающие шумы, а лед под ними трещал и колебался. Правда, таяло, но никто не решался выйти из хижины и посмотреть, откуда несется шум. К тому же с севера дул сильный ветер, который совсем застлал луну густыми тучами.

К утру ветер стих, и солнце встало на чистом безоблачном небе. Паг отодвинул закрывавшую вход снежную глыбу и вышел. Он немедленно возвратился, молча взял Ви за руку, вытащил его наружу и закрыл выход.

— Смотри, — сказал он, указывая на север.

Ви взглянул, зашатался и упал бы, если бы Паг его не подхватил.

Не дальше чем в ста шагах от их хижины, возвышался тот самый айсберг, за которым они вчера следили. То был высокий ледяной шпиль. Наверху его, сжатый ледяными глыбами и огромными валунами, вздымался Великий Спящий! Сомнений не было.

Солнце ярко освещало чудовище. Спящий стоял такой же, каким Ви видел его всю жизнь, только левая передняя лапа его была обломлена под самым коленом. Но Спящий был не один: вокруг него, между ледяными и каменными глыбами, лежали засыпанные снегом тела.

— Взгляни, вот старые друзья, — сказал Паг. — Узнаешь? Нгая здесь нет. Нгая Спящий растер в порошок. Но вот, видишь: Урк Престарелый, рядом с ним Пито-Кити, а там Хотоа и Уока. Как тебе нравится?

— Отвратительно!

Позади него раздался голос Ааки:

— Вы думали, что ушли от старых богов, но они гонятся за вами. Я думаю, о муж мой, что эта ледяная гора не сулит нам ничего доброго.

— Меня мало интересует, что означает появление этой ледяной горы, — спокойно отвечал ей Ви. — Вид, во всяком случае, омерзительный.

В это время и остальные вышли из пещеры. Моананга молчал, Тана закричала и торопливо закрыла лицо руками. Лалила медленно произнесла:

— Гора эта грозит нам. Грозит тем, что обрушится. Но, кажется, мы плывем быстрее, чем она.

— Это еще вопрос, — сказал Паг.

В это мгновение ледяной пик, на который они смотрели, подтаявший, очевидно, в теплой воде, задрожал и стал склоняться к ним. Трижды наклонился шпиль и наконец медленно и плавно перевернулся. Он скрылся под водой, и с ним вместе Спящий и все люди племени. На месте же, где поднимался шпиль, показалось его подножие — лед, усеянный громадными черными валунами.

— Прощайте, Ледяные боги! — улыбнулась им Лалила.

Вдруг Ви крикнул:

— Назад! Назад! Волна!

Он схватил Ааку за руку и отбежал. Остальные бросились за ним.

Они только успели отскочить, как место, на котором они стояли, залила волна льда и воды, всколыхнувшаяся перевернувшимся айсбергом. Волна нахлынула до самой хижины и стала отступать. Но весь лед, на котором они безмолвно стояли, затрясся, задрожал.

Фо, убегая от волны, проскочил дальше остальных и вернулся с криком:

— Льда впереди нет, и вдалеке видна земля. Отец, смотри, там берег.

Все побежали за Фо, пробираясь по снегу, и увидели: между двумя ледяными берегами извивался поток воды. Он стремительно несся, подгоняя большие глыбы льда. Поток впадал в большое открытое синее море, на котором льда не было.

И в отдалении за этим морем видна была земля, о которой говорил Фо. Между зелеными холмами змеилась впадающая в море река. Лесистые долины поднимались к холмам. Эту чудесную землю они все видели несколько мгновений, затем ветер нагнал туман с того места, где затонул преследовавший их айсберг, и видение скрылось.

— Это моя родина. Эта река и эти холмы мне знакомы, — сказала Лалила.

— В таком случае нам нужно добираться туда по возможности скорее, — заметил Паг. — Лед верой и правдой служил нам достаточно долго. Он уже трещит и тает.

Лед действительно таял.

Его со всех сторон подмывало теплое море, на берегу которого родилась Лалила. Лед таял на глазах. Уже появились трещины.

Внезапно льдина треснула посередине, и вся хижина нырнула в воду.

— В лодку! — крикнул Ви.

Они бросились к лодке и подтащили ее к самому краю льдины, где лед уже расходился. Женщины и Фо сели в лодку, затем Моананга, затем Паг. Ви держал корму, направляя нос по течению, а Лалила и Моананга доставали весла.

Ви взглянул на лодку. Она была перегружена. Вода почти перехлестывала через борта. Ви понял, что, если еще один человек сядет в лодку и ветер хоть немного усилится или какая-нибудь льдина заденет челнок, лодка неминуемо перевернется, и все потонут.

— Прыгай скорее, Ви! — крикнула Аака.

— Прыгаю! — отвечал Ви и изо всех сил толкнул корму, так, что лодка

соскользнула с подводного льда. Быстрое течение подхватило ее, и она понеслась.

Ви отступил на несколько шагов и уселся на льдине, следя за челноком.

Внезапно раздался плеск воды. Он опустил глаза и увидел, что Паг подплывает к нему.

Ви помог карлику выбраться на лед и спросил:

— Почему ты вернулся?

— А там слишком много женщин. Их болтовня мне надоедает.

Ви взглянул на Пага, Паг на него, и оба больше не проронили ни слова. Они сидели на льду, плывя вслед за лодкой, и следили, как челнок уносится по течению. Туман начал закрывать его.

Но прежде чем туман окончательно сгустился, они успели заметить, что высокая женщина выпрямилась в лодке и прыгнула в воду.

— Кто это? Аака или Лалила? — простонал Ви.

— Это мы скоро узнаем, — спокойно ответил ему Паг.

Он улегся на льду и закрыл глаза, точно собираясь заснуть.



Братья





БРАТЪЯ

ПРОЛОГ

Салах ад-Дин, повелитель верных, султан, сильный в помощи, властитель Востока, сидел ночью в своем дамасском дворце и размышлял о чудесных путях Господа, Который вознес его на высоту. Султан вспомнил, как в те дни, когда он был еще малым в глазах людей, Нур ад-Дин, властитель Сирии, приказал ему сопровождать своего дядю, Ширкуха, в Египет, куда он и двинулся, как бы ведомый на смерть, и как, против собственной воли, он достиг там величия. Он подумал о своем отце, мудром Айюбе, о сверстниках-братьях, из которых умерли все, за исключением одного, и о любимой сестре. Больше всего он думал о ней, Зобейде, сестре, увезенной рыцарем, которого она полюбила, полюбила до готовности погубить свою душу; да, о сестре, украденной англичанином, другом его юности, пленником его отца, сэром Эндрью д'Арси. Увлеченный любовью, этот франк нанес тяжкое оскорбление ему и его дому. Салах ад-Дин тогда поклялся вернуть Зобейду из Англии, он составил план убить ее мужа и захватить ее, но, подготовив все, узнал, что она умерла. После нее осталась малютка — по крайней мере, так ему донесли его шпионы, и он счел, что если дочь Зобейды была жива, она теперь стала взрослой девушкой. Со странной настойчивостью его мысль все время возвращалась к незнакомой племяннице, своей ближайшей родственнице, хотя в жилах ее и текла наполовину английская кровь.

От далеких, полузабытых воспоминаний мысли султана перенеслись к бедствиям, к потокам крови, среди которых протекли его дни, к последней борьбе между последователями пророков Иисуса и Магомета, к будущему Джихаду — священной войне, к которой готовился он. Тут Салах ад-Дин вздохнул, потому что был милосерден и не любил кровопролитий, хотя жестокая религия вовлекала его то в одну, то в другую войну.

Салах ад-Дин заснул и увидел во сне мир. В грезах какая-то девушка подошла к нему и подняла свое покрывало; перед ним стояла красавица, с чертами лица, походившими на его собственные, только более красивыми, и он узнал в ней дочь своей сестры, бежавшей с английским рыцарем. Он удивился, почему она явилась к нему, и во сне попросил Аллаха объяснить ему это. Тогда он вдруг увидел, что та же самая девушка стоит в долине в

Сирии, а по обе стороны от нее виднеются бесчисленные орды сарацин и франков, и он знает, что тысячи и десятки тысяч этих людей обречены на смерть. Что это? Он, Салах ад-Дин, с обнаженной саблей выезжает перед войском, но красавица подняла руку и остановила его.

— Что ты делаешь здесь, племянница? — спросил он.

— Я пришла, чтобы с твоей помощью спасти многие жизни, — ответила она, — для этого я была рождена от твоей крови, для этого я и послана к тебе. Опустит оружие, султан, и пощади их.

— Скажи же, девушка, какой выкуп ты дашь за спасение этой толпы? Какой выкуп и какой дар?

— Выкуп — моя собственная кровь, которую добровольно отдаю, дар Божий — мир твоей грешной душе, о султан!

И, протянув руку, она наклонила его наточенную саблю, и острие оружия дотронулось до ее груди.

Салах ад-Дин проснулся; странный сон изумил его, но он ни словом не обмолвился об этом. На следующую ночь повторились те же грезы, и воспоминание о сновидении не оставляло его целый день, но он опять никому ничего не сказал.

Когда же в третью ночь тот же сон приснился ему еще живее, он решил, что сам Бог послал ему это видение, потребовал к себе своих мулл и снотолкователей и стал держать с ними совет. Выслушав его, помолившись и поговорив между собой, они ответствовали:

— О султан, вызвав тени, Аллах предупредил тебя, что девушка, твоя племянница, живущая далеко в Англии, благородством души и самопожертвованием в неопределенном будущем избавит тебя от пролития целого моря крови и принесет стране покой. Поэтому привлекли ее к своему двору, постоянно держи при себе, так как, если она покинет тебя, мир уйдет вместе с ней.

Салах ад-Дин признал это толкование сна мудрым и истинным, потому что он и сам так понял свои грезы. Потом потребовал к себе одного предателя-рыцаря, носившего на груди крест, но втайне принявшего Коран, своего франкского шпиона, приехавшего из той страны, в которой жила дочь Зобейды, и расспросил его о ней самой, о ее отце и о доме. С ним, а также с другим своим разведчиком, считавшимся христианским пилигримом, и с принцем Хасаном, одним из величайших и самых доверенных его эмиров, Салах ад-Дин составил хитрый план захватить девушку в плен, если бы она не согласилась добровольно приехать в Сирию.

Кроме того, желая, чтобы положение дочери его сестры было достойно

ее высокого происхождения и судьбы, он указом возвел никогда не виденную им племянницу в сан принцессы Баальбекской, сделав ее владелицей обширных земель, которыми ранее правили ее дед Айюб и ее дядя Изеддин. Он снарядил могучую военную галеру, посадил на нее отряд опытных моряков и отборных воинов, отдав их под команду принца Хасана, написал письмо английскому лорду сэру Эндрию д'Арси и его дочери и приготовил для нее королевский подарок. Он приказал своим посланцам постараться уговорить девушку уехать в Сирию, а если это не удастся, — захватить ее силой или хитростью, но прибавил, что без нее никто не может осмелиться снова взглянуть ему в лицо. В Англию он послал также двоих франкских шпионов, знавших место, где жила знатная девушка; один из них, предатель-рыцарь, был опытным моряком и капитаном корабля.

Вот что сделал Салах ад-Дин и стал терпеливо ждать, чтобы Аллах пожелал исполнить видение, которым Он во сне заполнил его душу.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I . В волнах бухты Смерти

С гребня старинной стены на эссекском берегу Розамунда, обратив лицо к востоку, смотрела на океан. Справа и слева, но немного позади нее, точно стражи при своей госпоже, стояли ее двоюродные братья-близнецы Годвин и Вульф, высокие статные молодые люди. Красивы были они, полным расцветом молодости и здоровья сияли все трое: царственная Розамунда с темными волосами и глазами, со смуглой кожей, с тонким станом, державшая в руке букет желтых луговых цветов; бледный стройный Годвин с задумчивым лицом и воинственный Вульф с мужественным челом и с синими глазами — саксонец до кончиков ногтей, несмотря на нормандскую кровь своего отца. Слегка опирающийся на рукоятку длинного, спрятанного в ножны меча Годвин был неподвижен, как статуя. Брат же его, Вульф, заметно томился бездействием и наконец громко зевнул.

Услышав неприкрытый зевок, Розамунда с медлительной грацией, которой отличались все ее движения, повернула голову.

— Неужели вы уже хотите спать, Вульф, хотя солнце еще не зашло? — спросила она своим бархатным низким голосом, который благодаря чужеземному акценту казался непохожим на все остальные женские голоса.

— Кажется, да, Розамунда, — ответил он. — Сон помог бы скоротать время. Ведь теперь, когда вы перестали собирать желтые цветы, за которыми мы приехали издалека, оно тянется слишком долго.

— Стыдитесь, Вульф, — улыбнулась она. — Посмотрите на море и на небо, на эту чудную пелену, сверкающую золотом и пурпуром.

— Я пристально смотрел на нее с полчаса, кузина Розамунда, а также на вашу спину, на левую руку Годвина и на его профиль, смотрел так долго, что мне, право, представилось, будто я стою на коленях в аббатстве Стоунгейт и рассматриваю каменное изображение своего отца, в то время как приор Джон служит мессу. Если поставить статую на ноги, увидишь Годвина: та же поза рыцаря, опирающегося на рукоятку меча, то же холодное молчаливое лицо с глазами, поднятыми к небу.

— Да, это Годвин, каким он будет когда-нибудь, если святые позволят ему совершить такие же деяния, какие были предопределены нашему отцу,

— прервал его брат.

Вульф посмотрел на него, и странное вдохновение вдруг блеснуло в его синих глазах.

— Нет, я думаю, ты будешь не таким, — произнес он. — Может быть, ты совершишь не меньшие подвиги и даже более великие, но, конечно, в последний раз ты ляжешь облаченный не в кольчугу, а в монашескую рясу, если только женщина не помешает тебе пойти по этой кратчайшей дороге к небесам. Скажите же мне, о чем думаете вы оба. Я спрашивал себя об этом, и мне любопытно узнать, насколько далеко я был от истины. Говорите первая вы, Розамунда. Ну, конечно, не всю правду — мысли девушки принадлежат только ей; поделитесь лишь тем, что считаете возможным открыть.

Розамунда вздохнула:

— Я... я думала о Востоке, где вечно светит солнце, где небо голубое, как камни на моем поясе, а умы людей полны странной ученостью.

— И где женщины — рабыни мужчин, — как бы продолжил ее слова Вульф. — Однако естественно, что вы думали о Востоке, ведь в ваших жилах течет отчасти восточная кровь, и кровь очень благородная, если рассказывают правду. Скажите, принцесса... — и он с легкой иронией преклонил перед ней колени, хотя эта насмешка не могла скрыть его глубокого почтения. — Скажите, принцесса, моя кузина, внучка Айюба и племянница могучего монарха Салах ад-Дина, не желаете ли вы покинуть нашу бедную страну и осмотреть свои владения в Египте и Сирии?

Она выслушала его, и ее глаза загорелись пламенем, статная фигура выпрямилась, грудь высоко поднялась от волнения, а тонкие ноздри расширились, точно вдыхая знакомый сладкий аромат. В эту минуту Розамунда казалась еще большей красавицей, чем всегда. На вопрос кузена она ответила вопросом:

— А как, Вульф, встретят там меня, нормандку д'Арси и христианку...

— Первое они вам простят, потому что ваша нормандская кровь совсем уж не так дурна, что же касается до второго... Ну, ведь веру можно и переменить.

Теперь в разговор впервые вступил Годвин.

— Вульф, Вульф, — сурово произнес он, — следи за тем, что болтает твой язык, потому что некоторых вещей нельзя говорить даже в виде глупой шутки. Видишь ли, я люблю нашу двоюродную сестру больше, чем кого бы то ни было на земле...

— По крайней мере, в этом отношении мы сходимся, — перебил его Вульф.

— Больше, чем кого бы то ни было на земле, — повторил Годвин, — но, клянусь святой кровью и святым Петром, близ церкви которого мы стоим, я убил бы ее собственной рукой раньше, чем ее губы коснулись бы книги ложного пророка.

— Вы понимаете, Розамунда, — насмешливо обратился к ней Вульф, — что вам нужно быть осторожней, Годвин всегда держит данное слово, а такая смерть была бы жалким концом для существа высокого рождения, одаренного большой красотой и умом.

— О, перестаньте насмехаться, Вульф, — заметила молодая девушка, касаясь его туники, под которой скрывалась кольчуга. — Перестаньте смеяться и попросите святого Чеда, строителя этой церкви, чтобы ни мне, ни вашему любимому брату, который действительно хорошо поступил бы, убив меня в подобном случае, не представилось такого ужасного выбора.

— Ну, если бы это случилось, — воскликнул Вульф, и его красивое лицо вспыхнуло, — я думаю, мы знали бы, как поступать. Впрочем, разве уж так трудно сделать выбор между смертью и долгом?

— Не знаю, — ответила она, — часто жертва кажется легкой, пока смотришь на нее издали... А потом ведь иногда теряешь именно то, что дороже жизни...

— Что именно? Вы говорите о землях, богатстве или... любви?

— Скажите, — изменила тон Розамунда, — что там за лодка идет в устье реки? Некоторое время тому назад она не двигалась, весла были подняты, казалось, пловцы наблюдали за нами.

— Рыбаки, — беспечно отмахнулся Вульф. — Я видел их сети.

— Да, но под сетями что-то ярко блестело, точно мечи.

И хотя Розамунда не казалась успокоенной, он продолжал:

— Ну, а о чем думал Годвин?

— Если тебе угодно знать это, брат, я тоже думал о Востоке и о восточных войнах.

— Они не принесли нам большого счастья, — промолвил Вульф.

— Ведь наш отец был убит там, и сюда вернулось только его сердце, которое лежит в Стоунгейте.

— Разве он мог бы умереть лучшей смертью, — спросил Годвин,

— нежели сражаясь за крест Христов? Разве о его кончине не рассказывают до сих пор? Клянусь Богородицей, я молю Бога, чтобы Он послал мне хотя бы вполчину такой же славный конец!

— Да, он умер хорошо, — согласился Вульф, и его синие глаза блеснули, а рука потянулась к мечу. — Но, брат, в Иерусалиме такой же мир, как и в Эссексе.

— Мир? Да, но вскоре на Востоке снова вспыхнет война. Монах Петр, тот, которого мы видели в прошедшую субботу в Стоунгейте и который покинул Сирию шесть месяцев тому назад, сказал мне, что дело быстро движется к этому. Уже и теперь султан Салах ад-Дин, засевший в своем Дамаске, отовсюду созывает войска, а его муллы и имамы призывают племена Востока и восточных баронов к войне. И неужели, брат, если начнется борьба за крест, мы не примем в ней участия, как наши деды, отцы, дядя и столько членов нашего рода? Неужели останемся прозябать здесь, в этой тусклой стране, как прозябали по желанию нашего дяди многие годы, со дня возвращения из Шотландии, неужели будем считать наш скот, возделывать пахотные поля, как крестьяне, зная, что в это время развеваются знамена, люди, равные нам, бьются с язычниками и алая кровь орошает святые пески Палестины!

Душа Вульфа тотчас же отозвалась на эти слова.

— Клянусь Богородицею на небе и нашей дамой на земле, — произнес он, взглянув на Розамунду, которая смотрела на братьев спокойным задумчивым взглядом, — иди на войну, когда тебе вздумается, Годвин, я тоже пойду с тобой, и, как мы родились в один и тот же час, так пусть и умрем в одну и ту же минуту.

Его рука, игравшая мечом, быстро обнажила длинное тонкое лезвие и высоко подняла его, сталь вспыхнула в луче солнца, и Вульф голосом, который заставил диких птиц тучей подняться с воды, повторил старинный боевой клич д'Арси, звучавший на стольких полях битв: «Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси — против смерти!» Потом он спрятал меч в ножны и прибавил смущенным тоном:

— Разве мы дети, что бьемся там, где нет врагов? А все же, брат, хотелось бы поскорее встретиться с неприятелем!

Годвин мрачно улыбнулся, но ничего не ответил, зато Розамунда сказала:

— Значит, кузены, вы хотели бы уехать, чтобы, может быть, не вернуться больше? И разлучиться со мной! Но, — ее голос вдруг зазвучал немного тише, — таков удел женщины, мужчина любит обнаженный меч больше всего. Впрочем, будь иначе, я думала бы о вас хуже. А между тем, не знаю почему, — и она слегка вздрогнула, — я сердцем чувствую, что Небо часто исполняет такие молитвы. О, Вульф, сейчас в свете заката ваш меч казался окровавленным. Я говорю, что он казался очень красным. Мне страшно, я сама не знаю от чего. Ну, поедem, ведь до Стипля девять миль, а скоро стемнеет. Только прежде, братья, поедem в церковь и помолимся святому Петру и святому Чеду, чтобы они охраняли нас в пути.

— В пути? — удивился Вульф. — Чего вы можете бояться во время девятимильной поездки по берегу Черной реки?

— Я говорила о пути, Вульф, который окончится не в Стипле, а там. — И она подняла руку, указывая на темневшее небо.

— Прекрасный ответ, — с одобрением произнес Годвин, — особенно хорошо звучит он здесь, в этом старинном месте, откуда столько людей отправилось на покой: множество римлян, которые умерли, когда эти стены были их крепостью, саксонцев, явившихся после них, и еще многих, многих... без счета.

Они вошли в старинную церковь, — один из первых храмов, выстроенных в Британии, — сложенную из римских глыб руками Чеда, саксонского святого, который жил более чем за сто лет до дней Розамунды и ее двоюродных братьев. Все трое опустили на колени перед простым алтарем, молодые люди и Розамунда помолились каждый о своем, потом перекрестились и пошли к лошадям, привязанным под соседним навесом.

В Стиплъ шли две дороги, вернее, две тропинки: одна уходила на милю в глубь страны и вела через деревню Бредуэл, другая, более короткая, бежала по берегу Сальтингса в полосе воды, известной под именем бухты Смерти; ехавшему в Стиплъ этой дорогой приходилось повернуть от залива, оставить справа аббатство Стоунгейт. Братья-близнецы и Розамунда выбрали последний путь, потому что во время отлива он был удобен для лошадей. Им также хотелось вернуться домой к ужину, чтобы старый рыцарь сэр Эндрью д'Арси, отец Розамунды и дядя близнецов, не имевших ни отца, ни матери, не стал тревожиться и, чего доброго, не выехал бы отыскивать их.

Молодая девушка и ее двоюродные братья ехали на отличных лошадях. Большой серый конь Розамунды, подарок ее отца, славился в окрестностях быстротой, силой и таким послушанием, что любой ребенок мог ездить на нем; тяжелые, прекрасно выезженные боевые кони Годвина и Вульфа были приучены стоять там, где их оставили, бросаться вперед, когда этого требовали их седоки, не страшась ни криков людских, ни сверкающей стали. С полчаса или больше они двигались по берегу Сальтингса, почти не разговаривая, тишина прерывалась только криками морских птиц да плеском волн. Нигде не виднелось ни одного человеческого существа: это было унылое место, и только рыбаки время от времени наведывались сюда. Как раз в ту минуту, когда солнце уже стало погружаться в море, трое д'Арси подъехали к берегу бухты Смерти; вдававшаяся в сушу во время прилива мили на две, она постепенно сужалась, но в основании достигала приблизительно трех ярдов ширины.

Примерно в семидесяти ярдах от берега бухты Смерти и параллельно ему тянулась коса земли, покрытая кустами и немногими редкими дубами. Она выходила в Сальтингс, и ее мыс кончался тропинкой, по которой ехали д'Арси. В промежутке между косой и берегом бухты Смерти дорога сворачивала к холмам. Этот старинный путь был проложен римлянами или другими давно умершими строителями и подводил к возведенному ими узкому молу длиной ярдов в пятьдесят и сложенному из неотесанного камня в воде бухты, вероятно, для удобства рыбацких лодок, которые могли стоять вдоль этой насыпи даже во время отлива. Мол сильно пострадал, в течение столетий волны размывали его, и теперь конец насыпи лежал под водой, часть же, примыкавшая к суше, хорошо сохранилась и была достаточно высока. Когда всадники проезжали через маленькую возвышенность в конце покрытой лесом косы, быстрые глаза Вульфа, который двигался впереди всех (здесь тропинка шла по болоту и была так узка, что пришлось ехать гуськом), заметили большую пустую рыбацью лодку, привязанную к железному кольцу в стенке мола.

— Ваши рыбаки высадились, Розамунда, — обратился он к девушке, — и, конечно, отправились в Бредуэл.

— Странно, — с беспокойством заметила она, — сюда никогда не приезжают рыбаки, — Розамунда остановила свою лошадь, точно собиралась повернуть ее.

— Так это или нет, но они ушли, — произнес Годвин, наклоняясь вперед, чтобы оглядеться, — во всяком случае, нам нечего бояться пустой лодки, поедem же дальше.

Они без труда достигли каменной насыпи, или мола, но в этом месте какой-то шум, раздавшийся позади, заставил оглянуться всех троих. Д'Арси увидели картину, от которой кровь прилила им к сердцу. На узкую тропинку один за другим вышли человек восемь с обнаженными мечами в руках; у всех, как заметили путники, лица были закрыты закрепленными под шлемами или кожаными шапками полотняными полосами с прорезями для глаз.

— Засада, засада! — крикнул Вульф, обнажая меч. — Скорее за мной, на дорогу в Бредуэл! — И он пришпорил лошадь. Конь бросился вперед, но в следующее мгновение сильная рука заставила его присесть. — Помилуй Бог, — вскрикнул Вульф, — тут еще!

И действительно, другой отряд воинов с оружием и с закрытыми лицами выбежал на бредуэлскую тропинку; во главе их виднелся плотный человек, по-видимому вооруженный только длинным кривым ножом, висевшим на его поясе, и одетый в ценную кольчугу, которая проглядывала

через открывшуюся тунику.

— К лодке! — воскликнул Годвин, но, услышав это, толстый человек засмеялся пронзительным смехом. Даже в эту минуту все трое расслышали его.

Они поехали по молу, потому что им некуда было больше свернуть — обе дороги преграждали враги. Когда они подъехали к лодке, им стало понятно, почему смеялся плотный воин: она стояла на тяжелой цепи, которую нельзя было перерубить, кроме того, парус и весла исчезли из нее.

— Плывите в ней, — прозвучал голос одного из спутников толстяка, — или, по крайней мере, пусть ваша дама войдет в нее, тогда нам не придется нести ее в ладью...

От лица Розамунды отхлынула кровь, Вульф то вспыхивал, то бледнел, его рука сжимала меч. Годвин, спокойный, как всегда, проехал несколько шагов вперед и произнес:

— Скажите, чего вы хотите от нас? Денег? У нас их нет, с нами только лошади и оружие, но и то и другое будет дорого стоить вам.

Человек с кривым ножом вышел немного вперед в сопровождении высокого гибкого слуги или оруженосца, которому шепнул несколько слов на ухо.

— Мой господин находит, — ответил высокий воин, — что у вас есть нечто драгоценнее королевского золота — красавица, которую с нетерпением ждут в одном месте. Отдайте ее нам, а потом уезжайте на своих конях и со своим оружием, вы — храбрые молодые люди, и мы не желаем пролить вашу кровь.

Теперь наступила очередь братьев рассмеяться, и они действительно расхохотались в один голос.

— Отдать вам ее? — возмущенно переспросил Годвин. — И с бесчестьем продолжить наш путь? Хорошо, мы отдадим ее с нашим последним вздохом, но не раньше. Куда же вы хотите отвезти леди Розамунду?

Те снова зашептались.

— По словам моего господина, — послышался ответ, — всякий, кто ее видит, поддается очарованию, но особенно ее ждут в доме рыцаря Лозеля.

— Рыцарь Лозель! — прошептала Розамунда и побледнела еще сильнее.

Этот Лозель был очень могущественным человеком и уроженцем Эссекса. Он владел кораблями, о его «подвигах» на море и на Востоке рассказывали нехорошие вещи. Он однажды просил руки Розамунды и, получив отказ, наговорил таких угроз, что Годвин, как старший из

близнецов, вызвал его на бой, бился с ним и ранил его. После этого Лозель исчез неизвестно куда.

— Значит, сэра Гуго Лозель среди вас? — спросил Годвин. — И замаскирован, как все вы, обыкновенные трусы? Если так, я желаю встретиться с ним лицом к лицу и докончить дело, которое начал в снегу, на Рождество, двенадцать месяцев тому назад.

— Узнайте его, если можете, — предложил высокий человек. Вульф же проговорил сквозь сжатые зубы:

— Брат, я вижу только одну возможность прорваться. Мы должны поставить серого Розамунды между нашими конями и ударить по врагам.

Предводитель отряда как бы угадал их мысль, он снова наклонился к уху своего спутника, и тот громко произнес:

— Мой господин говорит, что с вашей стороны безумие — стараться пробиться сквозь наши ряды. Мы будем бить ваших лошадей и ловить их петлями, а между тем жаль губить таких славных коней. Когда же вы упадете, мы без труда захватим вас. Лучше сдайтесь, вы можете сделать это без стыда, ведь вам спасения нет, и два рыцаря, хотя бы и очень храбрых, не в состоянии выдержать борьбу с целой толпой. Мой господин дает вам одну минуту.

Впервые с момента стычки Розамунда обратилась к двоюродным братьям:

— Прошу вас, не отдавайте меня живой в руки сэра Гуго Лозеля и этих людей. Лучше пусть Годвин убьет меня, чтобы избавить от ужасной участи, как он хотел сделать это ради спасения моей души, сами же постарайтесь прорваться сквозь ряды врагов и живите, чтобы отомстить за меня.

Братья ничего не ответили, они только посмотрели на воду, потом переглянулись между собой, слегка кивнули друг другу головами, и Годвин заговорил с Розамундой, потому что теперь, когда дело дошло до борьбы за жизнь и за даму, Вульф, язык которого обычно двигался с такой легкостью, стал странно молчалив.

— Слушайте, Розамунда, — предложил ей Годвин, — вы можете спастись только одним способом. Это отчаянное средство, но вам придется выбирать или его, или плен, так как убить вас мы не можем. Ваш серый — верный и сильный конь. Поверните его, пришпорьте и заставьте войти в воду бухты Смерти. Пустите лошадь вплавь. Залив широк, но волны помогут вам, и, может быть, вы не утонете.

Розамунда, слушая его, взглянула на лодку. Тогда Вульф решительно обратился к ней:

— Поезжайте, мы задержим ладью.

Темные глаза Розамунды наполнились слезами, ее гордая головка на мгновение склонилась почти к самой гриве серого.

— О, мои рыцари, мои рыцари! — промолвила она. — Вы умрете за меня! Хорошо. Если так угодно Господу Богу — да свершится! Но клянусь, если вы умрете, я не взгляну ни на кого и буду жить воспоминаниями о вас. Если же вы...

— Благословите нас — и в путь, — сказал Годвин.

Тихими святыми словами она благословила братьев, круто повернула серую лошадь, вонзила шпору в ее бок и помчалась в глубокую воду. На мгновение конь остановился, потом сделал большой прыжок. Он погрузился глубоко, но ненадолго; вот голова его наездницы показалась на поверхности, и, снова сев в седло, с которого волна смыла ее, Розамунда направила лошадь к далекому берегу. Крик изумления сорвался с губ грабителей, они не думали, что девушка решится на такой отважный поступок. А братья засмеялись, видя, что серый плывет хорошо, соскочили с седел, пробежали шагов восемьдесят по молу, к самому узкому его месту, по дороге сорвав с себя плащи и обернув ими левые руки вместо щитов.

В отряде послышались мрачные проклятия, предводитель дал шепотом какое-то приказание своему переводчику, и тот громко закричал:

— Убейте их — и в лодку! Мы должны догнать ее раньше, чем она доберется до берега или утонет.

Нападающие колебались, глаза воинов, преграждавших путь, говорили о ранах и смерти. Наконец замаскированные стали карабкаться на неотесанные камни. Но мол был так узок, что пока силы двух братьев не истощились, они могли биться, как двадцать человек, к тому же ил и вода мешали напасть на них с флангов. Итак, разбойникам в конце концов пришлось биться по двое против двоих д'Арси, и Вульф с Годвином были наиболее сильными из сражающихся. Их длинные мечи блеснули, и взвились, и опустились, и когда Вульф поднял свой меч, он был красным, как в ту минуту, когда он взмахнул им в багровых лучах заката. Раздался плеск воды, человек упал в тину и лежал там, умирая.

Противник Годвина тоже упал, как казалось, убитый.

После этого, шепнув друг другу несколько слов, братья, не дожидаясь нового нападения, сами бросились вперед. Волнующаяся толпа увидела, что они приближаются, двинулась прочь, но раньше чем замаскированные прошли ярд, у них с тыла заработали мечи. Раздались страшные проклятия, ноги нескольких воинов попали в расщелины между камнями, и они упали ничком. В смятении троих столкнули в воду — двое утонули в тине, третий еле добрался до берега, — остальные бежали с мола. Двое были убиты,

трое лежали на земле, пробовали встать и начать биться, но полотняные маски спустились им на глаза, и их удары не могли попасть в цель, между тем длинные мечи братьев падали на шлемы и кольчуги, точно молоты кузнецов на наковальни. Наконец их противники, умолкшие и неподвижные, замерли навсегда...

— Назад! — крикнул Годвин. — Здесь мол слишком широк, и они могут обойти нас.

И д'Арси стали медленно отступать лицом к врагу. Остановились они против первого человека, которого, казалось, убил Годвин. Он лежал лицом кверху, с раскинутыми руками.

— До сих пор все шло хорошо, — с коротким смехом заметил Вульф. — Ты ранен?

— Нет, — ответил Годвин. — Только не хвались до конца битвы, их еще много, но они, конечно, не пройдут сюда. Дай Бог, чтобы у них не было копий или луков.

Он оглянулся: вдали от берега спокойно плыл серый, а на нем сидела Розамунда. Девушка видела все, потому что ее лошадь плыла немного наискось, и она сняла с шеи платочек и махнула им братьям. Они поняли, что она гордится их подвигом и благодарит святых за то, что они уже успели совершить такие деяния ради нее.

Годвин был прав: хотя предводитель давал суровые приказания своим людям, отряд не подходил близко к ужасным мечам, замаскированные искали камни, чтобы осыпать ими д'Арси. Но вокруг было больше ила, чем булыжников, а камни, служившие материалом для мола, оказались слишком тяжелы и велики. Воины нашли только несколько, бросили ими в д'Арси, но булыжники или не попадали в братьев, или не причиняли им большого вреда. Немного времени спустя человек, которого звали начальником, что-то сказал солдатам через своего помощника. Несколько воинов отбежали в заросли терновника и вернулись оттуда с длинными веслами.

— Они хотят бить нас веслами. Что нам делать, брат? — спросил Годвин.

— Сделаем все, что возможно, — откликнулся Вульф. — Впрочем, то, что случится дальше, теперь неважно, если только воды моря пощадят Розамунду. Вряд ли враги настигнут ее; после того как убьют нас, им еще придется отвязать лодку, сесть в нее и отчалить.

Вдруг Вульф услышал за спиной какой-то шорох. Годвин внезапно вскинул руки и упал на колени. Вульф отступил: человек, которого они считали мертвым, стоял живой и здоровый, держа окровавленный меч. Вульф кинулся на него и нанес ему несколько жестоких ударов; первый же

из них отделил лезвие его меча от рукоятки, второй разорвал кольчугу и глубоко вонзился в его бок, на этот раз он упал, чтобы уже никогда не подняться. Вульф взглянул на брата — кровь заливала лицо Годвина, слепила его глаза.

— Спасайся, Вульф, мне пришел конец, — прошептал он.

— Нет, тогда бы ты не говорил, — и Вульф, обняв брата, поцеловал его в лоб. Он, как ребенка, поднял Годвина, подбежал к тому месту, где стояли лошади, и вскинул его на седло.

— Держись крепче! — крикнул он. — Держись за гриву и луку. Сохрани присутствие духа, мужайся, и я все-таки спасу тебя.

Накинув поводья на левую руку, Вульф вскочил на свою собственную лошадь и повернул ее. Прошло секунд десять, вооруженные веслами пираты, которые собирались к месту разветвления двух тропинок, вдруг увидели больших коней, безумно мчавшихся прямо на них.

На одном покачивался жестоко раненный человек со светлыми волосами, запятнанными кровью, держась руками за гриву и седло, на другом сидел воин Вульф с расширившимися глазами, с лицом, похожим на лик огня. Он потрясал своим кроваво-красным мечом и вторично в этот день выкрикивал:

— Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси — против смерти!

Враги увидели братьев, закричали, столпились и подняли весла, чтобы встретить всадников. Но Вульф ожесточенно пришпорил коня, и, хоть путь был короток, тяжелые лошади, выдрессированные для турниров, уже неслись с огромной скоростью. Вот они близко. Весла качнулись в сторону, точно тростинки, засверкали мечи, и Вульф почувствовал, что ранен, но куда, не понял. Его меч тоже блеснул, блеснул всего раз, второго удара он нанести не успел — его противник упал, как пустой мешок.

Святой Петр! Они промчались через толпу. Годвин все еще качался в седле, а там вдали, приближаясь к берегу, серая лошадь боролась с волнами. Они пробились. Перед глазами Вульфа расплывалось красное пятно, ему казалось, будто земля поднимается им навстречу и все кругом пылает, как огонь.

Позади затихли крики, теперь слышался только один звук — конский топот. Потом и топот ослабел, замер в отдалении, и молчание и тьма окутали сознание Вульфа.

II. Сэр Эндрию д'Арси

Годвину снится, что он умер, что где-то внизу, под ним, плывет мир, что сам он, распростертый на ложе из черного дерева, несется в черной мгле и что его охраняют двое светлых стражей. «Это ангелы-хранители», — думается ему.

Время от времени появляются и другие духи и спрашивают ангелов, сидящих у него подле изголовья и в ногах:

— Грешила ли эта душа?

И слышится ответ ангела, сидевшего у изголовья:

— Грешила.

И снова спросил голос:

— Умер ли он свободным от грехов?

— Он умер несвободным, с красным поднятым мечом, но погиб во время славной битвы.

— Во время битвы за крест Христов?

— Нет, за женщину.

— Увы, бедная душа, грешная, несвободная, она погибла ради земной любви. Может ли он заслужить прощение? — несколько раз повторил с грустью вопрошающий голос, становясь все слабее и слабее, пока наконец не затерялся вдали.

Зазвучал новый голос, голос отца Годвина, никогда не виденного им воителя, который пал в Сирии. Годвин тотчас же узнал его, у видения было лицо, высеченное из камня, как на гробнице в церкви Стоунгейтского аббатства, на его кольчуге виднелся кроваво-красный крест, на щите красовался герб д'Арси, а в руках блестел обнаженный меч.

— Это ли душа моего сына? — спросил он у стражей, облаченных в белые одежды. — Если да, то как он умер?

Тогда ангел, бывший в ногах ложа, ответил:

— Он умер с красным поднятым мечом, умер во время честного боя.

— Он бился за крест Христов?

— Нет, за женщину.

— Он бился за женщину, когда должен был пасть в святой войне. Увы, бедный сын! Увы, значит, нам нужно снова расстаться, и теперь навсегда.

Этот голос тоже замер.

Что это? Сквозь тьму двигалось великое сияние, и ангелы, сидевшие в ногах и при изголовье ложа, поднялись и приветствовали великий свет

своими пламенными копьями.

— Как умер этот человек? — спросил голос, звучавший из сияния, голос глухой и страшный.

— Он умер от меча, — ответил ангел.

— От меча врагов небес? Он бился в войне небес?

Но ангелы молчали.

— Нет до него дела Небу, если он бился не за Небо, — снова сказал

— Пощади его, — заступились хранители, — он был молод и храбр и не знал истины! Верни его на землю, чтобы он очистился от грехов, позволь нам снова охранять его.

— Да будет так, — прозвучал голос. — Живи, но живи как рыцарь небес, если ты хочешь достичь Неба!

— Должен ли он отказаться от земной любви и земных радостей? — спросили ангелы.

— Этого я не сказал, — ответил голос, вещавший из сияния.

И странное видение исчезло.

Полное отсутствие сознания... Потом Годвин очнулся и услышал другие голоса — человеческие, горячо любимые, хорошо памятные. Увидел он также наклонившееся над ним лицо — самое человеческое, самое любимое, самое памятное, с чертами Розамунды. Он пролепетал несколько вопросов, ему принесли поесть и велели спать, и он опять заснул. Так продолжалось много времени. Пробуждение и сон, сон и пробуждение. Наконец однажды утром Годвин проснулся по-настоящему в маленькой комнате, которая находилась рядом с соларом, гостиной замка Холл в Стипле; здесь братья спали с тех пор, как дядя взял их к себе. Против Годвина на кровати-козлах сидел Вульф с перевязанными рукой и ногой, подле него стоял костыль. Он немного побледнел и похудел, но это был все тот же веселый, беспечный Вульф, лицо которого по временам умело принимать ожесточенное выражение.

— Я все еще грежу, брат, или это действительно ты?

Лицо Вульфа просияло, и он счастливо улыбнулся — теперь он знал, что Годвин действительно пришел в себя.

— Ну конечно, я, — рассмеялся Вульф, — у приведенных не бывает хромых ног, раны — дары мечей и людей.

— А Розамунда? Что стало с Розамундой? Переплыл ли серый через залив, и как мы вернулись сюда? Расскажи мне обо всем. Скорее, скорее!

— Она сама скажет тебе все, — и, проковыляв до занавеси в двери, Вульф крикнул: — Розамунда, моя... нет, наша кузина Розамунда, Годвин очнулся. Слышите, Годвин очнулся и хотел бы поговорить с вами.

Зашелестело платье, зашуршали камыши, которые устилали пол, и Розамунда, по-прежнему красивая, но в эту минуту от радости забывшая всю свою важность, вошла в комнату. Она увидела исхудавшего Годвина, который сидел на постели с блеском в серых глазах, сверкавших на белом осунувшемся лице. У Годвина были серые глаза, у Вульфа — синие; лишь одно это различие между братьями заметил бы посторонний человек, хотя и губы Вульфа были полнее, чем у Годвина, и подбородок очерчен более резко, кроме того, он был ростом гораздо выше брата. Розамунда с легким восклицанием восторга подбежала к Годвину, обвила руками его шею и поцеловала в лоб.

— Осторожнее, — резко сказал Вульф, отворачивая голову. — Не то, Розамунда, перевязки ослабеют и он снова начнет страдать; он и так потерял достаточно крови.

— Тогда я поцелую руку, которая спасла меня, — произнесла она и, исполнив сказанное, прижала большую кисть Годвина к своему сердцу.

— Моя рука тоже принимала некоторое участие в этом деле, только, помнится, вы не целовали ее, кузина. Ну, ничего, я тоже поцелую его. Слава Господу, святой Деве, святому Петру, святому Чеду и всем другим святым, имен которых я не помню, слава за то, что они с помощью Розамунды, молитв приора Джона, братьев Стоунгейтского аббатства и Метью, деревенского священника, спасли моего брата. Мой горячо любимый брат!

И, подойдя к кровати Годвина, Вульф обнял и несколько раз поцеловал его.

— Осторожнее, — сухо заметила Розамунда, — не то, Вульф, вы сдвинете повязки, а он и так уже потерял достаточно крови.

Прежде чем Вульф успел ответить, раздался звук медленных шагов, занавесь откинулась в сторону, и в маленькую комнату вошел высокий рыцарь с благородной осанкой.

Он был стар, но казался еще старше своих лет, так как горе и болезни истощили его. Снежно-белые волосы падали ему на плечи. Его лицо было бледно, заострившиеся черты казались как бы тонко выточенными и, несмотря на разницу в возрасте, изумительно напоминали черты Розамунды. Это был ее отец, знаменитый лорд сэр Эндрью д'Арси. Розамунда повернулась и присела перед ним с восточной грацией; Вульф наклонил голову, Годвин, шея которого слишком окаменела, просто протянул ему руку. Старик посмотрел на него с гордостью в глазах.

— Итак, ты останешься жив, мой племянник, — вымолвил он, — и я благодарю за это Подателя жизни и смерти! Клянусь Богом, ты храбрец, достойный отпрыск рода нормандца д'Арси и Улуина-саксонца. Да, ты один

из лучших потомков их.

— Не говорите так, дядя, — возразил Годвин, — здесь есть более достойный человек, — и своими тонкими пальцами он погладил руку Вульфа. — Ведь Вульф провез меня через ряды нападающих. О, я помню, как он вскинул меня на вороного и приказал крепко держаться за гриву коня и седельную луку. Да, я помню наш прорыв и его крик: «Д'Арси! Д'Арси! Против д'Арси — против смерти!», помню блеск вражеских мечей, но больше — ничего.

— Я жалею, что не был с вами и не помогал вам в этой битве, — со вздохом произнес сэр Эндрью. — О, дети, грустно быть больным и старым. Я обрубок, только тлеющий обрубок, но знал и я...

— Отец, отец, — Розамунда обняла его, — вы не должны так говорить. Вы уже выполнили вашу задачу.

— Да, мою часть дела, но мне хотелось бы сделать больше! О, мой святой, попроси Господа дать мне умереть с обнаженным мечом, с боевым кличем наших дедов на губах. Да, не хотел бы я угаснуть, как старая изъезженная боевая лошадь в конюшне! Простите меня, дети, но я поистине завидую вам. Когда я увидел, что вы лежите в объятиях друг друга, я чуть не заплакал от злости при мысли, что горячий бой происходил в какой-нибудь миле от моих дверей, а я не участвовал в нем.

— Я не знаю, что случилось дальше, — тихо сказал Годвин.

— Конечно, не знаешь, ведь ты больше месяца лежал без чувств. Но Розамунда знает все и расскажет тебе. Ляг, Годвин, и слушай.

— Вы приказали мне плыть, и, прищпорив коня, я заставила его броситься в воду. На мгновение волны сомкнулись над моей головой, потом я всплыла на поверхность, но вода смыла меня с седла. Тем не менее мне удалось снова сесть на коня. Он послушался моего голоса и поводев и покорно поплыл к отдаленному берегу. Волны помогали ему, поэтому я повернула голову и увидела все, что происходило на мону. На моих глазах враги кидались на вас и падали от ваших мечей, а потом вы напали на них и бегом вернулись обратно. Наконец, как мне казалось, после долгого времени и когда я была уже далеко, я заметила, что Вульф вскинул Годвина на коня. Я поняла, что это Годвин, потому что его посадили на вороного, следила я также, как вы неслись по мону, как исчезли.

К этому времени я уже была подле берега, серый страшно устал и глубоко ушел в воду, но ласковыми словами я подбодрила его, и, хотя его голова дважды погружалась под воду, он все-таки нашел опору для усталых ног. Отдохнув немного, мой конь бросился вперед и короткими переходами двинулся через топь. Наконец мы благополучно достигли земли, тут он

остановился, дрожа от страха и усталости. Едва серый отдышался, я пустилась в путь, так как увидела, что враги отвязывают лодку... В Стипль я приехала, когда уже стемнело, отец стоял у ворот. Теперь рассказывайте вы, отец.

— Остается досказать немного, — заметил сэр Эндрью. — Вы, дети, помните, что я был против поездки за цветами или за чем-то там еще к церкви святого Петра, за девять миль от дома, но так как Розамунде очень хотелось этого, а у нее немного развлечений, то я и отпустил ее с вами. Помните также, что вы отправились без кольчуг и сочли меня неразумным, когда я вернул вас и заставил надеть их. Вероятно, мой святой покровитель или ваши ангелы-хранители вселили в меня мысль сделать это, ведь без такой предосторожности вы теперь были бы мертвы. В то утро я почему-то много думал о сэре Гуго Лозеле (если только такой предатель-пират может называться сэром и рыцарем, хотя стойкости и храбрости у него не отнять) и о том, что он грозил, несмотря на все наши старания, украсть Розамунду. Правда, мы слышали, что он отплыл на Восток, на войну против Салах ад-Дина или заодно с ним, потому что он всегда был предателем. Но разве люди не возвращаются с Востока? Вот почему я велел вам вооружиться: смутное предчувствие говорило мне, что Лозель совершит попытку привести в исполнение свои слова, и я не ошибся, ведь, конечно, это нападение было его делом.

— Я так и думал, — согласился с ним Вульф, — Розамунда знает, что высокий оруженосец, переводчик чужеземца, которого он называл «господином», сказал, что именно рыцарь Лозель желает увезти ее.

— Этот «господин» — мусульманин, сарацин? — тревожно спросил сэр Эндрью.

— Не знаю, дядя, ведь его лицо было замаскировано, как и у всех остальных, а говорил он только через посредника. Но, пожалуйста, продолжайте рассказ, которого Годвин еще не слышал.

— Он короток. Розамунда рассказала мне о том, что случилось, хотя не все понял я из ее слов, потому что она совсем обезумела от печали, холода и страха. Я узнал только, что вы бились на старом молу и что она сама переплыла через бухту Смерти, что казалось невероятным. Я созвал всех людей, которых только мог, и приказал ей остаться дома с несколькими слугами и принять чего-нибудь, на что она согласилась неохотно, сам же я отправился отыскивать вас или ваши тела. Ночь мешала двигаться вперед, но мы освещали путь фонарями и наконец увидели место, где соединяются две дороги. Там стояла твой вороной, Годвин. Он был ранен так сильно, что не мог идти дальше. Я громко застонал, думая, что ты погиб. Но мы все же

пустили коней вперед; вдруг раздалось ржание другой лошади, и мы увидели чалого, тоже без седока, он стоял у края дороги с печально опущенной головой.

«Поводья держит кто-то лежащий на земле!» — закричал один из моих спутников. Я соскочил с седла, наклонился и увидел вас обоих. Вы лежали, обнимая друг друга. И тут я решил: они достойны посвящения в рыцари.

— Говори ты, — обратился Вульф к брату, — потому что мой язык неповоротлив и неловок.

— Сэр, — слабым голосом произнес Годвин, — мы не знаем, как и благодарить вас за такую большую честь; мы не думали заслужить ее, отбив всего лишь шайку разбойников. Но мы можем лишь сказать, что до конца жизни постараемся быть достойными и нашего имени, и вас.

— Хорошо сказано, — с удовлетворением признал сэр Эндрью и прибавил, точно про себя: — Он так же вежлив, как и храбр.

Вульф поднял глаза — на его открытом лице лежала печать нескрываемой веселости.

— Хотя моя речь и не очень изысканна, дядя, но я тоже благодарю вас и прибавляю, что мне кажется, нашу леди кузину тоже следовало бы посвятить в рыцари, если бы это было возможно для молодой девушки, ведь переплыть верхом через бухту Смерти — большой подвиг, чем отбиться от нескольких мошенников на берегу.

— Розамунду? — странным мечтательным голосом произнес старик. — Ее положение достаточно высоко, слишком высоко для полной безопасности.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты.

— Ну, кузина, — обратился к ней Вульф, — если вам невозможно сделаться рыцарем, то вы, по крайней мере, можете уменьшить высоту вашего опасного положения, став женой рыцаря.

Розамунда посмотрела на него с негодованием, которое как бы боролось с улыбкой, светившейся в ее темных глазах. Она шепотом объяснила, что ей еще нужно посмотреть, как приготавливают бульон для Годвина, и ушла вслед за отцом.

— Было бы добрее, если бы она сказала, что для нас обоих, — заметил Вульф, когда за ней закрылась драпировка.

— Может быть, она и сделала бы это, — ответил ему брат, — но только без твоих грубых шуток, ведь в них она могла увидеть скрытое значение.

— Нет, я говорил, ничего не подразумевая. Почему бы ей и не выйти замуж за рыцаря?

— Да, но за какого рыцаря? Разве нам было бы приятно, брат, если бы ее мужем сделался чужой для нас человек?

Вульф проворчал какое-то проклятие, потом вспыхнул до корней волос.

— Ах, — упрекнул его Годвин, — ты говоришь, не подумав, а это нехорошо.

— Там, на берегу, она поклялась... — вставил Вульф.

— Забудь об этом. Слов, сказанных в такой час, нельзя помнить, нельзя связывать молодую девушку.

— Ей-Богу, брат, ты прав, как всегда. Мой язык болтает помимо воли, а все-таки я не могу забыть ее слов. Только вот о ком из нас?...

— Вульф!

— Я хотел сказать, что сегодня мы на дороге к счастью, Годвин. О, это была счастливая поездка. Я никогда не мечтал о таком бое и никогда не видывал ничего подобного! И мы победили! И мы оба живы, и оба станем рыцарями.

— Да, мы живы благодаря тебе, Вульф. Не возражай, это так, — впрочем, меньшего нельзя было бы и ждать от тебя. Что же касается пути к счастью, то на нем много поворотов, и, может быть, в конце концов он приведет нас совсем в другую сторону.

— Ты говоришь как священник, а не как оруженосец, который скоро станет рыцарем, заплатив за это раной головы. Я же поцелую Форуну, улучив первую удобную минуту; если же потом она оттолкнет меня...

— Вульф, — позвала Розамунда из-за занавеси, — перестаньте так громко говорить о поцелуях и дайте Годвину заснуть, ему нужен отдых.

И она вошла в комнату с чашкой бульона в руках. Вульф проворчал, что дамы и молодые девушки не должны слушать того, что их не касается, схватил свой костыль и ушел.

III . Посвящение в рыцари

Прошел еще целый месяц, и хотя Годвин пока был слаб и по временам страдал головными болями, раны братьев зажили, и они поправились. В последний день ноября, около двух часов пополудни, на дороге, которая вилась из старого Холла в Стипль, появилась величавая процессия. Во главе ее ехали несколько рыцарей в полном вооружении, а перед ними двигались их знамена; далее сэр Эндрью д'Арси, тоже во всех доспехах и окруженный оруженосцами-наемниками. Рядом с ним — его красивая дочь, леди Розамунда, в великолепном платье, прикрытом меховым плащом; она ехала по правую руку отца на том сером коне, который переплыл через бухту Смерти. Молодые братья д'Арси в скромных одеждах простых джентльменов следовали за дядей в сопровождении своих оруженосцев, членов благородных домов Солкот и Денджи. Позади них виднелись еще рыцари, оруженосцы, арендаторы различных степеней и слуги, окруженные многочисленной бегущей толпой крестьян и простолюдинов, спешивших за остальными вместе со своими женами, сестрами и детьми.

Миновав деревню и достигнув большой арки, которая обозначала границу монастырских земель, процессия свернула влево и направилась к аббатству Стоунгейт, отстоявшему мили на две от этого места; дорога шла между пахотными полями и солончаковыми зарослями, во время прилива исчезавшими под водой. Наконец показались каменные ворота аббатства, от которых оно и получило свое название «Стоунгейт». Здесь шествие встретили монахи, жившие на этом уединенном диком берегу со своим приором Джоном Фитцбрайеном. Настоятель — беловолосый человек, одетый в черное платье с широкими рукавами, шел вслед за священником, державшим серебряный крест. Процессия разделилась: Годвин и Вульф с несколькими рыцарями и их оруженосцами отправились в аббатство, остальные же вошли в церковь или остались подле нее.

Двух будущих рыцарей отвели в комнату, где брадобрей коротко обрезал их длинные волосы. Потом под руководством двух старых рыцарей, сэра Энтони де Мандевиля и сэра Роджера де Мерси, их провели в ванны, отгороженные богатыми занавесями. Оруженосцы раздели их, и Вульф с Годвином погрузились в воду; сэр Энтони и сэр Роджер разговаривали с ними через занавеси, напоминая о высоких обязанностях, присущих их будущему призванию, а под конец облили братьев водой и перекрестили их обнаженные тела. После этого молодых людей снова

одеди, и, предшествуемые менестрелями, они прошли в церковь, там при входе их оруженосцам поднесли вина.

В присутствии всего общества молодых д'Арси облекли сначала в белые туники в знак чистоты их сердец, потом в красные одеяния, служившие символом крови, которую они, может быть, будут призваны пролить ради Христа, и, наконец, в длинные черные плащи — эмблему смерти, неизбежной для всех. После этого принесли доспехи Годвина и Вульфа и сложили перед ними на ступенях алтаря. Потом все разошлись, оставив молодых людей с их оруженосцами и священниками для бдения и молитвы в течение долгой зимней ночи.

И действительно, бесконечно тянулась она в этой церкви, освещенной лишь лампадой, которая качалась перед алтарем. Вульф долго молился и под конец так устал, что его губы перестали шептать святые слова. Он впал в полусонное состояние; ему виделось лицо Розамунды, хотя здесь следовало забыть даже ее черты. Годвин же оперся локтем о надгробие, скрывавшее сердце его отца, и тоже молился, но и его серьезная душа утомилась, и он стал раздумывать о многом в жизни и, между прочим, о странном сне, который приснился ему, когда он лежал больной и казался мертвым; потом — об истинных обязанностях человека. Что нужно? Быть храбрым и справедливым? Конечно. Биться ради креста Христова против сарацин? Конечно, если такая возможность возникнет на его пути. Что еще? Покинуть мир и проводить жизнь, бормоча молитвы, как священники, стоящие во тьме перед ним? Необходимо ли это для Бога или человека? Для человека — может быть, потому что монахи и священники ухаживают за больными, дают пищу голодным. Но для Бога? Разве он, Годвин, не послан в мир, чтобы жить полной жизнью? Ведь монашеское отречение было бы полужизнью, жизнью без жены, без ребенка, без всего, что освятили небеса!

Тогда, например, ему нужно не думать больше о Розамунде. Разве он может это сделать, хотя бы ради блаженства своей души в будущей жизни?

При мысли о таком отречении даже в этом святом месте, даже в час посвящения его дух возмутился, потому что именно теперь он в первый раз почувствовал, что любит свою кузину больше всего на свете, больше жизни, может быть, больше своей души. Он с радостью умер бы за нее, охотно и спокойно. Что, если другой...

Рядом с ним, опершись руками на ограду алтаря, устремив глаза на блестящее вооружение, стоял на коленях Вульф, его брат — человек могучий, рыцарь из рыцарей, бесстрашный, благородный воин с открытым сердцем. Такого рыцаря могла полюбить каждая девушка. И он тоже любил

Розамунду! Годвин был уверен в этом. А Розамунда? Разве она не любит Вульфа? Ревность охватила душу Годвина. Да, даже здесь черная зависть зашевелилась в его сердце, и ему стало так больно, что холодный пот оросил его лицо и тело.

Оставить надежду, бежать, боясь поражения? Нет, он будет действовать честно и, если потерпит неудачу, встретит свою судьбу, как это подобает храброму рыцарю: без горечи, но и без стыда. Пусть судьба решает. Все в ее воле. И, протянув руки, он обнял коленопреклоненного брата и не выпускал его из объятий, пока голова усталого Вульфа не склонилась к его плечу, точно головка ребенка к груди матери.

— О Иисус, — простонало бедное сердце Годвина, — дай мне силу победить грешную любовь, которая может довести меня до ненависти к любимому брату. О Иисус, дай мне силу вынести горе, если она предпочтет его мне! Сделай меня совершенным рыцарем, сильным против страданий и в случае нужды способным радоваться радостью того, кто победит меня.

Началось серое утро, свет солнца упал сквозь восточное окошко и, как золотое копье, пронизал продолговатую церковь, выстроенную в форме креста; теперь сумрак наполнял только ее приделы. Послышались звуки пения, и в западную дверь вошел приор в полном облачении, окруженный монахами с кадилами в руках. В средней части церкви он остановился и прошел в исповедальню, позвав за собой Годвина.

Молодой человек преклонил колени перед аббатом и излил перед ним всю душу, исповедался во всех своих грехах. Их было немного. Рассказал он также о своем видении, которое заставило приоря задуматься, открыл свою глубокую любовь к Розамунде, свои надежды, опасения, желание быть воином, хотя раньше, в юности, он стремился стать монахом, прибавив, что желает не проливать попросту кровь, а биться с неверными во имя креста Господня, и закончил восклицанием:

— Дайте мне совет, отец мой, дайте мне совет!

— Лучший советчик — ваше собственное сердце, — был ответ священника. — Идите, куда оно зовет вас, и знайте, что через него вами руководит Господь. Не бойтесь неудач. Однако если любовь и радости жизни покинут вас, вернитесь сюда, и мы снова поговорим. Идите, чистый рыцарь Христов, ничего не бойтесь, и да будет над вами благословение Христа и Его церкви!

— Какую епитимью должен я выполнить, отец мой?

— Такие души, как ваша, сами налагают на себя епитимью. Святые не позволяют мне прибавить что-нибудь, — послышался короткий ответ.

С облегченным сердцем вернулся Годвин к решетке алтаря, а Вульф, в

свою очередь, занял его место в исповедальне. Нам нечего говорить о грехах, в которых признался он. Такие прегрешения бывают у всех молодых людей, и ни одно из них не было слишком тяжело. Но все же раньше, чем дать Вульфу отпущение, добрый приор велел ему меньше думать о теле и больше — о духе, меньше о славе подвигов с оружием в руках, больше — об истинных целях этих подвигов. Кроме того, он посоветовал ему смотреть на своего брата Годвина как на земного руководителя и пример, потому что, по его мнению, на земле не было лучшего или более мудрого молодого человека. Наконец Джон отпустил Вульфа, сказав ему, что, если он последует данным ему советам, он достигнет великой славы на земле и на небесах.

— Отец мой, я буду стремиться к этому всеми силами, — смиренно ответил Вульф, — но на земле не может быть двух Годвинов! Иногда, отец мой, я боюсь, что наши пути столкнутся, потому что худо, когда два человека добиваются любви одной и той же девушки.

— Я знаю все, — тревожно произнес приор, — и если бы вы были людьми менее благородными, это могло бы казаться серьезным. Но когда дело дойдет до минуты решения, пусть благородная леди поступит согласно велению своего сердца, и да останется потерявший ее таким же честным в печали, каким он был в радости. Конечно, вы не воспользуетесь преимуществом в час искушения и не будете питать горечи против брата, если она сделается его невестой.

— И я в этом уверен, — согласился Вульф. — А также и в том, что мы, любившие друг друга с самого рождения, скорее умрем, чем изменим один другому.

— Я тоже так думаю, — ответил приор. — Но Сатана силен!

Вульф тоже вернулся к решетке алтаря. Служили мессу, неопиты приняли святое таинство, потом по заведенному порядку были сделаны приношения. После обедни молодых людей отвели в аббатство, чтобы они могли отдохнуть и немного поесть после долгого ночного бдения в холодной церкви. Братья сидели в комнате приора, и каждый думал о своем. Наконец Вульф, который, казалось, чувствовал себя беспокойно, поднялся с места, положил руку на плечо Годвина и признался:

— Не могу больше молчать. Со мной всегда так — то, что у меня на уме, должно вылиться в словах. Мне нужно поговорить с тобой.

— Говори, Вульф, — сказал Годвин.

Вульф снова опустился на стул и несколько мгновений не двигался, устремив взгляд куда-то в пространство, ему трудно было начать говорить. Годвин читал в душе брата, как по книге, но Вульф не умел угадать мыслей

Годвина, хотя обычно они понимали друг друга без слов и их сердца бывали открыты одно для другого.

— Поговорить о нашей кузине Розамунде, не правда ли? — спросил Годвин.

— Да о чем же иначе?

— И ты хочешь сказать мне, что любишь ее, что теперь, когда ты рыцарь... почти... и тебе скоро минет двадцать пять лет, ты попросишь ее сделаться твоей невестой?

— Да, Годвин, любовь вошла в мое сердце, когда она пустила своего серого в воду и мне показалось, что я уже никогда не увижу ее больше. Скажу тебе, я почувствовал, что без нее не стоит жить.

— Тогда, Вульф, — медленно проговорил Годвин, — о чем еще говорить? Спроси ее — и будь счастлив. Почему бы нет? У нас есть земли, хотя их и немного, а у Розамунды не будет недостатка в них. Я думаю также, что и дядя не откажет тебе, если она захочет этого, так как ты самый благородный и храбрый человек во всей нашей округе.

— За исключением моего брата Годвина, который совершенно так же отважен да вдобавок еще добр и учен, чего нельзя сказать обо мне, — задумчиво произнес Вульф.

Несколько мгновений оба молчали. Наконец Вульф снова заговорил:

— Годвин, несчастье в том, что ты тоже любишь ее и там, на молу, тебя посетили те же самые мысли.

Годвин слегка покраснел, и его тонкие длинные пальцы сильнее сжали колено.

— Ты угадал, — спокойно ответил он. — К сожалению, ты угадал. Но Розамунда не знает ничего об этом и никогда не узнает, если ты сумеешь удержать свой язык. Тебе не придется также никогда ревновать...

— Что же ты посоветуешь мне делать? — горячо спросил Вульф.

— Постараться завоевать ее сердце, и, может быть, — хотя в этом я сомневаюсь, — позволить ей отдать его мне, так как она думает, что тебе до нее нет дела?

— Почему бы и нет? — снова повторил Годвин со вздохом. — Может быть, это избавит ее от печали, тебя от сомнений и яснее наметит мой путь. Брак для тебя значит больше, чем для меня, Вульф, я иногда думаю, что меч должен быть моим единственным спутником жизни, а долг — моей единственной целью.

— У тебя золотое сердце, и даже теперь ты не хочешь преградить путь брату, которого ты любишь! Нет, Годвин, так же верно, как то, что я грешник или что я ее люблю больше всего на свете, — я не хочу вести

такую трусливую игру и победить человека, не желающего поднять меча из опасения меня ранить. Скорее я прощусь со всеми вами и отправлюсь искать счастья или смерти в боях, не сказав ей ни слова.

— И, может быть, оставишь Розамунду в печали? О, если бы мы знали наверно, что она не думает ни об одном из нас, нам обоим было бы лучше уехать. Но, Вульф, мы не знаем этого. По чести, мне казалось иногда, что она любит тебя.

— А иногда, говоря по чести, Годвин, я был уверен, что она любит тебя, хотя мне хотелось бы попытаться счастья и узнать все из ее собственных уст. Но при таких условиях я этого не сделаю.

— Чего же ты хотел бы, Вульф?

— Попросить нашего дядю позволить нам обоим поговорить с ней; ты, как старший, пошел бы к ней первый и предложил бы ей подумать о твоих словах и через день дать ответ. Потом, раньше чем окончился бы этот день, я тоже поговорил бы с ней, чтобы она узнала всю правду и приступила к решению с открытыми глазами, с ясным умом, ведь в противном случае она могла бы подумать, что мы знаем намерения друг друга и что ты просишь ее руки, так как я не хочу сделать этого.

— Это честно, — признал Годвин, — и достойно тебя, честнейшего из людей, а между тем, Вульф, я смущен. Видишь ли, мне кажется, на свете еще не было братьев, которые так любили бы друг друга, как мы с тобой. Неужели тень земной любви падет на нас и омрачит нашу дружбу, такую ясную, такую драгоценную?

— Почему? Полно, Годвин, решим, что этого никогда не случится и, с помощью небес, покажем миру, что два человека могут любить одну и ту же даму и оставаться друзьями, не зная, которого из них она выберет — если она захочет избрать кого-нибудь из нас. Ведь, Годвин, не мы одни смотрели или будем смотреть на высокорожденную, богатую и красивую леди Розамунду. Хочешь заключить такой договор?

Подумав немного, Годвин сказал:

— Да, но это будет серьезный договор, который ради Розамунды и ради нас самих мы никогда не нарушим, не обесчестив себя.

— Так и будет, — подтвердил Вульф. — Ведь мы взрослые люди, а не дети, которые забавляются шуточными выдумками.

Годвин поднялся, подошел к двери, приказал своему оруженосцу, ждавшему снаружи, позвать приора Джона, сказав, что они с братом хотят посоветоваться с настоятелем об одном деле. Джон пришел; тогда, стоя перед ним с опущенной головой, Годвин рассказал ему все, и старик, знавший уже многое, быстро понял остальное; сообщил ему молодой

человек также и то, что они с братом задумали. На вопрос приора Вульф ответил, что все сказанное верно и что Годвин ничего не утаил. Потом братья спросили аббата, законно ли принести такую клятву, и он ответил, что это не только законно, но и хорошо.

В конце концов братья рука об руку опустили перед святым крестом, стоявшим в комнате, и в один голос слово за словом повторили клятву, которую произнес приор.

— Мы, братья Годвин и Вульф д'Арси, клянемся святым крестом Христовым, святым патроном этого места, святой Марией Магдалиной и нашими собственными покровителями, святыми Петром и Чедом, стоя перед лицом Бога, наших ангелов-хранителей и вашим, Джон, что, любя нашу двоюродную сестру Розамунду д'Арси, мы оба попросим ее руки в тех словах, как согласились сделать это, что мы подчинимся ее решению, и если она изберет кого-нибудь из нас, то не будем стараться увлечь ее или изменить ее намерения при помощи каких-либо других средств ни тайно, ни открыто; что тот из нас, кому она откажет, делается для нее только братом, не более, хотя бы Сатана старался искушать его; что, насколько это возможно для нас, простых грешных людей, мы не позволим ни горечи, ни ревности заползти в наши сердца и разделить нас; что во время войны или мира мы останемся друг для друга верными товарищами и братьями. В этом мы клянемся с открытым сердцем и твердо; в знак святости и соглашения, зная, что тот, кто нарушит клятву, будет обесчещенным рыцарем и сосудом гнева Божия, целуем распятие и друг друга.

Братья исполнили сказанное и с легким сердцем и радостными лицами стали под благословение приора, крестившего их в младенчестве, а потом отправились навстречу обществу, которое выехало, чтобы проводить их в Стипль, где должно было совершиться само посвящение.

Итак, д'Арси наконец двинулись в Стипль. Перед ними ехали их оруженосцы с непокрытыми головами и держали за концы ножен их мечи, на рукоятках которых висели золотые шпоры. Главная нижняя зала Холла была убрана для большого пира. Между столами и помостом оставили свободное пространство, и братьев повели туда. Вперед выступили вооруженные с ног до головы сэр Энтони де Мандевиль и сэр Роджер де Мерси и поднесли сэру Эндрью д'Арси, стоявшему на краю возвышения тоже в полных доспехах, мечи его племянников и шпоры; шпоры он отдал обратно, попросив прикрепить их к обуви кандидатов. Когда это было сделано, приор Джон благословил мечи, а сэр Эндрью, прикрепив их к поясам своих племянников, сказал:

— Возьмите обратно мечи, которыми вы действовали так хорошо.

И он обнажил свое собственное оружие — меч с серебряной рукояткой, оружие, принадлежавшее его отцу и деду, и, когда Вульф и Годвин преклонили перед ним колени, каждого троекратно ударил им по плечу, произнося громким голосом:

— Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия, посвящаю вас в рыцари. Да будете вы рыцарями доблестными!

Теперь в качестве ближайшей родственницы новоиспеченных рыцарей вышла Розамунда и с помощью других дам надела на них их кольчуги, стальные шлемы и щиты в форме летучих змеев, украшенные гербовым черепом, эмблемой их рода. Когда и это было сделано, они, следуя за музыкантами, прошли в церковь Стипля, отстоящую от Холла сотни на две шагов, там братья положили свои мечи на алтарь и вскоре снова взяли их, произнеся клятву быть верными слугами Христа и защитниками церкви.

При выходе из церковных дверей их встретил повар со своим ножом и потребовал столько денег, сколько стоили их шпоры, а в заключение громко произнес:

— Если кто-нибудь из вас, молодые рыцари, совершит поступок, недостойный чести и произнесенных вами клятв, — да сохранят вас от этого Бог и Его святые! — я вот этим ножом отрублю шпоры от ваших каблуков.

Таким образом закончилась длинная церемония, и начался пышнейший пир; за высоким столом сидело много благородных рыцарей и дам, за столом нижним пировали оруженосцы и другие джентльмены, вне замка — арендаторы и крестьяне; детей и стариков угощали в средней части самой церкви. Когда наконец последнее кушанье было подано, расчистили середину залы Холла, мужчины пили, менестрели играли и пели. Вино и крепкое пиво развеселили всех, между гостями начались толки, кто из двух братьев — сэр Годвин или сэр Вульф — храбрее, красивее, ученее и вежливее другого.

Один рыцарь — сэр Сьюрин де Солкот, заметив, что спор делается жарким и может довести до ударов мечами, поднялся с места и объявил, что спорный вопрос должна решить прекрасная дама и что лучше всех об этом может судить та красавица, которую молодые д'Арси спасли от грабителей на моле бухты Смерти, и все закричали: «Да, пусть она скажет свое слово». Так было решено, что Розамунда отдаст свой шейный платок храбрейшему из двух, кубок вина — самому красивому, а книгу молитв — самому ученому.

Розамунда видела, что ей ничего не остается делать: за исключением сэра Эндрью, Годвина и Вульфа, большей части дам и ее самой, пившей

только воду, все благородные рыцари и простые люди уже разгорячились от вина и стали требовательны. Она сняла шелковый платочек с шеи и, подойдя к краю помоста, на котором сидели молодые д'Арси, в нерешительности остановилась перед своими двоюродными братьями: бедняжка не знала, кому из них отдать платок. Но Годвин что-то шепнул Вульффу; они оба протянули правые руки, схватили за два края платок, который она поднесла теперь к ним, и, разорвав его пополам, обвинили этими обрывками рукоятки своих мечей. Видя их находчивость, все засмеялись и закричали:

— Вина красивейшему из двух. Уж его они не поделят!

Розамунда подумала с минуту, потом подняла большой серебряный кубок, самый широкий из стоявших на столе, наполнила его до краев вином, снова подошла к помосту, как бы в раздумье, и поднесла чашу братьям. Годвин и Вульф в одно мгновение наклонились к ней, и оба коснулись губами вина. Снова послышался громкий смех, и даже Розамунда улыбнулась.

— Книга, книга! — закричали гости. — Книгу молитв они не посмеют разорвать.

В третий раз — с книгой в руках — подошла Розамунда.

— Рыцари, — обратилась она к ним, — вы разорвали платок, вы выпили вино. Теперь я предлагаю святую книгу тому из вас, кто читает лучше.

— Отдайте ее Годвину, — предложил Вульф. — Я воин, а не писец!

— Хорошо сказано, хорошо сказано, — еще громче закричали пирующие. — Нам нужен меч, а не перо.

Но Розамунда повернулась к ним и возразила:

— Тот, кто поднимет меч, храбр, тот, кто может управлять пером, мудр, но лучше всех человек, который может управлять и пером, и мечом, как мой двоюродный брат Годвин, храбрый и ученый.

— Слушайте, слушайте ее! — закричали гости, ударяя рогами, полными вина, о стол. Когда же наступила тишина, один женский голос произнес:

— Велико счастье сэра Годвина, но мне милее сильные руки сэра Вульфа.

После этого снова начались возлияния, и Розамунда и другие дамы ушли из зала. То были грубые, жестокие времена.

На следующий день, когда большая часть гостей разъехалась, причем многие с головной болью, Годвин и Вульф прошли в солар к дяде сэру Эндрью. Братья знали, что Розамунда была в церкви с двумя служанками и

убирала ее после крестьянского пира, происходившего в средней ее части. Братья подошли к дубовому креслу старика, которое стояло против открытого очага, снабженного трубой (это было редкостью в те времена), и преклонили колени.

— В чем дело, племянники? — с улыбкой спросил сэр Эндрью. — Вам, кажется, хочется, чтобы я снова посвятил вас в рыцари?

— Нет, сэр, — ответил Годвин. — Мы думаем о гораздо большей милости.

— Напрасно думаете, такой не существует.

— О милости другого рода, — заметил Вульф.

Сэр Эндрью подергал себя за бороду, глядя на молодых людей. Может быть, приор Джон уже шепнул ему словечко и он угадывал, о чем заговорят они.

— В чем дело? — обратился он к Годвину. — Я дам вам любой дар, если это будет в моей власти.

— Сэр, — сказал Годвин, — мы хотим попросить вас позволить нам посвататься к вашей дочери.

— Как? Обоим?

— Да, сэр.

Тут сэр Эндрью, который смеялся редко, громко расхохотался.

— Ну, признаюсь, — сказал он, — много странностей видывал я на свете, а о такой и не слыхал. Как! Два рыцаря сразу хотят предложить свою руку одной девушке!

— Это только кажется странным, — заметил Годвин, — но вы поймете все, выслушав нас.

И старый д'Арси выслушал рассказ о том, что произошло между братьями, и об их торжественной клятве.

— Вы были благородны и в этом случае, как во всех других, — заметил сэр Эндрью, когда они умолкли, — но, может, принесенный обет одному из вас покажется трудным для исполнения. Клянусь всеми святыми, племянники, вы были вполне правы, говоря, что просите у меня больше милости. Знаете ли (хотя я ничего не говорил вам об этом), что, не упоминая о низком Лозеле, еще двое из важнейших людей нашей страны уже искали руки моей дочери, леди Розамунды.

— Это легко могло быть, — сказал Вульф.

— Так и было, а теперь я скажу вам, почему ни тот, ни другой не сделался ее мужем, хотя до известной степени я желал этого. По очень простой причине. Я сказал Розамунде об их просьбе, но она не пожелала принять предложение того или другого... А я... Ее мать вышла замуж по

влечению сердца, и я поклялся, что и дочь поступит так же, потому что лучше сделаться монахиней, чем вступить в брак без любви.

Теперь посмотрим, что вы можете дать ей. Вы хорошего рода, со стороны матери в ваших жилах течет кровь Улуина, с отцовской — моя, следовательно, ее собственная. В качестве оруженосцев при ваших «воспреемниках», рыцарях сэре Энтони де Мандевиле и сэре Роджере де Мерси, вы храбро держались во время шотландской войны; наш господин, король Генрих, вспомнил об этом и потому так охотно согласился на мою просьбу. Позже, несмотря на вашу нелюбовь к мирной жизни, вы исполнили мое желание — отдыхали здесь со мной и не совершали других военных подвигов, кроме того, который прославил вас два месяца тому назад, дал вам возможность сделаться рыцарями, а теперь дает некоторые права на Розамунду.

С другой стороны — у вас немного земель и других богатств, так как ваш отец был младшим в семье. За пределами нашего графства вы неизвестны, ваши подвиги еще впереди — я не считаю шотландских битв, вы тогда были еще мальчиками. Между тем девушка, руки которой вы ищете, принадлежит к числу самых красивых, благородных и ученых дам в округе, потому что я, обладая некоторыми познаниями, сам учил ее. Кроме того, у меня нет наследника, и, следовательно, она будет богата. Но что же можете вы предложить за все это?

— Себя! — смело ответил Вульф. — Мы истинные рыцари, вы знаете все хорошее и все дурное, что в нас есть... и мы любим ее. Мы узнали это на берегу бухты Смерти, хотя до тех пор смотрели на нее только как на сестру.

— Да, — прибавил Годвин, — когда она благословила нас обоих, в наших сердцах как бы вспыхнул свет.

— Встаньте, — сказал сэр Эндрью, — и дайте мне взглянуть на вас.

Братья поднялись и остановились рядом, освещенные пылающим камином, потому что свет солнца едва проникал сквозь узкие окна.

— Молодцы, молодцы, — произнес старейший рыцарь. — Вы похожи друг на друга, как два зернышка пшеницы из одного колоса. Оба рослые, оба широкоплечие, хотя Вульф несколько выше и сильнее. У обоих светлые, волнистые волосы, только там, где тебя ранил меч, Годвин, виднеется белая прядь. У Годвина серые, грезящие глаза, у Вульфа синие, блестящие как мечи. Ах, Вульф, у твоего дедушки были такие же глаза, и мне рассказывали, что в тот день, когда при взятии Иерусалима он соскочил с башни на стену, сарацинам не понравился свет, сверкавший в них. Не любил этого блеска и я, его сын, когда он, бывало, сердился. Вы

оба молоды, но сэр Вульф более воинствен, а сэр Годвин более мягок. Ну, скажите, что должно больше нравиться даме?

— Это зависит от женщины, — заявил Годвин, и в его глазах сразу появилось мечтательное выражение.

— Это мы постараемся узнать до наступления ночи, если вы позволите нам, — прибавил Вульф, — хотя у меня мало надежды на успех.

— Да, да, перед нами загадка. И я не завидую той, которой придется отвечать на нее, потому что разрешение вопроса может смутить девичий ум. Когда она выскажется, никто не будет знать, выбрала ли она то, что даст ей мир душевный. Не лучше ли мне запретить им задать эту загадку, — произнес он, как бы говоря сам с собой.

Старик задумался. Братья вздрогнули, им показалось, что ему хочется отказать им.

Наконец сэр Эндрью снова поднял голову:

— Нет, пусть будет, как желает Господь, держащий грядущее в Своих руках. Племянники, вы хорошие, верные рыцари, и каждый из вас может прекрасно охранять ее, — а ей нужна охрана; вы — сыновья моего единственного брата, которому я обещал заботиться о вас. Главное же, я люблю вас обоих одинаково сильно, а потому пусть будет по-вашему: идите, попытайтесь получить счастье из рук моей дочери Розамунды, как вы согласились сделать это. Пусть первый идет Годвин, потом ты, Вульф. Нет, не благодарите меня. Идите же скорее. Мои часы сочтены, и я хочу узнать, как она решит эту задачу.

Братья поклонились и вышли из солара. В дверях Холла Вульф остановился:

— Розамунда в церкви. Иди за ней и... О, я хотел бы пожелать тебе счастья, но прости, Годвин, не могу... Боюсь, что край тени земной любви, о которой ты говорил, уже касается моего сердца, леденит его.

— Тени нет, — возразил Годвин, — повсюду свет — и теперь, и в будущем, как мы поклялись в том.

Было три часа пополудни; снежные облака затемняли последний серый свет декабрьского дня, когда Годвин, желая удлинить путь, шел через луг к стипльской церкви. В ее дверях он встретил двух служанок, которые вышли на паперть со щетками в руках, неся корзину, полную остатков еды и всякого сора. Молодой человек спросил у них, в церкви ли еще леди Розамунда, и они ответили с поклоном:

— Да, сэр Годвин, леди Розамунда приказала нам попросить вас прийти за ней и, когда она окончит молиться перед алтарем, проводить ее в Холл.

«Кто знает, — подумал Годвин, — провожу ли я ее от алтаря в Холл или останусь один в церкви?»

И все-таки ему показалось хорошим признаком, что Розамунда попросила его прийти, хотя другие, может быть, придали бы другое значение этой просьбе.

Годвин вошел в церковь, он осторожно ступал по тростнику, которым был устлан пол средней церковной части, и при свете неугасимой лампы увидел Розамунду; она стояла перед небольшой ракой, ее грациозная головка склонилась на руки, и она горячо молилась. «О чем? — подумал он. — О чем?»

Она не слышала ничего, и, подойдя к алтарю, д'Арси остановился в нетерпеливом ожидании. Наконец Розамунда глубоко вздохнула, поднялась с колен и повернулась к нему; при свете лампы он увидел на ее лице следы слез. Может быть, и она говорила с приором Джоном, который был также и ее духовником. Кто знает! По крайней мере, взглянув на Годвина, как статуя стоявшего перед ней, она вздрогнула, и с ее губ сорвались слова:

— О, как скоро! — Но, овладев собой, она прибавила: — Как скоро вы пришли по моей просьбе, кузен.

— Я встретил служанок у дверей, — сказал он.

— Как хорошо, что вы пришли, — продолжала Розамунда. — Но, право, после того дня на молу мне страшно пройти хотя бы расстояние полета стрелы с одними женщинами, с вами же я чувствую себя в безопасности.

— Со мной или с Вульфом?

— Да, и с Вульфом, — повторила она, — конечно, когда он не говорит о войнах или приключениях в далеких странах.

Они подошли к portalу церкви и увидели, что на землю падают большие хлопья снега.

— Останемся на минуту здесь, — предложил Годвин. — Это только проходящее облако.

Они остановились в полутьме, и некоторое время никто из них не говорил; наконец Годвин произнес:

— Розамунда, двоюродная моя сестра и леди, я пришел, чтобы задать вам один вопрос, но прежде (почему я говорю это, вы поймете потом) я обязан попросить вас ответить мне на него не раньше чем через сутки.

— Это легко обещать, Годвин. Но что это за удивительный вопрос, на который нельзя ответить?

— Вопрос короток и прост. Согласитесь ли вы быть моей женой, Розамунда?

Она отшатнулась к стене портала.

— Мой отец...

— Розамунда, я говорю с его позволения.

— Могу ли я ответить, раз вы сами запретили мне говорить.

— Только до завтрашнего дня. Тем не менее прошу вас выслушать меня, Розамунда. Я ваш двоюродный брат, и мы росли вместе: ведь за исключением того времени, когда я был на войне в Шотландии, мы никогда не расставались. Поэтому мы хорошо знаем друг друга, так хорошо, как обычно не знают друг друга люди, не соединенные браком. Поэтому также для вас не тайна, что я всегда любил вас, сначала как брат любит сестру, теперь же как жених любит невесту.

— Нет, Годвин, я этого не знала, напротив, я всегда думала, что ваше сердце совсем в другом месте.

— В другом месте? Какая же дама...

— Нет, я думала, что оно приковано не к даме, а к вашим мечтам.

— Мечтам? Мечтам о чем?

— Я не знаю этого. Может быть, о том, что не связано с землей, о том, что выше бедной девушки.

— До известной степени вы правы, кузина, потому что я не только люблю земную девушку, но и ее дух. Да, вы моя мечта, поистине мечта, символ всего благородного, высокого, чистого. В вас и через вас, Розамунда, я поклоняюсь Небу, которое надеюсь разделить с вами.

— Мечта? Символ? Небеса? Разве такими блестящими одеждами можно украшать образ женщины? Право, когда обнаружится действительность, вы увидите, что мое лицо только череп в украшенной камнями маске, и возненавидите меня за обман, хотя не я обманула вас, а вы сами, Годвин. Только ангел может явиться в том образе, который рисует ваше воображение. — Ваше лицо станет ликом ангела.

— Ангела? Почем вы знаете? Я наполовину восточного происхождения, и по временам во мне клокочет кровь. Мне тоже являются видения. Кажется, я люблю власть, прелести и восторги жизни, жизни, не похожей на нашу. Уверены ли вы, Годвин, что мое бедное лицо сделается ангельским ликом?

— Я хотел быть уверенным в чем-нибудь. Во всяком случае, я хотел бы подвергнуть себя и вас такому испытанию.

— Подумайте о вашей душе, Годвин. Она может поблекнуть. Этой опасности вы не решитесь подвергнуть себя ради меня, правда?

Он задумался, потом ответил:

— Нет, ваша душа — часть моей, и поэтому я не хотел бы

подвергнуться опасности, Розамунда.

— Мне мил этот ответ, — сказала она. — Да, милее всего, что вы говорили раньше, потому что в нем звучала правда. Вы вполне честный рыцарь, и я горжусь, очень горжусь вашей любовью, хотя, может быть, было бы лучше, если бы вы не полюбили меня.

И она слегка преклонила перед ним колено.

— Что бы ни случилось, перед лицом жизни или смерти, эти слова будут для меня счастьем, Розамунда.

Она порывисто схватила его за руку.

— Ах, что случится! Мне кажется, грядут великие события для вас и для меня. Вспомните, в моих жилах наполовину восточная кровь, а мы, дети Востока, чувствуем тень будущего раньше, чем оно налагает на нас свою руку и делается настоящим. Я боюсь того, что наступит, Годвин, повторяю, боюсь.

— Не бойтесь, Розамунда, зачем бояться? В руках Божьих лежит свиток наших жизней и Его намерений. Образы, которые мы видим, слова, которые мы угадываем, могут быть ужасны, но Тот, Кто начертал их, знает конец всего — знает, что этот конец — благо. Поэтому не бойтесь, читайте без смущения, не думая о завтрашнем дне.

Она с удивлением взглянула на него и спросила:

— Это речь жениха или святого в одежде мрачной? Не знаю. И знаете ли вы сами? Но вы сказали, что любите меня, что хотели бы обвенчаться со мной, и я верю вам, знаю я также, что женщина, которая сделается женой Годвина, будет счастлива, потому что таких людей очень мало. Но мне запрещено отвечать до завтра. Хорошо же, я отвечу в свое время. До тех пор будьте тем, чем были прежде... Снег перестал падать, проводите меня до дома, мой двоюродный брат Годвин.

В темноте, среди холода они направились домой, окруженные стонущим ветром, и, не говоря ни слова, вошли в большую переднюю залу, где посредине в очаге горел огонь и пламя с шумом взвивалось к отверстию в крыше, через которое выходил дым. Приятно было смотреть на огонь после зимней ночи.

Перед огнем стоял Вульф, жизнерадостный, как всегда, и веселый, хотя брови его были нахмурены. При виде брата Годвин повернулся к большой двери и, пробыв несколько мгновений в свете, снова исчез в темноте. За ним затворилась тяжелая створка. Розамунда подошла к очагу.

— Вы, кажется, озябли, кухня? — спросил Вульф, всматриваясь в ее лицо. — Годвин слишком долго задержал вас в церкви, попросив помолиться вместе с ним. Такая уж у него привычка! Я сам страдал от нее.

Присядьте же, согрейтесь.

Розамунда молча повиновалась и, распахнув свой меховой плащ, протянула руки к пламени, которое играло на ее смуглом красивом лице. Вульф оглянулся. В комнате не было никого. Тогда он снова посмотрел на Розамунду.

— Я рад случаю поговорить с вами наедине, кузина, потому что мне нужно задать вам один вопрос. Но я должен попросить вас не отвечать мне на него, пока не пройдут двадцать четыре часа.

— Согласна, — сказала она. — Я уже дала одно такое обещание, пусть оно послужит для обоих. Теперь я жду вопроса.

— Ах, — весело произнес Вульф, — я рад, что Годвин пошел первый, так как это избавляет меня от необходимости говорить: ведь у него это получается лучше, чем у меня.

— Не знаю, Вульф, во всяком случае, у вас больше слов, чем у него, — с легкой улыбкой заметила Розамунда.

— Может быть, и больше, только другого качества, вот что вы хотите сказать. Но, к счастью, в настоящую минуту дело не касается слов.

— А чего же, Вульф?

— Сердец. Вашего сердца, и моего сердца, и, полагаю, сердца Годвина, если оно у него есть... В этом смысле.

— Почему же можно думать, что у Годвина нет сердца?

— Почему? Ну, видите ли, теперь я ради себя должен умять достоинства Годвина, а потому объявляю, — хоть вы сами знаете это лучше, чем я, — что сердце Годвина похоже на сердце старого святого в хранилище реликвий в Стоунгейте, которое могло биться когда-то и, может быть, будет снова биться на небесах, но теперь мертво для всего земного.

Розамунда улыбнулась и подумала, что это мертвое сердце не особенно давно выказало признаки жизни, вслух же она только произнесла:

— Если вам нечего больше добавить о сердце Годвина, я пойду почитаю отцу, который ждет меня,

— Нет, нет, мне еще нужно сказать многое о моем собственном. — И Вульф внезапно сделался так серьезен, что все его большое тело задрожало. Стараясь заговорить, он только бормотал что-то несвязное. Наконец его мысли вылились в поток горячих слов.

— Я люблю вас, Розамунда, люблю! Я люблю все в вас. И всегда любил, хотя и не знал этого до дня... до того боя... И я всегда буду любить вас, и прошу вас быть моей женой... Я знаю, я грубый воин, с массой грехов, совсем не святой и не ученый, не то что Годвин... Но, клянусь, я буду всю жизнь вашим верным рыцарем; если святые даруют мне милость

и силу, я совершу великие подвиги в вашу честь и буду хорошо охранять вас. О, что еще можно сказать?

— Ничего, Вульф, — Розамунда подняла на него опущенные глаза. — Вы не хотели, чтобы я ответила вам, поэтому я только благодарю вас. Да, от всего сердца, хотя, право, мне грустно, что мы не можем больше быть братом и сестрой, как все эти долгие годы... Теперь уйдите.

— Нет, Розамунда, нет еще. Хотя вы ничего не можете говорить, вы могли бы знаком дать мне понять, что вы думаете. Я так мучаюсь и должен страдать до завтрашнего дня. Например, вы могли бы позволить мне поцеловать вашу руку... Ведь в договоре не говорилось о поцелуях.

— Я ничего не знаю о договоре, Вульф, — строго возразила Розамунда, хотя улыбка прокралась в уголки ее губ. — Во всяком случае, я не могу позволить вам дотронуться до моей руки.

— Тогда я поцелую ваше платье, — и, схватив уголок ее плаща, Вульф прижал его к своим губам.

— Вы сильны, Вульф, я слаба и не могу вырвать своей одежды из ваших рук, однако скажу вам, что этот поступок нисколько не поможет вам.

Плащ выпал из его пальцев.

— Простите. Я должен был помнить, что Годвин не зашел бы так далеко.

— Годвин, — сказала она, топнув ногой о пол, — дав обещание, держит его не только буквально, но и в душе.

— Думаю, что так. Видите, какво грешному человеку иметь братом и соперником святого. Нет, не сердитесь на меня, Розамунда, я не могу идти путями святых.

— Вам, Вульф, по крайней мере, незачем смеяться над теми, кто вступил на дорогу к совершенству.

— Я не насмехаюсь над ним. Я его люблю так же сильно... как вы. — И он пристально посмотрел ей в лицо.

Ее черты не изменились, потому что в сердце Розамунды крылись тайная сила и способность молчать, унаследованные ею от предков-аравитян, которые могут надевать непроницаемую маску на свое лицо.

— Я рада, что вы любите его, Вульф. Постарайтесь же никогда не забывать о своей любви и о долге.

— Так и будет; да, будет, даже если вы оттолкнете меня ради него.

— Какие черствые слова. Я не ждала их от вас, — мягко сказала она. — А теперь, дорогой Вульф, прощайте. Я устала...

— Завтра... — начал он.

— Да, — продолжила она своим волнующим низким голосом. —

Завтра я обязана говорить, а вы должны меня слушать.

Солнце снова совершило свой кругооборот, снова время подошло к четырем часам пополудни. Два брата стояли подле огня, пылавшего в Холле, и с сомнением смотрели друг на друга; такими же взглядами они обменивались в часы ночи, в течение которой ни один не смыкал глаз.

— Пора, — произнес наконец Вульф.

Годвин кивнул головой.

В это время по лесенке из солара сошла служанка, и д'Арси без слов поняли, зачем она приближается к ним.

— Кто? — спросил Вульф; Годвин только покачал головой.

— Сэр Эндрью велел мне передать, что он желает поговорить с вами обоими, — объявила служанка и ушла.

— Клянусь святыми, мне кажется, не избран ни тот ни другой, — с отрывистым смехом произнес Вульф.

— Может быть, — сказал Годвин, — и, может быть, это будет лучше для всех нас.

— Не нахожу, — согласился Вульф, вслед за братом поднимаясь по ступенькам.

Они прошли по коридору и закрыли за собой дверь. Перед ними был сэр Эндрью; он сидел в своем высоком кресле перед камином. Подле него, положив руку на его плечо, стояла Розамунда. Годвин и Вульф заметили, что она была одета в свое нарядное платье, и у обоих в голове шевельнулась горькая мысль, что она надела роскошные уборы, желая показать им, как хороша девушка, которую они должны потерять. Подходя, молодые д'Арси поклонились сначала ей, а потом дяде. Розамунда, подняв опущенные глаза, слегка улыбнулась им в виде приветствия.

— Говори, Розамунда, — произнес ее отец. — Этих рыцарей мучит неизвестность, и они страдают...

— Теперь последний удар, — пробормотал Вульф.

— Двоюродные братья, — начала Розамунда низким спокойным голосом, точно отвечая заученный урок. — Я посоветовалась с отцом о том, что вы мне сказали вчера, с отцом и с моим собственным сердцем. Вы сделали мне большую честь, а я люблю вас с детства, как сестра братьев. Не буду говорить много, скажу только, что, к сожалению, я ни одному из вас не могу дать того ответа, которого он желает.

— Действительно решительный удар, — мрачно вымолвил Вульф. — Сквозь латы и кольчугу он попал прямо в сердце.

Годвин только побледнел больше прежнего и ничего не сказал.

Несколько мгновений стояла тишина, и старый рыцарь исподлобья

смотрел на лица братьев, освещенные пламенем сальных свечей.

Наконец Годвин заговорил:

— Мы благодарим вас, кузина. Пойдем, Вульф, мы выслушали ответ.

— Не весь, — быстро перебила его Розамунда, и они снова вздохнули свободнее.

— Слушайте, — продолжала она. — Если угодно, я дам вам одно обещание, которое одобряет и мой отец. Ровно через два года в этот же самый день, если мы все трое будем еще живы и ваши намерения не изменятся, я скажу вам имя моего избранника и тотчас же обвенчаюсь с ним, чтобы никто не страдал больше...

— А если один из нас умрет? — спросил Годвин.

— Тогда, — ответила Розамунда, — я выйду замуж за другого, если он не посрамит своего имени и не совершит нерыцарского поступка.

— Извините меня, — начал Вульф, но, подняв руку, она остановила его и сказала:

— Вы находите, что я говорю странные вещи, и, может быть, вы правы. Но ведь все странно, и я в большом затруднении. Помните: вопрос идет о всей моей жизни, и я могу желать, чтобы мне дали время обдумать его решение. Ведь выбирать между такими двумя людьми, как вы, нелегко. Кроме того, мы все трое слишком молоды для брака. В течение двух лет я, может быть, узнаю, кто из вас наиболее достойный рыцарь.

— Итак, ни один из нас не значит для вас больше, чем другой? — прямо спросил Вульф.

Розамунда вспыхнула, говоря:

— Я не отвечу на этот вопрос.

— И Вульф не должен был задавать его, — вставил Годвин. — Брат, я понял Розамунду. Ей трудно сделать выбор между нами, а если она в сердце тайно уже и знает имя избранника, то по доброте своей не хочет нам показать этого и тем огорчить одного из нас. Вот почему она говорит: идите, рыцари, совершайте подвиги, достойные такой дамы, как я, и, может быть, тот, кто сделает величайшее деяние, получит великую награду. Я считаю ее решение мудрым и справедливым и подчиняюсь ему. Оно даже радует меня, ибо дает нам возможность показать нашей дорогой кузине и всем нашим товарищам, из какого теста мы сделаны, и случай постараться затмить друг друга подвигами, которые мы, как и всегда, будем совершать рука об руку.

— Хорошие мысли, — произнес сэр Эндрью. — Ну, что скажешь ты, Вульф?

Чувствуя, что Розамунда наблюдает за ним из-под тени своих длинных

ресниц, Вульф ответил:

— Видит Небо, я тоже доволен. В течение двух лет мы оба можем пасть на войне, по крайней мере, в эти два года любовь к женщине не разделит нас. Дядя, прошу отпустить меня на службу к моему возлюбленному господину в Нормандию.

— Я прошу о том же, — сказал Годвин.

— Весной, весной, — поспешно возразил сэр Эндрью. — Тогда король Генрих двинет в бой свои силы. До тех же пор оставайтесь здесь. Кто знает, что еще случится. Может быть, ваши руки понадобятся нам, как это было недавно. Надеюсь, теперь я не услышу больше ничего о любви и браке, словом, речей, которые смущают мой ум. Не скажу, чтобы все устроилось согласно моему желанию, но так хотела Розамунда, и этого достаточно для меня. Теперь кончено. Розамунда, отпусти своих рыцарей; будьте все трое как братья и сестра, пока не окончится двухлетний срок. Тогда оставшиеся в живых узнают разрешение загадки.

Розамунда вышла вперед и, не говоря ни слова, подала правую руку Годвину, а левую Вульфу, и позволила им прижать губы к своим пальцам. Так на время окончилось сватовство братьев д'Арси,

IV. Продавец вина

Братья вышли из солара. Теперь в их жизни явилась новая цель, которая вселяла в них стремление совершать великие подвиги и достичь желанного конца. И у них на сердце было веселее, чем утром, в обоих горела надежда, для обоих открывалась будущность...

Когда молодые рыцари спустились со ступеней, они увидели высокого человека, по-видимому пилигрима, в низкой шляпе с полями, спереди загнутыми вверх, с пальмовым посохом в руке и с флягой для воды на веревочном поясе.

— Чего вы ищите, святой пилигрим? — спросил Годвин, подходя к нему. — Вы просите ночлега в доме дяди?

Паломник поклонился и, подняв на него свои темные, похожие на бисерины глаза, которые почему-то показались Годвину знакомыми, скромно ответил:

— Именно так, благородный рыцарь. Я прошу приюта для себя и для своего мула, который стоит у порога. А также мне хотелось бы видеть сэра Эндрью д'Арси, мне нужно передать ему кое-что.

— Мул? — удивился Вульф. — Я всегда думал, что пилигримы странствуют пешком.

— Это верно, сэр рыцарь, но со мной кладь. О, конечно, не мои собственные вещи — все мое достояние на мне. Нет, я везу ящик, в котором лежит что-то неизвестное мне. И его мне поручено передать сэру Эндрью д'Арси, владельцу замка Стипль, а в случае смерти этого рыцаря — леди Розамунде, его дочери.

— Поручено? Кем? — еще больше удивился Вульф.

— Это, сэр, — ответил пилигрим с поклоном, — я скажу сэру Эндрью, который, как я слышал, еще жив. Позвольте ли вы мне внести ящик, а если позволите, не поможет ли мне один из ваших слуг — он очень тяжел.

— Мы сами поможем вам, — сказал Годвин.

Они втроем прошли во двор и там при слабом свете звезд увидели красивого мула, которого держал один из стипльских конюхов; на спине животного виднелся длинный ящик, обшитый полотном. Пилигрим отвязал его, взялся за один его конец, а Вульф, приказавший поставить мула в конюшню, поднял другой. Так они пошли в замок. Годвин двинулся впереди, чтобы предупредить дядю. Старик вышел из солара:

— Как вас зовут, пилигрим, и откуда этот ящик? — спросил он,

пристально глядя на паломника.

— Мое имя, сэра Эндрью, — произнес тот с низким поклоном, — Никлас из Солсбери; кто же послал меня, я прошепчу вам на ухо.

Он наклонился к старому д'Арси и шепнул ему что-то. Сэр Эндрью отшатнулся, точно пронзенный стрелой.

— Как? — начал он. — Вы, святой пилигрим, посланец... — И он внезапно умолк.

— Он держал меня в плену, — ответил паломник, — и человек, который никогда не нарушает данного слова, даровал мне жизнь (я был приговорен к смерти), с тем чтобы я отнес вам это и вернулся к нему с вашим... или с ее ответом. И я поклялся исполнить его желание.

— С ответом? На что?

— Я ничего не знаю. Мне известно только, что в ящике лежит письмо, о его содержании мне не сообщили, ведь я только гонец, давший клятву исполнить данное мне поручение. Откройте ящик, милорд... И если у вас есть что-нибудь съестное... Я долго путешествовал...

Сэр Эндрью подошел к двери, позвал слуг, велел им накормить пилигрима и побыть с ним, пока он будет утолять голод. Потом сказал, чтобы Годвин и Вульф отнесли ящик в солар, захватив с собой молоток и долото. Братья исполнили его приказание и поставили свою ношу на дубовый стол.

— Откройте, — приказал старый д'Арси.

Братья распоролы полотно, под ним оказался ящик из незнакомого им дерева, окованный железом; им пришлось долго работать, прежде чем они подняли крышку. Наконец ее сняли; в ящике скрывалась шкатулка, сделанная из полированного черного дерева и запечатанная по краям странными печатями. На ней висел серебряный замок с серебряным же ключом.

— По крайней мере, видно, что ее не открывали, — заметил Вульф, осматривая целые печати, но сэра Эндрью только повторял:

— Откройте. Торопитесь. Годвин, возьмите ключ... У меня руки дрожат от холода.

Ключ легко повернулся в замке: печати сломались, крышка откинулась на петлях, и в ту же минуту комната наполнилась тонким ароматом. Под крышкой лежал продолговатый кусок расшитой шелковой материи, поверх ткани виднелся пергамент.

Сэр Эндрью оборвал нитку, которая сдерживала свернутый в трубку пергамент, снял с него печать и расправил лист, покрытый странными буквами. В шкатулке лежал и другой сверток, без печати, написанный на

французском языке. В начале его стояла надпись:

Перевод письма на тот случай, если рыцарь сэра Эндрью д'Арси позабыл арабский язык или его дочь леди Розамунда не научилась владеть им.

Сэр Эндрью пробежал глазами эти строки и заметил:

— Нет, я не позабыл арабского языка; пока была жива моя леди, мы почти всегда говорили с ней на ее родном наречии и передали наши знания Розамунде. Но уже темно... Ты, Годвин, ученый, прочти мне французское письмо. После можно будет сличить рукописи.

В эту минуту из своей комнаты вышла Розамунда и, увидев, что ее отец и двоюродные братья заняты каким-то странным делом, спросила:

— Вам угодно, чтобы я ушла, отец?

— Нет, дочь моя, — ответил сэр Эндрью. — Остайся. Мне кажется, это дело касается тебя столько же, сколько и меня. Читай, Годвин.

И Годвин прочел:

Во имя Аллаха, милосердного и сострадательного, я, Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб, повелитель верных, приказываю написать письмо, которое, запечатав собственной рукой, направляю к франкскому лорду, сэру Эндрью д'Арси, супругу моей сестры от другой матери, Зобейды, красивой и неверной, которой Аллах отомстил за ее грехи. Если он тоже умер, то к его дочери, моей племяннице по праву крови, принцессе Сирии и Египта, которую англичане зовут леди Розой Мира.

Сэр Эндрью, помните ли, как много лет тому назад, когда мы были еще друзьями, вы, отягченный болезнью и неволей, познакомились с сестрой моей Зобейдой, как Сатана вложил в ее сердце желание слушать ваши слова любви и она сделалась поклонницей креста, обвенчалась с вами по франкскому обряду и бежала в Англию? Помните, что хотя я не мог в то время увезти ее с вашего корабля, я послал вам письмо, говоря в нем, что, рано или поздно, я вырву ее из ваших рук и поступлю с ней так, как поступают у нас с неверными женщинами? Через шесть лет до меня дошли верные вести, что Аллах взял ее к себе, а потому я оплакал мою сестру и ее судьбу и позабыл о ней и о вас.

Знайτε, что рыцарь по имени Лозель, который живет в той части Англии, где стоит и ваш замок, сказал мне, что после Зобейды осталась красавица-дочь. Мое сердце, которое любило Зобейду, стремится теперь к этой никогда не виданной мной племяннице, потому что, хотя она и

поклонница креста, вы (за исключением поступка с ее матерью) всегда были храбрым и благородным рыцарем высокой крови, каким, насколько я помню, был и брат ваш, который пал в битве при Харенке.

Знайте теперь, что, достигнув по воле Аллаха высокого положения здесь, в Дамаске, и на всем Востоке, я желаю оказать вашей дочери честь и сделать ее принцессой моего дома. Я приглашаю ее приехать в Дамаск, а вместе с ней и вас, если вы еще живы. Кроме того, чтобы вы не боялись какого-нибудь обмана с моей стороны или со стороны моих наследников и советников, я именем Бога и словом Салах ад-Дина, еще никогда не нарушавшимся, обещаю вам не принуждать ее силой принять магометанство и не заставляя вступить в нежелательный для нее брак, хотя я и надеюсь, что милосердный Бог изменит ее сердце и она добровольно перейдет в нашу веру. Также я не буду мстить вам, сэр Эндрью, за ваш прошлый поступок, не потерплю, чтобы и другие причиняли вам зло; напротив, я подниму вас до высоких почестей и буду жить с вами в дружбе, как в былое время.

Если же мой гонец вернется и скажет, что моя племянница отказывается от этого предложения, предупреждаю: рука моя длинна, и я, конечно, достану ее.

Поэтому через год от того дня, в который я получу ответ леди, моей племянницы, называемой Розой Мира, мои посланцы явятся туда, где она будет жить, замужней или девицей, и привезут ее ко мне; если она согласится, то с почетом, а если не согласится — все-таки привезут. Теперь, в знак моей любви, я посылаю ей достойные ее дары и грамоту на титул принцессы и госпожи города Баальбека; этот титул и связанные с ним доходы и преимущества занесены в архивы моего государства и обязывают меня и моих преемников.

Мое письмо и дары доставит поклонник креста по имени Никлас. Ему же передайте и ваш ответ; он привезет его ко мне, так как дал клятву исполнить это и исполнит, зная, что если он нарушит данное слово, его постигнет смерть.

Подписано Салах ад-Дином, повелителем верных, в Дамаске, и запечатано его печатью в весеннее время года Хиджры 581.

Заметьте также следующее: раньше чем я подписал и запечатал это письмо, мне пришла мысль, что вы, сэр Эндрью, или вы, леди Роза Мира, можете найти странным, что я не жалею ни трудов, ни расходов ради девушки, не принадлежащей к моей вере, никогда не виданной мной, и

усомнитесь в моей честности. Узнайте же истинную причину моего стремления увидеть ее: с тех пор как я услышал, что на свете живете вы, леди Роза Мира, один и тот же сон, посланный мне Богом, трижды посетил меня; в грезе я трижды видел вас. И этот сон означал, что клятва, которую я произнес после бегства вашей матери, перешла на вас; дальше, что каким-то путем, еще не открытым мне, ваше присутствие здесь удержит меня от пролития моря крови и избавит мир от несчастий и бедствий. Итак, вы должны приехать и остаться в моем доме. Да будут Аллах и его пророк свидетелями, что все это верно.

Годвин опустил письмо, и все с изумлением переглянулись.

— Ну, конечно, — промолвил Вульф, — кто-то захотел сыграть с нашим дядей недобрую шутку.

Вместо ответа сэр Эндрью приказал ему поднять шелковую ткань, которая закрывала вещи, спрятанные в шкапулке, и осмотреть их. Вульф исполнил его приказание и откинул голову назад, точно ослепленный внезапным светом: из ящика ярко сверкнули драгоценности. Красные, зеленые и синие лучи рассыпались во все стороны, посреди камней тускло горело золото и матовым светом переливались белые жемчужины.

— О, какая красота, — прошептала Розамунда.

— Да, — подтвердил Годвин, — это достаточно красиво, чтобы смутить женский ум и заставить его перестать отличать хорошее от дурного.

Вульф же ничего не сказал. Он молча вынимал из ящика сокровища: корону, жемчужное ожерелье, шейное рубиновое украшение, сапфировый пояс, драгоценные браслеты для щиколоток ног, покрывала сандалии, платья и другие одежды из лилового шелка, вышитого золотом. Между ними, тоже запечатанная печатями Салах ад-Дина, его визирей, сановников и секретарей, лежала грамота с титулами Баальбекской принцессы, с определением размера и границ ее обширных владений, с суммой ее неслыханно большого ежегодного дохода.

— Я ошибся, — произнес Вульф. — Даже восточный султан не мог бы позволить себе такой дорогой шутки.

— Шутка! — перебил его сэр Эндрью. — С первых же строк письма я понял, что это не шутка. Оно наполнено духом Салах ад-Дина, самого великого человека на земле, хотя он и сарацин; я, друг его юности, хорошо знаю это. Да, он прав. С его точки зрения, я погрешил против него, так же, как и его сестра, под влиянием нашей любви. Шутка? Нет, он не шутит; ночное видение, которое он считает голосом Бога, или слова звездочетов

глубоко взволновали его великую душу, и это заставило его сделать такой странный шаг.

Он замолчал, потом поднял голову и продолжал:

— Знаешь ли ты, дитя, кем тебя сделал Салах ад-Дин? В Европе много королев, которые были бы рады приобрести титул принцессы Баальбека и роскошные земли близ Дамаска. Я знаю и замок, о котором он говорит. Это величавое строение на берегу Оронта, и после военного губернатора (потому что этой власти Салах ад-Дин не отдаст христианину) ты будешь первой во всей стране. Печать Салах ад-Дина — самый верный залог в мире. Скажи, хочешь ты туда уехать и царить там?

Розамунда посмотрела на сверкающие драгоценности, на пергамент, который давал ей царское достоинство, и ее глаза вспыхнули, а грудь поднялась, как тогда, подле церкви на эсекском берегу. Все наблюдали за ней; она трижды посмотрела на привлекательные вещи, потом отвернулась, точно от великого искушения, и ответила только:

— Нет.

— Хорошо сказано, — удовлетворенно заключил сэр Эндрью, знавший ее характер и стремления. — Но если бы ты ответила не «нет», а «да», ты отправилась бы одна. Дай мне чернила и пергамент, Годвин.

Принесли то и другое. Старик написал:

Султану Салах ад-Дину от Эндрью д'Арси и его дочери Розамунды.

Мы получили Ваше письмо и отвечаем, что останемся там, где живем, и сохраним то положение, которое Господь даровал нам. Тем не менее мы благодарим Вас, султан, потому что считаем Вас честным, и желаем Вам всякого добра и удачи во всем, за исключением Ваших войн против креста. А Ваши угрозы постараемся разбить. Зная обычаи Востока, мы не отсылаем Вам обратно Ваших даров, потому что, сделав это, мы нанесли бы оскорбление одному из величайших людей во всем мире; но если Вы пожелаете потребовать их обратно, они Ваши, а не наши. Ваше сновидение мы считаем пустой ночной грезой, о которой мудрый человек забыл бы.

Ваш слуга и Ваша племянница

Под этими строками сэр Эндрью поставил свое имя, вслед за ним подписалась Розамунда, пергамент свернули, окружили шелковой материей и запечатали.

— Теперь, — сказал старик, — спрячьте все это богатство, потому что если люди узнают, что мы храним такие сокровища, все воры Англии посетят нас, и, думаю, в числе их окажутся люди с громкими именами.

Они сложили вышитые золотом одежды, бесценные золотые вещи и камни обратно в ларец, заперли его и поставили в окованный железом сундук, который стоял в спальне старого д'Арси.

Когда все было окончено, сэр Эндрью обратился к молодым людям:

— Теперь выслушайте меня, Розамунда, и вы тоже, племянники. Я никогда не рассказывал вам, как сестра Салах ад-Дина, Зобейда, дочь Айюба, впоследствии обращенная в нашу веру под именем Марли, стала моей женой. Но вы должны узнать все, хотя бы для того, чтобы увидеть, как сделанное зло обращается против человека. После того как великий Нур ад-Дин взял Дамаск, Айюб сделался губернатором этого города, потом, двадцать три года тому назад, был занят Харенк, и при этом пал мой брат. Во время битвы меня ранили, взяли в плен, отвезли в Дамаск и поместили во дворце Айюба, где со мной обходились хорошо. И пока я лежал больной, я подружился с молодым Салах ад-Дином и с его сестрой Зобейдой, которую позже тайно встречал в садах дворца. Остальное легко угадать, хотя я и был вдвое старше ее... Она любила меня так же, как я любил ее, и ради любви предложила переменить веру и бежать со мной в Англию, если представится удобный случай, что трудно было предполагать.

Случайно у меня был друг, таинственный человек по имени Джебал, молодой шейх ужасного племени, страшные обряды которого непонятны для христиан. Эти люди — подданные персиянина Магомета — живут в замках в Ливанских горах. Джебал был в союзе с франками, и как-то раз во время битвы я, рискуя жизнью, спас его от сарацин; тогда он поклялся, что если я когда-нибудь призову его к себе на помощь, он явится с края земли. В знак этого Джебал подарил мне свое кольцо-печать. Чудный перстень, по его словам, мог дать власть, равную его собственной, в его владениях, хотя я никогда не посещал их. Вы знаете это кольцо, — прибавил сэр Эндрью и, протянув руку, показал тяжелый золотой перстень с черным камнем, по которому бежали красные жилки, расположенные в форме кинжала; под кинжалом были вырезаны неизвестные буквы.

— В тяжелую минуту я подумал о Джебале и нашел возможность послать ему письмо, запечатав этим перстнем. Он не забыл о своем обещании: через двенадцать дней мы с Зобейдой мчались к Бейруту на двух таких быстроногих конях, что все всадники Айюба не могли догнать их. Мы доехали до этого города и обвенчались там. Розамунда, там же твоя мать приняла христианство. Нам нельзя было оставаться на Востоке, и мы сели на корабль, который благополучно донес нас до дому. Я увез с собой кольцо Джебала, не отдав его слугам этого человека; я хотел вручить его только ему лично. Перед отходом корабля посланец, переодетый рыбаком,

принес мне письмо от Айюба и его сына Салах ад-Дина, в нем они клялись, что все же вернут к себе Зобейду, дочь одного и сестру другого.

Вот вся правда. Вы видите, что они не забыли данной клятвы, хотя, узнав впоследствии о смерти моей жены, ничего не предприняли. С тех пор Салах ад-Дин, который во времена дружбы со мной был только благородным юношей, стал величайшим султаном, когда-либо царившим на Востоке, и, узнав о тебе, Розамунда, от предателя Лозеля, он хочет взять тебя к себе вместо твоей матери... И, дочь моя, откровенно сознаюсь, что мне страшно за тебя.

— Ну, по крайней мере, у нас есть еще год или больше. За это время мы можем подготовиться или скрыться, — сказала Розамунда. — Паломник не скоро доберется на Восток к Салах ад-Дину.

— Да, — согласился сэр Эндрью, — может быть, у нас есть еще год.

— А это нападение на молу? — спросил задумчиво сидевший Годвин. — Там упоминали о Лозеле... Однако, если в это нападение был замешан султан, странно, что удар был нанесен раньше, чем пришли письма.

Сэр Эндрью задумался, потом приказал:

— Приведите сюда пилигрима, я хочу расспросить его.

Никласа, который все еще ел, точно не мог утолить своего голода привели в комнату. Он низко поклонился старому рыцарю и Розамунде, в то же время окидывая острым взглядом старика, молодую девушку, потолок, пол и всю обстановку комнаты. Казалось, его хитрые глаза все замечали, все видели.

— Издалека принесли вы мне письмо, сэр пилигрим по имени Никлас, — обратился к нему старый д'Арси.

— Я привез вам ящик из Дамаска, сэр рыцарь, но совсем не знаю, что было там. По крайней мере, вы сами можете засвидетельствовать, что до него никто не дотронулся, — ответил Никлас.

— Странно, — продолжал старый рыцарь, — что человек в вашем священном платье сделался избранным гонцом Салах ад-Дина, до которого христианам мало дела.

— Но Салах ад-Дину много дела до христиан, сэр Эндрью, а потому он даже в мирное время берет их в плен, как это случилось и со мной.

— Значит, он взял в плен и рыцаря Лозеля?

— Рыцаря Лозеля? — переспросил пилигрим. — Лозель — высокий краснолицый человек с рубцом на лбу, который всегда носил черный плащ поверх кольчуги?

— Может быть.

— Тогда его не взяли в плен; он просто приехал в Дамаск навестить

султана в то время, когда я был там. Я видел его два или три раза, хотя не знаю, зачем он приезжал. Потом он исчез, и в Яффе я слышал, что он отплыл в Европу на три месяца раньше меня.

Братья переглянулись. Итак, Лозель был в Англии! Но сэр Эндрью только произнес:

— Расскажите мне, что было с вами, но говорите правду.

— Зачем я буду выдумывать? Ведь мне нечего скрывать, — начал свое повествование Никлас. — Когда я шел паломником к Иордану, меня захватили арабы и, увидев, что я не богат, хотели меня убить. Да, я погиб бы, если бы мимо не проходили воины Салах ад-Дина и не приказали разбойникам передать меня им в руки. Арабы повиновались, и воины отвезли меня в Дамаск. Там меня держали в плену, но не строго, и вот тогда-то я и видел Лозеля, или, по крайней мере, христианина, носившего его имя. Казалось, он был в милости у сарацин, а потому я попросил его заступиться за меня. Позже меня отвезли ко двору Салах ад-Дина. Расспросив меня, султан сказал, что я должен поклониться лжепророку, в противном случае меня казнят; вы угадываете мой ответ. Меня увели, я думал, на смерть, но никто не причинил мне вреда.

Через три дня Салах ад-Дин снова послал за мной и обещал даровать мне жизнь, если я дам ему клятву отвезти одну вещь вам или вашей дочери, леди Розамунде, в замок Стипль в Эссексе и привезти ваш ответ в Дамаск. Мне не хотелось умирать, и я согласился исполнить его повеление, если султан даст мне слово оставить меня в живых и освободить; я знал, что он никогда не нарушает обещаний.

— А теперь, когда вы благополучно достигли Англии, вы думаете вернуться в Дамаск с ответом? И если думаете, то почему? — спросил старый д'Арси.

— По двум причинам, сэр Эндрью. Прежде всего, я поклялся сделать это и так же, как Салах ад-Дин, не нарушу данного слова. Во-вторых, мне все еще хочется жить, а за нарушение клятвы султан обещал покарать меня смертью, найти, где бы я ни был. О, я уверен, что волшебством или иным способом он может это сделать. Ну, мне остается досказать немного. Мне вручили ящик в том виде, как я привез его к вам, дали достаточно денег для путешествия туда и обратно, и даже больше, чем надо. Потом меня проводили до Яффы, где я взшел на корабль, который направлялся в Италию. Там я сел на другой корабль, под именем «Святая Мария», плывший в Кале, и мы достигли этой гавани, хотя перед тем буря чуть не выбросила нас на берег. Из Кале до Дувра я плыл в рыбацкой лодке, высадившись на сушу неделю тому назад, купил себе мула, пристал к

обществу путешественников, направлявшихся в Лондон, и наконец приехал сюда.

— А как вы будете путешествовать обратно?

Пилигрим пожал плечами:

— Постараюсь как можно лучше и как можно скорее вернуться в Дамаск. Ваш ответ готов, сэр Эндрью?

— Да, вот он.

И старик передал ему свиток. Никлас спрятал его в складки своего широкого плаща.

— Вы говорите, что вам ничего не известно о том деле, в котором вы замешаны? — задал ему еще один вопрос сэр Эндрью.

— Ничего, или, вернее, вот что: офицер, который провожал меня до Яффы, сказал, что ученые доктора и придворные прорицатели волнуются из-за одного сновидения, которое трижды возвращалось к султану. В грезах ему явилась дама, в жилах которой отчасти течет кровь Айюба, отчасти кровь английская, и все говорят, будто поручение, данное мне, касается ее. Теперь я вижу, что глаза благородной дамы, которая стоит передо мной, необыкновенно похожи на глаза султана Салах ад-Дина.

Он замолчал.

— Мне кажется, вы видите очень много, друг Никлас, — заметил старый д'Арси.

— Сэр Эндрью, — согласился паломник, — бедный пилигрим, который не хочет, чтобы ему перерезали горло, должен смотреть во все глаза. Но я хорошо поел и устал. Не найдется ли у вас местечка, где бы я мог поспать? На заре мне нужно уйти, потому что люди, исполняющие поручения Салах ад-Дина, не смеют медлить, а ваше письмо уже в моих руках.

— Место для ночлега найдется. Вульф, — обратился сэр Эндрью к племяннику, — уложи гостя, а завтра перед его отъездом мы снова поговорим. Пока до свидания, святой Никлас!

Снова бросив испытующий проницательный взгляд, пилигрим поклонился и ушел вместе с Вульфом. Когда за ними закрылась дверь, сэр Эндрью знаком подозвал Годвина и шепнул:

— Завтра возьми несколько человек и проследи за Никласом, чтобы узнать, куда он направится и что будет делать; говорю тебе, я ему не верю... Да, я очень боюсь его. Такие путешествия к султану и от султана — странное дело для христианина. И, хотя он говорит, что от этого зависит его жизнь, мне кажется, честный пилигрим, приехав в Англию, остался бы на родине, потому что первый встречный священник освободил бы его от

клятвы, которую неверный силой вырвал у него.

— Будь он бесчестен, он, вероятно, украл бы эти драгоценности, — заметил Годвин. — Разве они не стоят того, чтобы из-за них подвергаться опасности? Как вы думаете, Розамунда?

— Я? — переспросила она. — О, мне кажется, все это имеет большее значение, чем вы полагаете. Мне кажется, — продолжала она голосом, полным печали, и невольно слегка заламывая руки, — что для этого дома и для всех, кто в нем живет, времена насыщены смертью, а этот пилигрим с пронизательными глазами — ее вестник. Какая странная судьба окутывает всех нас! Меч Салах ад-Дина высекает ее; рука Салах ад-Дина лишает меня моего скромного положения, возносит на высоту, к которой я не стремилась. А сны Салах ад-Дина, к роду которого я принадлежу, перевивают мою жизнь с кровавой политикой Сирии, с бесконечной войной между крестом и полумесяцем, составляющим мое наследие!

И, сделав печальное движение рукой, Розамунда ушла.

Старик посмотрел вслед дочери и горестно признал:

— Она права. Готовятся великие события, и каждый из нас примет в них участие. Из-за безделицы Салах ад-Дин не стал бы так волноваться, тем более, я знаю, он готовится к последней борьбе, во время которой будет опрокинут или крест, или полумесяц. Но на челе Розамунды блистает венец полумесяца дома Айюбова, а на ее сердце висит черный крест христианина, вокруг же нее кипит борьба верований и племен! Как, это ты, Вульф? Разве он уже заснул?

— Как собака; кажется, он очень устал с пути.

— Может быть, он спит, как собака, открыв один глаз? Я не хотел бы, чтобы он убежал от нас ночью, я желаю потолковать с ним о многом, как я уже сказал Годвину, — заметил старый д'Арси.

— Не бойтесь, дядя, дверь конюшни я закрыл на ключ, а святоша пилигрим вряд ли подарит нам такого мула, — ответил Вульф.

— Конечно нет, если я не ошибаюсь в характере подобных людей, — согласился сэр Эндрью. — Поужинаем, потом отдохнем. Мы в этом очень нуждаемся.

На следующее утро Годвин и Вульф поднялись за час до зари, вместе с ними встали и доверенные слуги, которых накануне предупредили, что они понадобятся. Вскоре Вульф с зажженным фонарем в руке подошел к камину в нижней зале; у огня грелся его брат.

— Где ты был? — спросил Годвин. — Ты ходил будить пилигрима?

— Нет, я поставил караульного на дороге к горе Стипль, а другого — на тропинке к заливу, потом задал корма мулу. Прекрасное это животное,

слишком хорошее для паломника. Он, вероятно, скоро тронется в путь, так как сказал, что ему надо проснуться рано.

Годвин кивнул головой, и оба уселись на скамейку подле камина. Стояла холодная погода. Они задремали и не просыпались до рассвета. Потом Вульф встал, стряхнул с себя сонливость со словами:

— Он не сочтет невежливостью, если мы теперь поднимем его, — подойдя к краю залы, он отдернул занавес в нише. — Проснитесь, святой Никлас, проснитесь! — крикнул он. — Вам пора прочитать молитвы, а скоро приготовят и завтрак.

Но Никлас не ответил.

— Право, — проворчал Вульф, возвращаясь за своим фонарем, — этот пилигрим спит, точно Салах ад-Дин уже перерезал ему горло.

Он засветил фонарь и снова подошел к нише гостя.

— Годвин, — вдруг вскрикнул Вульф, — иди сюда, он ушел!

— Ушел? — повторил Годвин, подбегая к занавеси. — Куда?

— Я думаю, обратно, к своему другу Салах ад-Дину. Видишь?

И Вульф указал на широко открытый ставень в чуланчике и на дубовый стул под ним. С его помощью Никлас поднялся на подоконник и проскользнул в узкое окошко.

— Вероятно, он чистит и кормит мула, которого ни за что не оставил бы, — предположил Годвин.

— Честные гости так с хозяевами не расстаются, — заметил Вульф, — но пойдем посмотрим.

Они побежали к конюшне; она была заперта, мул благополучно стоял в ней; хотя они пристально всматривались, им не удалось найти каких-нибудь следов пилигрима, хотя бы отпечатка ноги на изморози. Только осматривая дверь конюшни, братья увидели следы попытки поднять засов каким-то острым инструментом.

— Очевидно, он твердо решил уйти, — сказал Вульф. — Но, может быть, нам все-таки удастся его поймать, — он приказал слугам оседлать лошадей и ехать вместе с ними обыскивать местность.

Битых три часа скакали они взад и вперед, но нигде не увидели Никласа.

— Мошенник ускользнул, как ночной коршун, и, точно птица, не оставил следов, — сказал Вульф старому д'Арси. — Ну, дядя, как вы думаете, что это значит?

— Я знаю только, — тревожно ответил старик, — что все это — одно к одному; и мне не нравится, что ценность мула не остановила его: ему было важно только бежать так, чтобы никто не мог проследить за ним или

узнать, куда он отправился. На нас наброшена сеть, племянники, и я думаю, что концы ее держит в руках Салах ад-Дин. Еще более был бы недоволен сэра Эндрью, если бы он видел, как пилигрим Никлас полз вокруг замка, пока все спали, а потом подобрал свое длинное одеяние и, как заяц, побежал по направлению к Лондону. Он спешил, при свете ярких звезд замечая каждое окошко замка, в особенности окна солара; запомнил он также расположение пристроек и поворот на тропинку, ведущую к заливу Стипль.

С этого дня в старей дом вошел страх — опасение перед каким-то ударом, которого никто не мог предвидеть, от которого никто не мог защититься. Сэр Эндрью поговаривал даже о переселении в Лондон, где, как он думал, они были бы в большей безопасности, но дурная погода сделала дороги непроезжими, еще менее можно было думать о путешествии по морю. Итак, было решено, что если они и двинутся в путь (а многое говорило против этого плана, и между прочим, слабость здоровья сэра Эндрью и отсутствие дома в Лондоне, в котором они могли бы поместиться), то лишь после Нового года.

Так шло время. Старый рыцарь посоветовался с некоторыми из своих соседей и друзей, но те посмеялись над его предчувствиями, говоря, что, пока д'Арси не будут путешествовать без оружия, вряд ли на них снова нападут. В случае же нападения на старей замок рыцарь и его племянники с помощью своих людей могли выдержать осаду до появления окрестных жителей.

Теперь д'Арси ночью ставил стражу, с некоторых пор двадцать вооруженных людей спали в замке. Кроме того, было условлено, что когда на башне стипльской церкви загорится сигнальный костер, соседи явятся на помощь.

Перед Рождеством погода изменилась, ветер стих и наступили большие морозы.

В самый короткий день года в замок приехал приор Джон и сказал, что он едет в Соусминстер, чтобы закупить вина для рождественских праздников. Сэр Эндрью спросил, какое вино в Соусминстере, а приор ответил, что ему говорили, будто в реку Кроуч зашел корабль, нагруженный разными товарами, и среди всего прочего изумительным кипрским вином, и остался в устье, так как его руль был сломан. Он прибавил, что до Рождества нельзя было найти корабельных плотников, а потому главный распорядитель, который заведовал вином, по дешевой цене распродавал его в Соусминстере и в окрестных домах, рассылая бочонки в нанятых телегах.

Сэр Эндрью ответил, что это прекрасный случай достать хороший

напиток, который в те времена редко привозили в Эссекс. И он попросил Вульфа, отлично знавшего толк в винах, отправиться с приором в Соусминстер и, если ему понравится вино, купить несколько бочонков, чтобы повеселиться на Рождество, хотя он, старый Эндрю, по болезни пил только воду.

Вульф поехал без всякого неудовольствия. В это мертвое время рода, когда нельзя было ловить рыбу, он скучал, бродя вокруг замка (молодой человек не любил читать, как Годвин), или, сидя по вечерам подле камина, смотрел, как Розамунда ходит по комнате, почти не разговаривая с ней. Ведь несмотря на то что все делали вид, будто забыли о происшедшем, словно какая-то завеса точно упала между двумя братьями, и Розамундой и их обращение перестало быть таким открытым и простым, как прежде. Она не могла не вспоминать, что они были теперь не только ее двоюродными братьями, но и влюбленными, что ей нужно следить за собой и не выказывать своего предпочтения одному из них.

Со своей стороны и братья тоже помнили, что они обязаны скрывать свою любовь к ней, а также что она не только знатная англичанка, но по рождению, по крови и титулу принцесса Востока, которую судьба могла поднять гораздо выше их обоих.

И, как уже сказано, страх воцарился под этой крышей; точно мрачно каркающий ворон, обитал он в Стипле, и никто не мог спастись от тени его зловещих крыльев. Далеко-далеко на востоке могучий властелин обратил мысли к этому английскому дому и к девушке царской крови, жившей в нем, к девушке, связанной с его видениями и мечтами о торжестве его веры. Увлеченный не просто клятвой, не желанием или фантазией, но духовной надеждой, он решил привлечь ее к себе, если можно — честным и мирным путем, если нет, то хотя бы и нечестным. И честное и нечестное средства не приблизили его к цели, но битва у бухты Смерти, конечно, имела отношение к его желаниям, в этом никто уже больше не сомневался. Было ясно также, что Салах ад-Дин будет повторять такие попытки до тех пор, пока не добьется своего цели или пока Розамунда не умрет, так как даже брак не мог бы защитить ее.

У всех в доме были печальные лица, и грустнее всех выглядел сэр Эндрю, которого осаждали недуги, воспоминания и опасения. Вот почему Вульф был доволен, что его послали в Соусминстер за вином, к тому же он с наслаждением думал, что, выпив его, на время освободится от тяжелых дум.

Он ехал с приором по горной дороге и смеялся, как бывало до того дня, в который Розамунда отправилась с ним и с Годвином к церкви святого

Петра за цветами.

Они спросили, где живет купец-иностранец, продававший вино, и их направили в гостиницу близ монастыря. В задней комнате между двумя бочонками на подушке сидел невысокий плотный человек в красной суконной феске. Перед ним стояла маленькая группа людей, дворян и простолюдинов, которые пробовали его вино и рассматривали шелковые ткани и вышивки.

— Чистые кубки, — на ломаном французском языке сказал купец приказчику, который стоял подле него. — Чистые кубки; я вижу, к нам подходят святой человек и храбрый рыцарь, и они, конечно, захотят отведать вина. Нет, нет, наливай доверху, на вершине горы зимой не так холодно, как в этом проклятом месте, уж не говоря о сырости, которая напоминает тюрьму. — И он вздрогнул и плотнее закутался в свою драгоценную шаль. — Сэр аббат, какого вина хотите вы попробовать раньше, красного или белого? Красное крепче, а белое дороже, сущий напиток для святых в раю и для монастырских настоятелей на земле. Вы говорите, что белое вино киренийское? Да, да, вы мудры. Говорят, моя покровительница, святая Елена, любила пить его, когда она навестила Кипр и привезла с собой знаменитый крест.

— Значит, вы христианин? — спросил приор. — Я принял вас за последователя лжепророка.

— Разве я приехал бы в вашу туманную страну продавать вино, напиток, запрещенный мусульманам, если бы я не был христианином? — ответил купец, раздвигая складки своей шали и показывая серебряное распятие, которое блестело на его широкой груди. — Я купец из кипрского города Фамагусты. Мое имя Георгий, и я принадлежу к греческой церкви, которую вы, люди Запада, считаете еретической. Но что вы скажете о вине, старый аббат?

Аббат прищелкнул языком.

— Брат Георгий, это действительно напиток святых, — заметил он.

— Да, а до сих пор его пили грешники; ведь именно им и наслаждались Клеопатра, царица египетская, и римлянин Антоний, о котором вы, как человек ученый, могли слышать. А вы, сэр рыцарь, что скажете о темном напитке? Мы зовем его «мавро». Это вино необыкновенное, оно простояло в бочонке двадцать лет.

— Я пивал худшее, — сказал Вульф и снова протянул свой рог, чтобы его наполнили.

— И если будете жить так долго, как вечный жид, не отведаете лучшего. Итак, сэры, купите ли вы вина? Если вы благоразумны, то

запасетесь большим его количеством, потому что вряд ли вам когда-нибудь представится такой хороший случай, а это вино, белое ли, красное ли, продержится целое столетие.

Тут поднялся торг, и продолжался он долго. В какой-то момент англичане уже совсем собрались уйти, не купив ничего, но виноторговец позвал их обратно и предложил уступить им вино по их цене, если они согласятся взять столько бочонков, чтобы это составило полный груз телеги; он обещал доставить его ко дню Рождества. Наконец д'Арси и Джон согласились на это, довольные тем, что продавец, по восточному обычаю, поднес им подарки. Приору он дал сверток аграманта, который можно было употребить на отделку для алтарного покрывала или хоругви, Вульф — оливковую рукоятку в виде ползущего льва. Вульф поблагодарил его и, немного смущаясь, спросил, есть ли у него еще вышивки на продажу. Услышав это, приор улыбнулся, быстроглазый киприот подметил его улыбку и спросил, нужна ли вышивка для дамской одежды; тут окружающие громко рассмеялись.

— Не смейтесь надо мной, джентльмены, — обратился к присутствующим купец, — как могу я, иностранец, знать дела этого молодого рыцаря? Могу ли сказать, есть ли у него мать, сестры, жена или невеста? Для всех у меня найдутся вышивки.

Он приказал слуге принести сверток, открыл его и начал выкладывать товары, действительно замечательно красивые. Наконец Вульф выбрал для рождественского подарка Розамунде покрывало из легкого шелкового газа, покрытого вышитыми золотыми звездами. Потом, вспомнив, что даже в таком деле он не должен пользоваться преимуществами перед Годвином, взял также тунику, вышитую золотыми и серебряными цветами, никогда не виданными им, потому что это были восточные тюльпаны и анемоны. Ее он решил передать Годвину, чтобы тот, когда захочет, сделал подарок двоюродной сестре.

Эти шелковые материи были очень дороги, и Вульф попросил у приора денег взаймы, но старый Джон уже истратил все, что у него было. Тогда виноторговец Георгий сказал, что он возьмет в городе проводника, сам привезет вино в замок и тогда получит плату за вышивки, надеясь продать еще какой-нибудь товар знатным дамам.

Он предложил также провести приора и Вульфа к устью реки, в котором стоял корабль, и показать им товары, бывшие, по его словам, собственностью компании кипрских купцов, которые пустились в странствия вместе с ним. Они отказались, так как уже подходил вечер. Зато Вульф сказал, что после Рождества он, вероятно, вернется в Соусминстер с

братом, чтобы осмотреть судно, которое совершило такое длинное плавание. Георгий ответил, что он с удовольствием принял бы у себя рыцарей, но что, вероятно, руль поправят очень скоро, так как ему хочется отплыть в Лондон, пока стоит спокойная погода, с целью продать в столице главную часть своего груза. Он прибавил, что думал провести Рождество в Лондоне, но что из-за порчи руля ветер пронес их мимо устья Темзы, и, не войди корабль в реку Кроуч, они, вероятно, погибли бы. И он простился со своими покупателями, предварительно испросив у приора благословение.

Аббат Джон и Вульф уехали, очень довольные своей покупкой и Георгием, который показался им приветливым и любезным купцом. В этот вечер приор поужинал в замке и за столом вместе с Вульфом рассказал о купце. Сэр Эндрью смеялся, доказывая, что житель Востока заставил их купить гораздо больше вина, чем им было нужно, и что таким образом в выгоде остались не они, а Георгий. Потом пустился в рассказы о богатом острове Кипре, на котором побывал за много лет перед тем, о пышном дворе кипрского императора, о богатстве граждан. По его словам, уроженцы Кипра были самыми хитрыми и ловкими купцами на свете, такими осторожными, что ни один еврей не мог обойти их, а также отличными мореплавателями, унаследовав свое искусство от финикийцев, наконец, он прибавил, что все рассказанное о купце Георгии соответствовало характеру этого народа.

Таким образом, в умах обитателей Стипля не зародилось ни малейшего подозрения относительно киприота и его корабля, и в этом не было ничего странного, так как его история казалась вполне правдоподобной и причина его пребывания в Соусминстере была ясна и проста.

V . Рождественский праздник в Стипле

Через четыре дня после поездки Вульфа в Соусминстер наступило рождественское утро. Стояла дурная погода, а потому ни сэр Эндрью, ни кто-либо другой из его домашних не поехал в Стоунгейт, все присутствовали на мессе в церкви Стипля. Тут после богослужения старик по обычаю раздал своим арендаторам мелкие деньги и пожелал им счастья, предупредив, чтобы они не напивались в этот день, как это часто случалось в те времена.

— А вот нам и не представится случай напиться, — заметил Вульф по дороге в замок, — ведь этот купец Георгий не доставил нам вина, которого мне так хотелось выпить сегодня вечером.

— Может быть, он продал его кому-нибудь дороже, это часто делают его соотечественники, — с улыбкой ответил сэр Эндрью.

Они вошли в переднюю залу, и тут оба брата, по взаимному соглашению, поднесли свои рождественские подарки Розамунде. Она мило поблагодарила обоих и, рассматривая красивые вышивки, восхищалась ими. Когда ей сказали, что за материю еще не заплачено, она засмеялась и ответила, что, как бы они ни добыли тунику и покрывало, она наденет их вечером.

Около двух часов пополудни в комнату вошел слуга и сказал, что прибыла телега, запряженная тремя лошадьми и в сопровождении двух человек.

— Это наш виноторговец, он все-таки приехал вовремя, — сказал Вульф и побежал к нему навстречу; остальные пошли за ним.

Действительно, это был Георгий, завернувшийся в большой овчинный плащ, какие киприоты носят зимой, и сидевший на одном из своих бочонков.

— Простите, рыцари, — произнес он, спускаясь на землю. — У вас такие дороги, что хотя я оставил почти половину своего груза в Соусминстере, мне пришлось ехать сюда четыре часа от аббатства, и большую часть этого времени мы провели в глубоких рытвинах, которые страшно утомили лошадей и, как я боюсь, попортили колеса. Но все же мы наконец здесь, и, благородный лорд, — прибавил он, кланяясь сэру Эндрью, — с нами то вино, которое ваш сын купил у меня.

— Мой племянник, — поправил его старик.

— Еще раз прошу прощения. Судя по сходству с вами, я думал, что эти

рыцари — ваши сыновья.

— Он купил все это вино? — спросил сэр Эндрью, потому что на телеге было пять бочек, не считая двух или трех бочонков меньшей величины, и несколько свертков, упакованных в овчину.

— Нет, к сожалению, — печально ответил купец и пожал плечами. — Только два бочонка «мавро». Все остальное я везу в аббатство, так как, насколько я понял, святой приор купил шесть бочек, хотя оказалось, что ему были нужны только три.

— Да, он сказал «три», — вставил Вульф.

— Да, сэр. Тогда, конечно, я ошибся, ведь я так плохо говорю на вашем языке. Итак, мне придется тащить остальное вино по этим проклятым дорогам, — и он сделал гримасу. — Однако я попрошу вас, сэр, — прибавил купец, обращаясь к сэру Эндрью, — немного уменьшить груз, приняв в подарок от меня этот небольшой бочонок старого сладкого вина из лоз, которые растут на откосах горы Троодос.

— Я хорошо помню его, — улыбнулся сэр Эндрью. — Но, друг, я не хочу брать вина без платы.

— Как, благородный сэр, — воскликнул Георгий, и его лицо засияло, — вы знаете мою родину, Кипр? О, я целую вашу руку и прошу вас не обижать меня отказом от этого маленького дара. Право, говоря откровенно, я могу понести эту небольшую потерю, потому что хорошо торговал повсюду, даже здесь, у вас в Эссексе.

— Как вам угодно, — согласился сэр Эндрью. — Благодарю вас... А скажите, у вас на продажу есть что-нибудь еще?

— Да, конечно, вышивки; может быть, эта милостивая леди пожелает взглянуть на них? Есть и ковры, на которых, бывало, мусульмане молились своему лжепророку Магомету. — И, отвернувшись, он плюнул на пол.

— Вижу, что вы христианин, — с удовлетворением отметил сэр Эндрью. — А все-таки, хотя я бился с ними, но знал многих очень хороших магометан. И я не считаю нужным плевать при имени Магомета. Я нахожу, что он был великий человек, обольщенный хитрыми уловками Сатаны.

— Я тоже, — задумчиво поддержал дядю Годвин. — Истинные слуги креста должны сражаться с его врагами и молиться за их души, а не плевать на них.

Виноторговец с любопытством посмотрел на старика и Годвина, играя серебряным крестом, который висел на его широкой груди.

— Завоеватели святого города думали иначе, — возразил он, — когда они ехали к мечети аль-Акса и их лошади до колен утопали в крови; меня

тоже учили другому. Но теперь настали времена свободы, и, в конце концов, имеет ли право бедный торговец, ум которого, к сожалению, больше занят барышами, чем страданиями благословенного сына Марии, — тут он перекрестился, — судить о таких высоких вопросах? Простите меня, я принимаю ваш упрек, так как, может быть, я слишком набожен.

А между тем этот «упрек» в тот же вечер спас жизнь многих людей.

— Могу я попросить, чтобы мне помогли справиться с этими свертками? — обратился к д'Арсю Георгий. — Так как я не могу развернуть их здесь, а также увезти бочки. Нет, маленький бочонок я отнесу сам, надеясь, что вы отведаете из него вина во время рождественского пира. С ним нужно обращаться осторожно; впрочем, боюсь, что ваши ужасные дороги не улучшили его качества.

И, перекатив бочонок с края телеги к себе на плечо, так чтобы он остался стоять на нем, Георгий легкими шагами направился к открытой двери в переднюю залу.

«Для человека нерослого он изумительно силен», — подумал Вульф, который шел за ним со свертком ковров.

Потом и остальные винные бочки доставили в каменный погреб под залой.

Оставив подле лошадей своего слугу — молчаливого и, по-видимому, глупого черноглазого малого по имени Петрос, — Георгий вошел в комнату и принялся распаковывать свои ковры и вышивки со всем искусством человека, воспитанного на базарах Каира, Дамаска или Никосии. Прекрасные вещи показывал он: вышивки, слепившие глаза, циновки со множеством оттенков, мягкие и блестящие, как мех выдры. Сэр Эндрью смотрел на них, и ему невольно вспоминались дни прошлого, и его лицо смягчилось.

— Я куплю этот ковер, — объявил он, — потому что, может быть, именно на нем я много лет тому назад лежал больной в доме Айюба в Дамаске. Нет, нет, я не буду торговаться, я куплю его.

И он задумался; старик вспомнил, как, лежа на таком ковре (и действительно, хотя он не знал этого, перед ним был тот самый ковер) и глядя сквозь резные рамы, он впервые увидел свою красавицу-жену, которая ходила по апельсиновому саду со старым Айюбом. И, вспоминая о своей молодости, рыцарь заговорил о Кипре; так время прошло до темноты.

Наконец Георгий сказал, что ему пора ехать, так как в Соусминстере его приказчик хотел отпраздновать Рождество. Купцу уплатили по счету — очень большому, — и пока запрягали лошадей, Георгий пробурил бочонок

вина и вставил в него втулку, так как, по его словам, был уверен, что в этот вечер обитатели замка отведают светлого вина. Пожелав всем д'Арси счастья за их доброту и щедрость, он откланялся по-восточному и уехал вместе с Вульфом.

Через несколько минут раздались крики; Вульф вернулся, говоря, что колесо телеги сломалось при первом же обороте и теперь она лежала на боку во дворе. Сэр Эндрью и Годвин пошли посмотреть, в чем дело, и увидели Георгия, который так ломал руки, как на это способен только восточный купец, и сыпал проклятия на каком-то иностранном языке.

— Благородный рыцарь, — воскликнул он. — Что мне делать? Уже почти совсем стемнело! Как я проеду через этот крутой холм? Бесценные вышивки, мне кажется, должны остаться здесь на ночь, так как до завтрашнего утра колесо невозможно поправить...

— Да и вам тоже лучше остаться здесь, — ласково предложил ему сэр Эндрью. — Полно, полно, не печальтесь; тут у нас, в Эссексе, сломанные оси и колеса — дело обычное... Вы же и ваш слуга можете так же посидеть за рождественским столом здесь, как и в Соусминстере.

— Благодарю вас, сэр рыцарь, благодарю от души. Но могу ли я, простой купец, находиться в вашем благородном обществе? Позвольте мне с моим слугой Петросом пообедать с вашими слугами вот в этом сарае, где, как я вижу, они уже приготовили для себя стол.

— Ни за что, — возразил сэр Эндрью. — Пусть ваш слуга сядет с моими людьми, которые позаботятся о нем, вы же войдите в залу и, пока нам не подадут обедать, что будет очень скоро, поговорите со мной о Кипре. И не беспокойтесь о ваших товарах. Их отнесут в сохранное место.

— Хотя я чувствую себя недостойным, я повинуюсь вам, — почтительно произнес Георгий. — Петрос, ты понимаешь? Этот благородный господин принимает нас к себе на ночь. Его люди покажут тебе, где можно поесть и выспаться, и помогут позаботиться о лошадях.

Петрос, который, по словам купца, тоже был уроженцем Кипра и летом занимался рыбной ловлей, а зимой служил погонщиком мулов, низко поклонился и пристально взглянул на Георгия своими черными глазами, сказав ему несколько слов на непонятном языке.

— Слышите вы, что говорит этот глупый мальчик? — спросил Георгий. — Что? Вы не говорите по-гречески, а только по-арабски? Ну, он просит у меня денег, чтобы заплатить за обед и за ночлег. Простите его, ведь он простой крестьянин и не может себе представить, чтобы кто-либо мог дать даром ночлег и обед. Но я уверю этого невежу.

И, говоря на высоких нотах, он принялся объяснять что-то своему

слуге, но никто, кроме Петроса, не понял его слов.

— Теперь, сэра рыцарь, не думаю, чтобы он посмел снова оскорбить вас таким образом. Ах, смотрите-ка, он уходит, он сердится, ну, оставим его. Он придет к обеду, этакая свинья! Сырость и ветер? В своей овчине киприот не боится ни того, ни другого, в ней он заснет хоть в снегу...

Все вернулись в замок; по дороге Георгий продолжал бранить глупость своего слуги. В зале разговор скоро перешел на другие предметы, между прочим, на различие между верованиями греческой и латинской церковей — вопрос, в котором купец, казалось, был весьма силен; заметил он также, что кипрские христиане очень опасались, как бы Салах ад-Дин не завоевал их остров.

Наконец часы показали пять, Георгия отвели к умывальнику — простому каменному желобу, где он вымыл руки, а потом пригласили обедать, вернее ужинать, за столом, который стоял на помосте против входа в солар. Тут было шесть мест: для сэра Эндрью, его племянников, Розамунды, капеллана Метью, который по праздникам служил обедни в церкви, а ужинал в замке, и, наконец, для уроженца Кипра купца Георгия. Ниже помоста стоял другой стол, за которым уже собралось двенадцать гостей — главные арендаторы земель старого д'Арси и управляющие из других его имений. Обыкновенно слуги, охотники, свинопасы и другие служащие сидели за третьим столом, рядом с камином, но они непременно напивались хорошим пивом в праздничные дни, и хоть многие дамы не обращали на это внимания, Розамунда особенно ненавидела пьянство, а потому теперь их всех отправили пировать в сарай, который стоял во дворе.

Когда все уселись, капеллан прочел молитву, и начался пир. Кушанья были просты, но их подавали много. Прежде всего принесли приготовленную поваром на деревянном подносе большую треску, ее куски были розданы каждому по очереди, их раскладывали на ломти хлеба; ели рыбу ложками, которые лежали перед каждым. После рыбы принесли разного рода мясо на серебряных вертелах. Подавали кур, куропадок, уток, наконец, большого лебедя — арендаторы встретили его, постукивая ногами о пол, потом явились пирожные, а вместе с ними орехи и яблоки. Нижнему столу подали пиво. Но на помосте пили темное вино, купленное Вульфом, — его пили все, кроме сэра Эндрью и Розамунды; старый рыцарь воздерживался, боясь за свое здоровье; молодая девушка никогда не пила ничего, кроме воды, и ненавидела вино — это, вероятно, было у нее в крови от восточных предков.

Все развеселились. Гость оказался забавным малым; он рассказывал много историй о войне и любви. Даже сэра Эндрью, забыв тревоги и

предчувствия, весело смеялся; Розамунда, которая казалась красивее, чем когда-нибудь, в своем покрывале, усеянном золотыми звездами, и в вышитой тунике, слегка улыбалась, немного рассеянно. Наконец пир подошел к концу. Вдруг, точно неожиданно вспомнив о чем-то, Георгий вскрикнул:

— А вино? Жидкая амбра с горы Троодос. Я и позабыл о нем. Благородный рыцарь, вы позволите мне разлить его?

— Конечно, милый купец, — ответил сэр Эндрью, — конечно, вы можете раскупорить ваше собственное вино!

Георгий поднялся, взял большой кувшин и серебряный жбан с боковой полки, на которой была расставлена нарядная посуда, подошел к маленькому бочонку, стоявшему в углу на козлах, наклонился над ним, вынул из него затычку и наполнил до краев то и другое. Потом он знаком позвал к себе одного из управителей, сидевших за нижним столом, и приказал подать ему кожаный ковш, тоже стоявший на полке. Наполнив его вином, он передал его вместе с кувшином этому человеку, предложив ему выпить за здоровье его господина.

Серебряный жбан он отнес к высокому столу и собственноручно наполнил роговые кубки всех присутствующих, за исключением Розамунды, которая ни за что не захотела дотронуться до вина, хотя купец долго уговаривал ее и, казалось, обиделся на ее отказ... И вот, не желая огорчить этого человека, всегда любезный сэр Эндрью сам налил немного вина в свой рог, но когда киприот отвернулся, дополнил кубок водой. Теперь все было готово; Георгий налил или сделал вид, что налил вино в свой собственный рог, и сказал:

— Выпьем все, решительно все за здоровье благородного рыцаря сэра Эндрью д'Арси, которому я, по обычаю моих соотечественников, желаю жить веки вечные! Пейте, друзья, пейте до дна, потому что такое вино никогда больше не омочит ваших губ!

И, подняв кубок, он, казалось, пил вино большими глотками; все последовали его примеру, даже сэр Эндрью, который отпил немного из своего кубка, на три четверти полного водой; раздался долгий ропот удовольствия.

— Да, это не вино, это нектар, — воскликнул Вульф.

— Правда, — согласился капеллан Метью, — такое вино мог пить сам Адам в райском саду!

От нижнего стола послышались веселые восторженные крики.

Конечно, это было и прекрасное, и крепкое вино: точно покров опустил на ум сэра Эндрью. Но завеса эта снова поднялась, и в его мозгу

зашевелились воспоминания и предвидения. Различные забытые давнишние обстоятельства сразу нахлынули на него, точно толпа детей, стремящихся играть. Это прошло, и старику стало страшно. Но чего ему было бояться в эту ночь? Ворота через ров были закрыты, и их охраняла стража. Верные люди, человек двадцать или больше, сидели за столами в различных пристройках за воротами, другие, еще более верные, окружали его в зале; справа и слева от него были сильные и храбрые рыцари, сэр Годвин и сэр Вульф. Нет, тревожиться было нечего, а между тем он все-таки чувствовал страх. Вдруг старый д'Арси услышал голос, голос Розамунды, которая сказала:

— Почему все так смолкло, отец? Еще недавно я слышала, как слуги и лучники пели в сарае, теперь они молчат, точно мертвые. О Боже, посмотри! Неужели все здесь опьянели, Годвин...

В эту минуту голова Годвина упала на стол, Вульф поднялся, обнажил свой меч до половины, потом обнял шею священника и вместе с ним свалился на стол. И со всеми повторилось то же самое: они покачивались взад и вперед, потом засыпали. Остался трезвым только Георгий, который поднялся, чтобы предложить выпить еще за что-то.

— Чужестранец, — резко сказал сэр Эндрью, — ваше вино очень крепкое.

— Как видно, сэр рыцарь, — ответил Георгий, — но я разбужу их. И, соскочив с помоста, легко, как кошка, он побежал по зале с криком: — Им нужен воздух, воздух. — Он широко распахнул двери, быстро вытащил из складок платья серебряный свисток и пронзительно и громко засвистел, прибавив: — Как, они все еще спят? Ну, я предложу здравицу, от которой все проснутся.

Он схватил роговой кубок, взмахнул им и крикнул:

— Вставайте, вставайте, вы, пьяницы, и выпейте за леди Розу Мира, принцессу Баальбекскую и племянницу моего царственного господина Юсуфа Салах ад-Дина, который послал меня, чтобы я привез ее к нему.

— О, отец, — вскрикнула Розамунда, — вино отравлено, и нас предали!

Едва она умолкла, как послышался топот бегущих ног и через открытую дверь в дальнем конце залы хлынуло человек двадцать или больше с оружием в руках. В эту минуту сэр Эндрью наконец понял все.

С ревом раненого льва он обнял дочь и, постояв с ней минуту, бросился к выходу в солар, где пылал камин и были зажжены свечи; он закрыл за собой дверь и задвинул ее засовом.

— Скорее, — сказал он, срывая с себя праздничное платье, — бежать

нельзя, но я, по крайней мере, могу умереть, сражаясь за тебя. Дай мне кольчугу.

Она сняла со стены его доспехи и, в то время как раздался стук, надела на него кольчугу, стальной шлем, вложила в одну его руку длинный меч, а в другую щит.

— Теперь, — обратился он к ней, — помоги мне.

Они вместе толкнули к двери дубовый стол, бросив по обе стороны стулья и кресла, чтобы нападающие споткнулись о них.

— Возьми лук, Розамунда, и стреляй из него, как я тебя учил, — вручил дочери оружие старый рыцарь. — Отойди, чтобы мечи тебя не задели, и стреляй мимо меня. О, если бы Годвин и Вульф были здесь и могли дать урок этим мусульманским собакам!

Розамунда не ответила, ей представилось, как Годвин и Вульф будут страдать, когда они придут в себя и узнают, что случилось с ней и с ними. Она оглянулась. У стены стоял маленький письменный стол, за которым обыкновенно писал Годвин, на нем лежали перо и пергамент. Молодая девушка схватила их и, видя, что дверь стала медленно подаваться, написала:

Поезжайте за мной к Салах ад-Дину. В этой надежде я живу!

Розамунда

Когда тяжелая дверь распахнулась, Розамунда перевернула написанное и, схватив лук, наложила стрелу на тетиву.

Дверь упала, толпа ринулась в солар, но остановилась. Перед ней со щитом, украшенным гербовым черепом, стоял старый рыцарь, подняв свой длинный меч. Ужасная злоба горела в его глазах, и он походил на затравленного волка; рядом с ним — красавица Розамунда в своем праздничном наряде.

— Сдавайтесь! — раздался голос.

Вместо ответа зазвенела тетива, стрела пронзила горло говорившего, и он упал и замолк навеки.

Когда убитый с шумом рухнул на пол, сэр Эндрью громко крикнул:

— Мы не сдаемся языческим собакам и отравителям. Д'Арси! Д'Арси! Против д'Арси — против смерти!

Старый рыцарь издал боевой клич своего рода, хотя недавно думал, что ему уже не суждено его произнести. Молитву старика услышало Небо; оно сулило умереть ему, как он того желал.

— Покончить с ним, схватить принцессу! — Кричал Георгий, но уже

не с угодливым выражением виноторговца; он произносил эти слова тоном холодного приказа по-арабски.

На мгновение смуглая толпа остановилась перед блистающим мечом, потом с криком «Салах ад-Дин, Салах ад-Дин!» двинулась вперед, взмахивая копьями и саблями. Перед воинами лежал опрокинутый стол, один из них перескочил через его край, но в эту минуту старый рыцарь, забыв о своих годах и болезни, сверху вниз нанес ему такой удар, что посыпались искры. Сэр Эндрью отступил, чтобы замахнуться вновь, но стол обошли два человека с ожесточенными лицами. В одного из них выстрелила Розамунда, ее стрела пронзила ему бедро, но, падая, он ударил своим острым палашем по краю лука и отсек его, сделав бесполезным. Второй попал в перекладину дубового стула, которого он не заметил, и тоже упал; сэр Эндрью, не обратив на него внимания, с криком бросился в толпу и, подставляя под удары сарацин щит, сам рубил их своим мечом с таким ожесточением, что они отступили перед ним.

— Защитите себя справа, отец! — крикнула Розамунда.

Д'Арси отскочил и увидел, что упавший сарацин поднялся. Он двинулся к нему, тот быстро обернулся, собираясь бежать, и встретил смерть: тяжелый меч поразил его между шеей и плечами. Кто-то закричал:

— Нам плохо приходится от этого старого льва, и мы теряем людей. Сторонитесь его когтей; пронзите его копьями!

Но Розамунда, понимавшая их язык, заслонила собой отца и ответила по-арабски:

— Да, поразите его, но раньше убейте меня и расскажите об этом Салах ад-Дину.

— Тот, кто дотронется хотя бы до одного волоса принцессы, умрет, — прозвучала спокойная команда Георгия. — Если можно, возьмите их обоих живыми, но на нее не поднимайте руки. Стойте!

Нападающие остановились и стали переговариваться.

Розамунда коснулась отца и показала на человека, лежавшего на полу с ногой, пронзенной стрелой. Он старался подняться на колено и тянул к себе свой тяжелый палаш. Сэр Эндрью поднял меч, как слуга поднимает палку, чтобы убить крысу, но тотчас же опустил со словами:

— Я не убиваю раненых. Брось оружие и иди к твоим.

Раненый повиновался и, отползая прочь, даже дотронулся лбом до пола в виде почтительного «салама», — он понял, что ему подарили жизнь и что это было великодушно по отношению к нему, человеку, собиравшемуся нанести коварный удар.

Георгий выступил вперед. Это уже был не тот человек, который

подавал отравленное вино и предлагал восточные вышивки, а гордый сарацин с высоким челом, одетый в кольчугу, скрывающуюся под его купеческим платьем. Теперь на его груди вместо распятия блестело украшение в виде звезды из драгоценных камней, знак его рода и положения.

— Сэр Эндрью, — обратился он к старому рыцарю, — выслушайте меня. Благороден был ваш поступок, — он указал на раненого, которого унесли товарищи, — и вы благородно защищались, защищались образом, достойным ваших предков и вашего рыцарского сана. Рассказ об этом понравится моему господину, — говоря это, он поклонился, — то есть если Аллах дозволит нам без помех и в целости вернуться к нему. Вы же, конечно, сочтете, что я поступил бесчестно с вами, победив силу храбрых рыцарей, сэра Годвина и сэра Вульфа, не ударами мечей, а отравленным вином и сделав то же самое с вашими слугами, которые до завтрашнего утра не освободятся от дурмана. И вы правы: это поступок, достойный раба, а я до конца жизни буду со стыдом вспоминать его, и, может быть, отмщение за это падет на мою голову и покроет меня кровью. Но подумайте о нашем положении и простите нас. Нас было очень немного в вашей обширной стране, и мы скрывались в пещере львов, которые убили бы нас без жалости, если бы узнали, кто мы. Это, конечно, было бы неважно; что такое наши жизни, из которых несколько уже пресек ваш меч, да и не только ваш, но и мечи близнецов-братьев там, на молу.

— Я так и думал, — презрительно произнес сэр Эндрью. — Поистине ваш поступок был достоин вас: двадцать или больше — против двоих!

Георгий поднял руку.

— Не судите нас поспешно, — сказал он, медленно произнося слова, так как хотел выиграть время. — Ведь вы читали письмо нашего господина. Видите ли, мне было поручено взять в плен Розу Мира, и, если возможно, без кровопролития. Я осматривал местность, взяв отряд моряков со своего корабля, они плохие бойцы, со мной было очень немного моих собственных солдат, когда разведчики донесли, что леди Роза Мира выехала из замка в сопровождении двух человек. Понятно, я считал, что она уже в моих руках. Но рыцари победили меня искусством и силой, и вы знаете, чем кончилось дело. Тогда мой гонец привез вам письмо, которое, правда, следовало доставить вам раньше. Письмо тоже не приблизило нас к цели, потому что ни вас, ни принцессу, — и он поклонился Розамунде, — нельзя было подкупить. Хуже того, все окрестные насторожились; вы окружили себя вооруженными людьми; братья-рыцари охраняли вас, и вы собирались бежать в Лондон, где нам трудно было бы уловить вас в сети.

Поэтому я, принц и эмир, который, хотя вы не помните этого, в молодости скрестил с вами меч, сделался продавцом отравленного вина. Послушайте меня, сэра Эндрью, сдайтесь, вы сделали достаточно, чтобы ваше имя воспелось многими поколениями, примите любовь Салах ад-Дина; я, принц аль-Хасан, — он не хотел выбрать человека менее значительного для этого поручения, — снова подтверждаю слово моего властелина, говоря, что вам не сделают зла. Сдайтесь, спасите вашу жизнь, живите среди почестей, сохраняя собственную веру до тех пор, пока Азраил не увлечет вас от прелестных долин Баальбека к источникам рая, если только в рай могут войти неверные, хотя бы славные и храбрые. Знайте — так должно свершиться. Если мы вернемся без принцессы Розы Мира, мы умрем все до одного; если же мы причиним ей вред или оскорбим ее, нас постигнет такая ужасная смерть, что я вам и сказать не могу. Не прихоть великого властителя заставляет его украсть девушку, в жилах которой течет родственная ему благородная кровь. Ему повелел это голос самого Бога устами ангела сна. Трижды Аллах говорил с ним в грезах, открывая нашему властелину с милосердным сердцем, что только руками вашей дочери и при помощи ее благородства может быть спасено бесчисленное количество человеческих жизней, поэтому он скорее согласился бы лишиться половины своих владений, чем дать ей ускользнуть. Перехитрите нас, разбейте, возьмите нас в плен, прикажите пытаться, казните — явятся другие посланцы, чтобы исполнить его приказание, поистине они уже на пути сюда. Кроме того, бесполезно проливать кровь, ведь в книгах судьбы написано, что принцесса Роза Мира вернется на Восток, выполнит свое предназначение и спасет человеческие жизни.

— Тогда, эмир аль-Хасан, я вернусь на Восток только в виде духа, — гордо произнесла Розамунда.

— Нет, принцесса, — с поклоном возразил он, — один Аллах имеет власть над вашей жизнью, и судьба постановила иное. Сэр Эндрью, время подходит к концу, я должен исполнить свое дело. Хотите ли вы примириться с Салах ад-Дином или же вынудить его слуг лишить вас жизни?

Старый рыцарь выслушал его, опершись руками на свой покрасневший меч, потом поднял голову и ответил:

— Я стар и близок к смерти, виноторговец Георгий или принц аль-Хасан, кто бы вы ни были. В молодости я поклялся не входить в мирные договоры с язычниками и в старости не нарушу этого обета. Пока я в силах держать оружие, я буду защищать мою дочь даже против могущества Салах ад-Дина. Исполните ваше коварное дело, и пусть все будет, как пожелает

Господь.

— Принцесса, — обратился аль-Хасан к Розамунде, — засвидетельствуйте на Востоке, что я не повинен в крови вашего отца! Да падет она на его и на вашу голову.

И он во второй раз засвистел в свисток, висевший у него на шее.

VI. Знамя Салах ад-Дина

Когда эхо свистка Хасана замерло, деревянные ставни окна, бывшего позади, затрещали, распахнулись и в комнату вскочил высокий тонкий человек с поднятой секирой. Раньше, чем сэр Эндрью успел обернуться посмотреть, откуда раздался шум, секира страшно ударила его между плечами, и хотя кольчуга осталась неразрубленной, удар упал на его хребет, старик свалился навзничь; он не страдал, мог говорить, но был беспомощен, как ребенок. Его поразил паралич, и он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, ни головой.

Среди наступившей тишины раздался его затрудненный голос, и он устремил глаза на человека, который так ужасно искалечил его.

— Рыцарский удар, действительно, и достойный христианина, который убивает по найму мусульман. Изменник перед Богом и людьми, вы ели хлеб мой и теперь убиваете меня, как быка, подле собственного очага. Да будет ваш конец еще хуже, да погибнете вы от рук тех, кому теперь служите.

Пилигрим Никлас — это был он, одетый не в платье паломника, отшатнулся от него, смущенно произнося какие-то слова, и исчез в толпе сарацин. Горько зарыдав, Розамунда наклонилась, словно раненая птица, взмахнула мечом, которого ее отцу уже никогда не было суждено поднять, и, обратив его рукояткой вниз, к полу, бросилась на него. Но острое не коснулось ее груди, потому что эмир легко отклонил лезвие и поймал девушку, когда она падала.

— Госпожа, — произнес он, тихонько опуская Розамунду, — Аллах еще не требует вас к себе. Я сказал, что это не суждено. Теперь дайте мне слово, — в ваших жилах течет кровь, родственная Салах ад-Дину, и кровь д'Арси, а потому вы не можете солгать, — дайте слово, что никогда, ни теперь, ни после, вы не постараетесь лишить себя жизни. Если вы не дадите этого слова, мне придется связать вас, а противно совершать такое святотатство, и я молю вас не принуждать меня к нему.

— Обещай, Розамунда, — прозвучал глухой голос ее отца, — и да сбудется твоя судьба. Самоубийство — преступление, и он прав, так написано в книге судьбы. Приказываю тебе дать обещание!

— Повинуюсь и обещаю, — промолвила Розамунда. — Наступил ваш час, мой лорд Хасан.

— Я удовлетворен, — низко поклонился сарацин, — и с этих пор мы

ваши слуги, принцесса. Ночной воздух холоден. Вам нельзя ехать так. Где ваши одежды?

Она указала пальцем. Один из воинов Хасана взял свечу, еще двое двинулись за ним, и вскоре они вернулись со всеми вещами Розамунды, которые только могли найти. Они не забыли даже ее молитвенника и серебряного распятия, которое висело над ее постелью, а также кожаной шкатулки с безделушками.

— Накиньте на принцессу самый теплый плащ, — приказал Хасан, — остальное заверните в ковры.

Таким образом, ковры, — тот, который сэра Эндрью купил в этот день у купца Георгия, и другие, которые киприот оставил на хранение, — теперь послужили мешками для вещей Розамунды. Даже в эти минуты, когда приходилось спешить и бояться опасности, подумали о ее удобстве.

— Принцесса, — спросил Хасан с поклоном, — мой господин, а ваш дядя прислал вам драгоценности огромной стоимости. Желаете ли вы взять их с собой?

Не отрывая глаз от помертвевшего лица сэра Эндрью, Розамунда с трудом ответила:

— Пусть они остаются там, где лежат. Что мне делать с камнями и драгоценностями?

— Ваша воля — закон, — склонился перед ней эмир. — Мы найдем для вас другие. Принцесса, все готово. Мы ждем, что вам будет угодно.

— Что мне угодно? О Господи, что мне угодно? — вскрикнула Розамунда надломленным голосом, продолжая смотреть на отца, который лежал перед ней на полу.

— Я не могу помочь, — произнес Хасан, отвечая на вопрос, светившийся в ее глазах, и печаль зазвучала в его голосе. — Он не хотел уехать, он сам навлек на себя гибель, хотя поистине я желал бы, чтобы этот проклятый франк не ударил его так искусно. Если вы хотите, мы унесем его с нами, но, госпожа, напрасно было бы скрывать от вас истину — он умрет. Я изучил медицину и знаю это.

— Нет, нет, — услышав эти слова, возразил сэра Эндрью, — оставьте меня здесь. Дитя мое, мы должны расстаться. Как я украл дочь Айюба, так сын Айюба похищает у меня тебя. Дочь моя, храни нашу веру, чтобы мы снова могли встретиться.

— Успокойтесь, — заверил его Хасан, — ведь Салах ад-Дин дал вам слово, что, если только сама принцесса не пожелает переменить свою веру или Аллах не изменит ее сердца, она будет жить и умрет поклонницей креста. Леди, ради вас самих и ради нас не делайте прощанье слишком

долгим! Уйдите, слуги, возьмите с собой наших мертвых и раненых. Некоторых вещей не должны видеть посторонние глаза.

Они повиновались, и в соларе остались только Розамунда, Хасан и умирающий. Розамунда опустилась на колени перед отцом, и они стали шептать что-то на ухо друг другу. Хасан повернулся к ним спиной и набросил край своего плаща себе на голову и глаза, чтобы ничего не видеть и не слышать в этот страшный и священный час прощанья.

Казалось, будто они нашли надежду и утешение, по крайней мере, когда Розамунда в последний раз поцеловала старика, сэр Эндрью улыбнулся и сказал:

— Да, да, может быть, все к лучшему. Да хранит тебя Господь и да свершится Его воля. Но я забыл, скажи мне, дочь моя, который?

Она опять шепнула ему что-то на ухо, и, подумав с минуту, он ответил:

— Может быть, ты права. Я думаю, это самое мудрое. А теперь да покоится мое благословение на вас троих и на детях детей ваших. Подойди сюда, эмир.

Хасан услышал его голос, несмотря на наброшенный на голову плащ и, скинув его с себя, подошел.

— Скажите Салах ад-Дину, вашему господину, что он сильнее меня и отплатил мне моей же монетой. Мы все равно скоро разлучились бы с моей дочерью, потому что смерть подходила ко мне. Это воля Бога, и я склоняюсь перед ней и верю, что, может быть, в сновидениях Салах ад-Дина была истина, что наши горести, которых мы не ожидали, принесут благо нашим братьям на Востоке. Но скажите ему также, что чему бы ни учила его вера, а христиане и язычники встретятся за гробом, скажите, что если этой девушке нанесут оскорбление или вред, то я клянусь Богом, который создал нас обоих, что заставлю его дать мне в этом отчет. Теперь, раз уж так определено судьбой, берите ее и уезжайте, зная, что мой дух пойдет за вами и за ней и что даже в этом мире за нее найдутся мстители.

— Я выслушал вас и повторю властелину ваши слова, — ответил Хасан. — Больше того — я верю им. Что же касается остального, то вы слышали клятву Салах ад-Дина, а я также клянусь охранять принцессу, пока она со мной. Поэтому, сэр Эндрью д'Арси, простите нас, ведь мы только орудия в руках Аллаха, и умрите с миром.

— Я сам столько погрешил, что прощаю вас, — медленно произнес старый рыцарь.

Его глаза устремились на лицо дочери, остановились, глядя на нее долгим испытующим взглядом, и закрылись.

— Я думаю, что он умер, — сказал Хасан. — Пусть Аллах,

милосердный и сострадательный, успокоит его душу. — И, сняв белый плащ со стены, он набросил его на старика, прибавив: — Пойдемте, госпожа.

Розамунда три раза посмотрела на закрытую фигуру на полу, заломила руки и чуть не упала. Потом, казалось, в голове ее родилась какая-то мысль, она подняла меч отца и, собрав силы, гордо, как королева, прошла по залитой кровью лестнице из солара. Внизу, в зале ждал отряд Хасана, и воины склонились перед этим видением печальной красоты. В зале же лежали окровавленные люди, между ними Вульф и Годвин.

— Они умерли? — спросила Розамунда.

— Не бойтесь, — ответил Хасан, — клянусь моей надеждой войти в рай, они только спят и проснутся еще до утра.

Розамунда указала на отступника Никласа, на человека, который нанес сзади удар ее отцу, а теперь с недобрим лицом стоял поодаль от всех остальных, держа в руках зажженный факел.

— Что делает этот человек с факелом? — обратилась она к Хасану.

— Если вам угодно знать, леди, — насмешливо посмотрел на нее Никлас, — я жду, чтобы вы ушли, а потом подожгу дом.

— Принц Хасан, — воскликнула Розамунда, — пожелает ли великий Салах ад-Дин, чтобы опоенные зельем люди погибли под своей собственной кровлей? Вы ведь будете отвечать ему, и я, отпрыск его рода, именем Салах ад-Дина приказываю вам вырвать факел из рук этого человека и при мне дать приказ, чтобы никто не посмел помыслить о таком позорном поступке!

— Как! Позволить таким рыцарям, достоинства которых известны, — и Никлас он указал на братьев д'Арси, — двинуться вслед за нами и в виде мести убить нас? Да ведь это безумие.

— Вы здесь господин или я? — Хасан взглянул на бывшего пилигрима с холодным презрением. — Пусть они гонятся за нами, если хотят, я охотно встречу с такими храбрыми врагами в открытой битве и дам им возможность отомстить. Али, — прибавил он, обращаясь к человеку, который был переодет приказчиком и в свое время опоил слуг в сарае, как его господин опоил сидевших в зале, а потом открыл проход через ров, — затопчи его факел и смотри за этим франком, пока мы не достигнем моря, чтобы безумец не поднял тревоги своими огнями. Вы довольны, принцесса?

— Да, я верю вашему слову. Но еще одно мгновение, прошу вас. Я хочу оставить моим рыцарям дары.

Розамунда сняла с себя золотую цепь с золотым же крестом,

отстегнула крест от цепочки, подошла к лежавшему Годвину и положила распятие на его грудь. Потом быстрым движением обвила цепь вокруг серебряной рукоятки меча старого д'Арси и, подойдя большими шагами к Вульффу, широким размахом вонзила острие между дубовыми досками стола, так что меч возвышался над ним.

— Его дед сражался этим мечом, — проговорила она по-арабски, — в тот день, когда взошел на стены Иерусалима. Это мой последний подарок ему.

Сарацины побледнели и что-то тихонько заговорили, услышав слова, служившие им недобрым предвестием.

Взяв за руку Хасана, который всматривался в ее бледное непроницаемое лицо, она, не говоря ни слова, не оглядываясь назад, прошла по длинной зале и вскоре очутилась посреди ночной тьмы.

— Лучше было бы послушаться моего совета и поджечь дом или, по крайней мере, перерезать горло всем, кто остался в замке, — высказался Никлас своему провожатому Али, идя вслед за остальными. — Если я не ошибаюсь в этих братьях, крест и меч скоро последуют за нами, и людские жизни заплатят за это мягкосердечное безумие!

И он вздрогнул от страха.

— Может быть, и так, шпион, — ответил сарацин, глядя на него мрачными презрительными глазами. — Может быть, ваша жизнь заплатит за все!

Вульф спал, и ему снилось, что он стоит на голове на деревянной доске, как однажды при нем стоял жонглер, и что эта доска вертится в одну сторону, а он — в другую. Но вот наконец кто-то закричал на него, и он упал и ушибся. Вульф проснулся и услышал, что кто-то кричит почти ему на ухо, и узнал голос Метью, капеллана стипльской церкви.

— Проснитесь, — кричал голос, — ради Бога, умоляю вас, проснитесь!

— Что такое? — спросил Вульф, сонливо поднимая голову и смутно чувствуя глухую боль во лбу.

— Смерть и дьявол побывали здесь, сэр Вульф, — ответил Метью.

— Они часто бывают вместе, — заметил Вульф. — Но мне хочется пить. Дайте воды.

Служанка, бледная, растрепанная, с опухшими веками, шатаясь и спотыкаясь, расхаживала по зале и зажигала то сальные свечи, то факелы, потому что было еще темно. Она услышала просьбу Вульфа и поднесла ему воды в ковше, и он с наслаждением утолил жажду.

— Теперь мне лучше, — сказал д'Арси и вдруг увидел окровавленный

меч, который стоял над ним острием вниз, и воскликнул: — Матерь Божья, что это такое? Дядин меч, весь красный от крови, и на его серебряной рукоятке золотая цепь Розамунды! Священник, где леди Розамунда?

— Исчезла, — со стоном произнес капеллан. — Служанки проснулись и увидели, что ее нет, а сэр Эндрью, мертвый или умирающий, лежит в соларе. Я только что натолкнулся на него. Боже мой, вас всех споили! Посмотрите на них, — и он рукой указал на лежавших. — Повторяю, здесь побывал сам дьявол.

Вульф с проклятием поднялся на ноги.

— Дьявол! — крикнул он. — Да, я понимаю, вы говорите о кипрском виноторговце, который привез нам вино.

— Отравленное вино, — уточнил капеллан, — и он украл леди Розамунду.

Вульф точно обезумел.

— Украл Розамунду, унес ее через наши спящие тела! Украл Розамунду, и мы ни разу не ударили мечом, чтобы спасти ее! О, Христос, и такое могло случиться! О, Христос, и я должен слушать это!

И могучий человек, рыцарь сильный и храбрый, зарыдал, как ребенок. Но недолго плакал Вульф. Собравшись с силами, он закричал громовым голосом:

— Просыпайтесь, вы, пьяницы! Просыпайтесь и узнайте, что случилось с нами. Вашу госпожу Розамунду украли, пока вы лежали без чувств.

При звуке его громового голоса поднялась высокая фигура и, шатаясь, подошла к нему, держа в руках золотой крест.

— Что за ужасные слова, брат мой? — подошел к нему Годвин, весь бледный, с тусклыми глазами и пошатываясь взад и вперед. Но он тоже увидел красный от крови меч, взглянул сначала на него, потом на золотой крест в собственной руке. — Меч моего дяди, цепь Розамунды и ее крест? Где же она сама... Розамунда?

— Ее увели, увели, увели! — крикнул Вульф. — Скажите ему все, священник.

И капеллан повторил Годвину то, что он узнал.

— Вот как мы сдержали нашу клятву, — продолжал Вульф. — О, что нам делать теперь? Мы можем только умереть от стыда!

— Нет, — задумчиво произнес Годвин, — мы должны жить, чтобы спасти ее. Видишь, она оставила нам знаки: крест — мне, окровавленный меч — тебе, а на рукоятке цепь — символ ее рабства. Мы должны нести крест, оба должны размахивать мечом, оба разрубить цепь, а если нам не

удастся это, то умереть.

— Ты бредишь, Годвин, и немудрено! Выпей-ка воды. Если бы мы никогда не знали ничего другого, как она, которая запрещала и нам пить вино! Что вы сказали о моем дяде, священник? Он убит или только умирает? Нет, не отвечайте. Взглянем сами. Пойдем, брат.

И они пошли вместе, вернее, заковыляли к солару, держа факелы в руках.

Вульф увидел кровавые пятна на полу и дико расхохотался.

— Старик хорошо дрался, — воскликнул он, — а мы спали, как пьяные животные!

Они вошли в солар. Перед ними, под белым, похожим на саван плащом, лежал сэр Эндрью. Стальной шлем закрывал его голову, и его лицо под ним было еще белее плаща. Услышав их шаги, он открыл глаза.

— Наконец-то, наконец, — слабо прошептал он. — О, сколько лет я ждал вас! Нет, молчите, так как я не знаю, надолго ли у меня хватит силы... Ну, слушайте... Станьте на колени и слушайте.

Братья опустились на колени по обеим сторонам старика, и он в коротких словах рассказал им, как опоили их дурманом, как он бился, как Хасан долго вел переговоры, чтобы дать время низкому предателю пилигриму вползти на окно, как предательски Никлас ударил его, поведал также обо всем, что случилось после. Наконец, казалось, его силы истощились, тогда братья дали ему напиток, и он снова немного оживился.

— Скорее возьмите лошадей, — говорил он, то и дело останавливаясь, чтобы отдохнуть, — и поднимите всех окрестных жителей. Еще есть возможность догнать их!... Нет, прошло семь часов, вы не догоните... Они слишком хорошо рассчитали... Они уже на море! Слушайте же. Отправляйтесь в Палестину. В моем сундуке деньги на путешествие но не берите отряда, потому что в мирное время это выдало бы вас! Годвин, снимите с моего пальца перстень, с ним вы найдете Джебала черного шейха горного племени, которое живет в Ливанских горах! Напомните ему обет, который он дал Эндрью д'Арси, английскому рыцарю. Если кто-нибудь в состоянии помочь вам, племянники, то именно Джебал, который ненавидит род Нур ад-Дина и Айюба. Говорю вам, племянники, ничто, повторяю, решительно ничто не должно помешать вам отыскать этого человека. Дальше поступайте, как Господь Бог укажет вам. Убейте этих предателей Никласа и Гуго Лозеля, если они еще живы, пощадите эмира Хасана, если не встретите его в открытом честном бою; этот человек только исполнял свой долг, как его понимают на Востоке, и был довольно милосерден; он мог убить или сжечь всех вас... Передо мной стояла трудная загадка,

теперь, в час моей смерти, мне кажется, я сумел разгадать ее. Я думаю, Салах ад-Дин недаром видел свое сновидение. Мужайтесь, мне представляется также, что там, в твердыне Ливанских гор, у вас найдутся друзья, что все пойдет хорошо и что наши печали принесут добрые плоды. Что ты говоришь? Она оставила тебе меч моего отца, Вульф? Тогда храбро сражайся им и покрой славой наше имя. Она оставила тебе крест, Годвин? Носи его с достоинством, прославь Господа и спаси свою бессмертную душу! Помните то, в чем вы поклялись. Что бы ни случилось, не досадуйте друг на друга. Будьте верными друзьями один для другого, храните верность и ей, вашей даме, чтобы, когда вам наконец придется отвечать мне перед престолом небесным, я не стыдился бы за вас, мои племянники, Годвин и Вульф.

Несколько мгновений умирающий молчал; вдруг его лицо засияло, точно от счастья, и он вскрикнул громким, ясным голосом:

— О, дорогая жена, я слышу тебя. О Боже, Боже, я иду!

И хотя его глаза не закрылись, а улыбка все еще покоилась на лице, нижняя челюсть старика опустилась.

Так умер сэр Эндрью д'Арси.

Все еще стоя на коленях подле него, братья смотрели, как он умирал; когда же он вздохнул в последний раз, нагнули головы в молитве.

— Мы видели великую смерть, — произнес Годвин, — пусть она будет уроком для нас, чтобы, когда наступит наш час, мы умерли, как он.

— Да, — вскрикнул Вульф, вскакивая, — но прежде всего отомстим за него. Что это? Почерк Розамунды. Прочти, Годвин.

Годвин взял в руки пергамент и прочитал:

Поезжайте за мной к Салах ад-Дину. В этой надежде я живу.

— Да, да, Розамунда, мы отправимся за тобой, — повторил он вслух, — пусть нам навстречу идут смерть или победа, мы не отступим от тебя.

Он бросил письмо и, попросив капеллана побыть с телом, братья убежали в залу. К этому времени половина опоенных проснулась от неестественного сна, слуги, которых Али опьянил там, в сарае, входили теперь в залу с дикими глазами, бледными лицами, прижимая руки к голове и сердцу. Они были так слабы, больны, так испуганы, что с трудом уяснили себе случившееся, узнав же истину, по большей части могли только стонать и плакать. Впрочем, немногие нашли в себе достаточно умственной и телесной силы, чтобы броситься, несмотря на снежную метель, в аббатство Стоунгейт, в Соусминстер и в дома соседей, хотя никто из них не жил

близко, прося всех вооружаться и помочь им догнать похитителей. Вульф проклинал священника Метью и себя за то, что они с ним не подумали об этом раньше, поручил ему как можно скорее подняться на колокольню и зажечь костер, который был приготовлен.

Метью ушел, захватив с собой кремень, огниво и кусочек трута, и через десять минут пламя бешено взвивалось над крышей стипльской церкви, предупреждая соседей, что их зовут на помощь. Слуги Стипля вооружились, оседлали всех лошадей, в том числе и коней, оставленных купцом Георгием; все бывшие в состоянии бежать или ехать верхом скоро собрались во дворе замка. Но поспешность ни к чему не привела, потому что луна заходила. Снег падал, и стояла ночь, темная, как смерть, такая темная, что трудно было видеть руку перед своим лицом. Приходилось ждать, и они ждали с досадой и печалью в сердце, и охлаждали горящие головы ледяной водой.

Наконец занялась заря, и в сером рассвете показались верховые и пешие, двигавшиеся по снегу к замку, рассказывая друг другу, какое ужасное несчастье случилось в Стипле. Быстро разнеслась весть о том, что сэр Эндрью был убит, леди Розамунда украдена неверными, а пировавшие в замке заснули от отравленного вина, которое поднес им человек, считавшийся купцом. Едва собрался маленький отряд, всего человек в тридцать, и достаточно рассвело, как разведчики тронулись в путь, хотя и не знали, где следовало искать похитителей, так как снег покрыл все следы сарацин.

— Одно верно, — сказал Годвин, — они должны были приплыть по воде.

— Да, — согласился Вульф, — и, конечно, высадились где-нибудь вблизи, потому что, если бы им предстояло идти далеко, они взяли бы лошадей, кроме того, подверглись бы опасности сбиться с пути в темноте. К заливу! Попробуем проехать туда.

И они через луг отправились к заливу. До него было недалеко. Сперва они ничего не замечали, потому что слой снега покрывал камни маленькой набережной, но вот один из слуг крикнул, что замок прибрежного домика, в котором братья держали свою рыбацью лодку, сломан, а через минуту он прибавил, что и лодки на месте нет.

— Она маленькая. В ней могли поместиться только шесть человек, — донесся голос. — Столько народу она не выдержала бы.

— Глупый, — послышался ответ, — ведь могли быть и другие лодки.

Присмотрелись; под тонким слоем снега нашли в иле отпечаток от носа вместительного бота, а невдалеке — отверстие в земле, в которое был

вогнан большой кол. Теперь все достаточно прояснилось. Но скоро стало еще яснее, потому что, несмотря на падавший снег, Вульф заметил что-то блестящее, висевшее на сухих тростниках. По его приказанию один из слуг приподнял копьем это блестящее что-то и подал ему.

— Я так и думал, — сказал он унылым голосом. — Это обрывок того вышитого звездами покрывала, которое я подарил Розамунде на Рождество; она оторвала от него часть и оставила здесь, чтобы указать нам, куда ее повезли. К святому Петру! Говорю, там должны пройти лодка или корабль, и, может быть, благодаря темноте они еще не успели выйти в открытое море.

Братья повернули лошадей и поехали к церкви святого Петра по сухопутной дорожке, которая бежит между Стиплем и деревней Бредуэл, все верховые поскакали за ними, пешеходы стали обыскивать местность вдоль залива и реки.

Они мчались среди падавшего снега; Годвин и Вульф были впереди, за ними с грохотом спешил все увеличивающийся отряд рыцарей, оруженосцев-лучников, которые приехали, увидев огонь на стипльской церкви или узнав от гонцов о том, что случилось; даже монахи из Стоунгейтского аббатства и купцы из Соусминстера призывали людей на помощь д'Арси.

Всадники спешили, но дороги были засыпаны снегом, под которым лежал слой грязи, и путь был не близок. Прошел целый час, прежде чем Бредуэл остался позади, а церковь, выстроенная святым Чедом, вырисовывалась на расстоянии мили. Вдруг снег прекратился, поднявшийся сильный северный ветер разорвал густой туман, и впереди из-за него показалось холодное и синее небо. Все еще окруженные клубами тумана, они подъехали к старой башне; тут Вульф и Годвин, натянув поводья, остановили лошадей.

— Что это? — со страхом спросил Годвин, указывая на что-то большое, смутно видневшееся в море сквозь пелену тумана.

Не успел еще голос его замолкнуть, как новый резкий порыв ветра разорвал, закрутил и унес последние покровы тумана и обнажил красный диск поднимающегося солнца. И вот, меньше чем в сотне ярдов перед ними — прилив был силен, — они увидели высокие мачты галеры, которая медленно и плавно шла в открытое море, стройно шевелились ее длинные сильные весла. На их глазах ее подхватил ветер, на главной мачте надулся большой выпуклый парус, и взрыв хохота, донесшийся с корабля, доказал д'Арси, что они тоже замечены.

Рыцари отлично поняли, кто плыл на этом нарядном судне, и, обезумев

от бешенства и горя, взмахнули мечами. В это время на флаговом конце, на передней мачте, взвилось желтое знамя Салах ад-Дина, и в свете восходящего солнца оно заблестело, извиваясь, точно струящееся золото.

Но это было еще не все. На задней палубе появилась высокая фигура самой Розамунды — по одну сторону от нее, одетый теперь в кольчугу и с тюрбаном на голове, стоял эмир Хасан, которого братья д'Арси знали под именем кипрского виноторговца Георгия, по другую — высокий плотный человек, тоже одетый в кольчугу, который на этом расстоянии походил на христианского рыцаря. Розамунда увидела Годвина и Вульфа, Розамунда протянула к ним руки. И вдруг бросилась вперед, точно желая кинуться в море, но Хасан удержал ее за руку, а другой рыцарь, бывший с ней, подошел к высокому бойверку.

Вульф был в полном отчаянии. Его ум мутился от бешенства, и, не помня себя, он пустил свою лошадь в воду, так что волны дошли до половины его тела; видя, что он не может ехать дальше, молодой рыцарь поднял свой меч, потрясая им в воздухе.

— Не бойтесь, не бойтесь. Мы последуем за вами, — кричал он таким громовым голосом, что даже среди ветра и несмотря на все увеличивающееся пространство пенящейся воды его восклицание могло долететь до галеры.

И, казалось, Розамунда услышала его, потому что в виде приветия подняла руку.

Хасан, прижав одну руку к сердцу, а другую — ко лбу, трижды поклонился рыцарю в знак последнего прощания.

Большой парус напрягся, весла спрятались внутрь галеры, и она быстро понеслась по танцующим волнам, становясь все меньше, все расплывчатее, пока наконец не исчезла. Теперь Годвин и Вульф могли только видеть, как солнечный свет играл на золотом знамени Салах ад-Дина, которое развевалось над ней.

VII. Вдова Масуда

Прошло много месяцев с тех пор, как братья в зимнее утро остановили коней подле церкви святого Петра и с мукой в сердце смотрели на плывшую к югу галеру Салах ад-Дина, на палубе которой стояла взятая в плен любимая ими девушка, их родственница — Розамунда. У них не было корабля, чтобы помчаться за ней, да, впрочем, это было уже и бесполезно... Братья поблагодарили всех, кто пришел к ним на помощь, и поехали домой, в свой замок Стипль, потому что там их ждало важное дело. По дороге они расспрашивали то того, то другого, и данные им сведения помогли выяснить все.

Во время обратной поездки и позже братья узнали, что галеру, которую все считали купеческим судном, чужестранцы ввели в залив, сказав, будто ее руль поврежден, что накануне Рождества этот корабль отошел от города и остановился в трех милях от бухты Черной реки. На буксире он привел с собой большой бот, который позже бросили на произвол судьбы. В сумерках лодка двинулась вдоль отдаленного берега к Стиплю. Заполнявшие ее люди (человек тридцать или больше) под предводительством лжепаломника Никласа вскоре спрятались в роще, ярдах в пятидесяти от дома старого сэра Эндрью, — там были впоследствии найдены отпечатки их ног, — они притаились и ждали сигнала напасть на Стипль и поджечь его во время пира. Но это оказалось ненужным, был приведен в исполнение план отравить вино, план, который мог задумать только уроженец Востока. Итак, сарацинам пришлось столкнуться лишь с одним вооруженным человеком, со старым рыцарем, и, вероятно, это обрадовало их, — очевидно, они хотели избежать отчаянной схватки не на жизнь, а на смерть, во время которой неизбежно пали бы многие из нападающих, а если бы подоспела помощь соседей д'Арси, может быть, и все.

Когда окончилась борьба, сарацины повели Розамунду к боту, выбрались в залив, ведя на буксире маленькую шлюпку, выкраденную из сторожки и уносившую теперь их убитых и раненых. Это было поистине самой опасной частью их предприятия, потому что стояла черная ночь и падал снег, они дважды садились на илистые мели. Тем не менее под управлением Никласа, который изучил реку, бухту и залив, сарацины еще до рассвета добрались до галеры; с первыми лучами солнца они подняли якорь и осторожно вышли в открытое море. Остальное известно.

Нельзя было терять времени, поэтому через два дня сэра Эндрью пышно похоронили в Стоунгейтском аббатстве, в той самой гробнице, где уже лежало сердце его брата, отца близнецов, со славой павшего на Востоке.

На похороны собралось множество народа, потому что слух о странных происшествиях разошелся по всей округе, останки старого рыцаря положили на покой под звуки жалоб и молитв. Позже распечатали его завещание; оказалось, что он оставил известную часть денег своим племянникам, кое-что Стоунгейтскому аббатству, назначил суммы на поминальные обеды ради успокоения своей души, на дары слугам и на пожертвования в пользу бедняков, все же свои имения и земли завещал Розамунде. Оба брата (или тот из них, который останется в живых), в силу его воли, должны были служить опекунами владений Розамунды, охранять ее самое и управлять ее имуществом до того дня, когда она вступит в брак.

Имения двоюродной сестры, а также и свои собственные братья в присутствии свидетелей поручили Джону, приору Стоунгейта, прося его управлять ими, исполняя волю завещания, и брать за труды десятую часть всех барышей и доходов. Бесценные дорогие вещи, присланные Салах ад-Дином, они тоже передали на хранение одному клерку в Соусминстере. Это было поистине необходимо, так как никто, кроме Годвина, Вульфа и старого д'Арси, не знал о существовании драгоценностей султана, да благодаря их высокой стоимости было бы и небезопасно рассказывать о них. Устроив все дела, оба брата прежде всего составили по завещанию: Вульф оставлял все Годвину, Годвин — Вульфу, так как трудно было предположить, что оба они вернутся живыми из далекой страны после трудного предприятия. Потом близнецы приняли причастие и благословение приора Джона и на следующий день, рано утром, так рано, что никто не шевелился в доме и его окрестностях, не спеша поехали по направлению к Лондону.

На вершине холма Стипль братья отправили вперед слугу с мулом, нагруженным вещами, с тем самым мулом, которого оставил у них шпион Никлас, и повернули назад лошадей, желая на прощанье еще раз посмотреть на родной дом. С северной стороны вилась Черная река, с западной лежало село Мейленд, и к нему по реке Стипль ползли нагруженные барки. Внизу расстилалась низина, окаймленная деревьями, и среди рощи, в которой скрывались сарацины, стоял замок Стипль, дом, где они росли, сделались из детей юношами, а из юношей — взрослыми людьми, где жила прекрасная, теперь украденная врагами Розамунда, которую они оба отправились искать. Позади осталось прошлое, впереди

темнело неизвестное будущее, и братья не могли проникнуть в его тайны, угадать его очертания.

Взглянут ли они когда-нибудь снова на замок Стипль? Придется ли им, стоящим на холме, померяться силой и мужеством со всем могуществом Салах ад-Дина? Осуждены ли они погибнуть или со славой добиться успеха?

Во тьме, которая обвивала путь, перед ними сияла только одна яркая звезда, звезда любви, но кому светила она? Может быть, ни тому, ни другому? Они не знали этого. Им было ясно только, что они решились на отчаянное предприятие. Действительно, те немногие друзья, которым они говорили о нем, называли их безумцами. Но братья помнили последний совет сэра Эндрью не терять мужества, так как все еще может окончиться хорошо! И им чудилось, что они вовсе не одни, что его храбрый дух идет вместе с ними на поиски, дает им советы, недоступные для слуха.

Вспомнили братья также и клятву, данную ему, друг другу и Розамунде, и, в молчаливое доказательство того, что они сдержат ее до самой смерти, молча пожали друг другу руки. Потом, повернув лошадей на юг, поехали вперед с легким сердцем, не заботясь о том, что может случиться с ними, если только в конце концов, будут ли они живы или умрут, им не придется посрамить памяти сэра Эндрью или имени Розамунды.

Сквозь дымку жаркого июльского утра, колебавшуюся над берегами Сирии, можно было видеть большой дромон, как называли в те времена купеческие суда известного рода, — легкий ветерок тихо нес его в бухту Святого Георгия подле Бейрута. Кипр, откуда отошел корабль, отстоял менее чем на сотню миль от этого берега, а между тем судну понадобилось на плавание до Сирии шесть дней, и не из-за бурь, которых не было, а из-за недостатка ветра. Тем не менее капитан и пестрая толпа пассажиров (большой частью восточных купцов со слугами и паломников различных народностей) благодарили Бога за благополучное путешествие, потому что в те отдаленные времена мореход, который пересекал моря, не потерпев кораблекрушения, считал себя счастливым.

В числе пассажиров были Годвин и Вульф, по приказанию покойного дяди пустившиеся в путь без оруженосцев и слуг. На корабле они назвались братьями, носившими имена Петра и Джона, из Линкольна, города, о котором д'Арси знали кое-что, так как бывали в нем по дороге на шотландские войны; они выдавали себя за мелких фермеров, отправившихся на поклонение Святой земле по епитимье за грехи и ради

успокоения души своих родителей. Товарищи по путешествию — пассажиры, плившие с ними из Генуи, слыша эти рассказы, только пожимали плечами, потому что братья казались именно теми, кем они и были в действительности, — рыцарями благородного происхождения. Глядя на их высокий рост, длинные щиты, на кольчуги, которые они носили под волосяными туниками, все считали их знатными людьми, которые отправились в благочестивые странствия. И их прозвали сэр Питер и сэр Джон, и под этими именами они были известны во все время плавания.

Годвин и Вульф сидели поодаль от всех на носу корабля: Годвин читал арабский перевод Евангелия, сделанный одним монахом-египтянином, а Вульф не без труда следил за ним по латинскому изданию. Арабский язык они узнали еще в ранней юности благодаря урокам сэра Эндрью, но не могли говорить на нем так свободно, как Розамунда, лепетавшая по-арабски еще на руках матери. Понимая, что очень многое зависит от их познаний в этом отношении, они во время долгого путешествия изучали язык арабов по всем книгам, которые только могли найти, для практики же разговаривали по-арабски со священником, который провел много лет на Востоке и теперь за известное вознаграждение занимался с ними, а также беседовали и с сирийскими купцами и моряками.

— Закрой книгу, брат, — произнес Вульф. — Вот наконец и Ливан, — и он указал на линию гор, слабо темнеющих сквозь туманную пелену. — Я рад, что вижу его, с меня довольно тягостного учения.

— Да, — сказал Годвин, — это Земля Обетованная!

— И земля, которая много обещает нам, — добавил Вульф. — Слава Богу, пришло время действовать. Хотя как мы примемся за дело, я не знаю, это выше моего понимания.

— Вероятно, время покажет нам все. Как приказал наш дядя, мы прежде всего отыщем шейха Джебала.

— Тс-с! — остановил его Вульф, потому что в это время небольшая группа купцов и пилигримов подошла к носу корабля. Лица всех этих людей сияли восторгом при мысли, что ужасы путешествия остались позади, что они скоро сойдут на землю, по которой ступал их Господь, им хотелось поскорее увидеть счастливый берег, они с жаром молились и пели благодарственные гимны. Один купец, известный под именем Томаса из Ипсвича, стоял поблизости от братьев и прислушивался к их разговору.

Годвин и Вульф вмешались в восторженную толпу, а тот же самый Томас из Ипсвича, по-видимому раньше уже побывавший в Бейруте, указывал на достопримечательности города, на плодородные земли, окружавшие его, на поросшие кедрами далекие горы, на склонах которых

Хирам, царь Тирский, рубил деревья для постройки Соломонова храма.

— А вы бывали в этих горах? — поинтересовался Вульф.

— Да, по делам, — ответил купец, — я добирался вот до того места. — И он показал на высокую, покрытую снегом вершину на севере. — Очень немногие проникают туда.

— Почему же? — спросил Годвин.

— Потому что там начинаются владения аль-Джебала, — сказал он и, многозначительно взглянув на братьев, прибавил: — Ни христиане, ни сарацины не посещают его без приглашения, приглашения же он рассылает редко.

И снова они спросили, почему нужно ждать приглашений шейха.

— Потому что, — продолжал купец, по-прежнему пристально вглядываясь в лица близнецов, — большая часть людей любит жизнь, а этот человек — господин смерти и волшебства. Странные вещи видишь в его дворце, окруженном чудесными садами. Там, среди восхитительных чащ, живут красавицы женщины, но они злые духи и губят души людей. А Старец Гор — великий убийца, и все владыки Востока страшатся его, потому что стоит ему сказать одно слово своим посвященным фидаям, чтобы они беспрекословно убили того, кого он ненавидит. Молодые люди, вы мне нравитесь, и я говорю вам, будьте осторожнее. Здесь, в Сирии, можно видеть много чудес; оставьте в покое чудеса страшного Господина Гор, если вам хочется снова взглянуть на... башни Линкольна.

— Не бойтесь, мы их увидим, — успокоил его Годвин, — ведь мы собираемся посетить святые места, а не приюты дьявола.

— Ну, конечно, — поддержал брата Вульф. — А все же Сирию стоит видеть.

С берега подошли лодки, полные встречавшими людьми, — потому что в то время Бейрут принадлежал франкам, — и среди смятения волновавшейся и кричавшей толпы купец Томас исчез. Да братья и не хотели отыскивать его, они находили, что было бы неблагоприятно выказывать слишком большое желание узнать что-либо о шейхе аль-Джебале. Впрочем, кто мог найти Томаса? Купец очутился на берегу на два часа раньше, чем остальным путникам позволили покинуть дромон, он отплыл с корабля один, в своей собственной лодочке.

Наконец-то братья вышли на набережную и остановились среди пестрой восточной толпы, рассуждая о том, где отыскать спокойную и недорогую гостиницу, — им не хотелось, чтобы их считали богатыми или знатными людьми. Пока они, немного ошеломленные шумом, толковали об этом, к ним подошла высокая женщина в покрывале, которая долго

смотрела на них. За ней двигался носильщик, державший за повод осла. Этот человек без всяких предисловий схватил вещи Годвина и Вульфа и с помощью своих товарищей принялся быстро и ловко увязывать их на спине осла. Когда же братья вздумали остановить его, он только указал на женщину в покрывале.

— Простите, — сказал наконец Годвин, обращаясь к ней по-французски, — но этот человек...

— Нагружает вещи на осла, чтобы переправить в мою гостиницу. Я беру недорого, у меня спокойно и удобно, а я слышала, как вы говорили, что именно это-то вам и нужно, — ответила она тихим голосом и тоже на хорошем французском языке.

Годвин посмотрел на Вульфа, Вульф на — Годвина, и они стали совещаться, что делать. Решив, что было бы неблагоприятно отдавать себя в руки незнакомой женщины, братья обернулись к ослу, но увидели, что носильщик уже увел его и увез все их вещи.

— Боюсь, что отказываться уже поздно, — со смехом заметила высокая женщина, — вам придется быть моими гостями, не то вы потеряете ваше добро. Пойдемте, после такого долгого пути вам следует вымыться и поесть. Пожалуйста, идите за мной.

И она пошла через толпу, которая, как заметили братья, расступалась перед ней. Высокая женщина подошла к красивому мулу, стоявшему на привязи у столба, отвязав его, вскочила в седло, и поехала от пристани, время от времени оборачиваясь назад, чтобы видеть, идут ли за ней братья.

— Хотелось бы знать, куда мы идем, — сказал Годвин, шагая по бейрутскому песку под лучами знойного солнца, которое нестерпимо жгло его голову.

— Кто может сказать это, раз нас ведет странная, незнакомая нам женщина, — засмеялся в ответ Вульф.

Наконец мул повернул к двери, проделанной в стене из необожженного кирпича, и братья очутились перед входом в белый старый дом, стоявший посреди сада из смоковниц, апельсиновых и других фруктовых деревьев, не знакомых им, а самый дом помещался, как заметили д'Арси, на окраине города.

Тут женщина сошла с мула, передала его ожидавшему у порога слуге-нубийцу, быстрым движением откинула с лица покрывало и повернулась к братьям, точно желая показать им, как она красива. И действительно, она была хороша, в этом никто бы не усомнился: грациозная, стройная, с темными влажными глазами, со странно спокойным выражением лица, она казалась молодой, ей можно было дать не более двадцати пяти лет, и для

уроженки Востока ее кожа была необыкновенно бела.

— Мой бедный дом годится для паломников и купцов, но, конечно, не для знатных рыцарей, тем не менее, сэры, приветствую вас, — произнесла она, поглядывая на братьев.

— Мы только землевладельцы, которые отправились поклониться святым местам, — возразил Годвин и прибавил: — Что вы возьмете с нас за одну хорошую комнату и за стол?

— Эти иностранцы, — обратилась она к носильщику по-арабски, — не говорят правды.

— Не все ли равно тебе, госпожа, — отозвался он, старательно отвязывая вещи. — Они будут платить за себя, а ведь в нашу страну приходит столько безумных людей, которые называют себя чужими именами. Кроме того, госпожа, ты пошла к ним, я не знаю зачем, а не они к тебе.

— Безумцы они или здоровы, но это — порядочные люди, — точно про себя проговорила красивая женщина, потом прибавила по-французски: — Господа, повторяю, у меня очень скромная гостиница, которая едва ли годится для таких славных рыцарей, как вы, но если вам угодно почтить ее вашим присутствием, я возьму с вас столько-то.

— Хорошо, — согласился Годвин и низко поклонился, снимая шляпу, — вы привели нас сюда без нашей просьбы, а потому мы уверены, что вы будете хорошо обходиться с нами, чужестранцами.

— Так хорошо, как только вы пожелаете, то есть я доставлю вам все, за что вы будете в состоянии заплатить, — пояснила она. — Пойдите, я сама расплачусь с носильщиком, не то, пожалуй, он обсчитает вас.

Начался довольно длинный спор между странной красивой женщиной со спокойным лицом и носильщиком, который, по восточному обыкновению, дошел до бешенства из-за денег и в конце концов стал осыпать ее бранью.

Она невозмутимо стояла, глядя на него. Годвин, понимавший все, но делавший вид, что он ничего не понимает, удивлялся ее непонятному терпению. Наконец, совершенно потеряв голову от бешенства, носильщик выкрикнул:

— Немудрено, что ты, Масуда-шпионка, теперь стала на сторону этих христианских собак, а не защищаешь меня, правоверного, ах ты, дочь аль-Джебала!

Красавица вытянулась, все тело ее напряглось. Она в эту минуту походила на змею, готовую кинуться и укусить.

— Чья дочь? — холодно переспросила она. — Ты говоришь о

господине, который убивает?

И она бросила на носильщика взгляд — ужасный взгляд. В ту же минуту весь его гнев затих.

— Прости, вдова Масуда, — произнес он, — я забыл, что ты христианка, а потому, конечно, станешь на сторону христиан. На деньги, которые ты дала, не купишь новых подков для моего осла, истершихся по дороге сюда, но все равно, заплати мне и отпусти, я пойду к паломникам, которые вознаградят меня лучше. Она заплатила ему и спокойно прибавила:

— Иди, и если ты любишь жизнь, смотри, лучше выбирай слова.

Носильщик поехал прочь; в грязном тюрбане и длинной обтрепанной тунике он казался до того обиженным, что, по мнению Вульфа, скорее походил на охапку лохмотьев, чем на человека, сидящего на осле. Вульфу также пришло в голову, что эта странная Масуда имела власть, которой не обладали обыкновенные содержатели и содержательницы гостиниц. Масуда обернулась к братьям и сказала им по-французски:

— Простите меня, но здесь, в Бейруте, сарацинские носильщики резки и грубы, особенно если имеют дело с нами, христианами. Его обманула ваша внешность. Он думал, что вы рыцари, а не простые пилигримы, одетые в рыцарские кольчуги под туниками и, — она взглянула на прядь белых волос на голове Годвина в том месте, где его ударил меч во время стычки у бухты Смерти, — носящие следы рыцарских ран, хотя, правда, такие шрамы могут остаться и после драки в какой-нибудь харчевне. Ну хорошо, вы будете платить мне большую цену, и я отведу вам лучшую комнату, живите в ней сколько вам будет угодно. Ах да, ведь тут ваши вещи! Вы же не бросите их? Эй, невольник, сюда!

Нубиец, который отвел мула в сторону, быстро появился и взял несколько тюков, а Масуда провела братьев по коридору в большую комнату с высокими окнами, на цементном полу которой стояли две кровати, и спросила их, нравится ли им это помещение.

— Да, комната годится, — согласились они.

Казалось, молодая женщина прочитала их мысли и заметила:

— Не бойтесь за вещи. Будь вы так богаты, как, по вашим уверениям, бедны, будь вы так благородны, как, по вашим словам, просты, и тогда вы были бы в полной безопасности в гостинице вдовы Масуды, о мои гости. Но как зовут вас?

— Питер и Джон.

— Да, вы тут в безопасности, Питер и Джон, приехавшие навестить родину Петра и Иоанна, ваших покровителей, и других основателей нашей

веры; повторяю, вам нечего опасаться, о мои гости.

— Гости, которым посчастливилось быть захваченными Масудой, — вновь поклонился ей Годвин.

— Погодите, еще рано говорить, посчастливилось вам или нет, сэр... Но кто вы, Питер или Джон? — спросила она с чем-то вроде улыбки на своем красивом лице.

— Питер, — ответил Годвин. — Помните: паломник с белой прядью в волосах — Питер.

— Вероятно, вы близнецы, вам действительно нужны отличительные знаки. Дайте-ка мне посмотреть; да, у Питера белая прядка и серые глаза. У Джона глаза синие. Джон также более воинствен (если только пилигрим может быть воином) — я вижу это по его мышцам, но Питер больше размышляет. Женщине трудно было бы выбирать между Питером и Джоном... Однако я думаю, оба голодны, а потому пойду и приготовлю им кушанье.

— Что за странная хозяйка гостиницы, — со смехом заметил Вульф, когда Масуда вышла из комнаты, — впрочем, несмотря на то что она так ловко выловила нас на пристани, она мне нравится. Не понимаю только, зачем мы понадобились ей? А знаешь, брат Годвин, ты ей понравился, и это хорошо: она может нам принести пользу. Но смотри, друг Питер, я, как и этот носильщик, думаю, что она опасна. Помни, он назвал ее шпионкой, и, очень вероятно, не ошибся.

Годвин обернулся, чтобы остановить его, и в эту минуту у дверей послышался голос вдовы Масуды:

— Братья Питер и Джон, я забыла предупредить вас говорить тихо в этом доме — над его дверями отдушины для свежего воздуха. Но не бойтесь, я слышала только голос Джона, а не то, что он сказал.

— Надеюсь, нет, — пробормотал Вульф, и на этот раз действительно шепотом.

Молодые люди распаковали вещи и, вынув из дорожного мешка свежее платье, вымылись водой, приготовленной для них в больших кувшинах. И братьям действительно было необходимо освежиться, потому что на переполненном дромоне им редко удавалось мыться. К тому времени, когда они переоделись в свежее платье, надев кольчуги под туники, пришел нубиец и провел их в очень большую комнату; в нее проникал свет через отдушины вверху, а посередине ее пола, вокруг большой циновки, виднелись подушки. Нубиец знаком пригласил братьев сесть на них, ушел, вскоре вернулся вместе с Масудой и принес блюда и тарелки на медных подносах. Он поставил посуду перед гостями и

предложил им начать есть. Годвин и Вульф не знали, какое кушанье подали им, потому что его скрывали соусы. Наконец Масуда сказала, что это рыба. После рыбы принесли мясо, после мяса дичь, после дичи — печенье, торты и другие сладости и плоды. Наконец, несмотря на то что молодые люди долго питались только соленой свининой и заплесневелыми, червивыми сухарями, запивая все плохой водой, они попросили Масуду не давать им больше ничего.

— Тогда, по крайней мере, выпейте хоть вина, — предложила она с улыбкой, наливая в их кубки сладкого ливанского вина. Казалось, ей было приятно, что они ели с таким удовольствием.

Братья повиновались ей, смешав вино с водой. Вдруг она неожиданно спросила их, что они думают делать и долго ли намереваются прожить в Бейруте. Годвин и Вульф ответили, что несколько дней они не двинутся с места, так как им нужен отдых и они хотят осмотреть город, его окрестности, а вдобавок считают необходимым купить хороших лошадей. А не может ли она может помочь им в этом деле? Масуда утвердительно кивнула головой и поинтересовалась, куда думают они отправиться верхами.

— Вот туда, — Вульф махнул рукой в сторону гор. — Перед тем как отправиться в Иерусалим, мы хотим посмотреть на ливанские кедровые деревья и на высокие горы.

— Вы хотите видеть кедровые деревья Ливана? — переспросила Масуда. — Это не совсем безопасно для двоих путешественников, потому что в портах живет множество свирепых диких зверей и еще более лютых людей, которые нападают, убивают и грабят. Вдобавок ко всему Властелин Гор теперь в ссоре с христианами и захватывает в плен всех, кого настигает.

— Как имя этого Властелина? — спросил Годвин.

— Синан, — ответила Масуда. И братья заметили, что она быстро оглянулась.

— О-о, — сказал Вульф, — а мы думали, что его имя Джебал.

Теперь она посмотрела на него широко открытыми изумленными глазами и произнесла:

— Это также его имя, но, сэр пилигрим, что можете вы знать о страшном господине аль-Джебале?

— Мы знаем только, что он живет в месте, которое называется Массиаф, и мы думаем побывать в этой крепости.

Масуда опять с изумлением взглянула на него.

— Вы, верно, безумны, — начала было она, потом сдержалась и, хлопнув в ладоши, призвала невольника, велев ему убрать блюда и тарелки.

Когда слуга ушел, братья высказали желание походить по городу.

— Хорошо, — согласилась Масуда, — но с вами пойдет слуга. Да, да, вам лучше не ходить одним, потому что вы могли бы сбиться с дороги. Кроме того, здесь не всегда безопасно для иностранцев, как бы скромны ни казались они, — многозначительно прибавила она. — Не хотите ли зайти в замок губернатора? Там живет несколько английских рыцарей и несколько священников, которые дают добрые советы паломникам.

— Вряд ли мы зайдём к губернатору, — отклонил ее предложение Годвин, — мы недостойны такого знатного общества. Но почему вы смотрите на нас так странно?

— Я удивляюсь, сэры Питер и сэры Джон, почему вы находите нужным говорить неправду бедной вдове. Скажите-ка, там, у вас на родине, вы не слышали о двух братьях-близнецах, которых зовут... Ах, да как же их зовут-то? Да, да, вспомнила! Одного — сэра Годвина, другого — сэра Вульфа, они из рода д'Арси, и о них у нас ходят толки.

Нижняя челюсть Годвина опустилась, Вульф же громко расхохотался и, видя, что, кроме них троих, в комнате нет никого, в свою очередь задал вопрос Масуде:

— Конечно, этим близнецам было бы приятно узнать, что они так знамениты, но каким образом могли услышать о них вы, вдовья со держательница сирийской гостиницы?

— Я? Я узнала о них от человека, приплывшего на дромоне, он пришел ко мне, пока я готовила кушанье, и рассказал мне странную историю, которую слышал в Англии, историю о том, как Садах ад-Дин — да будет проклято его имя! — послал отряд с поручением украсть одну благородную даму; как двое братьев, Годвин и Вульф одни отбились от целого отряда, совершив истинно рыцарский подвиг, а молодая дама ускакала на коне; как позже они попались в такую ловушку, какие любит устраивать султан, и как на этот раз их благородную родственницу увезли.

— Станный рассказ, — промолвил Годвин, — а не сказал этот человек, приехала ли в Палестину похищенная дама?

— Он ничего не сказал об этом, и я ничего ни от кого не слышала. Но послушайте меня, дорогие мои гости. Вас удивляет, что я знаю слишком много. Это не страшно, потому что тут, в Сирии, многие из нас обязаны собирать сведения. А вы, о безумные дети, считаете, что два таких рыцаря, как вы, принимавшие участие в великих событиях, слухи о которых уже разошлись по всему Востоку, могут путешествовать по суше и морю и остаться неузнанными? Неужели вы думаете, что в Англии не было никого, кто наблюдал за вами, донося о каждом вашем движении могущественному

человеку, высланному военный корабль с известным вам поручением? Ну, то, что знает он, знаю и я. Ведь я же сказала вам, что знать — моя обязанность. Почему я говорю вам все это? Может быть, потому, что мне нравятся такие рыцари, как вы, нравится рассказ о двух молодых людях, стоявших плечом к плечу на молу, в то время как их дама уплывала на коне, нравится, что они, израненные, пробили себе путь через ряды врагов. Мы на Востоке любим рыцарские подвиги. Может быть, также потому, что мне хочется предостеречь вас, посоветовать не тратить драгоценных жизней, пытаюсь пробиться сквозь охраняемые ворота Дамаска ради самой безумной в мире затеи. Как? Вы все еще с удивлением смотрите на меня и сомневаетесь? Хорошо же, я вам говорила неправду. Я не ждала вас на набережной, и носильщик, с которым я поссорилась, не получил от меня приказания схватить ваши вещи и привезти их в мой дом. На пути между Англией и Бейрутом за вами не наблюдали шпионы. Я просто зашла в вашу комнату, пока вы обедали, и прочитала бумаги, неосторожно оставленные вами на столе, просмотрела книги, помеченные не именами Питера или Джона, и обнажила лезвие меча, на котором увидела выгравированный девиз: «Против д'Арси — против смерти», потом услышала, как Питер называл Джона Вульфом, а Джон Питера — Годвином и так далее.

— Кажется, — по-английски сказал Вульф, — мы мухи в паутине, а наш паук носит имя вдовы Масуды, но я не понимаю, зачем мы ей? Ну, брат, что нам теперь делать? Стать друзьями паука?

— Дурной союзник, — ответил Годвин и, посмотрев прямо в лицо Масуде, спросил: — Хозяйка, знающая так много, скажите мне, почему среди сотни бранных слов, которыми осыпал вас рассерженный погонщик осла, он назвал вас дочерью аль-Джебала?

Она вздрогнула и сказала:

— Значит, вы понимаете по-арабски? Я так и думала. Почему вы спрашиваете, не все ли вам равно?

— Это, конечно, не очень важно, только мы хотим навестить аль-Джебала, а потому считаем себя счастливыми, что нам удалось встретить его дочь.

— Вы едете к аль-Джебалу? Да, вы говорили об этом на корабле. Правда, может быть, именно потому-то я и пришла к вам навстречу. Хорошо же; вам перережут горло раньше, чем вы успеете доехать до первого из его замков.

— Не думаю, — возразил Годвин, вынул из-под туники перстень и принялся беспечно играть им.

— Откуда у вас это кольцо? — спросила Масуда, и удивление и страх

промелькнули в ее глазах. — Ведь это... — и она замолчала.

— Перстень нам дал тот, кто возложил на нас и поручение. Теперь, хозяйка, поговорим совершенно откровенно. Вы многое знаете о нас, хотя нам было удобнее называть себя пилигримами Питером и Джоном. Нам нечего стыдиться, тем более что, по вашим словам, наша тайна ни для кого не тайна. И я охотно верю этому. Теперь, раз она открылась, я предполагаю уйти из вашего дома и поселиться с нашими соотечественниками в замке; без сомнения, нас ласково примут там, особенно если узнают, что мы не захотели жить у женщины, которую называют шпионкой и дочерью аль-Джебала. После этого, может быть, вы сами не пожелаете остаться в Бейруте, где, как мы полагаем, не любят шпионок и «дочерей аль-Джебала».

Она молча слушала его, и ни один мускул не дрогнул на ее бесстрастном лице.

— Вы, без сомнения, слышали, что одну женщину, которую называли так, недавно сожгли, считая ее ведьмой? И вы думаете, что навлечете и на меня такую же судьбу? Ах вы, безумцы, — я могу убить вас раньше, чем вы заговорите обо мне с кем-нибудь.

— Вы так считаете? Но я уверен, что это не суждено судьбой, а также что вы не пожелаете принести нам больше вреда, чем мы вам, — спокойно произнес Годвин. — Если говорить откровенно, нам необходимо видеть аль-Джебала; раз уж случайность завела нас к вам, — если это была случайность, — не поможете ли вы нам добраться к нему? Мне кажется, вы могли бы сделать это. Или нам нужно искать помощи в другом месте?

— Не знаю. Я отвечу через четыре дня. Если вам это не нравится — идите, донесите на меня, делайте самое худшее. Тогда и я сделаю свое дело, но с большой грустью.

— А кто нам поручится, что вы не сделаете нам ничего дурного, если мы согласимся ждать четыре дня? — резко спросил Вульф.

— Вы должны поверить на слово дочери аль-Джебала. Другой поруки у меня нет, — ответила она.

— Но это может означать смерть, — сказал Вульф.

— Ваш брат только что говорил, что смерть от моей руки не суждена вам судьбой, и хотя у меня были свои причины взять вас к себе, я не враждую с вами... пока. Решайтесь на что угодно. Тем не менее говорю вам, если поедете к нему, вы, люди, которые, зная арабский язык, узнали и мою тайну, умрете; если же останетесь здесь вы будете в безопасности, по крайней мере, — пока живете в моем доме. Клянусь в этом на знаке аль-Джебала, — и, поклонившись, она дотронулась до перстня, который Годвин

держал в руках. — Но помните, что за будущее я не могу отвечать.

Годвин и Вульф переглянулись; Годвин посмотрел на Масуду:

— Я думаю, мы доверимся вам и останемся.

Услышав эти слова, она слегка улыбнулась, видимо с удовольствием, и предложила:

— Ну, теперь, если вам хочется побродить по городу, мои гости Питер и Джон, я позову раба и велю ему проводить вас. Через четыре дня мы снова потолкуем о вашем путешествии, а до тех пор лучше не будем вспоминать о нем.

На ее зов вошел человек, вооруженный мечом. Он вывел из дому братьев, одетых в пилигримские одежды, и пошел с ними по улицам восточного города. Тут все было так странно, так необыкновенно для Годвина и Вульфа, что они на время забыли о своих затруднениях. Вскоре братья заметили, что в кварталах, где не встречалось ни одного франка, а свирепые слуги пророка хмурились, глядя на них, лишь вид раба Масуды защищал их от всяких оскорблений; увидев нубийца, даже сарацины, с головами, обернутыми тюрбанами, подталкивали друг друга локтями и отворачивались. Наконец они снова вернулись в гостиницу. Кроме двух пилигримов, которые путешествовали на одном дромоне с ними, они ни встретили никого знакомого. Пилигримы очень удивились, услышав от братьев, что они побывали в сарацинском квартале города, куда другие франки не заходили без сильной охраны, хотя Бейрутом владели христиане.

Вернувшись домой, Годвин и Вульф вошли в свою комнату, сели в самом ее отдаленном конце и, говоря почти шепотом, чтобы никто не подслушал их, долго и серьезно совещались, как поступать дальше. Одно выяснилось вполне: их имя и отчасти их цель стали известны; без сомнения, вести об их прибытии вскоре дойдут и до султана Салах ад-Дина. От короля и знатных христианских вельмож в Иерусалиме братья не могли ждать помощи, потому что содействие им повлекло бы полный разрыв Иерусалимского королевства с Салах ад-Дином, а франки очень боялись этого, чувствуя себя не готовыми к борьбе. Было вполне вероятно, что братьям помешали бы отправиться на поиски племянницы Салах ад-Дина, заключили бы их в тюрьму или отослали обратно в Европу. Правда, они могли попытаться отыскать путь к Дамаску одни, но, предупрежденный, султан, вероятно, приказал бы убить их по дороге или бросить в какое-нибудь подземелье. Чем больше рассуждали об этом близнецы, тем больше возрастала их тревога. Наконец Годвин сказал:

— Брат, дядя настойчиво приказывал нам отыскать аль-Джебала, хотя, по-видимому, свидание с шейхом — дело опасное. Я думаю, нам лучше

всего исполнить желание нашего старого воспитателя: кто знает, может быть, в последнюю минуту Господь дал ему дар провидения. Кроме того, если все тропинки тернисты, не все ли равно, которую из них избрать?

— Хорошая поговорка, — ответил Вульф. — Я устал сомневаться и беспокоиться. Исполним желание нашего дяди, поедем к этому Старцу Гор, мне кажется, вдова Масуда способна помочь нам добраться до него. Если на пути к горам мы умрем... Что ж! Мы, по крайней мере, погибнем, исполнив все, что могли.

VIII. Кони Огонь и Дым

Когда на следующее утро Годвин и Вульф вышли к завтраку, другие гости уже сидели за столом. В их числе были серьезный купец из Дамаска, другой — из Александрии Египетской, по-видимому, арабский начальник, иерусалимский еврей и, наконец, не кто иной, как английский торговец Томас из Ипсвича, который тепло поздоровался с братьями.

Странная и разношерстная компания!

Пока Годвин смотрел на них, а молодая стройная вдова Масуда переходила от одного своего постояльца к другому, разговаривая с ними и принося все, что было им нужно, ему пришло в голову, что, может быть, это — собрание шпионов, которые обмениваются сведениями и рапортуют хозяйке гостиницы, состоя у нее на жалованье. Почти все гости Масуды говорили по-французски, толкуя о самых обыкновенных вещах, например: о знойной погоде, о цене за перевозку животных или товаров, о городах, которые они намеревались посетить.

Выяснилось, что купец Томас собирался в это же утро отправиться со своими товарищами в Иерусалим. Но его недавно купленный мул захромал, так как у него треснуло копыто, а нанятые верблюды не пришли с гор; по его словам, ему нужно было подождать день или два. И он предложил братьям побродить вместе с ними по городу. Из благоразумия они решили не отказываться, хотя мало доверяли ему, думая, что именно он узнал их историю и истинные имена и открыл все Масуде или по болтливости, или с какой-нибудь определенной целью.

Как бы то ни было, этот Томас оказался полезным человеком: хотя он только что высадился на землю, но, по-видимому, знал все, что случилось в Сирии в его отсутствие, а также то, что в данное время происходило в этой стране. Он рассказал, что Ги де Лузиньян только что сделался королем Иерусалима после смерти малолетнего Балдуина, а Раймунд Триполийский отказался признать его и был окружен в Тивериаде, что Салах ад-Дин собирал большое войско в Дамаске, задумав двинуться войной на христиан, сказал еще много правды и неправды.

С Томасом и с другими гостями д'Арси часто беседовали, никто не расспрашивал братьев о них самих или из приличия, или по другим причинам, а Годвин и Вульф извлекли из разговоров с ними некоторую пользу.

На третье утро Масуда, с которой они до сих пор еще не вели

разговора об аль-Джебале, заметила, что, кажется, они желали купить лошадей. Братья подтвердили это, и она сообщила, что недавно предложила одному человеку привести им на показ двух коней и что теперь эти лошади стоят в конюшне подле сада. Все трое пошли туда. Подле двери в пещеру, служившую конюшней, как это часто делается на Востоке, где бывает так жарко, Годвин и Вульф увидели важного араба с копьем в руке, завернувшегося в бурнус, сотканный из верблюжьей шерсти. Подходя к нему, Масуда сказала братьям:

— Если лошади понравятся вам, предоставьте мне сговориться с продавцом и сделайте вид, что вы ничего не понимаете.

Араб, который не обратил внимания на чужестранцев, поклонился Масуде и обратился к ней по-арабски:

— Значит, мне было приказано привести моих двух бесценных коней для франков?

— Не все ли равно тебе, дядя мой, Сын Песка, — воскликнула в ответ Масуда. — Выведи их, я хочу посмотреть, привел ли ты тех коней, за которыми я посылала.

Араб повернулся и крикнул в отворенную дверь пещеры:

— Сюда, Огонь!

В ту же минуту послышался стук копыт и через низкую арку выбежала редкой красоты лошадь. Это был конь серой масти с развевающимися гривой и хвостом, не слишком крупный, но статный, с маленькой головой, большими глазами, широкими ноздрями, очень тонкими ниже колена ногами и круглыми копытами. На его лбу виднелась черная звездочка. Конь выскочил, фыркая, но увидев своего хозяина-араба, вдруг остановился и замер подле него.

— Сюда, Дым! — снова закричал араб, и тотчас же выбежала вторая лошадь и стала подле первой. Ростом и сложением конь совершенно походил на первого, только был как уголь и на его лбу блестела белая звездочка да в глазах горело больше огня.

— Вот они, — заговорил араб. Масуда переводила братьям каждое слово. — Они близнецы, им семь лет, и до шести на них не надевали узду, их мать — самая быстрая кобылица во всей Сирии, и их род можно проследить в течение ста лет.

— Это действительно прекрасные лошади, — с восхищением произнес Вульф. — Действительно. Но что они стоят?

Масуда повторила этот вопрос по-арабски, и Сын Песка слегка пожал плечами:

— Не говори пустяков, ты знаешь, что тут нельзя толковать о цене,

потому что эти кобылы бесценны. Спроси с них сколько хочешь.

— Он просит сто золотых за обоих, — «перевела» Масуда. — Вы можете заплатить такие деньги?

Братья переглянулись. Это была большая сумма.

— Такие лошади, — продолжала Масуда, — спасали человеческие жизни, и мне кажется, я не могу потребовать, чтобы он спросил меньше. Он продал бы их в Иерусалиме в три раза дороже. Но, если вы хотите, я могу дать вам займы, без сомнения, у вас есть какие-нибудь драгоценные камни или другие дорогие вещи, которые вы можете оставить мне в залог, например, то кольцо, которое вы носите у себя на груди, Питер.

— У нас есть золото, — взволнованно проговорил Вульф, который отдал бы за этих лошадей все до последней монеты.

— Они покупают, — повернулась к арабу Масуда.

— Покупают-то покупают, но могут ли они усидеть на них? — спросил араб. — Эти кони не для детей и не для паломников; если только покупатели не умеют ездить верхом, они не получают их от меня, нет, нет, не получают, даже если ты потребуешь этого.

Годвин сказал, что ему кажется, он усидит на лошади, во всяком случае попытает свои силы. Тогда араб, оставив коней, вошел в конюшню и с помощью двух прислужников из гостиницы принес узду и седла, не походившие на те, к которым привыкли братья. Это были просто толстые стеганные подушки, заходившие далеко на круп лошадей, с крепкими кожаными подпругами, с чеканными стременами в форме полуподков. Удила были прямыми, без извилин.

Когда коней оседлали и стремена отпустили на нужную длину, араб знаком предложил братьям сесть в седла. Однако, когда они приготовились вскочить на коней, он шепнул какое-то слово, и эти кроткие, спокойные лошади превратились в дьяволов, они стали брыкаться, высоко взметая задние ноги, бросаться на братьев с оскаленными зубами, размахивали над ними копытами передних ног, подкованными тонкими железными пластинками. Годвин стоял и изумлялся, а Вульф, раздраженный этой уловкой, стал позади Дыма и, улучив минуту, положил руку на спину скакуна и одним прыжком очутился в седле. Масуда улыбнулась, даже араб прошептал: «Хорошо», — а Дым, почувствовав на спине всадника, опустился на все четыре ноги и сделался тих, как овечка. Тогда араб шепнул слово лошади по кличке Огонь, и Годвин тоже вскочил в седло.

— Куда ехать? — спросил он.

Масуда заявила, что покажет им дорогу, и вместе с ней и с арабом братья поехали шагом; наконец город остался позади них и они очутились

на проезжей дороге. Слева расстилалось море, справа лежала большая низина, местами занятая обработанными полями, дальше тянулась гряда крутых и каменистых невысоких гор. Пустили лошадей рысью и легким галопом; братья разъезжали взад и вперед и скоро совсем освоились со странными седлами. Недаром еще в детстве скакали они на неоседланных лошадях по зарослям Эссекса. Вскоре научились они управлять и поводьями. Когда братья вернулись к Масуде и арабу, вдова передала им предложение продавца: если они не боятся, он покажет им, что лошади сильны и быстры.

— Мы не боимся скакать так, как решится мчаться он сам, — сердито ответил Вульф; на это араб мрачно усмехнулся и прошептал Масуде несколько слов, потом, положив руку на бок Дыма, вскочил на круп коня, позади Вульфа. Дым не шелохнулся.

— Скажите, Питер, вы соглашаетесь взять спутника? — обратилась Масуда к Годвину со странным взглядом, взглядом диким, не знакомым братьям.

— Конечно, — согласился Годвин, — но где же этот спутник?

Вместо ответа она повторила то же, что сделал араб, и, усевшись позади Годвина, обвила руками его стан.

— Ну, поистине в эту минуту ты пресмешной пилигрим, — засмеялся Вульф, и даже серьезный араб улыбнулся.

Годвин процедил сквозь зубы старинную пословицу: «Женщина позади всадника — дьявол в луке». Но вслух он произнес:

— Я считаю это за честь, но, мой друг Масуда, если случится что-нибудь — вините себя.

— Ничего не случится с вами, друг мой Питер, а я, рожденная в пустыне, так долго пробыла в гостинице, что мне хочется промчаться по горам, чувствуя под собой прекрасного скакуна и видя впереди храброго рыцаря. Послушайте, братья, вы говорите, что не боитесь, так ослабьте же поводья и, где бы вы ни мчались, что бы ни встретили, не старайтесь останавливать или поворачивать обратно лошадей. А теперь мы испытаем этих скакунов, которых ты, Сын Песка, так громко воспеваешь.

— Да падет это на твою голову, дочь, — промолвил старик, — и моли Аллаха, чтобы они усидели в седлах.

Его темные глаза засверкали и, схватившись круглую седельную подпругу, он произнес какое-то слово, кони мгновенно закинули головы и крупным галопом пустились к горам. Сначала они мчались по возделанным полям, с которых только что сняли жатву, перескочили через несколько ровов и низкую ограду, да так мягко, что братьям показалось, будто они

несутся на крыльях. Потом потянулась полоса песчаного грунта, тут лошади поскакали быстрее и скоро начали подниматься по длинному склону горы, с ловкостью кошек ставя ноги между камнями.

Путь становился все круче и круче, вскоре подъем сделался местами так отвесен, что Годвину пришлось схватиться за гриву Огня, а Масуде обхватить руками стан Годвина, чтобы не сползти вниз. Между тем, несмотря на двойную ношу, храбрые кони не задыхались, не уставали. В одном месте они бросились в горный поток. Годвин заметил, что справа, не больше чем на расстоянии пятидесяти ярдов, поток этот падал в глубокую пропасть между двумя утесами, которые отстояли на восемнадцать футов один от другого, и он мысленно сказал себе, что если бы они перерезали поток немного ниже, их поездка окончилась бы. На другом берегу простиралось около сотни ярдов совершенно плоской местности, дальше начинались еще более высокие горы, и кони понеслись к ним между кустами. Наконец они достигли вершины горы, мили на две ниже них лежала долина, с которой они начали свою поездку.

— Эти лошади карабкаются, как козы, — сказал Вульф, — но одно верно: спускаться нам придется пешком и вести их под уздцы.

На вершине горы была почти совершенно ровная площадка без камней, кони поскакали галопом, который все ускорялся, и наконец помчались во всю прыть. Вдруг они остановились, мгновенно поднявшись на дыбы: они были на самом краю глубокой пропасти, внизу, у подножия горы, крутилась и пенилась река. С мгновение Огонь и Дым стояли неподвижно, потом, по одному слову араба, повернули, держась влево, поскакали обратно по площадке и приблизились к краю склона горы. Братьям казалось, что они сейчас остановятся. Но Масуда крикнула что-то арабу, араб крикнул что-то лошадям, а Вульф по-английски прокричал Годвину:

— Не бойся, брат, где не боятся ехать они, проедем и мы.

— Моли Бога, чтобы подпруги выдержали, — ответил Годвин, откидываясь назад.

В ту же минуту кони начали спускаться с горы, сначала шагом, потом немного быстрее и наконец понеслись, как вихрь.

Как могли эти лошади ступать твердо? Конечно, ни одна лошадь, выращенная в Англии, не сделала бы этого. Между тем, не упав ни разу, даже не спотыкаясь, кони летели вниз, перескакивая через большие глыбы камней, и наконец очутились над потоком, или, вернее, над расщелиной шириной в восемнадцать футов, у подножия которой тек поток. Годвин видел все и похолодел. Не безумны ли эти люди, желающие заставить

лошадей, несущих на себе двойной груз, совершить такой прыжок? Откинсья седок, споткнись конь, недостаточно далеко прыгни он — уделом их будет неминуемая смерть.

Старый араб, сидевший позади Вульфа, только громко вскрикнул, а Масуда немного крепче обняла Годвина, и ее тихий смех прозвучал над его ухом. Лошади услышали восклицание своего хозяина и, по-видимому, поняли, что предстоит им, вытянули свои длинные шеи и поскакали еще быстрее.

Вот они примчались к ужасному обрыву, и, точно во сне, перед Годвином мелькнули острый разрез, страшные утесы, между ними пропасть и белая пена ярдах в двадцати внизу. Он почувствовал, что великолепный Огонь весь сжался, а в следующее мгновение взлетел на воздух, как птица. В ту же минуту, — или это был действительно сон? — когда они перелетали через бездну, он почувствовал, как мягкие женские губы прижались к его щеке. Он не знал, действительно ли случилось это: могли человек ясно сознавать что-нибудь, чувствуя рядом с собой смерть? Может быть, его поцеловал ветер или просто прядь кудрей Масуды прикоснулась к его щеке. И, правда, он не мог думать о поцелуях, когда страшный черный зев пропасти зиял под ним.

Они пронеслись в воздухе, белая пена исчезла, всадники очутились в безопасности. Нет, одна из задних ног Огня потеряла опору. Они падают, они погибли! Борьба... Как крепко обнимают эту руки. Как близко это лицо. Ничего, опасность миновала...

Они помчались в горы, рядом с серым Огнем скакал вороной Дым. Глаза Вульфа, казалось, готовы были выскочить из орбит, и он кричал:

— Д'Арси! Д'Арси!

За ним сидел старый араб; его тюрбан свалился, бурнус, как знамя, развевался в воздухе, и он тоже громко кричал.

Все скорее и скорее мчались кони. Скакали ли так когда-нибудь лошади? Быстрее, быстрее; теперь ветер свистел, а земля, казалось, улетала из-под ног. Спуск окончился. Равнина — и равнина осталась позади; теперь поля — поля тоже исчезли, и вот, опустив головы и высоко водя боками, Дым и Огонь остановились рядом на дороге, их покрытые потом тела покраснели в лучах заходящего солнца.

Объятия перестали крепко сжимать стан Годвина. А верно, они были сильны — на обнаженных руках Масуды остались отпечатки колец кольчуги, скрытой под его туникой. Молодая женщина соскользнула на землю, осматривая эти знаки. Потом улыбнулась медленной, трепетной улыбкой, вздохнула полной грудью и сказала:

— Вы хорошо ездите верхом, пилигрим Питер, пилигрим Джон тоже, это хорошие лошади, и стоило поскакать, хотя бы в конце стояла смерть. Ну, Сын Песка, мой дядя, что скажешь ты?

— Что-то я уже состарился для таких скачек по двое на коне, когда в конце ничто не вознаграждает за это.

— Ничто? — спросила Масуда. — Ну, я не вполне уверена в этом. Что же, — прибавила она, — ты продал лошадей пилигримам, которые могут ездить, и они испытали коней, меня же это развлекло после приготовления кушаний в своей гостинице, в которую мне надо теперь вернуться.

Вульф отер увлажнившийся лоб, покачал головой и произнес:

— Мне всегда говорили, что Восток полон безумцами и дьяволами. Теперь я узнал, что мне говорили правду.

Годвин же молчал.

Лошадей отвели в гостиницу, братья прибрали их под присмотром араба, который хотел, чтобы животные привыкли к своим новым владельцам. После этой ужасной скачки кони охотно позволили Годвину и Вульфу подойти к себе. Братья задали им корм, состоящий из размельченного ячменя, колосьев и соломы, смешанных вместе, и напоили их водой, которая целый день грелась на солнце, причем араб подмешал в нее немного муки и белого вина.

На следующее утро д'Арси встали на заре, чтобы посмотреть, как Огонь и Дым чувствуют себя после скачки. Входя в конюшню, они услышали, что кто-то скрытый в тени плачет, и при слабом свете утра увидели старого араба: он стоял к ним спиной, обняв одной рукой шею Дыма, а другой — голову Огня и попеременно целуя красивых скакунов, в то же время громко говорил по-арабски, называл их своими детьми, уверяя, что охотнее продал бы франкам жену и сестру.

— Но, — сказал он наконец, — она приказала, — почему, я не знаю, — и я должен повиноваться! Что ж! По крайней мере, вас возьмут храбрые люди, достойные таких скакунов, как вы. Я почти надеялся, что все мы, трое мужчин и моя племянница Масуда, женщина с тайной на лице и с глазами, видевшими ужасы, погибнем в расщелине. Но не такова была воля Аллаха. А потому прощай, мой Огонь, прощай, мой Дым, чудные дети пустыни, умеющие лететь быстрее стрелы... Никогда не выеду я на вас в битву. Но все же у меня есть другие кони вашей же несравненной крови.

Тут Годвин дотронулся до плеча Вульфа, и оба брата потихоньку вышли из конюшни — они не хотели, чтобы араб увидел их, им казалось позорным смотреть на его печаль. Когда они вернулись в свою комнату, Годвин спросил Вульфа:

— Почему этот человек продал нам благородных лошадей?

— Потому что его племянница Масуда приказала ему сделать это.

— А почему она приказала?

— Ах, — проговорил Вульф, — не назвал ли он ее женщиной с тайной на лице и с глазами, видевшими ужасы? Может быть, ею руководят какие-нибудь семейные причины или вопросы, касающиеся нас с тобой. Ведь она затеяла с нами непонятную игру, ни начало, ни конец которой нам не известны! Но, брат Годвин, ты мудрее меня. Зачем же ты просишь меня разгадать такие загадки? Мне совсем не хочется ломать над ними голову. Я знаю только, что это славная игра, и верю, что она в конце концов приведет нас к Розамунде.

— Только бы все это не привело нас к чему-нибудь гораздо худшему, — со стоном произнес Годвин. Он вспомнил видение, пригрезившееся ему в воздухе над пропастью между черными утесами, под которыми кружилась и билась белая пена, и ничего не сказал Вульфу.

Когда солнце поднялось высоко, братья стали снова собираться идти в конюшню, взяв с собой золото, приготовленное для араба, но, открыв дверь своей комнаты, увидели Масуду — красивая вдова, по-видимому, только что хотела постучаться к ним.

— Куда идете вы, друзья Питер и Джон, да еще так рано? — обратилась она к ним с улыбкой на своем красивом странном лице, казалось, скрывавшем какую-то глубокую тайну. Годвин мысленно сказал себе, что точно такая улыбка была на лице каменного сфинкса, которого они видели на рыночной площади Бейрута.

— Посмотреть на наших лошадей и заплатить деньги арабу, — ответил Вульф.

— Неужели? Мне казалось, что час тому назад вы сделали первое, что же касается до второго — не трудитесь. Сын Песка ушел.

— Ушел! И увел лошадей?

— Нет, они здесь.

— Значит, госпожа, вы заплатили ему? — поднял на нее глаза Годвин.

Было ясно, что Масуде понравилось его любезное обращение, потому что, когда она ответила, ее обыкновенно жесткий голос смягчился. И в первый раз она обратилась к Годвину, выговорив все его имя:

— Почему вы называете меня госпожой, сэр Годвин д'Арсси? Ведь я только содержательница гостиницы, и мне иногда дают жестокие прозвища. Да, может быть, я была дамой, прежде чем сделалась содержательницей гостиницы; но теперь я только вдова Масуда, как вы — пилигрим Питер. Тем не менее я благодарна вам за вашу ошибку.

И, отступив шага два назад к двери, которую она закрыла за собой, Масуда поклонилась с таким достоинством, с такой грацией, что всякий понял бы: эта красивая вдова воспитывалась не в гостиницах.

Годвин тоже поклонился ей, сняв шляпу. Их глаза встретились, и по ее взгляду он понял, что со стороны этой женщины ему нечего было бояться предательства. Как бы темен и неизвестен ни был путь перед ним, он теперь вверил бы свою жизнь в ее руки.

Вульф, заметивший все это, испугался. Он спросил себя, что подумала бы Розамунда, если бы увидела странный взгляд смуглой женщины, которая была когда-то знатной дамой, сделалась содержательницей гостиницы, которую называли шпионкой, дочерью Сатаны, исчадием аль-Джебала?

Теперь вдова Масуда говорила своим обыкновенным резким тоном.

— Нет, я ему не заплатила. Он не захотел взять денег; не захотел также и нарушить слова, данного вам, рыцарям, которые так прекрасно и отважно скачут на конях, но я заключила с ним условие от лица вас обоих и надеюсь, вы не откажетесь исполнить его, так как я поручилась за вас своим добрым именем, а этот араб — глава рода и мой дядя. Вот в чем дело: если вы и эти ваши лошади останетесь в живых и придет время, когда они больше не понадобятся вам, на площади ближайшего города велите местному глашатаю выкрикнуть, что шесть дней будете ждать человека, одолжившего вам коней, если через шесть дней он не явится — продайте их. Только не раньше. Согласны вы?

— Да, — ответили оба брата, но Вульф прибавил:

— Только нам хотелось бы знать, почему араб, Сын Песка, ваш родственник, доверяет нам своих драгоценных коней?

— Завтрак подан, гости, — холодно произнесла Масуда голосом, прозвучавшим, как звон металла.

Вульф только покачал головой и пошел за ней в столовую, которая теперь снова опустела.

Большую часть дня они провели со своими лошадьми, вечером, на этот раз вместе с Масудой, немного проехали, хотя они не были вполне уверены в лошадях — они думали, что, может быть, эти животные, одаренные, по их мнению, почти человеческим умом, закусят удила и унесут их в глубину родной пустыни. Однако, хотя время от времени кони с легким ржанием и оглядывались, как бы желая отыскать своего прежнего хозяина-араба, они не сделали ничего дурного, — лошади, выезженные для дам, не могли бы быть спокойнее. Поэтому, когда братья вернулись обратно, они прибрали, накормили и приласкали животных, и кони стояли

смирно, только настораживали уши и обнюхивали их, точно зная, что это их новые хозяева, и желая подружиться с ними.

На следующий день было воскресенье, братья, опять-таки по желанию Масуды, в сопровождении ее невольника пошли к обедне в большую церковь, прежнюю мечеть, и, как всегда, накинули одеяния пилигримов поверх кольчуг.

— А вы не пойдете с нами? Ведь вы же исповедуете нашу веру? — спросил Вульф.

— Нет, — отказалась от его предложения Масуда, — я сегодня не в таком расположении духа, чтобы исповедоваться. Сегодня я буду перебирать четки дома.

Итак, они пошли без нее. В задней части церкви, которая была просторна, но темна, д'Арси смешались с толпой скромных прихожан и смотрели, как рыцари и священники различных народностей старались занять первенствующее место под куполом. Выслушали они проповедь епископа и многое узнали из нее. В конце своего поучения проповедник заговорил о предстоящей войне с Салах ад-Дином, которого называл антихристом. Епископ просил христиан оставить личные распри и подготовиться к страшной борьбе, говоря, что в противном случае в конце концов крест их Господа будет погран стопами сарацин, Его воины зарезаны, Его знамена осквернены, Его народ перебит или загнан в море. Глубокое молчание встретило эти предупреждения.

— Прошло четыре дня, спросим же нашу хозяйку, нет ли у нее каких-нибудь известий для нас? — предложил Вульф по дороге домой.

— Да, спросим, — согласился Годвин.

Но им не пришлось спрашивать. Войдя к себе, братья увидели Масуду — она стояла посреди комнаты, как видно, в глубоком раздумье.

— Я пришла поговорить с вами, — вдова подняла голову. — Вы все еще хотите навестить шейха аль-Джебала?

И братья ответили:

— Да.

— Хорошо. Я имею разрешение отпустить вас, но советую вам остаться, потому что путешествие опасно. Будем откровенны. Я знаю, что вы задумали. Я знала еще за час до того, как вы ступили на наш берег, и потому привела вас в свой дом. Вы хотите попросить помощи господина Синана против Салах ад-Дина, так как желаете спасти из рук султана одну вашу знатную родственницу, в жилах которой течет его кровь и руки которой вы оба ищете. Вы видите, я и это узнала. Ну, в нашей стране множество шпионов, которые путешествуют то из Европы, то в Европу и

доносят обо всем людям, дающим им деньги. Например, — я могу это теперь сказать, потому что вы больше не увидите его, — купец Томас, с которым вы были здесь, у меня в доме, — шпион. Вашу историю рассказали ему другие английские шпионы, а он передал ее мне.

— А вы тоже шпионка, как вас назвал носильщик? — прямо спросил Вульф.

— Я то, что я есть, — холодно произнесла она. — Может быть, я, как и вы, принесла какую-нибудь клятву и держу ее, как вы держите свой обет. Кто мой господин или почему я поступаю так, вам все равно. Но вы мне очень нравитесь, и мы скакали с вами вместе — это была дикая скачка! — поэтому предупреждаю вас, хотя, быть может, мне не следует так откровенно говорить с вами: аль-Джебал всегда берет плату за оказанные им услуги, а вы за подвиг, может быть, поплатитесь жизнью.

— Вы предупреждали нас также относительно Салах ад-Дина, — напомнил ей Годвин, — что же остается нам, если мы не можем ехать ни к тому, ни к другому?

Она пожала плечами:

— Поступить на службу к одному из крупных франкских полководцев и ждать удобного случая, который никогда не представится. Или еще лучше — нашить несколько зубчатых раковин на шляпы и вернуться домой, там жениться на богатых женах, которых вы встретите на родине, забыть Масуду-вдову, и аль-Джебала, и Салах ад-Дина, и ту девушку, которая виделась ему в грезах. Только, — прибавила она изменившимся голосом, — тогда вам придется оставить здесь этих коней.

— Мы желаем скакать на них, — весело вскрикнул Вульф, но Годвин обернулся к Масуде и сердито взглянул на нее.

— Вы знаете нашу историю, — сказал он, — вы знаете нашу клятву. Какими же рыцарями считаете вы нас, что даете совет, который более годится для шпионов, доставляющих вам вести! Вы говорили о наших жизнях? Они даны нам на время, и, когда их потребуют от нас, мы отдадим их, сделав все, что смогли сделать.

— Хорошо сказано, — заметила Масуда. — Дурно думала бы я о вас, ответь вы иначе. Но почему вы хотите ехать к аль-Джебалу?

— Потому что в минуту смерти дядя велел нам отыскать его, у нас нет другого советчика, и это заставляет нас исполнить его совет — будь, что будет.

— Опять хорошо сказано. Ну, вы поедете к аль-Джебалу. И будь, что будет, со всеми нами.

— С нами троими? — удивился Вульф. — Какое же участие примете

вы в этом деле?

— Я буду вашей проводницей, я еду с вами, и вы увидите, принесу ли я вам пользу, — ответила Масуда.

На своих великолепных конях, в арабских бурнусах, с двумя мулами, нагруженными вещами и всем необходимым для путешествия, а также мехами вина, двинулись братья в путь в сопровождении Масуды; она ехала на одном из мулов.

Много необитаемых, диких мест миновали они, часто приходилось им карабкаться по кручам или спускаться в глубокие впадины, ехать то между чащами, то по выжженным знойным солнцем откосам гор, отдыхать то под ветвями могучих деревьев, то на открытых площадках под темным небом, усеянным звездами.

Раз в самый зной путники остановились среди гор, обнаженные утесы которых тянулись к небу. Утомленные люди раскинули лагерь подле журчащего маленького кристально чистого источника, который привлек их. Усталый и хорошо закусивший взятыми Масудой припасами, Вульф заснул в тени большой скалы. Масуда хлопотала подле костра, разложенного рядом с глубокой горной пещерой.

Не прошло и пяти минут после того, как она подошла к огню, и Годвин услышал ужасный крик молодой женщины, обернулся и увидел ее в зубах страшного желтого чудовища. Д'Арси поднялся, схватил меч и бросился к дикому зверю, который на мгновение остановился, но не выпустил из пасти свою жертву.

IX. На палубе галеры

С того самого дня как галера под желтым флагом Салах ад-Дина отошла от эссекского берега, украденная дочь старого сэра Эндью казалась на ней не пленницей, а царицей. На сарацинском корабле Розамунду встретила неожиданность: в отведенном для нее помещении она застала молодую женщину, уроженку Франции, Марию, которая добровольно пришла на галеру, когда этот корабль на своем пути в Англию стоял подле одного из французских приморских городов, забирая съестные припасы и пресную воду. Узнав, что корабль принадлежит сарацинам, она решила просить их принять ее на палубу и согласилась быть служанкой той принцессы, за которой, по их словам, плыли они. Муж несчастной Марии много лет тому назад ушел в Святую землю, и преданная жена, не имевшая денег на путешествие, с восторгом увидела возможность переправиться в Сирию. Розамунда ласково обошлась с ней, но с остальными держалась гордо. Постоянное присутствие высокого человека в одеяниях христианских рыцарей было ей ненавистно. В первый же раз взглянув на него, она узнала в нем Гуго Лозеля, человека, некогда просившего ее руки, получившего отказ, поклявшегося жестоко отомстить ее роду и потом исчезнувшего из Англии. Когда он подходил к ней, она невольно вздрагивала, как от прикосновения отвратительной гадины; когда он заговаривал с ней, вся кровь отливала к ее сердцу.

Совсем иначе сложились ее отношения с принцем Хасаном, явившимся в дом ее отца под видом купца Георгия. Он обращался с ней почтительно, держался в стороне, старался предупредить ее малейшее желание, не был ни навязчивым, ни дерзким.

Однажды Розамунда обратилась к нему с вопросом, не может ли она попросить его об одной услуге.

С восточным поклоном, сделав почтительный «салам», принц Хасан ответил:

— На этом корабле у каждого свое определенное место, своя обязанность. Сэр Гуго Лозель — искусный мореплаватель, капитан галеры и управляет матросами. Я начальник воинов, а вы, принцесса, вы управляете всеми нами. Вы должны не просить, а приказывать.

— Тогда я приказываю, чтобы мошенник, который носит имя Никласа, никогда не подходил ко мне. Разве я могу выносить близость убийцы моего отца?

— К несчастью, мы все принимали участие в этом; тем не менее ваше приказание будет исполнено. Говоря правду, госпожа, я сам ненавижу этого человека, самого обыкновенного шпиона.

— Я желаю также, — продолжала Розамунда, — никогда больше не разговаривать с сэром Гуго Лозелем.

— Это трудно исполнить, — сказал Хасан, — потому что он капитан и мой господин приказал мне повиноваться ему во всем, что касается корабля.

— Мне нет дела до корабля, — произнесла Розамунда, — и, конечно, принцесса Баальбекская, если таков мой титул, может выбирать для себя общество. Я желаю чаще видеть вас, а сэра Гуго Лозеля — реже.

— Большая честь для меня, — поклонился ей Хасан, — и я постараюсь исполнить ваше желание.

После этого несколько дней Лозель, хотя и наблюдал за Розамундой, но подходил к ней очень редко и каждый раз видел Хасана подле нее или позади нее.

Но когда принц, которому все время приходилось пить дурную воду, заболел и на несколько дней слег в постель, Лозель отыскал случай подойти к Розамунде. Она старалась не выходить из каюты, чтобы избежать встречи с ним, однако зной летнего солнца на Средиземном море заставил ее выйти под балдахин, раскинутый на корме. Вместе с французенкой Марией она села в его тени. Лозель стал то и дело подходить к ней, то под предлогом принести ей кушанье, то осведомляясь, удобно ли ей. Она ему не отвечала ни слова. Наконец, зная, что Мария понимала по-английски, он заговорил с Розамундой по-арабски, так как хорошо владел этим языком, но молодая девушка сделала вид, что не понимает его. Тогда он заговорил с ней по-английски, но на простонародном языке Эссекса.

— Леди, — обратился к ней Лозель, — как жестоко, как неправильно судите вы обо мне! В чем я виновен перед вами? Я уроженец Эссекса, отпрыск знатного рода, я встретил вас на родине и полюбил. Разве это преступление со стороны человека не бедного, кроме того, получившего рыцарское достоинство за подвиги и посвященного в рыцари не низкой рукой? Ваш отец сказал мне «нет», вы тоже, и, уязвленный печалью и его словами (он назвал меня морским разбойником и напомнил позорные и лживые старые рассказы), я заговорил так, как не должен был говорить, и поклялся, что, несмотря ни на что, вы будете моей женой. За это я должен был страдать, ваш двоюродный брат, молодой рыцарь Годвин, тоща еще оруженосец, ударил меня по лицу. Он оскорбил меня и ранил, так как счастье улыбнулось ему; я же с моим кораблем отправился на Восток вести

торговлю между Сирией и Англией. В то время был мир между султаном и христианами, и я случайно посетил Дамаск для закупки товара. Салах ад-Дин послал за мной и спросил меня, правда ли, что я родом из той части Англии, которая зовется Эссексом. Я ответил ему «да», тогда он спросил, знаю ли я сэра Эндрью д'Арси и его дочь. Я опять сказал «да», он открыл мне свое родство с вами, о чем, впрочем, я уже слышал раньше, и рассказал о грезе, в которой вы явились ему, и о своем твердом решении привезти вас в Сирию и оказать вам все высокие почести. В конце концов он попросил меня за большую сумму временно уступить ему одну из моих лучших галер и отправиться за вами; он сказал мне, что сила не будет употреблена; я же со своей стороны заметил, что не подниму руки ни на вас, ни на вашего отца, и действительно не сделал этого.

— Вы помнили о мечях Годвина и Вульфа, — презрительно произнесла Розамунда. — Вы хотели предоставить это более храбрым людям.

— Моя леди, — вспыхнув, заметил Лозель, — до сих пор еще никто не обвинял меня в недостатке мужества. Из вежливости и любезности выслушайте меня. Я поступил дурно, приняв предложение султана, но, поверьте, леди, только любовь к вам заставила меня поступить так, потому что мысль о долгом плавании в вашем обществе представляла для меня великое искушение, я не мог воспротивиться ему.

— Сарацинское золото было для вас непреодолимым искушением. Вот что вы должны были сказать. Прошу вас, будьте кратки. Этот разговор утомил меня.

— Леди, вы жестоки и неправильно судите обо мне; я это докажу вам, — он оглянулся. — Если все будет хорошо, мы через неделю бросим якорь в Лимасолской гавани на Кипре, чтобы взять запасы пищи и воды раньше, чем пойдем к никому не известному порту в Антиохии, откуда вы должны сухим путем отправиться в Дамаск, избегая франкских городов. Император Исаак Кипрский — мой друг, и у Салах ад-Дина нет власти над ним. Раз попав в его дворец, вы будете в безопасности, а со временем, конечно, найдете возможность вернуться в Англию. Вот какой я составил план: ночью вы бежите с корабля; я могу это устроить.

— А сколько придется вам заплатить? — спросила Розамунда. — Ведь вы рыцарь-купец.

— Моя награда — вы сами, леди. Мы обвенчаемся на Кипре. О, подумайте, прежде чем ответить. В Дамаске вас ожидают всевозможные напасти, со мной вам не грозит никакая беда; у вас будет муж-христианин, горячо любящий вас, любящий вас до такой степени, что ради вас он

охотно потеряет свой корабль, и мало того, нарушит слово, данное Салах ад-Дину, у которого длинная карающая рука.

— Я решила, — холодно сказала Розамунда. — Я скорее доверюсь честному сарацину, чем вам, сэра Гуго, шпоры которого, по справедливости, должны были бы отрубить повара. Да я скорее приму смерть, чем руку человека, который ради собственных низких целей задумал план, повлекший смерть моего отца и мой плен. Кончено, и, повторяю, никогда не смейте больше говорить со мной о любви. — Она поднялась с места и направилась в свою каюту.

Лозель посмотрел ей вслед и прошептал:

— Нет, прекрасная леди, я только начал и не забуду ваших жестоких слов.

Из своей каюты Розамунда послала сказать Хасану, что она хотела бы поговорить с ним.

Эмир тотчас же пришел, еще бледный после болезни, и спросил, что прикажет она. Розамунда в ответ рассказала все, что произошло между Лозелем и нею, и попросила его защиты от этого человека. Глаза Хасана вспыхнули.

— Вон он, — гневно промолвил эмир, — он стоит один! Согласны ли вы пойти и поговорить с ним?

Она ответила ему наклоном головы; подав ей руку, Хасан проводил ее на палубу.

— Капитан, — начал он, обращаясь к Лозелю. — Странные вещи рассказала мне принцесса, она говорит, что вы осмелились предлагать ей руку, клянусь Аллахом, — ей, принцессе, племяннице великого Салах ад-Дина!

— Так что же, господин сарацин, — дерзко возразил Лозель. — Разве христианский рыцарь не может быть мужем родственницы восточного владыки?

— Вы... — начал Хасан, и бешенство почувствовалось в его тихом голосе. — Вы — тайный вор и отступник, клявшийся пророком Магометом в Дамаске и Иисусом — в Англии... Да, попробуйте отрицать это, я слышал, как клялись там вы и ваш низкий слуга Никлас! Вы достойны ее? Если бы вы не должны были управлять кораблем, если бы мой повелитель не запретил мне ссориться с вами до конца плавания, я теперь же отрубил бы вам голову и вырезал бы ваш язык, который осмелился произнести такие слова.

И он сжал эфес своей кривой сабли.

Лозель смирился под взглядом его горящих глаз, он хорошо знал

Хасана, знал также, что если бы дело дошло до боя, то его люди не справились бы с солдатами эмира.

— Когда мы исполним нашу обязанность, мы рассчитаемся с вами, — произнес он, стараясь казаться храбрым.

— Клянусь Аллахом, я, эмир Хасан, напомним ваше обещание. Я отвечу за все сказанное перед лицом Салах ад-Дина в любой день и час, как и вы ответите ему за ваше предательство.

— В чем же меня обвиняют? — удивился Лозель. — В том, что я люблю леди Розамунду; но все любят ее, может быть, даже вы сами, человек уже не молодой и поблекший.

— За это преступление я тоже накажу вас, отступник. А с Салах ад-Дином вам придется свести другие счета: вы обещали ей помочь бежать, вы старались соблазнить ее бегством с того самого корабля, на котором дали клятву охранять ее, вы сказали, что доставите ей убежище среди кипрских греков.

— Если бы это была правда, — отверг его обвинения Лозель, — султан мог бы пожаловаться на меня. Но это ложь! Слушайте же, раз я должен высказаться. Леди Розамунда просила меня сделать это для нее, а я сказал, что честь запрещает исполнить ее просьбу, хотя я действительно люблю ее, как любил и всегда, и готов сделать для нее многое. Тогда она обещала, что если я спасу ее от вас, сарацин, я не останусь без награды, что она обвенчается со мной. И опять с болью в душе я ответил, что это невозможно теперь, однако, когда я доведу корабль до земли, то послужу ей, как ее истинный рыцарь, и, освободившись от клятвы, сделаю все, чтобы спасти ее.

— Вы слышите, принцесса! — воскликнул Хасан, обращаясь к Розамунде. — Что вы скажете?

— Я скажу, — холодно ответила она, — что этот человек лжет ради собственного спасения, что я охотнее умру, чем позволю ему приблизиться ко мне.

— Я тоже считаю, что он лжет, — согласился с ней Хасан. — Нет, спрячьте кинжал, если вы желаете увидеть новое солнце! Я не хочу здесь драться с вами, но когда мы будем при дворе султана, Салах ад-Дин узнает все и сам решит, кому нужно верить, принцессе ли Баальбека, или нанятому слуге, изменнику-франку и пирату, сэру Гуго Лозелю.

— Пусть он узнает все, когда мы будем при его дворе, — многозначительно заметил Лозель и прибавил: — А вы ничего более не желаете передать мне, принц Хасан? Если нет, я уйду, мне необходимо позаботиться о корабле, который, как вы воображаете, я хотел бросить ради

улыбки прекрасной дамы.

— Я хочу сказать только, что этот корабль принадлежит султану, а не вам, потому что он купил его у вас, что с этой минуты благородную даму будут охранять день и ночь, что, когда мы подойдем к берегам Кипра, стражу удвоят, потому что там, кажется, у вас есть друзья. Поймите и запомните,

— Я понимаю и, конечно, буду помнить, — усмехнулся Лозель.

Так они расстались.

— Я думаю, — обратилась к Хасану Розамунда, когда Лозель ушел, — что если мы благополучно дойдем до Сирии, нам нужно будет назвать себя счастливыми!

— Эта мысль была и у меня, госпожа. Кажется, я тоже забыл об осторожности, но этот человек возмутил мое сердце; слабый после болезни, я потерял рассудок и говорил то, что было у меня на сердце, хотя следовало выждать. Может быть, напрасно я не убил его, но он один умеет хорошо управлять кораблем, так как с самой ранней юности занимался этим. Предоставим все воле Аллаха. Он справедлив и в свое время решит это дело.

— Да, но как? — переспросила Розамунда.

— Надеюсь, мечом, — ответил Хасан, низко поклонился и ушел.

С этих пор вооруженные воины всю ночь стояли на часах перед дверями каюты Розамунды, и, когда она выходила пройтись по палубе, они не отставали от девушки. Ее больше не беспокоил Лозель, сэр Гуго перестал заговаривать с ней или с Хасаном, зато он то и дело шептался с Никласом.

Наконец в одно золотистое утро галера подошла к берегам Кипра и бросила якорь. Лозель действительно был искусным лоцманом, одним из лучших мореходов. Вдоль бухты расстился белый город Лимасол, в его садах красовались стройные пальмы, дальше за плодородной изменностью высились могучие Троодосские горы. Усталая Розамунда, которой надоело нескончаемое море, с восторгом посмотрела на зеленевший красивый берег, бывший ареной стольких исторических событий, и вздохнула при мысли, что ей нельзя ступить на него. Лозель увидел ее взгляд, услышал ее вздох и, садясь в шлюпку, которая подошла, чтобы отвезти его в гавань, насмешливо сказал ей:

— Не угодно ли вам изменить ваше решение, моя леди, и отправиться со мной навестить моего друга императора Исаака? Клянусь, при его дворе очень весело, там нет толпы кислых сарацин или унылых пилигримов, думающих о спасении души. На Кипре совершаются только паломничества

на Пафос, туда, где из пены морской родилась Киприда.

Розамунда не ответила, Лозель направился к берегу в шлюпке, которую смуглые кипрские гребцы ловко вели по волнам. Странно было видеть, что волосы этих гребцов украшали цветы.

Целых десять дней простояла галера у Лимасола, хотя была ясная погода и ветер дул по направлению к Сирии. Когда Розамунда спросила, почему они так долго не отходят, Хасан с досадой топнул ногой и ответил, что император отказывается доставить им больше чем на один день пресной воды и съестных припасов, что Гуго, пока Хасан не выйдет на сушу, не хочет идти с поклоном во внутренний город Никосию, где находится двор Исаака Кипрского. Чувствуя, что в этом кроется ловушка, Хасан боялся подчиниться требованию Лозеля, а между тем без запасов воды и пищи галера не могла отплыть.

— Разве сэръ Лозель не может устроить это сам? — удивилась Розамунда.

— Конечно, мог бы, если бы хотел, — ответил Хасан, злобно сжимая зубы, — но он клянется и божится, что не может сделать ничего.

Так они стояли день за днем, их палило знойное летнее солнце, качали длинные гряды волн, наконец мужество сарацин ослабело, тела также, потому что у многих началась лихорадка, часто нападающая на людей близ берегов Кипра, двое умерли. Время от времени кто-нибудь из кипрских сановников являлся с берега вместе с Лозелем, доставляя на галеру немного съестных припасов и воды, и принимался торговаться, говоря, что путники ничего больше не получают, если принц Хасан не навестит императора и не привезет с собой бывшую на его корабле прекрасную даму, которую желал видеть Исаак.

Хасан каждый раз отвечал отказом и удваивал стражу при Розамунде, тем более что теперь по ночам близ галеры появлялись странные лодки. Днем также целые толпы фантастически разодетых в шелк и бархат мужчин и женщин крейсировали подле берега и смотрели на корабль, точно готовясь совершить нападение.

Хасан вооружил своих суровых сарацин и велел им стоять цепью на бойницах с обнаженными саблями в руках; это, как видно, пугало жителей Кипра, по крайней мере, увидев воинов, они удалялись к большой башне Колосси.

Наконец Хасан потерял терпение. В одно прекрасное утро Лозель вернулся из города Лимасола, в котором ночевал, и с ним явились три кипрских вельможи; по их словам, они не собирались вести переговоров, а желали только увидеть красавицу принцессу Розамунду. После этого

начались обычные толки о том, что для получения необходимых припасов мореплаватели должны явиться к императору Исааку, в противном случае он решил приказать морякам взять галеру в плен. Хасан выслушал киприотов и вдруг приказал схватить вельмож.

— Теперь, — обращаясь он к Лозелю, — прикажите вашим матросам поднять якорь и направиться к Сирии.

— Но, — возразил рыцарь, — съестных припасов и пресной воды нам хватит только на один день!

— Все равно, — ответил Хасан, — теперь безразлично: умереть ли от голода и жажды на море или сгореть здесь от лихорадки. То, что могут вынести эти кипрские вельможи, вынесем также и мы! Прикажите матросам поднять якорь и распустить паруса, или моя сабля порботает среди них.

Теперь Лозель топал ногами и бесновался, но это ни к чему не привело. Поэтому он обратился к трем бледным от страха уроженцам Кипра:

— Что вы решаете: достать запасы пищи и воды для нашего корабля или пуститься в море без того и другого, что повлечет неминуемую смерть?

Они сказали, что отправятся на берег и достанут все необходимое.

— Нет, — твердо произнес Хасан, — вы останетесь здесь, пока не привезут запасы пищи и воды.

В конце концов это было исполнено, потому что один из вельмож оказался племянником императора. Узнав о пленении своего близкого родственника, Исаак прислал все необходимое для галеры. Кипрских вельмож отправили обратно в последней из шлюпок, доставивших груз, и через два дня галера была уже в море.

Вскоре Розамунда заметила отсутствие ненавистного ей шпиона Никласа и сказала об этом Хасану. Тот навел о нем справки у Лозеля; сэр Гуго ответил, что Никлас отправился на берег и исчез в первый же день их остановки на Кипре, что он не знает, был ли лжепилигрим убит во время какой-нибудь ссоры, заболел ли он или просто бежал. Хасан пожал плечами, Розамунда обрадовалась, что отделалась от предателя и убийцы, но мысленно спрашивала себя, ради какой недоброй цели Никлас бежал с корабля.

Целый день галера быстро шла от Кипра, направляясь к берегам Сирии, потом она попала в полосу того полного затишья, какое часто случается летом в этом море. Целых восемь дней не чувствовалось ни малейшего ветра, и галера почти не двигалась вперед. Но вот, когда все глаза устали пристально вглядываться в гладкую, как масло, поверхность

моря, поднялся легкий попутный ветерок. Мало-помалу он стал усиливаться и быстро понес галеру к цели ее плавания. Все беспорядочнее, все сильнее становились шквалы; к вечеру второго дня, когда громадные волны стали грозить палубе корабля, вдали наконец показались очертания высокой горы. При виде ее Лозель громко поблагодарил Бога.

— Это горы близ Антиохии? — спросил Хасан.

— Нет, — ответил рыцарь, — гораздо южнее, между Лаорикией и Джеблой. Хвала Всевышнему, там есть хорошая гавань, мы можем зайти в нее, чтобы скрыться до окончания бури.

— Но мы идем к Дербесаку, а не к франкскому порту близ Джебалы, — сердито заметил Хасан.

— Тогда поверните корабль и сами управляйте им, — сказал Лозель. — И вот что я обещаю вам: через два часа все вы окажетесь на дне морском.

Хасан задумался. Сэр Гуго говорил правду, потому что, поверни он корабль, волны стали бы налетать на галеру сбоку, наполнили бы ее и утопили.

— Да падет это на вашу голову, — резко произнес эмир.

Стемнело. При свете больших фонарей, поднятых на корме, можно было видеть, как море, побелевшее от пены, со свистом проносилось мимо галеры, корабль летел к берегу с обнаженными мачтами. Путники не смели распустить паруса. Всю эту ночь галера качалась и колебалась так, что даже самые сильные из матросов заболели, люди молились, одни призывали имя Христа, другие кричали «Аллах! Аллах!», но все просили Небо дозволить им войти в гавань. Наконец над вершиной самой высокой горы забрезжил свет встающей зари, хотя низкое побережье еще утопало в тени; всем также показалось, что громада высится почти над ними.

— Ободритесь! — крикнул Лозель. — Я думаю, мы спасены. — И он поднял второй фонарь на главную мачту — зачем сделал это сэр Гуго, никто не понял.

Вскоре море стало затихать, но снова запенилось, когда галера перелетела через какую-то гряду, после этого путники опять очутились в спокойной воде и в полутьме рассмотрели справа и слева неопределенные очертания заросших деревьями берегов. Некоторое время они шли вперед, потом Лозель громко приказал своим морякам бросить якорь и послал сказать всем остальным, что они могут лечь отдохнуть, так как всякая опасность миновала. Истомленные путники легли и постарались заснуть.

Но Розамунда не могла сомкнуть глаз. Она встала с постели, накинула на себя плащ, подошла к дверям каюты и стала любоваться красотой гор,

нежно-розовых в молодых лучах света, и на закрытую дымкой тумана водную поверхность бухты. Галера стояла в безлюдном месте, по крайней мере, молодая девушка нигде не видела ни города, ни домов, хотя до берега было не более пятидесяти ярдов. Внезапно она услышала в тумане звуки весел и рассмотрела три или четыре лодки, приближавшиеся к галере, заметила она также, что Лозель один стоит на палубе и смотрит на них. Первая лодка пошла быстрее, на ее носу поднялся какой-то человек и тихим голосом заговорил с сэром Гуго. Когда он вставал, с его головы свалился капюшон, и Розамунда узнала ненавистного шпиона Никласа. С мгновение она стояла, окаменев, — ведь этот человек остался на острове Кипр, но тут же все поняла и громко закричала:

— Измена! Принц Хасан, измена!

Едва эти слова слетели с ее губ, как она увидела, что какие-то люди с дикими лицами уже карабкаются на низкий борт средней части галеры, к которому быстро подходила одна лодка за другой. Сарацины тоже вскакивали со скамей, на которых спали, бежали к корме, где стояла Розамунда, все собрались к ней, за исключением отрезанных на носу корабля. Появился и принц Хасан, он держал в руках саблю, его голову закрывал украшенный драгоценностями тюрбан, а тело — кольчуга, но на нем не было плаща. Он еще издали давал приказания своим воинам, между тем как наемный экипаж корабля попадал на колени и стал просить пощады. Розамунда крикнула принцу, что их предал Никлас, которого она видела. В эту минуту высокий человек в белом арабском бурнусе и с обнаженным мечом в руках вышел вперед и сказал по-арабски:

— Сдавайтесь, мы гораздо многочисленней вас, и ваш капитан в плену.

Он указал на Лозеля, неприятели держали рыцаря, связав ему руки за спиной.

— Кому вы предлагаете сдаться? — принц обвел всех горящим взглядом, точно лев в западне.

— Говорящему от страшного имени властителя Синана, аль-Джебала, о слуга Салах ад-Дина!

Услышав это, застонали все, даже храбрые сарацины, они поняли, что им приходится иметь дело с ужасным главой ассасинов.

— Значит, между султаном и Синаном началась война? — спросил Хасан.

— Да, мы всегда воюем. Кроме того, с вами та, которая, — он взглянул на Розамунду, — дорога Салах ад-Дину, ее мой господин желает иметь заложницей.

— Как вы узнали о ней? — обратился Хасан к высокому человеку,

желая выиграть время, чтобы его воины успели оправиться.

— Как господин Синан узнает все, — слышался ответ. — Сдавайтесь же, и, быть может, он помилует вас.

— Сдаться шпионам, — со свистом вырвалось из уст Хасана, — таким, как Никлас, который приплыл сюда с Кипра раньше нас, и франкская собака, которая только называется рыцарем, — указал он на Лозеля. — Нет мы не сдаемся, и тут вам, ассасины, придется иметь дело не с ядом и ножом, а с мечами и храбрыми людьми. Да, предупреждаю вас и вашего господина, что Салах ад-Дин отплатит за это деяние.

— Пусть попробует, если он желает умереть, ведь до этого дня мы его щадили, — спокойно изрек высокий араб, потом, обратившись к окружающим, приказал: — Перерезать всех, кроме женщин и эмира Хасана, которого мне приказано привести в Массиаф живым.

— Идите в каюту, госпожа, — обратился Хасан к Розамунде, — и помните, что мы сделали все ради вашего спасения. Скажите это моему господину, я хочу, чтобы моя честь осталась незапятнанной в его глазах. Теперь, солдаты Салах ад-Дина, бейтесь и умрите так, как вас учил наш господин. Ворота рая распахнулись, но ни один трус не войдет в них!

В ответ раздался бешеный крик. Розамунда убежала в каюту, а на палубе началась ужасная резня. Ассасины с мечами и кинжалами старались подняться на борт и штурмом взять палубу, но их натиск несколько раз отбивали, средняя часть галеры наполнилась их телами, потому что они, один за другим, падали под ударами кривых сарацинских сабель, но снова и снова бросались вперед, не зная ни страха, ни жалости, когда их господин давал им приказ. От берега подходили новые лодки, наполненные людьми, а сарацин было мало, и все истомленные болезнью и бурей. Наконец, выглянув из каюты, Розамунда увидела, что враги заняли корму.

Кое-где еще бились отдельные группы, но сарацины падали под ударами ассасинов, увеличивая кольцо мертвых тел. В числе сражавшихся был и принц-воин Хасан. Глаза Розамунды не отрывались от него, она следила за тем, как он один отбивался от целой толпы, и перед ней предстала другая картина: точно так же ее отец, тоже один, боролся с эмиром и его солдатами; в это страшное мгновение она подумала о справедливости Божьей.

Но что это? Нога принца скользнула по покрытой кровью палубе. Хасан упал, и, раньше чем он успел подняться, на него набросили плащи; ожесточенные, но молчаливые даже перед лицом смерти люди, помнившие о приказании своего предводителя взять принца живым, быстро накрыли его множеством плащей. Они взяли его живым и не раненым: никто из

ассасинов не ответил на его удар ударом, чтобы не нарушить приказание Синана.

Розамунда видела все это, и, помня, что великий ассасин приказал привезти ее также не раненой, знала, что ей нечего бояться насилия со стороны жестоких убийц. Эта мысль и сознание, что Хасан остался жив, подбодрили ее.

— Кончено, — произнес высокий араб бесстрастным голосом, — бросьте в море собак, которые осмелились послушаться приказаний аль-Джебала.

Его воины повиновались, они подняли мертвых и умиравших сарацин и бросили их в воду, где те и утонули, и ни один из раненых воинов Хасана не попросил пощады. Потом ассасины поступили так же со своими мертвыми, раненых же переправили на берег. Наконец высокий араб подошел к каюте и сказал:

— Госпожа, идите, мы готовы в путь.

Розамунде пришлось повиноваться. Идя за ним, она вспомнила, как после борьбы и кровопролития ее привезли на эту галеру Бог весть с какой целью, и думала, что теперь сходит с нее после борьбы и кровопролития и что снова ее повезут неизвестно куда.

— О! — вскрикнула она, указывая на тела, которые кидали в море. — Дурно кончили люди, укравшие меня, но дурно можете кончить и вы, слуги аль-Джебала.

Высокий человек ничего не ответил. Он вел ее к лодке, а за ними шли плачущая Мария и принц Хасан.

Они вскоре были на берегу, здесь Марию оторвали от Розамунды, и дочь сэра Эндрью никогда не узнала, что случилось с этой женщиной и нашла ли она своего исчезнувшего мужа.

Х . Город аль-Джебала

— Довольно, довольно, — смущенно попросил Годвин, — когти животного только оцарапали меня, мне стыдно, что вы заставляете ваши волосы нести такую низкую службу. Дай мне глоток воды, Вульф. Он обратился к брату, но, не говоря ни слова, Масуда, которая отирала его кровь своими волосами, подала ему воды из источника, подмешав туда вина. Годвин напился. Он поднялся и пошевелил руками и ногами.

— Да, — заявил он, — все сущие пустяки. Это было только потрясение, львица совсем не ранила меня.

— Зато ты ранил львицу, — засмеялся Вульф. — Клянусь святым Чедом, хороший удар, — и он указал на длинный меч, торчавший по рукоятку в груди животного. — Я сам не мог бы ударить лучше.

— Мне кажется, зверь сам нанес себе удар, — ответил Годвин. — Я только выставил вперед меч, когда львица, бросив Масуду, прыгнула на меня. Вытащи его, брат. Я еще слишком слаб...

Вульф оперся ногами в тело животного, стал дергать меч и, наконец освободив его, заметил:

— Ах, какой я эсекский кабан! Я спал и не проснулся, пока Масуда не схватила меня за волосы. Тогда я открыл глаза и увидел, что ты лежишь на земле, а желтый хищник сидит на тебе, словно наседка на яйцах. Я думал, что животное еще живо, и рассек его мечом, но если бы я проснулся совершенно, я вряд ли решился бы сделать это. Посмотри-ка, брат, — он толкнул голову львицу, и она так перевернулась, что Масуда и Годвин в первый раз заметили, что тело животного соединилось с шеей только узкой полоской шкуры.

— Хорошо, что ты не ударил немножко посильнее, Вульф, не то я был бы разрублен надвое и утопал бы в собственной крови, а не в крови этого мертвого зверя, — и Годвин с сожалением посмотрел на свой бурнус и тунику, покрытые запекшейся кровью.

— Да-а, — протянул Вульф, — я не подумал об этом. Но кто мог соображать в такую минуту?

— Госпожа Масуда, — спросил Годвин, — когда я в последний раз смотрел в вашу сторону, вы висели в челюстях львицы. Вы ранены?

— Нет, — ответила она, — я, так же как и вы, ношу кольчугу, и зубы львицы скользнули по ней, зверь держал только мой плащ. Сдерем шкуру животного и поднесем ее в подарок аль-Джебалу.

— Хорошо, — согласился Годвин, — а вам я дарю когти львицы для ожерелья.

— Верьте, я буду всегда носить их, — тихо произнесла Масуда и стала помогать Вульффу сдирать шкуру зверя. Годвин сидел рядом, отдыхая. Покончив с делом, Вульф подошел было к маленькой пещере, но тут же отскочил.

— Ах, — воскликнул он, — там еще несколько! Я видел их глаза и слышал, как они ворчат. Ну, братец, дай мне горящую ветку, я покажу, что не один ты умеешь сражаться со львами.

— Бросьте, безумец, — сказала Масуда. — Там, конечно, ее львята, и, если вы убьете их, ее товарищ погонится за нами; если же мы не тронем львят, он останется с ними, чтобы кормить их. Уйдемте отсюда.

Вульф и Масуда показали дрожащим и фыркающим мулам львиную шкуру, желая дать им понять, что это не живое страшилище, потом упаковали ее на спине одного из животных и быстрее поехали в долину, лежавшую милях в пяти от места приключения; там текла речка, но не было деревьев. Годвин нуждался в отдыхе, и подле источника они остановились и пробыли там весь день и ночь. Львы больше не показывались, хотя путники усердно подстерегали их. На следующее утро хорошо выспавшийся Годвин совершенно оправился, и все снова пустились по неровной местности к глубокому ущелью, по обеим сторонам которого поднимались высокие утесы.

— Это ворота аль-Джебала, — пояснила Масуда, — и сегодня нам придется переночевать близ этого горного прохода. Через день мы будем в его городе.

Путники двинулись дальше и наконец увидели замок, большое строение с высокими стенами; они подъехали к нему на закате. Казалось, их ждали. Со всех сторон к ним сбегались люди, которые почтительно кланялись Масуде и с любопытством осматривали братьев, особенно узнав о приключении со львицей. Их провели не в замок, а на маленький двор позади него. Тут им предоставили пищу и отвели место для ночлега.

На следующее утро они снова двинулись в горы, чередовавшиеся с прекрасными долинами. Два часа ехали они, минуя на своем пути много деревень, люди работали на огородах и в полях. Едва подъезжали они к какой-нибудь деревне, оттуда мчались всадники и преграждали им путь, тогда Масуда выезжала вперед и говорила один на один с предводителями. Выслушав ее, предводитель почтительно дотрагивался до своего лба, наклонял вперед голову, и братья без помехи ехали дальше.

— Видите, — сказала Масуда Годвину и Вульффу, когда их остановили

таким образом в четвертый раз, — была бы у вас возможность без провожатых добраться до Массиафа? Да, говорю вам, братья, вы были бы уже мертвы, не доехав даже до первого замка!

Они поднялись на большой откос и на его гребне остановились, чтобы посмотреть на чудесную картину, которая открылась перед ними. Внизу расстилалась широкая долина с деревнями, хлебными полями, масличными рощами и виноградниками. Посреди этой долины, милях в пятнадцати от путников, поднималась высокая гора, обнесенная кругом стенами. За стенами виднелся город, его белые дома с плоскими крышами как бы карабкались по откосам, вершину горы завершала площадка, заросшая деревьями, а на ней возвышался замок со многими башнями и тоже окруженный домами.

— Смотрите, это дом аль-Джебала, Властителя Гор, — объявила Масуда, — сегодня мы будем ночевать там. Ну, мои братья, выслушайте теперь меня. Немногие из чужестранцев, которые входят в этот замок, возвращаются из него живыми. Еще есть время, я могу проводить вас обратно. Вы хотите ехать вперед или вернуться?

— Хотим ехать вперед, — в один голос ответили Годвин и Вульф.

— Чего вы добиваетесь? Хотите отыскать вашу благородную девушку? Но почему вы приехали сюда, когда, по вашим словам, ее отвезли к Салах ад-Дину? Только потому, что в былые дни аль-Джебал поклялся быть другом одного из членов вашего рода? Но ведь тот аль-Джебал умер, и вместо него правит другой, который не давал такой клятвы. Почему вы уверены, что он поможет вам, а не убьет вас или не возьмет в плен? В этой стране я обладаю властью, — как или почему, не все ли вам равно? — могу защитить вас от всех ее жителей и, клянусь, сделаю это, так как один из вас спас мне жизнь, — она взглянула на Годвина. — Но против господина Синана я бессильна... я раба его.

— Он враг Салах ад-Дина и, может быть, из ненависти к султану поможет нам.

— Да, теперь он больше, чем когда-нибудь, враг Салах ад-Дина и, может быть, придет вам на помощь. Может быть, также, — многозначительно прибавила она, — и вы откажетесь от помощи, которую он предложит. О, подумайте, подумайте, — и в ее голосе зазвучала мольба, — в последний раз прошу вас: подумайте!

— Мы достаточно думали, — торжественно произнес Годвин, — и, что бы ни случилось, будем повиноваться приказаниям умершего дяди.

Масуда наклонила голову в знак согласия, потом снова подняла глаза:

— Пусть так и будет. Вас нелегко заставить переменить решение, и

мне это нравится; но примите мой совет: в городе Синана не говорите по-арабски и притворяйтесь, что не понимаете нашего языка. Также пейте только воду (здесь она очень хороша), потому что Синан часто угощает своих людей странными винами; его напитки вызывают удивительные видения, что-то вроде припадков безумия, и заставляют людей совершать такие поступки, которых позже они стыдятся. Может быть, выпив вина аль-Джебала, вы произнесли бы какие-нибудь клятвы, и они впоследствии жестоко давили бы вам сердце, и только ценой жизни вы могли бы освободиться от них...

— Не бойтесь, — пообещал Вульф, — мы будем пить только воду, довольно с нас отравленного вина, — вспомнил он рождественский пир в замке Холл в Стипле.

— У вас, сэр Годвин, — продолжала Масуда, — висит на шее перстень, который вы так неосторожно показали мне, женщине, незнакомой вам, — перстень с надписью, непонятной ни для кого, кроме великих людей этой страны, носящих название даи. Я не выдам вашей тайны, но будьте благоразумны: ничего не говорите о кольце и никому не показывайте его.

— Почему же? — удивился Годвин. — Этот знак дал Джебал нашему дяде.

— Это кольцо — великая печать и, может быть, когда-нибудь спасет вам жизнь. Решив, что оно навсегда исчезло, умерший властелин, конечно, приказал сделать второй перстень, до того похожий на ваш, что я, державшая в руках оба, не могла бы отличить один от другого. Перед тем, у кого есть такое кольцо, откроются все двери, но если станет известно, что у него второй перстень, он умрет. Вы понимаете?

Годвин утвердительно кивнул, и Масуда продолжала:

— Наконец, хотя, может быть, вы найдете, что я прошу слишком многого, доверяйте мне, даже если вам начнет казаться, что я веду двойную игру, ведь для вас я, — и она вздохнула, — нарушила клятву и произнесла слова, за которые должна была бы умереть под пыткой. Нет, не благодарите меня, потому что я делаю лишь то, что должна делать, как раба... раба.

— Чья раба? — спросил Годвин.

— Властелина Гор, — ответила она с прелестной, но печальной улыбкой и, умолкнув, поехала дальше.

— Что она хотела сказать? — обратился Годвин к Вульфу. — Ведь если Масуда говорит правду, то, предупреждая нас, она нарушила верность этому Властелину.

— Ничего не понимаю, брат, да и понимать не хочу, — заявил Вульф.

— Может быть, все ее речи клонятся к тому, чтобы ослепить и одурачить нас, а может быть, и нет. Оставим рассуждения и доверимся судьбе.

— Хороший совет, — заявил Годвин, и д'Арси молча поехали дальше.

К вечеру они увидели стену внешнего города, а в ней тяжелые ворота. Здесь их встретил отряд всадников с серьезными лицами; поговорив с Масудой, воины проводили рыцарей и спутницу через подъемный мост, который перекидывался с одного берега рва, высеченного в скалах, на другой, и через тройные железные ворота — тут начался город. Они двинулись вверх по очень узкой и крутой улице, справа и слева на крышах домов и в окнах виднелись люди, многие из них стояли на вечерней молитве, все оборачивались и смотрели на путников. В верхнем конце д'Арси увидели другие, укрепленные ворота, на башенках которых были часовые в длинных белых плащах, до того неподвижные, что братья сначала приняли их за каменные изваяния. После коротких переговоров и эти тяжелые ворота тоже распахнулись перед путниками.

Д'Арси увидели чудеса. Между внешним городом и внутренним, окружавшим замок, зияла широкая пропасть глубиной более чем в девяносто футов. Через ров бежала дорожка — мост длиной в двести ярдов, сооруженный из глыб камня; его поддерживали арки, которые поднимались со дна пропасти.

— Поезжайте и не бойтесь, — сказала Масуда. — Ваши лошади привыкли к высотам, я и вьючные мулы двинемся за вами.

Годвин, скрывая сомнения, которые зашевелились у него в сердце, ободряюще потрепал своего коня по шее, и Огонь, на минуту остановившийся, снова двинулся вперед, высоко поднимая копыта и поглядывая то вправо, то влево на зияющую бездну. Дым знал, что он может пройти там, где прошел Огонь, и не отставал от него, хотя немного пофыркивал. Мулы, не боявшиеся высоты, если их ноги не скользили, пошли за конями.

Наконец путники очутились на противоположной стороне пропасти, проехали еще через одни ворота, по обеим сторонам которых поднимались широкие террасы, оставили позади себя длинную улицу и выехали на обширный двор внутри грозной крепости. Тотчас же к ним подошел человек, весь в белом, и низко поклонился, за ним выбежали слуги, помогли рыцарям сойти с лошадей и отвели благородных животных к ряду конюшен, помещавшихся по одну сторону двора. Братья пошли за ними, чтобы прибрать лошадей. Наконец первый воин, терпеливо ждавший все время, провел их по длинным коридорам в комнаты для гостей — большие помещения с каменными потолками, где братья увидели свои вещи. Масуда

сказала, что на следующее утро она придет к ним, и ушла вместе с воином.

Вульф оглядел большую сводчатую комнату, в которой с наступлением тьмы слуги зажигали мерцающие лампы, вставленные в железные кольца, вделанные в стену, и заявил:

— Ну, я охотнее переночевал бы в пустыне со львом, чем в этом унылом месте.

Едва он произнес это, как закрывавшие двери занавеси раздвинулись, и в комнате показались статные женщины, окутанные покрывалами, с блюдами в руках. Они поставили кушанья на пол перед д'Арси, знаками и улыбками приглашая братьев пообедать, их подруги внесли чаши с ароматной водой и омыли ею руки рыцарей. Тогда д'Арси сели и стали есть странные, но очень вкусные кушанья. В то же время откуда-то понеслись нежные песни и звуки арф и лютней. Братьям предложили вина, но, вспомнив слова Масуды, они попросили воды, и через некоторое время их просьба была исполнена.

После обеда красавицы ушли и унесли блюда и тарелки; тогда появились черные невольники и провели братьев в ванны, да в такие, каких рыцари еще никогда не видывали; д'Арси сначала омылись теплой, а потом холодной водой. После ванны их растерли пряными ароматными маслами, завернули в белые плащи и отвели обратно в их комнату, где уже стояли приготовленные постели. Усталые д'Арси легли, в это время снова зазвучала сладкая музыка, и под нежные звуки они заснули.

Открыв глаза, братья увидели, что через высокие окна льется утренний свет.

— Ты хорошо спал? — спросил Вульф.

— Довольно хорошо, — ответил Годвин. — Только мне всю ночь казалось, что сюда входили какие-то люди и смотрели на меня.

— Мне грезилось то же самое, — подтвердил Вульф, — и, кажется, это не был сон. Вот на моей постели лежит одеяло, его не было, когда я лег.

Годвин оглянулся и увидел, что на его постели также лежит одеяло, которое, конечно, принесли ночью, когда в этом высоком месте делалось холодно.

— Я слышал рассказы о зачарованных замках, — проговорил он. — И теперь, мне кажется, мы в волшебном дворце.

— Да, — согласился Вульф, — и до сих пор нам очень хорошо.

Они встали, оделись в свежее платье и накинули лучшие плащи, которые привезли с собой на мулах. Вскоре вошли закрытые покрывалами женщины и подали им вкусный завтрак. Окончив его, д'Арси знаками показали одной из служанок, что им нужны тряпки, которыми они могли

бы почистить свои рыцарские доспехи, — братья не говорили ни слова по-арабски, помня совет Масуды делать вид, будто они не знают арабского языка. Служанка кивнула головой, ушла и скоро вернулась с другой прислужницей. Они принесли куски замши и какую-то пасту в кувшине, девушки уселись на пол, без просьбы братьев взяли кольчуги и стали так тереть их, что они заблестели, как серебро, братья же чистили свои шлемы, шпоры, щиты, мечи и кинжалы, а также точили лезвия камнем, который возили с собой для этой цели.

Работая, служанки тихо переговаривались между собой, и многое из их беседы братья поняли.

— Красавцы, — вздохнула одна из девушек, — вот бы нам достались такие красивые мужья...

— Да, — согласилась другая, — и, знаешь, эти рыцари до того похожи друг на друга, что, вероятно, они близнецы. Ну, которого же из них ты бы выбрала себе?

Долгое время девушки разговаривали, сравнивая Годвина и Вульфа, лица братьев сильно покраснели от смущения, и они стали неистово тереть щиты, чтобы объяснить свой румянец усталостью.

Наконец одна из служанок заметила:

— Жестоко поступила госпожа Масуда, заманив этих красивых птиц в сети нашего господина, лучше сделала бы она, если бы предупредила их.

— Масуда всегда была жестокой, — подтвердила другая, — и она ненавидит всех мужчин. Только мне думается, что если она полюбит кого-нибудь, то полюбит крепко, и, может быть, ее любовь будет для него хуже ненависти.

— А эти рыцари — шпионы? — спросила первая.

— Я думаю, — послышался ответ. — Глупые люди, они воображают, что можно шпионить в стране шпионов! Лучше, если бы они дрались, так как, вероятно, эти рыцари хорошо умеют сражаться. Что-то будет с ними?

— Думаю, то, что случается всегда: сначала они проведут время в удовольствиях, а потом, если для них не найдется дела, им предложат переменить веру или выпить кубок. Впрочем, если они окажутся людьми знатными, может быть, их посадят в тюрьму, чтобы взять за них выкуп. Да, да, жестоко поступила Масуда. Зачем она обманула их? Ведь, может быть, они мирные путешественники и просто хотели осмотреть наш город.

В эту минуту занавесь отодвинулась, и вошла сама Масуда. Она была одета в белое платье, и на ее груди с левой стороны краснела вышивка в виде кинжала. Ее длинные черные волосы падали на плечи, полураскрытые раздвинутым спереди покрывалом, которое спускалось у нее с головы. Еще

никогда не казалась она д'Арси такой красивой.

— Привет вам, братья Питер и Джон, — обратилась к ним Масуда по-французски. — А разве это подходящее занятие для пилигримов? — прибавила она, указывая на мечи, которые они точили. Братья поклонились ей.

— Да, — ответил Вульф, — для пилигримов в этот святой город.

Девушки, чистившие кольчуги, тоже поклонились; казалось, в этом дворце Масуда была лицом важным. Она взяла одну из кольчуг и резко сказала:

— Плохо вычищено. Я думаю, вы лучше болтаете, чем работаете. Ну, ничего. Помогите этим рыцарям надеть их. Глупая! Это кольчуга сероглазого путника. Дай мне ее, я буду его оруженосцем, — и она вырвала кольчугу из рук служанки. Когда Масуда отвернулась, девушки переглянулись.

Братья полностью вооружились и накинули на себя плащи, Масуда одобрила:

— Теперь вы совсем похожи на пилигримов. Слушайте, у меня есть к вам дело. Господин, — и она нагнула голову так же, как и служанки, угадавшие, о ком она говорит, — через час примет вас, до тех пор, если вам угодно, мы погуляем по саду, который стоит посмотреть.

Д'Арси пошли за ней, и подле занавеси она шепнула им:

— Во имя любви к жизни, помните все, что я вам говорила, главное же о вине и кольце, — если вы впадете в сон от выпитых напитков, вас обыщут. Со мной говорите только о ничего не значащих вещах.

В галерее за занавесью стояли стражи в белых одеждах, вооруженные копьями; они безмолвно повернулись и пошли за братьями. Прежде всего д'Арси отправились в конюшню взглянуть на своих лошадей; заслышав их шаги, Огонь и Дым тихонько заржали. Лошади были в хорошем виде, и целое общество конюхов собралось вокруг них, обсуждая их стати и красоту; все низко поклонились братьям. Из конюшни д'Арси прошли в знаменитые сады, которые считались самыми роскошными на всем Востоке. И действительно, прекрасны были они, засаженные редкими деревьями, кустами и цветами. Между одетыми папоротником скалами вились ручейки и падали с высоких утесов в виде пенистых водопадов. Местами кедры бросали такую густую тень, что под их ветвями яркий день превращался в сумрак, открытая почва была, как ковром, покрыта цветами, которые наполняли воздух благоуханием. Повсюду красовались розы, мирты, деревья, увешанные великолепными плодами, со всех сторон несло воркование голубей и пение множества птиц с яркими перьями,

которые, как блистающие драгоценности, перепархивали с одной пальмы на другую.

Целую милю шли братья по дорожке, усыпанной песком. Масуда и стража сопровождали их. Миновав заросли шелестящих, похожих на тростники растений, д'Арси увидели низкую стену, через которую они переехали, направляясь в замок.

— Этот широкий ров окружает внутреннюю часть города, крепость и сад, — пояснила Масуда. — И кто в наши дни может перебросить через него такой мост? Теперь пойдём обратно.

Они вернулись в замок другой дорогой. Их ввели в переднюю, где стояли двенадцать часовых. Масуда ушла, оставив обоих д'Арси посреди воинов, окаменело смотревших на них. Но скоро она вернулась и знаком предложила им идти за ней по длинному коридору. В конце этого прохода д'Арси увидели занавесь, которую охраняли двое часовых. При виде братьев воины раздвинули занавесь. Тогда рука об руку Годвин и Вульф вошли в большую залу, длинную, как церковь Стоунгейтского аббатства, и наполненную толпой людей, сидевших на полу; дальше она сужалась, как церковный притвор.

Тут стояло и сидело еще много людей, со свирепыми глазами, с тюрбанами на головах и с большими ножами за поясом. Впоследствии д'Арси узнали, что это были фидаи, которые ждали только, чтобы исполнять приказы своего господина. В конце узкой части залы опять висели занавеси, а за ними были двери, охранявшиеся часовыми. Их створки распахнулись, и братья очутились на залитой солнцем, открытой террасе. Справа и слева сидели старые, длиннобородые люди, числом двенадцать, скромно склонив головы. Это были даи, или советники аль-Джебала.

В конце террасы под балдахином, покрытым великолепной резьбой, стояли два исполина-воина, и на их белых одеждах рдели красные кинжалы. Между воинами лежала черная подушка, а на ней виднелась какая-то странная черная же грудa. Сначала, глядя из яркого солнечного света в тень, братья не могли понять, что это такое. Потом они рассмотрели блестящие глаза, и им стало ясно, что это совсем не грудa, а человек в черном тюрбане на голове и в черном одеянии, скроенном вроде колокола и застегнутом на груди сияющим камнем, красным как кровь. Он от своей тяжести так погрузился в мягкую подушку, что на виду остались только складки его колоколообразного платья, красный камень на груди и голова. Станный человек этот походил на свернувшуюся кольцами черную змею, и его блестящие черные глаза тоже походили на змеиные. В глубокой тени,

падавшей от занавеси и от широкого черного тюрбана, нельзя было рассмотреть его лицо.

Все в этом существе было так ужасно, оно так мало походило на человека, что братья невольно вздрогнули. Хотя все они были люди, однако между грудой с глазами-бисеринками и двумя высокими воинами-европейцами в сияющих кольчугах и цветных плащах и шлемах разница была не меньше, чем между жизнью и смертью.

XI. Господин Смерти

Масуда выбежала вперед и бросилась ниц перед балдахинном, Годвин и Вульф стояли и смотрели на черную грудь, грудь смотрела на них. Потом, по одному знаку его подбородка, Масуда поднялась и обратилась к д'Арси:

— Чужестранцы, вы стоите перед властелином Синаном, Господином Смерти. Преклоните колена и приветствуйте властелина.

Братья выпрямились — они не хотели опуститься на колени и только поднесли руки ко лбу. И вот откуда-то из пространства между черным тюбаном и черным одеянием послышался глухой голос, спрашивавший по-арабски:

— Это те люди, которые привезли мне львиную шкуру? Чего вы хотите, франки?

Д'Арси молчали.

— Устрашающий властелин, — объяснила Масуда, — эти рыцари только что приехали из Англии через моря и не понимают нашего языка.

— Расскажи мне, кто они и чего просят, — приказал аль-Джебал.

— Страшный господин, — начала свой рассказ Масуда, — как я прислала сообщить тебе, они — родственники рыцаря, который во время сражения спас жизнь того, кто правил перед тобой и ныне сделался жителем рая.

— Я слышал, что был такой рыцарь, — прозвучал голос. — Его звали д'Арси, и на его щите был такой же знак — знак черепа.

— Господин, это братья д'Арси, и они пришли просить твоей помощи против Салах ад-Дина.

При имени султана черная грудь заволновалась; так двигается змея, почуяв опасность. Под большим черным тюбаном выпрямилась голова.

— Какой помощи и зачем? — спросил голос.

— Господин, султан украл девушку из их дома, племянницу того д'Арси, рыцари — ее братья и просят тебя помочь им вернуть ее.

Глаза-бисеринки загорелись любопытством.

— Мне донесли об этой истории, — снова раздался голос. — Но какие доказательства есть у этих франков? Тот, кто был до меня, дал кольцо, а вместе с ним известные права в нашей стране рыцарю д'Арси, который помог ему в опасности. Где же то священное кольцо, с которым он, по безумию, расстался?

Масуда перевела вопрос, но, увидев предостерегающий свет в ее

глазах и помня все, что она говорила им, братья отрицательно покачали головами, и Вульф ответил:

— Наш дядя, рыцарь сэра Эндрью, был зарублен воинами Салах ад-Дина и, умирая, велел отыскать тебя, властелин. Он не мог успеть рассказать нам о кольце.

Голова в тюрбане упала на грудь.

— Я думал, женщина, — сказал Синан Масуде, — что это кольцо у них, и потому позволил тебе привезти их сюда, после того как ты донесла мне о них из Бейрута. Нехорошо, что святая печать ходит по миру. Тот, кто ушел до меня, умирая, поручил мне вернуть ее. Пусть они отправятся в свою страну и вернуться сюда с древним кольцом, тогда я помогу им.

Масуда перевела только последнюю фразу, братья опять сделали отрицательный знак. На этот раз заговорил Годвин:

— Далеко лежит наша страна, о господин, и где можем мы найти давно потерянный перстень? Да не будет наше путешествие тщетно, о могучий, окажи нам помощь против султана Салах ад-Дина.

— Я все дни моей жизни совершал суд над Салах ад-Дином, — произнес Синан, — а между тем он властвует надо мной. Теперь я сделаю вам одно предложение, франки: принесите мне его голову или, по крайней мере, убейте его. Я скажу вам, как сделать это, и тогда мы потолкуем снова.

Услышав эти слова, Вульф по-английски сказал Годвину:

— Мне кажется, нам лучше уехать. Нехорошо здесь. — Но Годвин промолчал. Так они стояли, не зная, что ответить; в это время в дверях показался человек, упал на руки и на колени и подполз к подушке между двойным рядом даи.

— Докладывай, — по-арабски приказал Синан.

— Господин, твоя воля относительно корабля выполнена. — Дальше он заговорил шепотом, так что д'Арси не могли ни слышать, ни понять его слов. Когда он умолк, Синан повелел:

— Пусть войдет фидай и сам расскажет все, пусть также приведут пленников.

Один из даи, тот, который сидел ближе всего к балдахину, поднялся и, указав пальцем на братьев, спросил:

— Какова твоя воля, властитель, относительно этих франков?

Черные глаза, которые, казалось, проникали в самую душу, пристально посмотрели на братьев. Довольно долго Синан молча раздумывал. Д'Арси дрожали, зная, что он мысленно рассуждал о них, что от его слова зависит, жить им или умереть.

— Пусть останутся, — произнес он наконец. — Может быть, я захочу

здать им несколько вопросов.

Минуты две стояла полная тишина. Синан, Господин Смерти, ушел в свои мысли, сидя в черной тени балдахина, даи смотрели куда-то вдаль, стражи-исполины застыли, точно статуи, Масуда из-под длинных ресниц смотрела на братьев, а д'Арси не спускали глаз с резкого края тени, падавшей от балдахина на мраморный пол. Они старались казаться спокойными, но их сердца бились быстро, так как они предчувствовали, что скоро свершатся великие события, хотя и не знали — какие.

Так глубока была тишина, так ужасно казалось это нечеловеческое, похожее на змею существо, такими странными представлялись его дряхлые бесстрастные советники, что страх, как во время кошмара, охватывал д'Арси. Годвин спрашивал себя, не может ли аль-Джебал видеть кольцо, лежавшее на его груди, и что случится, если он увидит его; Вульффу хотелось громко крикнуть, пошевелиться, сделать что-нибудь, что нарушило бы мертвую тишину. И минуты для братьев тянулись как часы.

Наконец позади д'Арси послышалось какое-то движение, и по приказанию Масуды они разошлись и остановились друг против друга. В ту же минуту занавеси раздвинулись. Вошли четверо людей, которые несли носилки, покрытые полотном; под этим покрывалом виднелся абрис неподвижной человеческой фигуры. Носилки поставили на пол подле балдахина, невольники распростерлись ниц, потом ушли, отступая до края террасы.

Снова все смолкло. Братья спрашивали себя, чей труп лежал на носилках, — что это было мертвое тело, они не сомневались. Снова распахнулись занавеси, и на террасе появилось шествие. Впереди двигался высокий человек, весь в белом, с красным вышитым кинжалом на груди, за ним появилась высокая женщина, окутанная длинным покрывалом, за ней шел плотный рыцарь во франкском вооружении и в шлеме, закрывавшем ему лицо, за ним четыре стража. Все прошли между двумя рядами даи. Братья со странным замиранием сердца смотрели на движения закутанной женщины, которая не поворачивала головы ни вправо, ни влево. Глава небольшой процессии остановился перед балдахином и, бросившись ниц рядом с носилками, несколько минут не двигался. Женщина, которая шла за ним, тоже остановилась и, увидев черную грудь, похожую на змею, вздрогнула.

— Открой лицо, — приказал ей голос Синана.

Она колебалась, потом быстро сняла какую-то застежку, и вуаль спала с ее головы. Братья посмотрели и протерли глаза — перед ними стояла Розамунда.

Да, это была Розамунда, усталая, измученная болезнью, но, несомненно, она. При виде бледной, царственной красоты девушки грудь на подушке задвигалась и в глазах-бисеринках загорелся свет. Даже даи очнулись. Масуда закусила красные губы, и ее оливковая кожа побледнела, пожирающим взглядом впивалась она в Розамунду, точно желая прочитать в ее сердце.

— Розамунда! — в один голос вскрикнули братья.

Она услышала. Когда д'Арси кинулись к ней, молодая девушка посмотрела на них и с легким восклицанием обняла одной рукой шею Годвина, другой — Вульфа. Ее ноги подогнулись, и коленями она коснулась земли. В ту минуту как братья наклонились, чтобы поднять ее, Годвин вспомнил, что Масуда выдала Розамунду за их родную сестру. С сестрой их могли оставить, а в противном случае дьявол в черном платье...

— Послушайте, — шепнул он по-английски, — мы приходимся вам не двоюродными братьями, а родными, от разных матерей, и мы не говорим по-арабски.

И Розамунда, и Вульф услышали, остальные подумали, что они обмениваются приветствиями, тем более что Вульф начал без разбору кричать по-французски: «Привет тебе, сестра, найденная сестра!» — и так далее.

Розамунда открыла глаза и подала братьям обе руки. В это время послышался голос Масуды, которая переводила слова Синана.

— Ты, госпожа, кажется, знаешь этих рыцарей?

— Знаю, хорошо, — ответила она, — это мои братья, меня украли, опоив их, наш отец был убит...

— Как это может быть, госпожа? Ведь говорят, ты племянница Салах ад-Дина? Разве эти рыцари тоже племянники Салах ад-Дина?

— Нет, — объяснила Розамунда, — они сыновья моего отца, но от другой жены...

По-видимому, Синан поверил Розамунде, по крайней мере, он перестал задавать вопросы. Он задумчиво сидел, все молчали, через несколько мгновений в конце террасы послышался шум, и обернувшиеся братья увидели, как плотный рыцарь старается пробиться вперед, а стража не пускает его. И Годвин вспомнил, что как раз перед тем, как Розамунда сняла покрывало, этот же рыцарь внезапно отошел к концу террасы.

Синан тоже посмотрел в ту сторону, откуда донесся шум, и сделал знак. Двое даи вскочили, подбежали к занавеси, подле которой стоял рыцарь, и сказали ему несколько слов, он подошел к балдахину, но неохотно. Теперь его голова была открыта, и Годвин и Вульф не отрывали

от него глаз, они хорошо знали эти широкие плечи, большие круглые черные глаза, толстые губы, тяжелую челюсть.

— Лозель, это Лозель, — тихо произнес Годвин.

— Да, — отозвалась Розамунда, — это Лозель, дважды предатель, сначала он предал меня солдатам Салах ад-Дина, а когда я отвергла его любовь, отдал в руки властителя Синана.

Лозель подошел ближе, Вульф выступил вперед и с проклятием ударил его по лицу рукой в железной перчатке. Воины бросились между ними, а Синан велел Масуде спросить Вульфа:

— Почему ты в моем присутствии осмелился ударить этого франка?

— Потому, господин, что именно этот бесчестный человек навлек великие несчастья на наш дом. Я вызываю его на поединок не на жизнь, а на смерть.

— Я тоже вызываю его, — присоединился к брату Годвин.

— Я готов, — крикнул взбешенный оскорблением Лозель.

— Тогда почему ты, собака, хотел бежать, увидев нас? — возмущенно воскликнул Вульф.

Масуда стала переводить слова Синана, обращаясь к Лозелю и говоря в первом лице, как «уста» аль-Джебала.

— Я благодарю тебя, рыцарь, за твои прежние услуги, — звучал ее голос, — у меня побывал твой гонец-франк, которого я знал в старые годы. По твоему совету я послал одного из своих фидаев с отрядом, велел убить всех воинов Салах ад-Дина на корабле, взяв в плен эту благородную даму, его племянницу, и это было исполнено. Твой гонец требовал, чтобы эту девицу передали тебе, но рыцари, стоящие здесь, говорят, что ты украл их родственницу, и один из них ударил тебя по лицу и вызвал тебя на поединок, ты же принял этот вызов. Я не помешаю вам, мне давно хотелось видеть, как франкские рыцари по своему обычаю сражаются между собой. Я все приготовлю, тебе дадут мою лучшую лошадь, пусть другой рыцарь сражается на своем собственном коне. Вот как это произойдет. Вы встретитесь на мосту, между внутренними и внешними воротами города, и будете биться ночью во время полнолуния, то есть ровно через три дня. Если победишь ты, рыцарь, мы поговорим с тобой о даме, на которой ты хочешь жениться.

— О господин, — ответил Лозель, — кто же может биться копьем на ужасном мосту при лунном свете? Так-то ты, властитель, держишь свое слово?

— Я могу и хочу биться, — крикнул Вульф, — я бился бы с вами во вратах адовых!

— Молчи, рыцарь Лозель, — приказал Синан. — Ведь ты же принял вызов этого франка? Когда ты убьешь его и этим покажешь несправедливость его притязаний, тогда и говори о моем слове. Довольно, довольно, молчи. После поединка мы потолкуем, но не раньше. Отведите его во внешнюю часть замка и дайте ему все самое лучшее. Приведите ему мою большую вороную лошадь. Пусть он ездит на ней по мосту или где угодно, не выезжая за стены крепости, днем ли, ночью ли, все равно, но не позволяйте ему разговаривать с дамой, которую он отдал мне в руки, или с этими рыцарями, его врагами, не допускайте его и ко мне. Я не хочу видеть человека, которого ударили по лицу, пока он не смоет кровью своего позора.

Масуда кончила переводить, и раньше, чем Лозель успел ответить, Синан кивнул головой своим телохранителям, они бросились к сэру Гуго и увели его с террасы.

— Счастливого пути, сэр вор! — насмешливо проводил его Вульф. — До свидания на мосту, там мы сведем наши счета! Вы бились с Годвином, может быть, вам больше посчастливится с Вульфом.

Лозель обернулся и посмотрел на него пылающим взглядом, но, не найдя ответа, ушел.

— Докладывай, — повелел Синан, обращаясь к высокому фидаю, который все время лежал ниц рядом с неподвижным телом на носилках. — Ты должен был привести еще одного пленника, великого эмира Хасана. Где же он, и где франкский шпион?

Фидай поднялся и заговорил:

— Господин, я исполнил твое приказание, воинов Салах ад-Дина мы перебили, принца Хасана взяли в плен. Нескольких воинов мы оставили охранять корабль. Матросов пощадили (все они были слугами франка Лозеля) и выпустили их на берегу, так же как и франкскую женщину, служанку этой высокородной госпожи. Вчера утром мы двинулись к Массиафу, принц был в носилках вместе с франкским шпионом, который донес тебе, господин, о приближении корабля. Ночевали они также в одной палатке, принца я связал и приставил к нему шпиона, но утром, заглянув в его шатер, мы увидели, что он ушел, каким образом — я не знаю, а на полу лежал мертвый франкский шпион, заколотый в грудь. Смотри...

Сняв покров, он показал окаменелое тело шпиона Никласа, на мертвом лице которого застыло выражение ужаса.

— Безуспешно обыскав окрестности, я вернулся к тебе с этой дамой, твоей пленницей, властелин, и с франком Лозелем. Я все сказал, — закончил фидай.

Синан забыл о своем спокойствии, он поднялся с подушки, сделал два шага вперед и остановился. В его блистающих глазах горело бешенство. С мгновение он молча поглаживал бороду, и братья заметили, что на первом пальце его правой руки блестело кольцо, как две капли воды похожее на перстень, скрытый на груди Годвина.

— Что ты сделал? — тихо сказал Синан. — Ты упустил эмира Хасана, а ведь он самый доверенный друг султана Дамасского! Он теперь в Дамаске или близ него, и через шесть дней по нашим долинам двинется армия Салах ад-Дина. Кроме того, ты оставил в живых матросов и франкскую женщину, они тоже расскажут о захвате корабля, о пленении этой дамы, родственницы Салах ад-Дина, которую он ценит больше целого франкского королевства! Что ты ответишь мне?

— Господин, — склонился высокий фидай, и его рука задрожала. — Великий господин, я не получил приказания убить весь экипаж, а франк Лозель заверил меня, что ты, властелин, позволил пощадить матросов.

— Он обманул тебя, — ответил Синан, — в это же время он через шпиона передал мне, что матросы будут убиты; кроме того, разве ты не знаешь, что когда я не даю особых приказаний, я думаю о смерти, а не о жизни? Но что скажешь ты о принце Хасане?

— Я ничего не знаю, властитель. Я только думаю, что он подкупил шпиона Никласа и, когда тот перерезал его веревки, убил его, — подле трупа мы нашли тяжелый кошелек с золотом. Хасан ненавидел его, как ненавидел и франка Лозеля. Я знаю это. На корабле он назвал их псами и предателями и плюнул на них издали, так как его руки были связаны. Видя, что Лозель боится Хасана, я приставил к нему шпиона Никласа, который был смелым малым, а также выставил двоих воинов к его палатке. Мы же с Лозелем караулили благородную пленницу.

— Привести воинов, — приказал Синан, — пусть они тоже расскажут все.

Воинов привели. Они поклялись, что не спали во время караула, не слышали ни звука, однако с наступлением утра увидели, что принц исчез.

Снова Господин Смерти молча погладил свою черную бороду, потом показал им перстень, проговорив:

— Вы видите знак? Идите.

— Властелин, — произнес фидай, — я много лет верно служил тебе.

— Твоя служба окончена. Иди, — был суровый ответ.

Фидай наклонил голову в виде поклона, с мгновение постоял неподвижно, точно в глубокой задумчивости, наконец резко повернулся, твердым шагом подошел к краю глубокого рва и прыгнул с террасы. На

солнце блеснула его белая развевающаяся одежда, из глубины послышался шум упавшего тела, и все замолкло.

— Идите за вашим предводителем в рай, — повелел Синан воинам.

Один из них обнажил кинжал и хотел заколоться, но к нему подбежал старый даи:

— Неужели ты хочешь пролить кровь перед твоим властителем? Разве ты не знаешь обычаев? Иди.

И бедняги ушли. Первый твердыми шагами, другой, менее храбрый, точно пьяный, зашатался подле края пропасти.

— Все кончено, — объявили даи, слегка хлопая в ладоши. — Страшный Господин, мы благодарим тебя за справедливость.

Но у Розамунды закружилась голова; даже д'Арси побледнели. Ужасен был этот человек (если это был человек, а не дьявол), и он держал их в своей власти. Может быть, и их скоро пошлют в пропасть? Но в своем сердце Вульф поклялся, что если его заставят броситься в бездну, с ним отправится также и Синан.

Тело лжепилигрима унесли, чтобы бросить на съедение орлам, которые всегда вились над домом Смерти, а Синан, опустившись на подушку, продолжал говорить через свою переводчицу Масуду.

— Госпожа, — обратился он к Розамунде, — немудрено, что Салах ад-Дин желает видеть такую красавицу при своем дворе. Этот поганый султан — мой враг, и его, конечно, охраняет Сатана, потому что даже мои фидай не сумели убить его. Теперь, может быть, между нами начнется война из-за тебя, но не бойся, госпожа, за тебя потребуют такую плату, которой Салах ад-Дин не пожелает дать. Поэтому ты можешь жить спокойно в моем недоступном замке, и все твои желания будут исполнены. Скажи, чего ты хочешь?

— Я желаю, — тихим, спокойным голосом произнесла Розамунда, — чтобы я была здесь в безопасности от Гуго Лозеля.

— Будет исполнено. Властитель Гор покрывает тебя своей мантией.

— Я желаю, — продолжала она, — чтобы мои братья жили невдалеке от меня, и я не чувствовала бы себя одинокой среди чужестранцев. Подумав немного, аль-Джебал ответил:

— Твои братья, госпожа, будут жить в замке для гостей, встречаться с тобой во время пиров и в саду. Знаешь ли ты, что, веря в рассказ о старом обещании, которое дал тот, кто ушел из жизни раньше меня, они хотели с моей помощью увезти тебя от Салах ад-Дина? Как странно, что они встретили тебя здесь. Даже моя мудрость изумляется, в этой встрече я вижу предвестие. Ты та, которую рыцари хотели спасти из рук Салах ад-Дина,

может быть, они пожелают увезти тебя и от аль-Джебала? Поймите же вы все, что от Господина Смерти только одна дорога. Вон она, — и он указал на отвесную скалу, с которой бросились в бездну его слуги.

— Рыцари, — он взглянул на Годвина и Вульфа, — проводите вашу сестру. Сегодня вечером я приглашаю всех вас на пир. А до тех пор прощайте. — Женщина, — приказал он Масуде, — веди их. Ты знаешь свои обязанности. Эта госпожа поручена тебе. Не допускай к ней никого постороннего, главное же — франка Лозеля. Даи, заметьте то, что я скажу, и возвестите всем. Этим троим франкам даровано мое покровительство, но они могут покинуть стены моего замка только под знаком моей печати... нет, только показав ее.

Даи поклонились и снова сели. В сопровождении Масуды и окруженные стражами, братья д'Арси и Розамунда спустились с террасы, прошли в узкое место залы, где люди сидели на полу, миновали ее широкую часть и переднюю, в которой по знаку Масуды часовые отдали им честь, и наконец очутились в своей комнате. Тут Масуда остановилась и сказала:

— Роза Мира, так справедливо названная, я пойду приготовить вашу комнату. Вероятно, вы хотите поговорить с вашими... братьями. Не бойтесь, я позабочусь, чтобы вас не тревожили. Однако у стен есть уши, а потому советую вам говорить по-английски, потому что в стране аль-Джебала никто не понимает этого языка, даже я не знаю его.

Она поклонилась и ушла.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I . Посольство

Братья переглянулись с Розамундой. Им нужно было столько сказать, что они не знали, с чего начать. Наконец с легким восклицанием Розамунда предложила:

— О, поблагодарим Бога, Который после стольких странствий и опасностей снова привел нас свидеться! — И, упав на колени, они поблагодарили Господа.

Потом, выйдя на середину комнаты, где, как им казалось, никто не мог услышать их, они начали тихо говорить по-английски.

— Расскажите, что было с вами, Розамунда, — попросил Годвин. По возможности в коротких словах она передала все, что случилось с ней; братья д'Арси слушали, не прерывая ее ни словом.

После этого Годвин рассказал о том, что было с ними. Выслушав его, Розамунда спросила почти шепотом:

— Почему эта красивая темноглазая женщина так дружески относится к вам?

— Не знаю, — ответил Годвин, — может быть, только потому, что мне удалось спасти ее от львицы.

Розамунда посмотрела на него и слегка улыбнулась, Вульф тоже улыбнулся.

— Да благословит Господь эту львицу и все ее потомство, — сказала Розамунда. — Молю Богу, чтобы эта женщина нескоро забыла об опасности, грозившей ей, потому что, кажется, наша судьба зависит от ее расположения. В каком мы отчаянном положении!... Как странно, что вы приехали сюда, несмотря на ее советы, которые, и по моему мнению, она давала от чистого сердца.

— У нас было указание, — напомнил Годвин, — перед смертью вашего отца осенила прозорливость, и он видел невидимое для нас.

— Да, — согласился Вульф, — но мне хотелось бы, чтобы мы встретились где-нибудь в другом месте, потому что я боюсь аль-Джебала, по одному знаку которого люди бросаются в бездну.

— Он противен, — вздрогнув, заметила Розамунда, — он даже хуже рыцаря Лозеля, мне отвратительно, когда он поднимает на меня свои глаза.

О, если бы нам удалось убежать...

— Угорь, попавший в плетеную корзину, может больше надеяться на освобождение, чем мы, — мрачно изрек Вульф. — Будем, по крайней мере, радоваться, что мы все трое в одной клетке... хотя неизвестно, надолго ли...

В это время вошла Масуда, а за ней служанки; поклонившись Розамунде, красавица сказала:

— По воле нашего властелина, госпожа, я покажу вам комнаты, приготовленные для вас, отдохните там до начала пира. Не бойтесь, за столом вы встретите ваших братьев. А вы, рыцари, если угодно, покатайтесь верхом по садам. Ваши кони, оседланные, стоят во дворе, и девушки, — она указала на служанок, которые недавно чистили кольчуги братьев, — проводят вас к ним.

— Иными словами, мы должны уйти, — шепнул Годвин и громко прибавил: — До свидания, сестра, до вечера.

Во дворе они увидели лошадей, а также конную свиту, состоявшую из четырех фидаев и одного офицера. Когда братья сели на коней, предводитель отряда знаком предложил им ехать за ним, и скоро они очутились в саду. Перед ними бежала широкая, усыпанная песком дорога, тут офицер пустил свою лошадь галопом. Дорога шла по краю пропасти, окружавшей цитадель и внутренний город, площадь которого занимала мили три.

Братья ехали вдоль пропасти, сдерживая лошадей, чтобы они не обогнали коня предводителя отряда, хотя он скакал быстро. Вдруг навстречу им показались всадники. Впереди скакал один из ассасинов, как франки называли слугаль-Джебала, а за ним на великолепной вороной, как уголь, лошади и в сопровождении стражи ехал франкский рыцарь в кольчуге.

— Это Лозель, — сказал Вульф, — он на коне, которого предложил ему Синан.

При виде этого человека Годвина охватило бешенство. С криком он обнажил свой меч. Лозель увидел это, и в ответ его лезвие тоже блеснуло. Оба промчались мимо ассасинских офицеров и, круто осадив коней, остановились друг против друга. Лозель первый нанес удар, Годвин отразил его щитом, но раньше, чем он мог ответить на нападение, фидаи обоих отрядов бросились между ними и разделили их.

— Жаль, — заметил Годвин, когда ассасины повернули его лошадь. — Если бы они не помешали, думаю, брат, я избавил бы тебя от поединка при свете месяца.

— Я не хочу пропустить его, однако, не помешай тебе слуга Синана, голове Лозеля грозила беда, — ответил Вульф.

Лошади снова пошли галопом, и братья больше не видели Лозеля. По-прежнему по краю пропасти, окружавшей внутренний город и крепость, они доехали до перекинутого через нее узкого моста. Тут офицер повернул свою лошадь и, знаком пригласив д'Арси ехать за ним, поскакал на мост. Помчались и братья, сначала Годвин, потом Вульф. В глубокой нише ворот на противоположном конце моста они остановили лошадей. Предводитель отряда повернул коня и стремглав помчался назад.

— Обгоним их! — крикнул Годвин и, бросив поводья на шею своего Огня, приказал ему лететь еще быстрее.

Огонь рванулся вперед. Дым не отставал от него. Они нагнали фидая и пролетели мимо него. Между ними и пропастью не оставалась даже дюйма, ассасин, ждавший, что его сбросят в бездну, ухватился за гриву лошади с ужасом в глазах. Доехав до города, братья остановили коней и засмеялись, поглядывая на изумленных фидаев.

— Клянусь честью, — воскликнул предводитель отряда, думая, что рыцари не понимают его, — это не люди, а дьяволы, и их лошади — горные козы. Я думал, что испугаю их, но испугался-то я, потому что они пронесли мимо меня, как орлы.

— Храбрые наездники и быстрые, хорошо обьеженные кони, — с восторгом в голосе поддержал своего начальника один из фидаев. — Стоит посмотреть на бой при свете полной луны.

И снова д'Арси выехали на песчаную дорогу и поскакали. Так они трижды объехали город, и в последний раз с ними не было никого, потому что и предводитель отряда, и остальные фидаи остались далеко позади. Только когда братья расседлали своих лошадей, появились их спутники, шпорившие взмыленных коней. Д'Арси, прогнав конюхов, сами накормили и напоили Огня и Дыма. Потом вернулись в дом для гостей, надеясь увидеть Розамунду, но ошиблись. Братья беседовали обо всем удивительном, что случилось с ними, и обо всем, что могло произойти дальше. Так наступил закат, пришли слуги, проводили д'Арси в ванны, где черные невольники омыли и надушили их ароматами, а поверх их кольчуг набросили свежие туники.

Когда они вышли из здания с ваннами, солнце уже скрылось, служанки с зажженными факелами в руках отвели д'Арси в большую, великолепную залу, которой они еще не видели; она была выстроена из туфов, и ее покрывал резной и расписанный красками потолок. Вдоль боковой стены, освещенной канделябрами, виднелось много открытых арок, круглых

вверху и опиравшихся на изящные белые колонны; за ними шла мраморная терраса, от которой ступени спускались в сад, расстилавшийся внизу. На полу этой залы сидели седобородые советники аль-Джебала за покрытыми инкрустациями столами. Их было около ста человек, все в белых одеждах, с красными кинжалами. Все молчали, точно погруженные в глубокий сон.

Когда д'Арси вошли в комнату, женщины оставили их, слуги с золотыми цепями на шеях проводили братьев к помосту в середине этой большой комнаты. Там лежало множество подушек, пока еще не занятых никем и размещенных полукругом, в центре которого стоял роскошный диван.

Братьям указали на подушки против дивана, и рыцари остановились подле них. Ждать им пришлось недолго — вскоре послышалась музыка, и позади толпы поющих женщин показался Синан, медленно направляясь через залу. Это было странное шествие: за женщинами двигались престарелые даи в белых одеяниях, за ними властелин аль-Джебал, теперь одетый в красную, как кровь, нарядную одежду и с драгоценностями на тюрбане. Его окружали четыре невольника, черные, как черное дерево, каждый нес пылающий факел. За Властелином Гор шли те самые исполины, которые на террасе стояли под его балдахинном. При виде аль-Джебала все поднялись, бросились ниц и не встали, пока их господин не сел; только двое братьев стояли, точно оставшиеся в живых на поле брани.

Синан уселся на одном краю дивана, махнул рукой, и тогда все приглашенные, а вместе с ними и д'Арси, опустили на подушки. Наступило молчание. Синан нетерпеливо посматривал на противоположный конец залы, и вскоре д'Арси поняли причину этого. Из двери появилась новая толпа поющих женщин, а за ними, в окружении четырех черных невольниц с факелами, шла Розамунда; ее сопровождала Масуда.

Несомненно, это была Розамунда, но другая, изменившаяся, теперь она казалась восточной царицей. Ее голову окружала корона из драгоценных камней, с которой спускалась легкая фата, не закрывавшая, однако, ее лица. Драгоценности блистали в тяжелых прядях ее волос, на розовой шелковой материи ее платья, на поясе, на обнаженных руках, как бы выточенных из слоновой кости, даже на ее туфельках. Все гости смотрели на ее царственную красоту и переговаривались между собой. Наконец, точно поддаваясь одному порыву, они вскочили и поклонились ей.

— Что это значит? — пробормотал Вульф Годвину, но Годвин ничего не ответил.

Розамунда поднялась на помост. Синан, протянув ей руку, усадил ее

рядом с собой.

— Не выражай удивления, Вульф, — шепнул Годвин, подметивший предостерегающий взгляд Масуды, которая остановилась подле Розамунды.

Пир начался. Невольники бегали взад и вперед и ставили блюда на маленькие столики. Годвин и Вульф ели, хотя не были голодны. Они все время наблюдали за Синаном и старались услышать, что он говорит. Братья видели, что Розамунда боится, хотя и старается скрыть свои чувства. Синан много раз подносил ей отборные куски, одни на серебряных блюдах, другие просто пальцами, последние она была вынуждена брать. Принесли налитое в золотые кубки вино, приправленное ароматами и пряностями. Аль-Джебал сделал несколько глотков и передал чашу Розамунде. Но девушка покачала головой и попросила Масуду дать ей чистой воды, сказав, что она не пьет ничего крепкого. Ей подали воды, охлажденной снегом. Д'Арси тоже попросили воды, и Синан подозрительно взглянул на них, спросив, почему они не хотят вина. С помощью Масуды Годвин ответил, что они дали обет воздерживаться от крепких напитков до возвращения на родину. Тогда Синан многозначительно заметил, что исполнять обеты похвально, но что, пожалуй, рыцарям, в силу клятвы, придется пить воду до конца жизни. Братья молча выслушали его, и их сердца замерли. Под влиянием вина обычно молчаливый Синан сделался болтлив.

— Вы встретили франка Лозеля в саду, — сказал он через Масуду, — и ты, рыцарь, обнажил меч. Почему же ты не убил его? Разве он сильнее тебя?

— По-видимому, нет, — ответил Годвин. — Один раз я уже ранил его и, как видишь, сию перед тобой невредимый. Твои слуги, властитель, бросились между нами.

— Да, да, — проговорил Синан, — помню, я приказал им... Но мне жаль, что ты не убил его, неверного пса, который осмелился поднять глаза на Розу Мира, вашу сестру.

Все это Масуда перевела, Розамунда опустила голову, чтобы скрыть лицо, на котором отразились презрение и страх. Вульф злобно взглянул на аль-Джебала, но тот, к счастью, смотрел в другую сторону. От бешенства у молодого человека перед глазами сгустился туман, и сквозь эту дымку ему почудилось, будто властелин народа убийц покрыт кровью. Он сжал рукоятку меча... В это мгновение Годвин, заметивший ужас в глазах Масуды, а также движение Вульфа, быстро сбросил со стола на мраморный пол золотую тарелку и ясным голосом произнес по-французски:

— Брат, не будь же так неловок, подними тарелку и ответь властелину.

Вульф поклонился, исполняя совет Годвина, его ум прояснился, и он высказал Синану свое желание:

— Я не хочу, чтобы брат поразил его, господин, ведь мне дано позволение покончить с ним на третью ночь после сегодняшней. Если я не убью его, тогда позволь, властитель, моему брату заменить меня, но не раньше.

— Ах, я и забыл о моем решении, — будто только что вспомнил о нем Синан, — а между тем я желаю видеть этот бой... Если он убьет тебя, пусть бьется твой брат; если погибнете вы оба, может быть, я сам, Синан, выступлю против него... по-своему... Прекрасная дама, Роза Мира, побоишься ли ты смотреть на бой на мосту?

Розамунда побледнела, но гордость превозмогла страх:

— Раз мои братья не боятся, я тоже не боюсь. Они — храбрые рыцари, хорошо владеют оружием, и Бог, Который держит в своей деснице судьбу всех людей, даже твою, о Господин Смерти, сохранит правого.

Выслушав перевод ее ответа, Синан заявил:

— Знай, госпожа, что я голос и пророк Аллаха, а также меч его, карающий неправедных и неверных. Хорошо, если то, что я слышал, верно; говорят, твои братья — искусные наездники, которые не побоялись обогнать моего слугу на узком мосту. Скажи мне, которого из них ты любишь меньше? Пусть тот первый выедет навстречу мечу Лозеля.

Пока Розамунда обдумывала ответ, Масуда пристально всматривалась в ее лицо из-под полуопущенных ресниц, но, что бы ни чувствовала молодая девушка, ее черты остались каменно спокойными.

— Для меня они оба как один человек, — она посмотрела на братьев, — я люблю их равно.

— Значит, пусть все останется, как сказано. Первым будет биться брат Синие Глаза; если он падет, на мост выедет брат Серые Глаза. А теперь, — прибавил аль-Джебал, — пир окончен, наступило время моих молитв. Невольники, наполните кубки, госпожа моя, прошу тебя, стань на край помоста.

Розамунда повиновалась. По знаку Синана за ней собрались черные невольницы с пылающими факелами в руках. Аль-Джебал тоже поднялся и закричал:

— Слуги аль-Джебала, славьте, приказываю вам, цветок цветов, высокорожденную принцессу Баальбека, племянницу Салах ад-Дина, султана, которого люди называют великим, — тут Синан усмехнулся, — хотя он далеко не так велик, как я... Славьте эту королеву девушек, которая вскоре... — он замолчал, выпил вина и с низким поклоном подал пустой,

осыпанный драгоценными камнями кубок Розамунде.

Пирующие огласили залу криками:

— Королева, повелительница! — слышалось отовсюду. — Властительница нашего властелина и всех нас!

Синан улыбнулся, потом знаком велел всем замолчать, поцеловал руку Розамунде и ушел из залы с поющими женщинами, даи и стражниками.

Годвин и Вульф хотели поговорить с Розамундой, но Масуда встала между ними и холодно объявила:

— Это не позволено. Идите, рыцари, освежитесь в саду, там, где струится холодная вода. Не бойтесь за вашу сестру — ее охраняют.

— Пойдем, — обратился Годвин к Вульфу, — лучше повиноваться.

Они прошли на террасу, спустились в сад и остановились, с наслаждением вдыхая ночную свежесть, приятную после душного воздуха залы пиршества. Потом братья стали бродить между благоухающими деревьями и цветами. Сияла луна, и при ее свете д'Арси увидели странную картину. Под многими деревьями были раскинута палатки, и там, на коврах, лежали люди, выпившие вина.

— Они пьяны? — спросил Вульф.

— Кажется, да, — ответил Годвин.

Но эти люди казались не пьяными, а скорее безумными, они держались на ногах, но смотрели невидящими глазами, и они не спали, лежа на коврах, а глядели в небо и что-то шептали, с лицами, полными странного восторга. Иногда они поднимались, делали несколько шагов с распростертыми руками, потом возвращались обратно и снова падали на ковры. К ним подходили женщины в белых покрывалах, и, присев подле лежащих, шептали им что-то, и поили их из принесенных с собой кубков. Выпив, лежащие окончательно теряли сознание. Тогда белые тени скользили в другие палатки, они подходили также и к братьям, поднося им кубки, но д'Арси шли, не обращая на них внимания, а словно призрачные создания тихо смеялись и говорили: «Завтра мы увидимся» или «Скоро вы с наслаждением выпьете вина, чтобы войти в рай».

— Уйдем, брат, — предложил Вульф, — потому что взгляд на эти ковры нагоняет на меня сон, а вино в кубках блестит, точно глаза девушек из-под белых покрывал.

Они пошли в ту сторону, откуда слышался грохот водопада, и омыли чистой водой лица и головы.

— Это получше их вина, — произнес Вульф.

Увидев же еще закутанную женщину, белевшую, как привидение, на залитой лунным светом лужайке, д'Арси двинулись дальше; наконец они

вышли на площадку, где не было ни ковров, ни спящих, ни женщин с кубками.

— Теперь, — Вульф остановился, — объясни мне, что все это значит?

— Разве ты глух и слеп? Разве ты не видишь, что этот демон очарован Розамундой и хочет жениться на ней?

Вульф громко застонал:

— Клянусь, раньше я отправлю в ад его душу, хотя бы нам самим пришлось пойти туда же.

— Да, — согласился Годвин, — я видел, что ты готовился убить его, но помни, что это было бы гибелью для всех нас. Подождем наносить удар... В числе других украшений на поясе Розамунды я видел кинжал, осыпанный драгоценными камнями, в случае нужды она сумеет прибегнуть к его помощи.

Разговаривая, братья подошли к поляне и остановились. Неожиданно из тени большого кедра показалась одинокая женщина в белом платье.

— Уйдем, — шепнул Вульф, — еще одна колдунья с проклятым кубком.

Но раньше чем братья успели повернуться, белая тень скользнула к ним и быстро сбросила покрывало. Это была Масуда.

— Идите за мной, братья Питер и Джон, — с тихим смехом промолвила она и протянула им кубок. — Мне нужно поговорить с вами. Что такое?... Вы не хотите пить? Хорошо, это благоразумно. — И, выплеснув что-то из кубка на землю, она пошла вперед. Молчаливая Масуда то показывалась на открытых пространствах, то исчезала в густом мраке, под ветвями кедров. Так она довела рыцарей до обнаженной скалы на краю пропасти. Рядом с этим утесом поднимался высокий курган, какой древние насыпали над своими умершими. В кургане еле виднелась дверь, хитро закрытая кустарником. Масуда сняла ключ с пояса и, оглянувшись, чтобы увидеть, не наблюдает ли за ней кто-нибудь, открыла массивную створку.

— Войдите, — пригласила она, пропуская вперед братьев. Они вошли и услышали, как позади них закрылась дверь. — Теперь мы, я думаю, в безопасности, но я проведу вас в освещенное место.

И, взяв обоих д'Арси за руки, она повела их по легкому наклону; наконец братья увидели лунный свет, который помог им рассмотреть, что они находятся подле входа в пещеру, окаймленную кустами. Из глубины пропасти к этому отверстию поднималась гряда или выступ скалы, очень узкий и крутой.

— Это единственная дорога из цитадели, кроме моста, — объяснила

Масуда.

— Плохой путь, — заметил Вульф, глядя вниз.

— Да, а между тем лошади, привыкшие ходить по крутизне, пройдут и здесь. У подножия этого утеса — дно рва. В миле от гряды, с левой стороны, начинается ущелье, которое постепенно поднимается и ведет к горным высотам и... к свободе. Не хотите ли сейчас уйти этим путем? К заре вы можете быть далеко.

— А где же будет тогда Розамунда? — спросил Вульф.

— В гареме властителя Синана, — спокойно ответила она.

— О, не говорите этого! — воскликнул Вульф, сжав ей руку. Годвин молча прислонился к стене пещеры.

— Зачем скрывать? Разве вы не видите сами, что он очарован ее красотой, как и... другие? Слушайте, некоторое время тому назад великий Синан потерял свою королеву... Каким образом — нечего спрашивать, говорят, она ему надоела. По закону он печалился о ней месяц, от полнолуния до полнолуния, то есть на третье утро после сегодняшней ночи он получит право снова жениться и, я думаю, отпразднует свадьбу... Но до тех пор ваша сестра останется в такой же безопасности, как была в то время, когда сидела у себя дома в Англии, а Салах ад-Дину еще не грезилась вещи сны.

— Значит, — сказал Годвин, — после этого срока она должна или бежать, или умереть?

— Есть и третий выход, — пожала плечами Масуда, — она может сделаться женой Синана.

Вульф пробормотал что-то сквозь зубы, потом с угрозой подошел к Масуде:

— Спасите ее, или...

— Остановитесь, пилигрим Джон, — со смехом прервала его она, — если я спасу ее, что сделать очень нелегко, то уж, конечно, не из страха перед вашим длинным мечом.

— Ради чего же, госпожа Масуда? — печально спросил Годвин. — Ведь если бы мы даже могли предложить вам денег, то, конечно, это было бы бесполезно.

— Я рада, что вы избавили меня от такой обиды, — с горящими глазами воскликнула Масуда, — потому что тогда все окончилось бы. Однако, — прибавила она спокойнее, — видя, где я живу, что я делаю, чем кажусь, — она взглянула на свое платье и пустой кубок в руке, — вы могли предложить мне золото. Но послушайте и не забудьте ни одного моего слова. Сейчас вы в милости у Синана, так как он считает вас братьями

госпожи Розамунды, а не людьми, добивающимися ее руки; едва истина обнаружится — вы погибли. То, что знает франк Лозель, может узнать и аль-Джебал... если они встретятся. Пока вы свободны, завтра, во время поездки верхом, заметьте положение большого утеса подле кургана; запомните дорогу к нему со всех сторон, чтобы найти его даже в темноте. Завтра, когда взойдет луна, вас проведут к узкому мосту, приучитесь не бояться его при ее неверном бледном свете. Убрав коней, придите снова в сад, проберитесь тайком сюда. Стража пропустит вас, думая, что вы только хотите выпить по кубку вина по обычаю наших гостей... Войдите в пещеру, вот ключ от двери; если меня еще не будет здесь, подождите. Тогда я скажу вам, что замыслила, мне нужно обдумать свой план. Теперь же поздно, идите.

— А вы, Масуда? Как уйдете вы из этого места? — любопытствовал Годвин.

— Путем, не известным вам; мне открыты тайны этого города. Идите же и замкните за собой дверь.

Д'Арси молчаливо вернулись в дом гостей. В эту ночь братья спали на одной постели, боясь, что их будут обыскивать и они не проснутся. Опять, как и накануне, д'Арси слышали в темноте шаги и голоса. Утром они надеялись за завтраком увидеть Розамунду или хотя бы Масуду, но ни та ни другая не показались. Наконец пришел один предводитель отряда ассасинов и знаком позвал их за собой. Он проводил д'Арси на террасу, где опять под балдахинном сидел Синан в черном одеянии. Рядом с ним была Розамунда в роскошном наряде. Д'Арси хотели подойти к ней, но стража преградила им путь и знаком указала их места в нескольких ярдах от принцессы. Вульф громко воскликнул по-английски:

— Скажите, Розамунда, вам не дурно?

Подняв бледное лицо, она улыбнулась и кивнула головой. По приказанию аль-Джебала Масуда велела братьям говорить только тогда, когда их о чем-нибудь спросят. Четыре даи подошли к балдахину и стали о чем-то серьезно шептаться со своим повелителем. Он тихо дал им приказание, и они сели на прежние места, а с террасы ушли двое гонцов; они скоро вернулись и привели с собой важных сарацин, с благородной осанкой и в зеленых тюрбанах, которые указывали на их происхождение от Пророка. За ними вошла свита. Сарацины, которые казались утомленными, держались гордо и как бы никого не замечали, однако, увидев рыцарей, они быстро взглянули на них. Розамунде сарацины низко поклонились, но на аль-Джебала не обратили никакого внимания.

— Кто вы и чего желаете? — обратился к ним Синан. — Я правитель

этой страны, и вот мои министры, — он указал на даи, — а вот мой скипетр, — и он коснулся кроваво-красного вышитого кинжала на своем черном платье.

Теперь посольство почтительно поклонилось ему, и выборный ответил:

— Мы знаем твой скипетр и дважды убивали носителей его в самом шатре нашего повелителя. Господин убийца, мы признаем эмблему твою и кланяемся тебе, носящему титул великого убийцы. А дело у нас следующее: мы — посланники Салах ад-Дина, повелителя верных, султана Востока. Вот наши верительные грамоты за подлинной его печатью; может быть, ты желаешь прочитать их?

— Я слышал о нем. Чего же он хочет от меня?

— Вот чего, аль-Джебал: франкский изменник отдал тебе в руки племянницу Салах ад-Дина, принцессу Баальбекскую, по имени Роза Мира. Принц Хасан, бежавший из рук твоих воинов, сообщил об этом. Теперь Салах ад-Дин требует от тебя свою благородную племянницу, а вместе с ней голову франка Лозеля.

— Если ему угодно, он может получить голову франка Лозеля послезавтра ночью, а Роза Мира останется у меня, — с усмешкой сказал Синан. — Что же дальше?

— Дальше, аль-Джебал, мы, от имени Салах ад-Дина, объявляем тебе войну, войну до тех пор, пока от этой твердыни не останется камня на камне, пока все твое племя не будет уничтожено, а твой труп брошен на съедение воронам.

Синан в бешенстве вскочил и стал крутить и рвать свою бороду.

— Уйдите! — крикнул он. — И скажите псу, которого вы зовете султаном, что хотя он только низкорожденный сын Айюба, а я — аль-Джебал, я делаю ему честь, которой он не заслуживает. Моя королева умерла, и через два дня, когда исполнится месяц моей печали, я возьму в жены его племянницу, принцессу Баальбекскую, которая сидит рядом со мной как моя нареченная невеста.

Розамунда вздрогнула, точно укушенная змеей, закрыла лицо руками и застонала.

— Принцесса, — сказал посланник, — вы понимаете наш язык, скажите: вы хотите соединить вашу благородную судьбу с судьбой еретического начальника ассасинов?

— Нет, нет, — вскрикнула она, — не хочу! Я только беззащитная пленница и христианка... Если мой дядя, Салах ад-Дин, действительно так могуч, как я слышала, пусть он освободит меня, а со мной и моих братьев

— рыцарей сэра Годвина и сэра Вульфа.

— Значит, ты говоришь по-арабски, госпожа? — удивился Синан. — Тем лучше! Ну, гонцы Салах ад-Дина, уходите, не то я пошлю вас в более далекое путешествие. Да скажите вашему повелителю, что если он осмелится двинуть знамена к стенам моей крепости, фидаи поговорят с ним. Ни днем, ни ночью не будет он в безопасности. Яд притаился в его кубке, кинжал — в его ложе. Он убьет сотню фидаев — явится другая сотня. Его доверенные стражи превратятся в палачей, женщины его гарема принесут ему гибель, смерть напоит самый воздух, которым он дышит. Если султан желает спастись, пусть он запрется за стенами своего Дамаска или забавляется войнами с безумными поклонниками креста и предоставит мне жить здесь, как я желаю.

— Великие слова, достойные великого ассасина, — насмешливо проговорил посланник.

— Действительно великие, а за ними последуют такие же великие деяния. Что может сделать ваш господин против народа, поклявшегося повиноваться в жизни и смерти?

Синан позвал по именам двух даи. Они поднялись и поклонились ему.

— Мои верные слуги, — повелел аль-Джебал, — покажите этим еретическим псам, как вы повинуетесь мне, чтобы их господин понял мощь вашего великого повелителя. Вы стары и утомлены жизнью. Исчезните, и ждите меня в раю.

Старики с легкой дрожью поклонились, выпрямились, молча подбежали к краю террасы и прыгнули в пропасть.

— Есть ли у Салах ад-Дина такие слуга? — прозвучал в наступившей тишине вопрос Синана. — И все мои фидаи сделают то же самое. Идите и, если желаете, возьмите с собой этих франков, моих гостей. Пусть они засвидетельствуют перед Салах ад-Дином то, что видели, и расскажут, где вы оставили их сестру. Переведи это рыцарям, — приказал он к Масуде.

Выслушав ее, Годвин ответил:

— Мы плохо понимаем то, что произошло, ведь нам не известен твой язык, аль-Джебал! Прежде чем мы уйдем из-под крыши твоего дома, нам нужно свести счеты с Лозелем.

Розамунда вздохнула с облегчением.

— Пусть так и будет, — изрек Синан и прибавил: — Накормите посланников перед их отправлением домой.

Но выборный отверг это:

— Мы не принимаем хлеба и соли от убийц, аль-Джебал, мы уходим, но через неделю снова явимся с десятью тысячами копий, и на одно из них

мы насадим твою голову. Охранная грамота, данная тобой, защитит нас до заката, после этого времени делай, что тебе угодно. Высокорожденная принцесса, советуем тебе убить себя и тем заслужить вечную славу.

Кланяясь Розамунде, они один за другим уходили с террасы. Свита двинулась на ними. Синан махнул рукой, все стали расходиться. За Розамундой шли Масуда и стражи. Братья рассуждали обо всем случившемся, говоря себе, что они могут надеяться только на Бога.

II. Бой на мосту

Салах ад-Дин придет, — сказал Вульф и с высоты, на которой стояли д'Арси, указал на долину — по ней мчался отряд всадников. — Видишь, брат, это уезжает посольство.

— Да, — ответил Годвин, — султан придет, но, боюсь, слишком поздно...

— Если мы не двинемся навстречу ему! Масуда обещала...

— Масуда, — вздохнул Годвин, — только подумать, что все зависит от обещания женщины...

— Нет, — возразил Вульф, — от судьбы. Ну, пойдем.

И в сопровождении свиты они отправились в сад, чтобы запомнить дорогу к скале. Ночью д'Арси поехали к пропасти и увидели Лозеля, который сидел на крупном, взмыленном вороном коне. Очевидно, он тоже побывал на опасном мосту — собравшаяся толпа зрителей хлопала руками и кричала: «Хорошо ездит франк, хорошо!» Годвин и Вульф переехали через мост. Кони не останавливались, только фыркали, глядя на зияющую бездну. Братья несколько раз повторяли то же самое, они ездили то шагом, то рысью, то галопом, иногда поодиночке, иногда вместе. Наконец Вульф попросил Годвина остановиться на середине моста, помчался к нему карьером и осадил Дыма на расстоянии копыта от брата; под крики зрителей он повернул своего коня на задних ногах и поскакал назад в сопровождении Годвина. Д'Арси поставили лошадей в конюшни и прошли в сад, избегая встречи с закутанными в белое служанками Синана и людьми, которых они отравляли. Окружным путем братья прошли к утесу, открыли дверь в кургане, замкнули ее за собой и ощупью пробрались до освещенного луной выхода из подземелья. Тут они остановились, изучая крутой спуск; вдруг Годвин почувствовал на своем плече руку, повернулся и увидел Масуду.

— Как вы вошли? — по-французски спросил он.

— Вот дорога, в которой заключается наша единственная надежда, — показала она на спуск с кручи, не ответив на его вопрос, и обратилась к нему: — Не будем тратить слов, сэр Годвин, у нас мало времени, и если вы доверяете мне, отдайте в мои руки печать, которая висит у вас на шее. В противном случае — вернитесь в замок и спасайте себя и Розамунду, как умеете.

Годвин молча вынул из-под кольчуги старинное кольцо, покрытое

таинственными письменами и со знаком кинжала, и передал его Масуде.

— Вы действительно доверяете мне, — с легким смехом сказала она, при свете луны осмотрела перстень, коснулась им своего лба и спрятала его на груди.

— Да, госпожа, — ответил Годвин, — я верю вам, хотя и не понимаю, почему вы ради нас подвергаете себя опасности.

— Почему? Может быть, из ненависти, ведь Синан властвует не любовью, а ненавистью; может быть, так же и я, дикая по происхождению, хочу рискнуть жизнью, ведь смерть и победа для меня безразличны! Может быть, и потому, что вы, сэр Годвин, спасли меня от львицы. Не все ли вам равно, почему женщина — шпионка ассасинов, на которую вы плюнули бы в вашей стране, делает то или другое? — Она замолчала. Ее грудь высоко вздымалась, глаза блеснули. Она казалась таинственным белым видением, прекрасным при лунном свете. Годвин почувствовал, что его сердце сжалось, но не успел произнести ни слова, так как Вульф прервал речь Масуды:

— Вы просили нас не тратить лишних слов, госпожа, и потому скажите, что нам делать.

— Вот что, — начала объяснять Масуда. — Завтра в этот час вы будете биться с Лозелем на узком мосту. Может быть, вы, сэр Вульф, падете, потому что одной храбрости здесь будет мало. Этот бой потребует скорее искусства и воинской хитрости... В таком случае сэр Годвин выступит против Лозеля. Если вы оба погибнете, я сделаю все, чтобы спасти вашу даму и отвести ее к Салах ад-Дину, если же я потерплю неудачу, то помогу ей найти спасение в смерти.

— Вы клянетесь? — спросил Вульф.

— Я сказала, и этого достаточно, — нетерпеливо возразила она.

— Тогда я выйду против Лозеля с легким сердцем, — заметил Вульф, а Масуда продолжала:

— Дальше, если победите вы, сэр Вульф, или если вы погибнете, а ваш брат победит, один из вас или вы оба должны проскакать к конюшнным воротам — они в миле от моста. Ни одна лошадь не успеет за вашими скакунами; не останавливаясь, мчитесь сюда. В саду не будет ни души, все соберутся на стены и на крыши домов, чтобы смотреть на бой, и есть только одна опасность: может быть, перед курганом будут часовые. Салах ад-Дин объявил войну аль-Джебалу, и хотя тайный путь известен немногим, но все же это — проход. Если вы увидите часовых, вам придется убить их, не то вы сами будете убиты. Если вы пробьетесь до этой пещеры, введите в нее лошадей, закройте дверь на замок, задвиньте ее засовом и

ждите. Может быть, я приду сюда с принцессой. Вряд ли на вас нападут здесь, потому что эту дверь может охранять даже один человек против многих. Ждите меня до зари; если я не приду, знайте, что свершилось самое худшее, тогда летите к Салах ад-Дину, расскажите ему об этой дороге и о случившемся, чтобы он мог отомстить своему врагу Синану. Только, прошу вас, не сомневайтесь в том, что я сделала все возможное... В случае неудачи я умру — умру ужасной смертью. Теперь — до свидания, до новой встречи или прощайте навсегда. Идите, вы знаете дорогу.

Д'Арси пошли к выходу, но, сделав несколько шагов, Годвин обернулся и увидел, что Масуда стоит и смотрит на них. Свет луны падал на ее лицо, и молодой человек заметил, что из ее черных, нежных глаз катились слезы. Он вернулся к ней, а с ним и Вульф. Годвин стал на колени перед Масудой, поцеловал ее руку и мягко, но торжественно объявил:

— С этих пор в жизни ли, в смерти ли — мы будем служить двум дамам.

Вульф сделал то же самое.

— Может быть, — печально промолвила Масуда, — у вас будут две дамы, но одна любовь.

Братья ушли и благополучно вернулись в дом гостей.

И снова пришла ночь, и снова над крепостью засияла полная летняя луна. Из ворот дома гостей выехали д'Арси на своих великолепных конях. Лунный свет отражался на их кольчугах и щитах с изображением оскалившихся черепов, на тесных шлемах и крепких длинных копьях, данных им. Обычный эскорт окружал их; впереди и позади рыцарей бежала толпа.

В ту ночь ассасины сбросили свою обычную мрачность, их не угнетала даже мысль о войне с могучим Салах ад-Дином. Этот народ привык к смерти, каждый день видел он ее в различных формах. По приказанию властителя фидаи постоянно уходили за пределы крепости, чтобы убить того или другого знатного человека, и по большей части не возвращались. Смерть ждала их на чужбине, в случае неудачи — смерть ждала их дома. Их страшный халиф служил орудием смерти, по его приказанию они бросались в пропасть, жертвовали своими женами, детьми, и в награду при жизни получали кубок со странным питьем, которое вызывало сладостные видения, а после смерти ожидали еще более сладкого рая. Они видели всевозможные страдания, но бой на мосту казался им чем-то новым. А назавтра их ждало еще большее торжество — бракосочетание властелина с чужестранкой...

Братья ехали молча и казались бесстрастными; кругом них волновалась толпа, время от времени разрывавшая ряды их телохранителей. Вдруг к Годвину протянулась рука, в ней было письмо, и при свете луны он прочитал короткую записку, набросанную по-английски:

Я не могу говорить с вами; да хранит вас Бог, братья, и дух моего отца. Бейтесь, Вульф, бейтесь, Годвин, и не бойтесь за меня — я сумею защититься; победите или умрите, и в жизни или в смерти ждите меня. Завтра, во плоти и в духе, мы увидимся.

Розамунда

Годвин передал бумажку Вульфу. В ту же минуту молодой рыцарь увидел, как стражники поймали седую старуху, подавшую ему записку. Они спросили у нее что-то, но она только отрицательно покачала головой. Тогда воины со смехом бросили ее под копыта своих лошадей... Она умерла раздавленная, а толпа смеялась.

— Разорви записку, брат, — сказал Годвин. Вульф исполнил его совет со словами:

— У нашей Розамунды храброе сердце, мы одной крови с ней и не посрамим ее.

Д'Арси выехали на открытую площадку против узкого моста... Здесь теснилась чернь, которую сдерживали ряды воинов; зрители толпились также на плоских крышах, на стенах вдоль пропасти, на укреплениях, которые высились близ противоположного конца моста, на строениях внешней части города. Перед мостом были низкие ворота, на их крыше сидел аль-Джебал в праздничном красном наряде, а рядом с ним Розамунда; лунный свет играл на ее драгоценностях. Впереди стояла Масуда, переводчица, или «уста аль-Джебала», в роскошном платье. Драгоценность в виде кинжала искрилась в ее черных волосах. Позади нее теснились даи и воины.

Братья выехали на площадку перед воротами и остановились, салютуя копьями со значками. Выехала и вторая процессия, впереди держался Лозель на вороном коне. Массивным и свирепым казался сэр Гуго.

— Что это? — крикнул он, взглянув на д'Арси. — Мне одному придется сражаться против двоих? Вот так рыцарство!

— Нет, нет, сэр предатель, — ответил Вульф, — вы дрались с Годвином, теперь очередь Вульфа. Убейте Вульфа — останется Годвин, убейте Годвина — останется Бог. Презренный раб, в последний Раз видишь ты луну!

Лозель обезумел от ярости и от страха:

— Властитель, — закричал он по-арабски, — ведь это же убийство, неужели ты желаешь, чтобы меня погубили люди, ищущие руки девушки, которой ты хочешь оказать честь, сделав ее своей женой?

Синан услышал и посмотрел на Гуго долгим взглядом.

— Смотри, смотри, но я говорю правду. Они совсем не ее братья, разве из-за сестер так сражаются? Разве из-за сестры они пошли бы сами в твои сети?

Синан поднял руку в знак молчания и повелел:

— Бросьте жребий, кто бы ни были эти люди, пусть бой состоится, бой честный.

Один даи поднялся, бросил на землю жребий, «прочитав» его, объявил, что Лозель должен проехать на отдаленный край моста! Минувя братьев, Лозель усмехнулся им в лицо и произнес:

— Одно верно: вы тоже смотрите в последний раз на луну, я отомщен — Синан убьет вас обоих у нее на глазах.

Братья ничего не ответили. Абрис вороной лошади Лозеля стал неясен в неверном свете луны, затем конь и всадник исчезли под аркой, которая вела к внешней части города. Закричал герольд, Масуда переводила его слова, в то же время другой герольд, стоявший на противоположном краю пропасти, громко повторял:

— Трижды прозвучат трубы. На третий раз рыцари должны выехать на мост и встретиться на его середине. Далее они могут биться, как угодно, на коне или пешими, копьями, мечами или кинжалами; побежденный не получит пощады. Если его живого принесут с моста, он будет сброшен в пропасть. Таково повеление аль-Джебала.

Коня Вульфа провели к мосту; с противоположного края вывели вороного Лозеля.

— Дай тебе Бог счастья, брат, — напутствовал Вульфа Годвин, когда тот поравнялся с ним. — Мне жаль, что биться выезжаю не я.

— Может быть, придет и твоя очередь, брат, — мрачно сказал Вульф, приготавливая копье.

С одной из ближайших башен прозвучал первый продолжительный трубный звук, толпа затихла в мертвом молчании. Конюхи хотели осмотреть подпруги, узды, ремни стремян, но Вульф знаком отослал их.

Вторично прозвучали трубы. Вульф вынул из ножен большой меч, который когда-то блистал в руке его отца на иерусалимской стене.

— Ваш подарок! — крикнул он Розамунде, и тотчас в тишине прозвучал ее звонкий ответ:

— Пусть он разит врага, как поражал нападавших в Иерусалиме и как защищал меня в зале Стипля.

И снова наступила тишина, продолжительная и глубокая. Вульф посмотрел на узкую белую полосу моста, на черную пропасть, зиявшую по обе ее стороны, на синее небо с золотой луной, потом наклонился и потрепал Дыма по шее.

В третий раз прозвучали трубы, с обоих концов моста, длиной шагов в двести, рыцари поскакали навстречу друг другу, точно живые слитки стали. Вся толпа поднялась, встал даже Синан. Только Розамунда сидела неподвижно, сжимая руками подушки. Глухо стучали копыта лошадей, кони летели все быстрее, а рыцари все ниже склонялись к седлам. Вот они близко друг от друга... вот встретились. Копья дрогнули, лошади сшиблись, повиснув над бездной, крупный вороной поскакал к внутреннему городу, а Дым помчался к противоположному краю моста.

— Они проскакали, они проскакали! — загремела толпа.

Но Лозель закачался в седле, его шлем был сбит, кровь лилась из его головы, раненной копьем.

— Слишком высоко, Вульф, слишком высоко, — сокрушался Годвин. — Ах, завязки шлема не выдержали!

Воины поймали вороного и повернули его.

— Другой шлем! — крикнул Лозель.

— Нет, — ответил Синан, — тот рыцарь потерял щит. Новые копыта, и только.

Сэру Гуго дали копьё, и под новый взрыв трубных звуков кони опять понеслись по узкой дороге. Они встретились. Лозель упал с седла, но еще держался за поводья, еще один удар отбросил его далеко назад, и он упал на мост. От толчка свалился и вороной конь и лежал, как бьющаяся большая груда.

— Вульф упадет на него! — вскричала Розамунда. Но Дым не упал; чудный конь весь сжался — при ярком лунном свете все видели это — и, чувствуя, что он не может остановиться, перескочил через упавшую вороную лошадь, через лежавшего всадника и поскакал дальше. Наконец и вороной нашел опору для ног и побежал к отдаленным воротам, Лозель поднялся, собираясь скрыться.

— Стой, стой, трус! — завывала толпа, он услышал, обнажил меч и остановился. Дым сделал три больших прыжка, Вульф осадил его и повернул на задних ногах.

— Бей его! — закричала толпа, но Вульф не двигался, не желая нападать на рыцаря без лошади, затем сам соскочил с седла и пешком

пошел к Лозелю. Дым бежал за ним, как собака. По дороге д'Арси бросил свое копьё и обнажил большой меч с крестообразной рукояткой. И снова все замерло. Вдруг тишину нарушил крик Годвина:

— Д'Арси! Д'Арси!

— Д'Арси! Д'Арси! — послышалось с моста, и слабое эхо в глубине рва повторило голос Вульфа. Годвин обрадовался — он понял, что его брат невредим и не потерял сил.

Вульфу недоставало щита, Лозелю — шлема, их силы были равны. Они столкнулись, мечи блеснули в лунном свете, слышался непрерывный звон стали о сталь. Один удар упал на кольчугу Вульфа, он шатнулся назад. Еще удар, еще и еще, и он все отступал, все отступал к краю моста, пока не натолкнулся на коня, который стоял позади него; тут, казалось, он нашел опору. Внезапно все переменилось. Вульф кинулся вперед и обеими руками взмахнул мечом. Удар опустился на щит Лозеля и разделил его на две половины, верхняя его часть с грохотом упала на камни. Сам Лозель пошатнулся, опустился на колено, поднялся и в свою очередь ударил мечом. Но он шатался и отступал и наконец с громким стоном упал от страшного удара, направленного в голову, но пришедшегося на плечо; он лежал как бревно, и лунный свет облил его руку в железной перчатке, поднятую с просьбой о пощаде.

С крыш, со стен террасы, с высоких ворот и укреплений неслись крики, походившие на раскаты грома:

— Убей, убей его!

Синан поднял руку. Все смолкло, и великий ассасин тонким голосом прокричал:

— Убей его! Он побежден.

Но Вульф стоял, склоняясь над рукояткой своего меча, и смотрел на павшего врага. Он, казалось, говорил с ним; Лозель поднял меч, который лежал подле него, и подал его д'Арси. Вульф высоко с торжеством взмахнул им над головой, потом с криком бросил далеко от себя в пропасть, лезвие блеснуло, как дуга горящего света, и исчезло. Не обращая больше внимания на побежденного, Вульф повернулся и пошел к своему Дыму, но едва сделал несколько шагов, как Лозель вскочил с кинжалом в руках.

— Обернись! — крикнул Годвин, а зрители, довольные тем, что бой еще не окончился, радостно зашумели. Вульф услышал Годвина и повернулся. В ту же минуту кинжал Лозеля ударил его в грудь, и хорошо, что кольчуга Вульфа оказалась крепкой. Биться мечом не было ни места, ни времени, но прежде чем Лозель успел ударить Вульфа вторично, руки д'Арси обняли стан рыцаря-предателя, и началась борьба.

Они отступали, наклонялись, крутились, как вихрь, так что никто не мог сказать, где Вульф, где его враг. Наконец оба очутились над пропастью и остановились, как каменные. Один начал наклоняться вниз, его голова уже повисла над бездной... Все дальше и дальше клонился он, противник не мог разжать его рук...

— Оба упадут! — радостно закричала толпа.

Блеснул кинжал; раз, два, три раза сверкнул он, борцы разделились, а из глубины пропасти донесся стук упавшего тела.

— Который, о, который?! — вскрикнула Розамунда с крыши ворот.

— Сэр Гуго Лозель, — торжественным голосом объявил Годвин. Голова Розамунды упала на грудь, и несколько мгновений казалось, будто она спит.

Вульф подошел к своему коню, повернул его и, обняв обеими руками за шею, отдыхал. Потом вскочил в седло и медленно двинулся к воротам внутреннего города. Годвин выехал ему навстречу.

— Ты храбро бился, брат, — сказал он. — Ты ранен?

— Ушиблен и устал, больше ничего, — ответил Вульф.

— Хорошее начало. Теперь нужно выполнять остальное, — прошептал Годвин и, взглянув через плечо, прибавил: — Смотри, Розамунду уводят, но Синан остался, вероятно, желает поговорить с нами, так как Масуда машет нам рукой.

— Что делать? — спросил Вульф. — Придумай, брат, потому что у меня голова кружится.

— Мы выслушаем, что он скажет, потом, по моему сигналу, поскачем, как говорила Масуда. Выбора нет. Но притворись раненым.

Впереди ехал Годвин, за ним — Вульф, толпа ревела, приветствуя победителя. Д'Арси остановились на открытой площадке перед воротами. Аль-Джебал обратился к ним через Масуду:

— Это был благородный бой. Я не думал, чтобы франки могли биться так хорошо. Скажи, господин рыцарь, хочешь ли ты попить со мной в моем дворце?

— Благодарю тебя, властитель, — отклонил его предложение Вульф, — но мне нужно отдохнуть, и я прошу брата перевязать мои раны, — он указал на кровь, черневшую на его кольчуге. — Если тебе угодно — завтра.

Синан посмотрел на д'Арси, поглаживая бороду, и братья ожидали рокового ответа. Он прозвучал:

— Хорошо, пусть так и будет. Завтра я женюсь на Розамунде, и вы, ее братья, как подобает, передадите ее мне, — он осклабился. — Тогда же вы получите награду за вашу храбрость, великую награду, обещаю вам.

Пока аль-Джебал говорил, Годвин, глядя на небо, подметил маленькое облачко, наплывавшее на луну. Оно на мгновение совсем ее закрыло, и стало темно.

— Пора, — шепнул он Вульфу, и, отвесив по поклону аль-Джебалу, д'Арси проехали под воротами, где толпился народ, задерживая эскорт братьев. Годвин и Вульф что-то тихо сказали Огню и Дыму, и лошади рядом понеслись вперед, разбрасывая толпу, как корабли воду. Через десять ярдов толпа стала редкой, через тридцать — она осталась позади, потому что все сбегались к арке, откуда они могли видеть скачку. Братья летели до поворота налево, тут, при слабом свете, они исчезли из глаз наблюдающих.

— Вперед! — Годвин дернул за повод. И лошади полетели еще быстрее. Опять Годвин сделал поворот, и д'Арси очутились на дороге к саду, замок для гостей остался слева от них; между тем свита братьев отправилась по главной улице внутреннего города, думая, что рыцари едут впереди. Через три минуты братья уже были в пустынных садах, где в эту ночь не белело фигур женщин и спящих в палатках.

— Вульф, — предупредил Годвин, — обнажи меч и приготовься. Помни: может быть, тайную пещеру охраняют, а если так, мы должны убить стражу, или будем убиты сами.

В следующее мгновение два длинных лезвия заблестели в свете луны, так как облачко пронеслось. Вот и утес, между ним и курганом показались двое часовых. Они услышали звук копыт и, повернувшись, заметили двух вооруженных рыцарей, вихрем мчавшихся на них. Они приказали им остановиться, не зная, что делать, и остановились сами, точно спрашивая себя, не видение ли перед ними.

В одну минуту братья были подле воинов. Фидаи подняли копья, но раньше, чем они успели бросить их, меч Годвина упал между шеей и плечом одного из ассасинов и проник до его грудной кости. Вульф, действуя своим мечом, как копьем, пронзил другого насквозь; оба, мертвые, упали подле дверей кургана, так и не узнав, кто поразил их. Братья натянули поводья, велели Огню и Дыму остановиться, потом повернули их и соскочили с седел. Один из убитых воинов еще сжимал мертвой рукой поводья своей лошади, другая стояла и фыркала. Годвин поймал ее прежде, чем она успела уйти, потом, взяв поводья всех четырех животных, бросил ключ Вульфу. Вскоре дверь была открыта, Годвин вводил коней одного за другим в двери подземелья — это не представляло затруднений, так как лошади привыкли к конюшням в пещерах.

— Что делать с мертвыми? — спросил Вульф.

— Лучше всего взять их сюда, — ответил Годвин и, выбежав из

кургана, перенес в подземелье сначала один, потом другой труп.

— Скорее, — торопил он, бросив второе тело. — Закрой дверь.

Между деревьями мелькнули всадники. Но они не заметили ничего.

Тяжелая, толстая дверь закрылась, ее задвинули засовом. Братья с замиранием сердца ожидали, что вот-вот воины ударят в створку бревнами, как таранами, но не слышалось ни звука. Если ехавшие воины действительно искали их, они отправились в другое место.

Вульф привязал лошадей подле открытого конца подземелья, а Годвин собрал самые большие камни, какие только мог поднять, и подкатил их к двери. Теперь братья знали, что многим людям придется прилагать усилия целый час или больше, чтобы ворваться в курган. Дверь была окована железом и вделана в цельную скалу.

III. Бегство в Эдессу

Наступило долгое, скучное ожидание. Вода сочилась по стенам пещеры, и Вульф, губы которого растрескались от жары, собрал ее в пригоршню и пил, пока не утолил жажды, потом подставил под струю голову, чтобы освежить ее; Годвин омыл ушибы и раны брата, которых мог коснуться, не снимая кольчуги.

Осмотрев седла и лошадей, Вульф рассказал Годвину все, что случилось во время боя.

— Но, знаешь, — закончил Вульф отчет о последней рукопашной схватке, — я никогда не забуду его, человека, который падал с моста, и свистящего вопля, вырвавшегося из его шеи, проколотой моим кинжалом...

— Все же теперь стало одним злодеем меньше, хотя он был по-своему храбрым человеком, — заметил Годвин. — Кроме того, брат, — прибавил он, обвив рукой шею Вульфа, — я рад, что именно на твою долю выпала судьба сражаться с ним: во время последней рукопашной схватки у меня не хватило бы силы победить его. Хорошо также, что ты оказал ему милосердие, так и следовало поступить рыцарю. Ты добился великой чести, и, вероятно, наш покойный дядя гордится тобой.

Они стали ходить взад и вперед, чтобы разбитое тело Вульфа не онемело под кольчугой. Время ползло медленно, луна склонялась к горам.

— Что, если они не придут? — спросил Вульф.

— Об этом подумаем, когда встанет заря, — ответил Годвин. И опять они ходили взад и вперед по пещере.

— Как они могут прийти, когда дверь заперта, закрыта на засов и засыпана камнями? — мучился сомнениями Вульф.

— Как приходила и уходила Масуда, — произнес в ответ Годвин. — О, не спрашивай меня больше, все в руках Божьих.

— Посмотри, — прошептал Вульф. — Кто это стоит в конце пещеры, там, подле мертвых ассасинов?

— Может быть, их призраки, — Годвин обнажил меч и наклонился. Действительно, подле мертвых виднелись две фигуры, слабо вырисовывавшиеся во мраке. Вот они скользнули вперед, лунные лучи, косо проникавшие в пещеру, заиграли на белых платях и на драгоценностях.

— Я не вижу их, — раздался чей-то голос. — О, это мертвые воины! Что это значит?

— Вот, по крайней мере, их лошади, — проговорил другой голос. Теперь братья поняли и, как во сне, выступили из тьмы.

— Розамунда, — сказали они.

— О, Годвин, о, Вульф! — вскрикнула она. — О, Иисус, благодарю Тебя. Благодарю Тебя и эту бесстрашную женщину, — и, обвив руками шею Масуды, она поцеловала ее лицо.

Но Масуда оттолкнула ее:

— Вашим чистым губам, принцесса, не годится касаться женщины-ассасинки.

— Я должна благодарить вас, — со слезами промолвила Розамунда, — потому что без вашей помощи сама сделалась бы женщиной-ассасинкой или жительницей домов смерти.

Тогда Масуда поцеловала ее и, пододвинув девушку к Вульфу, проговорила:

— Итак, пилигримы Питер и Джон, ваши святые до сих пор помогали вам, вы, Джон, сражались храбро. Не прерывайте меня и не спрашивайте, что было с нами, если хотите, чтобы мы остались живы и могли после рассказать вам все. Да вы захватили и лошадей солдат? Очень хорошо! Ну, сэр Вульф, вы в силах идти? Тем лучше, это избавит вас от трудного спуска верхом, здесь круто, хотя и не такая крутизна, какую вы уже видели. Посадите принцессу на Огня, нет кошки, которая отличалась бы большей ловкостью, чем этот конь. Его поведу я. Вы, Джон, ведите лошадей солдат. Питер последует за вами с Дымом. Идите и, если кони станут пятиться, колите их мечом. Иди, Огонь, не бойся, где иду я, там пройдешь и ты. — И Масуда вышла на крутой спуск, время от времени ласково говоря с лошастью.

Через минуту все уже спускались по такой крутой гряде, что в каждое мгновение, казалось, можно было свалиться в пропасть. Но никто не падал: дорога была устроена именно для тайного бегства и оказалась безопаснее, чем можно было думать, глядя сверху; в самых трудных местах на ней высекли зарубки вроде ступеней. Ниже и ниже спускались беглецы, наконец, запыхавшиеся, но целые и невредимые, они остановились в темной глубине пропасти, освещенной только звездами, потому что свет низко стоявшей луны не мог проникать в нее.

— На коней, — шепнула Масуда. — Принцесса, вы останетесь на Огне, это самая верная, самая быстрая лошадь. Сэр Вульф, поезжайте на вашем Дыме, ваш брат и я сядем на лошадей воинов. Конечно, они не так ходки, но все же славные животные и привыкли к здешним дорогам. — И она с ловкостью женщины, родившейся и выросшей в пустыне, вскочила в

седло и поехала впереди.

С милю или больше они двигались по каменистому дну пропасти и из-за камней могли ехать только шагом. Наконец с левой стороны показалось узкое ущелье, и беглецы стали подниматься по нему. Луна совсем спряталась за горы, облака затемняли слабый свет звезд. Но путники ехали вперед до маленькой поляны, орошенной речкой и покрытой травой.

— Остановитесь, — сказала Масуда. — Тут мы должны подождать до зари, потому что в такой темноте лошади непременно споткнутся о камни. Кроме того, повсюду пропасти, в которые легко упасть.

— Но они не погонятся за нами? — с мольбой и страхом произнесла Розамунда.

— Только когда достаточно рассветет, — ответила Масуда. — Во всяком случае, нам надо подождать, потому что ехать сейчас — безумие. Сядьте и отдохните. Напоим лошадей и дадим им пощипать траву, но будем держать их за поводья. И нам, и им, вероятно, понадобятся все силы до завтрашнего заката. Сэр Вульф, скажите, вы сильно ранены?

— Нет, слегка, — прозвучал его ответ, — несколько синяков под кольчугой, вот и все. Пожалуйста, расскажите нам теперь, что случилось после того, как мы уехали от моста.

— Вот что случилось, рыцари. Принцесса обессилела, и невольницы отнесли ее в помещение. Мне Синан велел остаться с ней, он хотел поговорить с вами. Вы знаете, что он задумал? Убить вас обоих, так как Лозель сказал ему, что вы не братья принцессы. Он боялся только взволновать народ, которому понравился бой, а потому сдержался. Он пригласил вас к ужину, но вы не вернулись бы с этого пира. Когда сэр Вульф сказал, что он ранен, я шепнула Синану, что его намерения лучше отложить до следующего дня, что убить вас будет удобнее в его собственном замке, среди телохранителей. «Да, — согласился он. — Этим братьям придется сражаться с фидаями, и мои воины загонят их в ров, это будет хорошее зрелище для меня и моей королевы».

— Ужасно, ужасно, — прошептала Розамунда.

А Годвин пробормотал:

— Клянусь, я дрался бы только с самим Синаном.

— Вот почему он позволил вам уехать, — продолжала Масуда. — Я тоже ушла, но он велел привести к нему принцессу после нашего ужина, желая поговорить с ней наедине о свадебном пиршестве и поднести ей дары. Я ответила, что его приказание будет исполнено, и побежала в замок для гостей. Госпожа Роза Мира уже оправилась от обморока, но была вне себя от страха, я заставила ее поесть и выпить. Об остальном скажу

коротко. Через два часа пришел гонец и сказал, что аль-Джебал ждет. «Вернись, — отправила я его обратно, — принцесса одевается. Мы придем одни, как велел властитель...» Я накинула на нее плащ, посоветовала ей мужаться, взяла кольцо покойного аль-Джебала, показала его рабам, которые с поклоном пропустили нас. Мы пришли к воинам у дверей; им я также показала перстень. Они поклонились, но, увидев, что мы повернули в левый коридор, а не в правый, который вел к дверям внутреннего дворца, вздумали остановить нас. «Посмотрите на печать, — еще раз показала я кольцо, — не все ли вам равно, какую дорогу избрал великий знак власти». Тогда они отступили. Мы вышли из дома гостей, и я привела принцессу к тюремной башне, оттуда идет тайный ход. У дверей стояла стража, я от имени Синана велела воинам пропустить нас. Они ответили: «Мы не повинемся. Этот ход откроется только перед печатью». «Вот она», — я опять показала кольцо. Предводитель отряда посмотрел на перстень и сказал: «Да, это священная печать и другой нет», но все же колебался, пропустить ли нас. «Может, тебе надоела жизнь? — спросила я. — Безумец, сам аль-Джебал войдет сюда тайно из дворца. Горе тебе, если он не встретит принцессы». «Значит, он сам прислал печать?» — все еще сомневался предводитель отряда. Я ответила утвердительно. «Открой, открой», — зашептали его воины. Открыли дверь. Мы вошли в подземный коридор, я за собой закрыла дверь на засов. В темноте, под фундаментом башни, ощупывая стену, мы проскользнули к началу хода, тайну которого я знала, прошли по всей длине галереи и через дверь в скале, которую я закрыла так, что ее не откроет никто, кроме искусных каменщиков, затем пробрались в пещеру, где вы уже ждали нас. С печатью это было нетрудно, но без нее мы не бежали бы. Сегодня все ходы и выходы охраняются.

— Нетрудно! — воскликнула Розамунда. — О, Годвин и Вульф, если бы вы только знали, как она все подготовила, если бы вы слышали, как высокомерно она отвечала им, размахивая кольцом перед их глазами, говоря, чтобы они повиновались или готовились к смерти.

— А теперь они, вероятно, убиты, — прервала ее Масуда. — Но я не жалею их, это были злодеи. Нет, не благодарите меня, я только исполняла данное обещание, ни больше ни меньше, и, кроме того, я ведь люблю опасности. Теперь расскажите мне вашу историю, сэр Годвин.

И он рассказал обо всем, что случилось с ними, благодаря Небо за то, что они вышли из проклятых стен.

— Вы можете очутиться в Массиафе до заката, — мрачно изрекла Масуда.

— Да, — согласился Вульф, — но живыми мы не дадимся. Скажите,

Масуда, что вы придумали? Добраться до прибрежных приморских городов?

— Нет, — возразила Масуда, — нам пришлось бы ехать через страну ассасинов. Нет, мы пересечем пустынные горные страны и направимся к Эдессе, отстоящей на много миль отсюда, доедем до Баальбека, а потом вернемся в Бейрут.

— К Эдессе? — переспросил Годвин. — Да ведь этим городом владеет Салах ад-Дин, а леди Розамунда — принцесса Баальбека.

— Что лучше, — задала ему вопрос Масуда, — чтобы она попала в руки Салах ад-Дина или вернулась к великому ассасину? Выбирайте...

— Я выбираю Салах ад-Дина, — прервала ее Розамунда, — потому что он, по крайней мере, мой дядя. — И остальные не противоречили ей...

Уже начал заниматься летний день, но было все еще слишком темно, а потому Годвин и Розамунда дали лошадям пастись, держа их за поводья. Масуда, сняв кольчугу Вульфа, постаралась облегчить его раны размельченными листьями куста, который рос подле потока, и в короткое время сильно помогла юноше. Когда забрезжил серый свет, путники напились воды, поели кресс-салата, который рос подле реки, подтянули подпруги и пустились в путь. Едва отъехали они ярдов на сто, как из пропасти, закрытой серой дымкой тумана, до них донесся топот лошадиных копыт и звуки голосов.

— Вперед! — призвала Масуда. — По нашим следам скачут слуги аль-Джебала.

Они ехали по краям страшных пропастей и наконец очутились на большой, плоской возвышенности, террасами поднимавшейся к подножию гор, которые виднелись приблизительно милях в двенадцати. На середине горного хребта различались две вершины. Масуда указала на них, сказав, что к ним-то и направятся они, так как по ту сторону лежит долина Оронта. В это время в густом тумане позади послышался конский топот.

— Быстрее! — поторопила Масуда. — Нельзя терять времени. — И они поехали дальше, но небольшим галопом, потому что почва была очень неровной.

Когда до горного прохода оставалось приблизительно шесть миль, поднялось солнце и рассеяло туман. И вот что увидели беглецы. Перед ними расстилалась плоская песчаная равнина. Позади возвышались груды камней, а приблизительно милях в двух за ними двигались человек двадцать ассасинов.

— Они не догонят нас, — произнес Вульф, но Масуда указала ему рукой в правую сторону, где еще стоял туман, и заметила:

— Вот там я вижу копьа.

Туман растаял, и беглецы различили отряд конных воинов, состоящий приблизительно из четырехсот человек.

— Как я и думала, они ночью сделали обход, — сказала Масуда. — Теперь нам нужно переправиться через кряж раньше их, или они нас поймут, — и она сильно ударила свою лошадь веткой, которую срезала подле потока. Когда они проскакали около полумили, громкие крики большого отряда с правой стороны и ответный крик фидаев, ехавших позади, показали беглецам, что они замечены.

— Вперед! — вновь призвала их Масуда. — Они погонятся за нами.

И беглецы понеслись. Две мили проскакали они, отряд остался далеко позади, но большое облако пыли с правой стороны все приближалось, можно было думать, что оно достигнет прохода раньше их. Тогда Годвин предложил:

— Вульф и Розамунда, поезжайте вперед. Ваши лошади быстры и обгонят их. На гребне дайте им немного вздохнуть и посмотрите, не едем ли мы, если нет, скачите дальше, и да будет с вами Бог.

— Да, — подтвердила Масуда, — направляйтесь к эдесскому мосту — его можно увидеть издали, а там сдайтесь начальникам войск Салах ад-Дина.

Розамунда и Вульф не двигались, но Годвин сурово повторил им:

— Поезжайте, я приказываю.

— Хорошо, ради Розамунды, — повиновался Вульф, и они помчались быстрее ласточек. Годвин и Масуда, скакавшие позади их, увидели, как они въехали в начало ущелья.

— Хорошо, — заметила она. — Кроме лошадей одной крови с Огнем и Дымом, в Сирии не найдется ни одного коня, который мог бы поспеть за ними. Не бойтесь, сэр Годвин, они доедут до Эдессы.

— Кто тот человек, что привел их нам? — спросил Годвин, который скакал, не спуская глаз с приближавшегося к ним облака пыли, усеянного блестящими остриями копий.

— Брат моего отца, мой дядя, как я и сказала вам, — ответила Масуда. — Он шейх пустыни и держит табуны лошадей старинной крови, которых нельзя купить за золото.

— Значит, вы не ассасинка, Масуда?

— Нет, теперь я могу сказать вам это, так как, по-видимому, конец близок. Мой отец был араб, моя мать — благородная франкская женщина, француженка. Он нашел ее в пустыне после сражения, она умирала от голода. Отец привел ее в свою палатку и вскоре женился на ней. На нас

напали ассасины, убили отца и мать, а меня, двенадцатилетнего ребенка, взяли в плен. Позже, когда я стала постарше, — я была красива в те дни, — меня отвели в гарем Синана, и, хотя моя мать тайно внушила мне правила христианской религии, он заставил меня принять проклятую веру ассасинов. Теперь вы понимаете, почему я так ненавижу убийцу своих отца и матери, который заставил меня подчиниться себе. Да, меня принудили служить шпионкой, в противном случае грозя смертью, а между тем мне, которую Синан считал своей верной рабой, перед смертью хочется отомстить ему. Не презираете ли вы меня за это?

— Я не считаю вас низкой, — произнес Годвин, продолжая шпорить своего уставшего коня, — я нахожу, что вы благородны.

— Как я рада, что слышу это перед смертью, — призналась она, — вы дороги мне, сэр Годвин, и потому-то я решилась на этот побег, хотя для вас я ничто... Нет, не говорите, леди Розамунда рассказала мне все, кроме окончательного ответа.

Теперь песчаная полоса осталась позади них, они начали подниматься на откос горы, и Годвин радовался, что стук копыт мешал продолжению этого разговора. До сих пор они держались впереди ассасинов, которым нужно было проделать более длинный и трудный путь, однако густое облако пыли виднелось совсем недалеко от них, и в первых рядах с поднятыми копьями скакали лучшие наездники на очень хороших конях.

— Эти лошади еще сильнее, они лучше, чем я думала, — крикнула Масуда, — в горах они не нагонят нас, но после...

Следующую милю они совсем не разговаривали, им приходилось поддерживать лошадей, готовых упасть на крутой тропинке. Наконец Годвин и Масуда очутились на гребне и увидели Вульфа и Розамунду, которые отдыхали подле Дыма и Огня.

— На лошадей, на лошадей, враги близко! — закричал Годвин.

Вульф и Розамунда снова сели в седла, и все четверо начали спускаться по длинному откосу горы. Вдали низменность прорезала широкая серебристая полоса, а за ней можно было видеть городские стены.

— Это Оронт, — показала на реку Масуда, — на его противоположном берегу мы будем спасены.

Но Годвин посмотрел на свою лошадь, потом на Масуду и покачал головой: лошади, без остановки мчавшиеся столько времени, утомились; на крутом спуске они спотыкались, задыхались, по временам бывало трудно удерживать их на ногах.

— Мы доедем только до долины, — сказал Годвин, и Масуда утвердительно кивнула в ответ.

Спуск почти окончился, менее чем в миле позади беглецов лился бесконечный поток белых ассасинов. Годвин пустил в ход шпоры, Масуда хлыст, но оба мало надеялись — они чувствовали, что конец близится. Едва въехав в последнюю впадину, лошадь Масуды вдруг зашаталась, остановилась и упала на землю, конь Годвина тоже остановился.

— Вперед! — приказал Годвин Розамунде и Вульф, но те не двигались. Он кричал на них, сердился, но они твердо отвечали:

— Нет, нет, мы умрем все вместе.

Масуда посмотрела на Огня и Дыма, которые, казалось, мало утомились, и распорядилась:

— Сядьте перед госпожой Розамундой, сэр Годвин, а вы, сэр Вульф, дайте мне вашу руку, вы увидите, на что способны кони чистой арабской крови!

Огонь и Дым понеслись вперед. Ассасины, которые думали, что беглецы уже у них в руках, разразились воплями бешенства.

— Их лошади тоже устали, и мы все-таки, может быть, уйдем! — вскричала бесстрашная Масуда, но Годвин и Вульф печально смотрели на широкое пространство, отделявшее их от реки. Вот уже четверть расстояния осталась позади, вот половина, но теперь первые из фидаев виднелись всего ярдах в двухстах и мало-помалу приближались. Наконец расстояние сократилось ярдов до пятидесяти, и один из ассасинов бросил копье.

— Пришпорьте коней, рыцари! — приказала Масуда, и д'Арси в первый раз коснулись своих коней острыми шпорами.

Почувствовав укол стали, Дым и Огонь прыгнули вперед с такой быстротой, точно их только что вывели из дверей конюшни, расстояние между беглецами и преследователями увеличилось. Так пролетели они мили две, и вот, в каких-нибудь семистах ярдах перед ними показалось широкое начало моста, на противоположном берегу реки башни Эдессы вырисовывались так ясно, что на них можно было различить часовых. Скоро беглецы спустились в маленькую ложбину, теперь мост и город исчезли у них из виду. При подъеме на новую возвышенность лошади стали наконец уставать под своей двойной ношей. Они задыхались, дрожали и, пришпоренные, делали только несколько коротких прыжков. Ассасины видели это и летели с диким криком, они приближались, и топот копыт их лошадей звучал, как гром. Они снова были всего в пятидесяти ярдах от беглецов... Вот это расстояние уменьшилось до тридцати, снова полетели копья, однако ни одно не попало в цель. Масуда что-то крикнула лошадям, и они, собрав силы, пустились по откосу короткими

судорожными прыжками. Годвин и Вульф переглянулись, потом сразу задержали коней, соскочили на землю, обернулись и обнажили мечи.

— Вперед! — крикнули д'Арси, и, почувствовав более легкую ношу, лошади понеслись дальше. Ассасины подскакали. Вульф нанес страшный удар и сбил с седла первого из них, но его самого свалили на землю. Падая, он слышал радостный крик и, поднявшись на колени, оглянулся. К ним летел отряд наездников в тюрбанах; наклонив копья, воины эти громко кричали:

— Салах ад-Дин! Салах ад-Дин!

Ассасины тоже увидели противников и повернулись, чтобы обратиться в бегство.

— Коня, коня! — по-арабски закричал Годвин, сам не зная как очутился в седле и понесся вместе с сарацинами.

Вульфу тоже подвели лошадь, но он не мог удержаться на ней. Трижды он пробовал сесть в седло, но каждый раз падал на спину на песок, размахивая мечом. Подле него стояли Масуда с кинжалом в руке и рядом с ней коленапреклоненная Розамунда.

Теперь преследователи превратились в преследуемых. Многих фидаев убили на конях, некоторые из них сошли с лошадей и маленькими группами бились насмерть. Очень немногих взяли в плен. Только несколько человек уцелело и вернулось в твердыню Властителя Гор, чтобы рассказать ему, чем окончилась их погоня за его невестой.

К Вульфу подъехал Годвин с красным мечом в руках. Рядом с ним был невысокий человек с блестящими глазами и в великолепной одежде. При виде его Розамунда вскочила и с легким криком обняла его:

— Хасан, принц Хасан! Это вы! О, слава Богу! — И если бы Масуда не поддержала ее, она бы упала.

Эмир посмотрел на Розамунду, на ее распустившиеся волосы, на испачканное лицо, разорванное покрывало, на ее шелковое платье и драгоценности, которыми ее покрывали как нареченную невесту аль-Джебала, опустился на одно колено и коснулся подола ее платья.

— Слава Аллаху, — сказал он. — Я, его недостойный раб, от всего сердца благодарен ему, так как уже не думал увидеть вас в живых. Воины! Перед вами Роза Мира, принцесса Баальбекская и племянница вашего повелителя Салах ад-Дина!

И вот в виде салюта перед растрепанной, но все же царственной девушкой поднялись руки, копья и сабли, а Вульф, лежавший на земле, воскликнул:

— Как? Да ведь это наш купец-виноторговец! А не стыдно вам

вспоминать, что вы продали нам отравленное вино?

Эмир Хасан вспыхнул и пробормотал:

— Как и вы, сэр Вульф, я только раб судьбы и должен повиноваться. Не питайте зла против меня, раньше узнайте все.

— Я и не сержусь, — ответил Вульф, — но я всегда плачу за выпитое вино... и мы еще сведем с вами счеты.

— Не надо ссориться, — обратилась к ним Розамунда, — правда, он украл меня, но он также мой освободитель и друг, и не будь его...

— Она вздрогнула.

— Принцесса, мне кажется, что вы должны благодарить не меня, а ваших храбрых двоюродных братьев и этих великолепных лошадей, — и Хасан указал на коней, которые стояли, дрожа всем телом, и тяжело водили впалыми боками.

— Я должна благодарить также вот и эту благородную женщину, — сказала Розамунда, обнимая шею Масуды.

— Мой господин наградит ее, — заметил Хасан. — Конечно, вы должны осуждать меня за то, что я оставил вас. Но я сказал себе: в замке сына Сатаны Синана я не могу помочь вам. Поэтому я подкупил франкского раба, обещав ему звезду моего дома, — принц дотронулся до драгоценности, сиявшей на его тюрбане, — и все деньги, которые были у меня на руках. Когда он развязал веревки и наклонился над золотом, я заколол шпиона его же собственным ножом. Сегодня утром я пришел к этому городу с десятитысячным войском, намереваясь идти на Синана и спасти вас, а в худшем случае хотя бы отомстить за вашу гибель — посланники Салах ад-Дина передали мне вашу просьбу... Час тому назад воины на башнях сказали, что они видят двух лошадей, мчащихся по равнине и несущих по двое седоков, и что за ними гонятся ассасины; я перешел через мост и ждал, не думая, что это мчитесь вы. Я просто хотел напасть на ассасинов. Теперь, — мрачно прибавил он, — за вас отомщено сполна.

— Можно отомстить еще полнее, — вступил в разговор Вульф, — я покажу вам тайный ход в крепость, а если не я, то Годвин, вы можете выгнать Синана из его собственного замка!

Хасан покачал головой:

— Я бы с удовольствием сделал это, потому что мой господин давно враждует с Синаном-волшебником. Но теперь у Салах ад-Дина иные дела, — и он многозначительно посмотрел на Вульфа и Годвина, — и мне было приказано только спасти принцессу; она спасена, ассасины дорого заплатились за ее страдания! Но предупреждаю вас всех и себя тоже:

фидай Синана будут следить за каждым из нас, надеясь покончить с нами. Вот и носилки — сядьте в них все, вас отнесут в город. Сегодня вы достаточно ездили верхом! Не опасайтесь за этих лошадей — их отведут в Эдессу и постараются сохранить живыми.

В цитадели беглецам дали напиться ячменного отвара и вина, а коней медленно провели в крепость, уложили на густые соломенные подстилки, предлагая им корм, который они от усталости стали есть не сразу. Утолив голод, Розамунда, Масуда, Годвин и Вульф разошлись по своим помещениям и легли в постели, искусный доктор перевязал раны Вульфа. И целых два дня никто из них не поднимался, так были они слабы и утомлены.

IV. Султан Салах ад-Дин

На третье утро Годвин, проснувшись, увидел через стрельчатое окно лучи восходящего солнца, которые освещали другую постель рядом — на ней спал Вульф, перевязка окружала его голову, раненную в последней стычке с ассасинами, другие повязки виднелись на его руках и теле, исколотом во время боя на ужасном мосту.

С удивлением смотрел Годвин, как крепко спит его брат, несмотря на раны, и раздумывал о промысле Божьем, который руководил ими с самого, их приезда в Бейрут.

Наконец проснулся и Вульф, потянулся и слегка вскрикнул — движение причинило ему боль; он проворчал, что слишком светло, и попросил брата дать ему поесть, так как он очень голоден, потом с помощью Годвина оделся, но не в кольчугу. Тут благодаря воинам Салах ад-Дина, которые день и ночь караулили, чтобы к д'Арси не пробрались ассасины, незачем было защищать себя стальной броней. Вульф услышал шаги часовых и передернул широкими плечами.

— От этого звука холод бежит у меня по спине, — сказал он. — В первую минуту, когда я открыл глаза, мне показалось, что мы снова в доме аль-Джебала, там, где люди прокрадывались к нам, пока мы спали, и убийцы шмыгали взад и вперед мимо занавесей. Ну, что бы ни случилось дальше, я благодарю святых за то, что мы не у него. Говорю тебе, брат, с меня достаточно гор, узких мостов и ассасинов! Теперь мне хотелось бы жить на равнине, без единого пригорка, посреди честных людей, глупых, как их собственные овцы, среди простаков, которые по воскресеньям ходят в церковь и накачиваются, но не гашишем, а коричневым элем. Мне хотелось бы увидеть соленые берега Эссекса, почувствовать дыхание восточного ветра... Предоставляю тебе ароматные сады Синана, кубки и драгоценности, а также бои и приключения золотого Востока.

— Я никогда не стремился ни к чему подобному, — возразил Годвин.

— Да, — согласился Вульф, — ты не стремился, но... А что делает Масуда? Видел ли ты ее, пока я спал?

— Я видел только аптекаря, который лечил тебя, невольников, приносивших нам еду, а вчера вечером принца Хасана, сказавшего, что Розамунда и Масуда спят так же крепко, как ты.

— Я рад, — промолвил Вульф, — они заслужили отдых. Клянусь святым Чедом, что за женщина эта Масуда! У нее пламенное сердце и

стальная воля. И красива она, очень красива. А как ездит верхом! Если бы она... я горячо люблю ее. А ты, Годвин? Ты ее тоже любишь?

— Нет, — коротко ответил Годвин.

— Я рад, что она так мало думает обо мне, — продолжал Вульф, — а между тем я преклоняюсь перед ней, как перед святой, — прибавил он со смехом. — Но слушай — часовые салютуют, — и, забыв, где он, Вульф обнажил свой меч.

Дверь отворилась, и в комнату вошел эмир Хасан, он приветствовал братьев во имя Аллаха и спокойно оглядел их.

— Не многие угадали бы, рыцари, — улыбнулся он, — что вы были гостями Властителя Гор и с такой быстротой тайно ускользнули из его дома. Через три дня вы будете так же сильны, как при нашей первой встрече подле бухты Смерти. О, вы храбрецы, хотя и неверные, но, я надеюсь, Пророк выведет вас из заблуждения. Вы истый цвет рыцарства! Я, Хасан, хорошо знаю франков и франкские обычаи, а потому говорю от чистого сердца. — И, поднеся руку к тюрбану, он с непритворным восторгом поклонился обоим д'Арси.

— Мы благодарим вас, принц Хасан, за вашу похвалу, — прозвучал ответ Годвина, а Вульф сделал шаг вперед, взял руку эмира и крепко пожал ее.

— Дурную шутку сыграли вы с нами, принц, там, в Англии, — заметил он, — и она довела лучшего рыцаря в мире, нашего дядю сэра Эндью д'Арси, до смерти. Но вы повиновались вашему господину, и ради того, что случилось позже, я прощаю вас и называю вас своим другом. Впрочем, если мы когда-нибудь встретимся в бою, я все же надеюсь заплатить вам за отравленное вино. Хасан поклонился и мягко произнес:

— Я глубоко печалюсь, что был причиной смерти благородного рыцаря д'Арси. Когда мы встретимся на войне, сэр Вульф, не щадите меня, я не пожалуюсь, хотя это будет недобрый час для меня... А до тех пор мы — друзья. Но довольно об этом. Я пришел сказать вам, что принцесса Роза Мира, да благословит Аллах ее стопы, оправилась от усталости и желает через час позавтракать с вами. Пришел доктор перевязать ваши раны, а невольники готовы проводить вас в ванну и переодеть. Кольчуг не надо, здесь слово Салах ад-Дина и его слуг послужит вам лучшей защитой.

— А все-таки, я думаю, лучше надеть кольчуги, — заметил Годвин, — потому что слово — плохая защита против кинжалов ассасинов, которые, конечно, караулят нас.

— Правда, — согласился Хасан, — я забыл... — Они расстались, и братья стали одеваться.

Через час их провели в залу, скоро в комнату вошла и Розамунда, а с ней Масуда и Хасан. Розамунда была одета в богатый наряд восточной знатной женщины, но драгоценности, которыми ее убрали как невесту аль-Джебала, исчезли. Когда она откинула покрывало, д'Арси увидели, что в ее глазах не было прежнего страха. Розамунда ласково поздоровалась с братьями и поблагодарила сначала Годвина, потом Вульфа за все, что они сделали для нее. Наконец все сели и с легким сердцем стали завтракать.

Во время завтрака часовой при дверях объявил, что явились гонцы от султана. Они вошли, это были седовласые люди в красивых одеяниях. Хасан быстро поднялся с места и поклонился им. Старцы обменялись с ним приветствиями, и один из них подал ему письмо. Поднеся его ко лбу в знак уважения, Хасан передал свиток Розамунде. Она сломала печать, увидела арабские буквы и в свою очередь протянула пергамент Годвину, говоря:

— Прочтите его. Вы ученее меня.

И он прочитал вслух, переводя одну фразу за другой:

Салах ад-Дин, повелитель верных, сильный в помощи, — своей возлюбленной племяннице Розе Мира, принцессе Баальбека.

Наш слуга, эмир Хасан, сообщил нам, что вы, благородная дама, бежали от проклятого Властителя Гор, Синана, и находитесь в безопасности в нашем городе Эдессе, а с вами женщина по имени Масуда и ваши родственники, франкские рыцари, воинское искусство и храбрость которых спасли вас. Это письмо повелевает вам приехать к нашему двору в Дамаске, едва вы будете в состоянии пуститься в путь, здесь вас ждут любовь и почет. Я приглашаю также ваших родственников сопровождать вас. Я знал их отца и с удовольствием буду приветствовать рыцарей, совершивших великие подвиги, а с ними и женщину Масуду. Если же им больше хочется вернуться на родину, они все трое могут сделать это.

Спешите, моя племянница Роза Мира, спешите, потому что моя душа жаждет встречи с вами, а мои глаза желают взглянуть на вас. Во имя Аллаха привет.

— Вы слышали, братья, — сказала Розамунда, когда Годвин окончил чтение. — Что вы хотите сделать?

— Конечно, остаться с вами, — ответил Вульф, Годвин в подтверждение кивнул головой.

— А вы, Масуда?

— Я, госпожа? О, я тоже пойду вслед за вами — ведь там, — и она указала головой в сторону гор, — меня ждет недобрая встреча.

— Вы слышали, что они говорят, принц Хасан? — обратилась к эмиру Розамунда.

— Я не ждал иного ответа, — поклонился принц. — Только, рыцари, вы должны дать мне одно обещание. Его необходимо получить от людей, которые могли, как птицы, улететь из крепости ассасинов на самых быстрых конях Сирии. Обещайте мне, франки, во время этого путешествия не делать попыток бежать с принцессой, за которой вы приплыли из-за моря, чтобы вырвать ее из рук Салах ад-Дина!

Годвин вынул из-под туники крест, который Розамунда оставила ему в Эссексе, сказав:

— Над этим священным символом клянусь, что во время нашего пути в Дамаск я не попытаюсь бежать с моей кузиной Розамундой или без нее, — и он поцеловал святыню.

— А я даю такую клятву на своем оружии, — прибавил Вульф, сжав посеребренную рукоятку меча.

— Хорошо, что вы поклялись, — улыбнулся Хасан. — Но и слова вашего было бы достаточно!

Он посмотрел на Масуду и продолжал, улыбаясь:

— Нет, вы не клянитесь, потому что клятва женщины, которая жила среди ассасинов, не имеет значения. Так как все же мой господин пригласил вас, нам придется наблюдать за вами.

И он обернулся к старцам. Годвин, замечавший все, увидел, что темные глаза Масуды обратились на эмира и блеснули.

— Хорошо, — казалось, говорили они, — что ты посеял, то и пожнешь.

В тот же день они отправились к Дамаску среди большого конного войска. В самой середине на носилках несли Розамунду, и тысяча копий охраняла ее. Перед ней ехал принц Хасан с телохранителями в желтых одеждах, рядом с ней — Масуда, позади — оба д'Арси (несмотря на все свои раны, Вульф не пожелал, чтобы его несли на носилках). Невольники вели за ними в поводу скакунов Огня и Дыма, которые поправились, но шли все еще тяжелым шагом; дальше виднелись ряды сарацин в тюрбанах. Из-за опущенных занавесей носилок Розамунда знаком подозвала к себе братьев. Они подъехали к ней.

— Посмотрите, — показала она рукой вдаль.

Они посмотрели в указанном направлении и увидели облитые светом заходящего солнца горы, а высоко на их вершинах — недоступный город и

крепость ассасинов; ближе виднелись откосы, по которым они скакали, спасая жизнь; еще ближе сверкала река, обрамленная городом Эдессой. Вдоль его стен блестели копья, и на каждом из них виднелось по черной точке — это были головы ассасинов. На высокой башне вечерний ветер развевал золотое знамя Салах ад-Дина. Вспомнив все, что она пережила в городе поклонников дьявола, Розамунда вздрогнула.

— Крепость Синана словно горит в адском пламени, — произнесла она, глядя на твердыню, окруженную кровавым вечерним светом и черными облаками, похожими на дым. — О, я думаю, так погибнет она.

— Надеюсь, — согласился с ней Вульф.

— Да, — задумчиво прибавил Годвин, — но все же это дурное место принесло нам добро — там мы нашли Розамунду и там ты, мой брат, вышел победителем из такого боя, который, надо надеяться, никогда не повторится для тебя, ты заслужишь славу, а может быть, еще что-нибудь большее.

И, осадив лошадь, Годвин поехал позади носилок. Вульф задумался, и Розамунда посмотрела на него мечтательным взглядом.

В этот вечер лагерь раскинули в пустыне. На следующее утро, окруженные племенем бедуинов, они снова двинулись вперед; вторую ночь провели в старинной крепости Баальбек: ее гарнизон и население, узнавшие от скороходов о титулах Розамунды, вышли к ней навстречу, как к своей госпоже... Она сошла с носилок, села на чудную лошадь, которую ей в виде подарка выслал город, и выехала вперед; братья в полном вооружении на Огне и Дыме держались по обеим ее сторонам. Отряд мамелюков Салах ад-Дина двигался позади нее. Суровые люди в тюрбанах поднесли ей на подушке городские ключи, менестрели и воины пошли впереди, сбежались тысячи горожан. Розамунда поехала через открытые ворота, миновала высокие колонны разрушенных храмов, некогда языческих святилищ, и пересекла дворы, направляясь к цитадели, окруженной садами, а в прежние века бывшей крепостью римских императоров.

Под портиком Розамунда повернула лошадь и приняла приветствия горожан, и братьям, смотревшим, как величаво она сидела на большом белом коне, окруженная кричавшей, склонявшейся толпой, и видевшим, как сарацинский принц стоял у ее стремени, а целое войско толпилось за ней, думалось, что никто не мог быть величавее, чем эта девушка, которая по капризу судьбы была вознесена так высоко. Но вдруг выражение гордости сбежало с ее лица, а глаза потухли.

— О чем вы думаете, кузина? — спросил Годвин.

— О том, что мне хотелось бы снова быть среди полей Стипля, — ответила она. — Ведь те, кто поднимается так высоко, падают низко. Принц Хасан, скажите предводителям войска и народу, что я всех благодарю, и попросите их разойтись. Мне хочется отдохнуть.

В эту ночь в великолепных залах проходил пир, раздавалось пение, плясали женщины, подносились дары. Баальбек, всегда преклонявшийся перед благородством происхождения и красотой, чувствовал свою повелительницу, племянницу великого Салах ад-Дина. Однако некоторые роптали, уверяя, что она принесет несчастье султану и городу Баальбеку из-за своего наполовину франкского происхождения и преданности кресту. Но даже эти люди прославляли ее красоту и царственную осанку. Хвалили они также и братьев д'Арси, весть об их подвигах во владениях ассасинов переходила из уст в уста. На заре следующего дня путники двинулись из Баальбека в сопровождении войска и многих знатных горожан. Днем они остановились на высотах, с которых открывался вид на Дамаск, «невесту земли», город, расположенный посреди семи потоков, обрамленный садами, самый красивый и, может быть, самый древний в мире. Потом шествие спустилось в плодородную долину и к ночи вступило в ворота Дамаска. Впрочем, большая часть армии раскинула лагерь за чертой города. Медленно ехали остальные по узким улицам, между желтыми домами с плоскими крышами, то посреди разноцветной толпы, собравшейся им навстречу, то по безлюдным улицам; они смотрели на нарядные строения, на мечети с куполами и на статные минареты, которые вырисовывались на темно-синем вечернем небе. Наконец путники выехали на открытое пространство, засаженное деревьями, за которыми виднелся громадный, прихотливо украшенный замок-дворец Салах ад-Дина. Во дворе шествие разделилось: важные сановники увели Розамунду, братьев же проводили в их комнаты и там, после ванны, подали им обед.

Едва успели они поесть, как к ним пришел Хасан и повел по различным коридорам, залам и дворцам. Наконец братья очутились перед закрытыми дверями. Воины, стоявшие на часах, попросили рыцарей снять с себя вооружение.

— Не нужно, — сказал Хасан, и воины пропустили д'Арси. Братья вошли в маленькую сводчатую комнату, которую освещали висячие серебряные лампы, она была вымощена разноцветным мрамором, устлана роскошными коврами и убрана ложами с подушками.

По знаку Хасана братья остановились посреди комнаты и огляделись. Здесь не было никого, и царила полная тишина. Обоим д'Арси стало страшно — чего, они сами не знали. Вот занавеси на внутренней стене

комнаты раздвинулись, и из-за них вышла фигура в тюрбане и стояла в темноте, глядя на д'Арси. Это был не очень высокий человек, но все его движения дышали величием. Он сделал шаг, поднял голову, и д'Арси увидели его мелкие тонкие черты и темную бороду. Из-под широкого лба блестели задумчивые, но по временам пронизательные карие глаза. Принц Хасан упал на колени, и его голова коснулась мрамора. Д'Арси угадали, что перед ними могущественный Салах ад-Дин, и поклонились ему по-восточному. Султан заговорил низким, спокойным голосом и, приказав Хасану подняться, прибавил:

— Я вижу, что ты доверяешь этим рыцарям, эмир, — и он указал на их большие мечи.

— Повелитель, — был ответ, — я им верю, как самому себе. Они храбрые и честные люди, хотя и неверные.

Султан погладил бороду.

— Да, — сказал он, — неверные! Это жаль, хотя, без сомнения, они поклоняются Богу по-своему. Они благородны с виду, как был их отец, которого я хорошо помню, и, если все, что я слышал о них, правда, они — герои. Рыцари, знаете ли вы мой язык?

— В детстве нас учили этому языку, — ответил Годвин, — однако мы довольно плохо знаем его.

— Хорошо. Теперь скажите мне, как воины воину, чего вы желаете от Салах ад-Дина?

— Возвращения нашей двоюродной сестры, которую по вашему приказанию, султан, украли из Англии.

— Рыцари, я знаю, что Роза Мира — ваша двоюродная сестра, как знаю и то, что она — моя племянница. Скажите же мне теперь: она для вас только двоюродная сестра? — И он посмотрел на них пронизательным взглядом.

Годвин взглянул на Вульфа, и тот произнес по-английски:

— Скажи ему всю правду, брат. От этого человека ничто не укроется.

— Повелитель, мы домогаемся ее руки, — признался Годвин.

Султан с изумлением посмотрел на них.

— Как, оба? — спросил он и, подумав, задал еще вопрос: — Скажите, рыцари, которого же из вас любит она?

— Это известно только ей одной, — услышал султан ответ Годвина, — в свое время она откроет истину.

— Сядьте и объясните подробнее, — предложил Салах ад-Дин.

Братья сели на восточный диван и откровенно рассказали Салах ад-Дину всю свою историю.

— Странный рассказ, — заключил султан, когда д'Арси наконец замолчали, — и во всем этом видна рука Аллаха. Братья, вы думаете, что я причинил зло вам и вашему дяде, сэру Эндрью, своему бывшему другу? Слушайте же. Правду рассказывали вам и мои посланцы, и лживый рыцарь Лозель. Также не обманул и я вашего дядю, написав ему о вещем сне, — я видел теперь Розу Мира, узнал в ней деву, явившуюся мне в сновидении, удостоверился, что Аллах говорил со мной, что своим благородным поступком она спасет тысячи и тысячи людей от кровопролития. Послушайте, сэр Годвин и сэр Вульф, — продолжал Салах ад-Дин изменившимся голосом, ставшим суровым и повелительным, — просите от меня, чего желаете, и, хотя вы франки, я дам вам все: богатство, земли, титулы; не просите только отдать в ваши руки мою племянницу, принцессу Баальбекскую, которую Аллах привел ко мне для своих целей. Узнайте также, что если вы постараетесь украсть ее у меня — вы умрете, что если она бежит, то я настигну Розу Мира, и ее тоже поразит смерть. Я сказал ей это, подкрепив свои слова клятвой Аллаху. Она останется в моем доме, пока не исполнится вещий сон.

Братья уныло переглянулись — теперь они, казалось, были дальше от исполнения своих желаний, чем во дворце Синана. Но вдруг лицо Годвина просветлело, он поднялся для ответа султану:

— Могучий повелитель Востока, мы выслушали вас и знаем грядущую нам опасность. Повелитель, вы предложили нам вашу дружбу, мы приняли ее с благодарностью и не просим ничего больше. По вашим словам, Бог привел леди Розамунду к вам для исполнения Его воли, пускай же все свершится, нам трудно угадать Его пути. Мы подчиняемся Его повелениям. Он руководил нами в прошедшем и будет руководить в будущем.

— Хорошо сказано, — Салах ад-Дин остался доволен ответом Годвина. — Я предупредил вас, гости, а потому не порицайте меня, если я сдержу данное слово, от вас же я не требую никаких обещаний — я не хочу подвергать благородных рыцарей возможности солгать. Да, Аллах поставил перед нами странную загадку, пусть же в свое время она и разрешится волей Аллаха.

И он знаком показал, что свидание окончено.

V . Д'Арси уезжают из Дамаска

С Годвином и Вульфом обращались почтительно. Им отвели дом и дали несколько слуг, которые охраняли их. На своих быстрых конях они ездили в пустыню охотиться и без труда могли бы ускакать в ближайший христианский город. Никто не остановил бы их, они пользовались полной свободой. Но им некуда было бежать без Розамунды.

Д'Арси часто виделись с Салах ад-Дином, султан любил рассказывать им о том времени, когда их отец и дядя были на Востоке, или расспрашивать об Англии и франках, или же толковать с Годвином по религиозным вопросам. Чтобы показать свое доверие к д'Арси, султан назначил их офицерами собственных телохранителей, и, когда они, утомленные бездействием, попросили его позволить им дежурить в его дворце, он охотно согласился. Братья не стыдились этого, так как в это время между сарацинами и франками был мир и они не получали жалованья от Салах ад-Дина.

И действительно, между христианами и сарацинами был мир, но Годвин и Вульф понимали, что он скоро нарушится. Дамаск и долина, расстилавшаяся вокруг этого города, превратились в громадный лагерь, с каждым днем в него стекались все новые и новые тысячи диких, воинственных племен. Однажды д'Арси спросили знавшую все Масуду, в чем дело. Она объяснила:

— Джихад — начало священной войны. Уже давно во всех мечетях на Востоке «верных» призывают поднять меч. Скоро начнется великая борьба креста с полумесяцем, и тогда, пилигримы Джон и Питер, вам придется стать под то или другое знамя.

— Нетрудно угадать, которое мы выберем, — твердо произнес Вульф.

— Конечно, — согласилась Масуда, улыбаясь своей странной улыбкой, — только, может быть, вам будет тяжело воевать против принцессы Баальбека и ее дяди, повелителя «верных»? — И она ушла, улыбаясь.

Действительно, Розамунда, двоюродная сестра и предмет горячей преданности д'Арси, как они думали, сделалась истой принцессой Баальбека. Она жила среди пышности и пользовалась полной свободой. Все обещанное в письме к старому д'Арси исполнил Салах ад-Дин — Розу Мира не принуждали менять религию, не предлагали ей женихов. Но на Востоке женщины, особенно знатные, не могли свободно видаться с мужчинами, хотя бы даже родственниками, и ей, принцессе из Дома Салах

ад-Дина, приходилось повиноваться обычаям этой страны, даже, выходя из дома, накидывать на лицо покрывало. Годвин и Вульф просили султана позволить им время от времени разговаривать с ней, но он резко ответил:

— Рыцари, это противно обычаю! И чем меньше вы будете видеться с принцессой, тем лучше для нее и для вас, кровью которых я не хочу омыть свои руки... а также для меня самого.

И братья ушли с горечью в сердце. Розамунда была бесконечно далека от них. Понимали они также, что увезти ее из Дамаска не было возможности. Она жила в отдельном дворце, день и ночь охраняемом мамелюками султана, которые знали, что за недосмотр они поплатятся жизнью. Внутри дворца ее сторожили доверенные слуги султана, которыми командовал умный и хитрый евнух Мезрур, ее женская свита состояла из шпионов.

Только одно утешение оставалось у д'Арси: с самого начала Розамунда попросила султана не разлучать ее с Масудой, и он, хотя и с некоторым недовольством, согласился исполнить эту просьбу, помня роль Масуды в спасении его племянницы от Синана. Масуда же, на которую не обращали особенного внимания и вдобавок бывшая «еретичкой», имела право говорить с кем ей угодно, а так как ей часто хотелось видеться с Годвином, братья получали сведения о Розамунде.

От нее д'Арси узнали, что принцессе жилось довольно хорошо, но что ее тяготили восточные обычаи, стеснения и бездействие; что ее расстраивала невозможность видеться с ними. Она каждый день посылала им поклоны и просила ничего не предпринимать для ее бегства, даже не пытаться видеться с ней. По ее словам, Салах ад-Дин так боялся рыцарей, что и ее, и их постоянно караулили. Молодые люди приуныли.

Однажды в жаркое утро д'Арси сидели во дворе своего дома подле фонтана и сквозь резьбу бронзовых ворот смотрели на прохожих и часовых, которые маршировали взад и вперед. Их дом помещался на одной из главных улиц Дамаска, и мимо него постоянно лился пестрый человеческий поток.

Годвин и Вульф мрачно сидели в тени, падавшей от расписанного красками дома. Их утомляли пестрая толпа, зной, несносные крики с минаретов, поблескивание мечей, а больше всего угнетала мысль о том, что им не удастся увезти Розамунду из дворца Салах ад-Дина. Они молчали, поглядывая то на прохожих, то на тонкую струю воды, падавшую в мраморный бассейн.

Вдруг они услышали голоса и, взглянув на ворота, увидели женщину в длинном плаще, которая разговаривала с часовым. Воин засмеялся и

поднял руки, точно желая ее обнять. Блеснул кинжал, воин отступил, все еще со смехом, и отодвинул засов ворот. Женщина вошла в дверь. Это была Масуда. Братья поднялись и поклонились ей, но она, не останавливаясь, скрылась в доме. Д'Арси пошли за ней. Солдат все еще смеялся, и при звуке его смеха Годвин вспыхнул.

— Ничего, — сказала она. — Оскорбления я переношу постоянно, ведь они считают меня... — она не договорила.

— Ну, пусть они лучше не говорят мне, чем считают вас, — прошептал Годвин и сжал рукоятку меча.

— Благодарю вас, — ответила Масуда и нежно улыбнулась ему. Она сбросила с себя плащ и осталась в красивом белом платье с вышитым на груди гербом Баальбека. — Хорошо, что они считают меня убийцей и шпионкой, не то мне не удалось бы войти в ваш дом!

— Что случилось с Розамундой? — задал вопрос Вульф.

— Принцесса Баальбека, моя госпожа, здорова и по-прежнему хороша, хотя ее томит пышность и ничто не доставляет радости. Она послала привет, но не сказала, которому из вас передать поклон, а потому, пилигримы, вы должны разделить его пополам.

Годвин слегка вздрогнул, а Вульф просто спросил, есть ли надежда видеть ее.

— Никакой, — произнесла Масуда и потом прибавила: — Я пришла по другому делу. Хотите ли вы оказать услугу Салах ад-Дину?

— Не знаю... В чем дело? — мрачно поинтересовался Годвин.

— Нужно только спасти его жизнь, — объявила она. — Может быть, он будет благодарен за это, может быть, и нет... Все зависит от его расположения.

— Скажите нам, — проговорил Годвин, — каким путем мы, двое франков, можем спасти жизнь султана Востока?

— Вы, конечно, еще помните Синана и его фидаев? Ну, так сегодня ночью они задумали убить Салах ад-Дина, потом, если возможно, покончить с вами и увезти вашу даму Розамунду, если же это не удастся — зарезать ее... Я говорю правду! Это мне сказал один из них благодаря печати — бедный безумец воображает, что я с ними заодно! Сегодня вы как начальники телохранителей дежурите в прихожей. Не так ли? В полночь сменяют часовых, восемь воинов, которые должны стать на караул в комнате Салах ад-Дина, не придут — их отзовут прочь подделанным приказом. Вместо них придут восемь убийц, переодетых мамелюками. Они надеются обмануть и заколоть вас, убить Салах ад-Дина и убежать из противоположных дверей. Как вы думаете, выдержите ли вы бой с восемью

фидаями?

— Мы уже пробовали это и опять попробуем, — согласился Вульф. — Как же узнаем мы, что они не мамелюки?

— Вот как: убийцы направятся к дверям спальни султана, а вы преградите им дорогу. Когда они бросятся на вас, защищайтесь и зовите на помощь.

— А если они осият нас? — спросил Годвин. — Тогда султан погибнет?

— Нет, вы должны запереть дверь в комнату Салах ад-Дина и спрятать ключ, наружная стража услышит шум борьбы раньше, чем они ворвутся в спальню, — ответила Масуда и прибавила, подумав немного: — А не лучше ли теперь же открыть заговор султану?

— Нет, нет, — возразил Вульф, — попробуем биться, мне надоело бездействие. Хасан охраняет наружные ворота. Он придет, услышав шум мечей.

— Хорошо, — заключила Масуда, — я позабочусь, чтобы он был на месте и не спал. Теперь до свидания. Я ничего не скажу принцессе Розамунде, — и, набросив на себя плащ, Масуда ушла.

— Как ты думаешь, это правда? — засомневался Вульф.

— Масуда никогда не лгала, — пресек его сомнения Годвин. — Осмотрим кольчуги — у фидаев острые кинжалы.

Приближалась полночь, братья стояли в маленькой сводчатой передней, внутренняя дверь которой вела в спальню Салах ад-Дина. Караул, состоявший из восьми мамелюков, ушел; по обычаю, он должен был встретить во дворе сменяющих, но до сих пор смена эта не появилась.

— По-видимому, рассказ Масуды — правда, — произнес Годвин и, подойдя к внутренней двери, замкнул ее на ключ, который спрятал под одну из подушек. Потом д'Арси стали перед закрытой и завешенной дверью. Они были в тени; висячие серебряные лампы освещали остальное пространство. Братья молчали и ждали. Послышались шаги. Восемь мамелюков в желтых одеждах, накинутых поверх кольчуг, вошли и отдали рыцарям честь.

— Стойте, — приказал Годвин. Они остановились на мгновение, но скоро снова двинулись вперед. — Стойте! — повторили оба брата, но те не слушались. — Стойте, сыновья Синана! — в третий раз приказали д'Арси, обнажая мечи. Но со злобным шипением фидаи уже бросились на них.

— Д'Арси! Д'Арси! На помощь султану! — закричали братья. Начался бой. Шестеро ассасинов напали на Годвина и Вульфа, и, пока рыцари

отбивались от них, двое остальных убедились, что дверь заперта. Тогда они тоже бросились на братьев, думая снять ключ с трупа одного из них. Во время первого натиска двое фидаев упали под ударами длинных мечей, после этого убийцы не подходили близко, некоторые беспокоили рыцарей спереди, остальные старались проскользнуть за их спиной и заколоть их сзади. И действительно, удар одного кинжала поразил Годвина в плечо, но лезвие скользнуло по его крепкой кольчуге.

— Отступи! — крикнул он Вульффу. — Не то они убьют нас!

Д'Арси внезапно отступили и прислонились спиной к двери. Так стояли они, призывая на помощь и кругообразно размахивая перед собой мечами; фидаи не смели подходить к ним. Снаружи донеслись крики и топот, раздались тяжелые удары в ворота, которые убийцы задвинули засовом, из спальни Салах ад-Дина голос султана спрашивал, что случилось. Фидаи слышали все и поняли, что они погибли. Полные отчаяния и бешенства, ассасины забыли об осторожности: они бросились на братьев, полагая, что, свалив их, все же проберутся к Салах ад-Дину и убьют его раньше, чем сами будут убиты. Годвин и Вульф жестоко ранили двоих, и в это время к братьям прибежал Хасан с внешней стражей.

Еще через минуту легко раненные Годвин и Вульф стояли, опершись на мечи, а фидаи, одни — убитые или раненные, другие — взятые в плен и связанные, лежали перед ними на мраморном полу. Дверь в спальню открыли, оттуда показался султан в своем ночном одеянии.

— Что случилось? — спросил он, подозрительно глядя на д'Арси.

— Ничего особенного, — ответил Годвин. — Эти люди пришли убить вас, и мы задержали их, пока не подоспела помощь.

— Убить меня? Моя собственная стража хотела убить меня?

— Это не ваши воины, а фидаи, переодетые в платья мамелюков и подосланные аль-Джебалом, — объяснил Годвин.

Салах ад-Дин побледнел — он, не страшившийся ничего на свете, всю жизнь боялся ассасинов и их повелителя, который трижды пытался убить его.

— Снимите с них кольчуги, — продолжал Годвин, — и, я думаю, вы, султан, увидите, что я говорю правду, если же нет — допросите оставшихся в живых.

Воины Салах ад-Дина повиновались и на груди одного убитого фидая нашли выжженное клеймо в виде кроваво-красного кинжала. Салах ад-Дин отозвал братьев в сторону.

— Как вы узнали об этом? — подозрительно всматривался он в их лица.

— Масуда... из свиты госпожи Розамунды... предупредила нас, что вы, властитель, и мы будем убиты сегодня.

— Почему же вы не сказали об этом мне?

— Потому, султан, — изложил ему причины этого Вульф, — что мы не знали, верно ли известие, не хотели вызвать ложных опасений и остаться одураченными, а также думали, что сумеем выдержать нападение восьми крыс Синана, наряженных воинами Салах ад-Дина.

— Вы поступили мужественно, хотя задумали безумное дело, — заключил султан. Он подал руку сперва одному, потом другому д'Арси и прибавил: — Рыцари, Салах ад-Дин обязан вам жизнью. Если когда-нибудь случится, что ваша жизнь будет зависеть от Салах ад-Дина, он вспомнит о сегодняшнем вечере.

На следующее утро оставшихся в живых фидаев допросили, и они сознались во всем, потому их казнили. Многих из горожан арестовали и убили по подозрению в пособничестве фидаям, и на время страх перед ассасинами замер.

С этого дня Салах ад-Дин стал очень дружески относиться к братьям, предлагал им подарки, всевозможные почести, но они отказывались от всех милостей, говоря, что им нужно только одно — что именно, он знает. Й, слыша этот ответ, он делался мрачен. Как-то утром султан послал за д'Арси, и они застали Салах ад-Дина только с его любимым эмиром принцем Хасаном и со священником-муллой.

— Выслушайте меня, — отрывисто обратился Салах ад-Дин к Годвину. — Я знаю, что вы любите мою племянницу, принцессу Баальбека. Хорошо. Подчинитесь Корану, и я отдам вам ее в жены, тогда, может быть, она тоже примет истинную веру, а я приобрету прекрасного воина и дам раю прекрасную душу. Мулла научит вас истинной вере.

Но Годвин только посмотрел на него широко открытыми, изумленными глазами.

— Так я и думал, — вздохнул Салах ад-Дин. — Мне очень жаль, что суеверие до такой степени ослепляет храброго и благородного человека! Ну, сэръ Вульф, теперь ваша очередь. Что вы скажете на мое предложение? Хотите ли вы получить руку принцессы и ее владения, а в придачу мою любовь?

Вульф задумался. Он невольно вспомнил зимний вечер, когда они с братом и Розамундой стояли на берегах Эссекса и шутливо говорили о перемене религии. Наконец он ответил с привычным громким смехом:

— Я хотел бы того, другого и третьего, султан, но на моих условиях, а не на ваших, потому что в противном случае благословение не освятило бы

моего брака. Да и Розамунда, пожалуй, не согласилась бы выйти замуж за вашего единоверца, имеющего право взять других жен.

Салах ад-Дин оперся головой на руку и посмотрел на д'Арси с разочарованием в глазах, однако без злости.

— Рыцарь Лозель был также поклонником креста, — сказал он, — но вы совсем не похожи на него. Он охотно принял нашу веру.

— Чтобы работать для вас, — с горечью произнес Годвин.

— Не знаю, — заметил султан, — хотя он, кажется, действительно считался христианином между франками, а здесь был последователем Пророка! Ну, он умер, и, несмотря на все, да будет мир его душе! Теперь мне нужно сказать вам еще об одном событии: франкский принц Рено Шатильонский — да будет проклято его имя! — снова нарушил мир между мной и королем Иерусалима, перебив моих купцов и украв мои товары. Я не потерплю такого позора и скоро распушу по ветру свои знамена, которые не будут свернуты, пока не взовьются над мечетью Омара и над каждой башней в Палестине. Ваш народ осужден. Я, Юсуф Салах ад-Дин, — и, говоря это, он поднялся, и даже волосы его бороды стали дыбом от гнева, — объявляю священную войну и скоро загоню в море поклонников креста! Выбирайте же, братья, чего вы хотите: биться со мной или против меня? Или вы снимете мечи и останетесь здесь, как мои пленники?

— Мы слуги креста, — твердо заявил Годвин, — и не можем поднять оружие против него, не погубив наших душ. — Пошептавшись с Вульфом, он прибавил: — На вопрос, останемся ли мы здесь в цепях, должна ответить наша дама Розамунда, мы поклялись служить ей. Мы просим свидания с принцессой Баальбека.

— Пошли за ней, эмир, — обратился Салах ад-Дин к принцу Хасану, тот поклонился и вышел.

Через несколько минут пришла Розамунда, и, когда она откинула покрывало, братья увидели ее бледное и печальное лицо. Она поклонилась Салах ад-Дину и братьям, которым не позволили пожать ее руку.

— Привет вам, дядя, — поклонилась молодая девушка султану, — и вам, мои двоюродные братья, привет. Что вам угодно от меня?

Салах ад-Дин знаком предложил ей сесть и попросил Годвина объяснить, в чем дело. Тот повинился и в заключение спросил:

— Чего желаете вы, Розамунда? Должны ли мы остаться пленниками, или вы велите нам сражаться вместе с франками во время будущей великой войны?

Розамунда посмотрела на них, потом сама задала вопрос:

— Кому вы присягали раньше — вашему Господу или вашей даме? Я

окончила.

— Такого ответа мы и ждали от вас, — воскликнул Годвин, Вульф только кивнул головой и обратился к Салах ад-Дину:

— Султан, мы просим у вас пропускную грамоту до Иерусалима и оставляем нашу родственницу на ваше попечение, полагаясь на данное вами слово не принуждать ее переменить религию и защищать от всякой опасности.

— Вам будет дан пропуск, — заверил Салах ад-Дин, — и мое дружеское расположение пойдет за вами. Если бы вы поступили иначе, я был бы о вас худшего мнения. Ну, с этих пор мы в глазах людей — враги, я буду стараться убить вас, а вы — меня. Что же касается моей племянницы, не бойтесь. Я исполню данное обещание. Проститесь же с ней, потому что вы никогда больше не увидите ее.

— Кто вложил такие слова в ваши уста, султан? — удивился Годвин. — Разве вам дано читать будущее? Разве вам ведомы постановления Божий?

— Я хотел сказать, — пояснил султан, — что вы не увидите с ней, если мне удастся разделить вас. Можете ли вы жаловаться на это, раз оба отказались жениться на ней?

Розамунда в изумлении подняла глаза, а Вульф произнес:

— Объясните ей все, султан. Скажите, что ей предложили бы выйти замуж за того из нас, который преклонил бы колена перед Магометом, и дали бы возможность сделаться главой его гарема; я думаю, теперь она не будет порицать нас.

— Никогда на свете я не сказала бы ни слова давшему другой ответ, — подтвердила Розамунда, а Салах ад-Дин нахмурился. — О, дядя, — продолжала она, — вы были добры и высоко подняли меня, но я не стремлюсь к величию: ваши обычаи чужды мне, и я не следую вашей религии. Отпустите меня, молю вас, поручите меня двум моим родственникам...

— Этого не будет, племянница, — прервал Салах ад-Дин. — Я горячо люблю вас, но, даже зная, что вы умрете, оставаясь здесь, я не отпустил бы вас, так как сновидение раскрыло мне, что от вас зависит сохранение многих тысяч жизней. Что же значат ваша жизнь, жизни этих рыцарей или даже моя собственная в сравнении со спасением тысяч людей? Все, что в моей власти, — у ваших ног, но вы останетесь здесь, пока не исполнится мой сон, и, — посмотрел он на братьев, — смерть будет уделом того, кто украдет вас у меня.

— Значит, когда исполнится ваш сон, я стану свободной? — спросила

Розамунда.

— Да, — ответил султан, — свободной, если только не попытаетесь бежать.

— Вы слышали постановление султана, двоюродные братья, и вы, принц Хасан? Запомните его. О, я молюсь, чтобы не лживый дух прислал вам, дядя, этот сон. Только как могу я принести мир? Ведь до сих пор я вызывала только кровопролитие. Теперь уйдите, братья, но оставьте мне Масуду, у которой нет других друзей. Идите, я вас люблю и благословляю. Да благословят вас Иисус и все Его святые и да сохранят в час битвы.

Розамунда закрыла лицо покрывалом, чтобы скрыть слезы. Годвин и Вульф преклонили перед ней колени и на прощанье поцеловали ее руку. Султан не остановил их. Когда же она ушла и братья также, он обернулся к эмиру Хасану и великому мулле, все время сидевшему молча:

— Скажите же мне, ты, мудрый, и ты, Хасан, — которого из двух любит эта девушка? Скажи, Хасан, ты хорошо знаешь ее.

Но Хасан отрицательно покачал головой.

— Одного или другого, а может быть, ни одного, не знаю, — прошептал он, — ее чувства скрыты от меня.

Тогда Салах ад-Дин с тем же вопросом еще раз обратился к мулле, хитрому молчаливому человеку.

— Когда оба неверные будут на краю смерти (что, я надеюсь, случится), мы, может быть, узнаем ее ответ, но не раньше, — произнес мулла, и султан запомнил его слова.

На следующее утро Розамунда, узнавшая, что д'Арси поедут мимо ее дворца, подошла к одному из окон и действительно увидела их. Они были во всех доспехах и сидели на своих великолепных лошадях, за ними двигалась свита мамелюков, темнолицых людей в тюрбанах, и солнечный свет играл на их кольчугах. Рыцари на мгновение остановились против ее дома и, зная, что Розамунда смотрит на них, хотя и не видя ее, обнажили мечи и подняли их в виде салюта. Потом, снова вложив громадные лезвия в ножны, молчаливо двинулись дальше и скоро исчезли из виду. Розамунда не надеялась когда-нибудь встретиться с ними, зная, что если даже война окончится благоприятно для христиан, ее увезут куда-нибудь далеко, где Годвин и Вульф не найдут ее. Знала она также, что из Дамаска ей бежать нельзя, что хотя Салах ад-Дин любил братьев, как он любил все честное и высокое, он не принял бы их дружески.

Они уехали навсегда, звук копыт их лошадей замер в отдалении. Она осталась одинока и боялась за них, в особенности за одного... Если он не вернется, во что превратится ее жизнь, несмотря на богатство, которым ее

окружал Салах ад-Дин? И, склонив голову, Розамунда заплакала. Вдруг подле себя она услышала стон, обернулась и увидела, что Масуда тоже плачет.

— О чем вы плачете? — спросила она.

— Служанка должна подражать своей госпоже, — ответила Масуда с жестким смехом. — Но о чем плачете вы, госпожа? Вам, по крайней мере, на любовь отвечают любовью, и, что бы ни случилось, этого никто не отнимет у вас. Это ведь меня ценят меньше, чем хорошего коня или верную собаку.

Их глаза встретились, и в голове Розамунды вдруг промелькнула ужасная мысль. Между ними стоял стол с инкрустацией из слоновой кости и перламутра, покрытый пылью, поднявшейся на улице и проникавшей в комнату через окно. Масуда наклонилась над ним и указательным пальцем вывела одну арабскую букву, потом ладонью стерла пыль. Грудь Розамунды раза два высоко поднялась, потом успокоилась.

— Почему же вы, свободная, не поехали за ним? — задала Розамунда вопрос.

— Потому, что он желал, чтобы я осталась здесь и охраняла девушку, которую он любит. И я до смерти буду охранять вас.

Масуда говорила медленно, ее слова падали, как тяжелые капли крови из смертельной раны, потом она будто надломилась и упала в объятия Розамунды...

VI. Вульф расплачивается за отравленное вино

Прошло много дней с тех пор, как братья простились с Розамундой. В одну жаркую июльскую ночь они сидели на своих лошадях, и лунный свет блистал на их кольчугах. Неподвижны, как статуи, были рыцари, с высокой скалистой вершины они смотрели на серую сухую долину, которая простирается от Назарета до начала гор и расположенной у их подножия Тивериады на берегу моря Галилейского. У ног д'Арси раскинулся большой франкский лагерь, который они охраняли как часовые. Тысяча триста рыцарей, двадцать тысяч пеших солдат и орды туземцев, вооруженных сарацинским оружием, ждали приказаний. На расстоянии двух миль к юго-востоку от лагеря белели дома Назарета, святого города, где тридцать лет жил Спаситель мира.

Завтра, по слухам, войска должны двинуться через пустынную равнину и дать сражение Салах ад-Дину, который со своими силами стоял близ Хаттина, выше Тивериады. Годвин и Вульф понимали, что безумно вступать в бой, они видели силы сарацин и недавно ехали по этой безводной пустыне под летним солнцем. Но смели ли они, двое бродячих рыцарей без свиты, возвысить голоса, противореча властителем страны, привыкшим к войнам в пустыне? Однако сердце Годвина смущалось.

— Я поеду караулить там, а ты оставайся здесь, — сказал он Вульфу и отъехал ярдов на шестьдесят, на выступ горы, обращенной к северу. Тут он не мог видеть ни лагеря, ни Вульфа, ни одного живого существа. Годвин сошел с седла и, приказав стоять своему коню, который слушался его, как собака, сделал несколько шагов к утесу; преклонив колени, он стал молиться от всего своего чистого сердца.

— О, Господь, — шептал он. — О, Господь, Ты, живший когда-то здесь, в этих горах, знающий все человеческое, услышь меня! Я боюсь за тысячи людей, спящих вокруг Назарета. Не за себя боюсь я, потому что не дорожу жизнью, но за Твоих слуг и моих братьев, за крест, на котором Ты был распят, за истинную веру на Востоке. Просвети меня, дай мне слышать и видеть, чтобы я мог предупредить их, если только мои опасения не тщетны.

Он взывал к небесам, бил себя в грудь, прижимал руки ко лбу и молился так, как никогда не молился раньше. И вот Годвину показалось,

будто его охватил сон, по крайней мере, его ум потускнел, мысли смешались, однако через некоторое время его разум стал яснеть, как медленно яснует возмущенная вода. Но у него был другой ум, не тот, что служил ему ежедневно. Что это? Он услышал, как мимо него пронеслись духи и, пролетая, зашептали ему что-то. Ему казалось также, что они плакали о каком-то грядущем бедствии, плакали о Назарете. Потом точно завеса поднялась с его глаз, и он увидел короля франков в его палатке. Гвидо Лузиньяна окружал совет военачальников, в их числе были гроссмейстер тамплиеров и граф Раймунд Триполийский, правитель Тивериады. Все рассуждали о чем-то, и вдруг гроссмейстер тамплиеров выхватил меч и бросил его на стол.

Поднялась новая завеса с глаз д'Арси, и он увидел лагерь Салах ад-Дина — бесконечный лагерь с десятью тысячами палаток, и услышал, как сарацины взывали к Аллаху. В роскошном шатре одиноко расхаживал султан, с ним не было его эмиров, даже сына. Казалось, Салах ад-Дин глубоко задумался, и Годвин прочитал его мысли: «За нами Иордания и море Галилейское, и франки стеснят меня там, если поверну фронт. Передо мной — территория франков, где у меня нет друзей, подле Назарета стоит их большая армия. Только Аллах может помочь мне! Если они останутся спокойны и заставят меня двинуться через пустыню и повести на них атаку, — я погиб. Если они пойдут на меня, обходя гору по хорошо орошенной местности, — я тоже могу погибнуть; если же они безумно двинутся прямо через пустыню, тогда погибнут они, и владычество креста в Сирии окончится навсегда».

Подле шатра Салах ад-Дина стояла другая палатка, и в ней лежали две женщины: одна была Розамунда, она крепко спала, другая, Масуда, не спала, и ее глаза из тьмы взглянули в лицо Годвина.

Последний покров поднялся и открыл зрелище, от которого содрогнулась вся душа рыцаря. Тянулась выжженная огнем черная пустыня, над ней высилась угрюмая гора, а ее густо усеивали трупы, тысячи и тысячи трупов, между мертвыми телами бродили гиены, а над ними кричали ночные птицы. Некоторые лица Годвин узнавал, лица людей, которых он встречал в Иерусалиме или видел среди армии. Он слышал также стоны немногих еще живых.

Ему казалось, будто он в лагере Салах ад-Дина, где тоже лежали умершие, бродит и чего-то ищет, но чего — не знал. Наконец он понял, что отыскивает тело Вульфа, но не находя ни его, ни своего собственного. И снова Годвин слышал, как пронеслись духи, много духов, потому что к ним присоединились души убитых, услышал также, как они оплакивали

погибшую власть креста, оплакивали Назарет.

Годвин вздрогнул, очнулся, сел на коня и вернулся к Вульф. Внизу по-прежнему виднелся спящий лагерь, дальше тянулась безводная пустыня, а Вульф неподвижно сидел на коне.

— Скажи мне, — спросил его Годвин, — давно ли я уехал?

— Минут пять тому назад, может быть, десять, — ответил ему брат.

— В короткое время я видел так много... — начал говорить Годвин.

Вульф посмотрел на него с удивлением:

— Что ты видел?

— Если я расскажу, ты не поверишь, Вульф.

— Расскажи, тогда посмотрим.

Годвин рассказал ему все и в конце задал вопрос:

— Ну, что же ты думаешь? Помолчав немного, Вульф произнес:

— Ты не пил сегодня ни капли вина, а потому не пьян, брат. Не сделал ты ничего глупого, и, значит, ты не безумен, поэтому, вероятно, с тобой беседовали святые, по крайней мере, я подумал бы это о всяком другом человеке, таком же хорошем, как ты. Однако людям иногда являются ложные видения, так как, мне кажется, их посылает дьявол. Наше дежурство окончено, я слышу топот лошадей сменяющих нас рыцарей. Вот что я посоветую тебе. В лагере наш друг, с которым мы ехали из Иерусалима, — Эгберт, епископ Назарета. Поедем к нему, расскажем ему все, он — человек святой и ученый, совсем не лживый и не себялюбивый.

Годвин утвердительно кивнул головой. Встретив сменяющихся рыцарей и отдав им рапорт, братья поехали к шатру Эгберта, поручили лошадей его слугам и вошли в палатку.

Эгберт был англичанин, более тридцати лет прожил он на Востоке, и жаркое солнце придавало его морщинистому лицу бронзовый цвет, что странно оттеняло его синие глаза и белоснежные волосы и бороду. Когда д'Арси вошли в его палатку, он молился перед маленьким изображением Святой Девы. Склонив голову, братья неподвижно стояли, пока старик не поднялся с колен. Окончив молитву, он благословил их и спросил, чего они хотят.

— Вашего совета, святой отец, — промолвил Вульф. И Годвин рассказал ему о своем видении.

Епископ слушал и не удивлялся, потому что в те дни многие видели или думали, что видят подобные вещи. Окончив свой рассказ, Годвин спросил Эгберта:

— Что это было, святой отец? Сон или откровение? И кто послал мне его?

— Годвин д'Арси, — обратился к нему старик, — в дни своей юности я знал вашего отца, и более чистая душа никогда не переходила на Небо! Мы жили вместе с вами в Иерусалиме, вместе ехали сюда, и я также успел узнать вас и увидеть, что вы — достойный сын достойного отца, что вы — истый слуга церкви. Может быть, такому человеку, как вы, был дан дар провидения, может быть, через вас Небо предупреждает власть имущих и таким путем христианский мир спасется от великой горести и позора! Пойдемте к королю, расскажите ему все, он еще сидит и советуется с приближенными.

Они проехали к королевской палатке, епископ вошел в нее, братья остались снаружи. Скоро Эгберт вернулся и знаком позвал их за собой. Когда они проходили в шатер, часовые шепнули им:

— Заседает странный совет, рыцари, совет роковой и необычайный...

Было около полуночи, но просторный шатер все еще наполняли бароны и высшие военачальники. Одни сидели в уголках по двое, по трое, другие окружали узкий стол из досок, положенных на козлы. Во главе стола был король Гвидо, или Ги де Лузиньян, человек с лицом, выражавшим слабость, и одетый в великолепную кольчугу. Справа от него помещался седовласый граф Раймунд Триполийский, а с левой стороны — чернобородый, хмурый магистр ордена тамплиеров в своем белом плаще, на левой стороне которого виднелся красный крест. Недавно спорили, это было видно по лицам, но когда братья входили, все молчали, и король сидел, откинувшись на спинку своего кресла и поглаживая лоб рукой. Он поднял глаза, увидел епископа и спросил недовольным тоном:

— Что там еще? Ах, помню! Рассказ рыцарей — братьев-близнецов. Ну, пусть говорят, у нас мало времени.

К столу подошли епископ, Годвин и Вульф, и по просьбе Годвина Эгберт рассказал о видении, которое посетило рыцаря на вершине горы. Сначала некоторые из баронов были готовы засмеяться, но, увидев одухотворенное лицо д'Арси, затихли. Когда же Эгберт дошел до описания скалистой горы и груды мертвых тел, многие из них побледнели от страха, и бледнее всех был король Ги де Лузиньян.

— И все это правда, сэр Годвин? — спросил он, когда епископ кончил рассказ.

— Правда, государь, — ответил Годвин.

— Его слова недостаточно, — сказал магистр тамплиеров, — пусть рыцарь поклянется над святым деревом, зная, что если он солжет, то навеки погубит свою душу.

И весь совет произнес:

— Да, пусть поклянется.

Рядом с шатром была соединенная с ним небольшая палатка, наскоро превращенная в часовню, в ее глубине виднелось что-то большое, закутанное. Руфин, епископ Акры, одетый в рыцарскую кольчугу, вошел в маленькую палатку и, сдернув покров, открыл расщепленный, но осыпанный драгоценными камнями почерневший крест, который поднимался приблизительно на рост человека, так как вся его нижняя часть исчезла.

Увидев крест, Годвин и все присутствующие упали на колени; с тех пор как святая Елена около семисот лет перед тем нашла его, он считался самой драгоценной реликвией в христианском мире. Миллионы поклялись ему, десятки тысяч людей умирали за него, и теперь, во время великой борьбы между религией Христа и верой лжепророка, святыню вынесли из храма, чтобы войско могло сопровождать ее.

Годвин и Вульф смотрели на крест с изумлением, страхом и восторгом.

— Теперь, — прозвучал голос магистра тамплиеров, — пусть сэр Годвин д'Арси перед святым деревом поклянется, что сказал правду.

Годвин поднялся с колен, подошел к кресту и, положив на него руку, произнес:

— Святым крестом я клянусь, что не более часа тому назад мне явилось видение, о котором было рассказано его королевскому величеству и всем остальным. И я считаю, что это видение было послано мне в ответ на мою мольбу сохранить наше войско и святой город от мощи сарацин, что это истинное откровение Божие. Больше я ничего не могу сказать. Я клянусь, зная, что если бы я солгал, вечное осуждение было бы моим уделом.

Епископ закрыл крест покровом. Королевские советники молча опустили на прежние места. На лице бледного короля проступило выражение испуга, все были мрачны.

— Кажется, — сказал Гвидо Лузиньян, — Небо послало нам вестника! Осмелимся ли мы послушаться его?

Великий тамплиер поднял угрюмое лицо и возразил:

— Посланник Неба, король? А по-моему, он больше похож на гонца Салах ад-Дина. Скажите-ка мне, сэр Годвин, не были ли вы с братом гостями султана в Дамаске?

— Да, мой лорд тамплиер, — ответил Годвин, — мы уехали оттуда перед объявлением войны.

— И, — продолжал магистр, — вы были офицерами телохранителей султана?

Теперь все пристально посмотрели на Годвина. Он с мгновение колебался, предвидя, какое значение придадут его ответу, но Вульф громким голосом произнес:

— Да, и конечно, вы слышали, что мы спасли Салах ад-Дину жизнь, когда на него напали ассасины.

— О, — язвительно усмехнулся тамплиер, — вы спасли жизнь Салах ад-Дину? Верю, верю. Вы, христиане, которые больше всего на свете должны желать его смерти, спасли ему жизнь? Теперь, рыцари, ответьте мне еще на один вопрос...

— Ответить языком или мечом, сэра тамплиер? — крикнул Вульф, но король поднял руку и велел ему замолчать.

— Не буяньте, как в таверне, юный сэра, и отвечайте, или лучше отвечайте вы, сэра Годвин — обратился к нему тамплиер. — Скажите: ваша двоюродная сестра Розамунда, дочь сэра Эндрью д'Арси, — племянница Салах ад-Дина? Не сделал ли он ее принцессой Баальбека? И не находится ли она теперь в Дамаске?

— Она племянница Салах ад-Дина, она принцесса Баальбекская, но в настоящее время она не в Дамаске. Я знаю это потому, — в упор посмотрел на магистра Годвин, — что в видении, о котором вам было рассказано, она предстала передо мной спящей в шатре посреди лагеря Салах ад-Дина.

Советники засмеялись, но Годвин подтвердил свои слова:

— Да, лорд тамплиер, и вокруг ее расшитого шатра я видел десятки мертвых тел тамплиеров и госпитальеров. Вспомните это, когда наступит ужасный час и вы тоже увидите их.

Смех замер, пробежал ропот страха, слышались фразы: «Колдовство!», «Он научился этому у мусульман!», «Колдун!»

Только тамплиер, не боявшийся ни людей, ни духов, расхохотался.

— Вы мне не верите? — спросил Годвин. — Не поверите вы мне также и тогда, когда я скажу, что в видении мне открылось, как вы спорили с графом Триполийским, обнажили меч и бросили его на этот самый стол?

Советники снова широко открыли глаза и зароптали, потому что они тоже видели это, но гроттмейстер заявил:

— Он мог узнать об этом не от ангела! Многие входили и выходили из шатра. Господин мой король, неужели мы будем тратить время, рассуждая о видениях рыцаря, который вместе с братом был на службе у Салах ад-Дина и покинул султана, чтобы принять участие в походе? Может быть, он не лжет, не нам судить. Однако в другое время я донес бы на сэра Годвина д'Арси, как на волшебника и человека, входящего в предательские сношения с нашим врагом!

— А я остановил бы эту ложь в вашем горле! — закричал Вульф.

Годвин только пожал плечами, и магистр повернулся к королю:

— Мы ждем вашего слова, скажите его поскорее, потому что через четыре часа начнется рассвет. Двинемся ли мы на Салах ад-Дина, как храбрые христиане, или, точно трусы, останемся здесь?

Граф Раймунд Триполийский поднялся и обратился к королю:

— Прежде чем ответить, король, выслушайте меня, может быть, в последний раз выслушайте человека старого, искушенного в войне и знающего сарацин. Мой город Тивериада разграблен, мои вассалы тысячами погибли от меча, моя жена осаждена в цитадели и, если ее не спасут, будет вынуждена сдаться. Но я говорю вам и собравшимся здесь баронам — все лучше, чем идти через пустыню и напасть на Салах ад-Дина! Предоставьте Тивериаду ее судьбе, и вместе с городом — мою жену, но спасите вашу армию — последнюю надежду христиан на Востоке! Войско султана больше вашего, его конница искуснее. Поверните его фланг или, еще лучше, ждите здесь его нападения. Тогда победа останется на стороне воинов креста! Пойдете вперед — и видение рыцаря, над которым вы смеетесь, оправдается, а христианство погибнет в Сирии. Я высказался — и в последний раз.

— Граф Раймунд, как и его друг, «рыцарь видений», — с насмешкой проговорил гроссмейстер, — союзник Салах ад-Дина. Неужели вы примете эти трусливые советы? Вперед, вперед! Сметем языческих собак, не то на нас падет вечный стыд! Вперед, во имя креста! Ведь святое древо с нами.

— Да, — произнес Раймунд, — в последний раз.

Поднялись смятение и шум. Все кричали. Одни говорили одно, другие — другое. Король сидел, закрыв лицо руками. Наконец он поднял голову и объявил:

— Я приказываю выступить на заре. Если граф Раймунд и эти рыцари-близнецы думают, что это неблагоразумно, пусть они останутся здесь под стражей до окончания битвы.

Наступила полная тишина, каждый понимал, что роковое слово произнесено. И вот среди молчания раздался голос Раймунда:

— Нет, я иду с вами.

И Годвина:

— Мы идем также, чтобы показать, шпионы ли мы Салах ад-Дина или нет.

Но никто не обратил внимания на его слова, один за другим бароны поднимались, кланялись королю и выходили из шатра, чтобы сделать распоряжения и немного отдохнуть. Годвин и Вульф тоже ушли, а с ними и

епископ Назаретский, который печально ломал руки. Вульф постарался успокоить его:

— Перестаньте печалиться, отец, лучше подумаем о радостях битвы, а не о горе, которое может наступить после нее.

— Сражения меня не радуют, — ответил Эгберт.

Годвин и Вульф рано поднялись, накормили лошадей, вымыли и вычистили их, осмотрели свои кольчуги и отвели коней к ручью. Вульф принес четыре больших меха, которые приготовил заранее, наполнив их чистой водой, два привязал за седлом Годвина, два за своим собственным, потом налил воды во фляжки, висевшие на седельных луках, и сказал:

— По крайней мере, мы последние умрем от жажды.

Вскоре войско выступило, но многие шли невесело, зная, какая опасность грозит им. Кроме того, распространились слухи о видении Годвина. Не зная, куда направиться, братья и Эгберт, который в полном вооружении ехал на муле, присоединились к большому корпусу рыцарей, двигавшихся вслед за королем. Они видели, как пятьсот тамплиеров выехали вперед с гроссмейстером во главе. Заметив братьев, он указал на меха, висевшие позади их седел, и крикнул:

— Что делают эти водоносы посреди храбрых рыцарей, надеющихся только на Бога?

Вульф хотел ответить, но Годвин остановил его.

Д'Арси пришлось отступить в сторону перед крестом, который пронесли мимо них под охраной воинственного епископа Акры, одетого в кольчугу; за крестом ехал Рено Шатильонский, враг Салах ад-Дина и виновник начала войны, он увидел братьев и пригласил их к звезде:

— Рыцари, что бы ни говорили о вас, я вас знаю как храбрых людей, ибо слышал о ваших подвигах в земле ассасинов! В моей свите есть место — милости прошу!

— Не все ли равно — он или другой? — сказал Годвин. — Поедем, куда он нас поведет. — И д'Арси двинулись за Рено.

К тому времени как армия подошла к Кане Галилейской, июльское солнце палило нестерпимо, и колодец был скоро осушен, многим не достало воды... Дальше войско пошло по низине, справа и слева окаймленной горами. Вставали тучи пыли, в середине их виднелись сарацинские всадники, которые то и дело беспокоили авангард графа Раймунда и отступали раньше, чем на них успевали напасть, оставляя позади себя множество убитых стрелами и копьями. Они совершали также обходы и ударяли на арьергард, состоящий из тамплиеров, легко вооруженных местных войск и отряда Рено Шатильонского, с которым

ехали д'Арси.

С полудня до заката солнца вытянувшееся змеей войско, теперь разделившееся на части, с трудом продвигалось вперед по неровной, каменистой низменности, и раскаленные лучи так били в металлические доспехи, что воздух колыхался над ними точно пламя. К вечеру и люди, и лошади устали. Солдаты просили предводителей отвести их к источникам, но воды не было видно нигде. Арьергард отстал, постоянные нападения, которые приходилось отбивать при страшном зное, истомили воинов; между арьергардом и корпусом короля, который двигался в центре, образовался большой разрыв. К арьергарду то и дело летели гонцы и приказывали двигаться вперед, но войско не могло идти и наконец разбило лагерь в пустыне. Раймунду и его авангарду пришлось вернуться к стоянке. Годвин и Вульф увидели, как он ехал со своими ранеными, и услышали, как он просил короля постараться проделать путь до озера, где люди могли бы напиться, слышали они также и ответ короля, сказавшего, что солдаты отказывались идти дальше. Тогда Раймунд в отчаянии заломил руки и вернулся к своему отряду с громким криком:

— О, Боже, Боже, мы погибли, и погибло владычество креста!

Лагерь не спал, всех томила жажда. Теперь уже никто не думал смеяться над тем, что Годвин и Вульф везли с собой мехи. Напротив, многие из военачальников приходили к ним и чуть ли не на коленях молили их дать им кубок воды. Дав Огню и Дыму немного воды, братья напоили просивших, наконец у них осталось всего два меха, один из уцелевших проколол какой-то вор, чтобы напиться, напился, а остальную воду истратил даром. После этого братья стали караулить последний мех.

Всю ночь лагерь оглашали вопли. «Воды, воды, дайте воды!» — повторяли голоса, а издали доносились восклицания сарацин, призывавших Аллаха. Раскаленная почва была покрыта мелкими, совершенно иссохшими от зноя кустами, и сарадины подожгли их, дым покатился клубами на христиан, и они стали задыхаться. Стоянка превратилась в ад. Наконец забрезжил рассвет. Армию выстроили в боевой порядок, два крыла выдвинулись вперед, войска тронулись. Слишком слабые отстали и были убиты. До сих пор сарадины еще не начинали настоящего нападения, зная, что солнце сильнее их копий. С трудом продвигалось войско крестоносцев к северным источникам, и в середине дня закипела битва — посыпался такой дождь стрел, что небо потемнело. Два или три раза сшибались войска, и все время ужасный крик — просьба воды — покрывал шум боя. Что происходило, Годвин и Вульф точно не знали, дым и пыль ослепляли их, и они почти ничего не видели. Наконец произошла ужасная

стычка. Рыцари, с которыми они ехали, врезались в гущу сарацин, словно стальная змея, оставив за собой широкий путь, усеянный мертвыми телами. Когда д'Арси остановили коней и отерли пот, застилавший им глаза, они увидели, что стоят с тысячей других воинов на вершине крутого холма, откосы которого покрывали обгоревшая черная трава и опаленные кустарники.

— Крест, крест! Окружим крест! — призвал чей-то голос. Братья обернулись и увидели позади себя темный и расщепленный, но покрытый драгоценностями крест, поставленный на утес, и перед ним епископа Акры. Но поднялся дым от горящей травы и скрыл все. Начался один из самых ужасных боев в мировой истории. Несколько раз тысячи сарацин нападали на христиан, но снова отчаянная храбрость франков отбрасывала их. Изнемогая от жажды, христиане сражались как львы. К братьям подбежал чернобородый человек, распухший язык которого высывался изо рта. Взглянув на него, д'Арси узнали гроссмейстера тамплиеров.

— Ради Христа, дайте мне напиться, — попросил он рыцарей, которых недавно назвал водоносами. Д'Арси уделили ему воды из того небольшого запаса, который оставался у них, и тамплиер, освеженный и окрепший, побежал с горы, размахивая окровавленным мечом. Наступило затишье. Братья слышали голос епископа Назаретского, который не отставал от них. Старик говорил как бы с собой:

— И здесь Спаситель произнес свою Нагорную Проповедь. Да, Он говорил слова мира на этом самом месте...

Сарацины отступили, воины креста начали раскидывать королевский шатер и другие палатки вокруг вершины.

— Неужели они хотят здесь устроить лагерь? — с горечью спросил Вульф.

— Нет, брат, — ответил Годвин. — Они думают образовать стену вокруг креста. Но все напрасно, ведь именно это место видел я в пророческом сне.

Вульф пожал плечами.

— По крайней мере, умрем с честью, — произнес он.

Начался последний приступ. Вверх по холму катились густые клубы дыма, а вместе с ними двигались сарацины. Трижды возобновляли они штурм — трижды их отбивали. Во время четвертого натиска дрались немногие франки — жажда победила их на этом безводном холме. Они лежали на обгоревшей траве с распухшими от жажды языками и, не защищаясь, ждали смерти или плена. Большой конный отряд сарацин прорвал кольцо палаток и понесся к пурпурному шатру. Вот он качнулся

вперед и назад и рухнул, окутав короля своими складками. Руфин, епископ Акры, бился подле креста. Но стрела пронзила ему горло, и, широко раскинув руки, он упал на камни. Тогда сарацины бросились на крест, сорвали его со скалы и с насмешками понесли в свой лагерь. Оставшиеся в живых христиане в ужасе и отчаянии подняли глаза и стонали от горя и позора.

— Пойдем, — сказал Годвин Вульффу странно спокойным голосом. — Мы достаточно смотрели. Настало время умереть. Видишь, под нами мамелюки, наш бывший полк, и посреди них Салах ад-Дин, это его знамя. Мы утолили жажду и потому сильны, наши лошади тоже свежи. Умрем же так, чтобы память о нас осталась в Эссексе. Скачи прямо на знамя Салах ад-Дина.

Вульф кивнул головой, и братья рука об руку поехали с холма. Над ними сверкали сабли, стрелы ударялись об их кольчуги и щиты с изображением черепа, но рыцари, не раненые, ехали дальше, к знамени Салах ад-Дина. Повсюду были одни враги... Д'Арси не останавливались, хотя раны покрывали их коней. Братья врезались в редкие ряды мамелюков, промчались мимо них и поскакали по направлению к хорошо знакомой фигуре султана, сидевшего на своем белом коне. Рядом с ним были его сын и принц Хасан.

— Салах ад-Дин — тебе, принц — мне! — крикнул Вульф.

Сталь зазвенела. Все войско ислама в отчаянии вскрикнуло, увидев, что победитель неверных упал под внезапным ударом одного из безумных христианских рыцарей. Через мгновение султан снова поднялся, и множество мечей засверкало над Годвином. Его Огонь зашатался и рухнул на землю, но д'Арси соскочил с седла, размахивая своим длинным мечом. Салах ад-Дин узнал герб на щите и закричал:

— Сдавайтесь, сэръ Годвин. Вы хорошо бились, сдавайтесь же, сдавайтесь!

Но Годвин ответил:

— Сдамся, когда умру.

Салах ад-Дин что-то шепнул мамелюкам, часть его воинов принялась теснить Годвина спереди, держась на безопасном расстоянии от его страшного меча, другие мамелюки прокрались за его спину, неожиданно схватили его и, повалив на землю, связали по рукам и ногам.

Конь Вульфа Дым, пораженный саблями, тоже упал, когда д'Арси подскочил к принцу Хасану. Однако Вульф поднялся и сказал:

— Хасан, мой противник и друг, вот мы и встретились в бою! Я заплачу вам старый долг за отравленное вино. Один на один, меч против

меча!

— Правильно, сэра Вульф, — со смехом сказал принц. — Воины, не трогать этого храброго рыцаря, решившегося на многое, чтобы добраться до меня! Султан, я прошу милости: между сэром Вульфом и мной — старая ссора, и только кровь может ее смыть. Позвольте нам свести наши счеты, и, если я паду в честном бою, пусть никто не трогает моего победителя и не мстит за мою кровь.

— Хорошо, — сказал Салах ад-Дин. — В таком случае сэра Вульф сделается моим пленником — и только. Его брат уже взят мной. Я обязан это сделать для человека, который спас мне жизнь, когда мы с ним были друзьями. Напайте франка — я хочу, чтобы их силы были равны.

Вульфу поднесли кубок с водой, а когда он утолил жажду, напоили также и Годвина. Даже мамелюки любили этих братьев и восхищались их отвагой. Хасан соскочил с седла со словами:

— Ваш конь погиб, сэра Вульф, значит, мы будем биться пешком.

— Всегда великодушен! — со смехом заметил Вульф. — Даже отравленное вино было милостью.

— Боюсь, что я великодушен в последний раз, — с печальной улыбкой ответил Хасан.

Они выступили друг против друга. Странная это была картина! На откосах Хаттинской горы еще свирепствовал бой. Посреди дыма и огня маленькие отряды солдат стояли спиной к спине, отбиваясь от сарацин. Рыцари то поодиночке, то группами бросались на врагов и встречали или смерть, или плен. К лагерю Салах ад-Дина с торжествующими криками двигался мусульманский отряд. Руки поднимали черный обрубок — древо Святого креста. Другие воины вели множество пленников, в том числе короля и его избранных рыцарей. Песок пустыни покраснел от крови, воздух раздирали крики победы и вопли предсмертной борьбы или отчаяния. И посреди всего этого смятения, окруженные почтительными сарацинами, стояли эмир, поверх кольчуги одетый в белую тунуку и с тюрбаном на голове, и Вульф в доспехах, покрасневших от крови и изрубленных мусульманскими саблями. Первым нанес удар Хасан, удар меткий. Острая, как бритва, сабля соскользнула со стального шлема Вульфа и упала на его наплечник, рыцарь зашатался. Новый удар опустился на его щит, и так сильно, что франк упал на колени.

— Ваш брат погиб, — обратился сарацинский предводитель к Годвину, но тот промолвил:

— Подождите.

Вульф быстро уклонился от третьего удара, и, когда Хасан наклонился

вперед от усилия, д'Арси оперся рукой о землю, вскочил и отбежал назад шагов на восемь.

— Он отступает, — крикнул сарацин, но Годвин повторил:

— Подождите.

И действительно, бросив щит и схватив обеими руками меч, Вульф с криком «д'Арси, д'Арси!» прыгнул к Хасану, точно раненый лев. Меч взвился и упал, щит Хасана распался на две части. Еще удар — и увенчанный тюрбаном шлем был разрублен. В третий раз сверкнуло могучее лезвие, теперь плечо и правая рука с саблей отделились от тела эмира, умирающий Хасан упал на землю. Вульф остановился, глядя на него. Печальный ропот вырвался из губ зрителей — все любили эмира. Хасан знаком позвал к себе победителя, и, отбросив меч, точно желая показать, что он не боится предательства, Вульф подошел к принцу и опустился перед ним на колени.

— Мастерский удар, — слабым голосом произнес Хасан, — он разрезал двойной слой дамасской стали, точно легкий шелк. Помните, я сказал вам, что наша встреча в бою будет недобрым часом для меня. Вы заплатили долг. Прощайте, храбрый рыцарь. Хотелось бы мне надеяться, что мы встретимся с вами в раю. Возьмите эту драгоценную звезду, носите ее на память обо мне. Живите долго, долго и счастливо...

Вульф обнял эмира. Салах ад-Дин подошел к своему другу, позвал его, но принц не ответил.

Так умер Хасан, и так окончилась битва при Хаттине, которая сломила власть христиан на Востоке.

VII. Под стенами Аскалона

Когда Хасан умер, предводитель мамелюков Абдула по знаку Салах ад-Дина отстегнул от тюрбана эмира драгоценную звезду и передал ее Вульффу. Она была из крупных изумрудов, осыпанных бриллиантами, и Абдула, жадно посмотрев на нее, прошептал:

— Печально, что неверный будет носить заколдованную звезду, «счастье» дома Хасана.

Вульф услышал и запомнил эти слова. Он взял драгоценность и сказал Салах ад-Дину, указывая на мертвого эмира:

— Окажете ли вы мне пощаду после такого деяния, султан?

— Разве я не напоил вас и вашего брата? — многозначительно спросил Салах ад-Дин. — Вы в полной безопасности. Только одного проступка, и вы знаете какого, я не прощю вам, — прибавил он, поглядывая на д'Арси. — Хасан был моим любимым другом, это правда, но вы убили его в честном бою, и душа принца вошла в рай. Никто не будет вам мстить.

Султан замолчал и обернулся к большому отряду христианских пленников, которых победители сарацины пригнали, как жалкое стадо.

В числе приведенных д'Арси с удовольствием увидели Эгберта, которого они считали мертвым, а рядом с ним раненого гроссмейстера тамплиеров.

— Значит, я был прав, — сиплым голосом и с насмешкой проговорил он. — Вот вы, рыцари с видениями и с мехами! Вы благополучно добрались в лагерь ваших друзей-сарацин.

— Вы с удовольствием пили из наших мехов, — заметил ему Годвин и прибавил с грустью: — Не все видение еще исполнилось. — Повернувшись, Годвин посмотрел на расшитую палатку, которую расставляли арабы. Гроссмейстер вспомнил, что, по словам Годвина, он подле такой палатки видел мертвых тамплиеров.

— Значит, вы, предатель и колдун, здесь собираетесь зарезать меня! — вскрикнул он.

Бешенство овладело Годвином, и он ответил:

— Не будь вы в плену, я теперь же остановил бы мечом слова в вашем горле, и если мы оба останемся в живых, я это сделаю позже. Вы называете нас предателями, а разве предатели стали бы пробиваться одни сквозь все это войско, потеряв коней, — и он указал на лошадей Огня и Дыма, лежавших с неподвижными, стеклянными глазами, — разве предатели

решились бы сшибить с коня Салах ад-Дина и убить принца Хасана в поединке? — И он повернулся к трупам эмира, которого уносили слуги. — Вы называете меня колдуном и убийцей, потому что ангел показал мне видение. Если бы вы поверили ему, сэр тамплиер, вы спасли бы десятки тысяч людей от кровавой смерти, христианскую веру от уничтожения, а святыню от насмешек. — И он посмотрел на крест, который стоял недалеко на скале с мертвым рыцарем, привязанным к его перекладине. — Вот вы — убийца, сэр тамплиер, и вы погубили дело креста, как предсказывал граф Раймунд!

Сарацины оттащили его, раскинули шатер, и Салах ад-Дин вошел в него, приказав:

— Приведите ко мне короля франков и принца Арната, которого зовут Рено Шатильонский. — В голову султана пришла какая-то новая мысль; подозвав к себе Годвина и Вульфа, он сказал: — Рыцари, вы знаете наш язык, отдайте ваши мечи моему офицеру, вам вернут их позже. А теперь идите, будете моими переводчиками.

Братья вошли за ним в шатер. Скоро в него ввели несчастного короля, седовласого Рено Шатильонского и еще нескольких рыцарей, которые, несмотря на несчастье, с удивлением взглянули на Годвина и Вульфа. Салах ад-Дин понял выражение их лиц и объяснил:

— Король и вельможи, не заблуждайтесь. Эти рыцари такие же пленники, как вы, и сегодня никто не бился храбрее их и не принес мне и моим воинам большего вреда! Если бы не мои телохранители, я пал бы от удара меча сэра Годвина. И они знают арабский язык и будут служить моими переводчиками. Согласны ли вы? Если нет, мы найдем других.

Выслушав перевод слов Салах ад-Дина, король высказал свое согласие и прибавил, обращаясь к Годвину:

— Жаль, что две ночи тому назад я не счел вас за переводчика воли небес.

Султан предложил своим пленникам сесть и, видя, что они томятся от страшной жажды, приказал невольникам принести большую чашу шербета из розовой воды, охлажденной снегом. Он собственноручно передал ее королю. Гвидо пил большими глотками, потом передал кубок Рено Шатильонскому, и тогда Салах ад-Дин крикнул Годвину:

— Скажите королю, что не я напоил этого человека.

Годвин печально перевел эти слова, и Рено, знавший обычаи сарацин, воскликнул:

— Незачем объяснять, это мой смертный приговор! Ну что ж, я так и знал!

И снова зазвучал голос султана:

— Принц Арнат, вы старались взять святой город Мекку, осквернить могилу Пророка, и тогда я поклялся убить вас... Потом, когда в мирное время из Египта шел караван мимо Эш-Шобека, вы, забыв клятву, перебили купцов. Они во имя Аллаха просили пощады, говоря, что между сарацинами и франками перемирие. Но вы насмеялись над ними, предложив им ждать помощи Магомета, в которого они верили. Тогда я вторично поклялся убить вас. Тем не менее я даю вам последнюю возможность спастись. Желаете ли подчиниться Корану и принять ислам? Или хотите умереть?

Губы Рено побледнели, он зашатался. Но смелость скоро вернулась к нему, и он ответил громким голосом:

— Султан, я не хочу такой ценой купить жизнь. Не преклоню я колен перед вашим псом лжепророком, я умру в вере Христовой и, так как мне надоел мир, рад уйти к Нему.

Салах ад-Дин встал, даже волосы его бороды поднялись от гнева, обнажив саблю, он громко крикнул:

— Ты оскорбляешь Магомета! Я мщу за него. Возьмите его! — И он плашмя ударил Рено саблей.

Мамелюки кинулись на принца. Вытащив его из шатра, они поставили Рено на колени и обезглавили на глазах солдат и других пленников.

Так храбро умер Рено Шатильонский, которого сарацины называли принцем Арнатом. В наступившей ужасной тишине король Гвидо обратился к Годвину:

— Спросите султана — следующая очередь моя или нет?

— Нет, — произнес Салах ад-Дин, — короли не убивают королей, а этот нарушитель мира получил возмездие по заслугам.

Следующая картина была еще ужаснее. Салах ад-Дин подошел к выходу из своего шатра и, стоя перед телом Рено, велел привести пленных тамплиеров и госпитальеров. Их привели, всего около двухсот человек, легко было отличить их от других рыцарей по красным и белым крестам, нашитым на их одеждах спереди.

— Они тоже нарушители мира, — обвинил их султан. — И я очищу землю от их нечистого племени! Эй, эмиры и законники, — и он обернулся к окружавшим его, — пусть каждый из вас возьмет одного из них и убьет.

Эмиры отступили, как ни были они фанатичны, но не любили убивать беззащитных людей, даже мамелюки зароптали. Но Салах ад-Дин снова повторил:

— Они достойны смерти, и тот, кто не исполнит моего приказа, сам

будет убит.

— Султан, — сказал Годвин, — мы не можем присутствовать при таком преступлении, мы просим, чтобы нас тоже убили.

— Нет, — возразил султан, — вы ели со мной соль, и если я убью вас, то согрешу. Пройдите в шатер принцессы Баальбекской, оттуда вы не увидите смерти этих франков, ваших единоверцев.

Один из мамелюков вывел д'Арси, и братья первый раз в жизни бежали, минуя длинный ряд тамплиеров и госпитальеров, которые, освещенные последними красными лучами умирающего дня, опускались на песок и молились, пока эмиры подходили к ним...

Никто не помешал д'Арси войти в большой шатер принцессы, в его отдаленном конце они заметили двух женщин, сидевших, обняв друг друга. Они тоже увидели рыцарей и с радостным криком кинулись к ним, повторяя:

— Вы живы, вы живы!

— Да, Розамунда, — промолвил Годвин, — мы видим позор. Лучше было бы, если бы мы умерли! Сарацины убивают рыцарей священных орденов. Станем на колени и помолимся за их отлетающие души.

Все они опустили на колени и молились, пока вдаль не замер шум.

— О, двоюродные братья, — почти простонала Розамунда, наконец поднявшись с колен, — среди какого ада злобы и кровопролития живу я. Спасите меня, увезите отсюда! Умоляю вас, спасите.

— Постараемся, — обещали д'Арси. — Но не будем больше говорить об этом, чтобы не потерять разума. Все в воле Божией... Расскажите нам, что было с вами.

Недолго пришлось рассказывать Розамунде. С ней хорошо обращались, и в армии она всегда была подле султана, так как он все ждал исполнения своего видения. В свою очередь братья рассказали ей все, что случилось с ними, не скрыли от нее видения Годвина и смерти Хасана. Услышав о гибели эмира, Розамунда заплакала и немного отстранилась от Вульфа — она любила принца, но когда Вульф смиренно заметил:

— Не я виноват, так было решено судьбой. Жаль, что я не умер вместо этого сарацина! — Розамунда возразила:

— Нет, нет, я горжусь, что вы победили его.

В ответ Вульф покачал головой и произнес:

— Я не горжусь. Хотя я устал от ужасной битвы, я все же был моложе и сильнее его. Но мы, по крайней мере, расстались друзьями. Смотрите, вот что он дал мне, — д'Арси показал Розамунде изумрудную звезду, которую в последнюю минуту ему передал умирающий принц.

Масуда, все время сидевшая спокойно, тоже подошла и посмотрела на звезду.

— Знаете ли вы, — спросила она, — что это драгоценность, знаменитая не только по своей цене, но также потому, что, рассказывают, будто она принадлежала одному из детей Пророка и с тех пор приносит счастье своему владельцу?

Вульф улыбнулся.

— Не много счастья принесла она бедному Хасану, когда меч моего дяди разрезал дамасскую сталь его кольчуги, точно влажную глину.

— И почти без муки отослала его в рай, — заговорила Масуда. — Нет, всю жизнь этот эмир был счастлив, все любили его: султан, жены, товарищи, слуги. И я не думаю, чтобы он желал другого конца, кроме смерти во время битвы с франками. Полагаю также, что в армии султана не найдется ни одного воина, который не отдал бы всего, что он имеет, за это украшение, известное под названием «звезда счастья Хасана». Итак, берегитесь, сэр Вульф, чтобы вас не обокрали или не убили, несмотря на то что вы ели соль Салах ад-Дина.

— Я помню, как Абдула жадно посмотрел на звезду и пожалел, что талисман дома Хасана перешел в руки неверного, — сказал Вульф. — Но довольно об этой драгоценности и связанных с ней опасностях, кажется, Годвин хочет что-то сказать.

— Да, — заметил Годвин, — мы здесь благодаря доброте Салах ад-Дина, который не пожелал, чтобы мы видели смерть наших товарищей, но завтра нас снова разлучат с вами. Итак, вы хотите бежать...

— Я убегу, я должна убежать, даже если мне суждено снова попасться и умереть, — в страстном порыве призналась Розамунда.

— Говорите тише, — шепнула Масуда, — я видела, как евнух Мезрур прошел мимо шатра, а он шпион... Все они шпионы.

— Если вы хотите бежать, — шепотом повторил Годвин, — это нужно сделать через несколько недель, когда войско двинется в путь. Это опасно для всех нас, даже для вас, Розамунда... и у меня нет плана. Но, Масуда, вы умны: придумайте, что делать, и скажите нам.

Она подняла голову, собираясь заговорить, но вдруг на них упала тень. Это подошел главный евнух Мезрур, толстый человек с хитрым лицом и угодливыми манерами. Он низко поклонился Розамунде:

— Прошу прощения, принцесса. От Салах ад-Дина пришел гонец — султан требует присутствия рыцарей на обеде, который он устроил для своих благородных пленников.

— Повинуемся, — ответил ему Годвин, и, встав со своих мест, братья

поклонились Розамунде и Масуде и пошли к выходу. Вульф забыл взять драгоценную звезду, лежавшую на подушке. Мезрур ловко прикрыл ее складками одежды, и под этим прикрытием его рука скользнула вниз и схватила драгоценность. Он и не знал, что Масуда, которая делала вид, что смотрит в другую сторону, все время наблюдала за ним. Она выждала, чтобы братья дошли до выхода из шатра, потом громко крикнула:

— Сэр Вульф, вам уже надоела счастливая зачарованная звезда или вы хотите отдать ее нам?

Вульф вернулся и заметил:

— Я забыл о ней, это понятно в такое время. Да где же она? Я оставил ее на подушке.

— Осмотрите-ка руку Мезрура, — сказала Масуда.

Тогда, улыбаясь лживой улыбкой, евнух отдал звезду со словами:

— Я хотел показать вам, рыцарь, что следует беречь такие драгоценные вещи, особенно в лагере, где много бесчестных людей.

— Благодарю вас, — взял звезду Вульф, — вы ясно показали мне это. — И под смех Масуды д'Арси и Мезрур вышли из шатра.

Посланный от султана повел их по площадке, усеянной телами убитых тамплиеров и госпитальеров, которые лежали, как в видении Годвина. На одно из этих тел Годвин наткнулся в темноте и упал подле него на колени. И при свете звезд он узнал лицо рыцаря-госпитальера, с которым подружился в Иерусалиме. Это был очень хороший и кроткий француз, отказавшийся от высокого положения и больших имений, чтобы вступить в орден во имя любви ко Христу. Прошептав над ним молитву, Годвин поднялся и, полный ужаса, направился к шатру султана.

Никогда еще братьям не случалось присутствовать на таком странном и печальном обеде. Во главе стола сидел Салах ад-Дин, окруженный стражами и предводителями, каждое новое блюдо он только пробовал, чтобы показать отсутствие в нем яда. Недалеко от Салах ад-Дина сидел король Иерусалимский с братом, дальше остальные пленники, всего человек около пятидесяти. Печальную картину представляли эти храбрые рыцари в изрубленных, почерневших от крови кольчугах, бледные, с широко открытыми от ужаса глазами, видевшими страшное дело. Между тем они ели и пили с жадностью, потому что, утолив жажду, почувствовали голод. Тридцать тысяч христиан лежали мертвые на горе и в долине Хаттина, Иерусалимское королевство было разрушено, его король попал в плен. Победенные, лишенные всего, они все ели и, будучи только людьми, успокаивались при мысли, что, поев, они, по закону арабов, могли не тревожиться за свою жизнь.

Салах ад-Дин подозвал к себе Годвина и Вульфа, желая, чтобы они служили ему переводчиками. Братья тоже ели, так как их мучил голод.

— Вы видели принцессу? Как вы нашли ее? — спросил султан.

Вспомнив, почему он упал подле палатки Розамунды, и видя жалких пленников, Годвин почувствовал гнев и храбро ответил:

— Султан, мы нашли, что она устала от картин и звуков войны и убийства, она стыдится также, что ее дядя-победитель убил двести безоружных...

Вульф вздрогнул, но Салах ад-Дин выслушал д'Арси без гнева.

— Она, без сомнения, считает меня жестоким, — ответил он, — и вы также находите, что я деспот, который наслаждается, видя смерть своих врагов. Но это ошибка, я хочу мира. Пусть христиане вернутся к себе на родину и поклоняются там Богу по-своему и оставят в покое Восток. Теперь, сэр Годвин, скажите от меня пленникам, что тех из них, которые не ранены, я отправлю в Дамаск в ожидании выкупа, а сам буду осаждать Иерусалим и другие христианские города. Пусть не боятся, я опустошил кубок моего гнева, никто из них не умрет, и их священник, епископ Назаретский, останется ухаживать за их больными и молиться за них по их обрядам.

Годвин поднялся с места и перевел слова султана. Потерявшие мужество и надежду, люди молчали. Позже д'Арси спросил султана Салах ад-Дина, пошлют ли их с братом в Дамаск.

Салах ад-Дин ответил:

— Нет, вы некоторое время останетесь со мной и будете служить для меня переводчиками, потом я отпущу вас без всякого выкупа.

На следующее утро пленников отправили в Дамаск. В тот же день Салах ад-Дин взял цитадель Тивериады, но отпустил на свободу жену и детей графа Раймунда. Скоро он двинулся к Акре и взял этот город, освободив из него четыре тысячи мусульманских пленников. Другие города тоже пали перед его мощью, наконец султан придвинул войско к Аскалону и повел правильную осаду, приставив осадные машины к городским стенам.

На Аскалон спустилась темная ночь, блистали только молнии подхлотившей с гор грозы; они освещали стены и часовых, перистые пальмы, которые рисовались на небе, могучую цепь увенчанных снегами Ливанских гор, и окружавшее все черное лоно взбаламученного моря. На небольшой лужайке сада, подле пустого дома вне стен города, разговаривали двое: мужчина и женщина, оба в темных плащах. Это были Годвин и Масуда.

— Что же? — спросил Годвин. — Все готово?

Она кивнула головой:

— Да, наконец-то! Завтра, после полудня, пойдут на приступ Аскалона. Но даже если город возьмут, ночью лагерь не снимется. Абдула, которому немного нездоровится, будет начальником стражи, охраняющей шатер принцессы. Он позволит воинам уйти грабить город, зная, что они не выдадут его. На закате сторожить останется только Мезрур, я постараюсь, чтобы он заснул. Абдула приведет в этот сад принцессу под видом своего сына, тут вы двое и я встретим их.

— Что же дальше? — задал новый вопрос Годвин.

— Помните ли вы старого араба, который привел к вам коней и не взял за них денег? Как вы уже знаете, он мой дядя, и у него есть лошади той же породы. Я видела его, ему понравился рассказ об Огне и Дыме, о рыцарях, которые скакали на них, главное же — о том, как погибли кони, что, по его словам, делает честь их старинному роду. В конце этого сада — пещера, прежняя гробница. Там мы найдем четырех лошадей, а с ними и моего дядю, на рассвете мы будем в сотне миль от сада, скроемся среди людей нашего племени и выждем возможности проскользнуть к берегу и попасть на христианский корабль. Нравится ли вам это?

— Очень. Но чего требует Абдула?

— Заколдованной звезды, талисмана дома Хасана. Ни за что иное он не пошел бы на такую опасность. Сэр Вульф отдаст ее?

— Конечно, — засмеялся Годвин.

— Хорошо. Звезду нужно отдать сегодня вечером. Я пришлю Абдулу в вашу палатку. Не бойтесь, если он возьмет талисман, он исполнит обещанное, так как в противном случае будет думать, что звезда принесет ему несчастье.

— А Розамунда знает? — поинтересовался Годвин.

Масуда покачала головой:

— Нет, ей до безумия хочется бежать, и она все время думает о бегстве. Но зачем говорить ей раньше времени? Чем меньше людей знает о заговоре, тем лучше. Если что-нибудь не удастся, она останется ни в чем не повинной. Не то...

В эту минуту блеснула молния и осветила ее. Она стояла на фоне зеленых листьев и красных лилий. Глядя на Масуду, Годвину стало страшно, отчего — он и сам не знал.

— Почему я привела вас в мою гостиницу в Бейруте? Почему я отыскала для вас лучших лошадей в Сирии и проводила до дворца аль-Джебала? Почему я не боялась смерти под пыткой? Почему я спасла вас

троих? Почему, в конце концов, я, рожденная благородной, сделалась предметом насмешек солдат и служанкой принцессы Баальбека? Сказать, почему? — продолжала она со странным смехом. — Сначала, конечно, потому, что я была помощницей Синана, которой он поручил отдать таких рыцарей, как вы, в его руки, а после... потому, что мое сердце наполнилось любовью и жалостью к... благородной Розамунде.

Опять вспыхнула молния и осветила странное выражение на лице Годвина.

— Масуда, — прошептал он, — о, не считайте меня тщеславным безумцем, но, может быть, лучше узнать все. Скажите: неужели действительно, как я иногда...

— Боялись? — прервала его Масуда со смехом. — Да, сэр Годвин, вы не ошиблись. Люди не свободны... не осталась свободной и я, когда в первый раз увидела ваши глаза в Бейруте, глаза, которые ждала всю жизнь, и полюбила вас себе на погибель! Но я радовалась, что случилось так, и до сих пор рада. Я не избрала бы другой судьбы, потому что любовь к вам придала значение моей жизни. Нет, не говорите... Я знаю клятву, данную вами госпоже Розамунде, и не буду стараться, чтобы вы ее нарушили. Но, сэр Годвин, такая девушка, как она, может любить только одного...

Годвин не удивился, и на его лице не отразилось страдание.

— Значит, вы знаете то, что я понял давно, так давно, что мое горе растаяло в надежде на счастье моего брата. Кроме того, хорошо, что она избрала более славного рыцаря.

— Порой, — задумчиво произнесла Масуда, — я наблюдала за Розамундой и говорила себе: чего вам недостает, госпожа? Вы красивы, вы знатны, вы учены, вы храбры, а потом отвечала себе: у вас нет мудрости и понимания людей, не то вы не выбрали бы Вульфа, когда могли избрать Годвина. Или, может быть, ваши глаза слепы?

— Пожалуйста, не говорите так о человеке, который во всех отношениях лучше меня, — с досадой сказал Годвин.

— Другими словами: рука которого немножко сильнее вашей. Но для человека нужно что-нибудь побольше силы, ему нужен также дух.

— Масуда, — продолжал Годвин, не обратив внимания на ее слова, — хотя мы угадываем ее желание, но до сих пор она еще ничего не сказала. Кроме того, Вульф может пасть в бою, и тогда я должен заступить на его место. Я не свободен, Масуда.

— Влюбленный никогда не бывает свободен, — ответила она.

— Я не имею права любить девушку, которая любит моего брата. Ей принадлежат моя дружба и уважение, не больше...

— Она еще не сказала, что любит вашего брата, и, может быть, мы ошибаемся, — заметила Масуда, — это ваши слова, а не мои.

— А может быть, мы угадали правильно? Что тогда?

— Тогда... В мире много рыцарских орденов или монастырей. Но не говорите больше о том, что может быть или чего быть не может. Вернитесь в палатку, сэр Годвин, я пошлю туда Абдулу. Ему передайте звезду. Итак, прощайте, прощайте...

Он взял ее протянутую руку, поколебался с мгновение, потом поднес к своим губам. Она была холодна, как рука трупа, и упала, как мертвая. Масуда отступила в лилии, точно желая спрятаться от него и от всего мира. Когда Годвин отошел шагов на восемь или десять, он обернулся: в ту же минуту сверкнула молния, и в ее ослепительном свете он увидел Масуду, она стояла с протянутыми руками, ее бледное лицо было обращено к небу, веки опустились. Освещенное призрачным сиянием молнии, ее лицо походило на лицо недавно умершей, и высокие красные лилии, которые прижимались к ее платью и касались шеи, напоминали потоки свежей крови. Годвин слегка вздрогнул и пошел дальше. Масуда подумала: «Если бы я постаралась затронуть его жалость, думаю, он предложил бы мне свое сердце, которое отвергла Розамунда. Нет, не сердце, потому что его сердце не привязано к земле, но руку и верность. И он сдержал бы обещание. Я, разведенная жена аль-Джебала, сделалась бы леди д'Арси? Нет, сэр Годвин, я согласилась бы на это, только если бы знала, что вы полюбите меня, а этого не будет или будет, когда я умру».

Рукой, которую он поцеловал, она сорвала цветок лилии и так судорожно прижала к груди, что красный сок запятнал ее платье, как кровь. Потом Масуда выскользнула из сада.

VIII. «Звезда счастья Хасана»

Через час Абдула беспечно шел к палатке, в которой спали братья. Если бы кто-нибудь подсматривал за ним при свете низко стоявшей луны (гроза и ливень прекратились), он мог бы увидеть, что евнух Мезрур, завернувшись в темный плащ из верблюжьей шерсти, прячась за каждой скалой, за каждым кустом и неровностью почвы, крался за предводителем отряда. Мезрур скрылся посреди дромадеров и часовых, заметив, как Абдула вошел в палатку д'Арси. Евнух выждал, чтобы облако затмило луну, никем не замеченный подбежал к палатке, бросился с ее теневой стороны на землю и приник к стене, напрягая слух. Однако толстое полотно отяжелело от сырости, а веревки и канавка, выкопанная вокруг палатки, не позволяли человеку, не желавшему лежать в воде, прижаться ухом к стене. Внутри говорили шепотом, и Мезрур уловил только отдельные слова: «сад», «звезда», «принцесса».

Они показались евноху до такой степени значительными, что он наконец прополз под веревками и, дрожа от холода, лег в канавку с водой, потом острием ножа слегка надрезал полотно палатки. Мезрур прижался глазом к отверстию, но внутри была полная темнота. Подле него звучали голоса.

— Хорошо, — сказал один из братьев (который именно, Мезрур не мог решить, потому что у них были одинаковые голоса). — Хорошо. Завтра в назначенный час вы приведете принцессу в условленное место и в той же одежде, как сказано. За это я передаю вам талисман Хасана. Возьмите его и поклянитесь, что исполните обещанное, не то звезда не принесет вам счастья: я убью вас, как только мы встретимся.

— Клянусь Аллахом и его пророком, — ответил дрожащий и хриплый голос Абдулы.

— Достаточно. Храните же клятву, теперь прочь, для вас небезопасно оставаться здесь дольше.

Послышались шаги. При выходе из палатки Абдула остановился и, разжав пальцы, посмотрел, не обманули ли его в темноте. Мезрур изогнул шею, чтобы видеть, и разглядел слабый свет луны, мерцавший на великолепной драгоценности, овладеть которой он тоже страстно желал. Его нога ударилась о камень, Абдула посмотрел вниз и увидел, что почти перед ним лежит мертвый или спящий. Быстрым движением он спрятал звезду и сделал шаг вперед, но, решив, что лучше всего удостовериться в

том, что этот человек действительно мертв или спит, он вернулся и изо всей силы ударил его по спине. Абдула три раза нанес удар, причинив евнуху ужасное страдание.

— Кажется, он шевельнулся, — прошептал Абдула после третьего удара. — Лучше всего узнать наверное, — и он вынул нож.

Если бы ужас не обессилил Мезрура, он вскрикнул бы, но раньше, чем голос вернулся к нему, нож Абдулы ушел на три дюйма в его толстую ляжку. Усилием воли Мезрур заставил себя вынести боль — евнух знал, что, покажи он хоть признак жизни, следующий удар попадет в его сердце. Абдула решил, что, кто бы ни был лежащий, он или мертв, или без сознания, отер нож о платье своей жертвы и ушел.

Вскоре и Мезрур двинулся к жилищу султана, он стонал от ярости и боли и клялся отомстить. Ему пришлось ждать недолго. В ту же ночь Абдулу схватили и отвели на допрос. Под пыткой мамелюк сознался, что был в палатке братьев и от одного из них получил звезду, которую нашли при нем, данную ему в уплату за то, чтобы он привел принцессу в известный сад за чертой лагеря. Однако Абдула описал другой сад. Дальше, когда его спросили, кто из д'Арси подкупил его, он стал уверять, будто не знает, так как у обоих рыцарей одинаковые голоса и его приняли в полной темноте; он прибавил, что, по его мнению, в палатке был только один из братьев, другого же он не видел и не слышал. По словам Абдулы, в палатку его привел араб, которого он раньше нигде не встречал, сказавший, что если он желает получить то, что нравится ему больше всего на свете, он должен отправиться к д'Арси через час после заката. Сказав это, Абдула потерял сознание, и по приказанию султана его снова отвели в тюрьму.

Утром Абдулу нашли мертвым, он не хотел подвергнуться новой пытке, которая окончилась бы казнью, и затянул на своей шее петлю, сделанную из платья. Предварительно он кусочком угля написал на стене:

Пусть эта проклятая звезда Хасана, которая соблазнила меня, принесет больше счастья другим, и да отправится душа Мезрура в ад!

Так умер Абдула, оставшийся по возможности верным данному слову. Он не выдал ни Масуды, ни своего «сына» и сказал, что только один из братьев был в палатке, хотя отлично знал, что при разговоре присутствовали оба и что именно Вульф говорил с ним и передал ему звезду.

Очень рано утром д'Арси, всю ночь пролежавшие без сна, услышали шум и, выглянув наружу, увидели, что их палатку окружила толпа

мамелюков.

— Наш заговор открыт, — сказал Годвин спокойно с выражением отчаяния на лице, — ну, брат, ни в чем не сознавайся, даже под пыткой, чтобы не погубить других.

— Мы будем биться? — спросил Вульф, накидывая кольчугу.

Но Годвин ответил:

— Нет, зачем убивать отважных людей? Это не принесет нам пользы.

В палатку вошел один из предводителей, приказал братьям отдать ему мечи и пройти вместе с ним к Салах ад-Дину. Больше он ничего не сказал. Д'Арси ввели в большую комнату дома, в котором поселился Салах ад-Дин. В конце залы возвышался помост, и братьев проводили до него. Через минуту из противоположной двери вышел султан, а с ним его эмиры и секретари. Бледную Розамунду тоже ввели в комнату, за ней вошла Масуда, лицо которой было, как всегда, спокойно.

Д'Арси поклонились, Салах ад-Дин, в глазах которого сверкало бешенство, не обратил внимания на их приветствие. Несколько мгновений все молчали, потом султан приказал секретарю прочитать обвинение. Не длинно было оно, в нем говорилось только, что рыцари старались украсть принцессу Баальбекскую.

— Какие же улики против нас? — смело спросил Годвин. — Султан справедлив и осуждает людей, основываясь на показаниях свидетелей.

Салах ад-Дин снова сделал знак секретарю, и тот прочитал показания Абдулы. Братья попросили позволения повидаться с Абдулой, но узнали, что он умер. После этого внесли Мезрура, который не мог ходить из-за своей раны. Евнух рассказал, как он заподозрил Абдулу, и все, что случилось дальше. Когда он умолк, Годвин спросил его, кто из них, д'Арси, разговаривал с подкупленным мамелюком, но Мезрур ответил, что он не может этого сказать, так как у них совершенно одинаковые голоса, а в темноте он никого не видел. Розамунде приказали сказать, что она знает о заговоре, и молодая девушка по совести ответила, что ей ровно ничего не известно и что она не собиралась бежать. Масуда тоже с клятвой уверяла, будто она в первый раз слышит о задуманном бегстве. После этого секретарь объявил, что других улик не существует, и попросил султана произнести приговор.

— Над которым же из нас? — задал вопрос Годвин. — Ведь все, и мертвые, и живые свидетели, показали, что они слышали один голос, но чей именно, не знали. По вашему закону, султан, вы не можете осудить человека без достаточных улик.

— Против одного из вас улик достаточно, — сурово отозвался Салах

ад-Дин. — Против виновного говорили два свидетеля, как того требует закон. Я давно предупреждал вас, что за такое преступление кара — смерть, и думаю, вы оба достойны смерти. Но вас судили по закону, и, как справедливый судья, я не хочу нарушить его, только одного виновного обезглавят на закате, в тот самый час, когда он думал выполнить свой преступный замысел. Другой может уйти с гражданами Иерусалима, которые отправляются сегодня с моим посланием к франкским правителям святого города.

— Кто же из нас умрет? Ответьте нам, чтобы осужденный готовился к смерти, — настаивал Годвин.

— Скажите сами, — ответил Салах ад-Дин.

— Мы ни в чем не сознаемся, — произнес Годвин, — однако, если одному из нас нужно умереть, я, как старший, требую этого права.

— А я требую его, как младший. Хасан подарил мне драгоценность: кто же другой мог передать ее Абдуле? — заговорил Вульф. И все сарацины, люди храбрые, любившие рыцарские поступки, зашептали от восхищения, даже Салах ад-Дин заметил:

— Оба вы говорили хорошо. Итак, по-видимому, вы оба должны умереть.

Розамунда упала на колени и вскрикнула:

— Повелитель, мой дядя, вы не прикажете убить двоих за проступок одного, если только был проступок. Вы не знаете, кто из них виновен, а потому, молю вас, пощадите обоих.

Протянув руку, султан поднял ее и, немного подумав, возразил:

— Нет, моя племянница, просьбы бесполезны. Как бы вы ни любили его, дитя мое, виновный должен понести кару. Кто преступник — знает один Аллах, пусть Аллах и решит... — Он опустил голову на руку и смотрел на Вульфа и Годвина, точно желая прочитать в их душах.

Позади Салах ад-Дина стоял тот старый знаменитый мулла, который был с ним и с Хасаном, когда султан отослал братьев из Дамаска. Старик смотрел и слушал, улыбаясь странной улыбкой. Он наклонился, шепнул несколько слов Салах ад-Дину, и тот, подумав немного, согласился:

— Хорошо, делай.

Мулла ушел из зала, но скоро вернулся и принес два ящичка из сандалового дерева; перевязанные шнурами и запечатанные, они были так похожи один на другой, что никто не различил бы их. Шкатулки эти старик несколько раз перебросил из одной руки в другую, потом подал их Салах ад-Дину.

— В одном из ящичков, — объяснил султан, — лежит драгоценность,

которую называют волшебной звездой, «счастье дома Хасана». В другой — камешек, одинаковой с ней тяжести. Племянница моя, возьмите эти шкатулки и отдайте вашим рыцарям. Звезда Хасана обладает волшебными свойствами, по крайней мере, так говорят люди. Пусть же талисман выберет тот из них, которому надлежит умереть. Погибнет тот, в чьей шкатулке окажется звезда!

— Теперь, — прошептал мулла на ухо Салах ад-Дину, — теперь мы наконец узнаем, которого из двоих любит принцесса.

— Это-то я и хочу узнать, — ответил Салах ад-Дин тоже шепотом.

Розамунда с ужасом посмотрела на дядю и заговорила:

— О, не будьте так жестоки, молю вас, избавьте меня... Пусть другая рука принесет смерть тому или другому из друзей моей юности. Не превращайте меня в слепое оружие рока, ведь это будет смущать мои сны и всю мою жизнь превратит в печаль. Молю вас, пощадите меня.

Но султан сурово посмотрел на нее и сказал:

— Принцесса, вы знаете, зачем я привез вас на Восток и осыпал почестями, почему сделал вас своей спутницей во время войны. Тем не менее я чувствую, что вы стремитесь бежать от меня, и ради этого составилась заговор, хотя вы говорите, что ни вы, ни ваша служанка, — он мрачно посмотрел на Масуду, — ничего не знаете о преступных предположениях. Рыцарям же они известны, и вы, ради которой было задумано преступление, по справедливости, должны принять «награду» за него. Пусть кровь невольного указанного вами падет на вашу голову. Исполните же мое приказание.

Розамунда посмотрела на ящички, потом закрыла глаза и, взяв шкатулки наудачу, наклонилась над краем помоста. Братья спокойно взяли каждый ту шкатулку, которая пришлась к нему ближе: ящичек в левой руке Розамунды достался Годвину, в правой — Вульффу. Она открыла глаза и словно окаменела.

— Кузина, — обратился к ней Годвин, — прежде чем мы разрежем шнуры, узнайте, что мы не будем порицать вас, что бы ни случилось. Вами руководит Бог, и вы так же не повинны в смерти того или другого из нас, как и в том заговоре, за который его казнят.

И он начал развязывать шелковый шнурок на своей шкатулке. Вульфф знал, что сейчас решится загадка, а потому до поры до времени не трудился распутывать узел и осматривал залу, мысленно говоря себе, что, останется он жив или умрет, ему никогда не доведется видеть более странной картины. Все смотрели на шкатулку Годвина, даже султан. Впрочем, нет, не все — глаза старого муллы не отрывались от лица Розамунды, и на это

лицо было жалко смотреть, вся ее красота исчезла, даже полураскрытые губы молодой девушки приняли пепельный оттенок. Одна Масуда как бы присутствовала при каком-то представлении, но Вульф заметил, что даже ее яркий румянец побледнел и что скрытая под плащом ее рука прижалась к сердцу. Стояла напряженная тишина, ее нарушал только скребущий звук ногтей Годвина, так как, не имея ножа, он терпеливо распутывал шелковый узел.

— Слишком много хлопот из-за жизни человека в той стране, где жизни столь дешевы! — вскрикнул Вульф, вслух высказав свою мысль, и при звуке его голоса все вздрогнули, точно в летнем небе грянул гром. И со смехом он сильными пальцами разорвал шелковый шнурок на его шкатулке, сорвал с нее печать и вытряхнул то, что лежало внутри. Сверкая зелеными и белыми лучами, изумрудная и бриллиантовая, зачарованная звезда Хасана упала к его ногам.

Масуда увидела, вздохнула, и румянец вернулся на ее щеки. Розамунда тоже увидела и не выдержала, из ее губ вырвался отчаянный крик, который показал ее чувства.

— Нет, не Вульф, не Вульф! — простонала она и упала без чувств на руки Масуды.

— Теперь, повелитель, — с легким смехом сказал мулла, — твое величество знает, которого из двух рыцарей любит она. И как женщина она сделала дурной выбор, потому что у того, у другого, душа гораздо чище и выше.

— Да, я знаю, — согласился Салах ад-Дин, — и очень рад. Незвестность раздражала меня.

Вульф, на мгновение побледневший, вспыхнул от радости.

— Правильно назвали эту звезду талисманом счастья, — произнес он, поднимая драгоценность и пристегивая ее на свою тунику повыше сердца, — я считаю, что не слишком дорогой ценой плачу за нее. — Потом обратился к брату, который, бледный и молчаливый, стоял подле него: — Прости меня, Годвин, но таковы случайности в любви и на войне. Не сердись, потому что, когда я сегодня вечером умру, и «счастье Хасана», и все, что зависит от него, перейдет к тебе...

Так окончилась странная сцена.

Подходил вечер, Годвин стоял перед Салах ад-Дином в его комнате.

— Что вам еще нужно, рыцарь? — сурово спросил султан.

— Милости, — ответил Годвин. — Мой брат должен умереть на закате, я же прошу, чтобы вместо него казнили меня.

— Почему, сэра Годвин?

— По двум причинам, султан. Как вы уже узнали сегодня, загадка разрешилась. Наша дама, Розамунда, любит Вульфа, а потому было бы преступно убить его. Потом, евнух слышал, что я, а не он торговался с капитаном Абдулой в палатке. Клянусь в этом. Обрушьте же вашу месть на меня, а его предоставьте судьбе.

Салах ад-Дин дернул Себя за бороду, потом заметил:

— Если так, то времени осталось мало, сэр Годвин. С кем хотите вы проститься? С моей племянницей Розамундой? Нет, принцессу вы не увидите. Она лежит без чувств в своей комнате. Может быть, вы хотите в последний раз повидаться с братом?

— Нет, султан, потому что тогда он угадает правду и...

— Откажется от вашей жертвы, сэр Годвин.

— Я хочу проститься с Масудой, служанкой принцессы.

— Этого сделать нельзя, я не доверяю больше Масуде и думаю, что она была в заговоре. Я разлучил ее с принцессой и высылаю из своего лагеря. Вероятно, она уже уехала или скоро уедет с рабами своего племени. Если бы не ее заслуги в стране ассасинов и позже, я приказал бы убить ее.

— Тогда, — вздохнул Годвин, — мне хотелось бы повидаться с епископом, чтобы он напутствовал меня и выслушал мои последние желания.

— Хорошо, его пришлют к вам. Я принимаю ваше признание, считаю, что виновны вы, а не сэр Вульф, и беру вашу жизнь. Уйдите, другие, более важные дела занимают меня. В назначенный час стражи придут за вами.

Годвин поклонился и твердыми шагами вышел из комнаты, Салах ад-Дин посмотрел ему вслед, прошептал:

— Жаль. Было бы жаль, если бы мир потерял такого отважного и хорошего человека!

Через два часа стражи пришли за Годвином вместе со старым епископом, причастившим его. Д'Арси вышел из дверей тюрьмы со счастливым выражением лица, точно жених, идущий на свадьбу. И действительно, он был счастлив в некотором смысле, он понимал, что все затруднения и печали окончились для него, у него почти не было грехов, верил он, как ребенок, и отдавал свою жизнь за друга и брата. Годвина провели в сводчатое подземное помещение большого дома, в котором жил Салах ад-Дин. Темную комнату освещали факелы. Тут его ждали палачи с помощниками. Вот вошел и Салах ад-Дин, с любопытством посмотрел на Годвина и спросил:

— Вы не переменяли намерения, сэр д'Арси?

— Нет.

— Хорошо. Но мои намерения изменились. Вы проститесь с вашей двоюродной сестрой, как желали. Приведите или принесите сюда принцессу Баальбека, здорова она или больна. Пусть она увидит дело своих рук.

— Султан, — с мольбой в голосе произнес Годвин, — избавьте ее от такого зрелища!

Но он просил напрасно, Салах ад-Дин ответил только:

— Я сказал.

Прошло несколько минут, наконец послышался шелест платья. Годвин поднял голову и увидел высокую фигуру закутанной женщины, стоявшей в глубине подземелья; там было так темно, что свет от факела слабо мерцал на ее царственных украшениях.

— Мне сказали, что вы больны, принцесса, больны от печали, и немудрено, потому что человек, которого вы любите, был готов умереть за вас, — медленно заговорил Салах ад-Дин. — Теперь я сжалился над вами, и его жизнь куплена другой жизнью, вместо него умрет рыцарь, стоящий перед вами.

Женщина в покрывале страшно вздрогнула и отшатнулась к стене.

— Розамунда, — обратился Годвин по-французски, — молю вас, молчите и не отнимайте у меня сил слезами. Так лучше, вы сами знаете. Вульфа вы любите, и он любит вас, я верю, что со временем вы будете вместе. Меня вы любите только как друга. Кроме того (я скажу это, чтобы успокоить вас, а также и мою совесть), моя невеста — смерть, и я не хотел бы теперь видеть вас своей женой. Пожалуйста, передайте Вульффу, что я его благословляю и люблю, скажите также Масуде или напишите ей, этой самой верной, самой прелестной женщине, что я приношу ей в дар мое сердце, что я думал о ней в последние мгновения, что я молю Небо позволить мне снова встретиться с ней там, где все неровные пути делаются гладкими. Прощайте, Розамунда, да будет с вами мир и радость всю вашу жизнь, с вами и с детьми ваших детей... Прошу вас, помните о Годвине только, что он служил вам при жизни и слугой умер.

Она услышала, протянула руки, и, так как никто не удерживал его, Годвин подошел к ней. Не поднимая покрывала, она наклонилась и поцеловала его, сначала в лоб, потом в губы и с тихим стоном выбежала из темной комнаты. Салах ад-Дин не остановил ее. Только в глубине души султан удивился, почему, любя Вульфу, Розамунда так нежно поцеловала в губы Годвина? И, подходя к плахе, Годвин тоже спросил себя, почему Розамунда не сказала ему ни слова и почему она так горячо его поцеловала? Он почему-то вспомнил безумную скачку в горах Бейрута,

прикосновение губ к его щеке над пропастью и запах волос, коснувшихся тогда его лица. Он прогнал эти мысли и вспыхнул, удивляясь, что такие воспоминания пришли на ум в ту минуту, когда он покончил с земным счастьем, потом рыцарь опустился на колени перед палачом и сказал епископу:

— Благословите меня, отец, и попросите нанести удар.

И вдруг Годвин услышал знакомые шаги и, подняв голову, увидел Вульфа, который смотрел на него.

— Что ты тут делаешь? — спросил Вульф. — Разве эта лисица, — и он кивнул головой в сторону Салах ад-Дина, — поймала нас обоих?

— Дайте сказать слово лисице, — с улыбкой промолвил султан.

— Узнайте, сэр Вульф, что ваш брат по собственному желанию хотел умереть вместо вас. Я отказываюсь от такой жертвы, я только желал показать моей племяннице, принцессе, что, если она будет продолжать устраивать заговоры для бегства или позволит вам искать возможность украсть ее, это, конечно, приведет к вашей смерти, а в крайнем случае — и к ее гибели. Рыцари, вы храбры, и я предпочитаю убить вас во время сражений. У дверей моего дома стоят добрые кони, возьмите их от меня в подарок и поезжайте с этими безумными гражданами Иерусалима, с этим посольством, явившимся ко мне. Может быть, на улицах святого города мы встретимся опять. Нет, не благодарите. Я благодарю вас за то, что вы показали Салах ад-Дину, как совершенна может быть братская любовь!

Братья стояли как во сне. Всегда странно внезапно вернуться от смерти к жизни. Оба д'Арси готовились умереть, пройти через тьму, которая окружает человека, чтобы встретить неизвестное. Они не боялись и хорошо приготовились к концу, а между тем в каждом из них зашевелилось приятное сознание, что он еще может надеяться пожить. Немудрено, что у них перед глазами потемнело. Первым заговорил Вульф:

— Благородный поступок, Годвин, но, доведи ты его до конца, я не поблагодарил бы тебя. Султан, мы благодарны вам за дарованную жизнь, хотя, если бы вы пролили эту невинную кровь, вы, конечно, запятнали бы свою душу. Можем мы проститься с нашей кузиной Розамундой перед отъездом?

— Нет, — ответил Салах ад-Дин, — сэр Годвин уже простился с ней. Этого довольно, завтра она узнает истину. Уезжайте и не возвращайтесь больше.

— Будет то, что велит судьба, — произнес Годвин.

Д'Арси поклонились и ушли.

У дверей мрачного подземелья им отдали их мечи и подвели двух

хороших лошадей. Воины проводили их к посольству Иерусалима, которое с восторгом приветствовало славных рыцарей. Д'Арси простились с епископом Эгбертом, и старик заплакал от радости, видя, что они освобождены, хотя сам он остался в плену. С наступлением ночи члены посольства, братья и эскорт из воинов султана уехали из-под стен Аскалона. Д'Арси рассказали друг другу все, что случилось с ними, и, услышав о печали Розамунды, Вульф с трудом удержался от слез.

— Нам дарована жизнь, — сказал он, — но как мы спасем ее? Пока с ней была Масуда, мы все-таки могли надеяться, но теперь, мне кажется, все пропало.

— Нужно надеяться на Бога, — возразил Годвин. — Он все в силах сделать, даже освободить Розамунду. А если Масуда на воле, мы вскоре услышим о ней, поэтому не будем унывать.

Однако, несмотря на эти бодрые слова, душу Годвина давила тяжесть, он боялся, сам не зная чего. Ему чудилось, что какой-то ужас подходит к нему или к кому-то, кто ему близок и дорог. Все глубже и глубже погружался он в эту бездну страха, наконец чуть не закричал громко, и холодный пот выступил на его лбу. Вульф увидел его лицо при свете луны и спросил:

— Что с тобой, Годвин? Нет ли у тебя тайной раны?

— Да, брат, у меня душа болит. Несчастье, большое несчастье грозит нам.

— Это не новость, Годвин, в стране крови и печали. Встретим его, как встречали прежде.

— Ах, нет, — прошептал Годвин, — я боюсь, что опасность грозит Розамунде или Масуде...

— Тогда, — предложил Вульф, бледнея, — раз мы ничего не можем сделать, помолимся, чтобы ангел послал спасение...

— Да, — согласился Годвин. И, двигаясь посреди песков пустыни, под светом молчаливых звезд, они молились Божьей Матери и своим святым Петру и Чеду.

Занималась заря, и при виде первых лучей воины Салах ад-Дина поехали обратно, сказав братьям, что теперь они в своей собственной стране. Целую ночь скакали д'Арси. Низменность осталась позади, теперь перед ними вилась дорога среди холмов, вдруг она сделала поворот, и в горячем, пламенном свете поднимающегося солнца перед д'Арси явилось зрелище до того прекрасное, что братья, опередившие весь остальной отряд посольства, остановили своих коней: вдали, раскинутый на холмах, виднелся святой город Иерусалим; красный в лучах рассвета, точно

омытый кровью своих поклонников, высился большой крест над мечетью Омара, крест, которому вскоре предстояло пасть.

На предложение Салах ад-Дина пощадить всех граждан святого города, если они сдадутся, посольство привозило ему отказ. Теперь, возвращаясь в Иерусалим и взглянув на город во всем его величии, послы громко застонали, предчувствуя его судьбу.

Годвин тоже застонал, но не из-за судьбы Иерусалима. Его охватил последний ужас. Ему показалось, что все стемнело кругом, только мечи блеснули во мраке, и женский голос прошептал его имя. Схватившись за луку седла, он качнулся взад и вперед... И внезапно страдание исчезло. Ему почудилось, будто странный ветер пронесся мимо него и коснулся его волос, глубокий, неземной покой охватил его душу, весь мир как бы отошел, а небо приблизилось.

— Кончено, — сказал он Вульфу, — боюсь, что Розамунда умерла.

— Если так, мы должны поспешить за ней, — со слезами ответил Вульф.

IX. Что случилось с Годвином

Миль за семьдесят до Иерусалима, в деревне Биттир, посольство сошло с коней, чтобы отдохнуть, потом снова двинулось вперед по долине, надеясь еще до полуденного зноя доехать до Сионских ворот. В конце этой долины поднимался выступ горы, с которого глаз мог охватить всю ее целиком. Вот на хребте выступа внезапно вырисовались фигуры мужчины и женщины на великолепных лошадях. Вся маленькая толпа иерусалимских послов остановилась, боясь, что появление этих всадников предвещает нападение и что наездница — мужчина, переодетый в женское платье, чтобы обмануть их. Между тем стоявшие на гребне повернули лошадей и, не обращая внимания на крутизну, быстро понеслись вниз. Вульф с удивлением посмотрел на скакавших и сказал Годвину:

— Мне вспомнилась наша поездка подле Бейрута. Мне даже кажется, что это именно тот араб, который сидел позади меня, что эта женщина ехала с тобой, что это лошади Огонь и Дым, ожившие вновь. Заметь: они несутся как вихрь, так они сильны и ловки.

Почти в ту же минуту незнакомые наездники подскочили к посольству, и араб по-восточному приветствовал всех. Годвин рассмотрел его лицо и тотчас же узнал старика по прозвищу Сын Песка, который привел им лошадей Огня и Дыма.

— Господин, — обратился араб к предводителю иерусалимского посольства, — я приехал, чтобы попросить одной милости от рыцарей, которые путешествуют вместе с вами. Надеюсь, они, владевшие моими лошадьми, не откажут мне. Вот эта женщина, — и он указал на фигуру в покрывале, — моя родственница, которую я хочу передать в руки ее друзей в Иерусалиме, но боюсь сделать это лично — здешние горцы враждуют с моим племенем. Она христианка и не шпионка, но не может говорить на вашем языке. Подле южных ворот ее встретят родственники. Я все сказал.

— Пусть рыцари сами решат, — пожал плечами глава посольства и прищипнул лошадь.

— Конечно, мы отвезем ее, — согласился Годвин, — хотя не знаю, что мы будем делать с ней, если друзья не встретят ее. Но, пожалуйста, поедем с нами.

Она повернула голову к арабу, точно спрашивая его о чем-то, и он повторил ей слова Годвина, тогда она пустила, свою лошадь между конями братьев.

— Может быть, — продолжал араб, — теперь вы лучше узнали наш язык, чем знали тогда в Бейруте, однако даже в таком случае, прошу вас, не беспокойте разговорами эту женщину и не просите ее сбросить вуаль с лица, потому что это не в наших обычаях. До города всего час пути. Это будет платой за тех хороших лошадей, которые, как мне сказали, совсем недурно служили вам на узком мосту и неплохо несли вас по низменности и горам, когда вы бежали от Синана, хорошо также держались кони в злой день Хаттинской битвы, когда вы сбили с седла Салах ад-Дина и убили Хасана.

— Будет исполнено, — заверил Годвин, — мы благодарим вас, Сын Песка, за тех коней.

— Отлично. Когда вам понадобятся еще кони, велите выкрикнуть на рыночной площади, что вы желаете видеть меня. — И он начал поворачивать свою лошадь.

— Стойте! — крикнул Годвин. — Что вы знаете о Масуде, вашей племяннице? Она с вами?

— Нет, — тихо ответил араб, — но она приказала мне прийти за ней в один сад, знакомый вам, подле стен Аскалона; она скоро покинет лагерь Салах ад-Дина. Итак, я поеду туда, прощайте. — И с поклоном закутанной женщине он передернул поводьями и, как стрела, умчался по той дороге, по которой приехали братья.

Годвин вздохнул с облегчением. Если Масуда просила дядю встретиться с ней, она, по крайней мере, была в безопасности. Значит, не ее голос прошептал его имя в темноте ночи, когда им владел ужас — ужас, может быть, рожденный тем, что он вынес раньше. Потом он оглянулся и увидел, что Вульф смотрит на женщину, которая ехала немного позади них, и упрекнул его, заметив, что раз он не имел права говорить с ней, он не должен был и смотреть на нее.

— Жаль, — посетовал Вульф, — потому что, хотя она закутана, это, должно быть, благородная женщина, и она хорошо ездит верхом. Да и конь у нее великолепный, вероятно, брат или двоюродный брат моего Дыма. Может быть, в Иерусалиме она согласится продать нам его?

Итак, они поехали, не глядя больше на свою спутницу, зато она пристально вглядывалась в них.

Вот наконец и ворота Иерусалима. Под ними толпилось множество народа, все ждали возвращения посольства. Большая часть толпы отправилась вслед за ним, чтобы узнать, привезло оно мир или войну.

Тут Годвин и Вульф переглянулись, не зная, куда ехать или где отыскать родственников своей закутанной спутницы, так как близ них не

осталось никого. На противоположной стороне улицы виднелась арка, а за аркой сад, казалось, пустынный. Они въехали в него, чтобы посоветоваться, закутанная женщина следовала за ними.

— Мы в Иерусалиме и можем поговорить с ней, — сказал Вульф, — нужно же нам узнать, куда отвезти ее.

Годвин кивнул головой.

— Госпожа, — проговорил он по-арабски, — мы исполнили данное нам поручение. Пожалуйста, скажите нам, где родственники, которым мы должны передать вас?

— Здесь, — прозвучал нежный голос.

Они окинули взглядом заброшенный сад, в котором были навалены камни и мешки с землей на случай осады, и, не заметив никого, ответили:

— Мы не видим их.

Всадница сбросила с себя плащ, но не покрывало, и братья увидели ее платье.

— Клянусь святым Петром, — воскликнул Годвин, — я узнаю вышивку. Масуда! Это вы, Масуда?

Покрывало тоже упало, перед ними была женщина, похожая на Масуду, а между тем не она. Волосы были причесаны, как у нее, украшения и ожерелье, сделанное из когтей львицы, которую убил Годвин, принадлежали ей, кожа на лице отливала богатым румянцем аравитянки, даже маленькая родинка чернела на ее щеке, но братья не могли видеть ее глаз, так как она наклоняла голову. И вдруг с легким стоном всадница подняла голову и посмотрела на д'Арси.

— Розамунда, это сама Розамунда! — задыхаясь, вскрикнул Вульф. — Розамунда под видом Масуды! — И он скорее упал, чем соскочил с лошади и подбежал к ней, говоря: — Боже, благодарю Тебя!

Она в полубомороке соскользнула с седла в его объятия. Годвин стоял, отвернув голову.

— Да, — сказала Розамунда, немного приходя в себя. — Это я, я ехала с вами, и ни один из вас не узнал меня...

— Разве наши глаза могут пронизывать тяжелые покрывала? — с неудовольствием заметил Вульф. Годвин же спросил странным, напряженным голосом:

— Вы, Розамунда, под видом Масуды. С кем же я прощался, когда палач ждал меня? Это была женщина под покрывалом в одежде и драгоценностях Розамунды...

— Не знаю, Годвин, — ответила она. — Может быть, это была Масуда, одетая в мое платье. И я не знала, что палач ждал вас. Я думала, что он

ждет Вульфа... О Небо! Я думала, это...

— Расскажите нам все, — хриплым голосом попросил Годвин.

— Недолго рассказывать, — промолвила Розамунда. — После того, как были вынуты жребии, я упала в обморок. Когда же я очнулась, мне показалось, что я сошла с ума: передо мной стояла женщина в моей одежде и с лицом, похожим на мое. «Не бойтесь, — сказала она, — я Масуда, в числе других познаний я научилась менять наружность. Слушайте, нельзя терять времени. Мне приказали уехать отсюда, и сейчас мой дядя, араб, ждет меня за чертой лагеря, с двумя быстрыми лошадьми. Вместо меня уедете вы, принцесса. Посмотрите, вы одеты в мою одежду, и у вас почти мое лицо... Мы одинакового с вами роста, и солдат, который поедет провожать вас, «не заметит» обмана. Я позаботилась об этом: он воин Салах ад-Дина, но родом из моего племени. Я дойду с вами до дверей и при евнухах и воинах-часовых прощусь с вами... и буду плакать. Кто же угадает, что Масуда — принцесса Баальбека, а принцесса Баальбека — Масуда?»

«Куда же я поеду?» — спросила я.

«Мой дядя передаст вас посольству, которое возвращается в Иерусалим, или довезет вас до святого города, а если это не удастся, спрячет вас в горах посреди своих соплеменников. Вот письмо к нему, я кладу его за ваш корсаж».

«Что же будет с вами, Масуда?» — задала я еще один вопрос.

«Со мной? О, все обдуманно, и все удастся, — ответила она. — Не бойтесь. Я бегу сегодня ночью, как — нет времени рассказывать... И через день или два догоню вас. Я также думаю, что вы встретите сэра Годвина, который отвезет вас домой в Англию».

«Но Вульф? Что же с Вульфом? Он осужден на смерть, и я не хочу покинуть его», — заявила я.

«Живой и мертвый не товарищи, — ответила она, — кроме того, я виделась с ним, и все делается по его приказанию. Он приказывает вам исполнить задуманное из любви к нему»...

— Я не видел Масуды, я не говорил ей ничего. Я не знал об этом замысле... — воскликнул Вульф.

Братья, побледнев, переглянулись.

— Дальше, дальше, — проговорил Годвин. — Рассуждать мы будем потом.

— Вот что еще сказала Масуда, — продолжала Розамунда: «Я уверена, что сэр Вульф спасется, если вы хотите видеть его, исполните сказанное, в противном случае — никогда не надейтесь встретить его в жизни. Идите

же, пока нас не открыли. Это погубило бы и вас, и меня. А если вы уедете, я останусь жива».

— Откуда она знала, что я спасусь? — спросил Вульф.

— Она не знала этого. Она только говорила, будто знает, чтобы заставить Розамунду уйти, — все тем же напряженным голосом произнес Годвин. — А потом?

— А потом, повинувшись желанию Вульфа, я ушла... как во сне. У дверей мы поцеловались и расстались со слезами, пока часовой кланялся ей, она шепотом благословила меня. Ко мне подошел солдат и сказал: «Идите за мной, дочь Синана». И я пошла, никто не обратил на нас внимания, потому что как раз в это время странная тень закрыла солнце и все испугались, думая, что это явление предвещает гибель или Салах ад-Дину, или Аскалону.

В полутьме солдат довел меня до сада, в котором уже ждал всадник, державший в поводу двух лошадей. Солдат прошептал арабу несколько слов, я же подала ему письмо Масуды; он прочитал его, посадил меня на одну из лошадей, солдат сел на другую, и мы пустились галопом. Весь этот вечер и ночь мы ехали без остановки, но в темноте солдат отделился от нас, и куда он скрылся, не знаю. Наконец мы приехали на выступ горы и остановились, дав отдых лошадям. Араб поел из запасов, которые он вез с собой, и накормил меня. И вот мы увидели посольство, а в нем двух высоких рыцарей...

«Посмотрите, — старик указал на вас, — и поблагодарите Аллаха и Масуду, не солгавшую вам, к ней я должен вернуться».

На прощанье араб предупредил, что ради спасения жизни я должна молчать и даже перед вами до Иерусалима не снимать покрывала, так как члены посольства, узнав, что с ними едет принцесса Баальбекская, племянница султана, могли бы решить выдать меня Салах ад-Дину. И он повторил, что вернется к Аскалону ради спасения Масуды. Остальное вы знаете, и, благодаря Богу, мы все трое вместе.

— Да, — согласился Годвин, — мы вместе, но где Масуда? И что будет с ней, задумавшей это бегство? Теперь слушай, Вульф: помести Розамунду у какой-нибудь почтенной женщины в святом городе или, еще лучше, отвези ее к монахиням Святого Креста, оттуда никто не осмелится взять ее, пусть она наденет монашеское платье. Мы встречали настоятельницу, и, вероятно, она не откажется приютить Розамунду.

— Да, да, помню, она еще расспрашивала нас о разных лицах в Англии. Но ты? Куда поедешь ты, Годвин?

— Я поеду обратно к Аскалону, чтобы отыскать Масуду.

— Как? — вскричал Вульф. — Разве Масуда не может спасти себя сама, как она сказала арабу? Ведь он же поехал за ней...

— Не знаю, — ответил Годвин. — Я помню только, что ради Розамунды, а может быть, также ради меня Масуда подвергла себя ужасной опасности. Подумай, какие чувства охватили султана, узнавшего, что та, на которую он возлагал высокие надежды, исчезла, оставив после себя свою приближенную, одетую в царское платье?

— О, я боялась этого... — простонала Розамунда, — но когда я пришла в себя, я уже была переодета... и она уверила меня, что все хорошо, а также что все делается по желанию Вульфа, который, как она твердила, непременно спасется.

— Это хуже всего, — заявил Годвин. — Чтобы привести в исполнение свой план, она нашла необходимым солгать, говоря, что, по ее мнению, мы оба спасемся. Я знаю, зачем она сказала неправду: ей хотелось отдать свою жизнь и сделать все, чтобы вы освободились и встретились со мной в Иерусалиме.

Розамунда, зная тайну сердца Масуды, посмотрела на него, удивляясь в душе, что аравитянка, считая Вульфа мертвым, пожелала принести себя в жертву ради встречи Розамунды с Годвином. Конечно, она сделала это не из любви к ней, Розе Мира, хотя они были очень дружны. Значит, из любви к Годвину? Какое странное доказательство любви.

Розамунда взглянула на Годвина, а Годвин на Розамунду, и они поняли истину во всей ее полноте, во всей святости и ужасе: Масуда решила скрыться в тени смерти, предоставив тому, кого она любила, после устранения его соперника жениться на любимой им девушке.

— Думаю, я тоже вернусь, — сказала Розамунда.

— Этого не будет, — изрек Вульф. — Салах ад-Дин убил бы вас.

— Этого не должно быть, — прибавил Годвин. — Неужели кровь, принесенная в жертву, прольется напрасно? Нет, мы обязаны удержать вас.

Розамунда посмотрела на него и нетвердо произнесла:

— Если... если... ужасное свершилось, Годвин... Если жертва... О, к чему она поведет?

— Розамунда, я не знаю, что случилось, я еду удостовериться. Мне все равно, что ждет меня... Я ко всему готов. В жизни, в смерти, в случае нужды, во всех огнях ада я буду искать Масуду и преклоню перед ней колени с полным почтением...

— И с любовью, — как бы невольно dokonчила Розамунда.

— Может быть, — ответил Годвин, говоря скорее с собой, чем с ней.

И увидев выражение его лица, сжатые губы и пылающие глаза, ни

Розамунда, ни Вульф не стали больше удерживать его.

— Прощайте, Розамунда, — обратился к ней Годвин. — Мое дело окончено, я оставляю вас на попечении Бога в небесах и Вульфа на земле. Если мы больше не встретимся, я советую вам обвенчаться с ним в Иерусалиме, вернуться в Стипль и жить там в мире. Прощай, брат Вульф! Мы в первый раз расстаемся с тобой, мы жили вместе с самого рождения, вместе любили, вместе совершили много деяний, на которые можем посмотреть, не стыдясь. Живи счастливо, принимая любовь и радость, которые Небо дало тебе, живи, как настоящий христианский рыцарь, думая о неизбежном конце и о вечности по ту сторону гроба.

— О, Годвин, не говори так, — произнес Вульф. — Наша кузина будет в безопасности среди монахинь. Дай мне час времени — я устрою ее в монастырь и вернусь к тебе. Мы оба в долгу перед Масудой, и несправедливо, чтобы ты один заплатил ей.

— Нет, — возразил Годвин, — оберегай Розамунду, подумай о том, что произойдет с городом. Неужели ты решишься оставить ее в такое время?

Тогда Вульф опустил голову. Годвин сел на коня и, даже не обернувшись назад, двинулся по узкой улице через ворота и исчез в отдалении среди пустыни.

Вульф и Розамунда смотрели ему вслед, их душили слезы.

— Не думал я так расстаться с братом, — наконец проговорил Вульф низким и рассерженным голосом. — Клянусь язвами Христа! Я охотнее предпочел бы умереть рядом с ним в битве, чем бросить его одного на погибель!

— Предоставив мне погибнуть? — прошептала Розамунда и прибавила: — Ах, зачем я не умерла, ведь я принесла все эти несчастья вам обоим и этому великому сердцу — Масуде. Да, Вульф, повторяю, что мне хотелось бы теперь лежать мертвой.

— Очень вероятно, это желание вскоре исполнится, — печально ответил Вульф, — только тогда и я хотел бы умереть с вами, Розамунда. Я боюсь, что Годвин расстался со мной навсегда, и кроме вас у меня в мире нет никого. Ну, перестанем жаловаться, ведь мысли об этих печалях не помогут нам, лучше поблагодарим Бога, что, по крайней мере временно, мы свободны. Поедемте, Розамунда, к монастырю, чтобы постараться найти вам приют.

И они поехали по узким улицам, переполненным испуганной толпой. Теперь разошлись вести о том, что посольство отказалось от условий Салах ад-Дина: он предложил доставить в город съестные припасы, позволить жителям укрепить стены и держаться до следующего Троицына дня, если

они поклянутся сдаться ему, не получив помощи. Но они ответили, что, пока живы, не покинут места, где умер Спаситель.

Поэтому им теперь грозила война, и недоброе предвещала она. Немудрено, что они стонали на улицах и их крики отчаяния неслись к небесам. В глубине сердца каждый из жителей Иерусалима знал, что святое место обречено, а их жизнь погибла.

Пробираясь через эту печальную толпу, почти не обращавшую на них внимания, Вульф и Розамунда наконец подъехали к монастырю, священной обители, уже знакомой д'Арси. Дверь священного приюта осеняла тень той арки, под которой Пилат произнес слова, памятные всем поколениям: «Се человек».

Привратник сказал, что монахини в часовне, но Вульф ответил, что ему нужно видеть настоятельницу по неотложному делу, тогда их провели в прохладную комнату с высоким потолком; дверь отворилась, и в нее вошла аббатиса в белом одеянии, высокая, статная, средних лет.

— Леди аббатиса, — низко поклонился ей Вульф. — Меня зовут Вульф д'Арси, вы меня помните?

— Да, мы встречались в Иерусалиме до Хаттинской битвы, — подтвердила она. — И до меня дошли слухи о вас... странные слухи.

— Эта дама, — продолжал Вульф, — дочь и наследница сэра Эндрью д'Арси, моего покойного дяди, а в Сирии принцесса Баальбека и племянница Салах ад-Дина.

Монахиня вздрогнула и спросила:

— Что же — она тоже держится их проклятой веры? Она в их платье...

— Нет, мать моя, — сказала Розамунда, — я христианка, хотя, может быть, грешная, и прошу здесь приюта, иначе, узнав, кто я, христиане, пожалуй, выдадут меня моему дяде-султану.

— Расскажите мне все, — предложила аббатиса.

И они в коротких словах передали ей странную историю Розамунды.

— Ах, дочь моя, — воскликнула аббатиса, — как удастся нам спасти вас, когда мы сами в опасности? Один Господь может защитить вас. Но мы с готовностью сделаем все, что возможно, и здесь вы отдохнете. Подле самого святого нашего алтаря вас освятят, потом никто уже не посмеет наложить на вас руку, так как это было бы святотатством. Кроме того, я советую вам записаться в наши книги послушницей и надеть нашу одежду... Нет, — улыбнулась она, заметив испуганный взгляд Вульфа, — леди Розамунда может не остаться в монастыре. Не все послушницы произносят окончательный обет.

— Я слишком долго была покрыта золотыми вышивками, шелками и

бесценными украшениями, — ответила Розамунда, — и теперь больше всего на земле жажду надеть эти белые одежды.

Розамунду провели в часовню и в присутствии всего ордена и священников, которые собрались подле алтаря, воздвигнутого на том месте, где, как говорили, Христос отвечал на допросе Пилата, освятили ее и накинули на ее усталую голову белое покрывало послушницы. Вульф расстался с ней и отправился к избранному правителю города, и тот с радостью принял в число своих воинов такого храброго и сильного рыцаря.

Медленно и печально ехал Годвин то под лучами солнца, то при свете звезд. Позади него остались брат, бывший его товарищем и самым близким другом, и девушка, которую он любил без ответа, а впереди его ждала неизвестность...

Был вечер, усталая лошадь Годвина, слегка спотыкаясь, шла по большому лагерю сарацин под стенами павшего Аскалона. Никто не остановил его — д'Арси долго был пленником, и поэтому многие знали его в лицо, другие принимали Годвина за одного из новых сдавшихся рыцарей. Он подъехал к большому дому, в котором жил Салах ад-Дин, и попросил часового передать султану, что он просит у него аудиенции. Его скоро пустили, и он увидел Салах ад-Дина, сидевшего посреди своих министров.

— Сэр Годвин, — сурово сказал султан, — вспоминая о вашем поступке со мной, спрашиваю, что вас привело в мой лагерь? Я даровал вам жизнь, а вы украли у меня то, чего я не хотел терять...

— Мы не сделали этого, султан, — ответил Годвин, — мы не знали о заговоре. Тем не менее уверенный, что вы в душе обвините нас, я приехал из Иерусалима, оставив там принцессу и своего брата, приехал, чтобы отдать себя в ваши руки и понести наказание, которое, как вы думаете, должно поразить Масуду.

— Почему вы хотите заменить ее? — спросил Салах ад-Дин.

— Султан, — печально произнес Годвин, наклонив голову, — что ни сделала Масуда, она сделала это из любви ко мне, хотя и без моего ведома. Скажите, здесь ли она еще или бежала?

— Здесь, — отрывисто изрек Салах ад-Дин. — Вы хотите видеть ее?

Годвин вздохнул с облегчением. Значит, Масуда еще жива, значит, ужас, который сокрушал его в ту ночь, был только дурным сном, порождением усталости и страдания.

— Да, хочу, хотя бы только раз, — подтвердил он, — мне нужно сказать ей несколько слов.

— Без сомнения, ей будет приятно узнать, что ее замысел удался, —

сказал Салах ад-Дин с мрачной улыбкой. — Поистине все было хорошо задумано и смело исполнено.

И, подозревая к себе старого муллу, который придумал бросить жребий, султан шепнул ему несколько слов и громко прибавил:

— Пусть этого рыцаря проведут к Масуде. Завтра мы будем его судить.

Муллу снял со стены серебряную лампу и движением руки позвал за собой Годвина, который поклонился султану и пошел за стариком. Когда они проходили через толпу эмиров и предводителей, д'Арси показалось, будто они смотрят на него с состраданием. Это ощущение было до того сильно, что он остановился и задал Салах ад-Дину вопрос:

— Скажите, повелитель, меня ведут на смерть?

— Все мы двигаемся к смерти, — прозвучал в тишине ответ султана. — Но Аллах не написал еще, что смерть ждет вас сегодня.

По длинным переходам шли мулла и Годвин, наконец увидели дверь, которую старик открыл.

— Значит, она под стражей? — спросил Годвин.

— Да, — был ответ, — под стражей. Войдите, — и мулла передал лампу Годвину. — Я останусь здесь.

— Может быть, она спит и я помешаю ей? — проговорил Годвин останавливаясь на пороге.

— Ведь вы же сказали, что она любит вас? Тогда, конечно, женщина, жившая среди ассасинов, недурно примет ваше посещение, недаром вы издалека приехали к ней, — с насмешкой произнес мулла.

Годвин взял лампу и вошел в комнату, за ним закрылась дверь. Он узнал это место: сводчатый потолок, грубые каменные стены. Да, именно сюда его привели на смерть, именно через эту самую дверь лже-Розамунда пришла, чтобы проститься с ним. Но комната была пуста; без сомнения, Масуда сейчас войдет... И он ждал, глядя на дверь.

Но створка не двигалась, не слышалось шагов, ничто не нарушало полной тишины. Годвин огляделся. Там, в самом конце, что-то слабо сверкало, как раз на том месте, где он стоял на коленях перед палачом, Да, там видна чья-то фигура. Без сомнения, это была Масуда.

— Масуда, — позвал он, и эхо под сводом повторило: «Масуда».

Ему нужно было разбудить ее. Да, это она. Она спала, все еще в царском одеянии Розамунды, и застежка Розамунды блестела на ее груди.

Как крепко спала она! Годвин опустился на колени и поднял руку, чтобы откинуть длинные волосы, закрывавшие ее лицо. Он дотронулся до них — и голова отделилась от туловища.

С ужасом в сердце Годвин опустил лампу и посмотрел вокруг. Все

платье Масуды было красно, а губы серы, как пепел. Масуда была убита мечом палача. Вот как они встретились!

Годвин поднялся и помимо воли остановился над ней как окаменелый.

— Масуда, — шептал он, — теперь я знаю, что люблю тебя, тебя одну... с этих пор я твой, о женщина с царственным сердцем. Жди меня, Масуда, мы еще встретимся.

И вдруг ему показалось, что странный ветер снова коснулся его головы, ему опять почудилось, как тогда, когда он ехал с Вульфом, что подле него душа Масуды, и неземной покой охватил его душу.

Наконец все прошло, и он увидел, что старый мулла стоит рядом с ним.

— Ведь я же сказал, что она спит? — будто прошипел он, злобно посмеиваясь. — Позовите ее, рыцарь, позовите. Говорят, любовь перебрасывает мосты через большие пропасти, даже между разрубленной шеей и телом.

Серебряной лампой Годвин ударил его, старик упал, как оглушенный бык, и Годвин снова остался среди молчания и темноты.

Несколько мгновений д'Арси не двигался, наконец его мозг охватил огонь, и он упал поперек тела Масуды и замер.

Х. В Иерусалиме

Годвин знал, что он болен, ощущал, что Масуда ухаживает за ним во время болезни, и больше ничего не сознавал. Все прошедшее исчезло для него. Ему казалось, что она постоянно с ним, смотрит на него глазами, полными неизъяснимого покоя и любви, и что вокруг ее шеи бежит тонкая красная линия, и удивлялся, почему это.

Знал Годвин также, что во время болезни он был в пути, на заре до него доносились звуки снимающегося лагеря, и он чувствовал, что невольники несут его по жгучему песку до вечера, на закате с жужжащими звуками, точно пчелы в улье, воины раскидывали бивак. Потом наступала ночь, и слабая луна плыла, точно корабль по лазурному небу, там и здесь светились вечные звезды, и к ним несся крик: «Аллах акбар, Аллах акбар!» — «Бог велик, Бог велик».

Наконец путешествие окончилось, зазвучали грохот и шум битвы. Раздались приказания, вскоре послышался гул, новые шаги и вопли над мертвыми.

И вот пришел день, в который Годвин открыл глаза и повернулся, чтобы посмотреть на Масуду, но она исчезла: на ее обычном месте сидел хорошо ему знакомый человек — Эгберт, бывший епископ Назарета. Старик поднес больному шербет, охлажденный снегом. Женщина исчезла, ее место занял священник.

— Где я? — спросил Годвин.

— Подле стен Иерусалима, сын мой, вы пленник Салах ад-Дина, — послышался ответ.

— А где же Масуда, которая была со мной все эти дни?

— Я надеюсь, на небесах, — прозвучал ответ, — потому что она была хорошая женщина. Я сидел подле вас.

— Нет, — упрямо возразил Годвин, — Масуда.

— В таком случае, — заметил епископ, — тут была ее душа, потому что я причастил ее и молился над ее открытой могилой. Вероятно, это была ее душа, пришедшая с неба, чтобы навестить вас, и снова отлетевшая, когда вы вернулись на землю.

Годвин вспомнил, застонал, но скоро заснул. Когда к нему стали возвращаться силы, Эгберт рассказал ему все. Его нашли без чувств подле Масуды, и эмиры просили Салах ад-Дина убить франка хотя бы за то, что он лампой вышиб глаз святому мулле. Султан не согласился на это, сказав,

что мулла поступил недостойным образом, насмехаясь над печалью сэра Годвина, и что рыцарь отплатил ему по заслугам.

Он прибавил, что Годвин бесстрашно вернулся, желая подвергнуться наказанию за не совершенный им грех, что, наконец, он, султан Салах ад-Дин, любит его, как друга, хотя рыцарь — неверный. Эгберту приказали ухаживать за больным и, если возможно, спасти его. Когда же войско двинулось, воинам велели нести носилки Годвина, для него также всегда ставили отдельную палатку. Теперь, по словам епископа, началась осада святого города и с обеих сторон было много убитых.

— Иерусалим падет? — спросил Годвин.

— Если только святые не поддержат его, боюсь, что да, — ответил Эгберт.

— А разве Салах ад-Дин не будет милосерден? — опять спросил д'Арси.

— Почему он может быть милосерден, сын мой? Ведь они же отказались от его условий. Нет, он поклялся, что, как Готфрид Бульонский взял этот город около ста лет тому назад, перебив много тысяч мусульман, мужчин, женщин и детей, так же и он поступит с христианами. О нет, он не пощадит их! Они умрут... они умрут!... — И Эгберт, ломая руки, вышел из палатки Годвина.

Годвин лежал неподвижно, спрашивая себя, чем все окончится. Он думал только об одном. В Иерусалиме жила Розамунда, племянница султана, которую Салах ад-Дин, конечно, хотел вернуть к себе не только потому, что в ее жилах текла родственная ему кровь, но и из опасения, что если этого не случится, его видение не исполнится.

А в чем смысл видения? В том, что благодаря Розамунде спасется много жителей. Ведь если уцелеет Иерусалим, также спасутся десятки тысяч мусульман и христиан. О, конечно, в этом заключается ответ на его вещий сон.

В тот же самый день Годвин лежал и дремал, так как он был еще слишком слаб, чтобы встать. Вдруг на него упала тень, и, открыв глаза он увидел самого султана, стоявшего подле его постели. Годвин постарался подняться и поклониться ему, но султан добрым голосом посоветовал ему не двигаться, сел подле него и сказал:

— Сэр Годвин, я пришел попросить у вас прощения. Когда я послал вас навестить мертвую женщину, которая справедливо пострадала за свое преступление, я поступил недостойно властителя народа. Но мое сердце было полно горечи против нее и против вас, и мулла вложил в мой ум шутку, которая стоила ему глаза, а также чуть не пресекла жизнь усталого и

печального человека. Я все сказал.

— Благодарю вас, султан, вы всегда были благородны, — ответил Годвин.

— Вы это говорите, а между тем относительно вас и многих ваших я совершал поступки, которые вряд ли можно назвать благородными, — произнес Салах ад-Дин. — Но меня влекла судьба, судьба и сновидение. Скажите, сэра Годвина, справедливо ли то, что рассказывают в нашем лагере, а именно: будто перед Хаттинской битвой вам явилось видение и вы уговаривали вождей франков не двигаться против меня?

— Да, это правда, — и Годвин рассказал суть своего сна и все остальное.

— Глупые слепцы, которые не захотели услышать голоса истины, сказанной им чистыми устами пророка! — прошептал Салах ад-Дин. — Ну что же: они поплатились за это, а выиграли я и моя вера! Удивляетесь ли вы после этого, рыцарь Годвин, что я также верю своему видению, нарисовавшему передо мной лицо моей племянницы, принцессы Баальбека?

— Не удивляюсь, — признался Годвин.

— Удивляетесь ли вы, что я обезумел от бешенства, узнав наконец, что отважная женщина перехитрила меня, моих шпионов и часовых как раз после того, как я пощадил ваши жизни? Удивляетесь ли вы, что я все еще полон гнева, думая, что у меня из рук вырвали великую возможность?

— Не удивляюсь, султан, но я, узревший видение, говорю с вами, тоже созерцавшим видение, как пророк с пророком. Вам дарована возможность исполнить это видение. Подумайте, Салах ад-Дин: принцесса Розамунда в Иерусалиме! Судьба привела ее в святой город, чтобы вы пощадите его ради нее, таким путем покончили кровопролитие и спасли бесконечное число жизней.

— Ни за что! — вскрикнул Салах ад-Дин. — Они отказались от моего милосердия, и я поклялся стереть их всех с лица земли, мужчин, женщин и детей, отомстить всей этой нечистой, неверующей толпе.

— Разве не чиста Розамунда, что вы хотите отомстить ей? Принесет ли ее смерть вам мир? Если Иерусалим истребят огнем и мечом, она тоже погибнет.

— Я прикажу спасти принцессу, чтобы лично судить ее за преступление, — мрачно изрек султан.

— Как спасти ее, когда взявшие город приступом опьянятся от убийства? Ведь она будет в толпе остальных женщин.

— Тогда, — топнул ногой султан, — ее выкупят или увезут из

Иерусалима раньше начала убийств.

— Я думаю, этого не случится, пока в Иерусалиме Вульф, который защищает ее, — возразил Годвин.

— А я говорю, что так должно быть и что так будет, — заключил султан.

И, не проронив больше ни слова, Салах ад-Дин вышел из палатки с встревоженным лицом.

В Иерусалиме царило отчаяние; тысячи и десятки тысяч женщин и детей стеснились в святом городе: мужья и отцы многих погибли при Хаттине или в других местах. У людей, способных носить оружие, не было предводителей, а потому Вульф вскоре сделался начальником отряда.

Сначала Салах ад-Дин повел атаку с запада, между воротами святого Этьена и Яффскими, но здесь поднимались укрепленные башни Танкреда и Давида, и защитники города совершали из них вылазки и постоянно отбивали штурмы сарацин.

Тогда султан перевел свою армию на восток и разбил лагерь близ долины потока Кедрона. Когда христиане увидели это, им представилось, что он снимает осаду; во всех церквах они пели благодарственные молитвы. Но на следующее утро белые одежды воинов султана показались на востоке, и защитники Иерусалима поняли, что их гибель близка.

Многие желали сдаться султану, и между их партией и защитниками, поклявшимися скорее умереть, чем отдать город, происходили ожесточенные споры. Наконец решили послать посольство к султану; Салах ад-Дин принял его в присутствии своих эмиров и советников. Он спросил, чего желают христиане, и парламентары ответили, что они пришли, чтобы обсудить условия. Он ответил так:

— В Иерусалиме живет одна знатная девушка, моя племянница, которая между нами носит имя принцессы Баальбекской, а у христиан называется Розамундой д'Арси. Она бежала от меня вместе с рыцарем сэром Вульфом д'Арси, который, как я видел, храбро дерется в числе ваших воинов. Выдайте ее мне, чтобы я мог поступить с ней, как она того заслуживает, тогда поговорим снова. До тех пор мне нечего больше сказать вам.

Большинство членов посольства не знало о Розамунде; двое или трое сказали, что они слышали о ней, но не знают, где она скрылась.

— Тогда вернитесь и отыщите ее, — приказал султан и отпустил их.

Посланые вернулись обратно и сказали совету города, чего желает Салах ад-Дин.

— По крайней мере, в этом отношении, — воскликнул патриарх Иерусалима Ираклий, — нетрудно исполнить желание Салах ад-Дина. Пусть отыщут его племянницу и выдадут ее. Где она?

Один из советников объявил, что об этом знает рыцарь Вульф д'Арси, с которым она приехала в город. Решено было отправить к нему людей с приглашением явиться в совет. Придя, Вульф спросил, что им угодно.

— Мы желаем узнать, сэр Вульф, — объявил ему патриарх, — куда вы скрыли даму, известную под именем принцессы Баальбекской, которую вы увезли от султана?

— А зачем это нужно вашему святейшеству? — резко спросил Вульф.

— Это очень важно для меня и для других, потому что Салах ад-Дин не хочет разговаривать с нами, пока мы не выдадим ее.

— Значит, совет предлагает насильно выдать христианку в руки сарацин? — сурово возразил ему Вульф.

— Мы обязаны сделать это, — ответил Ираклий. — Кроме того, она из их племени.

— Нет, — отрезал Вульф. — Салах ад-Дин украл ее из Англии, и с тех пор она не прекращала попыток бежать от него.

— Не будем терять времени, — нетерпеливо произнес патриарх, — как бы то ни было, Салах ад-Дин требует ее, и к Салах ад-Дину она должна отправиться. Итак, без дальнейших рассуждений, скажите, где она, сэр Вульф.

— Сами отыщите ее! — в бешенстве крикнул д'Арси. — А если это вам не удастся, пошлите вместо нее одну из тех женщин, с которыми вы пируете.

В совете послышался ропот, но скорее ропот удивления от его смелости, его негодования; Ираклий был пастырь неправедный и дурной.

— Опасный человек, очень опасный. Я предлагаю заключить его в тюрьму, — обратился к совету патриарх.

— Да, — ответил Ибелин, — очень опасный человек — для своих врагов. Я видел, как во время Хаттинской битвы он и его брат пробились через толпу сарацин, видел его и в проломе стены. Хорошо, если бы у нас было побольше таких «опасных» людей.

— Но он оскорбил меня! — возмутился патриарх.

— Сказать правду — не значит оскорблять, — многозначительно заметил Ибелин, — во всяком случае, это ваше личное дело, ради которого мы не можем лишиться одного из предводителей...

Его прервал вошедший горожанин, который сказал, что Розамунду нашли, что она сделалась послушницей в общине монахинь Святого

Креста.

— Теперь дело нравится мне еще меньше, — продолжал Ибелин, — потому что, взяв ее оттуда, мы совершим святотатство.

— Его святейшество Ираклий дает нам отпущение, — произнес чей-то насмешливый голос.

Поднялся один из старейшин, принадлежавших к партии мира, и предложил не особенно церемониться с Розамундой, так как султан не хочет слушать их, пока эту даму не выдадут ему на суд, тем более что, будучи его племянницей, она, вероятно, не пострадает, но что, во всяком случае, пусть лучше пострадает одна, чем все.

Таким путем ораторы этой партии убедили многих, так что в конце концов все поднялись и пошли к монастырю Святого Креста; там патриарх потребовал, чтобы их впустили. Воспротивиться настоятельница не могла. Она приняла советников в трапезной, спросив, что им угодно.

— Дочь моя, — сказал патриарх, — у вас живет дама по имени Розамунда д'Арси, мы желаем поговорить с ней. Где она?

— Послушница Розамунда, — ответила аббатиса, — молится в церкви у святого алтаря.

— Она освящена, — прошептал кто-то, но патриарх продолжал:

— Скажите мне, дочь моя, она молится одна?

— Ее молитвы охраняет рыцарь, — послышался ответ.

— Ага, как я и думал, он опередил нас. Дочь моя, вы не очень строги, раз позволяете рыцарям входить в вашу церковь. Проводите нас туда.

— В теперешние тяжелые времена и из-за опасностей, грозящих этой послушнице, я решилась нарушить дисциплину, — смело призналась настоятельница, но повиновалась.

И вот они вошли в большое полутемное здание, день и ночь освещающееся лампадами. Там, подле алтаря, как говорили, выстроенного на том самом месте, где Господь стоял в ожидании суда, они увидели коленопреклоненную белую фигуру, руки которой держались за камни святого алтаря. За оградой, тоже на коленях, стоял Вульф, неподвижный, как надгробная статуя. Он услышал шаги, поднялся, повернулся и обнажил свой большой меч.

— Вложите меч в ножны, — приказал Ираклий.

— Когда я сделался рыцарем, — ответил Вульф, — я поклялся защищать невинных и алтари Божий от осквернения, а потому не вложу меча в ножны.

— Не обращайтесь на него внимания, — проговорил кто-то, и Ираклий, остановившись в притворе, обратился к Розамунде:

— Дочь моя, с горькой печалью пришли мы просить у вас великой жертвы: отдайте себя за народ, как наш Господь отдал себя ради многих. Салах ад-Дин требует, чтобы вас выдали ему, и, пока мы не передадим вашу особу в его руки, он не станет разговаривать с нами. Итак, мы просим вас, отойдите от алтаря.

— Я подвергла свою жизнь опасности, и, кажется, другая женщина умерла, — ответила она, — ради того, чтобы я освободилась из-под власти мусульман. Я не отойду от алтаря и не вернусь к ним.

— Тогда нам придется силой взять вас, — мрачно изрек Ираклий.

— Потому что наше положение ужасно.

— Как! — удивилась она. — Вы, патриарх святого города, хотите вырвать меня из этого святилища, оттащить силой от этого святого алтаря? О, тогда действительно проклятие падет и на город, и на вас. Говорят, отсюда Господа нашего увели на страдание по приказанию несправедливого судьи. Неужели и меня оторвут от места, освященного Его стопами?... В этих одеждах, — и она указала на свое белое одеяние, — бросят, как дар, нашим врагам, которые, может быть, предложат мне выбор между смертью и подчинением Корану? Если так, я с уверенностью скажу, что ваше приношение окажется тщетным, и ваши улицы покраснеют от крови тех, кто вырвал меня из святого убежища.

Они стали совещаться, спорить, большинство решило, что ее следует передать Салах ад-Дину.

— Идите добровольно, прошу вас, — обратился к ней патриарх,

— потому что мы не хотели бы прибегнуть к силе.

— Только силой вы возьмете меня, — ответила Розамунда.

Тогда вступилась настоятельница:

— Неужели вы совершите такое преступление? Говорю вам, оно не останется без наказания. Вместе с Розамундой я повторяю, — и она выпрямила свою высокую фигуру, — что вы заплатите за нее вашей кровью, а может быть, также и кровью остальных! Вспомните мои слова, когда сарацины возьмут город и предадут мечу его жителей.

— Я отпускаю вам грех, — произнес патриарх, — если это грех.

— Отпустите грех себе, — резко крикнул Вульф, — и знайте вот что: я только один человек, но у меня есть сила и искусство. Если вы постараетесь наложить руку на послушницу Розамунду, чтобы насильно увести ее к Салах ад-Дину, на смерть, как она сказала, раньше, чем умру я, многие из вас навеки закроют глаза.

И, стоя перед алтарной решеткой, он поднял свой большой меч, другой рукой взял щит с изображением черепа.

Патриарх сердился и грозил. Некоторые кричали, что они принесут луки и застрелят Вульфа издали.

— И, — сказала Розамунда, — к святотатству прибавят еще убийство? О, подумайте о том, что вы делаете, и вспомните, что все это напрасно! Ведь Салах ад-Дин обещал только поговорить с вами, когда вы передадите меня в его руки; может быть, окажется, что вы без пользы совершили грех. Сжальтесь надо мной, идите своим путем, предоставив исход в руки Божий.

— А ведь правда, — закричали многие, — Салах ад-Дин-то ничего не обещал!

Наконец Ибелин, охранитель города, который пришел с другими в церковь и стоял вдалеке, слыша все происходящее, выступил вперед и постарался убедить патриарха оставить Розамунду в монастыре:

— Пусть так и будет, — говорил он, — потому что ничего хорошего не выйдет для нас из этого преступления. Этот алтарь — самый святой во всем Иерусалиме, неужели вы осмелитесь оторвать от него девушку, единственное преступление которой состоит в том, что она, христианка, бежала от сарацин, укравших ее? Неужели вы осмелитесь отдать ее в руки Салах ад-Дина на смерть? Конечно, это был бы поступок трусов, и он навлек бы на нас судьбу трусов. Сэр Вульф, вложите меч в ножны и не бойтесь. Если в Иерусалиме может хоть кто-нибудь пользоваться безопасностью — эта благородная дама в безопасности. Настоятельница, проводите ее в келью.

— Нет, — с тонкой насмешкой возразила настоятельница, — не годится нам уйти отсюда раньше его святейшества.

— Вам недолго придется ждать, — в бешенстве крикнул Иракий, — разве в такое время можно много думать об алтарях или слушать мольбы девушки, угрозы одинокого рыцаря или сомнения суеверного предводителя? Ну хорошо, поступайте как знаете и жизнью расплачивайтесь за ваши поступки! Я же скажу, что если бы Салах ад-Дин потребовал выдачи даже половины благородных девушек этого города, это представляло бы невысокую цену за сохранение жизни восьмидесяти тысяч человек! — И он пошел к дверям.

Все ушли, кроме Вульфа и настоятельницы. Монахиня подошла к Розамунде, обняла ее и сказала, что на время опасность миновала.

— Да, мать моя, — согласилась Розамунда со слезами, — но хорошо ли я поступила? Не следовало ли мне сдаться Салах ад-Дину, если судьба стольких жизней зависит от этого? Может быть, он забыл бы о своей клятве и пощадил бы меня? Хотя, в лучшем случае, мне никогда бы снова не

позволили освободиться. Кроме того, как грустно проститься навсегда со всем, что любишь, — и она посмотрела на Вульфа, который стоял в таком отдалении, что не мог ничего слышать.

— Да, — вздохнула монахиня, — тяжело, и мы, постригшиеся, хорошо знаем это. Однако, дочь моя, вам пока еще не приходится сделать тяжелого выбора. Вот если Салах ад-Дин скажет, что, когда ему передадут вас, он пощадит жизни всех граждан, вам придется принять решение.

— Придется, — повторила за ней Розамунда.

Осада продолжалась, один ужас следовал за другим. Пращи, не переставая, бросали камни, стрелы летели тучами, так что никто не мог стоять на коленях. Тысячи всадников Салах ад-Дина теснились около ворот святого Этьена, а машины извергали огонь и метательные снаряды на осажденный город, сарацинские минеры подкапывались под укрепления, башни и стены. Воины-защитники не могли совершать вылазок из-за сарацинских сторожевых пикетов, не могли они и показываться на крепостных укреплениях, потому что тогда летели тысячи стрел, никто не был в состоянии заделывать проломы в рушащихся стенах. С каждым днем отчаяние увеличивалось, на каждой улице виднелись длинные процессии монахов с крестами, они пели покаянные псалмы и молитвы, а женщины, стоя в дверях, взывали к милосердию Христа и прижимали к себе своих детей.

Правитель Ибелин созвал на совет рыцарей и сказал, что Иерусалим осужден на сдачу.

— Тогда, — предложил один из предводителей, — совершим вылазку и умрем среди врагов.

— И оставим детей и женщин на смерть и позор? — договорил Ираклий. — Лучше сдаться.

— Нет, — твердо заявил Ибелин, — мы не сдадимся; пока жив Господь — надежда не угасла.

— Господь был и в день Хаттина, но христиане потерпели поражение, — возразил Ираклий. Совет разошелся, не решив ничего.

В этот день Ибелин снова стоял перед Салах ад-Дином, умоляя его пощадить город. Салах ад-Дин подвел его к дверям своего шатра, показал на желтые знамена, которые развевались там и здесь на стенах города, и на знамя, в ту самую минуту поднявшееся над проломом.

— Почему я должен щадить то, что уже покорил, — спросил он, — то, что я поклялся уничтожить? Когда я предлагал вам пощаду, вы отказались от нее. Зачем вы просите ее теперь?

Ибелин ответил словами, которые навсегда останутся в истории:

— Вот почему, султан. Клянемся Богом, если нам суждено умереть, мы прежде всего убьем наших женщин и детей, чтобы вы не могли их взять в неволю. Мы сожжем город и все его богатства, мы измелем в муку святую скалу и превратим мечеть аль-Акса и другие священные здания в груды, мы перережем горла пяти тысячам последователей пророка, которые находятся у нас в руках, и, наконец, каждый способный носить оружие бросится из города, мы будем биться, пока не падем. Таким образом, я думаю, дорого вам будет стоять Иерусалим!

Султан посмотрел на него, погладил бороду и сказал:

— Восемьдесят тысяч жизней, восемьдесят тысяч, не считая моих воинов, которых вы убьете. Великое убийство!... И святой город будет уничтожен навсегда. Да, да! О такой резне однажды приснился мне сон.

Салах ад-Дин замолк и задумался, склонив голову на грудь.

XI. Святая Розамунда

С того дня как Годвин видел Салах ад-Дина, его силы стали прибывать, и когда здоровье вернулось к нему, он начал много размышлять. Он потерял Розамунду, Масуда умерла, и по временам ему тоже хотелось умереть. Что мог он сделать со своей жизнью, переполненной печалью, борьбой, кровопролитием? Вернуться в Англию, жить среди своих земель, ждать старости и смерти? Это не манило Годвина, он чувствовал, что, пока жив, должен трудиться.

Как-то раз он сидел, думая об этом и чувствуя себя очень несчастным. В его палатку вошел старый епископ Эгберт и, заметив выражение его лица, спросил:

— Что с вами, сын мой?

— Вы хотите выслушать меня? — вопросом на его вопрос ответил Годвин.

— Разве я не ваш духовник, имеющий право все знать? — напомнил кроткий старик. — В чем дело?

Годвин рассказал ему все с самого начала: как он в детстве хотел сделаться служителем церкви, как старый приор Стоунгейтского аббатства нашел, что ему еще рано решать свою судьбу, как впоследствии любовь к Розамунде заставила его забыть о религии; рассказал он также о сне, который привиделся ему, когда он лежал раненый после боя у бухты Смерти, об обетах, которые он и Вульф принесли перед посвящением в рыцари, о том, как он постепенно узнал, что Розамунда любит не его. Наконец, сказал и о Масуде, но о ней Эгберт, причащавший ее, уже знал.

— А что же теперь?

— Теперь, — вздохнул Годвин, — я ничего не знаю. Мне иногда кажется, что я слышу звуки своих шагов в монастырском дворе и свой голос, молящийся перед алтарем.

— Вы еще слишком молоды, чтобы говорить так, и хотя Розамунда потеряна для вас, а Масуда умерла, на свете много других достойных женщин, — сказал Эгберт.

— Не для меня, — возразил Годвин, покачав головой.

— Тогда существуют рыцарские ордена, в которых вы можете занять высокое положение.

Он опять покачал головой:

— Сила тамплиеров и госпитальеров сломлена. Кроме того, я видел их

в Иерусалиме и на поле битвы, и они мне не нравятся. Если они изменятся или я буду вынужден биться против неверных, я, может быть, присоединюсь к ним. Но дайте мне совет, что делать сейчас?

— О, сын мой, — воскликнул старый епископ, и его лицо засияло, — если Бог призывает вас, идите к Богу. Я покажу вам путь.

— Да, я пойду к Нему, — согласился Годвин, — и если только крест не призовет меня снова следовать за ним в войне, я постараюсь провести весь остаток жизни, служа Господу и людям. Мне кажется, отец мой, что для этого я и был рожден.

Через три дня Годвин сделался священником, и его рукоположил епископ Эгберт. А в это время вокруг его палатки воины Салах ад-Дина, чувствуя близость падения Иерусалима, с торжеством кричали, что Магомет единый Пророк Аллаха.

Салах ад-Дин поднял голову и посмотрел на Ибелина:

— Скажите мне, что известно о принцессе Баальбекской, которую вы зовете Розамундой д'Арси? Ведь я сказал вам, что не буду говорить с вами о пощаде Иерусалима, пока мне не выдадут ее, чтобы я мог произвести над ней суд. А между тем я ее не вижу.

— Господин, — ответил Ибелин, — мы нашли ее в монастыре Святого Креста. Она была миропомазана подле алтаря, который мы считаем священным и недоступным, и отказалась идти.

Салах ад-Дин засмеялся:

— А разве ваши воины не могут оторвать одну девушку от камня алтаря? Впрочем, может быть, рыцарь Вульф стоял перед ней с обнаженным мечом?

— Да, стоял, — ответил Ибелин. — Но мы думали не о нем, хотя, конечно, он убил бы некоторых из нас. Оторвав ее от алтаря, мы совершили бы ужасное преступление, которое, конечно, навлекло бы мщение Господа на нас и на город.

— А что вы скажете о мести Салах ад-Дина?

— Как ни плохо нам, султан, мы все же боимся больше Бога, чем Салах ад-Дина.

— Да, сэр Ибелин, но Салах ад-Дин может оказаться мечом в руках Божиих.

— И этот меч быстро пал бы на нас, если бы мы совершили этот грех.

— Я думаю, что он скоро упадет, — сказал Салах ад-Дин, и опять замолчал, и опять стал гладить бороду. — Послушайте, — выговорил он наконец, — пусть принцесса, моя племянница, придет ко мне и попросит

пощады городу, я думаю, что тогда я вам обещаю такие условия сдачи, за которые вы в тяжкую минуту поблагодарите меня.

— Тогда нам надо осмелиться совершить великий грех и силой взять ее, — печально произнес Ибелин, — но прежде убить рыцаря Вульфа, который не позволит ей идти, пока он жив.

— Нет, Ибелин, это огорчит меня, потому что, хотя он и христианин, рыцарь д'Арси по сердцу мне. Я сказал: «пусть она придет ко мне», а не «приведите ее ко мне». Да, пусть придет по доброй воле, чтобы ответить мне за свой грех против меня, но пусть знает, что я ей ничего не обещаю, хотя в былые дни обещал многое и держал слово. Тогда она была принцесса Баальбека и пользовалась всеми правами, связанными с этим высоким положением, я ей поклялся, что не заставлю ее выйти замуж по моему выбору или изменить веру. Теперь я беру обратно клятвы, и если она придет, то придет как бежавшая невольница, поклонница креста, которой я предлагаю только или подчинение исламу, или позорную смерть.

— Какая высокорожденная девушка согласится на такие условия? — с отчаянием спросил Ибелин. — Я думаю, она скорее захочет умереть от своей руки, чем от руки вашего палача, так как, конечно, никогда не отречется от веры.

— И осудит восемьдесят тысяч христиан? — сурово переспросил Салах ад-Дин. — Рыцарь Ибелин, клянусь Аллахом, и в последний раз, что если моя племянница Розамунда не явится в мой лагерь добровольно, не принужденная никем, Иерусалим будет отдан на разграбление.

— Значит, судьба святого города и всех его жителей зависит от благородства одной девушки? — нетвердым голосом проговорил Ибелин.

— Да, так мне открыло видение. Если ее душа достаточно высока, Иерусалим еще может быть спасен; если ее дух ниже, чем я думал, — тогда святой город погибнет вместе с ней. Я все сказал, но с вами поедут мои гонцы и отвезут письмо, которое они должны собственноручно отдать моей племяннице, бывшей принцессе Баальбека. Пусть она или вернется с ним ко мне, или останется в городе. И тогда я пойму, что узрел ложное видение, говорившее, будто мир и милосердие исходило из ее рук, и доведу эту войну до кровавого конца.

Через час Ибелин ехал к городу под охранной грамотой и вместе с гонцами Салах ад-Дина и письмом, которое они должны были передать Розамунде.

Стояла ночь, в освещенной лампадами церкви монахини Святого Креста, стоя на коленях, пели протяжную и торжественную песнь «Ave Maria». От сердца пели они, смерть была близка от них! И они молили

Господа и Милосердную Матерь Божию сжалиться над ними, спасти их и жителей несчастного города, в котором Он жил и страдал. Они знали, что конец близок, что стены готовы рухнуть, что защитники города истощены, что скоро, скоро лютые воины Салах ад-Дина ворвутся на узкие городские улицы.

Их моление кончилось, настоятельница поднялась и обратилась к ним с речью. Она по-прежнему держалась гордо, но голос ее дрожал.

— Дочери мои во Христе, — обратилась она к ним, — гибель стоит почти у наших дверей, и мы должны приготовить сердца наши! Если правители города исполнят обещанное, они пришлют сюда людей, чтобы обезглавить нас в последнюю минуту, и мы перейдем во славе в другой мир, чтобы жить во Господе. Но, может быть, они позабудут о нас, немногих, среди восьмидесяти тысяч душ, из которых нужно убить около пятидесяти тысяч душ женщин. Может быть, их руки устанут или сами они падут раньше, чем доберутся до нашей святой обители! Что же мы сделаем тогда, дочери мои?

Некоторые из монахинь прижались друг к другу и плакали от страха, некоторые молчали. Только Розамунда выпрямилась во весь рост и гордо сказала:

— Мать моя, я недавно пришла к вам, но я видела Хаттинское кровопролитие и знаю судьбу женщин и детей в руках неверных, а потому позвольте мне говорить.

— Говорите, — разрешила настоятельница.

— Вот что я советую, — продолжала Розамунда, — мой совет короток и ясен. Когда мы узнаем, что сарацины в городе, подожжем монастырь, станем на колени и погибнем так.

— Хорошо сказано... Это лучше всего! — послышались голоса. Но настоятельница печально улыбнулась:

— Благородный совет, которого можно было ожидать от высокорожденной. Однако его нельзя принять, потому что самоубийство — смертный грех.

— Будет мало разницы, — возразила Розамунда, — сожжем ли мы себя сами или протянем шеи под мечи друзей! Конечно, я не могу решать за других, но решаю за себя, так как я скорее совершу грех самоубийства, чем отдам себя в руки мусульман.

И она положила руку на кинжал, который был скрыт в складках ее одежды.

Настоятельница произнесла:

— Вам, дочь моя, я не могу запретить этого, но запрещаю принесшим

полный обет. Им я покажу другой, может быть, более ужасный способ спастись от судьбы невольниц. Некоторые из нас стары, им нечего бояться, что их отведут в гаремы, но остальные молоды и красивы, им я советую, когда приблизится конец, взять оружие, изрезать себе лица и тела и остаться здесь в виде обезображенных, внушающих отвращение фигур. Тогда их не возьмут в неволю, а быстро убьют. Они умрут, чтобы сделаться невестами Неба!

Несчастные застонали от ужаса, они представили себя с обезображенными лицами, изуродованными. Так их сестры по вере ждали конца в осажденном монастыре святой Клары в Акре...

Однако одна за другой они подошли к настоятельнице и поклялись, что исполнят и это ее приказание, как все остальные. Только Розамунда объявила, что она умрет не обезображенная, а такая, какой создал ее Господь, еще две послушницы одна за другой поклялись поступить так же, как она.

И потом они опять опустили на колени и запели «Мизерере».

Вдруг, покрывая их печальное пение, раздался громкий стук в дверь, и гулко отразился под сводчатым потолком. С криком: «Сарацины, сарацины! Дайте нам ножи!» — послушницы поднялись с колен.

Розамунда обнажила кинжал.

— Подождите, — вскрикнула настоятельница. — Может быть, это друзья, а не враги. Сестра Урсула, подойдите к дверям и узнайте.

Старая монахиня пошла заплетающимися шагами и, дойдя до массивной створки, отодвинула засов.

— Кто стучит? — спросила она дрожащим голосом.

Остальные задержали дыхание, напрягая слух, чтобы уловить ответ.

И вдруг зазвучал серебристый голос женщины, который казался таким тонким в этой похожей на гробницу церкви.

— Я королева Сибилла со свитой.

— Что вам угодно, о королева?

— Я привела с собой посланных от Салах ад-Дина. Они желают поговорить с Розамундой д'Арси, которая скрывается у вас.

Розамунда мгновенно подбежала к алтарю и остановилась подле него, не выпуская из рук обнаженного кинжала.

— Пусть она не боится, — продолжал серебристый голосок. — Ничего не будет сделано против ее воли. Примите нас, святая настоятельница, примите ради Христа.

И аббатиса сказала:

— Примем королеву с достоинством. — Показав знаком монахиням,

чтобы они заняли свои обычные места, она села в большое кресло во главе их, позади нее подле высокого алтаря стояла Розамунда с обнаженным кинжалом в руках.

Двери отворились, и показалась странная процессия. Впереди шла красавица-королева во всех знаках своего королевского достоинства, но с головой, покрытой черным покрывалом, за ней придворные дамы, числом двенадцать, дрожавшие от страха, но роскошно одетые, за ними — трое суровых сарацин в кольчугах и с осыпанными камнями саблями. Дальше двигалось множество женщин, но большей частью в трауре, которые вели с собой испуганных детей, это были жены, сестры и вдовы дворян, рыцарей и граждан Иерусалима. Наконец показалось около сотни предводителей и воинов, среди них Вульф, а во главе — Ибелин. Последним вошел патриарх Ираклий в пышном наряде вместе со своими епископами и священниками.

Настоятельница и монахини поднялись и поклонились королеве, и одна из них предложила ей сесть на место епископа.

— Нет, — отказалась королева. — Я пришла сюда как скромная просительница и буду стоять на коленях.

И она опустилась на колени на мраморный пол, а вместе с ней все дамы ее свиты и остальные женщины. Важные сарацины с изумлением посмотрели на нее, рыцари и благородные горожане столпились позади Сибиллы.

— Что же мы можем дать вам, королева, — спросила настоятельница, — у нас ничего не осталось, кроме сокровищ, которые мы готовы принести вам: честь и жизнь.

— О горе! Горе! Я пришла просить жизни одной из вас!

— Чьей же, о королева?

Сибилла подняла голову и, протянув руку, указала на Розамунду. Розамунда побледнела, но скоро оправилась и сказала твердым голосом:

— Скажите, какую услугу может оказать вам моя бедная жизнь, о королева, и кто ее требует?

Сибилла трижды старалась ответить и наконец прошептала:

— Я... не могу. Пусть посланные переведут ей письмо, если она не умеет читать на их языке.

— Умею, — ответила Розамунда.

Один сарацинский эмир вынул свиток, приложил его ко лбу, потом подал аббатисе, которая поднесла его Розамунде. Розамунда открыла пергамент и прочитала по-прежнему спокойным голосом, переводя каждую фразу:

Во имя единого Аллаха всемилостивого, моей племяннице, бывшей принцессе Баальбека, по имени Розамунда д'Арси, ныне бежавшей и скрытой во франкском монастыре в городе Эль-Куд-Эш-Шериф, в святом граде Иерусалиме.

Племянница! Я исполнил все обещания, данные вам, сделал даже больше, пощадив жизнь рыцарей, ваших двоюродных братьев-близнецов. Но вы отплатили мне неблагодарностью и обманом, по обычаю вашей проклятой веры, и бежали от меня. Я сказал вам, что если вы решитесь на это, вашим уделом будет смерть. Поэтому вы более не принцесса Баальбека, а только бежавшая христианка, раба, осужденная на смерть.

Вы хорошо знаете мое видение. Вспомните теперь его, прежде чем ответить. Я требовал, чтобы вас привезли ко мне, на это требование мне ответили отказом, почему — неважно. Но я понял истинную причину — так было решено свыше. Я больше не требую, чтобы вас принуждали. Я желаю, чтобы вы пришли ко мне и вынесли печальный и позорный конец в виде возмездия за ваши грехи. Если же вы хотите, оставайтесь там, где живете теперь, и пусть вас постигнет та судьба, которую пошлет Аллах.

Если вы придете и попросите меня за святой город, я подумаю, не помиловать ли Иерусалим и его жителей. Если вы откажетесь прийти, я, без сомнения, подвергну их всех смерти от меча, за исключением тех женщин и детей, которых можно отдать в неволю. Итак, решайте, племянница, и поскорее, вернетесь ли вы с моими посланными или останетесь там, где они отыщут вас.

Юсуф Салах ад-Дин

Розамунда дочитала, и письмо выпало из ее руки на мраморный пол.

— Принцесса, — сказала королева, — от имени присутствующих и всех остальных мы просим от вас этой жертвы.

— И моей жизни? — громко, как бы сама с собой, проговорила Розамунда. — Больше у меня ничего нет. Когда я отдам ее, я буду нищей, — и ее глаза обратились на высокую фигуру Вульфа, который стоял подле колонны.

— Может быть, Салах ад-Дин окажет милосердие, — заметила королева.

— Нет, — ответила Розамунда, — он всегда говорил, что если я бегу от него и снова буду застигнута, я умру. Нет, он предложит мне подчинение или смерть, смерть от веревки или еще более ужасную.

— Но если вы останетесь здесь, вы тоже умрете, — произнесла

королева. — О, принцесса, ваша жизнь только одна, и, отдав ее, вы можете купить жизнь восьмидесяти тысячам человек...

— Разве это так верно? — спросила Розамунда. — Султан ничего не обещал; он только сказал, что, если я попрошу его, он подумает, не пощадить ли Иерусалим.

— Но, — продолжала королева, — он говорит также, что в случае вашего отказа отдаст Иерусалим на разграбление, а правителю Ибелину сказал, что если вы отдадите себя в его руки, он, вероятно, предложит нам такие условия, которые мы сможете принять. Подумайте, подумайте, чем будет судьба вот этих, — и она показала на женщин и детей, — да и судьба всех этих монахинь... Если же вы умрете, то погибнете с честью, и ваше имя будут чтить, как имя святой и мученицы, в каждой церкви христианского мира. О, не отказывайте нам, докажите, что вы действительно велики и можете встретить смерть, которая придет для каждого из нас... Вы заслужите благословение половины мира и приготовите себе место на небесах подле Того, Кто умер за людей. Молите ее, мои сестры, молите.

Женщины и дети упали перед ней на колени, со слезами и рыданиями просили ее пожертвовать своей жизнью ради них. Розамунда неожиданно улыбнулась и звонким голосом воскликнула:

— А что скажете вы, мой двоюродный брат и жених, сэр Вульф д'Арси? Подите сюда и, как подобает в такую минуту, дайте мне совет.

Закаленный в боях Вульф подошел и, став подле ограды алтаря, поклонился ей.

— Вы слышали, — обратилась к нему Розамунда. — Что вы посоветуете?

— Трудно, трудно говорить, — сиплым голосом ответил Вульф. — Но... их много, а вы только одна.

Послышался ропот восхищения. Все знали, что он горячо любит эту девушку и что недавно он защищал ее в этой самой церкви.

Розамунда засмеялась, и нежный ее смех странно прозвучал в этом торжественном месте, в эту трагическую минуту.

— Ах, Вульф, — произнесла она, — он всегда говорит правду, даже когда это дорого стоит ему! Но я не хотела бы, чтобы было иначе. Королева и все вы — глупые люди, я только испытывала ваше терпение. Неужели вы считали меня такой низкой? Неужели вы думаете, что я действительно стараюсь сохранить свою жалкую жизнь, когда десятки тысяч жизней зависят от меня? Нет, нет, совсем не то! — Розамунда вложила в ножны кинжал, подняв с пола письмо, поднесла его ко лбу в знак повинения и

по-арабски сказала посланным султана: — Я раба Салах ад-Дина, повелителя верных! Я пылинка под его стопами. Заметьте, эмиры, что в присутствии всех собравшихся здесь я, Розамунда д'Арси, прежде принцесса Баальбекская, по доброй воле решила идти с вами в лагерь султана, чтобы просить его пощадить жизнь граждан Иерусалима, а затем подвергнуться смерти за мое бегство, как решил мой царственный дядя. Только одного я прошу — чтобы мое тело было принесено обратно в Иерусалим, к этому алтарю, где я охотно отдаю свою жизнь. Эмиры, я готова.

Посланцы в восхищении склонились перед ней, воздух потрясли благословения. Когда Розамунда отошла от алтаря, королева обняла ее, поцеловала, а высокие граждане и рыцари, женщины и дети целовали ей руки, подол ее белого платья, даже ноги, называя ее святой и избавительницей.

Но она остановила их, говоря:

— До сих пор я ни то, ни другое, хотя надеюсь освободить вас. Ну, пойдем.

— Да, — отозвался Вульф, подходя к ней. — Пойдем.

Розамунда вздрогнула, и все взглянули на него.

— Слушайте, королева, эмиры и народ, — громко заявил он. — Я родственник Розамунды д'Арси и ее нареченный жених, рыцарь, который присягнул служить ей до конца. Если она виновата перед султаном, я еще виновнее, и меня тоже должна поразить его месть. Идем!

— Вульф, — заметила она, — нужна одна жизнь, а не обе.

— Однако необходимо отдать обе, чтобы мера возмездия переполнилась и Салах ад-Дин захотел оказать милость. Нет, не останавливайте меня. Я жил для вас и для вас умру. Если меня удержат насильно, я все же умру, в случае нужды, от моего собственного меча! Когда я дал вам совет, я дал совет и себе. Неужели вы думали, что я отпущу вас одну, когда, разделив вашу судьбу, могу сделать ее легче?!

— О, Вульф, — вскрикнула она, — мне будет только еще тяжелее!

— Нет, нет, когда стоишь вдвоем перед смертью, она теряет половину своих ужасов. Кроме того, Салах ад-Дин мой друг, и я тоже буду молить его за народ Иерусалима.

И он шепотом прибавил ей на ухо:

— Милая Розамунда, не отказывайте мне в этом, иначе вы доведете меня до безумия и самоубийства, я не хочу жить без вас.

Полные слез глаза Розамунды засияли любовью, и она шепотом же ответила:

— Вы сильнее меня. Пусть исполнится воля Божия.
И никто больше не удерживал его.

Розамунда подошла к настоятельнице и хотела опуститься перед ней на колени, но аббатиса сама бросилась к ее ногам, назвала благословенной и поцеловала. Сестры монахини тоже с поцелуями прощались с ней. Привели священника, не патриарха, к которому Розамунда не хотела подойти, а другого, человека праведного. Стоя близ алтаря, сначала Розамунда, а потом Вульф исповедались перед ним, получили отпущение грехов и причастие в той форме, как оно давалось умирающим, и все, кроме эмиров, опустились на колени и молились как бы за отлетающие души.

Священный обряд закончился, и в сопровождении двоих посланцев Салах ад-Дина (третий уже отправился предупредить султана), королевы, ее дам и всех остальных Розамунда и Вульф вышли из церкви, из монастырских стен и двинулись по узкой дороге Страстей Господних. Вульф в качестве родственника взял Розамунду за руку и повел ее, как сестру на брачный пир. Светила яркая луна, вести о странном событии разошлись по всему Иерусалиму, и на всех улицах толпились зрители, стояли они также на всех крышах, теснились у каждого окна.

— Розамунда! — кричали они. — Благословенна ты, Розамунда, идущая на мученическую смерть ради нашего спасения! Это чистая, святая Розамунда и ее храбрый рыцарь Вульф! — И они срывали цветы и зеленые листья в садах и бросали им под ноги.

Вдоль длинных извилистых улиц, наполненных толпами, скромно шли они, и воины очищали перед ними дорогу, встречные женщины поднимали своих детей, чтобы они могли дотронуться до платья Розамунды или взглянуть на ее лицо. Наконец они остановились перед городскими воротами. Пока отодвигали тяжелые засовы, вперед выступил Ибелин с обнаженной головой и обратился к ним:

— Госпожа, от имени народа Иерусалима и всех христиан я благодарю вас — и вас также, сэр Вульф д'Арси, вы самый отважный и самый верный из всех рыцарей.

Несколько священников с епископами во главе подошли к ним с кадилами и торжественно благословили их во имя церкви и креста.

— Не благодарите и не прославляйте нас, — сказала Розамунда. — Лучше помолитесь, чтобы мы одержали победу, а потом, когда мы умрем, молитесь за наши грешные души. Если же нас постигнет неудача, что может случиться, помните только, что мы сделали все, что могли. О, народ! Великие горести пали на эту страну, и крест Христов посрамлен. Однако он

снова засияет, и все люди будут преклонять колени перед ним. Живите! Пусть не поразят вас новые бедствия! Это наша последняя мольба. Мы молим также, чтобы, когда впоследствии вы умрете, мы могли встретиться на небесах. Теперь прощайте!

Обреченные вышли из ворот, эмиры объявили, что больше никто не должен провожать их. Они пошли одни, за ними слышались рыдания толпы. Свет луны освещал две одинокие фигуры. Подле рядов мусульманских войск их встретил отряд и носильщики. Но Розамунда отказалась сесть в носилки. Они двинулись дальше пешком и наконец вышли на большую площадку среди лагеря на Масличной горе рядом с сероватыми деревьями Гефсиманского сада. Тут их ждал Салах ад-Дин, вокруг султана собралась вся его большая армия и молча смотрела на них.

Розамунда и Вульф подошли к султану и опустились перед ним на колени, Розамунда в одеянии послушницы, а Вульф в своей изрубленной кольчуге.

XII. Последние капли кубка

Салах ад-Дин посмотрел на них, но без обычного приветствия и, помолчав немного, произнес только: — Вы знаете все. Вы знаете, что ваш высокий титул отнят у вас и что все мои обещания окончены, вы знаете также, что здесь вас ждет смерть неверной рабыни. Так это?

— Я знаю все, великий Салах ад-Дин, — ответила Розамунда.

— Скажите же мне тогда, пришли ли вы добровольно и почему рядом с вами преклонил колени сэра Вульф, которого я пощадил и смерти которого не ищущу?

— Я пришла добровольно, Салах ад-Дин, спросите ваших эмиров. Об остальном пусть скажет сам Вульф.

— Султан, — начал говорить Вульф. — Я посоветовал своей родственнице Розамунде идти сюда, — хотя такого совета ей было и не нужно, — и потом пошел с ней по праву крови и справедливости, ее преступление против вас лежит также и на мне. Ее судьба — моя судьба.

— Я вас простил и не сержусь на вас, — заметил Салах ад-Дин, — значит, вы должны сами придумать средство последовать за ней.

— Без сомнения, — согласился Вульф, — я христианин посреди многих сыновей Пророка, а потому без труда найду дружественную саблю, которая поможет мне найти этот путь. Прошу вас оказать мне милость и сделать ее судьбу моей судьбой.

— Как, — поразился Салах ад-Дин, — вы готовы умереть с ней, вы, сильный и молодой, когда на свете столько других женщин?

Вульф улыбнулся и кивнул головой.

— Хорошо. Я не могу стать между безумцем и его безумием. Я обещаю вам эту милость. Вы разделите ее судьбу, Вульф д'Арси, вы выпьете чашу моей рабы Розамунды до последних, самых горьких капель.

— Этого я только и хочу, — спокойно подтвердил Вульф. Теперь Салах ад-Дин взглянул на Розамунду и спросил:

— Почему вы пришли сюда, не боясь моей мести? Говорите, если вы желаете попросить о чем-нибудь.

Розамунда поднялась с колен и, стоя перед ним, горячо высказала свои чувства:

— Я пришла, могучий повелитель, чтобы молить за народ Иерусалима, так как мне сказали, что вы не желаете слышать другого голоса, кроме голоса вашей рабы. Вспомните, много месяцев тому назад видение

показало меня вам. Вы трижды видели в грезах, что мой поступок позволит вам спасти многие жизни и принести на землю мир. Вы знаете, как меня привезли к вам и какими почестями осыпали, но мне, христианке, было тяжело видеть ежедневные убийства, я старалась бежать и наконец благодаря уму и самопожертвованию другой женщины бежала. Теперь я пришла, чтобы подвергнуть себя наказанию, и ваше видение исполнилось, или, по крайней мере, вы можете его исполнить, если Господь тронет ваше сердце благодатью, ведь я по доброй воле пришла просить вас, Салах ад-Дин, пощадить город и за кровь его жителей принять в дар мою кровь. О, господин, будьте так же милосердны, как вы велики! Что скажете вы в день суда над вами, вспомнив, что вы прибавили еще восемьдесят тысяч убитых к числу погубленных ранее, а вместе с ними жизнь многих тысяч ваших собственных соплеменников? Ведь воины Иерусалима не умрут, не мстя за себя! Пощадите их жизнь, позвольте им уйти свободными и тем заслужите благодарность всего рода человеческого и прощение Бога в небесах.

Сказав это, Розамунда замолчала, протянув к нему руки.

— Я предлагал им это, и они отказались, — изрек Салах ад-Дин. — Зачем я дам теперь такие милости, когда они побеждены?

— Сильный в помощи, — продолжала Розамунда, — неужели вы, такой отважный, порицаете рыцарей и воинов за то, что они бились, хотя знали, что их положение безнадежно? Разве вы не назвали бы их трусами, если бы они сдали город, в котором жил их Спаситель, не стараясь защитить его? О, я устала... Я больше не могу говорить, но снова смиренно и на коленях молю вас: скажите слово милосердия, не окрасьте ваше торжество кровью, кровью женщин и маленьких детей.

И, упав ниц, Розамунда схватила подол его царственного платья и прижалась к нему лбом.

Свет луны заливал ее, вся громадная толпа вооруженных людей молчала, Салах ад-Дин сидел неподвижно, как статуя, глядя на купола и башни Иерусалима, которые рисовались на темно-синем небе.

— Встаньте, — произнес он наконец, — и знайте, племянница, что вы поступили, как подобало члену моего рода, и что я, Салах ад-Дин, горжусь вами. Знайте также, что я взвешу вашу просьбу, как не взвесил бы мольбы другого человека. Теперь я должен посоветоваться с моим собственным сердцем, и завтра ваша мольба будет или исполнена, или отвергнута. Вам, осужденной на смерть, и рыцарю, который желает умереть с вами, я, по старому закону и обычаю, предлагаю принять ислам и тогда дарую вам жизнь и почет.

— Отказываемся, — в один голос ответили Вульф и Розамунда.

Султан наклонил голову, казалось, он не ожидал другого ответа и огляделся кругом, как все думали, для того, чтобы призвать палачей. Но он только сказал предводителю мамелюков:

— Раздели их, возьми под стражу и охраняй, пока я не прикажу убить. Ты отвечаешь жизнью за них. Накормить и напоить их, не делать им никакого зла, пока я не прикажу.

Мамелюк поклонился и подошел со своим отрядом. В последнюю минуту Розамунда спросила его:

— Скажите мне, о султан, что стало с Масудой?

— Она умерла за вас, отыщите ее там, за городом, — ответил Салах ад-Дин, Розамунда закрыла лицо руками и вздохнула.

— А что с Годвином, моим братом? — вскрикнул Вульф. Но ему не ответили.

Розамунда повернулась и, протянув руки к Вульфу, упала ему на грудь. И тут, в присутствии бесчисленной армии, они обменялись поцелуем прощанья. Ни он, ни она не сказали ни слова, только, уходя, Розамунда подняла руки и указала на небо.

И ропот прошел по толпе, все, как один человек, повторяли единственное слово:

— Пощады!

Но Салах ад-Дин не двигался, не сделал знака, и их увели в разные тюрьмы.

В числе многих тысяч, смотревших на эту странную и потрясающую сцену, были два человека в длинных одеяниях — Годвин и епископ Эгберт. Годвин трижды старался подойти к трону, но воины, стоявшие вокруг него, получили особые приказания, они не позволяли ему ни шевельнуться, ни заговорить. Когда Розамунда проходила мимо него, он хотел приблизиться к ней, но они схватили и удержали его. Однако Годвин успел прокричать:

— Да будет благословение Неба на тебе, Божия святая, на тебе и на твоём верном рыцаре.

Розамунда узнала этот голос и оглянулась, но не увидела д'Арси, потому что вокруг нее столпилась стража. И она пошла, спрашивая себя, донесся ли до нее голос Годвина, или прозвучало благословение ангела, или с ней просто заговорил один из франкских пленных.

Годвин ломал руки, епископ старался поддержать его, говоря, чтобы он не печалился, потому что Розамунда и Вульф избрали смерть славную и более желанную, чем тысячи жизней.

— Да, да, — соглашался Годвин, — я хотел бы быть с ними.

— Их дело окончено, ваше — нет, — кротко возразил епископ. —

Пойдемте в нашу палатку и станем на колени. Бог могущественнее султана, и, может быть, Он спасет их. Если завтра на заре они будут еще живы, мы постараемся добиться аудиенции у Салах ад-Дина, чтобы попросить за осужденных на смерть.

Они вошли в палатку и молились, как жители Иерусалима молились за своими полуразрушенными стенами, прося Господа смягчить сердце Салах ад-Дина. Вдруг полы палатки раздвинулись, и перед коленопреклоненными священниками остановился эмир.

— Встаньте, — повелел он, — и оба идите за мной, султан приказал вам явиться к нему.

Эгберта и Годвина провели в спальню султана, и стража закрыла за ними полы шатра. На шелковом ложе полулежал Салах ад-Дин, и свет лампы освещал его бронзовое задумчивое лицо.

— Я послал за вами, франки, — сказал он, — чтобы вы передали мои слова Ибелину и гражданам Иерусалима. Вот что я говорю: пусть святой город завтра сдастся и все его жители признают себя моими пленниками. Я дам им возможность в течение сорока дней внести выкуп, и в это время никому из них не будет сделано вреда. Каждый мужчина, который внесет за себя десять золотых, освободится, две женщины или десять детей будут считаться за одного мужчину и вносить такую же плату. Семь тысяч бедных будут отпущены с платой в тридцать тысяч безантов серебром. Каждый, кто останется или не заплатит за себя выкупа (а в Иерусалиме еще много золота), сделается моим невольником. Вот мои условия, я предлагаю их благодаря предсмертной просьбе моей племянницы, госпожи Розамунды, и только благодаря ей. Передайте это Ибелину, пусть он вместе с начальниками города ждет меня на заре и ответит от имени народа, согласен ли он. Если нет, я буду продолжать приступ и превращу город в груды развалин, которые покроют кости его детей.

— Благословляем вас за эту милость, — произнес епископ Эгберт, — и повинuemся. Но скажите, султан, что нам делать дальше? Вернуться в лагерь с Ибелином?

— Если он примет мои условия, нет, потому что в Иерусалиме вас ждет безопасность, и я без выкупа отпускаю вас на свободу.

— Султан, — попросил Годвин, — позвольте мне перед уходом проститься с моим братом и с моей двоюродной сестрой Розамундой.

— Чтобы в третий раз задумать бегство? — спросил Салах ад-Дин. — Нет, оставайтесь в Иерусалиме и ждите моего слова. Вы встретите их только в последнюю минуту.

— Султан, — просил Годвин, — пощадите их, потому что они

поступили благородно. Ужасно, что они умрут, ведь они любят друг друга, и они так молоды, красивы и отважны.

— Да, — ответил Салах ад-Дин, — их поступок благороден, я никогда не видывал ничего более высокого. Ну, тем вернее они попадут на Небо, если только поклонники креста могут войти в рай. Довольно, их судьба решена, и я не могу изменить моих намерений; вы до последней минуты не увидите их, как я уже сказал. Но, если хотите, в письме проститесь с ними и пошлите это письмо с посольством, оно будет передано им. Теперь идите, более великие вопросы стоят перед нами. Вас ждут войны.

Через час они стояли перед Ибелином, передавая ему слова Салах ад-Дина; выслушав их, он поднялся и благословил имя Розамунды. Пока Ибелин сзывал своих советников и приказывал слугам седлать лошадей, Годвин отыскал перо и пергамент и наскоро написал:

Вульффу, моему брату, и Розамунде, моей двоюродной сестре и его невесте.

Я жив, хотя чуть не умер подле могилы Масуды. Да упокоит Иисус ее благородную и любимую мной душу! Салах ад-Дин не позволил мне повидаться с вами, обещав, впрочем, что я увижу вас в последнюю минуту, итак, ждите меня тогда. Я все еще осмеливаюсь надеяться, что Господь смягчит сердце султана и спасет вас. В таком случае я вас прошу как можно скорее обвенчаться и вернуться в Англию; если я останусь в живых, я надеюсь со временем навестить вас. До тех пор не старайтесь отыскать меня, мне временно хочется жить одиноко. Но если суждено другое, тогда, очистясь от грехов, я постараюсь найти среди святых вас, которые за свое благородное деяние, конечно, получили милость Божью.

К султану едет посольство. Больше писать у меня нет времени, хотя я желал бы сказать еще многое. Прощайте.

Годвин

Условия Салах ад-Дина были приняты; радуясь спасению, но и оплакивая падение святого города, снова попавшего в руки мусульман, население Иерусалима готовилось уйти и переселиться в другие места. Большой золотой крест сорвали с мечети аль-Акса, и на каждой стене развевалось желтое знамя Салах ад-Дина. Все, имевшие средства, заплатили выкуп, неимущие занимали деньги, а не получив их, с отчаянием шли в рабство.

Салах ад-Дин оказал большое милосердие: он освободил всех старых без платы и из собственной казны дал выкуп за сотни женщин, мужа и

отцы которых пали в боях или в других городах были заключены в тюрьмы.

В течение сорока дней печальная процессия побежденных тянулась из ворот, впереди всех ехали королева Сибилла и ее придворные дамы, многие, проходя мимо победителя, сидевшего с парадной свитой, останавливались перед ним, прося его за тех, кто еще остался в городе. Некоторые также вспоминали Розамунду и то, что благодаря ее самопожертвованию они могли смотреть на солнце, и молили его, если она не умерла, пощадить ее и ее отважного рыцаря. Наконец все прошли, и Салах ад-Дин вступил в город. Он приказал очистить великую мечеть, омыть ее розовой водой и совершить моление, а потом разделить остальных жителей, которые не могли внести выкупа, как рабов, между своими эмирами и членами свиты. Так полумесяц восторжествовал над крестом, но не среди моря крови.

Все эти сорок дней Розамунда и Вульф пребывали в заключении и ждали казни. Письмо Годвина принесли Вульфу, который прочитал его и обрадовался, узнав, что его брат жив. После этого пергамент передали Розамунде, и хотя она тоже обрадовалась, но и заплакала над ним и не могла понять его полного значения. Одно она увидела в нем, а именно, что для них с Вульфом не осталось надежды на жизнь. Они знали, что Иерусалим пал, потому что до них долетели ликующие крики мусульман и сквозь тюремные решетки видели бесконечные толпы беженцев, которые выходили через старинные ворота, унося с собой вещи и уводя детей. И, глядя на эту картину, Розамунда чувствовала прилив счастья: она понимала, что пострадает не напрасно.

Наконец лагерь снялся. Салах ад-Дин и многие воины двинулись в Иерусалим, но Вульф и Розамунда остались в унылых темницах, устроенных в старинных усыпальницах. Однажды вечером, когда Розамунда стояла на коленях и молилась перед тем, как лечь спать, дверь отворилась, и на пороге появились фигуры нескольких воинов. Их предводитель поздоровался с ней и предложил ей идти с ним.

— Пришел конец? — спросила она.

— Да, — ответил он, — это конец.

Она кротко склонила голову и пошла за ним. Ее усадили в носилки, стоявшие подле дверей, и в свете луны внесли в Иерусалим, наконец остановились у знакомых дверей.

Двери открылись, и Розамунда вошла в большой монастырский двор, убранный точно для праздника, повсюду среди колонн висели многочисленные лампы. Большой проход под колоннадой и все пространство двора было занято сарацинскими военачальниками в

парадных одеждах, и между ними сидел сам Салах ад-Дин и его двор.

«Они хотят сделать великолепное зрелище из моей смерти», — подумала Розамунда. И вдруг слегка вскрикнула: против трона Салах ад-Дина, облитый лунным сиянием и светом ламп, стоял в своей блестящей кольчуге высокий христианский рыцарь. Он услышал и повернул голову — перед Розамундой был Вульф, похудевший, бледный, но, несомненно, Вульф.

«Значит, мы умрем вместе», — мысленно сказала себе она и гордо пошла вперед среди глубокой тишины; поклонившись Салах ад-Дину, Розамунда взяла руку Вульфа и стояла, не выпуская ее. Султан посмотрел на них и проговорил:

— Как бы долго ни откладывался роковой день, он все же наконец должен наступить. Скажите, франки, готовы ли вы осушить последние капли кубка, о котором я говорил вам?

— Готовы, — ответили они в один голос.

— Сожалеете ли вы, что положили жизни свои за спасение всего Иерусалима? — спросил он опять,

— Нет, — Розамунда посмотрела на Вульфа. — Мы ликуем, что Господь был так благ к нам.

— Я тоже радуюсь, — произнес Салах ад-Дин, — и тоже благодарю Аллаха, в былые времена пославшего мне вещее видение, которое отдало в мои руки святой город Иерусалим без кровопролития. Теперь свершилось все, что было суждено. Уведите их.

На мгновение они приникли друг к другу, но эмиры, разлучив их, увели Вульфа в правую сторону, а Розамунду — в левую; она ушла с бледным лицом и высоко поднятой головой, думая, что сейчас увидит палачей и спрашивая себя, встретит ли она перед смертью Годвина. Ее отвели в комнату, наполненную женщинами, но без палача, и закрыли за ней дверь.

«Может быть, эти женщины задушат меня, — подумала Розамунда, когда они подошли к ней, — чтобы не пролилась царственная кровь?»

Но нет, нежными руками, молча, они сняли с нее платье, омыли ароматной водой, причесали ее волосы и перевили их жемчугом и драгоценными камнями. Они одели ее в тонкие льняные материи, набросили роскошные вышитые одежды и царскую мантию пурпурного цвета, покрыли ее драгоценностями, которые она носила в былые времена, и прибавили к ним другие, еще более великолепные, голову ее покрыли прозрачным покрывалом, вышитым золотыми звездами. Оно было очень похоже на ту вуаль, подарок Вульфа, которую она надела в памятный вечер,

когда Хасан увез ее из Стипля. Розамунда заметила это и улыбнулась, как грустному предвестию, потом тихо промолвила:

— Скажите, зачем хотят насмеяться над моей гибелью, заставляя надеть эти великолепные одежды?

— Такова воля султана, — услышала она в ответ, — и из-за них вы заснете сегодня не менее счастливая.

Теперь все было готово, дверь отворилась, Розамунда вышла во двор, вся сверкающая в свете ламп. Затрубили трубы, и вестник крикнул:

— Дорогу, дорогу! Дорогу для высокой госпожи и принцессы Баальбека!

В сопровождении почтенных женщин, которые убрали ее, Розамунда прошла во двор и снова преклонила колени перед Салах ад-Дином, потом молча остановилась перед ним.

И снова затрубили трубы, и с правой стороны закричал вестник:

— Дорогу, дорогу! Дорогу храброму и благородному франкскому рыцарю Вульф д'Арси!

В сопровождении эмиров и знатных вельмож вышел Вульф в великолепных доспехах, отделанных золотом: с его плеч свисала мантия, усеянная драгоценными камнями, а на его груди сверкала «звезда счастья Хасана». Он подошел к Розамунде и остановился подле нее, опершись на рукоятку своего длинного меча.

— Принцесса, — произнес Салах ад-Дин, — я возвращаю вам ваше положение и титулы, потому что вы показали великое благородство, и вас, сэр Вульф, я желаю почитать, как умею. Но своего решения я не изменяю. Пусть они пойдут вместе и выпьют кубок своей судьбы, как жених с невестой.

Снова затрубили трубы, снова закричали вестники, и Розамунду с Вульфом провели к дверям церкви, постучались в них, и тогда они открылись. Из церкви донесся звук пения женщин, но не печальную молитву пели они.

— Сестры ордена все еще здесь, — сказала Розамунда Вульф, — и они хотят ободрить нас на пути к Небу.

— Может быть, — ответил он, — не знаю... Я изумлен.

У церковных дверей мусульмане остановились, но столпились при входе, точно желая видеть, что будет дальше. А через церковь шла одинокая фигура в белой одежде. Это была настоятельница.

— Что нам делать, мать моя? — спросила Розамунда.

— Идите за мной оба, — позвала она, и они подошли к решетке алтаря и по ее знаку опустились на колени.

Теперь они увидели, что по обеим сторонам алтаря стояло по христианскому священнику. С правой стороны был епископ Эгберт, он вышел вперед и начал читать над ними венчальные молитвы.

— Они венчают нас перед смертью, — прошептала Розамунда.

— Да будет так, — шепнул ей Вульф.

Обряд совершался, сестры сидели на своих резных местах и ждали. Жених и невеста обменялись кольцами. Вульф назвал Розамунду своей женой, Розамунда назвала Вульфа мужем. Наконец старый епископ ушел к алтарю, и другой монах, закрытый капюшоном, выступил вперед и прочитал над ними благословение глубоким и звучным голосом, который странно взволновал их, точно голос, донесшийся из-за гроба. Он, благословляя, простер над ними руки и посмотрел вверх, капюшон спал с его головы, и свет от алтаря осветил его лицо.

Это был Годвин.

Они снова остановились перед Салах ад-Дином, теперь их свита увеличилась благодаря присутствию настоятельницы и монахинь Святого Креста.

— Сэр Вульф д'Арси и вы, Розамунда, моя племянница, принцесса Баальбека, — обратился к ним султан, — последние капли вашего кубка, сладкие или горькие, или сладко-горькие, испиты: та судьба, которую я задумал для вас, свершилась, и вы, по вашим собственным обрядам, сделались мужем и женой. Только смерть, посланная Аллахом, нарушит ваш союз. Вы оказали милосердие осужденным на смерть, сделались средством милосердия, а потому я также милую вас и дарую вам мою любовь и почет. Теперь оставайтесь здесь, пользуйтесь вашим положением и богатством или, если желаете, уезжайте и живите за морем. Да будет над вами благословение Аллаха! Таково решение Юсуфа Салах ад-Дина, повелителя верных, победителя и халифа всего Востока.

Полные радости и изумления, они опустили перед ним на колени и поцеловали его руку. Потом, бросив друг другу несколько слов, замолчали, и Розамунда взволнованно высказала ему слова благодарности:

— Султан, да благословит и да наградит вас Бог. Бог христиан и мусульман, Бог всего мира, хотя мир поклоняется ему различными путями, — да пошлет Он вам счастье за ваше царственное деяние. Выслушайте же нашу мольбу. Может быть, многие наши единоверцы все еще живут в Иерусалиме и не могут заплатить выкупа. Возьмите мои земли и драгоценности, велите их оценить, и пусть это будет платой за свободу нескольких бедных рабов. Таково наше свадебное приношение. Мы же уедем в нашу страну.

— Да будет так, — изрек Салах ад-Дин. — Я возьму земли и употреблю всю сумму их стоимости, как вы желаете. Драгоценности тоже оценят, но я возвращаю их вам в виде приданого. Этим монахиням я дарую позволение остаться здесь, в Иерусалиме, и без всякой опасности для себя ухаживать за больными христианами, если они того захотят, я делаю это, так как они приняли вас... Эмиры, отведите новобрачных в дом, приготовленный для них.

По-прежнему изумленные и все еще не доверяя своему счастью, они повернулись, чтобы уйти, но к ним подошел улыбающийся Годвин, поцеловал их обоих в щеку и назвал: «возлюбленные брат и сестра».

— А вы, Годвин? — прошептала Розамунда.

— Я, Розамунда, тоже избрал себе невесту, и ее имя — церковь Христова.

— Ты вернешься в Англию, брат? — спросил Вульф.

— Нет, — шепнул Годвин с одушевлением и с пламенем в глазах, — крест пал, но не навсегда. У этого креста есть защитники и слуги за морями, они придут на призыв церкви. И здесь, брат, до конца нашей жизни мы, может быть, еще встретимся на поле сражения. А до тех пор прощай...



Завещание мистера Мизона





ЗАВЕЩАНИЕ МИСТЕРА МИЗОНА

I. Фирма «Мизон и К°»

Каждый, кому случалось побывать в Бирмингеме, наверняка знает огромное здание, известное под кратким названием «Мизон», — быть может, наиболее замечательное учреждение во всей Европе. В то время когда начинается наш рассказ, в издательскую фирму «Мизон» входили три компаньона: сам Мизон, директор, мистер Аддисон и мистер Роскью.

Обитатели Бирмингема уверяли, что были еще и другие компаньоны, также заинтересованные в деле.

Как бы то ни было, но фирма «Мизон и К°» была, несомненно, удивительно богатым коммерческим предприятием. Целых два акра земли занимали освещенные электричеством типографии, в которых работало более тысячи человек.

Сотни торговых агентов и коммивояжеров фирмы разъезжали с востока на запад, с севера на юг, продавая повсюду книги, выпущенные фирмой «Мизон и К°», — по большей части религиозного содержания. Двадцать пять собственных сочинителей сидели в укромных уголках и строчили, получая за это различное жалованье, и неделя за неделей выпускали целую массу книг с иллюстрациями собственных же художников.

Были тут редакторы, начальники отделений, их помощники, секретари, корректоры, управляющие. Никто не знал их имен, потому что все служащие фирмы различались по номерам, личностей и личной ответственности здесь не существовало вовсе. Из опасения, чтобы какой-нибудь «номер» не расчувствовался над чужими несчастьями и денежные интересы фирмы не пострадали от этого, всем, имевшим дело с ней, не позволялось видеть один и тот же «номер» более одного раза.

Короче говоря, издательская фирма «Мизон и К°» создавалась ради денег и поклонялась деньгам, и это назойливо бросалось в глаза всем, кто вступал в эту счастливую область коммерции.

Неудивительно, что компаньоны мистера Мизона были очень богаты, и их дворцы служили бы предметом удивления, наверное, и в древнем Вавилоне, и среди роскошнейших построек древнего Рима. Где еще можно было видеть таких удивительных лошадей, такие экипажи, такие дивные

галереи живописи и скульптуры, коллекции драгоценных камней, как у почтенных компаньонов господ Мизона, Аддисона и Роскью?

— Подумайте только! — говорил почтенный мистер Мизон какому-нибудь удивленному бедному автору, которого он желал подавить видом всего этого великолепия. — Подумайте, ведь все это создал мозг человека, подобного вам. Скажу вам, молодой человек, если бы все деньги, уплаченные со времен Елизаветы вам, бумагомарателям, собрать вместе, — из них можно было бы возвести целую колонну. Трудно поверить, что все это сделал простой фокус — религия. Благочестие обогащает нас, особенно в печатном виде!

Доверчивый юноша уходил, подавленный всем виденным, с переполненным сердцем, раздумывая о словах главы фирмы, и мало-помалу загорался желанием попасть в горнило мистера Мизона и поучиться там кое-чему.

Однажды мистер Мизон сидел в конторе и считал деньги, просматривая счетные книги.

Он был в дурном расположении духа, его мохнатые брови грозно нахмурились, так что клерки дрожали, сидя на своих стульях.

В Австралии, в Сиднее, существовало отделение фирмы «Мизон». И вдруг случилось неприятное событие. Большая американская издательская фирма открыла свое отделение в Мельбурне, и клиентура ее была обширнее клиентуры Мизона. Едва только фирма «Мизон и К^о» выпустила издание одного автора, назначив три пенса за том его сочинений, конкурент издал то же сочинение ценой в два с половиной пенса за том. Когда фирма «Мизон и К^о» назначила субсидию одной газете, чтобы поддержать ее, американская фирма выдала субсидию двум газетам, которые начали отчаянно рекламировать ее, и так далее в этом роде.

Результат конкуренции сказался очень скоро: финансовый год приходил к концу, и австралийское отделение фирмы выработало нищенский дивиденд — около семи процентов.

Понятно, почему мистер Мизон был взбешен и клерки фирмы дрожали на своих местах.

— Это нужно проверить, Номер третий! — приказал мистер Мизон, яростно стукнув кулаком по счетной книге.

Номер третий был один из редакторов, маленький человек в синих очках. Когда-то он считался многообещающим писателем, но мистер Мизон сделал его своей собственностью и закабалил в фирме.

— Совершенно верно, сэр, — скромно ответил он, — это очень скверно, ужасно даже подумать... семь процентов! Семь процентов! — он

сжал руки в припадке горя.

— Да не стойте же, словно глупая свинья, Номер третий! — сердито вскричал мистер Мизон. — Придумайте что-нибудь!

— Слушаю, сэр, — еще смиреннее склонился Номер третий, который страшно боялся своего патрона, — я думаю, что кто-нибудь должен отправиться в Австралию и узнать все на месте!

— Я знаю одно, что нужно сделать, — возразил ворчливо мистер Мизон, — все эти дураки там или сами воруют, или всеми кругом обворованы. Я поеду туда сам и разберу все! Так и будет, Номер третий, так и будет!

Номер третий ушел, очень довольный, что отделался от патрона. Вместо него явился клерк и подал патрону карточку.

— Мисс Августа Смиссерс! — прочитал великий человек и, крикнув, произнес:

— Попросить сюда мисс Августу Смиссерс!

Мисс Августа вошла в контору. Это была высокая, хорошо сложенная молодая особа двадцати четырех лет от роду, с красивыми золотистыми волосами, глубокими серыми глазами, нежным лицом и маленьким прелестным ртом. Она выглядела очень расстроенной.

— Что случилось, мисс Смиссерс? — спросил мистер Мизон.

— Я пришла к вам, мистер Мизон, по поводу моей книги!

— Вашей книги? Какой? Простите меня, но мы издаем такую массу книг. Ах да, я припоминаю: «Обет Джемимы!» Да. Я полагаю, она имеет успех!

— Я видела на книге, что она разошлась тиражом в шестнадцать тысяч экземпляров! — заметила мисс Смиссерс.

— Разве? О, тогда вы знаете это лучше меня!

Мистер Мизон посмотрел на посетительницу, давая ей понять, что разговор окончен.

Мисс Смиссерс встала, потом, сделав над собой усилие, снова села.

— Мистер Мизон! — произнесла она. — Я думаю, что... так как моя книга «Обет Джемимы» имела огромный успех, быть может, вы согласитесь добавить мне хотя бы небольшую сумму к тому гонорару, который я получила за нее?

Мистер Мизон снова взглянул на посетительницу. Он так сильно нахмурился, что его маленькие острые глазки совсем спрятались под нависшими седыми бровями.

— Что такое? — спросил он. — Что такое?

В этот момент дверь отворилась, и в контору медленно вошел молодой

человек, очень милый с виду, высокий, статный, с прекрасным цветом лица и чудесными голубыми глазами — типичный молодой англичанин, двадцати четырех лет от роду. Он вошел медленно, с веселым и независимым видом, что составляло слишком разительный контраст с подобострастной угодливостью служащих, пресмыкавшихся перед патроном. Молодой человек даже не дал себе труда снять шляпу, сдвинутую на затылок; засунув руки в карманы и что-то насвистывая, он одним толчком открыл дверь в святилище Мизона и предстал перед главой фирмы.

— Как поживаете, дядя? — обратился он к мистеру Мизону, как к обыкновенному смертному. — Что с вами?

Тут он заметил красивую молодую даму, сидевшую в конторе. Моментально в нем произошла перемена. Руки сами собой убралась из карманов, шляпа слетела с головы; повернувшись к даме, он вежливо поклонился ей.

— Что тебе нужно, Юстас? — проворчал мистер Мизон.

— Ничего, дядя! Ничего особенного!

Не дожидаясь приглашения, молодой человек взял кресло и сел так, чтобы видеть лицо мисс Смиссерс.

— Я хотел сказать вам, мисс Смиссерс, — продолжал мистер Мизон, — что не совсем понимаю, чего вы желаете. Извольте припомнить, что вы получили за книгу солидную сумму в пятьдесят фунтов!

— Великий Боже! — пробормотал молодой человек. — Что же это такое!

— Во время переговоров, — Мизон строго взглянул на посетительницу, — вам было предложено семь процентов с каждой новой книги, которую вы принесете нам, и если бы вы согласились и приняли эти условия, у вас, несомненно, была бы в руках достаточная сумма денег!

Мистер Мизон снова нахмурил свои косматые брови и весьма недружелюбно посмотрел на бедную девушку.

Августа, хотя ощущала величайшее желание убежать, продолжала оставаться на своем месте, потому что сильно нуждалась в деньгах.

— Я не могу поставлять вам книги, получая семь процентов, мистер Мизон! — проговорила она скромно.

— Боги! Семь процентов, когда он получает тридцать пять! — снова пробормотал Юстас, продолжая оставаться на заднем плане.

— Возможно, мисс Смиссерс, очень возможно! — продолжал великий человек. — Вы должны извинить меня, если я не вполне осведомлен в ваших личных делах! Я знаю по опыту, что у большинства пишущей

братии денежные дела всегда плохи!

Августа молчала. Мистер Мизон встал, подошел к стоявшему рядом шкафу и извлек оттуда связку документов. Он просматривал их один за другим, пока не нашел того, который был нужен.

— Вот договор! — сказал он. — Посмотрим! Ага! Я так и думал. Литературная собственность — пятьдесят фунтов... вот за право перевода — ваша подпись, которой вы согласились за всю свою будущую работу для нас в эти пять лет получать семь процентов или сумму, не превышающую сотни фунтов, за всякую литературную собственность!...

Ну, что вы скажете, мисс Смиссерс? Вы добровольно подписали бумагу. Случилось так, что книга ваша имела успех... Разве я должен докладывать, что мы вернули уплаченную вам сумму? Разве это достаточное основание для вас, чтобы приходить и требовать еще денег, сверх того, что вам угодно было получить по условиям договора? Я никогда не слышал ничего подобного за всю мою многолетнюю практику, никогда!

Он замолчал, сурово смотря на посетительницу.

— Во всяком случае, я должна бы что-нибудь получить за право перевода моей книги, я знаю, что она была переведена во Франции и Германии! — возразила Августа неуверенно.

— О, несомненно! Юстас, будь так добр, позвони!

Молодой человек повиновался. Появился высокий, меланхолического вида клерк.

— Номер восемнадцатый, — проворчал мистер Мизон дружеским тоном, которого старался придерживаться в отношении своих служащих, — напишите счет за перевод книги «Обет Джемимы» и дайте сюда чек для уплаты автору!

Номер восемнадцатый исчез, как привидение.

— Если вам нужны деньги, мисс Смиссерс, — снова заговорил патрон, — вы лучше бы сделали, если бы написали новую книгу! Я не отрицаю, что ваша работа очень хороша, пожалуй, слишком глубока и не совсем в духе господствующей религии, но хороша! Я сам просматривал книгу, что делаю очень редко, заметил ее большие достоинства и знал, что на нее будет спрос. А в этом я никогда не ошибаюсь! Я полагаю, что книга выдержит много изданий... а вот и счет!

Снова появился подобный призраку клерк, положил на конторку перед патроном лист бумаги и неподписанный чек, улыбнулся бледной улыбкой и исчез.

Мистер Мизон взглянул на счет, подписал чек и подал их Августе. Августа, увидев счет, скомкала чек в руке.

— Насколько я понимаю, мистер Мизон, — сказала она, — вы продали права на перевод моей книги, так как убедили меня предоставить их вам... Мне остается получить три фунта с чем-то?

— Да, мисс Смиссерс. Будьте добры подписать свое имя. У меня масса дел сегодня!

— Нет, мистер Мизон, — ответила Августа, вставая с места, раздраженная и удивительно красивая в своем гневе, — нет, я не хочу подписаться, я не возьму чека. Более того, я не буду ничего писать для вас, ни одной книги. Вы поймали меня в ловушку! Вы воспользовались моей наивностью и неопытностью и закабалили меня еще на пять лет. Хотя моя книга очень популярна, хотя меня любят и читают в Англии, я вынуждена получать за свою работу сумму, на которую нельзя существовать. Знаете ли вы, что вчера мне предлагали тысячу фунтов за мою книгу? Это большая сумма, но я могу доказать, что говорю правду... у меня есть письмо! Да, у меня осталась рукопись книги. Если бы я могла напечатать ее, то избавилась бы от нужды вместе со своей сестренкой... — У нее вырвалось рыдание. — Но, — продолжала Августа, — я не могу напечатать ее и не отдам вам, потому что не хочу, чтобы меня так эксплуатировали! Скорее я умру с голоду. Я не буду ничего писать и печатать у вас все эти пять лет, я напишу в газетах почему и скажу, что вы меня обманули, мистер Мизон!

— Обманул! — загремел великий человек. — Осторожнее, мисс, думайте, что говорите! У меня есть свидетель... Юстас, ты слышишь? Обманул! Я ее обманул! Слышишь, Юстас?

— Слышу! — мрачно ответил молодой человек.

— Да, мистер Мизон, я сказала, что обманута вами, и повторю это, когда и где вам угодно. Доброго утра!

Она поклонилась и вдруг неожиданно разразилась целым потоком слез.

В одну секунду молодой человек очутился подле нее.

— Не плачьте, мисс Смиссерс! Ради Неба, не плачьте! Я не могу видеть ваших слез!

Августа благодарно взглянула на него своими прекрасными, полными слез глазами и пыталась улыбнуться.

— Благодарю вас! — произнесла она. — Я смешна, но, право, мне так тяжело! Если бы вы знали... Мне пора идти! Благодарю вас! — Она быстро вышла из комнаты.

— Наконец-то, — выдохнул мистер Мизон, сидевший за своей конторкой с открытым от удивления ртом. — Но какая злая женщина! Она вернется к нам! Я видал таких... там сидят двое таких же!... — Он ткнул

пальцем в том направлении, где сидели, словно кролики в норах, закабаленные авторы и с точностью машин писали книги. — Эти так же бесились... Теперь они успокоились и не показывают свой норов! Я знаю, как поступать с ними, — половинная плата и двойная работа... это отличное средство! Каково! Эта девица обойдется нашей фирме в полторы тысячи фунтов в год! Что ты думаешь об этом, юноша? А?

— Я думаю, — проговорил племянник, на добродушном лице которого ясно читалось раздражение, — я думаю, что вам должно быть стыдно за себя!

II. Юстас лишается наследства

Наступила пауза — ужасная пауза. Словно молния сверкнула в грозной туче, хотя грома еще не было слышно. Мистер Мизон тяжело дышал. Схватив чек, брошенный Августой на стол, он гневно комкал его в руке.

— Что ты сказал? — произнес он холодным, злым тоном.

— Я сказал, что вы должны стыдиться самого себя, — повторил племянник, смело глядя в лицо патрона, — и продолжаю думать это!

— Ого! Так будь добр, объясни мне, почему ты это сказал и почему так думаешь?

— Я думаю это, — громко и уверенно отвечал племянник, — потому что девушка была права, вы обманули ее и отлично знаете, что это правда! Я просматривал счет за «Обет Джемимы» сегодня утром... Вы нажили на книге более тысячи фунтов барыша. И когда она пришла к вам просить прибавить ей что-нибудь сверх этих жалких пятидесяти фунтов, которые вы ей уплатили, — вы отказываете и предлагаете ей три фунта за право перевода ее книги — три фунта, тогда как вы получили тысячу фунтов.

— Продолжай! — прервал его дядя. — Прощу тебя, продолжай!

— Хорошо! Я продолжаю. Это еще не все: вы сыграли ловкую шутку и поймали несчастную девушку в ловушку, по условию она — ваша раба на целых пять лет! Заметив в ней талант, вы уверили ее, что издержки на распространение и перевод ее книги так велики, что она не в силах взять их на себя... Она соглашается отдавать вам все, что напишет за пять лет, за половину обычного гонорара, который получает всякий имеющий успех автор!

Вы воспользовались ее неопытностью и связали ее условием, отлично зная, что, дав ей вперед денег, вы ее окончательно закабалите, а потом отправите в те норы, где сидят ваши злосчастные авторы, где всякий талант, самобытность, ум подавляются механической работой и где эта девушка обратится в пишущую машину. Фирма «Мизон и К°» — чисто коммерческое предприятие, и вы знаете, что ее продукция далека от гениальности, что она не выносит истинного таланта и гордится своей тупой и нелепой литературой! Это чертовски стыдно, дядя!

Молодой человек, голубые глаза которого горели негодующим огнем, — он хорошо знал все дела фирмы, потому что сам немало поработал для нее, — стукнул кулаком по конторке, как бы подтверждая свои слова.

— Ты закончил? — спросил его дядя.

— Да, я закончил и надеюсь, что изложил все достаточно ясно!

— Очень хорошо! Могу я теперь спросить тебя, намерен ли ты придерживаться своих взглядов, своей системы, если допустить, что ты будешь управлять делами нашей фирмы?

— Конечно. Никогда и ни за что я не соглашусь поступать бесчестно!

— Благодарю. Ты, вероятно, в Оксфорде наострился так красноречиво излагать свои мысли, хотя, по-видимому, ты мало чему научился там! Хорошо. Теперь моя очередь говорить. И я скажу тебе, друг мой, вот что: или ты должен сейчас же извиниться передо мной за твои слова, или ты навсегда покинешь мой дом!

— Я не желаю просить извинения за то, что сказал правду! — горячо отвечал Юстас. — Ведь вы никогда не слыхали здесь правды. Все эти бедняги пресмыкаются перед вами и не смеют вымолвить ни слова. Я буду чертовски рад выбраться из вашей лавки. Я ненавижу ее. Здесь требуются большая практика и умение делать деньги всеми нечистыми путями и способами!

Мистер Мизон пока сдерживался, по крайней мере внешне. Но последние слова племянника слишком больно задели директора фирмы; до сих пор богатство, деньги защищали великого человека от выслушивания неприятных истин. Лицо мистера Мизона исказилось от злобы, брови грозно нахмурились, бледные губы дрожали от ярости.

Несколько секунд он не мог произнести ни единого слова, задыхаясь от волнения. Наконец он заговорил тонким, дрожащим от ярости голосом.

— Бесстыжий мерзавец! Неблагодарный найденыш! Не думаешь ли ты, что я спас тебя от голодной смерти и принял в свой дом, когда мой брат предоставил тебе умереть с голоду, — и это было бы самое лучшее для тебя, — для того, чтобы ты нахально являлся ко мне и читал наставления? Нет, юноша! Можешь отправляться вон и вести свои собственные дела, как тебе угодно! Уходи прочь из моего дома и не смей показывать здесь носу, или я прикажу выгнать тебя при первой же попытке явиться сюда! Это еще не все. Мы покончили с тобой, ты никогда не увидишь гроша от меня! Я не могу выносить тебя более... Знаешь ли, что я сделаю еще? Я отправлюсь к старому Годди, своему адвокату, скажу, чтобы он приготовил новое завещание, и оставлю все свое состояние — около двух миллионов — Аддисону и Роскью. Им это вовсе не нужно, но я это сделаю. Ты не получишь ничего, ни одного фартинга. Теперь, мой милый молодой джентльмен, отправляйтесь вон... Увидим, на что вы будете жить с вашими новыми принципами!

— Хорошо, дядя. Я уйду, — спокойно отвечал молодой человек. — Я понимаю, что был причиной нашей ссоры, но не жалею, что сказал вам правду. Мне всегда было тяжело зависеть от вас и вести дела с фирмой «Мизон». Моя мать оставила мне сотню фунтов, и с этими деньгами и с моим образованием я надеюсь как-нибудь прожить. Но мне не хочется расставаться с вами в ссоре, потому что вы были добры ко мне и, как справедливо напомнили сейчас, спасли меня от голодной смерти, когда я осиротел. Я хотел бы пожать вашу руку, прежде чем уйду!

— Ага! — усмехнулся дядя. — Вам хотелось бы помириться теперь. Этого не нужно. Уходите! Чтобы ноги вашей не было в моем замке Помпадур! — мистер Мизон сел. — Можете собрать свои вещи и уходите!

— Вы не поняли меня! — возразил Юстас с достоинством. — Вероятно, мы никогда больше не увидимся, и мне не хотелось уходить от вас в ссоре. Доброго утра! — Он поклонился и ушел.

— Смутился!... — пробормотал мистер Мизон, когда за племянником закрылась дверь. — Вздумал показывать характер! О, я тоже с норовом и что сказал, то и сделаю! Не дам ему ни одного шиллинга! Пусть убирается ни с чем! Проклятье! Я все же привязан к этому молодцу!... И все из-за какой-то девчонки Смиссерс! Может быть, он влюблен в нее? Пусть убираются и вместе умирают с голоду! Для нее выгоднее было бы держаться за меня, у нее были бы деньги, — это так же верно, как то, что меня зовут Джонатан Мизон! Она все еще у меня в руках вот по этому контракту, и, если она осмелится где-нибудь напечатать книгу, я раздавлю ее — да, раздавлю, хотя бы это стоило мне пять тысяч! — Он яростно стукнул кулаком по столу.

Потом он встал, аккуратно убрал договор с Августой и отправился посетить разные отделения своего заведения, чтобы разнести всех и вся.

Клерки фирмы долго вспоминали об этом ужасном дне, затаив дыхание. Ярость Мизона разразилась над подчиненными, подобно злобе кровожадного Гектора против греков, подобно гневу Рамсеса, нещадно давившего своей колесницей полки варваров.

В первой комнате он поймал злосчастного клерка, жующего сандвичи. Не задумываясь, он схватил сандвичи и вышвырнул их за окно.

— Вы полагаете, я плачу вам за то, чтобы вы приходили сюда есть сандвичи? — резко закричал он. — Можете идти и посмотреть, как они валяются там. И не трудитесь возвращаться, негодный лентяй! Вон! Немедленно!

Несчастный ушел. Мизон оглядел других клерков и, предупредив их, чтобы они были осторожнее и усерднее, иначе последуют за выгнанным

клерком, пошел дальше своим разрушительным путем.

Встретив редактора Номер семь, который нес ему какой-то контракт для подписи, мистер Мизон остановился и взглянул в бумагу.

— Зачем вы несете мне это? — спросил он. — Это никуда не годится!

— Я написал точно так, как вы мне диктовали вчера, сэр! — возразил редактор.

— Как вы смеете противоречить мне? — заревел Мизон. — Смотрите сюда, Номер седьмой. Ни слова! Вам уплатят до конца месяца, и если вам угодно будет оставить должность, я согласен на это! Доброго утра, Номер седьмой, доброго утра!

Он пересек дворик, в углу которого наткнулся на маленького мальчика-бродягу, который сладко спал в своем уединении. Хозяин ткнул его своей тростью и затем выгнал вон.

Эта дикая охота за жертвами продолжалась еще полчаса, пока мистер Мизон не изнемог.

На следующее утро поразительная новость произвела настоящую сенсацию среди служащих: одиннадцать вакансий освободилось в фирме «Мизон».

Пара стаканов доброго хереса и несколько сандвичей, которые мистер Мизон проглотил в соседнем ресторане, несколько успокоили его. Затем он уселся в кеб и приказал везти себя к мистеру Тодди.

— Дома мистер Тодди? — спросил он клерка, который вышел, низко кланяясь богатейшему из обитателей Бирмингема.

— Мистер Тодди освободится через несколько минут! — ответил он. — Не угодно ли газету?

— К черту газету! — последовал вежливый ответ. — Я пришел сюда не газеты читать. Скажите мистеру Тодди, что мне нужно видеть его немедленно, или я уйду!

— Мне очень жаль, сэр!... — начал клерк.

Мистер Мизон подскочил и схватил шляпу.

— Ну-с, — произнес он, — что же дальше?

— О, сэр, прошу вас присесть! — отвечал встревоженный управляющий: тяжело было бы упустить из рук дела с фирмой «Мизон». — Я сейчас скажу мистеру Тодди!

Он исчез.

Сейчас же после его ухода какая-то старая леди выползла из внутренних комнат, держа в руке ридикюль, наполненный бумагами, и громко заявляя, что у нее голова идет кругом.

Бедная душа восемнадцать раз меняла свое завещание и чрезмерно

утомилась, созерцая почтенного юриста в его конторе.

Через минуту мистер Тодди тепло и восторженно приветствовал мистера Мизона. Адвокат был маленьким человечком с нервным лицом, который весь трясся при разговоре и брызгал слюной.

— Как поживаете, дорогой сэръ? Восхищен, что вижу вас... — начал он с ужимками и внезапно умолк, заметив зловещее выражение лица великого человека. — Уверяю вас, мне очень жаль, что заставил вас ждать, дорогой сэръ. Я был занят с превосходным завещателем!

Тут он подпрыгнул и попятился, потому что мистер Мизон вдруг закричал свирепым голосом:

— К черту ваших завещателей! Я тоже завещатель и не привык ждать в передней, как какой-нибудь клерк или автор! Берегитесь же, Тодди! Смотрите, чтобы впредь этого не было!

— Уверяю вас, мне очень досадно... Обстоятельства...

— Ну, теперь мне нужно от вас мое завещание!

— Ах, завещание! Простите меня... Я несколько смущен всем происшедшим! Вы действуете так... э-э... решительно!

Он опять умолк, потому что мистер Мизон устремил на него свой свирепый взгляд и прошел в соседнюю комнату.

— Идиот! — бормотал Мизон. — Я его проучу, если он не будет почтительнее! Клянусь Иовом! Я сам не знаю, отчего не заведу себе собственного, постоянного юриста! Я мог бы платить ему триста фунтов в год, между тем как старому Тодди я плачу почти две тысячи фунтов!... Пусть меня повесят, если я не сделаю этого. Эта маленькая стрекоза подпрыгнет при одном моем заявлении! — Он захохотал при этой мысли.

Мистер Тодди вернулся с завещанием, и, прежде чем успел раскрыть рот, Мизон коротко приказал ему прочесть завещание. Адвокат повиновался.

Оно было коротким. За исключением нескольких имений, на сумму около двадцати тысяч фунтов, весь капитал и все остальное имущество, включая свой процент в фирме и замок Помпадур, завещатель оставлял своему племяннику Юстасу Мизону.

— Хорошо! — сказал великий человек, когда документ был прочитан. — Дайте мне его!

Мистер Тодди повиновался и передал документ патрону, который тотчас же разорвал его в клочки своими сильными пальцами и довершил его уничтожение острыми белыми зубами.

Сделав это, мистер Мизон скомкал клочки, бросил их на пол и затоптал ногами с такой злобой, что маленький мистер Тодди ужаснулся.

— Конец старой привязанности! — мрачно произнес директор фирмы.
— Надо составить новое завещание. Берите перо и слушайте!
Мистер Тодди послушно взял перо и приготовился писать.

Я завещаю все свое состояние, равное двум миллионам, своим компаньонам Альфреду Тому Аддисону и Сесимо Спенсеру Роскью, которые должны разделить его пополам.

— Великий Боже! — вскричал мистер Тодди. — Зачем же вы хотите обидеть вашего племянника... и других наследников?; — добавил он, подумав.

— Я так хочу! Это касается только моего племянника. Остальные наследники получают свое!

— Знаете, — продолжал до крайности изумленный маленький человек, — это такая постыдная вещь, какой я еще никогда не слышал!

— В самом деле? Позвольте мне спросить вас, мистер Тодди, кому принадлежит мое состояние, вам или мне? Не трудитесь отвечать, подождите! Или вы сейчас же напишите это завещание, или проститесь с двумя тысячами фунтов в год. Выбирайте!

Мистер Тодди выбирал недолго. Через час завещание было написано и подписано.

— Теперь, — сказал мистер Мизон, обращаясь к мистеру Тодди и главному клерку и взяв перо, чтобы поставить свою подпись, — помните, вы оба, что, составляя завещание, я находился в здравом уме и твердой памяти! Будьте свидетелями!

Наступил вечер. Денежный царек Мизон сидел за своим одиноким обедом в столовой замка Помпадур. Обед был подан. Напудренный лакей вышел своей величественной походкой, и главный дворецкий поставил несколько графинов дорогого вина перед своим одиноко сидевшим господином.

Обед носил отпечаток меланхолии. Дорогие блюда, стоимость которых могла бы позволить не один месяц кормиться бедной семье, приносились и ставились перед мистером Мизоном, который находил невкусным одно, ковырял вилкой другое и отсылал прочь. В этот вечер у богача не было аппетита.

— Джонстон! — подозвал он дворецкого, когда лакей ушел. — Мистер Юстас был здесь?

— Да, сэр!

- И ушел?
- Да, сэр. Он собрал свои вещи, взял кеб и уехал!
- Куда?
- Я не знаю, сэр. Он велел кучеру ехать в город!
- Оставил он записку?
- Нет, сэр, но он просил меня передать вам, что не будет беспокоить вас и что очень сожалеет, что расстался с вами в ссоре!
- Почему вы не сказали мне этого раньше?
- Потому что мистер Юстас приказал мне сказать вам это только в том случае, если вы спросите о нем!
- Хорошо... Джонстон!
- Что угодно, сэр?
- Отдайте приказание, чтобы имя мистера Юстаса никогда не произносилось в моем доме! Тот, кто произнесет его имя, будет немедленно уволен!
- Слушаю, сэр!

Джонстон ушел.

Мистер Мизон посмотрел вокруг себя. Хрусталь, серебро, белоснежная скатерть, дорогие цветы. Он взглянул на стены, увешанные дорогими произведениями искусства, на зеркала, на мраморные каминные, в которых горел яркий огонь (шел ноябрь), на нежные, пушистые ковры и задумался. Все это принадлежит ему. Он тяжело вздохнул, и его грубое лицо омрачилось. Зачем нужно ему все это? У него нет семьи, и эта роскошь не доставляет ему удовольствия. Его наслаждение — наживать деньги, но не тратить их. Он чувствовал себя счастливым, когда сидел у себя в конторе, заправляя делами собственной фирмы и прибавляя со временем к своему богатству. Все сорок лет это была его единственная радость... Его мысли перешли на племянника, единственного сына его родного брата, которого он когда-то любил... Мизон снова вздохнул. Да, он по-своему привязался к мальчику, и ему было тяжело терять его. Но Юстас предал его и, что хуже всего, высказал ему правду, которой он не терпел. Он сам знал, что поступает нечестно, но не мог выносить, чтобы кто-то говорил ему об этом! Мистер Мизон сам по себе вовсе не был дурным человеком. Да и нет людей абсолютно дурных! Он был грубый, вульгарный коммерсант, ожесточившийся в долгой погоне за наживой, в своем поклонении деньгам. В груди его жили человеческие чувства, как у всех людей, но он не мог выносить возражений и всегда старался отомстить за обиду. Сидя теперь в одиночестве за столом, среди окружающей роскоши, он понял, что месть не приносит счастья, но все-таки не хотел переменить

своего намерения. Мистер Мизон никогда не менял раз принятого решения.
Он был верен самому себе.

III. Августа Смиссерс и ее сестренка

Покинув дом Мизона, Августа печально направилась домой. Отец Августы был священник, каких много на свете, не особенно избалованный жизнью. Когда мистер Смиссерс, или, вернее, преподобный Джеймс Смиссерс, умер, после него остались вдова и двое детей, — Августа, четырнадцати лет, и Дженни, четырех лет. Кроме них, было еще два мальчика, но они ушли в страну теней еще раньше отца. К счастью, миссис Смиссерс обладала суммой в семь тысяч фунтов, которая была помещена под хорошие проценты и приносила ей триста пятьдесят фунтов в год. Чтобы как можно лучше поместить свой доход и дать дочерям образование, которое позволяли обстоятельства, миссис Смиссерс после смерти мужа переселилась из деревни, где он в продолжение нескольких лет был викарием, в Бирмингем. Здесь она прожила целых пять лет в полнейшем одиночестве и внезапно умерла, оставив беспомощными сиротами двух дочерей, девятнадцати и девяти лет. Миссис Смиссерс была бережливой женщиной. После ее смерти, по уплате всех долгов, дочерям осталось около шестисот фунтов на прожитие, и больше ничего. Августа, с юных лет обнаружившая большую склонность к литературе, вскоре после смерти матери напечатала на собственные средства свою первую книгу. Предприятие оказалось неудачным и обошлось ей в пятьдесят два фунта. Спустя некоторое время, оправившись от неудачи, Августа написала книгу «Обет Джемимы», изданную фирмой «Мизон».

Книга имела большой успех, но Августа ровно Ничего не выиграла. Три года прошло со дня смерти миссис Смиссерс, и от шестисот фунтов осталось немного, хотя сестры жили очень экономно, в двух маленьких комнатках. Издержки их были огромны из-за серьезной легочной болезни маленькой Дженни.

В то самое утро, когда Августа была у мистера Мизона, она видела доктора, лечившего Дженни, который сказал ей, что ребенка надо увезти куда-нибудь в теплый климат, потому что иначе она не переживет зиму...

Везти Дженни в теплый климат! С таким же успехом доктор мог ей посоветовать отвезти ее на Луну! У нее нет денег, она не знает, как ей обернуться! Дай Бог никому не видеть любимое существо умирающим, не имея при этом денег, чтобы спасти его!

В таких тяжелых обстоятельствах Августа решила обратиться к Мизону, который нажил сотни на ее книге и заплатил ей всего пятьдесят

фунтов. Выйдя из конторы Мизона, Августа вспомнила о своем банкире.

Быть может, он выдаст ей вперед какую-нибудь сумму? Это была тяжелая задача, но Августа решила попробовать, отправилась в банк и спросила управляющего. Его не было на месте, он должен было вернуться к трем часам. Августа зашла в ближайший магазин, съела пирожное, выпила стакан молока, подождала некоторое время, потом прогуливалась по улицам до трех часов.

В назначенный час она была в банке, в отдельной приемной управляющего. Сухой, неприятного вида человек сидел перед столом. Это был не тот господин, которого Августа видела раньше. Сердце ее сжалось. Она изложила ему свою просьбу. Управляющий вежливо, с выражением сочувствия на лице выслушал ее, после чего заявил, что выдавать отдельные ссуды — не в обычае их банка, и снова учтиво поклонился ей.

Было около четырех часов пополудни. Сырой туман повис над улицами Бирмингема. Подобная погода была способна привести в уныние даже счастливейшего из смертных. Августа, мокрая, усталая, чуть не плача добралась до своей квартиры. Она вошла в комнату очень тихо, потому что единственная служанка встретила ее у дверей и сказала, что мисс Дженни после обеда сильно кашляла, а потом заснула.

В камине горел небольшой огонек, так как уголь экономили, заменяя его двумя-тремя поленьями, а на письменном столе Августы в отдаленном углу комнаты горела парафиновая лампа. Недалеко от камина, на софе, крытой красным репсом, лежала маленькая девочка; ее тоненькая и воздушная фигурка скорее походила на призрак.

Это была спящая Дженни, сестра Августы.

Августа украдкой нежно взглянула на нее. Маленькое нежное личико девочки, оттененное длинными ресницами, с красивым носиком и кротко очерченным маленьким ртом, поражало бледностью и худобой. Сон смягчил выражение страдания, и легкая улыбка покоилась на ее лице.

Августа посмотрела на сестру и в отчаянии сжала руки, спазм сдавил ей горло, и глубокие серые глаза наполнились слезами. Где достать денег, чтобы спасти сестру? Год тому назад один богатый человек, который был противен ей, предлагал Августе стать его женой. Она ничего не ответила ему. Он уехал, но если бы он был здесь, в Бирмингеме, она непременно вышла бы за него замуж! Да, она сделалась бы женой богатого человека ради его денег, чтобы спасти сестренку! Она не хочет и думать о себе, когда ее дорогая девочка умирает — умирает, потому что у нее нет двухсот фунтов.

Дженни проснулась и протянула к сестре свои ручки.

— Наконец-то ты вернулась, дорогая! — произнесла она нежным детским голосом. — Мне было скучно без тебя! Какая ты мокрая! Сними скорее свой жакет, Густы, иначе ты заболеешь, как я... — Тяжелейший приступ кашля прервал ее слова. Она кашляла так сильно, что все ее тело содрогалось и трепетало.

Августа отвернулась, сняла жакет, села на софу около сестры и взяла ее тоненькую ручку.

— Ну, Густы, как ты договорилась с печатным дьяволом? — (так невежливо Дженни прозвала мистера Мизона). — Даст он тебе денег?

— Нет, дорогая моя, мы поссорились, и я ушла!

— Значит, мы не можем уехать отсюда?

Августа была не в силах ответить и только кивнула головой. Дженни уткнула лицо в подушку и зарыдала.

— Густы, дорогая моя! — подняла она голову. — Не сердись, мне надо поговорить с тобой! Выслушай меня, Густы, милая, ангел мой! О, Густы, ты не знаешь, как горячо я тебя люблю! Бесплезно бороться с моей болезнью, я должна умереть. Хотя мне только двенадцать лет и ты считаешь меня ребенком, но я все понимаю! Болезнь сделала меня старой! — добавила Дженни после приступа кашля. — Я чувствую себя так, словно мне пятьдесят лет. Я теперь лишнее бремя, лишняя забота для тебя, дорогая моя!

— Не говори этого, Дженни, не говори! — вскричала Августа. — Ты убиваешь меня!

Дженни положила свою горячую руку на плечо сестры.

— Слушай, дорогая Густы! Я знаю, что умру. Отчего ты так боишься этого? Разве мне будет там хуже, чем здесь? Разве я буду так страдать, как страдаю сейчас, когда вижу твою горе, твои слезы? Как нехорошо больным здесь, на земле! Самое лучшее, что было в нашей жизни за все эти годы, — это твоя книга, Густы. Когда я чувствую себя плохо, когда у меня болит грудь, я начинаю думать о твоих сочинениях... У тебя большой талант, Густы, — истинный талант, и когда-нибудь ты станешь знаменитостью. У тебя могут отнять деньги, но никто не отнимет твоего таланта! Да, дорогая моя сестра, я знаю, что ты будешь великой писательницей вопреки всем Мизонам и К°. И когда у тебя будут и слава, и богатство и ты станешь еще красивее, чем теперь, когда все будут преклоняться перед тобой, я знаю, что ты вспомнишь обо мне, потому что твое сердце не может забыть меня, и о том, что я — за много лет вперед — говорила тебе перед своей смертью!

Девочка, говорившая все это с удивительной уверенностью и

серьезностью для своих лет, снова закашлялась. Августа опустилась на колени перед ней, сжала ее в объятиях и умоляла ее не говорить о смерти. Дженни прижала к своей груди золотоволосую голову сестры.

— Хорошо, Густы, я не буду говорить об этом! — сказала она. — Но зачем скрывать правду? Я устала, измучилась здесь... Но мы горячо любили друг друга, и, может быть, мы могли бы... — Доброе маленькое сердечко девочки сжалось от боли.

Подавленные предчувствием близкой разлуки, сестры обнялись и горько зарыдали.

В дверь постучали. Августа отвернулась, чтобы скрыть свои слезы. Это была служанка, которая принесла чай. Августа выпила немного чаю и съела маленький кусочек хлеба с маслом. События дня лишили ее всякого аппетита. Дженни выпила чашку молока, но есть не стала. Когда служанка убрала чай и ушла, Дженни заговорила снова.

— Густы, — попросила она, — мне хочется, чтобы ты уложила меня в постель и прочла мне кусочек из «Обета Джемимы», знаешь, когда бедная Джемима умирает! Это прелесть как хорошо, мне хотелось бы еще послушать!

Августа исполнила ее желание, взяла рукопись и начала читать. В самом деле, это была самая сильная и патетическая сцена в книге, способная глубоко растрогать читателя. Августа дочитала последнюю фразу: «И Джемима протянула ему руку и сказала: прощай! Она сдержала свое обещание и, счастливая этим, пошла спать!»

— А! — прошептала голубоглазая Дженни, внимательно слушавшая чтение. — Я хочу сделать так же, как Джемима. Хотя я не давала обета, но могу тоже сказать: «Прощай!» — и идти спать!

Дженни задремала... Августа с глубокой нежностью смотрела на больную сестру.

— Она умрет!... — прошептала бедная девушка. — Она умрет, потому что я не могу увезти ее отсюда. Как мне достать денег? Как достать?

Она закрыла лицо руками и погрузилась в тяжелые думы.

Вдруг ей пришла в голову новая мысль.

Она может опять пойти к Мизону и продать ему за сто фунтов рукопись новой книги. Конечно, этого мало, путешествие с больной сестрой потребует больших расходов. Она заключит контракт и станет работать, как другие авторы. Мизон, наверное, будет доволен возможностью закабалить ее. Да, конечно, это тяжелое, позорное рабство!

Августа вздрогнула при мысли о том, что ее талант погибнет при такой работе, — работе, которая налагает тяжкое клеймо и уничтожает всякую

искру оригинальности, которая превращает человека в машину. Да, это ужасно, это разобьет ее сердце, но девушка была готова на все, лишь бы достать двести фунтов и спасти сестру. Мистер Мизон станет торговаться, но, если он согласится заключить с ней контракт на несколько лет, то, вероятно, выдаст ей вперед еще сто фунтов. Таким образом, продав рукопись, она будет иметь в руках желанные две сотни.

Решившись принести эту жертву, Августа тяжело вздохнула и легла спать, усталая, с тяжестью на сердце.

Она заснула. Когда она спала, какой-то призрак, которого она не могла видеть, стоял у кровати Дженни, и сильный голос призывал к себе из тьмы.

Смерть вошла в эту скромную комнату.

Еще одна человеческая душа покончила счеты с жизнью и навсегда покинула землю!

На рассвете Августа проснулась. Ей показалось, что какое-то холодное дыхание повеяло ей в лицо. Она прислушалась. Кровать Дженни стояла у противоположной стены узкой комнаты, и она могла слышать ясно все ее движения, так как больная девочка спала беспокойно. Теперь она не слышала даже дыхания сестры. Тишина стояла мертвая, подавляющая. Августа соскользнула с постели и зажгла свечу. Она подошла со свечой к белой кроватке сестры.

Дженни лежала на боку, бледное лицо ее покоилось на бледной руке. Глаза были широко раскрыты. Когда Августа поднесла свечу к ее лицу, Дженни не шевельнулась, не закрыла глаз. Ее рука, о Боже, ее пальцы были холодны как лед!

Августа поняла все. В отчаянии подняв руки, полная ужаса, она громко закричала...

IV. Решение Августы

На следующий день после смерти маленькой Дженни Смиссерс мистер Юстас Мизон прогуливался по Бирмингему, засунув руки в карманы, с видом нерешительности на приятном, благородном лице. Юстас Мизон был не особенно убит переменой своих жизненных обстоятельств. Это был молодой и довольно беззаботный джентльмен с веселым характером. У него не было ни жены, ни детей, и он хорошо знал, что сумеет как-нибудь прожить со своей сотней фунтов и полученным образованием. Его нимало не смущали разрыв с почтенным дядюшкой и потеря огромного наследства.

Забрав свое имущество в замке Помпадур и поселившись в отеле, Юстас больше не хотел и вспоминать о дяде. Зато он много думал о красивых серых глазах Августы Смиссерс, о ее характере, о книге «Обет Джемимы». Эта книга была теперь одним из лучших популярных произведений и пользовалась заслуженным успехом, а Юстас резко отличался от других молодых людей своей начитанностью. В конце концов, постоянно вспоминая о глазах Августы, о ее книге, о слезах, Юстас Мизон начал ощущать что-то вроде любви к ней.

Прогуливаясь по улицам Бирмингема, он встретил клерка, которого видел в фирме Мизона и который был уволен в один день с ним, и узнал от него адрес мисс Смиссерс. Юстас продолжал свой путь и добрался до тихой улицы, где жила Августа. Увидев дом, указанный клерком, Юстас позвонил.

Служанка отворила дверь и с любопытством посмотрела на него. Мисс Смиссерс была дома, да!

Служанка проводила молодого человека до полуоткрытой двери и внезапно исчезла. Юстас заглянул в дверь и заметил Августу, одетую в черное платье, сидевшую на стуле со сложенными руками. Бледное лицо ее казалось каменным, глаза блуждали.

Юстас в нерешительности стоял у двери, как вдруг зонтик выскользнул у него из руки и с шумом упал на пол.

Августа встала и, увидев молодого человека, сделала несколько шагов ему навстречу, изумленно глядя в его лицо.

— Прошу извинения! — пробормотал Юстас. — Я вошел сюда без предупреждения, потому что ваша служанка убежала... Я — Юстас Мизон!

Лицо Августы омрачилось.

— Если вы пришли ко мне от издательской фирмы «Мизон и К°»... — произнесла она и вдруг умолкла, как будто пораженная новой мыслью.

— О нет! — возразил Юстас. — Я не имею ничего общего с «Мизон и К°», кроме имени. Я пришел к вам, чтобы выразить свое сожаление о том, что дядя так дурно поступил с вами. Вспомните, я был тогда в конторе!

— Да, да, — ответила Августа, краснея, — вы были так добры ко мне!

— Видите ли, — продолжал Юстас, — я поссорился со своим дядюшкой, лишился места и его наследства, так как он обещал не оставить мне ни шиллинга! Вероятно, теперь, — добавил молодой человек задумчиво, — он уже уничтожил свое завещание.

— Вы хотите сказать, мистер Мизон, что вы поссорились с дядей из-за меня, из-за моей книги?

— Вот именно. Ну, так что же из этого? — пожал плечами Юстас.

— Это рыцарский поступок с вашей стороны! — ответила молодая девушка, смотря на него с любопытством. Она была удивлена, встретив рыцаря, способного ломать копья из-за нее. — Мне совестно вспомнить, что я устроила такую сцену в конторе, — произнесла она после минутного молчания, — но мне страшно нужны были деньги... Теперь уже не то, теперь — все кончено!

В ее голосе звучали ноты такого безысходного горя! Это еще больше возбудило интерес молодого человека. Зачем ей так нужны были деньги и почему теперь нужда в них отпала?

— Мне очень жаль, — сказал он, — но скажите мне, зачем вам нужно было столько денег?

Августа взглянула на него.

— Если вам угодно, я покажу вам... — тихо произнесла она. Юстас поклонился, ожидая, что будет дальше. Августа подошла к боковой двери, повернула ручку и вошла в маленькую комнату. Молодой человек последовал за ней.

Это была спальня сестер. Солнечные лучи озаряли чистенькую бедную комнатку, скромную мебелировку, железную кровать и что-то лежащее на ней, покрытое простыней. Августа подошла к кровати, тихо отвернула простыню и открыла окаймленное золотистыми волосами, прелестное личико маленькой Дженни, загадочно улыбавшейся на смертном одре.

Юстас отступил назад с громким восклицанием. Он не был подготовлен к такому зрелищу, и видение смерти глубоко поразило его. Августа, уже свыкшаяся с мыслью о смерти Дженни, не подумала, что внезапно подвести живого человека к телу умершего, не предупредив его, — не особенно любезный и тактичный поступок. Вид смерти приводит в

ужас каждого живого человека, особенно молодого! Юность и сила — жизнерадостны, но смерть сгоняет улыбку веселья и молодости и напоминает, что все люди смертны!

— Прошу извинить меня, — прошептала Августа, поняв свою бестактность, — я забыла... вы ничего не знаете... вас поразило... Простите меня!

— Кто эта девочка? — спросил Юстас, с трудом переводя дыхание.

— Моя сестра! — отвечала Августа. — Мне нужны были деньги, чтобы спасти ее от смерти! Когда я сказала ей, что не смогла достать денег, она огорчилась и умерла. Ваш дядя убил мою сестренку! Пойдемте!

Пораженный до глубины души, Юстас последовал за хозяйкой в гостиную. Несколько опомнившись, он принялся извиняться, что побеспокоил ее в такую тяжелую минуту.

— Я рада видеть вас! — проговорила Августа искренне. — Я не видела за эти дни никого, кроме доктора и гробовщика. Ужасно тяжело сидеть постоянно в одиночестве, лицом к лицу со своей тоской и скорбью! Если бы я не была так глупа и не подписала бы контракт с мистером Мизоном, я могла бы продать свою новую книгу и увезти отсюда Дженни. Тогда она, быть может, и поправилась бы. Теперь со всем этим покончено и помочь ничему нельзя!

— Если бы я знал! — воскликнул Юстас. — Я одолжил бы вам денег! У меня есть сто пятьдесят фунтов!

— Вы очень добры! — тихо отозвалась Августа. — Об этом не стоит и говорить, поздно! Поздно!

Юстас встал, раскланялся и ушел. Только на улице он вспомнил, что не спросил Августу, что она намерена предпринять. Вид умершей Дженни так поразил его, что все вылетело у него из головы. Он утешал себя мыслью, что может через неделю, уже после похорон, зайти к ней.

Через два дня Августа проводила останки своей любимой сестры к месту вечного успокоения, вернулась домой пешком, села перед камином и задумалась. Что делать ей теперь? Остаться здесь невозможно! Ей будет невыносимо тяжело смотреть на пустую софу, где постоянно лежала бедная Дженни. Куда ей деться и что предпринять? Она могла бы писать, но контракт с Мизоном — серьезное препятствие, так как обязывает ее отдавать ему всякую литературную работу. Написать об этом в газетах — значило бы еще более раздражить злобную натуру Мизона. Конечно, она может прожить, получая семь процентов с книги, но согласится скорее умереть с голоду, чем дать возможность Мизону эксплуатировать свой труд.

Раз и навсегда решив, что не пойдет к Мизону, Августа начала думать, как бы ей устроиться иначе. Перспектива была невеселая!

Литературный успех не принес Августе практической выгоды, потому что в Англии на него смотрят иначе, чем в других странах. Британец питает в душе некоторое презрение — если не к литературе, то к авторам. В его понятии литература нераздельна с бедностью и чердаком. Поклоняясь деньгам, англичане презирают литературу. Дерево узнается по плодам! — говорят они. Нельзя сказать, чтобы Англия не ценила таланта. Все человечество преклоняется перед талантом, хотя боится его и завидует ему, и больше думает о мертвом гении, чем о живом. Оно оплакивает мертвеца так, что камни могут растрогаться. Несмотря на огромный успех своей книги, Августе некуда было обратиться за помощью. У нее не было литературных знакомств. Двое писателей из Лондона да несколько незнакомых людей прислали ей благоприятные отзывы на ее книгу. Этим все и ограничилось. Если бы она жила в Лондоне, тогда все было бы иначе, но, к несчастью, она не могла жить там.

Чем больше Августа думала, тем мрачнее казалось ей будущее. Но вдруг ее осенило: отчего бы ей совсем не уехать из Англии? Здесь ей нечего делать. В Новой Зеландии у нее есть двоюродный брат-священник, которого она никогда не видела. Он читал ее книгу и по этому поводу прислал ей очень милое письмо. Одну выгоду принесла ей ее книга — она приобрела ей друзей. Этот кузен, наверное, примет ее к себе, хотя бы на короткое время, и она найдет возможность писать и зарабатывать себе кусок хлеба в другой стране, где мистер Мизон не будет властен над ней! Почему бы ей не поехать туда? У нее осталось еще двадцать фунтов, а когда она продаст скудную меблировку и книги, денег вполне хватит для того, чтобы купить билет второго класса и еще оставить себе немного на дорогу. В крайнем случае, если даже все задуманное не осуществится, ей не будет хуже, чем здесь!

В этот же вечер она села писать письмо своему двоюродному брату-священнику.

V. На корабле «Канчаро»

Во вторник вечером огромный пароход стоял в гавани Темзы, готовый к отплытию. Это был описанный во всех газетах «Канчаро», который поражал силой своих машин, красотой конструкции и чрезвычайной быстротой хода — восемнадцать узлов. «Малыш Канчаро», как насмешливо называли его моряки, представлял собой последнее слово техники и искусства. Все в нем — от электрического освещения до паровых труб — было сделано по новой системе. Этот пароход по роскоши убранства походил на великолепный дворец, а по удобству — на лучший американский отель. Удивительно красивый с виду, он, казалось, собирал теперь всю свою силу и энергию для предстоящего пути. Тысячи и тысячи миль отделяли его от той гавани, где его могучее сердце на время перестанет биться и будет отдыхать! Наконец он двинулся, все скорее и скорее. Винты заработали... Вода забурлила у бортов... Вперед! Выпустив огромный столб дыма, «Канчаро» быстро побежал вперед... Береговая линия Англии слабо виднелась вдали, пока окончательно не исчезла...

Высокая, стройная девушка, стоявшая на носу корабля, задумчиво смотрела на воду. Когда берег Англии исчез из виду, Августа повернулась и пошла в каюту. Она была очень печальна. Разумеется, ей нечего было особенно жалеть в Англии. Маленькая могила с белым крестом — это все, что осталось там. Друзей у ней не было, плакать было некому. Невольно вспоминалось ей милое, красивое лицо Юстаса Мизона, его доброта. С тоской Августа думала, что никогда не увидит этого приятного, симпатичного человека. Почему он не пришел еще повидаться с ней? Она хотела бы проститься с ним и сказать ему о своем отъезде. Написать ему? Августа не знала его адреса. И зачем писать? Всему конец. Англия осталась позади.

В то время, когда «Канчаро» мчался уже на всех парах, Юстас Мизон стоял у двери дома, в котором до отъезда жила Августа.

— Уехала! — повторил он ответ отворившей ему служанки. — Мисс Смиссерс уехала в Новую Зеландию? Ее адрес?

— Она не оставила адреса, сэр, — мрачно проговорила служанка, — и уехала два дня тому назад на первом пароходе из Лондона!

— Как называется этот пароход? — спросил Юстас в отчаянии.

— Кан... Кон... Кончер!... — ответила служанка и захлопнула дверь перед его носом.

Бедный Юстас! Он поехал в Лондон, пытаясь поступить куда-нибудь на службу, и после многих затруднений ему удалось получить место лектора по латинскому, французскому и староанглийскому языкам в одном общественном учреждении с окладом в сто восемьдесят фунтов в год. Затем он помчался обратно в Бирмингем, чтобы повидать мисс Смиссерс, которую глубоко и страстно полюбил. Юстас решил употребить все усилия, чтобы почаще видеть Августу, и, если будет возможно, открыть ей свою любовь. Бедный юноша! Приехать из Лондона в Бирмингем ради красивых серых глаз и узнать, что обладательница этих глаз уехала в Новую Зеландию, не оставив ему ни словечка, ни адреса! Это было очень тяжело! Но что оставалось делать... Юстас снова отправился на вокзал, и всю дорогу до Лондона ворчал и сокрушался.

Августа, удаляющаяся на пароходе «Канчаро», совершенно не подозревала о любви Юстаса. Подчиняясь какому-то болезненному ощущению, она спустилась вниз, в каюту. В эту минуту какой-то человек грубоватого вида обратился к ней и сказал, что, если она желает в последний раз увидеть родной Альбион, ей надо выйти на палубу и смотреть в сторону гавани — тогда она увидит береговые огни!

Желая побороть приступы морской болезни, Августа послушалась и, выйдя на палубу, долго смотрела на мелькавшие вдали огоньки, посылая им «прости» через громадное водное пространство. Августа стояла, слегка придерживаясь, потому что пароход начало качать. Вдруг она увидела толстого человека, который бежал, шатаясь и держась за перила, очевидно, совершенно больной. Испуганная, она следила за ним глазами. Вдруг человек упал и со слабым стоном покатился в сторону борта. Повинуясь чувству сострадания, молодая девушка бросилась к нему и протянула ему руку. С ее помощью больной поднялся на ноги. В слабом сумеречном свете Августа ясно различила толстое, грубое лицо мистера Мизона. Да, несомненно, это был ее враг, человек, являвшийся причиной смерти ее любимой сестры. С восклицанием ужаса и отвращения Августа отдернула руку.

— О-о! Мисс Джемима Смиссерс! — сказал мистер Мизон, пытаясь придать былую важность голосу и манерам. — Что вы тут делаете?

— Я еду в Новую Зеландию, мистер Мизон, — отвечала она, — и не ожидала, что буду иметь удовольствие ехать в вашем обществе!

— Вы едете в Новую Зеландию? Я тоже еду туда, потом в Австралию! Что ж, вы вздумали бежать от нашего контракта? Это нехорошо, мисс, нехорошо! У нас есть агенты в Новой Зеландии и отделение в Австралии... Если вы хотели поискать что-нибудь лучше фирмы «Мизон»...

Пожалуйста!... О Небо! Я чувствую страшную боль во всех членах!

— Не беспокойтесь, мистер Мизон! — продолжала она. — Я не буду теперь печатать книг!

— Очень жаль, — возразил он, — потому что на вашу работу есть спрос! Издатель может нажать деньги на ней! Надеюсь, что вы путешествуете во втором классе, мисс Смиссерс, так что мы едва ли еще увидимся! Для человека в моем положении неудобно знакомство с пассажирами второго класса, особенно с молодой дамой-писательницей!

— Не бойтесь, мистер Мизон! — заметила Августа. — Я не имею ни малейшего желания рекламировать наше знакомство!

И она ушла, не желая видеть своего врага, который начал стонать и охать. Раздумывая об этой странной, неожиданной встрече, она ушла в каюту, где и оставалась, больная и беспомощная, целых три дня.

На четвертое утро Августа появилась на палубе, совершенно оправившись и с превосходным аппетитом. Позавтракав, она уселась на первое свободное место. Ей не хотелось встречаться с мистером Мизоном и в то же время хотелось избежать рассказов своей компаньонки по каюте. Эта особа смертельно надоела ей, рассказывая разные скандальные истории о мужчинах и женщинах, которых она знала. Эти рассказы, может быть, и были интересны, но всегда однообразны и злоязычны.

Августа сидела и смотрела на белые гребни волн, как вдруг на палубе появился человек в блестящей форме, с книгой в руке. Сначала, по этой блестящей форме, Августа приняла его за капитана, потом разглядела, что это был только его помощник.

— Будьте добры, мисс, — произнес он, подходя к девушке и сняв шляпу, — капитан просил меня засвидетельствовать вам свое почтение и узнать, вы ли та молодая дама, которая написала эту книгу?

Августа взглянула на книгу. Это был «Обет Джемимы». Она ответила утвердительно, и помощник капитана исчез.

В это утро ее ожидал еще один сюрприз.

Снова появился помощник капитана, дотронулся до шляпы и сказал, что имеет приказание капитана перенести ее вещи и поселить ее в другой каюте. Сначала Августа отказалась, обладая чисто британским упрямством; она не выносила чужих приказаний и чужого вмешательства.

— Приказано капитаном, мисс! — возразил помощник. Молодая девушка согласилась и не пожалела об этом.

Она очутилась в прелестной каюте в передней части парохода, недалеко от машин. Вероятно, это была офицерская каюта, потому что над кроватью висело изображение молодой дамы, несколько полок с книгами,

было несколько телескопов и других инструментов.

— Разве это моя каюта? — спросила Августа.

— Да, мисс! Так приказал капитан. Это каюта мистера Джонса, второго офицера. Он поместился с мистером Томасом и уступил каюту вам!

— Это очень любезно со стороны мистера Джонса! — пробормотала Августа, недоумевая о причине такой перемены. Но ей суждено было еще удивляться в этот день.

Через несколько минут, когда она собиралась уходить из каюты, вошел джентльмен в капитанской форме.

За ним следовала красивая, хорошо одетая дама.

— Прошу извинения, — произнес он с поклоном, — мисс Смиссерс, не так ли?

— Да!

— Я — капитан Элтон. Надеюсь, вам понравилась ваша новая каюта? Позвольте мне представить вам леди Холмерст, супругу новозеландского губернатора. Леди Холмерст, вот мисс Смиссерс, сочинение которой вас так заинтересовало!

— О, я очень счастлива познакомиться с мисс Смиссерс! — сказала леди. — Капитан Элтон обещал мне, что мы будем сидеть рядом за обедом, и у нас будет время поговорить. Я была очарована вашей книгой! Прочла ее три раза. А ведь это много для светской женщины!

— Я думаю, что тут вышло недоразумение, — произнесла Августа робко, с краской на лице. — Я — пассажирка второго класса на пароходе и не могу обедать вместе с вами, леди Холмерст!

— Никакого недоразумения, — отвечал капитан, весело смеясь. — Вы — моя гостя, мисс Смиссерс, и, пожалуйста, без возражений!

— Когда мы имеем счастье встретиться в жизни с истинным талантом, мы не должны упускать случая выказать ему наше почтение! — добавила леди Холмерст, грациозно наклонив голову.

Августа чувствовала искренность комплимента, хотя находила, что он преувеличен.

Она покраснела и поклонилась, не зная, что сказать.

Вдруг она услышала резкий голос Мизона, смягченный некоторым оттенком почтения. Мистер Мизон разговаривал с лордом Холмерстом, маленьким, коротеньким человечком, у которого были величественные манеры и добродушное лицо.

Губернатор английских колоний, лорд Холмерст очень гордился своим саном. Обычно губернаторы колоний не имеют большого значения в глазах англичан. Но здесь, на пароходе, который нес лорда Холмерста к берегам

его епархии, он был великой и важной персоной, и он отлично понимал это. Забавно было видеть важную осанку и величественные манеры маленького человечка, который становился все внушительнее по мере того, как пароход уходил от берегов Англии и приближался к Новой Зеландии.

— Повторяю вам, сэр, — говорил мистер Мизон, — что наследственность авторского права высоко чтится нашей страной! Мы дальновидны. Одно поколение добывает деньги, следующее — покупает на эти деньги титулы. А ваши титулы? Вы занимаете высокое положение, сэр, но ваш отец был, вероятно, такой же торговец, как я!

— Не совсем верно, мистер Мизон! — отвечал ему лорд Холмерст. — Скажите мне лучше, кто эта красивая девушка, с которой беседует моя жена?

— Теперь, сэр, — продолжал, не слушая его, Мизон, который, как все буржуа, питал суеверное благоговение перед аристократией, — я делаю хорошие дела... у меня есть капитал... помещает ли моему наследнику, — допустим, что у меня есть наследник, — воспользоваться этим капиталом и с его помощью занять такое же высокое положение, как ваше?

— Верно, совершенно верно, мистер Мизон. Прелестная мысль... Простите... Я вижу, моя жена делает мне знак подойти! — он быстро пошел, сопровождаемый Мизоном.

— Джон, дорогой мой! — сказала леди Холмерст. — Позволь тебя познакомить с мисс Смиссерс! Это автор чудной книги, которой мы так увлекались! Мисс Смиссерс, мой супруг!

Лорд Холмерст, не особенно далекий в делах, очень любил красивых женщин. Он вежливо раскланялся с Августой и любезно заявил ей, что необычайно рад познакомиться с ней. Мистер Мизон застал эту сцену и, удивленный, остановился, соображая, что ему делать. Леди Холмерст, не поняв причины его замешательства, хотела представить его Августе. Когда он двинулся к ней, протянув руку, Августа, твердо решившая не иметь ничего общего с ним, отвернулась.

— Я знаю мистера Мизона, леди Холмерст, — произнесла она холодным, твердым тоном, — и не желаю иметь с ним дела. Он дурно поступил по отношению ко мне!

— Так! — пробормотал себе под нос лорд Холмерст. — Я не удивляюсь, что он опротивел ей. Умная девица!

Леди Холмерст, несколько удивленная, молчала.

— О, я вижу, — сказала она, поняв, в чем дело, — мистер Мизон, вероятно, издал «Обет Джемимы»! Я слышу звонок к обеду. Пойдемте, мисс Смиссерс, или мы потеряем места, обещанные нам капитаном!

Дамы ушли, оставив мистера Мизона в одиночестве. Как жаль, что на пароходе не было клерков, на которых он мог бы выместить свою злобу!

— Теперь, моя дорогая мисс Смиссерс, — обратилась к Августе леди Холмерст, когда они сидели после обеда и болтали при лунном свете, — не скажете ли вы мне, за что вы не любите мистера Мизона, которого я, правду говоря, тоже недолюбиваю?

Августа поведала леди Холмерст всю свою печальную историю. Как рада была бедная девушка найти нового, симпатичного друга, которому можно излить все свои горести!

— Честное слово, — произнесла леди Холмерст, со слезами на глазах выслушав печальную историю смерти маленькой Дженни, — все, что я услышала от вас об этом ужасном человеке, заставляет меня думать, что он просто негодяй! Я придумала отличный план проучить его и расскажу об этом мужу! Мизон будет горько оплакивать ваш контракт. Это так же верно, как то, что меня зовут Бесси Холмерст!

Леди Холмерст кивнула своей красивой головкой с самым хитрым видом.

VI. Мистер Томби забегаает вперед

С этого дня путешествие на пароходе «Канчаро» стало веселым и приятным для Августы.

Лорд и леди Холмерст были очень любезны с ней, а за ними и все пассажиры первого класса, так что мисс Смиссерс сделалась весьма популярной особой на пароходе. Ее книга переходила из рук в руки, и Августе в конце концов надоело выслушивать комплименты. Кроме того, она была очень красива, а красивая женщина всегда интересна для всех! В первый раз в жизни благодаря своей молодости, красоте и таланту Августа оказалась настоящей героиней. Леди Холмерст рассказала всем ее историю. Сначала всеобщее поклонение ужаснуло молодую девушку, не видевшую в жизни ничего, кроме горя, бедности и унижения. Но потом она успокоилась и принимала все как должное, подобно страннику, долго бродившему в сырости и темноте ночи и внезапно увидевшему дивный свет и тепло, у которого он мог отогреться и отдохнуть. Торжество Августы было полное: когда все общество, собравшееся на пароходе, узнало ее историю с Мизоном, оно отступилось от богача, и никакие деньги не могли вернуть ему расположение гордых аристократов! Этот делец, обладатель миллионов, хозяин огромного предприятия, был отвергнут всеми. Даже клерк, ехавший попытать счастья в Новой Зеландии, не хотел говорить с ним. Мистер Мизон глубоко чувствовал это общее презрение. Его, богача, смеют презирать люди, которых он мог трижды купить, и все из-за какой-то ничтожной девчонки!

Это страшно злило Мизона. Однажды утром лорд Холмерст, в продолжение нескольких дней выказывавший ему крайнюю степень нерасположения, окончательно добил его, не заметив протянутой для приветствия руки и пройдя мимо.

— Хорошо, лорд, прекрасно! — бормотал мистер Мизон, когда фигура губернатора исчезла из виду. — Мы еще потягаемся с вами! Я что-нибудь да значу в английской прессе! Те, у кого много денег и большие связи, могут писать что угодно, не боясь даже губернатора колонии!

Он гневно погрозил кулаком.

— Вы, кажется, сердитесь, мистер Мизон? — раздался чей-то голос около него. — Чем вам не угодил губернатор?

Это был плотный молодой человек с добрым лицом и большими усами.

— Что он сделал мне, мистер Томби? Он просто уничтожил меня! Он не подал мне руки и прошел мимо, не заметив меня!

— А-а! — протянул мистер Томби, богатый новозеландский землевладелец. — Как вы полагаете, почему он это сделал?

— Почему?! Я знаю, почему. Все из-за этой девчонки!

— Из-за мисс Смиссерс? Вы так думаете? — спросил мистер Томби со странным блеском в своих глубоко посаженных глазах.

— Да, из-за мисс Смиссерс. Она написала книгу, за которую я ей заплатил пятьдесят фунтов. Затем она согласилась, чтобы я печатал все, что она напишет в течение пяти лет, за известный процент... Это весьма обыкновенная вещь, когда имеешь дело с идиотами... Случилось так, что книга имела успех, и вдруг девица приходит ко мне и просит еще денег, помимо тех, что уже получила от меня. Когда я отказываю, она сердится и устраивает целую сцену!... Оказывается, она нуждалась в деньгах, чтобы увезти свою больную сестру, или тетку, или еще кого-то, подальше из Англии. Родственница ее умерла, она отправляется теперь в Новую Зеландию и рассказывает всему свету, что я был причиной этой смерти и ее бедности!

— Разумеется, это вам не нравится, мистер Мизон?

— Конечно, Томби! Но дело — делом! Если мне и удалось кое-что заработать на книге легкомысленной девицы, что же тут особенного? Она стала опытнее — вот и все, она — не первая и не последняя. Но если она еще будет наговаривать на меня, я начну преследовать ее за клевету!

— На законном основании, я полагаю, да...

— Проклятая девчонка! — продолжал Мизон, нахмутив седые брови. — Она наделала мне массу беспокойства. Я поссорился из-за нее со своим племянником, а теперь она уронила меня в глазах всех этих людей, и я уверен, что эта история будет известна по всей Новой Зеландии и Австралии!

— Да, — ответил мистер Томби, — это неловко для вас! Теперь, с вашего позволения, мистер Мизон, я скажу вам несколько слов. Вам никогда не приходилось слышать правды о вас самих, я вам скажу ее. Если вы не вор, то очень яркая имитация его... Вы берете книгу молодой дамы, наживаете на ней сто на сто и платите ей пятьдесят фунтов. Вы связываете ее договором, для вас, несомненно, выгодным, и когда она приходит к вам просить денег, указываете ей на дверь. И теперь вы удивляетесь, мистер Мизон, что эти почтенные люди не хотят иметь с вами ничего общего. Добавлю, что мое мнение таково: единственно достойное вас общество — это общество трусов и пошляков! Доброго утра!

Молодой человек ушел, покручивая свои большие усы, с видом злобы и негодования.

Второй раз в жизни мистер Мизон слышал правду из уст молодого человека и, к своему горю, не мог разнести его и прогнать, как поступал с собственными клерками. Мистер Томби, от которого он рассчитывал услышать слово утешения, чуть не проклял его. Разумеется, на то была своя причина. Серые глаза Августы крепко задели сердце мистера Томби, как и Юстаса Мизона. Любовь его с каждым днем становилась все сильнее, так как он постоянно видел Августу и говорил с ней. Во время путешествия зернышко зарождающейся любви дает пышный росток. Страсть разгорается от постоянного общения с объектом почитания. Супружеские узы крепки, пока горячи, и задолго до окончания томительного медового месяца охлаждаются вовсе или бывают едва теплыми. Но в путешествии супружеское счастье прочнее.

В этот самый вечер маленькая трогательная сценка с оттенком некоторой меланхолии произошла на «Канчаро».

Мистер Томби и мисс Смиссерс стояли, опершись на перила, и наблюдали фосфорическое свечение воды. Мистер Томби нервничал до болезненности, мисс Смиссерс размышляла о том, что усы ее спутника весьма пошли бы какому-нибудь герою ее повести. Мистер Томби взглянул на усеянное звездами небо, на котором ярко сияло созвездие Южного Креста, и перевел взгляд на море. Но вдохновение не шло к нему на помощь. Наконец он сделал над собой отчаянное усилие.

— Мисс Смиссерс! — сказал он дрожащим от сильного волнения голосом.

— Что вам угодно, мистер Томби? — спокойно спросила Августа.

— Мисс Смиссерс, — продолжал он, — мисс Августа, я не знаю, что вы думаете обо мне, но я скажу вам все, я не могу сдерживаться более. Я люблю вас!

Августа немного отступила. Мистер Томби, правда, был очень, даже чрезвычайно любезен с ней, и она знала, что нравилась ему. Но объяснения в любви она вовсе не ожидала, и эта неожиданность поразила ее.

— Мистер Томби! — произнесла она удивленным тоном. — Вы знаете меня не более двух дней!

— Я полюбил вас, как только увидел! — искренне ответил он. — Прошу вас, выслушайте меня! Я знаю, что недостойн вас! Но я горячо люблю вас и буду вам хорошим мужем! У меня есть средства. Если вы не захотите жить в Новой Зеландии, я брошу все и поеду в Англию. Можете ли вы полюбить меня? Если б вы знали, как сильно я люблю вас, вы бы,

наверное, согласились!

Августа старалась собраться с мыслями.

Этот человек, очевидно, любил ее, она не могла сомневаться в искренности его слов. Он нравился ей, этот джентльмен. Если она выйдет за него, то все ее горести и печали окончатся, она может опереться на его сильную руку! Женщина, даже талантливая, не создана для того, чтобы бороться с жизнью самостоятельно. Пока она думала это, доброе лицо Юстаса Мизона встало перед ее глазами, и слабое чувство досады и неприязни к человеку, предложившему ей свою руку, зародилось в ее груди. Юстас Мизон, конечно, ничто для нее. Ни одного слова любви или нежности не было произнесено между ними; вероятнее всего, она никогда больше не увидит его! Но все же, это красивое, симпатичное лицо явилось препятствием между ней и мистером Томби. Много женщин имели в прошлом такое прекрасное видение... Увы! Эти образы нашей миновавшей юности имеют свойство воскресать и появляться из могилы забвения.

Августа была женщина умная, с характером и честным, благородным сердцем, она не способна была пожертвовать всем ради стремления к удобствам жизни и богатству.

В несколько секунд она уже приняла решение.

— Я очень благодарна вам, мистер Томби, — произнесла она, — вы оказали мне большую честь, но я не могу быть вашей женой!

— Неужели? — пробормотал несчастный Томби, не ожидавший такого ответа. — И мне не остается никакой надежды? Может быть, вы любите кого-нибудь?

— Никого, мистер Томби, мне очень жаль, но я должна сказать вам, что не изменю своего решения.

Он закрыл лицо руками, но через минуту снова поднял голову.

— Да, жаль, — повторил он за Августой. — Но этому помочь нельзя. Я никогда не любил до вас ни одной женщины, и никогда не полюблю! И такое глубокое чувство, — добавил он с усмешкой, — пропадает даром! Что поделаешь! Прощайте, мисс Смиссерс! Расстанемся мирно!

— Разумеется, мы останемся друзьями, — подтвердила она.

— О нет, — возразил он, снова усмехнувшись, — дружба между нами невозможна... Или любовь, или равнодушие!... Вы писательница, мисс Смиссерс! Может быть, когда-нибудь вы напишете книгу и объясните, почему иные люди отдают другим всю любовь, всю нежность своего сердца, когда это никому не нужно... Еще раз прощайте!

Мистер Томби взял ее руку, поцеловал, поклонился и исчез. Очевидно, он был незаурядный молодой человек и по-джентльменски перенес отказ.

Августа посмотрела ему вслед, глубоко вздохнула и смахнула слезы. Потом она повернулась и пошла к леди Холмерст, которая сидела и болтала с капитаном, наслаждаясь напоенным южными ароматами воздухом. Когда Августа подошла ближе, капитан раскланялся и ушел. Леди Холмерст и Августа остались вдвоем.

— Что хорошего, Августа? — спросила леди Холмерст — она уже называла подругу по имени.

— О чем вы, леди Холмерст? — переспросила девушка.

— На чем вы порешили с молодым человеком, с мистером Томби?

— Я полагаю, мистер Томби немного поспешил! — ответила Августа.

Они переглянулись и тотчас же поняли друг друга. Леди Холмерст кое-что знала о делах Томби.

— Леди Холмерст, — сказала Августа, сразу «схватив быка за рога». — Мистер Томби сказал мне...

— И предложил вам руку и сердце... — добавила леди Холмерст, любуясь созвездием Южного Креста. — Вы заметили, что он поспешил!

— Он сделал мне предложение, — продолжала Августа, — и я сожалею, что не могла ответить ему согласием.

— Ах! Мне очень жаль, что так случилось! — воскликнула леди Холмерст. — Мистер Томби — красивый молодой человек и настоящий джентльмен! Я думаю, что для вас было бы хорошо стать его женой, это очень упростило бы ваши будущие дела! Конечно, пока вы будете в Новой Зеландии, я позабочусь о вас. Понятно, что, пока вы не устроитесь у своего кузена, вы будете жить у нас, в губернаторском доме!

— Вы очень добры ко мне, леди Холмерст! — прошептала Августа, подавив рыдания.

— Пора бы, моя дорогая, — произнесла леди, положив свою маленькую руку на красивую головку Августы, — забыть «леди Холмерст» и называть меня просто «Бесси»! Это звучит и лучше, и короче!

Августа, не сдержавшись, зарыдала, — ее нервы были сильно расстроены.

— Вы не знаете, как дорога мне ваша доброта! — всхлипывая, говорила она. — У меня никогда не было друга, и со смерти моей дорогой сестры я была так одинока!...

VII. Катастрофа

Обе красивые женщины долго толковали и строили планы на будущее.

Пока они беседовали, небесный голос, управлявший миром, произнес свое грозное слово. На пароходе звучала музыка, слышались веселый смех, нежные голоса и пение... А небо облекалось мраком. Никто не подозревал об опасности. Да и какая могла грозить опасность на огромном пароходе, который несся с быстротой ласточки по волнам? Пассажирам нечего было бояться. Путешествие близилось к концу, и матери убаюкивали детей со спокойным сердцем, как будто находились на земле Англии. Они не предчувствовали грозившего несчастья... И слава Богу, что мы не можем предугадать будущее. Страх будущего отнял бы у человека разум, сделал бы его безрассудным и сумасшедшим!

Леди Холмерст встала с кресла и заявила, что идет спать, но до этого ей хочется поцеловать своего маленького сыночка Дика, который занимал со своей няней отдельную каюту. Августа пошла с ней. Они поцеловали спящего ребенка, хорошенького пятилетнего мальчика, и простились, собираясь лечь спать.

Через несколько часов Августа проснулась, чувствуя какое-то странное беспокойство. Целый час она пролежала, думая о мистере Томби, прислушиваясь к всплескам воды и к шагам вахтенных матросов. Но странное чувство тревоги все усиливалось.

Августа встала, оделась кое-как, потому что едва могла найти в темноте свое платье, связала узлом волосы, накинула ульстер, висевший на двери, и прошла на палубу.

Близился рассвет, но ночь была очень темна.

Августа смутно разглядела очертания парохода, и ей стало легче, когда она вдохнула свежий ночной воздух, прислушалась к дикой песне ветра.

Было что-то успокаивающее в быстром движении судна...

Августа была одна. Она протянула руки вперед, словно хотела схватить что-то незримое. В сердце ее зарождалось какое-то сладкое чувство. Ей казалось, что в эту минуту она может написать нечто великое, лучшее, чем писала прежде. Чудные мысли, настоящее вдохновение рождались в ее душе под влиянием окружающей тишины и мрака. Ей слышался голос умершей Дженни, воображение рисовало ее витающей, подобно белокрылой птице, над мрачной бездной моря и любовно вглядывающейся в лицо сестры, которую она так горячо любила.

От Дженни мысль ее перенеслась на Юстаса Мизона. Что делал он там, в Бирмингеме? Ей пришло в голову, что она интересуется им, и вспомнился один его взгляд, который был ей так понятен. Она пожалела, что не оставила ему записки.

Быть может, она напишет ему из Новой Зеландии. Ее размышления были прерваны чьими-то шагами. Она очутилась лицом к лицу с капитаном.

— Мисс Смиссерс! — воскликнул он. — Что вы тут делаете в такой час? Сочиняете романы?

— Да, — ответила она, засмеявшись, — я не могла спать и пришла сюда! Конечно, это смешно!

— Если вам хочется написать что-нибудь, вы бы могли найти место получше, чем здесь! «Канчаро» летит стрелой... Это красиво... Его трудно догнать... Мы идем со скоростью семнадцать узлов. Надеюсь прибыть к острову Кергелен в семь часов по моему хронометру!

— Что это такое, остров Кергелен? — спросила Августа.

— О, это пустынное местечко, почти необитаемое, где китобойные суда запасаются водой. Я слышал, что несколько лет тому назад сюда была послана астрономическая экспедиция, чтобы наблюдать за прохождением Венеры. Но погода была туманная, никто ничего не увидел. Ну, мне пора! Доброй ночи! Вернее, доброго утра!

Едва он успел произнести эти слова, как раздался дикий крик: «Вперед, вперед!»

Десятки голосов ответили на это криком:

— Держи прямо-о!... Прямо держи... во имя Неба!

Быстрым прыжком капитан бросился на мостик.

В ту же минуту паровая машина прекратила свою работу, цепи оглушительно загремели... Снова крик: «Китобойное судно... огней сюда! Огней!» В ответ раздался ужасный вопль откуда-то, что находилось впереди парохода.

Треск, шум такой, какого Августа никогда не слыхала, страшный толчок... Она упала на колени и на руки... Огромная масса корабля содрогнулась... Рассекая воду, он шел вперед с ужасающей быстротой, врезался в китобойное судно, разрезал его на две части и прошел над ним...

Отчаянные крики неслись во мраке ночи... Августа вскочила на ноги и почувствовала новый толчок, сопровождаемый страшным шумом. «Канчаро» давил остатки злосчастливого китобойного судна!

Через несколько секунд все было кончено.

Августа видела что-то черное, плававшее по воде и потом

погрузившееся в бездну... Затем она услышала глухой шум, который все усиливался и разросся до рева... Мужчины, женщины, дети — пассажиры корабля — бежали с криками и стонами, с побелевшими от ужаса лицами, похожие на призраков. Одни — почти раздетые, едва успевшие набросить на себя кое-что, другие в пальто, третьи, закутанные в простыни, держали в руках свое платье. Сотнями заполнили они палубу (пассажиров на «Канчаро» было около тысячи человек) с ужасным ревом, словно грозные духи ада! Волосы вставали дыбом на голове от этих криков. Августа старалась сохранить присутствие духа и не поддаться общей панике. Смелая и хладнокровная по натуре, она поняла, что пароход находится в большой опасности. Ясно, что столкновение дорого обошлось ему... толчок был ужасный! Вероятно, через несколько минут он пойдет ко дну...

И через несколько минут она должна умереть!

Ее сердце замерло от ужаса, но она еще раз превозможет себя... Конечно, жизнь ее не была веселой, однако она не делала ничего дурного, ей нечего бояться смерти!

Вдруг мысли ее обратились к другому. Где леди Холмерст? Где ее мальчик со своей няней?

Побуждаемая желанием узнать, что случилось с ними, Августа побежала к салону. Рассвело. Большая часть пассажиров толпилась на палубе, и она с трудом пробралась к каюте, где спал ребенок.

В каюте было светло, но няни нигде не было. Она ушла и бросила ребенка, который сладко спал, улыбаясь всем своим маленьким невинным личиком.

Толчок разбудил мальчика, но, не имея понятия о кораблекрушениях и опасностях, он снова заснул.

— Дик, Дик! — позвала его Августа.

Мальчик проснулся и сел, зевая, снова намереваясь заснуть.

— Дик будет спать! — пролепетал он.

— Дик проснулся, и тетя, — (он называл Августу тетей), — унесет его наверх посмотреть на мамми... — сказала Августа. — Ты будешь послушным мальчиком и пойдешь на палубу?

— Да! — доверчиво ответил Дик.

Августа посадила его к себе на колени и закутала в то, что было под рукой. Тут, около двери, висел маленький жакет, который мальчик надевал, когда было холодно. Она надела его поверх фланелевой рубашки и блузки и закутала Дика одеялами. В ногах кровати стоял ящик с бисквитами и молоко. Августа набила бисквитами свои карманы, напоила мальчика молоком и сама выпила остатки. Затем, набросив на себя шаль, она взяла

ребенка и побежала на палубу. По дороге она встретила самого лорда Холмерста, спешившего к сыну.

— Я взяла его! — крикнула Августа. — Нянька убежала. Где ваша жена?

— Бог да благословит вас! — произнес он. — Вы добрая девушка! Бесси — там! Я не хотел, чтобы она пришла сюда! Эти люди положительно помешались, их не могут сдержать, они рвутся к лодкам!

— Разве мы тонем? — спросила Августа испуганно.

— Бог знает! А вот и капитан!

Лорд Холмерст указал на капитана, с трудом пробиравшегося сквозь ревушую толпу, и схватил его за руку.

— Оставьте меня! — проговорил капитан, пытаясь вырвать руку.

— Ах, это вы, лорд Холмерст!

— Да, постойте минуту и скажите нам правду. Мы должны знать ее!

— Хорошо, лорд Холмерст. Слушайте. Мы налетели на крейсировавшее здесь китобойное судно, не потрудившееся даже зажечь сигнальные огни. Носовая часть парохода с силой врезалась в судно... Образовалась течь. Плотник и его помощники сделали все, что могли, и забили трещины досками, но вода продолжает прибывать, и я боюсь, что может произойти непоправимое. Все насосы пущены в ход, выкачивают воду, но...

— Мы должны пойти ко дну? — спокойно произнес лорд Холмерст. — Надо приготовить лодки. Не так ли? Или это еще не все?

— Боже мой! Вам этого мало? — спросил капитан, отворачивая свое бледное, страшное лицо. — Если хотите, это еще не все. Наши лодки могут выдержать около трехсот человек. На «Канчаро» до тысячи пассажиров — из них около трех сотен женщин и детей!

— Мужчины должны уступить! — сказал лорд спокойно. — Божья воля!

— Но для вас, сэ, приготовлена лодка! — сообщил капитан. — Я приказал приготовить ее, и, слава Богу, теперь светло! Поручаю вам, лорд, объяснить все владельцам парохода... Скажите им, что я исполнил свой долг! Лодки пойдут к острову Кергелен, на семьдесят миль к востоку!

— Вам придется поручить это кому-нибудь другому, капитан, — ответил лорд Холмерст. — Я останусь здесь и разделю судьбу остальных!

Все напускное величие лорда Холмерста исчезло, остался настоящий честный английский джентльмен.

— Нет, нет! — возразил капитан. — У вас револьвер с собой?

— Да.

— Отлично. Держите его под рукой, он понадобится вам. Они все бросятся к лодкам!

В это время серый и призрачный свет занимающегося дня озарил ужаснейшую сцену. Вокруг лодок толпились офицеры и пассажиры, собиравшиеся прыгнуть в них. В одной из лодок сидела леди Холмерст, которую насильно втолкнули туда. Она кричала, призывая сына и мужа. Около нее находились кучка женщин и детей, полдюжины матросов и один офицер. Августа сейчас же увидела лицо своей приятельницы.

— Бесси! Бесси! Леди Холмерст! — закричала она. — Мальчик у меня... Все хорошо... ребенок со мной!

Леди услышала голос и протянула к ней руки. Но лодка отчалила и увезла бедную леди Холмерст. В это время кто-то схватил Августу за руки. Она оглянулась. Это был мистер Томби, который держал в руке револьвер.

— Слава Богу! Я нашел вас! — воскликнул он. — В путь, скорее, в путь!

— Женщин сюда! — закричал офицер, распорядившись размещением пассажиров. Несколько мужчин бросились к лодке.

— Сначала женщины! Женщины сначала!

— Я не тороплюсь! — сказала Августа, держа на руках испуганного ребенка; ее слова произвели эффект, мужчины остановились.

— Идите в лодку! — приказал мистер Томби, помогая молодой девушке спуститься туда.

Ему пришлось чуть не драться с каким-то человеком, который отчаянными усилиями пытался влезть в лодку. Это был мистер Ми-зон. Узнав его, мистер Томби оттолкнул его так сильно, что он опрокинулся навзничь.

— Тысяча фунтов за место в лодке! — заревел мистер Мизон. — Десять тысяч фунтов за место в лодке!

Он поднялся, вскарабкался на перила и снова был отброшен в сторону.

Мистер Томби помог Августе и мальчику усестись в лодку, поцеловал ее в лоб.

— Бог да благословит вас, прощайте! — произнес он. В эту минуту корма корабля вдруг высоко поднялась, а передняя часть опустилась. Пронесся страшный крик.

— Тонем! Тонем! — донеслось до ушей Августы.

Из машинного отделения выбежали люди с почерневшими, закопченными лицами, совсем задышающиеся, и еще более напугали растерявшуюся толпу.

За ними неслись матросы и эмигранты.

— В лодки, бросайся в лодки, или мы потонем! — загремел чей-то грубый голос.

При этих словах обезумевшая толпа бросилась к лодкам, ругаясь и крича. В один момент женщины и дети были выброшены из одной лодки, и высокий, сурового вида моряк попытался оттолкнуть ее от корабля.

Августа увидела мистера Томби, лорда Холмерста и какого-то офицера, прибежавших на шум. Они подняли пистолеты и выстрелили в толпу.

— Не надо пистолетов! — закричал кто-то. — Что быть убитым, что потонуть! Для нас нет места в лодках! Мы найдем его себе! Идем!

Снова отчаянная попытка влезть в лодки — и трое убитых!

— Билл! — крикнул человек, стоявший впереди. — Отведи лодку вправо. Они бросятся и потопят нас!

Билл послушался. Лодка отделилась от парохода. Как вдруг какой-то человек отчаянным прыжком очутился в ней, ударился о ее борт и свалился в воду. В испуге одна леди, жена судьи, выронила ребенка из рук. Августа попыталась схватить дитя, но безуспешно. Ребенок утонул. Затем два матроса слетели с парохода, корма которого так высоко поднялась над водой, что можно было видеть руль. С ужасным криком мистер Мизон, у которого было сильно развито чувство самосохранения, бросился с парохода в воду и, часто взмахивая руками, подплыл к лодке, умоляя взять его.

— Толкни хорошенько старого мошенника, Билл! — закричал матрос. — Долой его!

— Нет, нет! — воскликнула Августа, сжалившись над несчастным. — Здесь, в лодке, много места!

— Держись крепче! — сказал матрос по имени Джонни. — Когда мы отплывем подальше, мы возьмем вас!

Мистер Мизон держался за лодку изо всех сил. Через некоторое время, когда она отплыла на пятьдесят ярдов, два человека не без труда втащили в нее толстого Мизона.

Крики на корабле не утихали, пока судно медленно погружалось в воду. Гудок надрывался не переставая, протяжно и заунывно. В утреннем тумане взвилась ракета... Вокруг приготовленных лодок началась настоящая война. Августа видела людей, которые старались попасть в лодки, переполненные женщинами и детьми. Они цеплялись за их борта, кричали, просили, ругались... Одна лодка опрокинулась, и все находившиеся в ней — около сорока человек — упали в воду. Другая, в которой были только женщины и дети, благополучно спустилась в воду, но не могла отцепить канат и задержалась.

Когда через две или три минуты «Канчаро» затонул, ни у кого не оказалось ножа, чтобы перерезать канат, которым была привязана к нему лодка, и она также затонула со всеми пассажирами.

Остальные лодки, за исключением той, где находилась леди Холмерст, исчезли и, вероятно, все потонули. Невозможно было противостоять напору обезумевшей толпы, которая, подобно зверю, бросилась на лодки. Несколько человек матросов и офицеров не могли ничего поделать. Каждый лез в лодку, спасая свою жизнь, не щадя других.

Через двадцать минут после того как «Канчаро» потопил китобойное судно (все эти события произошли в короткое время), он затонул сам, а с ним — все оставшиеся на нем люди.

VIII. Остров Кергелен

Как только мистер Мизон, спасшийся благодаря Августе, очутился в лодке и свалился на ее дно, как мертвый, Августа почувствовала страшную слабость. Она опустила голову и прижалась лицом к одеялам, в которые закутала спасенного мальчика. Ребенок, испуганный криком и шумом, озирался кругом с широко раскрытыми глазами.

Через несколько секунд молодая девушка, пересиливая себя, подняла голову. Лучи восходящего солнца разогнали туман и озарили тонущий корабль. Его корма высоко вздымалась над водой, качаясь взад и вперед.

— Тонет! Клянусь святым Георгием, тонет! — произнес моряк Джонни.

Огромный корабль тихо умирал. Медленно, очень медленно, под отчаянные крики людей его корма поднималась все выше и выше, а остальная часть погружалась в воду. Люди кричали и молили о помощи, но Небо не вняло их мольбам!

Скоро корабль стоял вертикально в воде, и в ста шагах от него вырос чудовищный вал, а люди, как мухи, полетели прямо в пенящиеся волны. Раздался треск, шум... Взорвалась паровая машина. Среди клубов дыма, с оглушительным шумом корабль погрузился в бездну и исчез в ней.

Вода забурлила и закипела на том месте, где затонул «Канчаро»... Пар клубами вырывался из глубины...

Люди в лодке застонали и отвернулись. Ребенок сильно испугался. Августа вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Вернитесь! — пробормотала она. — Вернемся, посмотрим, нельзя ли спасти кого-нибудь!

— Нет, нет! — закричал Мизон. — Они потопят нашу лодку!

— Без толку! — возразил Джонни. — Все утонули.

Между тем матросы успели повернуть лодку и услышали слабый крик. Но когда они добрались до того места, где затонул «Канчаро», ни одного живого существа там не оказалось. Только волны шумели и пенились кругом. Тяжелый туман повис над водой. Они пробовали кричать — ответа не было. Где-то послышался слабый звук, но когда лодка подплыла к тому месту, откуда он раздался, — ничего и никого... Все люди утонули. Их отчаянные крики не тронули безжалостное Небо... Все было кончено... Ветер, облака и море были свидетелями этой ужасной смерти в бездонной морской пучине.

— Боже мой, Боже мой! — вскричала Августа, вытирая слезы.

— Одна лодка уцелела, но где же она? — спросил мистер Мизон, весь мокрый и жалкий, вращая вокруг безумными глазами, словно стараясь проникнуть сквозь туман.

— Там что-то виднеется! — указал Джонни на круглый, похожий на лодку предмет, появившийся в стороне от них.

Это была пустая лодка, та самая, которую не смогли отвязать от корабля, когда он тонул. Освободившись от пассажиров, под давлением воды она всплыла на поверхность. Через несколько дней несчастные утонувшие также всплывут из глубины моря наверх и будут смотреть своими мертвыми очами в небо... Для них все кончено — и навсегда!

Матросы повернули свою лодку, и она медленно поплыла среди разного хлама — бревен, щепок, весел, обломков... Люди принялись кричать, надеясь привлечь внимание пассажиров другой лодки, которая, по их мнению, находилась где-то неподалеку.

Но все их усилия были тщетны из-за густого тумана, который не позволял видеть дальше чем за двадцать ярдов, ветра и шума воды. В бескрайних просторах океана совсем затерялись две маленькие лодки, и хотя они находились на близком расстоянии друг от друга, но не могли встретиться, потому что каждая плыла своей дорогой, стараясь избежать страшной участи корабля. Лодка, в которой находились леди Холмерст и еще двадцать других пассажиров и шесть матросов, что уцелели от гибели, после крушения «Канчаро» отправилась на остров Кергелен. До наступления ночи ее нагнало китобойное судно и проводило в Олбени, на берег Австралии. Крушение «Канчаро» произвело ужасающее впечатление. Телеграммы сообщили об этом повсюду. Овдовевшая леди Холмерст и другие женщины были доставлены обратно в Англию.

А пассажиры маленькой лодки вместе с нашей героиней и мистером Мизоном сидели с бледными, взволнованными лицами и молча поглядывали друг на друга. Наконец Джонни, лицо которого было безобразно из-за расшибленного носа, вдруг сурово проговорил:

— Нехорошие были дни! Плохие!

На это Билл улыбнулся во всю свою добродушную физиономию и заметил, что ему, Джонни, нечего жаловаться, они только что счастливо избежали опасности.

В разговор вмешалась Августа и сказала, что капитан направлялся к острову Кергелен, находившемуся в шестидесяти или семидесяти милях отсюда. На лодке оказался компас. Подняли парус, и лодка побежала на восток под свежим западным ветром. Целый день они плыли по

пустынному океану, не встретив ни одного живого существа. Наконец настала ночь.

К счастью, в лодке нашлись ящик с бисквитами, вода и ром. Оба матроса, Билл и Джонни, усердно подкреплялись последним. Было холодно. Все озябли в мокрой одежде, но не испытывали ни голода, ни жажды. На восходе солнца стало теплее.

Долгая ночь прошла, но Августа не сомкнула глаз. Маленький Дик крепко спал на ее груди, в ее объятиях, прикрытый одеялом от холода и сырости. На дне лодки лежал мистер Мизон, которому Августа из жалости отдала одно одеяло, оставив себе только шаль.

Наконец появилось солнце и озарило бескрайнюю гладь моря. Августа долго вглядывалась в туманную даль.

— Что это такое? — внезапно спросила она у Билла задрожавшим от волнения голосом, указывая на темную массу впереди. Билл пристально вгляделся.

— Земля, там земля! — радостно закричал он.

Мистер Мизон приподнялся на коленях — он не мог стоять на ногах — и начал осматриваться вокруг.

— Слава Богу! — вскричал он. — Какая это земля? Новая Зеландия? Тогда я останусь тут и никогда больше не поплыву на корабле!

— Новая Зеландия! — сердито проворчал матрос. — Вы, должно быть, помешались! Это остров Кергелен — вот что. Здесь вечно идет дождь, и никто не живет! Оставайтесь здесь, коли хотите! Я могу поклясться, что никому не придет в голову приехать сюда за вами!

Мистер Мизон угрюмо проворчал что-то.

Между тем солнце разогнало туман, и прелестная панорама открылась перед глазами потерпевших кораблекрушение. Рядами тянулись высокие горы с блистающими на солнце белыми снеговыми вершинами. Билл направил лодку к югу. Вода была спокойна. Скоро они увидели устье большого фьорда, окаймленное утесами... Вокруг прибрежных скал шумели и разбивались волны, и далекое эхо вторило их глухому рокоту.

Лодка плыла по фьорду, мимо скал, на которых сидели какие-то фантастические чудовища, похожие на морских львов, пока не приблизилась к берегу, поросшему мелкой травой. Здесь, к восхищению спасшихся, они увидели две хижины из строевого леса, одна недалеко от другой, в пятидесяти шагах от воды.

— Да тут есть дом, — обрадовался Джонни, — хотя выглядит он не очень красивым!

— Причаливайте к берегу... Скорее бы выбраться из этой ужасной

лодки! — произнес мистер Мизон.

Августа поддержала его просьбу. Убрали парус, пустили в ход весла, и лодка вошла в маленькую, самой природой устроенную гавань. Через десять минут все они ступили на твердую землю. Первой заботой их было пойти осмотреть хижины, но результат осмотра оказался неутешительным.

Выстроенные, вероятно, в 1874 году, в то время, когда здесь находилась экспедиция по наблюдению за Венерой, а может, какими-нибудь моряками, хижины стояли сейчас почти разрушенные. Стены и пол поросли мхом, а огромные щели в крыше пропускали дождь, так что внутри хижин стояли целые лужи воды. Однако это все же был кров и хоть какая-то защита от холода и дождя, и путешественники решили этим воспользоваться.

Решено было, что в одной хижине, поменьше, поселятся Августа и Дик, а мистер Мизон и оба матроса устроятся в другой. Затем они перенесли сюда все свое скудное имущество, убрали и вымыли хижины и сделали их, насколько было возможно, удобными для жилья, наскоро закрыв парусом сырой пол и прикрыв дыры на крыше камнями и досками, оторванными от днища лодки. Погода, на их счастье, была сухая, и все, за исключением Мизона, совершенно упавшего духом, усердно принялись за работу. Даже маленький Дик бегал взад и вперед за Августой, очень довольный, что оказался на суше. К полудню все было сделано.

Развели огонь, и Августа зажарила двух птиц, похожих на кур, которых они поймали; обедали, конечно, стоя, потому что сесть было не на что.

После обеда снова возобновились обследования и попытки устроиться возможно лучше. Воды было достаточно, потому что недалеко от хижин протекал быстрый ручей. Кроме того, у них был большой запас бисквитов и бочка рома. Рыбы в ручье водилось в изобилии, если бы они нашли возможность варить ее, а на окрестных утесах оказались массы пингвинов. Очевидно, что им не грозила опасность умереть с голоду. Сейчас же после обеда оба матроса ушли и скоро вернулись, притащив множество птичьих яиц. Едва они успели вернуться, как пошел дождь — характерное отличие этих широт, — и скоро горы оделись густой завесой мокрого тумана. Час за часом дождь лил не переставая, проникая сквозь крышу лачуг, и капал на пол. Августа сидела в своей лачуге, стараясь чем-нибудь занять маленького Дика и рассказывая ему разные истории, чтобы чем-нибудь утешить ребенка и унять его плач, потому что ему было холодно и его маленькое сердечко болезненно ощущало весь ужас положения. Никто не знал, как тяжело было ей придумывать сказки, когда сердце сжималось от тоски. Она

рассказывала ему о Робинзоне Крузо и добавила, что они тоже играют в Робинзона, но Дик возразил, что он не хочет так жить и желает видеть свою маму.

Становилось все холоднее и темнее. Сырость пронизывала до костей. Наконец стемнело. Ветер и дождь бушевали над лачугами, и дикий крик морских птиц сливался с воем ветра. Мальчик все-таки заснул, укутанный одеялом и парусом. Августа чувствовала себя очень несчастной, одна, подавленная тяжелыми думами, и хотела также последовать примеру ребенка и уснуть, как вдруг раздался стук в доску, заменявшую дверь.

— Кто там? — вскрикнула Августа с испугом.

— Это я, мистер Мизон! — ответил голос. — Могу я войти?

— Да, если вам угодно! — произнесла Августа сурово, хотя, в сущности, была рада его видеть, или, вернее, слышать человеческий голос, потому что в темноте ничего нельзя было разглядеть. Под гнетом горя и несчастья люди быстро забывают былые обиды и ссоры и рады обществу даже своего злейшего врага!

— Закройте за собой дверь! — сказала Августа, догадавшись по сильному притоку воздуха, что посетитель вошел в лачугу. Мистер Мизон, ворча и вздыхая, закрыл за собой вход доской.

— Оба эти скота пьяны, — сообщил он, — напились рому! Я пришел к вам, потому что не мог более оставаться с ними. Я болен, мисс Смиссерс, очень болен! Вероятно, я умру! Я чувствую, что во мне все застыло... Не можете ли вы помочь мне?

— Не знаю, что тут можно сделать! — ответила Августа мягко: сострадание к этому человеку превозмогло в ней отвращение к нему. — Лучше бы вы легли и заснули.

— Заснуть! — заворчал он. — Как я могу заснуть? Мое одеяло намокло, и все платье отсырело!

Он упал на пол и застонал.

— Постарайтесь уснуть! — снова повторила Августа.

Он не ответил, но несколько успокоился. Августа положила голову на ящик с бисквитами и забылась.

Сон — верный друг юности! Несколько раз она просыпалась и снова засыпала. Когда она окончательно проснулась и открыла глаза, было уже светло, и дождь перестал.

Первой заботой Августы было подойти к маленькому Дику. Он проспал всю ночь глубоким сном и выглядел молодцом. Она вынесла его из хижины, вымыла ему лицо и руки в ручье и дала позавтракать бисквитами. Возвращаясь, Августа встретила обоих матросов, совершенно трезвых,

хотя лица их носили отпечаток пьянства. Она выпрямилась и сурово посмотрела на них.

Они молча прошли мимо. Когда Августа вернулась в хижину, мистер Мизон сидел на полу, и свет из двери падал прямо на его лицо.

Молодая девушка испугалась. Щеки его ввалились, под впалыми глазами залегли красные круги, он походил на человека в последней стадии болезни.

— Какая ночь! — сказал он. — Господи! Какую ночь я провел! Думал, что не доживу до утра!

— Ничего, — возразила Августа. — Поешьте бисквитов, и вам будет легче.

Мизон взял кусок бисквита и попытался проглотить его, но не смог.

— Бесплезно! — пробормотал он. — Я — конченный человек! Я лежал в лодке, весь мокрый... и это прикончило меня.

Августа взглянула на его лицо и не могла не поверить словам Мизона.

IX. «Татуируйте меня!»

После завтрака — Августа съела бисквит и крылышко птицы, сваренной накануне, — Билл и Джонни, оба матроса, принялись за работу по указанию девушки. Они укрепили на утесе большую палку, к концу которой привязали флаг, найденный в лодке. Хотя у них было мало шансов на то, что кто-нибудь увидит флаг в тумане, они сочли необходимым сделать это. К полудню флаг развевался на утесе. И — удивительно! — погода опять была прекрасная, солнце сияло и грело. К радости Августы, одеяла совсем высохли. Она попросила матросов поискать и принести ей птичьих яиц, как накануне. Матросы охотно сделали это, так как были трезвы и стыдились своего поведения. Августа дала Дику бисквит и четыре яйца, которые он с удовольствием съел, и начала убеждать мистера Мизона, лежавшего в хижине и стонавшего, выйти и погреться на солнце.

Богач чувствовал себя очень несчастным, был убежден, что умирает, и не мог дотронуться ни до чего.

— Мисс Смиссерс! — сказал он, усевшись на камнях. — Я умру в этом ужасном месте, но я не готов к смерти. Подумать только, — продолжал он с прежней важностью, — я умру здесь, как голодная собака, в холоде, один, тогда как у меня двухмиллионное состояние! Я отдал бы все деньги до последнего фартинга, чтобы только очутиться дома, в безопасности! Клянусь Иовом! Я бы обменялся местом с любым несчастным писакой! Я дал бы ему двадцать фунтов в месяц! Понимаете ли вы мое положение, мисс Смиссерс!

Он снова застонал от ужаса и отчаяния. Августа взглянула на несчастного богача и вспомнила о том гордеце, которого она знала и который так отвратительно относился к своим клеркам и наводил страх на всех служащих. Она задумалась о превратностях человеческой жизни.

Увы! Как изменился мистер Мизон!

— Да, — продолжал он, несколько успокоившись, — я умру здесь, в этой дыре, и все мои деньги не могут помочь мне! Проклятье! Аддисон и Роскью получают от меня миллионы, хотя им ничего не нужно. Я бешусь, когда думаю, что девчонки Аддисона будут проматывать мои миллионы, купят себе на них титул и знатных мужей! Я лишил наследства своего племянника, Юстаса, и теперь я многое бы отдал, чтобы изменить это! Мы поссорились с ним из-за вас, мисс Смиссерс, потому что я не хотел вам дать еще денег за вашу книгу. Лучше было бы, если бы я дал вам их тогда!

Я скверно поступил с вами, мисс Смиссерс, но коммерция есть коммерция! Я не мог сделать этого из принципа. Не старайтесь отплатить мне, мисс Смиссерс, я болен и беспомощен и, вы понимаете, поступал так из принципа...

— Я не имею привычки мстить, мистер Мизон, — с достоинством ответила Августа, — но думаю, что вы поступили очень дурно, лишив наследства племянника, и не удивляюсь, что вы жалеете об этом.

Спокойные и правдивые слова Августы затронули совесть мистера Мизона. Он начал изливаться в слезах и сожалениях.

— Но чем горевать и убиваться, — возразила Августа, — лучше изменить завещание! Мы все, сколько нас есть, будем свидетелями, и если с вами что-нибудь случится, у вас останутся свидетели завещания!

Это была новая мысль, и умирающий человек ухватился за нее.

— Конечно, конечно! — сказал он. — Мне не пришло это в голову. Я так и сделаю, и Аддисон и Роскью останутся ни с чем. Юстас получит все. Дайте мне руку! Я пойду и все сделаю!

— Погодите минуту! — остановила его Августа. — Как же вы будете писать без пера, карандаша, без бумаги и чернил?

Мистер Мизон снова сел с тяжелым стоном...

— Вы уверены, что ни у кого нет карандаша и кусочка бумаги? — спросил он. — Надо писать четко и разборчиво!

— Я тоже так думаю, — согласилась Августа, — сейчас я узнаю.

Она пошла и спросила Билла и Джонни. Ни у кого не было ни карандаша, ни клочка бумаги! Августа вернулась, опечаленная.

— Я нашел, нашел! — вскричал мистер Мизон, когда девушка подошла к нему. — Если мы не найдем бумаги и карандаша, мы можем написать кровью на холсте или полотне. Можно сделать перо, ведь здесь много птиц. Я читал где-то о чем-то подобном. Надо будет так и сделать!

Августа с радостью ухватилась за эту мысль, но сейчас же задумалась: где же взять холст?

— Да, — произнесла она, — если только мы найдем холст или полотно. На вас надета фланелевая рубашка, у матросов — также, и у маленького Дика только фланель!

Действительно, случилось так, что у них не было ни куска полотна. Нашелся один носовой платок, и тот весь дырявый. Все вещи Августы утонули вместе с «Канчаро». Они бы много отдали сейчас за полотняный носовой платок!

— Да, — сказал мистер Мизон, — у нас ничего нет. У меня не найдется даже ни одного банковского билета, на котором я мог бы написать

кровью, хотя и есть с собой сотня золотых соверенов! Простите меня, мисс Смиссерс, за нескромность... нет ли у вас чего из полотна... может быть, вы оторвете кусочек... Вы ничего не потеряете... Я обещаю вам, что уничтожу наш контракт, если буду дома, хотя это едва ли возможно... Я напишу на полотне, что он должен быть уничтожен! Вы получите пять тысяч фунтов, мисс Смиссерс! Может быть, вы оторвете кусочек от сорочки или от чего-нибудь другого? Никто ничего не узнает, а найти этот кусочек так важно!

Августа сильно покраснела.

— Мне очень жаль, мистер Мизон, но на мне нет ничего подобного! Ничего, кроме фланели, — добавила она. — Я вскочила ночью, было темно, набросила на себя что попало, рассчитывая вернуться и одеться!

— Нет и воротничка? Может быть, найдется воротничок или подшивка у юбки? — спросил мистер Мизон, с отчаянием хватаясь за эту надежду.

Августа печально покачала головой.

— Тогда — кончено! — простонал мистер Мизон. — Юстас не получит моих денег. Бедный мальчик! Бедный! Я дурно поступил с ним!

Августа ломала себе голову, — она решила, что Юстас Мизон не должен потерять ни пенни из своего колоссального наследства, если она может помочь ему. Но мистер Мизон мог умереть, а если он умрет, вероятно, они последуют за ним. Тогда никто не узнает о его желании изменить завещание!

В это время пришел Билл, возившийся с флагом на утесе и напрасно старавшийся увидеть корабль. Его фланелевая куртка была разорвана на локтях, и Августа пристально разглядывала его мускулистые смуглые руки. Ей пришла в голову новая мысль.

— Ничего не видать! — сказал матрос. — И я думаю, ничего и не будет. Мы останемся здесь, пока не умрем.

— Я тоже не надеюсь, — согласилась Августа. — Пожалуйста, мистер Билл, скажите, это татуировка на вашей руке?

— Да, мисс, это вытатуировано, — сказал Билл, поднеся свою огромную руку к ее носу. Вся рука была испещрена знаками, флагами, кораблями, а в середине их находилась надпись — имя матроса: Билл Джонс.

— Кто это сделал вам, мистер Билл? — спросила Августа.

— Кто сделал? Я сам. Один товарищ бился со мной об заклад, что я не сумею написать свое имя на руке... Я доказал ему...

Августа не сказала более ни слова, пока Билл не ушел.

— Теперь вы понимаете, что должны сделать? — обратилась она к

Мизону.

— Я? Нет, — ответил он, — не понимаю.

— Как? Вы можете вытатуировать... заставьте матроса! Это, я думаю, недолго!

— Вытатуировать?! Как это и чем? — спросил он с удивлением.

— Вы можете вытатуировать свое завещание на спине матроса Джонни, если он позволит... Потом, у нас есть патрон от револьвера, и если порох смешать с водой... я думаю, можно это сделать!

— Честное слово, — воскликнул мистер Мизон, — вы удивительная женщина! Кому могла прийти в голову такая мысль! Идите и спросите Джонни, позволит ли он татуировать свою спину?

— Я попытаюсь!

Взяв маленького Дика за руку, Августа пошла туда, где сидели оба матроса, и, улыбаясь своей милой улыбкой, спросила Билла, не согласится ли он для нее сделать маленькую татуировку? Мистер Билл, всеми силами старавшийся удержаться от искушения глотнуть рому, грациозно согласился исполнить ее просьбу, сказав, что видел поблизости много острых рыбьих костей, так как порох вовсе не годится для этой цели.

Казалось, вдохновение сошло на него свыше, и он быстро пошел на берег.

Тогда Августа, как только могла любезно и ласково, подошла к Джонни, который сидел спиной к хижине со страдальческим выражением на лице, вероятно, от головной боли после вчерашней попойки.

Медленно и с большим трудом, потому что Джонни все воспринимал очень туго, она объяснила ему, что от него требуется. Когда он наконец понял, лицо его приняло странное выражение, он заговорил скорее резко, чем вежливо, ругая мистера Мизона, и отказался наотрез. Августа замолчала, ожидая, пока его гнев утихнет, затем снова приступила к делу.

Она была уверена, что мистер Джонни не сомневается в важности этого документа и не откажет ей, если ему придется участвовать только в качестве свидетеля при татуировке и держать за руку Билла, пока тот вытатуирует его подпись.

— Хорошо, мисс, — согласился он, — я не могу отказать вам, так как вы просите меня об этом, а не старый мошенник Мизон. Я и пальцем не шевельну ради него, мисс, это верно.

— Так вы обещаете? — спросила Августа и вернулась к мистеру Мизону. По дороге она встретила Билла, который нес в руках что-то вроде рыбы, противное на вид, с длинными щупальцами и круглой головой, похожей на голову попугая.

— Ну-с, мисс, я нашел этого джентльмена на берегу сегодня утром. Это каракатица... я добуду из нее чернил... отличных чернил!... Порох здесь не годится!

В это время они дошли до мистера Мизона, и здесь все дело, включая и упрямый отказ Джонни, было объяснено Биллу.

— Я вижу, что надо теперь сделать... — произнесла наконец Августа. — Очевидно, татуировать придется вас, мистер Мизон!

— Меня? — простонал Мизон. — Я буду татуирован, как дикарь, на мне будет татуировано мое собственное завещание!

— Простите, иначе ничего не поделаешь! — заметил Билл. — Если вы будете ворчать, как же тогда писать завещание? Мы можем проколоть кожу острым камнем, — добавил он задумчиво, — но у нас нет соли, и вы не выдержите. А если солнце коснется татуировки, кожа сморщится, и никакие суды и законоведы Лондона не разберут ничего!

Мистер Мизон громко застонал.

— У нас есть здесь ребенок, — продолжал Билл, — кожа у мальчика белая, тонкая, и его легко татуировать, но придется его держать, ведь он начнет реветь!

— Да, да — поспешно согласился мистер Мизон, — татуируйте ребенка! Он будет нам полезен!

— Я не хочу и не позволю тронуть Дика, — возразила Августа с негодованием, — ребенок перепугается. Кроме того, никто не имеет права заклеить его на всю жизнь!

— Ну, тогда разговор окончен! — сказал Билл. — Деньги этого джентльмена пойдут, куда он назначил их ранее!

— Нет, — заметила Августа, внезапно покраснев, — не окончен! Мистер Юстас Мизон был очень добр ко мне, и для того, чтобы он мог получить свои деньги, татуируйте меня!

— Я хотел бы расцеловать вас! — вскричал Билл с восторгом. — Вы просто молодец-баба! Если бы я был молодым человеком, то непременно расцеловал бы вас!

— Да, — подтвердил мистер Мизон, — это прекрасная мысль! Вы молоды, сильны, с голоду здесь не умрете... проживете долго, может быть, несколько месяцев! Начинайте. Я очень ослабел и не думаю, что переживу эту ночь! Если мы устроим дело и Юстас получит свое наследство, мне будет легче умереть!

Х. Смерть мистера Мизона

Августа отвернулась от старика с жестом нетерпения. Его себялюбие и эгоизм возмутили ее.

— Я полагаю, — обратилась она к Биллу, — что вам придется вытатуировать завещание на моей шее!

— Да, мисс, это верно! — согласился Билл. — Понятно, мисс, для документа нужно место. Если бы это был корабль или флаг, или изображение молодого человека, я мог бы вытатуировать все это на вашей руке, но, чтобы написать целый документ, надо много места. Я покажу им, как умеет татуировать Билл Джонс!

— Хорошо, — произнесла Августа со вздохом. — Я сейчас буду готова.

Она ушла в хижину, сняла лиф платья и завернулась во фланель, оставив шею открытой настолько, насколько она бывает открыта в модном вечернем туалете светской дамы. Когда она вышла снова одетой или, вернее, раздетой для операции, Билл приготовил маленькую деревянную палочку, которую очинил, как карандаш, и вставил в нее длинную рыбью кость, потом обмакнул ее в чернила, взятые из каракатицы.

— Ну, мистер Билл, я готова! — сказала Августа, садясь на камень и крепко сжав зубы.

— Честное слово, мисс, вы — молодец! — повторил матрос, смотря на ее шею глазами художника. — Я никогда не видал такого прекрасного материала для работы. Повесьте меня, если мне не жаль вашу шею! Но хорошая татуировка только украшает человека, даже принцессу... ваше счастье, мисс, что я мастер татуировать!

Августа закусила губу, и горькие слезы потекли из ее глаз. Прежде всего она была женщиной, и женские слабости не были чужды ей! Хотя она никогда не надевала платья с глубоким вырезом, но хорошо знала, что у нее очень красивая шея, и гордилась этим. Тяжело было сознание, что она всю жизнь будет носить на шее это смешное завещание, и зачем? Ради молодого человека, который вовсе и не думает о ней! Но сердце подсказало ей, что это неправда. Мистер Юстас Мизон не забыл о ней, он интересовался ею, а она, она должна была сознаться, что любит его. Она поняла это только здесь, в этом ужасном месте, в этом печальном царстве смерти, поняла, что любит его глубокой и нежной любовью. Если бы даже Августа не была по природе великодушной, смелой женщиной, она от всего сердца радовалась

бы возможности принести для него эту жертву — довольно тяжелую, — потому что любовь способна на любые жертвы, на любые испытания ради любимого человека.

— Начинайте, — произнесла Августа резко, — и, пожалуйста, скорее!

— Хорошо, мисс! Что писать, джентльмен? Говорите покороче!

— «*Оставляю все мое состояние Юстасу Мизону*», — кажется, это коротко! — проговорил мистер Мизон. — Я никогда не слышал, чтобы капитал в два миллиона завещался кому-нибудь в шести словах!

Билл приступил к операции. Августа слабо вскрикнула.

— Ничего, мисс! — утешал ее Билл. — Вы скоро привыкнете!

Августа крепко сжала губы и молчала, хотя ей было очень больно, так как Билл больше заботился о чистоте работы, чем о страданиях своей жертвы.

Билл обмакивал рыбью кость в чернила, взятые из каракатицы, и усердно трудился.

Целых три часа длилась операция. Наконец все было закончено и написано среднего размера буквами по всей шее до плеч. Августа чувствовала страшную слабость. Билл спросил ее, не оставить ли до завтра подпись под завещанием. Измученная до обморока, Августа решила покончить со всем разом. Она была заклеена теперь навеки.

Отложить подпись документа до завтра — мистер Мизон может умереть, Джонни — изменить свое намерение!... Августа попросила Билла окончить работу, так как было только два часа ночи.

К счастью, мистер Мизон был более или менее знаком с формальностями, необходимыми для составления завещания. Поэтому он решил, что будет достаточно, если он сделает один укол для собственной подписи и затем будет держать свою руку на руке Билла. Он взял рыбью кость и так глубоко запустил ее в тело Августы, что бедная девушка громко вскрикнула, потом положил свою руку на руку матроса, пока его подпись «Дж. Мизон» не была сделана.

Настала очередь Джонни, который с любопытством наблюдал за всем происходящим. Так как он не умел татуировать, повторили тот же прием, что с мистером Мизоном. Затем Билл Джонс подписал свое имя как второй свидетель завещания. Начало светать, и документ был готов. Забыли только написать число. Августа встала с камня, на котором сидела, вынося эту пытку, шатаясь, прошла в хижину и упала на пол, чувствуя смертельную слабость. Только благодаря огромному усилию воли она преодолела боль и вытерпела операцию до конца.

Она ощущала страшную боль в шее и тогда, когда очнулась и открыла

глаза; вокруг царила полная темнота. Ее усталость была так велика, что, ощупав рукой Дика и убедившись, что он крепко спит, девушка опять закрыла глаза и заснула.

Когда Августа снова проснулась, свет проникал в сырую лачугу. В дальнем конце ее лежал мистер Мизон. Она встала, чувствуя слабость, разбудила ребенка, повела к ручью и умыла.

Стало холодно, так холодно, что Дик начал плакать. Тяжелые дождевые тучи висели над землей. Августа поспешила укрыться в лачуге и позавтракала вместе с Диком бисквитами и яйцами пингвинов. Вероятно, она ослабела от недостатка пищи, потому что долго ничего не ела, а поев немного, почувствовала себя бодрее.

Затем она занялась мистером Мизоном. Очевидно, они хорошо сделали, что поспешили написать завещание, так как он был очень плох. Лицо его осунулось, зубы стучали, язык начал изменять ему. Августа пыталась дать ему поесть, но он не мог проглотить ничего, кроме воды. Сделав все, что возможно, для больного, Августа пошла посмотреть, что делают матросы, и встретила их на дороге. Было ясно, что они опятьхватили рому, так как Билл шатался, а Джонни еле волочил ноги. Молодая девушка укоризненно посмотрела на них и попросила набрать птичьих яиц. Джонни наотрез отказался собирать их; если мисс нужны яйца пингвинов, она может сама набрать их!

Билл взглянул на нее блуждающими глазами, ушел и через час вернулся, неся шесть или семь дюжин свежих, еще теплых яиц.

Августа с ребенком на руках сидела в жалкой хижине около больного. Снаружи лил дождь и проникал через крышу лачуги. Она всеми силами старалась спасти от дождя умирающего человека, но это было невозможно. Пока она всячески оберегала его от дождя, который капал через крышу, сырость пронизывала больного с полу, все его платье и одеяло были мокрыми.

Сознание вернулось к умирающему вместе с ужасом смерти и угрызениями совести за прошлую жизнь...

Увы! Все его миллионы не могли теперь помочь ему!

— Я умираю! — простонал мистер Мизон. — Умираю! Я был дрянным человеком, всю свою жизнь я был главой издательской фирмы «Мизон и К°»!

Августа мягко заметила ему, что издательская деятельность — дело почтенное и полезное.

Он печально покачал головой.

— Да, да, — простонал он, — но вы не знаете Мизона... Вы не знаете

обычаев фирмы «Мизон и К°»!

Августа подумала, что знает эти обычаи больше, чем желала бы знать.

— Слушайте, — начал мистер Мизон, делая над собой отчаянное усилие и садясь, — я скажу вам... я должен сказать вам...

* * *

Августа с ужасом выслушала исповедь и невольно подумала, что участь исповедников очень тяжела.

— Довольно, прошу вас! — произнесла она. — Я не могу слышать этого... не в силах.

— А! — сказал мистер Мизон, устало откидываясь назад. — Я думал, что, когда вы узнаете наши правила и обычаи, вы поймете, каково мне теперь. Подумай, девушка, подумай, как я страдаю, имея такое прошлое, лицом к лицу с неизвестным будущим!

Наступило молчание.

— Прочь! Прогоните его прочь! — внезапно закричал мистер Мизон, дико вращая глазами.

— Кто? Кого?

— Прочь! Прочь! Высокий худой человек с книгой! Я знаю его. Это Номер двадцать пятый, он умер несколько лет тому назад. Слушайте! Он говорит! Разве вы не слышите? О Небо! Смотрите! Они все бегут сюда, из всех углов! Они хотят убить меня! Держите! Держите их!

Он ловил руками воздух и стонал.

Пораженная этим зрелищем, Августа встала на колени и пыталась успокоить его, но напрасно.

Он ловил воздух, хватал кого-то невидимого, наконец упал и умер.

Такова была смерть богача Мизона. На что ему теперь — все его издания, его деньги, дворцы, из-за которых он наделал столько зла...

— Я рада, что все кончено, — прошептала Августа, — надеюсь, что мне никогда не придется больше быть свидетельницей смерти какого-нибудь директора издательской фирмы. Это ужасно!

— Тетя! Тетя! — бросился к ней Дик. — Отчего этот джентльмен так кричал?

Августа взяла за руку испуганного ребенка и, несмотря на дождь, пошла в другую хижину, чтобы сказать матросам о том, что произошло.

У хижины не было двери, и Августа остановилась у входа. Слабый свет едва проникал в лачугу. Сначала она ничего не могла разглядеть. Когда глаза ее привыкли к темноте, она увидела матросов, сидевших на полу около бочонка с ромом. В руке Билла был черепок, который он наполнял ромом и пил.

— Моя очередь! Проклятье! Моя очередь! — кричал Джонни. — Ты выпил семь раз, а я только шесть!

— Пусть тебя повесят! — ответил Билл, глотая ром. — Так-то лучше! Теперь я тебе налью, дружище!

Он снова наполнил черепок.

— Мистер Мизон умер, — сказала Августа, собирая все свое мужество, чтобы прервать оргию.

Оба помолчали, пьяные и отупелые.

— Где он теперь, мисс? — произнес Джонни, икая. — Где он? Я сомневаюсь, чтобы он попал в лучшее место, чем здесь, и выпью за его благоденствие, потому что раньше не мог сделать этого. Ну, за здоровье умершего!

Он выпил залпом весь черепок.

— Я разделяю твои чувства! — проговорил Билл. — Джонни, налей мне, и я выпью за здоровье дорогого покойника!

Августа отошла от хижины с тяжелым сердцем. Придя к себе, она накрыла труп, чем только могла, и сказала маленькому Дику, что мистер Мизон лег бай-бай. Затем она села в стороне, подальше от мертвого тела. Это было очень тяжело, но Августа утешалась мыслью, что мистер Мизон мертвый не так дурен, как живой.

Наступила ночь. Августа помолилась и легла спать, обнимая Дика.

Ее разбудили громкие, дикие крики, пьяное пение, брань. Вероятно, матросы сильно напились и вышли подышать ночным воздухом.

Крики и проклятия долго звучали в ушах Августы, потом раздался ужасный вопль — и все стихло.

«Что там случилось?» — подумала Августа и снова заснула.

XI. Спасены!

Августа проснулась на рассвете. Она встала, когда Дик еще спал, и, вспомнив ночной шум, побежала в хижину матросов. Там было пусто. Она повернулась и огляделась. На полу, недалеко от того места, где она стояла, валялся черепок, из которого пьяницы пили ром. Августа подняла его. От черепка шел отвратительный спиртной запах.

Вероятно, матросы обронили его во время ночной оргии. Но куда они ушли? Она вышла из хижины. Прямо перед ней возвышался утес, нависавший над водой. Она поднялась туда и увидела на земле шляпы матросов. Ясно было, что они проходили здесь. Поднявшись на самую вершину утеса, Августа наклонилась вперед, взглянула в воду и отступила назад с криком испуга.

На песчаном берегу, наполовину в воде, лежали два трупа. То были оба матроса; они держались за руки и казались крепко спящими. Как это случилось, она не знала. Быть может, они поссорились и упали со скалы или оступились, не видя, куда идут. Кто знает! Во всяком случае, они умерли и останутся тут, пока волны не смоют их трупы и не присоединят их к обществу утонувших пассажиров «Канчаро». Августа осталась одна.

Грустная вернулась она в сырую лачугу, подавленная своим одиночеством и мыслью, что едва ли она избежит смерти в этом ужасном месте!

Ни одного человеческого существа не было около нее, кроме ребенка. Дик проснулся и звал ее.

Труп мистера Мизона, закрытый парусом, испугал мальчика. Августа нежно обняла Дика и страстно поцеловала. Она горячо любила этого ребенка, которого спасла. Он один охранял ее от полного одиночества.

Девушка увела мальчика в другую, теперь пустую лачугу, потому что ей казалось невозможным оставаться тут, вместе с мертвецом. Посередине этой лачуги стоял бочонок с ромом, почти пустой, так что она легко откатила его в сторону.

Затем она прибрала, насколько было возможно, хижину, вернулась к себе забрать ящик с бисквитами и птичьими яйцами, взглянула на труп Мизона и покинула свое старое жилище. Позавтракав, они вместе с Диком пошли собирать яйца. Хотя яиц у них оставалось много, но Августе хотелось занять мальчика. Шел мелкий дождь. Оба взобрались на утес, где развевался флаг, и смотрели на волнующийся океан. Ничего, ничего перед

их глазами, кроме бескрайних водных просторов, кроме бушующих, рокочущих волн. Августа долго вглядывалась вдаль, и сердце ее сжала тоска.

— Скоро ли мамми приедет на лодке забрать Дика? — спросил ребенок. Молодая девушка залилась слезами. Поплакав, она приласкала мальчика и снова занялась с ним собиранием яиц. Это занятие очень нравилось Дикю, несмотря на злобные крики и сопротивление птиц. Скоро они набрали массу яиц, вернулись в хижину, развели огонь и испекли их в золе, потому что варить было не в чем. Часы проходили, ночь спускалась на землю. Августа уложила Дика спать. Она удивлялась, как легко переносил ребенок все неудобства положения, не болел и ничем не страдал.

Когда Дик уснул, Августа села, или, вернее, легла, на пол, прислушиваясь к завыванию ветра в горах. Тишина, мрак, одиночество подавляли молодую девушку. Шансов на спасение почти не было. Корабли не часто посещают пустынный, негостеприимный берег, и если какому-то судну придется зайти сюда, оно может пристать к другой оконечности острова и не заметить флага.

Тогда наступит конец. Запас яиц истощится, ребенок заболеет и умрет. Она последует за ним. Что, если она умрет раньше его? Какой ужас! Тогда мальчик умрет от голода и страха... Августа тихо заплакала. Завтра — Рождество! Пршрое Рождество она проводила в Бирмингеме с дорогой сестрой. Они пошли утром в церковь, а после обеда она заканчивала корректуру своей книги. Религиозная и верующая, Августа встала на колени и начала горячо молиться, чтобы Бог спас ее от ужасного положения, а если ей суждено погибнуть здесь, то она просила Бога спасти бедного, одинокого ребенка! Так прошла долгая ночь. За два часа до рассвета Августа заснула. Когда она открыла глаза, было светло, и маленький Дик, проснувшийся раньше ее, играл черепком, из которого матросы пили ром. Девушка встала, оправила платье ребенка и велела ему побегать на воздухе, пока она оденется и вытрясет всю одежду и одеяла. Она медленно, не торопясь, занялась этим, раздумывая о том, как долго чувствуется боль в шее от татуировки. Вдруг Дик прибежал к ней, запыхавшись.

— Тетя! Тетя! — кричал он в восторге. — Там корабль плывет с парусами... Это мамми и дэдди едут за Диком! Правда?

Августа зашаталась, потрясенная известием. Если это корабль — они спасены! Но, может быть, ребенку показалось?! Она набросила на себя платье, — ее длинные волосы, которые она обычно схватывала в узел и закалывала деревянной палочкой за неимением шпильки, рассыпались по

плечам, — схватила мальчика за руку и стремглав побежала к утесу. Не успев добежать до скалы, она убедилась, что ребенок сказал правду... С моря прямо к фьорду направлялось парусное судно. Оно находилось в двухстах ярдах от того места, где они стояли, и, очевидно, готовилось бросить якорь.

Горячо возблагодарив Бога, Августа поспешила взобраться на вершину утеса и стояла здесь, размахивая шапочкой Дика. Судно шло медленно и плавно... До ее ушей доносились теперь плеск воды, скрип якорной цепи... Затем она услышала человеческие голоса. Ее, очевидно, заметили.

Через пять минут от судна отделилась лодка и поплыла к берегу. Вот она уже близко, в десяти шагах.

— Объезжайте кругом! — закричала Августа. — Я встречу вас!

Пока она успела сбежать с утеса, лодка причалила к берегу. Высокий худой человек заговорил с ней с явным акцентом чистокровного янки.

— С вами что-нибудь случилось, мисс? — спросил он.

— Да, — ответила Августа, — мы спаслись здесь, потерпев кораблекрушение на «Канчаро», который столкнулся с китобойным судном неделю тому назад!

— А! С китобойным судном! — вскричал капитан. — Я догадываюсь... Там находился мой товарищ! Может быть, мисс, вы сообщите мне подробности?

Августа кратко рассказала всю ужасную историю кораблекрушения, которая взволновала даже флегматичного янки. Потом она повела капитана в лачугу, где лежал труп Мизона, и показала ему свою хижину.

— Я понимаю, мисс, — сказал капитан Томас, — что вам и мальчику страшно хочется избавиться от этих палат. Пожалуйста, я отвезу вас на «Гарпуне» — так называется мое судно — в Соединенные Штаты. На нашей шхуне — неприятный запах сала, но, может быть, вы как-нибудь перенесете это! Моя жена осталась там, на шхуне, она настоящая англичанка, как и вы, и сделает все возможное, чтобы устроить вас поудобнее. И — знаете что? Я от души благодарю Бога, что увидел ваш флаг в подозрную трубу и сейчас же направился сюда, хотя прежде намеревался пристать к другому месту, за двадцать миль отсюда. Теперь, мисс, поезжайте на шхуну, а несколько человек из моего экипажа останутся здесь, чтобы похоронить джентльмена!

Августа сердечно поблагодарила капитана, побежала в лачугу, взяла свою шляпу и мешочек с соверенами, который мистер Мизон передал ей, предоставив матросам захватить одеяла. Двое матросов сели в лодку и увезли ее и Дика от этого ужасного берега.

Подъехав к «Гарпуну», Августа увидела весь остальной экипаж шхуны. Между ними находилась женщина, которая сердечно приветствовала молодую девушку. Палуба шхуны, на которую Августа взошла, несмотря на отвратительный запах, показалась ей восхитительным местом. Миссис Томас, миловидная и любезная женщина тридцати лет, дочь фермера, эмигрировавшего в Америку, обласкала ее и приняла самым радушным образом. Августа должна была снова рассказать всю свою историю, затем ее повели в капитанскую каюту, которую с этих пор заняли миссис Томас, Августа и маленький Дик. Капитан устроился в другом месте.

В первый раз за всю неделю Августа помылась и оделась как следует. Какой роскошью казалось ей чистое белье после всех лишений! Как вкусен был обед!

Когда Августа, вздыхая от радости и облегчения, причесывалась, распустив свои великолепные волосы, миссис Томас постучалась в дверь и вошла.

— Ах, мисс, какие у вас прекрасные волосы! — воскликнула она с восхищением. — Что это такое у вас на шее?

Августа рассказала ей всю историю татуировки.

Миссис Томас слушала ее, раскрыв рот от удивления, поражаясь мужеству Августы и жалея ее.

— В конце концов, джентльмен, для которого вы принесли такую жертву, должен жениться на вас! — заметила практичная леди.

— Пустяки! Вздор! — воскликнула Августа, сильно покраснев и энергично топнув ногой.

Она сама не отдавала себе отчета, почему ее так задело невинное замечание миссис Томас.

Усадив Дика и Августу завтракать (оба находили каждое блюдо восхитительным), миссис Томас, заинтересованная рассказом о татуировке на шее Августы, не могла сдержать своего любопытства и отправилась на берег, чтобы увидеть лачугу и труп Мизона. Большая часть экипажа отправилась с ней запасть водой для дальнейшего путешествия.

Оставшись одна, Августа ушла в каюту, взяв с собой Дика, и с чувством радости и благодарности легла и крепко заснула.

XII. Саутхемптонская набережная

Когда Августа проснулась и открыла глаза, то по сильному покачиванию шхуны сейчас же поняла, что они вышли в море. Она встала, пригладила волосы и вышла на палубу. Очевидно, она спала несколько часов, потому что солнце близилось к закату. Молодая девушка, держа Дика за руку, подошла к миссис Томас, поздоровалась с ней и осталась на палубе любоваться закатом солнца.

Зрелище было прекрасное. Огромные волны, гонимые западным ветром, который в этих широтах очень силен и дует порывами, нагоняли друг друга, пенились и неслись дальше, разбрасывая соленые брызги. Солнце село, и его прощальные лучи проникли в недра моря, скользнули к западу, озарив бледные облака, и окрасили бесконечную водную гладь багряным отблеском. Они нежно коснулись парусов шхуны, блеснули там и здесь, пока не исчезли на краю горизонта. В нескольких милях позади остался остров Кергелен. В потемневшем небе мрачно высились его суровые утесы в своем вечном уединении. Последний отблеск солнца озарил белоснежные вершины гор. Августа посмотрела на них и вздрогнула. Это был ужасный, кошмарный сон!

Мрачная тень ночи окутала горы своим покровом. Они исчезли. Августа потеряла их из виду. Слава Богу, больше она никогда их не увидит!

Ночь надвигалась, облака покрыли небо. Потом дивный небесный свод очистился и засиял мириадами золотистых огней.

Западный ветер запел дикую песню, паруса хлопали и надувались, шхуна быстро двигалась вперед.

Кругом царила величавая, всевластная ночь! Августа долго смотрела в темноту и вздыхала, сама не зная о чем. Юная горячая кровь текла в ее жилах, и она радовалась, что целая жизнь лежит перед ней. Она могла умереть там, на этом ужасном берегу, ее талант погиб бы, не успев заявить о себе миру. Теперь все это прошло, как сон, и близость смерти научила ее еще больше ценить жизнь.

Прошло три месяца, три долгих месяца плавания на шхуне, борьбы с волнами и ветром. Все шло хорошо, пока они не добрались до скал Святого Павла, где их задержал на некоторое время встречный ветер. Потом «Гарпун» направился дальше к северу и зашел на Азорские острова запастись водой и провизией.

Здесь Августа простилась со своими друзьями, потому что китобойная

шхуна, спасшая ей жизнь, отдохнув, снова должна была начать свое бесконечное путешествие.

Августа стояла у водопада Понта-Делгада и смотрела, как отправлялся в путь «Гарпун». Команда тепло просталась с ней, потому что за время путешествия весь экипаж шхуны, до последнего мальчишки, полюбил молодую девушку. Капитан Томас снял шляпу при прощании. Августа долго махала им носовым платком, и глаза ее наполнились слезами. Ей было жаль расставаться с этими людьми, она была счастлива на шхуне, потому что они относились к ней с редкой добротой и лаской; это характерная черта американцев по отношению к несчастным, страдающим людям.

И не одна Августа с тоской следила за отплывавшим судном. Маленький Дик, отлично чувствующий себя во время путешествия, подружился с одним матросом-американцем, подарившим ему на память о спасении его с острова Кергелен огромный китовый зуб, на котором заботливо вырезал какое-то изображение. Мальчик горько оплакивал разлуку со шхунной и со своим другом.

Плакала и миссис Томас. Когда шхуна остановилась у острова Святого Михаила, Августа предложила капитану заплатить за себя пятьдесят фунтов, половину суммы, данной ей мистером Мизоном, но капитан Томас категорически отказался взять с нее что-нибудь. Августа настаивала. Тогда пошли на компромисс. Миссис Томас страдала тоской по родине и жаждала побывать в Англии, где родилась и выросла. Но это стоило недешево. Тогда решили, что пятьдесят фунтов пойдут для этой цели и миссис Томас отправится вместе с Августой и Диком на родину. Теперь обе женщины стояли, провожая «Гарпун», и ожидали пакетбот, который должен был доставить их в Саутхемптон.

Солнце садилось. Нежные сумерки окутали волшебный остров Святого Михаила, где природа вечно свежа и прекрасна, как юная невеста, не знающая томлений и страданий материнства. В последующие годы Августа часто вспоминала эту дивную природу, чудный запах апельсиновых деревьев, чарующее зрелище ярко-красных гранатов и роскошных пунцовых роз. Это было изумительное время. Английский консул принял их очень любезно и гостеприимно, так как считал необходимым выказать возможное радушие и участие по отношению к потерпевшим кораблекрушение. Удовольствие Августы было несколько отравлено любезностями консула, галантного чиновника с рыжеватыми волосами. Он так заинтересовался ее приключениями, литературной известностью, ее милой особой, что готов был влюбиться в нее. Это не

очень понравилось молодой девушке. Но время шло без всяких треволений, и однажды утром явился человек с известием, что в гавань зашел пакетбот, который направляется в Саутхемптон. Августа ласково простилась с рыжеволосым консулом, который долго вздыхал и смотрел ей вслед.

Раздался звонок, винты заработали, и консул остался один. Через короткое время Августа, Дик и миссис Томас очутились на Саутхемптонской набережной, в центре удивленной и восхищенной толпы народа.

Капитан пакетбота не преминул рассказать официальным лицам, посетившим корабль, удивительную историю своих пассажиров. Официальные лица, сойдя на берег, оповестили об этом всех, кого встретили...

Удивительная новость, что двое пассажиров злосчастного «Канчаро» — трагическая история гибели этого корабля облетела всю Англию и наполнила ужасом весь читающий мир — уцелели и прибыли сюда на вест-индском пакетботе, ходила по городу в разных версиях.

Когда Августа, Дик и миссис Томас сошли на берег, их история была уже известна всем.

Едва они ступили на набережную, как к ним одним прыжком подскочил дикого вида человек с записной книжкой в руках и закидал их вопросами.

Августа нашла невозможным ответить на все эти вопросы и удовлетворилась односложным «да». Потом она с удивлением прочитала в газете трогательное описание кораблекрушения, ее страданий и смерти мистера Мизона. Один интервьюер, небольшого роста человечек, не мог пробиться сквозь толпу, кольцом окружавшую новоприбывших, и набросился на маленького Дика, засыпав его вопросами. Дик, страшно испуганный, с ревом убежал от него. Это нисколько не помешало предприимчивому господину поместить в газете «Рассказ ребенка о гибели корабля».

И не одна только непобедимая армия интервьюеров угрожала им! Толпа народа окружила их, маленькие девочки поднесли им букеты, одна старая леди, в голове которой крепко засела мысль, что несчастным пассажирам погибшего корабля нечего надеть на себя, явилась сюда с целым ворохом белья и платья... А высокий джентльмен с красивыми усами сунул в руку Августы клочок бумаги, исписанный карандашом. Когда Августа прочла записку, в ней оказалось предложение руки и сердца!

Наконец они очутились в вагоне первого класса на железнодорожной

станции Саутхемптона.

Двое репортеров, просунувших головы в окна вагона, отлетели в сторону, высокий джентльмен с красивыми усами нежно улыбался, и в этой улыбке скромность боролась с надеждой; в следующий момент поезд тронулся. Августа со вздохом облегчения откинулась назад и разразилась смехом, вспомнив джентльмена с красивыми усами. Около нее какой-то предусмотрительный человек положил кучу газет. Августа взяла первую попавшуюся под руку газету, перевернула страницу и пробежала репортерские отчеты о разводах и завещаниях, утвержденных высшей инстанцией суда. Один из них гласил следующее:

...Высококочтимому президенту было подано заявление по делу покойного Мизона в связи с гибелью «Канчаро» восемнадцатого декабря прошлого года. Как известно, на этом корабле находилось около тысячи человек, из которых спаслись на лодке только двадцать пять... Среди погибших находился мистер Мизон, стоявший во главе известной издательской фирмы в Бирмингеме — «Мизон, Аддисон, Роскью и К^о». Он направлялся в Новую Зеландию и Австралию по делам фирмы.

Мистер Фиддлстик вместе с мистером Пирлом явились в качестве представителей истцов и заявили, что факт гибели «Канчаро» еще так свеж в памяти его сиятельства господина президента, что нет необходимости рассказывать подробности, хотя у них есть клятвенные показания очевидцев крушения. Милорд, вероятно, припомнит, говорили они, что только несколько человек спаслись в лодке во время этого ужаснейшего кораблекрушения. Среди погибших был и мистер Мизон. Это прошение было от имени его душеприказчиков по поводу завещания от десятого ноября. Состояние покойного Мизона, отказанное в его завещании, очень велико, по словам мистера Фиддлстика — около двух миллионов фунтов стерлингов. Не угодно ли будет милорду судье тщательно изучить дело и утвердить завещание?

Президент. Хорошо, но состояние завещателя не имеет ничего общего с принципами, которыми руководствуется суд при рассмотрении его предполагаемой смерти, мистер Фиддлстик!

Мистер Фиддлстик. Пусть так, но я полагаю, что милорд удовольствуется моим заявлением, что я не вижу никаких причин неутверждения завещания. Наконец, нет оснований предполагать, что мистер Мизон мог спастись от гибели.

Президент. Есть ли у вас клятвенные показания свидетелей, видевших Мизона в воде?

Мистер Фиддлстик. Нет, милорд. У меня есть клятвенное показание одного матроса по имени Оукерс, единственного человека, выплывшего из воды при гибели «Канчаро», который утверждает, что видел, как мистер Мизон прыгнул в воду, но о том, что с ним произошло дальше, Оукерс ничего не знает и не хочет дать клятву, что мистер Мизон погиб!

Президент. Хорошо. Пусть так. Но суд не может удовлетвориться лишь предположением о смерти завещателя, он должен иметь на руках точные данные... Около четырех месяцев прошло со времени гибели «Канчаро», что делает совершенно невероятным тот факт, чтобы кто-нибудь из пассажиров уцелел; я также полагаю, что мистер Мизон разделит судьбу других пассажиров «Канчаро».

Мистер Фиддлстик. Предполагается, что он умер восемнадцатого декабря.

Президент. Да, восемнадцатого декабря.

Мистер Фиддлстик. Как вам угодно, милорд...

Августа бросила газету. Она была здесь, жива и невредима, с настоящим завещанием мистера Мизона, которое вытатуировано на ее шее. «Завещание утверждено» — что это значит? Ведь это не настоящее, последнее завещание покойного Мизона... Она подумала, в своем неведении, что это ее завещание, может быть, неверно составлено, что она бесцельно перенесла жестокую операцию и напрасно заклеила себя на всю жизнь. Это было уже слишком! Августа схватила номер «Таймса», сердито бросила его в окно и откинулась на спинку сиденья, едва сдерживая накипавшие на глазах слезы...

XIII. Юстас покупает газету

Скорый поезд доставил Августу и ее спутников на вокзал Ватерлоо. Поезд шел быстро, но телеграф работал еще быстрее. Все вечерние газеты вышли с приложением, где было описано спасение уцелевших пассажиров «Канчаро» и сообщалось, что они прибудут в Ватерлоо поездом-экспрессом в пять часов вечера. Результатом этого было то, что, когда поезд остановился у платформы, Августа ужаснулась, увидев сплошную массу народа, еле сдерживаемую полицейскими.

Едва отворилась дверь вагона и нога Августы ступила на платформу, толпа увидела ее. Раздался громкий приветственный крик сотни голосов. Августа спряталась обратно в вагон. С минуту она стояла в нерешительности. Толпа, разглядев ее красоту (которая стала еще более яркой за время трехмесячного путешествия по морю, значительно укрепившего ее здоровье), разразилась восторженными восклицаниями... Толпа любит красивые лица... Пока Августа стояла на платформе, не зная, что делать, до слуха ее донеслось громкое: «Дайте дорогу, дайте дорогу!»

Она увидела, как толпа расступилась перед кучкой официальных лиц, которые сопровождали какую-то даму во вдовьем платье и в трауре. Радостный крик... Красивая леди с бледным лицом бросилась к маленькому Диду, крепко прижала его к себе, плача и смеясь в одно и то же время.

— Мальчик мой! Дитя мое! — восклицала леди Холмерст. — Я думала, что вы оба умерли, давно умерли!

Она повернулась к Августе и на глазах всей толпы повисла у нее на шее, нежно целовала ее, благословляла и благодарила за спасение своего единственного ребенка. Толпа кричала, плакала вместе с ними, вопила и клялась Небом, что никогда не видела более трогательного зрелища.

Среди шума и рева толпы они прошли к коляске, запряженной парой лошадей, и сели в нее, миссис Томас — на переднее место коляски, леди Холмерст и Августа — на заднее. Мальчик приютился на коленях матери. На этом история маленького Дика кончается. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Когда Юстас Мизон приехал в Лондон, он, как известно, получил место лектора. Случилось так, что в этот самый день, после полудня, окончив занятия, он рассеянно бродил по улицам. Юстас заметно

побледнел и осунулся. Когда Августа исчезла, он понял, что глубоко и сильно любит ее и что эта любовь никогда не изгладится из его сердца. Подобное глубокое, беззаветное чувство, когда оно всецело овладевает человеком, становится для него или величайшим счастьем в жизни, или роковым проклятием судьбы.

Юстас видел Августу два раза, но страсть не требует постоянного присутствия обожаемого существа. Он не жаждал частых свиданий и разговоров с ней, потому что у него были ее книги — ее сочинения. Тем, кому хочется узнать что-либо о писателе, достаточно прочитать его произведения, чтобы составить себе понятие о нем, о его образе мыслей, его характере. Любимый писатель и читатель всегда находятся в тесном душевном соприкосновении. Писатель размышляет на страницах своей книги, и, хотя бы он был беднейший из всех авторов, он обладает способностью воспроизводить образы, которые отражаются в зеркале его сердца.

Юстасу, который несколько раз перечитал «Обет Джемимы», казалось, что он близко знаком с автором. Направляясь домой в этот тихий майский вечер, он с тоской размышлял о том, как много потерял с гибелью «Канчаро». Он потерял любимую девушку, дядю и его наследство.

Юстас читал в «Таймсе» об утверждении завещания и знал, что лишен наследства.

Он потерял наследство по милости Августы, а теперь потерял и Августу. Не без ужаса размышлял он о долге и невеселом существовании, которое предстояло ему. Со вздохом вышел Юстас на Веллингтон-стрит, одну из бойких улиц благодаря торговцам, снующим взад и вперед. Он остановился, пережидая толкотню, как вдруг к нему подбежал мальчик с кипой газет под мышкой, оглашая воздух пронзительными восклицаниями.

— Чудесное спасение леди и ребенка! — кричал он. — Приключения пассажиров «Канчаро» — удивительное спасение, пустынный остров, прибытие в Англию!

Юстас подскочил, купил газету и остановился в дверях ювелирной лавочки, торговавшей разными подозрительными драгоценностями, чтобы прочитать ее.

«В следующем столбце, — мелькали перед глазами газетные строки, — мы помещаем краткое сообщение, полученное нами по телеграфу из Саутхемптона, о замечательнейших приключениях, о каких мы когда-либо слышали. Спасение мисс Августы Смиссерс и маленького лорда Холмерста — пассажиров злополучного «Канчаро», — их пребывание на острове Кергелен, откуда их взяла американская шхуна, — несомненно, можно

отнести к наиболее романтическим приключениям среди анналов ежегодных кораблекрушений. Мисс Смиссерс, известная читающей публике как автор книги «Обет Джемимы», прибудет на станцию Ватерлоо с поездом-экспрессом сегодня...»

Юстас не стал читать дальше. Взволнованный до крайности, совершенно обессилев, он прислонился к двери лавки, которая, неожиданно отворившись, толкнула его в спину.

В одну секунду молодой человек пришел в себя и с такой быстротой побежал по улице, что лавочник приготовился закричать: «Держи вора!»

Было пять часов вечера. Станция Ватерлоо находилась в четверти мили. Юстас вскочил в проезжавший извозчий кеб.

— Ватерлоо, Центральная линия! — крикнул он. — Пожалуйста, поскорее!

Кеб быстро покатился по мосту. Через десять минут Юстас очутился на станции, где собралась масса народа, встречавшая поезд.

Он отпустил кеб, бросив кебмену полкроны, и устремился вперед, расталкивая толпу, пока не добрался до коляски, которая готовилась уехать.

— Стой! — крикнул он изо всех сил кучеру, который придержал лошадей.

Юстас увидел прелестное лицо той, которую любил.

Она услышала его голос, узнала его, и глаза их встретились. Луч счастья скользнул по ее нежному лицу, которое залилось густым румянцем.

Он хотел что-то сказать — и не мог. Дважды пытался он заговорить, но тщетно...

— Слава Богу! — пробормотал он наконец. — Слава Богу, вы живы и здоровы!

Вместо ответа она протянула ему руку и одарила его нежным, любящим взглядом.

Юстас взял ее руку и поцеловал.

— Где я увижу вас? — нашел он наконец в себе силы спросить.

— У леди Холмерст. Приходите завтра утром, мне надо кое-что сказать вам! — ответила она.

Лошади тронулись, и коляска уехала, сопровождаемая приветственными криками толпы.

Юстас остался в таком состоянии, которое легче представить себе, чем описать.

XIV. Свидание

Прежде всего Юстас отправился в клуб и разыскал в книге адрес леди Холмерст. Ее лондонский дом находился на Ганновер-сквер.

Вернувшись домой, он наскоро пообедал. Потом какое-то беспокойное чувство овладело им, и он отправился бродить по улицам.

Целых три часа молодой человек гулял, что, несомненно, было очень полезно для него, так как он редко совершал моцион. Затем он направился к дому леди Холмерст. Некоторым затруднением для него было найти нужный номер дома.

Ночь стояла теплая, окно одного из домов было открыто, и в гостиной виднелся свет.

Юстас перешел на другую сторону улицы и, опершись на железную решетку сквера, заглянул в окно. Он был вознагражден за все свои старания и труды, потому что через тонкую шторку различил силуэты двух женщин, сидящих на оттоманке, лицом к окну. Одна из женщин была Августа, которую он сейчас же узнал. Опершись головой на руку, она разговаривала со своей подругой. Ему хотелось позвонить, войти и повидать ее.

Зачем он будет ждать до завтра? Но, несмотря на свое желание, он остался на месте и стоял, пока полицейский не заметил его и, сочтя его поведение подозрительным, не попросил уйти.

Конечно, смотреть на свою возлюбленную и любоваться ею — приятное занятие, но, если бы Юстас не только видел подруг, но и слышал разговоры в гостиной, он заинтересовался бы еще больше.

Августа подробно рассказывала о жизни и происшествиях на острове Кергелен, о татуировке на своей шее. Леди Холмерст слушала, широко раскрыв глаза и уши.

— Этот молодой человек придет к вам завтра утром, — сказала леди Холмерст, — как хорошо! Я видела его, он очень красив, у него такие добрые, милые глаза. Право, все это ужасно романтично!

— Может быть, и романтично, Бесси, — ответила Августа, — но мне это неприятно! Не говорю о самой операции татуировки на пустынном острове. Но показывать эту татуировку в лондонской гостиной — это совсем другое дело!

— Конечно, мистер Юстас должен видеть завещание...

— Но, скажите мне, Бесси, как я покажу ему это завещание? Ведь оно написано на моей шее!

— Я что-то не замечала, — сухо заметила леди Холмерст, — чтобы молодые девушки любили прятать свою шею. Если вы сомневаетесь в этом, рекомендую вам поехать на первый же лондонский бал! Надо только надеть открытое бальное платье!

— Я никогда не надевала открытых платьев!

— Вот как? — мрачно удивилась леди Холмерст. — Ну, вам придется привыкать к этому. Конечно, если вам не хочется, тогда лучше ничего не говорить ему о завещании, — добавила она, — хотя это будет уже целым сложным преступлением!

— Преступлением! Я не вижу тут никакого преступления!

— Разумеется, преступление! Вы украдете завещание — это само по себе уже является преступлением; если вы не покажете его мистеру Юстасу — это удвоит его. В общем — двойное преступление с вашей стороны!

— Пустяки! — заявила Августа на такое возражение. — Как я могу украсть свои собственные плечи? Это же невозможно!

— О нет, вы не понимаете, какая это интересная вещь! У меня был кузен, который готовился стать адвокатом, я много занималась тогда разными юридическими вопросами. Бедняга! Он срезался на экзамене восемь раз!

— Хорошо, значит, я должна надеть открытое платье, но это ужасно, право, ужасно! Вы одолжите мне такое платье, не правда ли?

— Дорогая моя! — ответила леди Холмерст, взглянув на свой траурный наряд. — У меня нет теперь таких платьев, но я поищу... Я носила их, пока мой муж был жив! — Глаза ее наполнились слезами.

Августа взяла подругу за руку и начала толковать об опасностях и лишениях, которые перенесла, потом свела разговор на маленького Дика. Леди Холмерст улыбнулась при мысли о дорогом мальчике, своем единственном ребенке, который сладко спал в детской кроватке и не утонул, как она полагала, в волнах океана. Она взяла руку Августы, поцеловала ее и снова благодарила за спасение ребенка, пока дворецкий не отворил двери и не доложил, что два джентльмена желают повидать мисс Смиссерс. Августа снова попала в руки интервьюеров. За ними появились представители какой-то пароходной компании, несколько репортеров, художник одного иллюстрированного журнала — и так далее, до глубокой ночи, когда Августа могла наконец запереть дверь и лечь в постель.

На следующее утро Августа появилась за завтраком, одетая в чрезвычайно открытое платье, которое леди Холмерст приказала вычистить и подновить. Никогда не приходилось Августе носить такое платье, и,

попробовав надеть его в первый раз днем, молодая девушка чувствовала себя так неловко, как трезвый и умеренный человек, который вынужден впервые выпить водки. Делать было нечего. Набросив на плечи шаль, она спустилась вниз.

— Дорогая моя, дайте мне взглянуть! — сказала леди Холмерст, когда служанка вышла из комнаты.

Августа со вздохом сняла шаль, и леди Холмерст поспешила к ней. На шее молодой девушки было написано завещание. Татуировка была так свежа, словно ее только что сделали, и, несомненно, останется на шее Августы до конца ее жизни.

— Я надеюсь, что молодой человек будет глубоко благодарен вам! Мне кажется, что надо действительно горячо любить, — добавила леди Холмерст, значительно посмотрев на Августу, — чтобы решиться на такую жертву!

Августа вспыхнула при этом намеке, но ничего не сказала. В десять часов, когда они уже наполовину позавтракали, раздался звонок.

— Это он! — воскликнула леди Холмерст, захлопав в ладоши. — Право, это презабавнейшая вещь! Я велела Джону проводить его сюда.

Едва она успела произнести эти слова, как дворецкий, торжественный и мрачный в своем траурном одеянии, отворил дверь и возвестил:

— Мистер Юстас Мизон!

Наступила минутная пауза. Августа приподнялась со своего кресла и снова села в него. Заметив ее замешательство, леди Холмерст лукаво улыбнулась.

Вошел Юстас, красивый, возбужденный, прекрасно одетый — в модном сюртуке, с цветком в петлице.

— Как вы поживаете? — спросил он Августу, пожимая ее руку, которую она холодно отняла у него.

— Как вы поживаете, мистер Мизон? — в свою очередь спросила она. — Позвольте мне представить вас леди Холмерст. Мистер Мизон, леди Холмерст!

Юстас поклонился и поставил свою шляпу прямо на тарелку с маслом.

— Надеюсь, что я пришел не слишком рано, — сказал он, совершенно сконфуженный своей неловкостью. — Кажется, вы только что кончили завтракать!

— О, нет еще, мистер Мизон! — возразила леди Холмерст. — Не угодно ли вам чашку чаю? Августа, дайте мистеру Мизону чашку чаю!

Юстас взял чашку с чаем, хотя вовсе не хотел его.

Воцарилось молчание. Казалось, никто не знал, как начать разговор.

— Вы долго искали наш дом, мистер Мизон? — поинтересовалась наконец леди Холмерст. — Мисс Смиссерс не дала вам адреса, а в Лондоне две леди Холмерст — моя свекровь и я.

— Нет, я сейчас же нашел ваш дом, потому что вчера ночью гулял здесь и видел вас обеих у окна.

— В самом деле? — удивилась леди Холмерст. — Отчего же вы не зашли? Вы могли бы защитить мисс Смиссерс от репортеров!

— Я не знал, — признался Юстас смущенно, — не смел. Кроме того, полицейский нашел мой вид подозрительным и попросил уйти.

— Дорогой мистер Мизон! Вы, вероятно, долго любовались нами!

Тут в разговор вмешалась Августа, опасаясь, что Юстас скажет какую-нибудь глупость. Молодой человек, способный стоять и целыми часами созерцать дом на Ганновер-сквер, очевидно, способен на многое...

— Я была удивлена, когда увидела вас вчера, — произнесла она. — Как вы узнали о нашем приезде?

Юстас ответил, что узнал из газет.

— Вероятно, вы не так удивились, как я, — произнес он. — Я был уверен, что вы погибли. Когда вы уехали, я ездил в Бирмингем и узнал, что вы исчезли, не оставив даже адреса! Служанка объявила мне, что вы уехали на пароходе, название которого она переврала. Позже я узнал, что это был «Канчаро». Затем, некоторое время тому назад, в газетах появилась телеграмма из Австралии, где в числе спасшихся пассажиров была упомянута леди Холмерст. Там было сказано, что лорд Холмерст и романистка мисс Смиссерс погибли. Это было ужасно, уверяю вас!

Обе молодые женщины смотрели на Юстаса и по его лицу видели, что он действительно многое пережил. Он был так рад, так взволнован, что не умел скрыть горячего участия и интереса, с которым относился к молодой девушке, простой знакомой.

— Это очень любезно с вашей стороны — не забыть меня, — мягко промолвила Августа. — Я не смела и думать, что вы вспомните обо мне, иначе непременно оставила бы вам записку перед отъездом.

— Слава Богу, вы живы и здоровы, — ответил Юстас — и внезапно добавил с оттенком боязни: — Ведь вы не поедете теперь в Новую Зеландию?

— Не знаю. Я боюсь теперь моря!

— Нет, конечно, — вступила в разговор леди Холмерст, — она будет жить со мной и с Диком. Мисс Смиссерс спасла жизнь моему сыну, когда его нянька убежала и бросила его. А теперь, дорогая моя, вы хорошо сделаете, если скажете мистеру Мизону о завещании.

— О каком завещании? — спросил Юстас.

— Слушайте и узнаете!

Юстас слушал, широко раскрыв глаза, пока Августа, победив свою стыдливость, рассказывала ему о смерти его дяди и о последнем завещании мистера Мизона.

— И вы хотите сказать, — произнес Юстас потрясенно, — что позволили вытатуировать на себе это проклятое завещание?

— Да, — ответила Августа, — я позволила и думаю, что вы должны быть благодарны мне, потому что это была тяжелая операция!

— Я более чем благодарен, — воскликнул Юстас, — я не мог ожидать этого и не знаю, что сказать вам! Я никогда не думал, что женщина способна на такую жертву ради чужого ей человека!

Наступила новая томительная пауза.

— Мистер Мизон, — вдруг проговорила Августа, вскочив с кресла, — документ принадлежит вам, и вам нужно видеть его!... Хотя, может быть, он и не нужен вам теперь, потому что я читала, что первое завещание Мизона утверждено судом.

— Нет, не думаю, — возразил Юстас. — Я слышал от своего друга-адвоката, мистера Шорта, что завещание не утверждено.

— В самом деле? — вскричала Августа. — Я очень рада слышать это. Значит, я не напрасно вытерпела татуировку. Конечно, вам нужно видеть завещание!

Полупрезрительным, полустыдливым жестом девушка сбросила с себя шаль и повернулась к нему спиной, чтобы он мог прочесть текст.

Юстас уставился на буквы, которые должны были доставить ему двухмиллионное наследство.

— Благодарю вас! — сказал он наконец и, взяв шаль, накинул ее на плечи Августы.

— Извините, мистер Мизон, я должна уйти на несколько минут, — вмешалась леди Холмерст, — мне надо распорядиться насчет обеда...

Она вышла из комнаты.

Юстас закрыл за ней дверь и повернулся к Августе, инстинктивно чувствуя, что наступила решительная минута.

XV. У адвоката

Августа облокотилась о мраморную доску камина. Она также чувствовала что-то странное в воздухе и, отвернув голову, стала играть бронзовой статуэткой, стоявшей на камине.

«Теперь пора!» — подбадривал себя Юстас, пытаясь преодолеть сильное биение сердца.

— Я не знаю, что я должен сказать вам, мисс Смиссерс, — начал он.

— Лучше ничего не говорите, — произнесла она спокойно. — Я сделала для вас все, что могла, и очень рада этому. Разве не должна была я предупредить большое зло? Мне вовсе не улыбается мысль идти на суд! Но тут совсем другое дело: вы потеряли наследство из-за меня... следовательно, вполне справедливо, чтобы я вернула его вам!

Молодая девушка снова отвернулась, продолжая играть статуэткой, так что Юстас не мог видеть ее лица. Зато она хорошо видела его в зеркале и наблюдала за малейшей переменной в его лице.

Бедный Юстас становился все бледнее, пока его красивое лицо не стало похожим на лицо призрака. Удивительно, как иногда волнуются молодые люди при первом объяснении! Потом, с годами практики, приходят к ним и нужные навыки, и умение.

— Мисс Смиссерс! Августа! — пробормотал Юстас, бледный как мертвец. — Мне нужно сказать вам кое-что...

— Что такое, мистер Мизон? — спросила Августа ласково.

— Я должен сказать вам... — он снова умолк.

— Вы хотите мне сказать что-нибудь о завещании?

— Нет, нет... вовсе не о завещании... пожалуйста, не смейтесь надомной... я...

Августа самым невинным образом взглянула на него. У нее было такое милое лицо, и ласковый взгляд ее больших серых глаз сразу рассеял все его страхи.

— О, Августа, Августа! — проговорил он. — Разве вы не понимаете? Я люблю вас! Я люблю вас! Ни одну женщину я не любил до сих пор. Когда мы в первый раз встретились с вами в конторе дяди, я полюбил вас и поссорился с ним из-за вас. С тех пор моя любовь к вам все росла и росла. Мысль, что вы погибли, убила меня, и часто, очень часто, я также желал умереть!

Августа опустила глаза и вспыхнула до самых волос, грудь ее часто

дышала.

— Знаете ли вы, мистер Мизон, — сказала она наконец, не смея взглянуть ему в лицо, — что мы видимся сегодня только в четвертый раз?!

— Да, я знаю, — ответил он, — но не отказывайте мне по этой причине, вы можете видеться со мной так часто, как захотите! — Это было великодушно со стороны Юстаса Мизона! — И, право, я знаю вас больше, чем вы думаете! Двадцать раз я перечитывал ваши сочинения.

Это был очень удачный ход... Как ни мало тщеславия было у Августы, но какая молодая женщина не услышит с удовольствием, что ее сочинения перечитываются двадцать раз!

— При чем тут мои книги? — сказала Августа.

— Как? Ваши книги составляют часть вас самой, — убежденно произнес Юстас, — по ним я узнал и понял вас лучше, чем если бы видел сотню раз!

Августа медленно подняла взгляд и долго смотрела ему в глаза, словно желая проникнуть в его душу. Юстас никогда не мог забыть этого долгого, нежного, глубокого взора...

Оба замолчали, медленно приближаясь друг к другу, пока его рука не обвила ее стана и губы их не встретились в горячем и нежном поцелуе. Счастливый молодой человек! Счастливая девушка! Что может быть выше, священнее первого поцелуя искренней и чистой любви!

Немного погодя в комнату вошел дворецкий. Августа и Юстас, она — раскрасневшаяся, он — очень бледный, стояли, весьма подозрительно отвернувшись друг от друга. Но дворецкий, в высшей степени выдержанный и опытный человек, многое видел на своем веку, о многом догадывался и глядел невинно, словно новорожденный младенец.

За ним пришла леди Холмерст и лукаво взглянула на смущенную парочку. Она, подобно своему дворецкому, была весьма опытной особой.

— Не хотите ли пройти в гостиную? — спросила она. Молодые люди повиновались, как во сне.

В гостиной Юстас не выдержал и объявил, что они намерены обвенчаться.

Хотя молодые люди вовсе не условились о своей свадьбе, но Августа молчала, не возразив ни единым словом.

— Я думаю, мистер Мизон, — сказала леди Холмерст, — что вы счастливейший человек, потому что Августа не только красивейшая из девушек, но обладает благородным сердцем и светлым умом! Будьте осмотрительны, мистер Мизон, когда сделаетесь мужем знаменитой Августы Смиссерс!

— Я рискну! — отвечал он скромно. — Я знаю, что в одном мизинце Августы больше ума, чем во всей моей голове! Удивляюсь, как это она еще обратила на меня внимание!

— Дорогой мой мистер Мизон! Как мы скромны! — воскликнула леди Холмерст. — Впрочем, все мужчины так говорят до свадьбы... Теперь о деле. Поскольку Августа носит на своей шее все ваше состояние, я думаю, что было бы отлично, если бы вы отправились к адвокату и поговорили бы с ним о завещании. Конечно, если вы окончили свой разговор с ней!... Надеюсь, вы отобедаете с нами, мистер Мизон, и придете к нам еще до шести часов. Наверняка Августе будет интересно узнать о том, что скажет адвокат. А пока — до свидания!

Юстас раскланялся и ушел.

— Моя дорогая, он очень милый молодой человек! — сказала Августе леди Холмерст, когда за ним закрылась дверь. — Конечно, это смело с его стороны — сделать вам предложение, увидев вас только четыре раза. Но, право, эта смелость, граничащая с дерзостью, составляет достоинство мужчин. Кроме того, если ваше завещание утвердят, мистер Мизон будет одним из богатейших людей во всей Англии, и я могу поздравить вас! Я полагаю, что вы уже давно любите друг друга. Нетрудно было догадаться об этом, когда он бежал вчера, как помешанный, к вашему экипажу! Я окончательно убедилась в этом, когда узнала о вашей татуировке. Ни одна девушка не согласится быть татуированной только ради справедливости. О, я знаю все. Теперь я пойду гулять с Диком в парк, а вам советую заняться собой и успокоиться.

Она ушла, предоставив Августу самой себе. Но мысли молодой девушки были вовсе не печального свойства...

В это время Юстас направился к адвокату.

Случилось так, что в том же самом доме, где последние три месяца он снимал меблированную квартиру, жили и два брата Шорт, с которыми у него сложились дружеские отношения. Братья Шорт были близнецы, так что прошел месяц, пока Юстас научился отличать их друг от друга. Отец их умер, когда они обучались в колледже, и оставил им небольшое состояние — каждый из них имел около четырехсот фунтов в год. Близнецы решили заняться чем-нибудь, чтобы увеличить свой доход. Один захотел стать свидетелем, другой — адвокатом. Разумеется, они могли бы достичь таким образом возможного благоденствия, взаимно поддерживая друг друга и помогая друг другу в работе. Джон доставлял бы Джеймсу дела, слава и успехи Джеймса отражались бы на Джоне. Сдав экзамены, Джон снял две комнаты в Сити вместе с другим свидетелем, тогда как Джеймс облюбовал

себе отдаленную часть города. На этом все и остановилось, потому что Джон не имел работы и, конечно, не мог доставить ее Джеймсу.

Прошло три года, и близнецы нашли, что быть юристами вовсе не выгодно и не весело.

Напрасно Джон сидел и вздыхал в Сити. Клиентов почти не было. Напрасно Джеймс, прекрасно одетый и элегантный, бродил, словно злой дух, по судам в поисках работы. Случайно один раз он имел удовольствие принять дело от некоего адвоката, который должен был на время куда-то уехать. Затем один господин, с которым он имел шапочное знакомство, бросился к нему, доверив ему свое дело, прося поддержки. Когда наступил разбор дела, бедный Джеймс напрасно волновался и хлопотал. Судьи изумленно посмотрели на него поверх очков и были «весьма удивлены тем, что нашелся ученый адвокат, который решился у них отнимать время для такого вздорного дела...» Кончилось тем, что знакомый Джеймса должен был уплатить немалую пеню.

Юстас Мизон часто слышал имя адвоката Джеймса Шорта по делам о завещаниях и, вполне естественно, обратился к нему. Он немедленно отправился по известному ему адресу. Дверь в небольшую прихожую отворил какой-то маленький мальчик, очевидно, исполнявший обязанности клерка. Он посмотрел на посетителя таким странным, пронзительным взглядом, что Юстас испугался. В этом взоре выразились и беспокойство, и надежда, и радость. Очевидно, он принял его за клиента, которые очень редко появлялись здесь. Но Юстас был один, а всякий клиент являлся со свидетелем... В глазах ребенка надежду сменило разочарование.

Юстас постучал и вошел в маленькую, голую комнату, вся меблировка которой состояла из стола, трех стульев и книжного шкафа с книгами и бумагами. На широком подоконнике также лежала кипа бумаг.

Мистер Джеймс Шорт был коротенький, коренастый молодой человек с черными глазами, крючковатым носом и лысой головой. Эта лысина была единственным различием между братьями Шорт.

В ту минуту, когда Юстас вошел в комнату, мистер Шорт был углублен в чтение газеты, которую смущенно бросил под стол, а перед собой положил том законов, мгновенно схватив его с полки.

— Как поживаете, дружище? — приветствовал адвоката Юстас, уловивший быстрое исчезновение газеты. — Успокойтесь, это я!

— А-а, это вы, — произнес мистер Джеймс Шорт, когда они обменялись рукопожатием, — я думал, что клиент... Всегда возможно появление клиента, и я должен быть наготове.

— Знаете ли, дружище, — сказал Юстас, — случилось так, что я

пришел к вам тоже в качестве клиента. Мое дело — два миллиона, — наследство дядюшки! Я хочу спросить вашего совета!

Мистер Шорт привскочил со стула, но вдруг, подавленный какой-то мыслью, тяжело опустился назад.

— Дорогой Мизон! — заявил он. — Мне очень досадно, но я не могу выслушать ваше дело!

— Да? Почему же?

— Вы пришли один, без свидетеля! Профессия, к которой я принадлежу, не допускает возможности принять клиента, если его не сопровождает свидетель!

— К черту вашу профессию!

— Дорогой Мизон! Если вы пришли ко мне как старый друг, я буду счастлив сделать для вас все, что в моей власти, и, смею заверить, я кое-что смыслю в делах! Но вы сами сказали, что пришли как клиент, и в этом случае я обязан отнестись к вам официально. Долг моей профессии обязывает меня заявить вам, что я не имею права выслушивать вас без обязательного присутствия правоспособного свидетеля!

— О Господи! — воскликнул Юстас. — Мне и в голову не приходило, что вы так щепетильны, я думал, что вы будете рады клиенту!

— Конечно, конечно! Особенно в моем настоящем положении! Я рад всякому делу! Позвольте мне предложить вам пойти и посоветоваться с моим братом Джоном. Я думаю, что он сейчас свободен. Смею сказать, что могу предложить ему прийти с вами сюда, и через час мы уладим дело. Погодите! Я спрошу своего клерка. Роберт!

Явился мальчик.

— Я не занят сегодня утром, Роберт?

— Нет, сэр, — ответил Роберт, подмигнув ему. — Одну минутку, сэр, я справлюсь по книге!

Он исчез и вернулся с известием, что мистер Шорт совершенно свободен в этот день.

— Отлично, — произнес мистер Шорт, — запиши тогда, что у меня деловое свидание с мистером Джоном Шортом и мистером Мизоном ровно в два часа.

— Да, сэр, — сказал Роберт, отправляясь заняться непривычным делом.

Как только Юстас отправился к мистеру Джону Шорту, Роберт был послан на верхний этаж к некоему мистеру Томсону, владельцу превосходной библиотеки, которую получил по завещанию. Роберту было приказано попросить займы восьмой том законов, где говорилось о

завещаниях. Получив книгу, мистер Джеймс Шорт немедленно углубился в изучение этого драгоценного фолианта, поджидая возвращения клиента.

В это время Юстас ехал в Сити к мистеру Джону Шорту. Его контора помещалась на седьмом этаже огромнейшего дома. Юстас с бьющимся сердцем поднялся по лестнице, подошел к маленькой двери с надписью «*Мистер Джон Шорт, свидетель*» и постучал.

Дверь отворил маленький мальчик, поразительно похожий на клерка мистера Джеймса Шорта. Позже тайна объяснилась: оба клерка были родными братьями, подобно своим господам.

Мистер Джон Шорт был на месте и с виду усердно трудился, так как перед ним лежала кipa бумаг. Но Юстасу показалось, что края бумаги пожелтели от давности и чернила давно высохли.

XVI. На законном основании

— Мизон, что такое у вас? Вы пришли ко мне позавтракать? — спросил мистер Джон Шорт. — Знаете, сначала я подумал, что вы явились ко мне как клиент.

— Клянусь Иовом, старый дружище, я — ваш клиент! — ответил Юстас. — Я был у вашего брата, он послал меня к вам, заявив, что долг профессии вынуждает его не принимать клиента без свидетеля.

— Совершенно верно, совершенно верно! Мой брат прав! Я удивляюсь, что, имея столь малую практику, он так хорошо знаком с теорией судопроизводства. Ну, какое у вас дело?

— Знаете, Шорт, ваш брат сказал, что будет ждать нас обоих к себе в два часа. Я думаю, будет лучше всего, если мы отправимся к нему и обсудим дело сообща!

— Отлично! Собственно говоря, я не имею обыкновения уезжать из конторы в это время, так как всегда могут подвернуться клиенты. Но для вас, Мизон, я готов сделать исключение. Уильям! — обратился он к мальчику. — Если кто-нибудь спросит меня, пожалуйста, скажи, что я отправился по важному делу к своему брату, мистеру Шорту, и надеюсь вернуться после трех часов.

— Слушаю, сэр, — сказал Уильям, запирая за ними дверь. Затем, положив бумаги на полку шкафа, откуда их легко можно было достать при малейшем намеке на клиента, он написал на двери, что сейчас вернется, и весело отправился играть с другими маленькими клерками по соседству.

В это время Юстас со своим спутником приехали к мистеру Джеймсу Шорту.

Какой гордостью наполнилось сердце адвоката, когда в первый раз за всю свою карьеру он увидел настоящего клиента в сопровождении свидетеля! Теперь все это было на законном основании, и он мог приняться за дело! Конечно, он предпочел бы, чтобы свидетелем был кто-нибудь другой, а не его родной брат, а клиентом — не близкий приятель, но, во всяком случае, какое это было приятное зрелище!

— Не угодно ли вам сесть, джентльмены? — произнес он с достоинством.

Джентльмены уселись.

— Надеюсь, Мизон, вы объяснили моему брату дело, в котором вам понадобился мой совет?

— Нет, я ничего не говорил, — ответил Юстас, — я полагал, что могу объяснить все сразу вам обоим.

— Э, нет! — сказал Джеймс. — Это неправильно! Согласно этике профессии, к которой я имею честь принадлежать, так делать нельзя. Обычно нужно, чтобы присутствовали представители газет... но я предвижу, что здесь дело важное и экстренное...

— Да, это правда, — подтвердил Юстас. — Я пришел к вам по делу о завещании!

— Я знаю, — заметил Джеймс, — но где это завещание?

— Оно вытатуировано на шее одной дамы!

Братья вскочили с мест с совершенно одинаковым жестом изумления и так забавно посмотрели на него, что Юстас разразился громким смехом.

— Надеюсь, Мизон, что это не мистификация? — серьезно заметил Джеймс. — Вы, конечно, знаете, что смеяться и шутить теперь не время и не место!

— Конечно, Мизон, — добавил Джон, — вы должны питать должное уважение к закону и его представителям!

— Разумеется. Уверяю вас, что говорю правду. Это настоящее завещание!

— Да, — заключил Джеймс, — очевидно, это инцидент далеко не обычный!

— Вы правы, старый дружище! — согласился Юстас. — А теперь слушайте. — И он спокойно и четко рассказал всю историю завещания.

Когда он кончил, братья переглянулись. Ничего подобного им не приходилось слышать. Но Джеймс умел быстро ориентироваться. Он твердо держался аксиомы «Никогда не высказывать затруднения или замешательства в делах».

— Это замечательный случай и, могу сказать, довольно редкий! Он совершенно не подходит под общие законы о завещании. Обычно завещание пишется на бумаге или пергаменте, но я не сомневаюсь, что кожа молодой леди — великолепный материал для завещания! Продолжаю. Допустим, — я полагаюсь на слова мистера Мизона, — что завещание было составлено совершенно правильно завещателем или тем лицом, которое производило татуировку в его присутствии, что оно подписано, как следует, и сделано по статуту. Но я подхожу к тому, что мне кажется поистине ужасным! В завещании не помечено даты! Не уничтожается ли оно отсутствием ее? Отвечу: нет! Заметьте: это завещание не могло быть сделано на шее мисс Августы Смиссерс ранее восемнадцатого декабря, когда погиб «Канчаро», и, значит, уже существовало в день Рождества,

когда мисс Смиссерс была спасена. Очевидно, завещание было вытатуировано между восемнадцатым и двадцать пятым декабря.

— Верно, старый дружище! — заключил Юстас. — Вижу, что вы умеете взяться за дело. Но что следует предпринять сейчас? Я боюсь, что будет поздно! Как будто бы завещание утверждено!

— Завещание утверждено! — повторил великий Джеймс с плохо скрываемым презрением. — Разве закон так беспомощен, что может утвердить завещание, несмотря на видимую ошибочность фактов? Конечно, нет! Как только все предварительные формальности будут соблюдены, нужно подать прошение об отмене первого и утверждении позднейшего завещания. Тут нет душеприказчика! Это очень важный пункт. Необходимо потребовать, чтобы суд признал завещание действительным и подтвердил законность документа!

— Но как это сделать, если тут замешана мисс Смиссерс? — неуверенно возразил Юстас.

— Мне кажется, — сказал Джеймс, обращаясь к брату, — нам придется привести мисс Смиссерс в суд, чтобы она присутствовала при показаниях свидетелей.

— Конечно, — подтвердил Джон с таким видом, словно это было самое простое дело.

— Как? — поразился Юстас, глазам которого предстала Августа с обнаженной перед судьями шеей. — Разве возможно вести леди... это невысказано!

— Мыслимо или нет, это необходимо сделать прежде всего! Погодите. Я надеюсь, что заседания сессии суда уже начались! Хорошо бы попасть туда завтра.

— Да, да, — согласился Джон.

— Да, — подтвердил Джеймс, — это все надо сделать поскорее. Поспешите вручить мне все документы и инструкции возможно скорее! Кроме меня, будут у вас еще адвокаты?

— О, да, да, — произнес Юстас, — только вот насчет денег... Я не знаю, чем буду платить за все это... У меня есть пятьдесят фунтов сбережений, но с ними далеко не уйдешь!

Джеймс мрачно взглянул на брата. Это было ужасно.

— Пятидесяти фунтов как раз хватит на первые издержки! — сказал Джеймс, вытирая свою лысину платком.

— Возможно, — согласился Джон брюзгливо, — но чем платить за все остальное? Не можете ли вы, — продолжал он, обращаясь к Юстасу, — достать где-нибудь денег?

— Пожалуй, — ответил Юстас, — у леди Холмерст! Если она согласится дать... Я предложу ей разделить добычу...

— Дорогой мой, — сказал Джон, — ваших денег мало!

— Мало! — повторил Джеймс, всплеснув руками. — Это невозможно! Неизвестно, что будет дальше и что может еще случиться!

— Право, я не знаю, как быть, — вздохнул Юстас, — я мало смыслю в законах.

— Наверное, Джеймс, — повернулся к брату Джон, — это будет очень интересное судебное дело!

— Так, Джон, так, но вы хорошо знаете, что моя профессия не позволяет мне вести дело даром. Желудок всего адвокатского сословия, индивидуальный и коллективный, возмущается и бунтует при одной мысли, что кто-то из его членов работает за просто так!

— Да, — добавил Юстас, — я знаю, что существуют строгие правила.

— Верно, верно, дорогой Джеймс, — подтвердил Джон со сладкой усмешкой, — издержки предстоят большие. Ученый адвокат похож на ящик с сигаретами или новоизобретенную весовую машину на станции: она ничего не сделает для вас, пока вы не опустите туда денег. И эти деньги уже не вернутся к вам обратно. Впрочем, Джеймс, это постоянно практикуется людьми вашей профессии: они ждут, пока накопится пятьсот фунтов, а потом требуют свой заработок. Почему вы не можете сделать то же самое? Если мы выиграем дело, то противная сторона заплатит все издержки; если проиграем, вы все же не будете в убытке. Это лучше и выгоднее всего для вас, мой милый Джеймс!

— Отлично, Джон, пусть будет так! — заключил Джеймс.

— Ну, а теперь, — произнес Джон, — у меня есть дело с другим клиентом! — И пояснил Юстасу: — Мой баланс не высок!

— Я понимаю, — грустно заметил Джеймс, — и сочувствую...

Таким образом закончилось совещание ученых адвокатов.

XVII. Испытания Августы

После полудня Юстас вернулся в дом леди Холмерст, чтобы сказать своей дорогой Августе, что на следующее утро ей необходимо идти в канцелярию суда. Можно себе представить, как горячо протестовала против этого Августа, несмотря на все доводы своего возлюбленного! Ее поддержала и приятельница ее, леди Холмерст, которая вскоре ушла из комнаты, предоставив им вдвоем обсуждать дело.

— Это, наконец, ужасно! — сказала Августа, топнув ногой. — После всего, что я перенесла, я должна еще показывать свою несчастную шею разным ученым адвокатам и тащиться Бог знает куда, чтобы увидеть старые, заплесневелые бумаги!

— Дорогая моя! — возразил Юстас. — Или надо идти туда, или бросить все дело! Мистер Джон Шорт уверяет, что это необходимо, что документ должен храниться в канцелярии.

— Но как же быть? Меня, вероятно, посадят в шкаф или еще куда-нибудь разделять участь других завещаний? — спросила Августа, чувствуя желание плакать.

— Я не знаю, — ответил Юстас, — мистер Шорт уверяет, что это обсудят потом. Его личное мнение, что ученый доктор — будь он проклят! — пожелает, чтобы вы сопровождали его всюду, пока дело не выяснится! Но, — продолжал Юстас мрачно, — если ученый доктор захочет, чтобы вы ходили за ним всюду, то пусть и меня таскает с собой!

— Зачем? — удивленно спросила Августа?

— Затем, что я не могу доверить вас ему — нет!... Он стар? Да, стар, и, кроме того, этот ученый джентльмен двадцать лет практикует в суде... Ну, скажите, что можно ждать от человека, который двадцать лет только тем и занимался, что разводил да сводил людей! Я знаю, знаю! — убежденно говорил Юстас. — Он влюбится в вас сейчас же... этот старый волокита!

— Право, вы забавны, Юстас! — воскликнула Августа, расхохотавшись.

— Не знаю, чем я забавен, Августа! Но если вы думаете, что я отпущу вас одну с ученым доктором, вы ошибаетесь! Он непременно влюбится в вас, а может быть, и его клерки! Кто может находиться около вас и не полюбить?

— Вы так думаете? — спросила Августа, нежно взглянув на него.

— Да! — пылко ответил он.

На этом закончился их разговор и не возобновлялся до обеда.

На следующее утро, в одиннадцать часов, Юстас явился с мистером Джоном Шортом, чтобы везти Августу и леди Холмерст в суд, на что они в конце концов согласились.

Мистер Шорт раскланялся с дамами, на которых произвел впечатление своим ученым и неотразимым видом. Он потребовал взглянуть на завещание, но Августа отказалась, уверяя, что вполне достаточно, если она один раз покажет им свою шею. Вздохнув и покачав головой, мистер Шорт покорился. Затем явился экипаж, и все отправились в суд. Добравшись до места, они миновали бесчисленное множество коридоров и вошли в неуютную комнату с календарем на стене, простым засаленным столом и несколькими стульями; в комнате сидели несколько клерков.

Здесь они ждали около получаса или более, к великому ужасу Августы, так как она сделалась предметом исключительного внимания клерков, не сводивших с нее глаз. Тонкий слух помог Августе уловить несколько слов одного из клерков, маленького человечка с желтыми волосами и огромной булавкой в галстук, напоминавшего собой только что вылупившегося цыпленка. Он сообщил другому клерку, что посетительница — героиня знаменитого дела о наследстве и что о ней говорит теперь весь Лондон.

В это время чья-то голова просунулась в дверь.

— Шорт и Мизон! — выкрикнул кто-то и исчез.

— Леди Холмерст, мисс Смиссерс, прошу вас! — обратился к ним мистер Джон Шорт. — Позвольте мне указать вам дорогу! Пожалуйста!

Бедное живое «завещание» очутилось в большой комнате с низким потолком. Повернувшись спиной к окну, за столом сидел приятного вида джентльмен средних лет, который при появлении дам в сопровождении мистера Шорта и Юстаса Мизона вежливо раскланялся и просил их сесть.

— Чем могу служить вам? Мистер... мистер... — он усиленно смотрел в свою записную книжку. — Мистер Шорт... Если не ошибаюсь, у вас завещание, и при особых обстоятельствах?

— Да, сэр, — вдумчиво ответил мистер Джон Шорт. — Завещание Джонатана Мизона относительно его имущества и двух миллионов капитала. Предполагали, что Мизон утонул вместе с «Канчаро», и президент принял и утвердил его завещание. Между тем Джонатан Мизон погиб на острове Кергелен через несколько дней после гибели «Канчаро» и перед смертью составил новое завещание, которым отписал все своему племяннику Юстасу Мизону, вот этому джентльмену. Мисс Августа

Смиссерс...

— Как? — перебил ученый регистратор. — Неужели это мисс Смиссерс, о которой мы так много читали, — героиня острова Кергелен?

— Да, я мисс Смиссерс! — ответила Августа, краснея. — А это — леди Холмерст. Ее супруг...

Она оборвала себя на полуслове и замолчала.

— Для меня — огромное удовольствие познакомиться с вами, мисс Смиссерс! — заявил ученый доктор, нежно пожимая ей руки и кланяясь леди Холмерст.

Юстас смотрел на него подозрительным взглядом.

— Начинается! — бормотал он про себя. — Я так и знал. Оставить Августу ему на хранение? Ни за что! Никогда!

— Самое лучшее, что можно сделать, — продолжал мистер Шорт, которому все эти разговоры казались ненужной интермедией, — это предложить вам взглянуть на документ... этот документ несколько необычного вида...

Он взглянул на покрасневшую до ушей Августу.

— Хорошо, хорошо! — согласился ученый муж. — Завещание у мисс Смиссерс? Да?

— Мисс Смиссерс сама и есть завещание, — пояснил мистер Джон Шорт.

— Простите, я не совсем понимаю...

— Нет ничего проще. Завещание вытатуировано на мисс Смиссерс!

— Что такое? — воскликнул ученый муж, вскочив со стула.

— Завещание написано на мисс Смиссерс, — продолжал мистер Джон Шорт спокойным тоном. — Мой долг — представить вам документ на рассмотрение...

— Документ на рассмотрение!... — бормотал изумленный доктор. — Как же я буду его рассматривать?

— Я объясню вам, сэр, — сказал мистер Шорт, с сочувствием поглядывая на растерянное и изумленное лицо ученого. — Завещание написано на спине леди, и я...

Леди Холмерст засмеялась. Что касается ученого доктора, он, совершенно растерявшись, стоял у своего стула, не зная, что делать.

— Хорошо! — произнес он наконец. — Надо что-нибудь решить! Я не могу уклониться от своей обязанности! Итак, мисс Смиссерс, я должен побеспокоить вас и взглянуть на это завещание. Там стоит шкаф, — указал он в угол комнаты, — и вы можете... там... приготовиться.

— О, этого не нужно, — возразила Августа со вздохом, снимая жакет.

Доктор тревожно следил за ее движениями.

— Она молодец! — бормотал он про себя. — Но какие странные обычаи на этих пустынных островах!

В это время Августа сняла жакет. Она была одета в открытое платье с белым шелковым шарфом, накинутым на плечи.

Этот шарф она сбросила с себя.

— О-о, я вижу, она в открытом платье... Это — другое дело. Но за всю свою практику я никогда не видал и не слышал ничего подобного. Подписано и засвидетельствовано, но без даты! А может быть, число там... ниже?

— Нет, — возразила Августа, — даты нет... я не могла больше выносить татуировки... Когда все было кончено, я упала без чувств!

— Я поражен! Это самоотверженный поступок, редкое самообладание!

Он грациозно склонился перед Августой.

— Ага! — бормотал Юстас. — Начинаются любезности, несносный старый лицемер!

— Хорошо, — продолжал между тем ни в чем не повинный объект его подозрений, — разумеется, отсутствие даты не меняет сути дела, это не более как доказательство. Во всяком случае, я не могу ничего сказать тут, это не мое дело! Однако, мисс СMISSерс, так как вы очутились здесь в качестве важного документа, могу я спросить вас, что прикажете с вами делать? Нельзя же запереть вас в шкаф с другими документами, а выпустить завещание отсюда — значит, поступить против правил. На это требуется специальное разрешение. Ясно, что я не имею права посягать на свободу личности и приказать вам остаться здесь. Сознаюсь откровенно, я несколько смущен и не знаю, что мне делать с этим завещанием!

— Смеею предложить вам, сэр, — вмешался мистер Шорт, — сделать копию с этого завещания.

— А-а! — сказал ученый муж, протирая очки. — Вы подали мне блестящую мысль! С согласия мисс СMISSерс мы сделаем не копию, нет, а настоящую фотографию завещания!

— Имеете вы что-нибудь возразить на это, моя дорогая? — спросила леди Холмерст.

— О нет, — угрюмо ответила Августа, — мне кажется, я стала теперь общественным достоянием!

— Отлично! Одну минуту, подождите, пожалуйста. Я сейчас же напишу фотографу, к которому уже не раз обращался в официальных делах!

Через несколько минут получили ответ фотографа: он рад служить

доктору и явится в три часа.

— Итак, — заявил ученый муж, — я не могу отпустить мисс Смиссерс, пока не будет сделана фотография завещания. Сегодня утром я свободен и полностью к вашим услугам. Что вы скажете, если я предложу вам позавтракать? Буду счастлив, если вы доставите мне удовольствие и мы вместе где-нибудь перекусим.

Леди Холмерст проголодалась и охотно согласилась, все общество, за исключением мистера Шорта, который уехал, ссылаясь на дела и обещая вернуться в три часа, уселось в коляску леди Холмерст и отправилось в соседний ресторан. Здесь они основательно позавтракали. Доктор был так мил и любезен, что обе леди положительно влюбились в него, даже Юстас вынужден был признать, что среди ученых иногда попадаются очень приятные люди.

В конце концов ученый муж ласково взглянул на Августу и Юстаса.

— Я слышал от леди Холмерст, — сказал он, — что вы, молодежь, собираетесь повенчаться! Многолетний опыт показал мне, что вступление в брак — рискованное предприятие! Но я могу сказать, основываясь на фактах, что никогда не слышал о таком романтическом и многообещающем союзе. Молодой джентльмен ссорится с дядей из-за молодой леди и лишается огромного наследства. Молодая леди при самых ужасных обстоятельствах принимает героическое решение, чтобы вернуть ему состояние. Что будет дальше, я не знаю, получите ли вы наследство или нет, но у вас есть нечто лучшее — взаимное доверие, уважение, что вернее всякой любви и всегда приносит хороший результат. Мистер Мизон, вы — счастливый человек! В мисс Смиссерс вы нашли красоту, смелость, талант, и если позволите старику дать вам добрый совет — старайтесь беречь свое счастье и помните, что человек, который в юности нашел себе такую подругу жизни, поистине счастливец! «Он любимец богов, ему улыбаются радости жизни!» Закончу свою речь пожеланием вам обоим здоровья, счастья и благоденствия!

Доктор выпил стакан вина и так добродушно посмотрел на Августу, что ей захотелось расцеловать его.

Даже Юстас крепко пожал ему руку. С этого момента началась их дружба, которая продолжается до сих пор.

Затем все вернулись в контору, где их уже ждал фотограф, который был очень удивлен, когда узнал о том, что именно он должен фотографировать. Он сделал своим аппаратом три снимка со спины Августы и ушел, сказав, что через два дня принесет готовые карточки. Тогда доктор распрощался с новыми друзьями, заявив, что не имеет права

дольше задерживать Августу. Они отправились домой, очень довольные тем, что так скоро отделались.

XVIII. Августа исчезает

История Августы возбудила немалое волнение, особенно когда в газетах появились ее портреты, когда все узнали, что она молода и красива. Но общее возбуждение достигло апогея, когда начал циркулировать слух о завещании, вытатуированном на ее шее. В газетах появились всевозможные рассказы и истории об этом завещании. Августа не обращала на них внимания.

На четвертый день после того как была сделана фотография завещания, леди Холмерст попросила Августу пойти до магазина на Риджент-стрит и купить ей шнурков для траурного платья. Августа отправилась в магазин в сопровождении служанки. Едва за ними успела закрыться дверь дома леди Холмерст, как Августа заметила двух или трех человек сомнительного вида, бродивших поблизости, которые сейчас же последовали за ними. Не обратив на это внимание, она пошла своей дорогой и когда достигла Риджент-стрит, то заметила, что за ней следовала уже кучка людей, возбужденно перешептывавшихся между собой.

На Риджент-стрит первое, что бросилось ей в глаза, — это человек, продававший фотографии; вокруг него собралась толпа, которой он что-то пояснял. Какой-то джентльмен купил карточку и остановился взглянуть на нее, а так как он был низкого роста, то Августа без труда взглянула на фотографию через его плечо и с негодующим восклицанием отступила назад.

Это был ее собственный портрет в платье с низким вырезом!

Несомненно, это она сама! Завещание на ее шее!

Но волнения ее на этом не кончились, так как в эту минуту появился человек с кипой вечерних газет.

— Описание и портрет прекрасной героини «Канчаро», — закричал он, — с завещанием, вытатуированным на ней самой! Купите фотографию! Факсимиле! Портрет!

— Голубушка! Это ужасно! — обратилась Августа к служанке. — Пойдем домой.

Собравшаяся вокруг них толпа окружила их плотным кольцом. Очевидно было, что человек, следовавший за ними от самого дома, узнал Августу и сообщил эту новость другим.

— Это она! — прошептал один.

— Кто?

— Мисс Смиссерс, героиня «Канчаро», татуированная на пустынном острове!

Раздались возбужденные восклицания толпы. Несчастную Августу прижали к фонарю вместе со служанкой, которая визжала от страха, и с любопытством разглядывали ее. К счастью, явились два полисмена, которые освободили обеих женщин и посадили их в кеб. Экипаж покатился, сопровождаемый возбужденными криками толпы.

Августа была крепкая молодая женщина со здоровыми нервами, но подобные вещи невыносимы! В тот же день она в сопровождении леди Холмерст перебралась в маленький отель на Темзе.

После полудня, прогуливаясь по городу, Юстас увидел выставленные в магазинах фотографии, на которых были сняты плечи его возлюбленной; он пришел в неопишумую ярость, бросился к фотографу и принялся упрекать его в неблаговидном поступке. Фотограф ответил ему, что пустил в продажу карточки потому, что не хотел упустить случая заработать несколько сотен фунтов.

Юстас направился к братьям Шорт. В результате мистер Джеймс Шорт возбудил дело против фотографа, доказывая, что тот не имел права пускать в продажу карточки, представлявшие собой копию важного документа, и воспроизводить их без разрешения суда.

Продажа карточек была немедленно прекращена.

Через восемь дней после этого в суд поступило заявление от поверенных мистера Аддисона и мистера Роскью, наследников Мизона согласно его первому завещанию, сделанному в ноябре 1885 года, в котором они требовали, чтобы суд допросил истца и свидетелей под клятвенной присягой и возможно скорее рассмотрел бы и сличил подписи на первом и втором завещаниях.

Суд назначил день для рассмотрения завещания. Когда разнесся слух, что живое завещание выходит замуж за истца, все ученые мужи широко раскрыли глаза от удивления. Потом поверенные противной стороны получили разрешение суда возражать на требование истца.

Прежде всего они заявили, что второе завещание составлено не так, как того требует закон, добавив, что в этом очевидно влияние Августы Смиссерс, что «завещание было сделано под сильным воздействием ее воли на больной ум завещателя».

Время шло своим чередом. Часто, насколько это было возможно, Юстас уезжал из Лондона и устремлялся в маленький отель на берегу реки, где чувствовал себя вполне счастливым.

Закон, несомненно, прекрасная вещь, питающая множество народа,

дающая немало выгод своим верным слугам, но горе тому, кто сделался жертвой операций законников!

Судебный процесс был ложкой дегтя в бочке меда Юстаса. Каждый день приносил ему новые хлопоты и тревоги. Братья Шорт боролись, как герои, стойко сражались за свое дело. Юстасу было тяжело поддерживать их деньгами, которых у него не хватало. Как и следовало ожидать, весь блеск адвокатских талантов и красноречия разбивался о невозможность добыть где-нибудь денег, тогда как противники были богатейшие люди и не стеснялись в расходах.

Юстас и Джеймс Шорт, человек по натуре умный и чувствительный, — оба отлично понимали, что для борьбы с противниками, для того, чтобы спасти завещание, нужны большие деньги. Но где их взять?

Это было ужасно. Оставалась одна надежда, что само дело, чрезвычайно интересное, из ряда вон выходящее, в то же время очень несложно и не требует большого числа документов.

XIX. Дело «Мизон, Аддисон и К°»

В одно прекрасное утро, когда часы показывали четверть десятого, Августа в сопровождении Юстаса, леди Холмерст, миссис Томас, жены капитана Томаса, которая вернулась в Лондон, навестив своих родных, очутилась у входа в здание нижней палаты суда, готовая отдать пять лет жизни, лишь бы сбежать куда-нибудь из этого учреждения.

— Сюда, дорогая моя! — сказал Юстас. — Мистер Джон Шорт обещал встретить нас в зале.

Они прошли через арку и увидели на дубовой колонне лист с расписанием дел, которые подлежали рассмотрению в этот день.

Августа заглянула в него и прочла, что в десять часов тридцать минут будет разбираться дело «Мизон, Аддисон и К°». Это так подействовало на нее, что она почувствовала себя совсем больной.

Они прошли мимо полисмена гигантского роста, стоявшего у дверей, и остановились в узенькой, неудобного вида зале. Справа от входа, около статуи, с бумагами в руках их ждал мистер Джон Шорт. Лицо у него было возбужденное.

— Вы здесь! — произнес он. — Я боялся, что вы опоздаете! Наше дело разбирается первым ради удобства генерального атторнея. Вы знаете, он поддерживает противную сторону! — добавил он со вздохом. — Не знаю, как справится бедный Джеймс. У него двадцать человек оппонентов, потому что все поверенные наследников здесь налицо! Во всяком случае, он твердо стоит на своем и прекрасно сведущ в законах.

В это время они добрались до маленькой лестницы, взошли по ней и свернули влево. Если и существовали какие-либо сомнения относительно верности пути, то скоро все перестали сомневаться, завидев длинный ряд париков, устремившихся в том же направлении.

Августа и ее друзья скоро убедились в том, какой живой интерес возбудил в публике предстоящий разбор дела.

Коридор суда кишел белыми париками адвокатов — их было тут около пятисот человек. Они толпились в ожидании, когда отворятся двери. Шесть или восемь сторожей удерживали толпу с помощью деревянного барьера, покрикивая стоящим впереди: «Назад! Назад! Осади назад!»

— Господи! Как же мы пройдем? — взмолилась Августа. Мистер Джон Шорт сделал знак сторожу, боровшемуся с напором толпы, и спросил его, как им пройти.

— Я сам не знаю, сэр, — отвечал служитель, — здесь вам не пройти! Придется провести вас через другой вход! Пусть меня повесят, — продолжал он, указывая им дорогу, — если все эти адвокаты не задавят нас насмерть. Тут надо отряд кавалерии, чтобы их сдержать! Они голодают, не имеют работы и лезут из кожи вон, чтобы увидеть кусочек портрета молодой леди!

В это время они прошли через отделение морской юрисдикции, двор и очутились в зале суда.

Прежде чем занять место, которое ей указали, Августа осмотрелась вокруг. Зал суда был еще пуст, хотя в судейской ложе уже расположились избранные лица, включая и нескольких дам. Малая галерея постепенно заполнялась нарядными людьми. Что касается адвокатских мест, там сидели множество представителей наследников Мизона и их поверенные, так что бедный Джеймс Шорт, единственный адвокат истца, занял со своими бумагами место в центре третьей скамейки.

— Боже праведный! — потрясенно промолвил Юстас, наклоняясь к Августе. — Двадцать адвокатов против нас. Что будет делать несчастный Джеймс?

— Не знаю, право, — вздохнула Августа. — Это ужасно, да?

— Но что делать, ведь у нас нет денег!

Джон Шорт отошел переговорить с братом и вскоре вернулся. Августа занялась изучением типов людей, находившихся перед ее глазами.

— Господи, кто это такие? — спросила она.

— Вот генеральный атторней вместе с Фиддлстиком, Пирлом и Бином, поверенными Аддисона. Около него главный прокурор с Плейфордом, Миддлстоном, Блоухардом и Россом — это поверенные со стороны Роскью. Дальше Стикон, он любит дела о завещаниях и разводах и вечно пишет книги об этом. Затем репортер газеты «Таймс», он пишет романы, как вы, хотя и не так хорошо, и ворует из чужих сочинений. Дальше...

В эту минуту Джон Шорт был прерван каким-то подошедшим добродушного вида человеком с моноклем в правом глазу. Это был мистер Ньюс, глава богатой фирмы, поверенный ответчиков.

— Мистер Шорт, надеюсь? — произнес мистер Ньюс, сочувственно взирая на своего молодого оппонента.

— Да!

— Мистер Шорт! Я советовался со своими клиентами, с атторнеем и прокурором, и все мы пришли к соглашению, что в этом деле есть сомнительные обстоятельства, которые, безусловно, повлияют на решение суда!

— Прежде чем говорить об этом, — возразил Джон с достоинством, — я должен посоветоваться со своим адвокатом.

— Разумеется!

Джеймс встал со своего места и ждал. Он тщательно подготовился к разбору дела.

В первый раз в жизни он совещался с атторнеем и прокурором.

— Послушайте, Шорт! — сказал атторней, обращаясь к Джеймсу, как к старому знакомому, хотя только что узнал его имя от Фиддлстика. — Как вы думаете, чем мы порешим это странное, курьезное дело? Много фактов говорит против вас, вы знаете об этом?

— Я так не считаю! — заметил Джеймс.

— Конечно, конечно! Но если вы не обидитесь на меня, почва качается у вас под ногами! Допустим, например, что ваша молодая леди не позволит взглянуть на завещание. Что тогда будет?

В это время Фиддлстик что-то написал на листочке бумаги и вручил его атторнею, который покачал головой и передал записку соседу и далее. Когда записка обошла весь круг, мистер Ньюс показал ее своим почтенным клиентам — мистеру Аддисону и мистеру Роскью. Аддисон был полнолицый человек холерического темперамента, Роскью — высокий, с изжелта-бледным лицом и черной бородой.

Когда они прочитали записку, Аддисон застонал, как раненый бык, а Роскью вздохнул, и эти вздох и стон показали Августе, которая усердно наблюдала за всеми перипетиями драмы, что наследникам не понравилось то, что в ней было написано. Мистер Ньюс отдал записку Джону Шорту, который передал ее брату, а Юстас прочитал через его плечо.

На кусочке бумаги было написано:

Предлагаемые условия — все состояние пополам, ответчики платят все судебные издержки!

— Ну, Шорт, — спросил Юстас, — что вы скажете? Что делать?

Джеймс сдвинул парик и задумчиво потер свою лысину.

— Очень трудное положение! — произнес он. — Конечно, миллион — сумма большая, но их два, и оба могут достаться нам! Мое собственное мнение — надо бороться. Правда, предлагаемый миллион — это уже действительность, а ведь результат дела никому не известен!

— Я готов согласиться! — заявил Юстас. — Хотя бы ради Августы... мисс Смиссерс... Ей придется опять показывать татуировку, а это неприятно для леди!

— О, ей стоит только вспомнить, что здесь она не леди, а лишь законный документ! Спросите ее!

— Августа! Как нам быть? — обратился к ней Юстас, объяснив, в чем дело. — Если мы примем условие, то избавимся от многих неприятностей. Решайте скорее, суд сейчас явится!

— О нет, нет! — торопливо возразила Августа. — Я привыкла к неприятностям. Нет, будем бороться. Они испугались вас! Я вижу это по лицу ужасного мистера Аддисона. Нет, дорогой мой, надо бороться!

— Хорошо! — согласился Юстас, взял карандаш и написал:

Отклоняем с благодарностью.

В это время из коридора донесся шум. Двери широко распахнулись, и через минуту целое море адвокатов заполнило зал. Боже! Как они толкались и спешили! Стадо буйволов не могло бы ворваться с большим шумом.

«Боже милосердный! — подумала Августа. — Что все они будут тут делать?»

Вдруг какой-то старик около нее вскочил и закричал:

— Тише!

Несмотря на повелительный тон, его голос, однако, не произвел особого впечатления на бушующую толпу.

Затем появились члены суда. Все встали, поклонились и сели на свои места.

XX. Джеймс Шорт защищает дело

Какой-то совершенно незнакомый Августе чиновник встал и объявил, что будет разбираться дело «Мизон, Аддисон и К°». В ту же минуту несчастный Джеймс Шорт вскочил на ноги.

— Имя этого джентльмена? — расслышала Августа вопрос судьи, обращенный к клерку.

— Джеймс Шорт!

— Вы являетесь единственным поверенным истца? — спросил судья с ударением.

— Да! — ответил Джеймс, и когда он произнес это слово, взоры всех присутствовавших обратились на него, и едва заметная улыбка пробежала по лицам судей.

— Кто является поверенным ответчиков?

— Я и мои ученые друзья, все мы держим сторону ответчиков! — заявил генеральный атторней.

— Прекрасно! — подытожил судья. — Явно, что силы неравны, хотя, конечно, нас это не касается.

— Если милорд позволит, — сказал Джеймс, — я сумею один постоять за дело, потому что хорошо знаком с ним!

— Пожалуйста, мистер Шорт, — ответил судья, взирая на него с сожалением. — Излагайте ваше дело.

Наступила тишина. Джеймс раскрыл бумаги и впервые в жизни вдруг впал в такое болезненное, нервное состояние, что начал дрожать, и мозг его совершенно отказывался работать. Бедный Джеймс, неопытный, не привыкший к судебным процессам, смутился. В числе его противников — целых двадцати человек — оказались многие известнейшие лидеры Англии, кроме того, судьями были в большинстве случаев люди его профессии, которые смотрели на него сейчас с любопытством и сожалением.

— Милорд! — начал он и остановился.

Решительно он не мог говорить. Какие-то дикие, бесформенные мысли блуждали в голове.

Воцарилось зловещее молчание.

— Прочитайте ваше дело! — шепнул ему адвокат, сидевший рядом.

Джеймс ухватился за эту мысль. Действительно, если он не мог говорить, то мог прочитать дело, хотя это не принято в суде. Он начал

читать:

Истец есть единственный законный наследник Джонатана Мизона, бывшего владельца замка Помпадур, умершего двадцать третьего декабря одна тысяча восемьсот восемьдесят пятого года, согласно его последнему и действительному завещанию, сделанному им двадцать второго декабря одна тысяча восемьсот восемьдесят пятого года...

Тут судья поднял брови и откашлялся, потом взял синий карандаш и что-то записал.

Двадцать первого мая одна тысяча восемьсот восемьдесят шестого года по прошению ответчиков было утверждено завещание Джонатана Мизона от десятого ноября одна тысяча восемьсот восемьдесят пятого года. Истец требует:

1. Чтобы суд отменил вышеуказанное завещание Джонатана Мизона от десятого ноября одна тысяча восемьсот восемьдесят пятого года, утвержденное двадцать первого мая одна тысяча восемьсот восемьдесят шестого года.

2. Чтобы суд утвердил завещание Дж. Мизона от двадцать второго декабря одна тысяча восемьсот восемьдесят пятого года и ввел истца во владение наследством.

Джеймс Шорт

— Не угодно ли вам, милорд, — произнес Джеймс» закончив чтение, — чтобы я изложил дальнейшее...

Ответчики заявили, что завещание от двадцать второго декабря составлено не по статуту, что завещатель находился под сильным влиянием Августы Смиссерс.

Джеймс остановился. Он вновь не мог преодолеть сильнейшее нервное напряжение.

Снова молчание, еще более ужасное, чем в первый раз. Судья что-то записал и откашлялся. Бедный Джеймс молчал. Он готов был лучше умереть, чем выносить подобное унижение перед лицом своих коллег. В голове у него шумело, словно он был пьян.

В это время Фиддлстик, с любопытством наблюдавший за своим противником, вдруг понял его состояние. Чувство жалости проникло в его ученую грудь. Быть может, ему вспомнился подобный же случай из собственной практики в далеком прошлом, или он пожалел бедного

молодого человека, своей неловкостью губившего дальнейшую карьеру, но он совершил благородный поступок. Случилось так, что он сидел справа в углу, а перед ним на конторке возвышалась огромная кипа судебных книг и бумаг, положенных клерком. По доброте сердца мистер Фиддлстик решил, что нужно отвлечь общее внимание от несчастного Джеймса, наклонился через конторку вперед, положил руку на книги и уронил их. С шумом и грохотом вся громада книг посыпалась на голову и плечи его клиента, мистера Аддисона, который сидел ниже, около конторки. Тяжелые книги больно ударили Аддисона по носу. Этой случайности мистер Фиддлстик, конечно, не предвидел.

Судья нахмурился, но скоро улыбка появилась на его губах. Мистер Аддисон не смеялся. Он свалился на пол, потом вскочил на ноги и, сердито швыряя книги и держась за нос, хотел броситься на ученого мужа.

— Вы нарочно это сделали! — проревел он, забыв, что находится в зале суда. — Пустите меня, я ему покажу!

Вся аудитория разразилась громким смехом. Мистер Фиддлстик смущенно улыбался, а мистер Ньюс и мистер Роскью тащили разъяренного Аддисона на его место и предлагали ему носовые платки, чтобы вытереть разбитый нос.

Джеймс также засмеялся, и это спасло его.

Вся его нервозность исчезла словно по волшебству. Раздалось энергичное: «Тише, тише!»

Джеймс спокойным и ясным голосом начал свою речь. Полностью справившись с волнением, он подробно осветил отношения покойного Мизона со своим родным племянником, Юстасом Мизоном, и с Августой Смиссерс, которая имела несчастье вести дела с фирмой «Мизон и К°». Все присутствовавшие, читавшие книгу Августы «Обет Джемимы», не исключая и судей, слушали с глубоким интересом. Затем Джеймс передал сцену между Августой и покойным издателем, рассказал о вмешательстве Юстаса, закончившемся ссорой и лишением наследства, о случайной встрече на корабле Мизона и Августы.

Ярко и подробно нарисовал Джеймс Шорт картину кораблекрушения, гибели «Канчаро», спасения Августы и ее возвращения в Англию и закончил свою блестящую речь, заявив суду, что главные герои этой трагедии собираются повенчаться, что, по его мнению, явится прекрасным завершением всей этой романтической истории. (*Взрыв аплодисментов.*) Наконец он умолк и сел, потом взглянул на часы. Он говорил около двух часов, хотя совершенно не заметил времени.

Затем был вызван первый свидетель — Юстас Мизон, который

ограничился тем, что сообщил о своих отношениях с покойным Мизоном и с Августой Смиссерс. Юстас говорил спокойно и откровенно, что, казалось, произвело благоприятное впечатление на судей.

Мистер Фиддлстик встал и возразил Юстасу, что его поведение вполне оправдывало недружелюбное отношение дяди к нему. Юстас подробно рассказал все, что произошло между ним и его дядей, сознавшись, что наговорил много неприятного, возмущенный отношением последнего к Августе. Мистер Фиддлстик говорил десять минут и сел, несколько не подвинув дела.

После Юстаса была вызвана леди Холмерст. Она заявила, что познакомилась с Августой на корабле «Канчаро», и тогда на ее шее не было и следа татуировки, а в Лондоне она увидела Августу уже с татуировкой на шее.

После вызова леди Холмерст судьи отправились завтракать. Когда они вернулись, то вызвали Августу. Ропот оживления пронесся в толпе, когда молодая девушка, с сильно бьющимся сердцем, удивительно красивая, подошла к судьям. Прежде всего встал генеральный атторней.

— Прошу вашего позволения, милорд, — обратился он к судье, — лишить эту свидетельницу слова.

— На каком основании, мистер атторней? — спросил судья.

— На том основании, что она не должна и не может говорить. Если верить всей этой истории, то молодая леди представляет собой завещание Джонатана Мизона. Я полагаю, что на эту свидетельницу мы должны смотреть только как на документ.

— Но, мистер атторней, — возразил судья, — документ — это тоже свидетель, и свидетель лучшего сорта!

— Несомненно, милорд, но документ не может говорить и давать объяснения. Документ свидетельствует только тем, что на нем написано, но не говорит человеческим языком! Обращаю ваше внимание, милорд, на основные принципы закона по интерпретации писанных документов!

— Я хорошо знаю эти принципы, мистер атторней, и не вижу, зачем они нужны вам теперь!

— Как вам угодно, милорд. Я настаиваю на том, что мисс Смиссерс есть не что иное как документ, и не имеет права раскрывать рта, так как бумага не обладает даром слова!

— Так, — произнес судья, — но это спорный вопрос. Что вы на это скажете, мистер Шорт?

Все глаза обратились на Джеймса, который чувствовал, что если он промолчит, то дело будет проиграно.

— Вот по этому поводу я обращаюсь к вам, мистер Шорт, — продолжал ученый судья, — действительно ли личность мисс Смиссерс совершенно подавлена и уничтожена тем обстоятельством, что она представляет собой документ, и отнимает ли у нее эта документальность, если можно так выразиться, право предстать перед судом как обыкновенный свидетель и подтвердить все сказанное?

— Если милорд позволит, — сказал Джеймс, — я утверждаю, что это неправильно. Конечно, документ остается документом, но мисс Смиссерс также остается молодой леди. Ведь это абсурд — утверждать, что человек, на котором вытатуирован документ, перестает быть человеком и теряет свою правоспособность говорить и свидетельствовать истину. Можно ли лишить человека его естественных прав? Нет, это неправильная постановка вопроса!

— Да, это курьезный пункт, — отметил судья, — и единственный в своем роде. Поразмыслив и выслушав мистера Шорта, я убедился, что на это можно возразить. (*Юстас облегченно вздохнул.*) Ответчики утверждают, что мисс Смиссерс есть не что иное как документ и что она не может говорить. Полагаю, что мистер атторней не обдумал вопроса, когда пришел к такому заключению. Как обстоит дело? Завещание вытатуировано на части кожи молодой леди, но разве эта кожа представляет собой всю ее особу? Где же интеллект, индивидуальность? Постараюсь выразиться яснее... Допустим, что истец убедил свидетельницу позволить содрать с себя вытатуированную часть кожи (*тут Августа подпрыгнула на месте*), что она вынесла операцию и предстала перед судом как свидетельница. Неужели суд откажется принять ее свидетельство?

Документ на человеческой коже был бы в руках судей, и особа, которой принадлежала эта кожа, тоже стояла бы перед судом. Возможно ли отделить такой документ от человеческой личности? По моему мнению, нельзя. Возьмем другое положение и допустим, что завещание вытатуировано на ноге этой особы и что эта нога при известных обстоятельствах отрезана и представлена на суд. Неужели свидетельница, у которой отрезана нога, не имеет права дать показания на суде в силу того, что ее нога является документом? Я думаю, что она имеет полное право давать показания!

— Позвольте ли вы, милорд, записать ваше решение? — спросил мистер атторней, думая об апелляции.

— Конечно, мистер атторней! Приведите свидетелей к присяге!

XXI. Иск подлежит удовлетворению

Августа также была приведена к присяге, и Юстас заметил, что, когда она подняла вуаль, чтобы поцеловать Библию, ее красивое лицо произвело сильное впечатление на публику.

Тогда Джеймс начал свой допрос; медленно, шаг за шагом, руководил он ответами Августы и заставил ее рассказать всю свою историю, включая и татуировку завещания на острове Кергелен. Очевидно, рассказ заинтересовал всех присутствовавших, и общее возбуждение достигло апогея, когда Августа начала рассказывать о татуировке.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, каким образом случилось, что завещание мистера Мизона было вытатуировано на вашей коже, — попросил ее Джеймс Шорт.

Выразительно, яркими красками Августа описала каждую подробность с той минуты, когда покойный Мизон сообщил ей о своих терзаниях из-за того, что лишил наследства своего племянника, затем описала всю операцию татуировки, которую сделал матрос на ее шее.

— Теперь, мисс Смиссерс, — заявил Джеймс, когда Августа закончила рассказ, — мне очень жаль, но я должен побеспокоить вас и попросить показать документ суду.

Бедная Августа покраснела до ушей. Глаза ее наполнились слезами, пока она снимала темный плащ, скрывавший ее плечи (конечно, она была в платье с глубоким вырезом).

Судья, взглянув на нее, заметил ее огорчение.

— Если вы желаете, мисс Смиссерс, — произнес он любезно, — я прикажу выйти всем, исключая лиц, заинтересованных в деле непосредственно.

При этих словах ропот недовольства пробежал среди присутствовавших. Это было жестоко — лишить их возможности видеть завещание! С отчаянием уставились они на Августу, ожидая ее ответа.

— Благодарю вас, милорд, — ответила она с легким поклоном, — но мне это безразлично! Надеюсь, что каждый из присутствующих войдет в мое положение...

— Отлично, — произнес судья.

Без дальнейших слов Августа сбросила плащ и шелковый платок и встала, смущенная и покрасневшая, в своем открытом платье.

— Простите, но мне придется попросить вас подойти ко мне! — сказал

президент.

Августа обошла кругом, взошла на возвышение и повернулась спиной к судье, чтобы он мог видеть завещание. Судья стал очень тщательно рассматривать написанное с помощью увеличительного стекла.

— Благодарю вас, — произнес он наконец, — я увидел. Боюсь, что ученый совет также пожелает увидеть завещание.

Августа спустилась вниз и медленно прошла по рядам ученых мужей, останавливаясь перед каждым для обозрения завещания, в то время как сотни глаз были устремлены отовсюду на ее несчастную шею. Наконец попытка кончилась.

— Довольно, мисс Смиссерс, — заявил судья, — вы можете надеть свой плащ.

— Документ, который вы показали суду, мисс Смиссерс, — спросил Джеймс, — тот самый, который составлен на острове Кергелен двадцать второго декабря прошлого года?

— Да.

— Документ этот был вытатуирован в присутствии завещателя и двух свидетелей?

— Да.

— Во время составления завещания был ли завещатель в здравом уме и твердой памяти?

— Несомненно.

— Пытались ли вы оказать на него давление, заставляя его составить завещание?

— Нет, не пыталась.

— Можете вы поклясться в этом?

— Клянусь.

Затем Джеймс перешел к истории смерти обоих моряков, которые были свидетелями завещания, к спасению Августы и закончил свой допрос только в четыре часа. Заседание было отложено до следующего дня.

Без сомнения, все заинтересованные в деле лица провели тревожную ночь и были очень довольны, когда снова очутились в зале суда. Народу собралось еще больше, каждый жаждал узнать, чем закончится дело.

Как только вошли члены суда, Августа заняла свое место на скамье свидетелей, и мистер атторней начал допрос.

— Вы сказали, мисс Смиссерс, что хотите повенчаться с истцом, мистером Мизоном. Мне очень жаль, но я должен задать вам щекотливый вопрос: были ли вы влюблены в мистера Мизона во время татуировки завещания?

Это было неожиданное нападение, и бедная Августа покраснела до ушей, но скоро природный ум выручил ее из беды.

— Если вы объясните мне, сэр, что значит быть влюбленной, то я с удовольствием отвечу на ваш вопрос! — произнесла она.

Все присутствовавшие, включая и судью, улыбнулись.

Генеральный атторней смутился.

— Хорошо, — заговорил он, помолчав, — намеревались ли вы выйти замуж за мистера Мизона?

— Очень может быть, мистер атторней, — вмешался судья, — но что же из этого следует?

— Преклоняюсь перед вашей опытностью, милорд, — сухо заметил атторней, — быть может, мне следовало иначе поставить вопрос. Скажите, свидетельница, вы рассчитывали в то время на брак с мистером Мизоном?

— Не думала даже.

— Согласились вы на татуировку — довольно мучительную операцию, — имея виды на истца?

— Конечно, нет. Могу прибавить, — сказала Августа с некоторым колебанием, — что, решившись обезобразить себя, я не рассчитывала понравиться кому-либо!

— Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы, мисс Смиссерс, и не комментируйте их. Как могли вы решиться на подобную операцию?

— Я решилась на нее потому, что считала это делом справедливости, так как под рукой у меня не было никаких средств, чтобы облегчить смерть покойного Мизона. Я...

Она умолкла.

— Продолжайте!

— Я знала мистера Юстаса Мизона, знала, что он лишился наследства вследствие спора с дядей из-за меня!

— Ага! Наконец-то мы договорились. Следовательно, вы решились на татуировку ради истца, а не в интересах правосудия?

— Да, конечно.

— Но, мистер атторней, — опять вмешался судья, — что вы хотите этим сказать?

— Мне хочется доказать вам, милорд, что эта молодая леди действовала вовсе не беспристрастно в этом деле. Ее поступки имели слишком явную побудительную причину.

— Весьма понятно, — сухо заметил судья, — но из этого вовсе не следует, что мотив поступков может быть нечестным!

Ученый джентльмен продолжал допрос, вооружившись всей своей

ловкостью и опытностью, чтоб заставить Августу сознаться, что завещатель действовал под ее влиянием и был болен во время составления завещания.

Но все его усилия были тщетны, и, когда он сел на свое место, Джеймс Шорт понял, что дело его еще не проиграно.

После нескольких вопросов, предложенных Августе другими судьями, встал Джеймс Шорт и попросил девушку подробно рассказать все то, в чем исповедовался ей мистер Мизон на острове Кергелен. Надо было видеть ярость и ужас мистера Аддисона и мистера Роскью, когда самые сокровенные тайны их фирмы выплыли наружу и система, практиковавшаяся Мизоном, раскрылась всем присутствовавшим на суде. Дюжина репортерских карандашей поспешила записать все слышанное.

Затем была вызвана миссис Томас, жена капитана Томаса. Она подтвердила, что Августа находилась на острове Кергелен, что она сама видела там шляпу одного из моряков, бочку рома и черепок, из которого матросы пили ром. Всего важнее было ее показание о том, что она видела на острове труп мистера Мизона, которого она тотчас же опознала на предъявленной ей фотографии. Она поклялась, что, когда Августа вошла на их шхуну, следы татуировки на ее шее еще не зажили.

Затем мистер атторней вызвал двух своих свидетелей, мистера Тодди, стряпчего, который составлял завещание Мизона от десятого ноября, и его клерка. При допросе оба свидетеля подтвердили, что завещатель был страшно раздражен при составлении первого завещания.

Затем генеральный атторней выступил от лица ответчиков. Он заявил, что суду предстоит разрешить два вопроса: во-первых, можно ли считать татуировку на шее леди за действительное, законное завещание, во-вторых, где доказательства того, что завещатель был вполне здоров, составляя свое завещание, и не подчинился чужому влиянию?

Очень тонко и умело представил он всю странность и романтичность истории по свидетельским показаниям Августы Смиссерс. Принимая во внимание отношения свидетельницы к истцу, мог ли суд отнестись с полным доверием к ее показаниям? Быть может, молодая леди подчинилась своему влиянию слабого, умирающего старика и заставила его составить завещание в пользу любимого человека!

После атторнея говорили главный прокурор и мистер Фиддлстик. Потом встал Джеймс Шорт, чтобы внести возражение со стороны истца.

Наступило молчание, пока он разбирал свои бумаги.

— Благодарю вас, мистер Шорт, — проговорил судья, не дав ему даже раскрыть рта, — я не буду беспокоить вас больше!

Джеймс сел, радостно вздохнув, чувствуя, что дело его выиграно.

Судья начал свою блестящую речь и, мастерски суммировав все факты, заключил ее следующими словами:

— Таковы подробности этого замечательного процесса, о подобном которому мне не приходилось слышать за всю мою многолетнюю практику. Мистер генеральный атторней справедливо сказал, что все дело заключается в двух пунктах:

1. Может ли документ, вытатуированный на шее Августы Смиссерс, считаться настоящим завещанием покойного Мизона?

2. Возможно ли допустить вероятность всей этой истории? Что понимает закон под словом «завещание»? Несомненно, завещание — это последняя воля или желание какого-либо лица, изложенные письменно, относительно его имущества и собственности после смерти.

Завещание должно быть обставлено некоторыми формальностями, как важный и законный документ.

Первый пункт, который я должен обсудить: представляет ли собой эта татуировка на спине молодой леди подлинное и настоящее завещание Мизона? Я отвечаю на этот вопрос в утвердительном смысле. Конечно, факт татуировки документа на человеческой коже — вещь редкая и необычная, но из этого вовсе не следует, что документ теряет свои ценность и значение.

Я думаю, что документ остается документом, на чем бы он ни был написан. Завещатель вовсе не был эксцентричной особой, а оказался поставленным в безвыходное положение. Весьма естественно, что на пороге смерти, согласно словам мисс Смиссерс, он осознал свою несправедливость к племяннику и жаждал исправить ее. В своем ужасном положении на пустынном острове он не имел под рукой ничего, чтобы выразить свою последнюю волю. Понятно, что он с радостью ухватился за мысль вытатуировать завещание на теле молодого и сильного существа. Можно ли отрицать законность этого документа только потому, что он составлен не по всем требованиям формалистики? Я полагаю, что он может считаться настоящим и действительным документом, законным завещанием покойного Мизона.

Перехожу ко второму пункту. Можно ли верить показаниям мисс Смиссерс? Леди Холмерст показала, что на корабле «Канчаро» мисс Смиссерс не имела на себе никаких признаков татуировки. Миссис Томас заявляет, что, когда мисс Смиссерс была спасена шхуной ее мужа, капитана Томаса, то шея ее была уже татуирована и сильно болела. Татуировка не могла быть сделана ею самой или ребенком, ее единственным компаньоном

на острове. Кроме того, миссис Томас видела на острове труп Мизона, которого она сейчас же опознала, когда ей показали его фотографию, и шляпу одного из матросов.

Я подхожу к решению этого второго вопроса с некоторой нерешительностью. Конечно, не так легко, в самом деле, совершенно отменить формально составленное завещание от десятого ноября и присудить истцу громадное состояние только в силу свидетельского показания единственной свидетельницы. Но я лично убежден в том, что мисс Смиссерс говорила правду. Мне кажется, что мой многолетний опыт научил меня отличать правду от лжи, и я не могу не верить всему, что рассказала мисс Смиссерс. (*Оживление в зале.*) Я следил и наблюдал за ней при перекрестных допросах и уверен, что она сказала правду.

Относительно предположения, высказанного мистером атторнеем, что свидетельница во время составления завещания рассчитывала на брак с истцом, я не могу высказаться определенно. Может быть, это предположение верно, может быть — нет! Допуская его правдоподобность, мы должны установить тот факт, что мисс Смиссерс, оставляя Англию, вероятно, не имела определенного намерения вступить в брак с истцом, но истец всегда готов был сделать ее своей женой, — и это обстоятельство, по моему мнению, говорит не против него, а скорее в его пользу. Я должен заметить, что молодая леди совершила героический поступок, тем более что он имеет и свою оборотную сторону. Она перенесла операцию, которая была мучительна и нанесла немалый ущерб ее красоте. Соглашаясь с мистером атторнеем, что она принесла эту жертву, имея серьезный мотив — чувство справедливости, благодарность или более теплое чувство к истцу, я не нахожу тут ничего дурного и не имею причины не верить показаниям мисс Смиссерс.

Остается еще последний вопрос: был ли завещатель во время составления завещания в здравом уме и твердой памяти? Указывает ли что-нибудь на то, что он был ненормален? Я не вижу ничего подобного. Мисс Смиссерс утверждала и приняла присягу, что не заметила в нем ничего подобного. Она рассказала, между прочим, что незадолго до смерти он начал бредить и кричал, преследуемый галлюцинациями. Что же удивительного в том, что умирающий галлюцинировал и видел тех несчастных, кого он обижал и обманывал в своей жизни? Я вполне понимаю, что, чувствуя приближение смерти, Мизон хотел загладить свою несправедливость и отдать все свое состояние племяннику, вся вина которого заключалась в том, что он сказал дяде правду в глаза. Мне это кажется весьма естественным и вполне согласующимся с основными

свойствами человеческой природы. Вся же история носит романтический характер и только подтверждает поговорку: истина причудливее всякой выдумки! Я вполне допускаю тот факт, что покойный Мизон позаботился вытатуировать свое последнее завещание, составленное в пользу его близкого родственника Юстаса Мизона, на плечах Августы Смиссерс двадцать второго декабря 1885 года. Установив этот факт, я отменяю завещание Мизона от десятого ноября и утверждаю завещание, представленное истцом. Иск по суду считать удовлетворенным.

— А судебные издержки, милорд? — спросил Джеймс, вставая.

— Так как тяжба возникла по вине самого завещателя, то пусть его наследник заплатит судебные издержки.

— Как вам угодно, милорд! — ответил Джеймс и сел на свое место.

— Мистер Шорт! — заговорил судья, откашлявшись. — Я редко говорю комплименты, но сегодня считаю своим долгом поздравить вас с успехом и сказать вам, что изумлялся тому мужеству, ловкости и умению, с которыми вы вели это необычное дело, имея противниками целый ряд ученых джентльменов. Для подобного процесса нужен огромный многолетний опыт. Факт сам по себе беспрецедентный...

Джеймс вспыхнул и почувствовал себя на седьмом небе: карьера сделана, — и если теперь благоденствие его не упрочится, то это будет исключительно его собственной виной.

XXII. Свадьба

Суд кончился. Августа заметила, что ученые мужи, изо всех сил бившиеся, чтобы выиграть дело своих клиентов, вовсе не казались особенно расстроенными, потерпев поражение, и быстро удирали из зала, словно торопясь отрясти его прах от ног своих. Она не знала, что сердца их бились ровно, потому что они уже получили свой заработок и не чувствовали себя виноватыми в том, что суд решил иначе.

Другое дело — мистер Аддисон и мистер Роскью, у которых миллионы выскользнули из рук. Конечно, они были богаты, но люди, обладающие деньгами, всегда желают иметь их еще больше. Мистер Аддисон побагровел от ярости, а мистер Роскью закрыл лицо руками и застонал. Генеральный атторней встал, подошел к Джеймсу Шорту и искренне пожал ему руку.

— Позвольте мне поздравить вас, дорогой коллега! — сказал он. — Я никогда не видел такого умелого ведения дела и очень рад, что судья сказал вам комплимент, что, кстати, совсем не в его обычае. Могу добавить, что надеюсь в скором будущем видеть вас в качестве своего помощника. Если у вас нет впереди ничего лучшего, не угодно ли вам зайти ко мне завтра около двенадцати часов?

Мистер Аддисон, слышавший эти слова, одним прыжком очутился между собеседниками.

— Теперь я все понимаю! — произнес он дрожащим голосом. — Меня предали, я сделался жертвой заговора. Вы получили кучу денег от меня, будьте вы прокляты! — завопил он, поднося кулак к лицу ученого мужа. — А теперь поздравляете этого человека! Вы обманули меня, сэр! Вы — негодяй и мошенник!

Тут ученый генеральный атторней, позабыв собственный сан и величие, возмутился и был готов тоже пустить в дело кулаки. Не будь поблизости мистера Ньюса, который оттащил назад своего разъяренного клиента, разыгрался бы ужасающий скандал.

— Ну, а теперь, господа, — заявила леди Холмерст, — я полагаю, что лучше всего отправиться домой и пообедать! Я приказала подать обед в семь часов, а сейчас около пяти. Надеюсь, мистер Шорт, вы приедете ко мне и привезете с собой вашего брата: право, вы оба вполне заслужили свой обед!

Все ушли. Это был веселый и приятный обед, по окончании которого

братья Шорт уехали, сияя, как звезды, от счастья и выпитого шампанского. Леди Холмерст ушла к себе, оставив молодых людей наедине.

— Жизнь — странная вещь! Сегодня утром я был бедняком, а сейчас — один из богатейших людей в Англии! — сказал Юстас.

— Да, дорогой мой! — подтвердила Августа. — Весь мир будет у ваших ног, потому что жизнь легка и приятна для богатых людей. Перед вами прекрасное будущее, Юстас, право, мне даже совестно выходить замуж за такого богача!

— Ненаглядная моя! — воскликнул Юстас, обнимая молодую девушку. — Всем этим я обязан вам. Знаете ли, чего я боюсь, если мы в самом деле окажемся богачами? Я опасаюсь, что вас затянет шумная жизнь, то, что люди называют обязанностями светской женщины, разные развлечения, и вы забудете о своем литературном призвании. Многие женщины поступают так... Хоть они и уверяют, что не имеют свободного времени, но, в сущности, просто не желают найти его для занятий.

— Да, — ответила Августа, — если они не любят своего дела. Тот, кто любит его всем сердцем и душой, никогда не откажется от него. Конечно, замужество несет с собой определенные заботы и отвлекает от занятий, но в то же время, если оно счастливо, работается легко и спокойно. Вам нечего бояться, Юстас, я постараюсь доказать миру, что вы женились не на глупой женщине. Если же я не сделаю ничего, то, значит, я — бестолковая тупица.

— Приятно слышать это от автора «Обета Джемимы», — саркастически усмехнулся Юстас, — в самом деле, моя дорогая, ваша известность как писательницы, героини кораблекрушения и процесса о завещании смущает меня. Мне придется оставаться всегда позади, меня будут знать только как супруга прекрасной, талантливой миссис Мизон...

— О нет, не бойтесь, — возразила Августа, — никому не пригрезится во сне отозваться так о богаче, обладателе двух миллионов.

— Не злите вы меня этими деньгами! — с досадой воскликнул Юстас. — Мы еще не получили их. Августа, мне надо кое о чем спросить у вас.

— А мне пора идти спать! — заявила Августа.

— Глупости! — отозвался Юстас. — Вы не пойдете. — Он схватил ее за руку.

— Оставьте меня, сэр! — вскричала Августа с достоинством. — Что вам еще нужно, глупый мальчишка?

— Я хочу знать, повенчаемся ли мы с вами на будущей неделе?

— На будущей неделе? Боже милостивый! Нет, нет, конечно, — ответила Августа. — Мое приданое еще не готово, и я, право, не знаю, откуда взять мне денег, чтобы заплатить за него.

— Тряпки! — изрек Юстас с презрением. — Вы умели обходиться на острове Кергелен без всего, и я не вижу, почему вы не можете обвенчаться без ваших тряпок, тем более что я достану вам все нужное в течение шести часов. Что может быть глупее этих тряпок! Слушайте, дорогая моя! Ради Неба, давайте поженимся и успокоимся. Смею вас уверить, что если вы не последуете моему совету, жизнь ваша будет отравлена. За вами будут охотиться, как за редкой дичью, интервьюировать, рисовать — словом, замучат до смерти. Если вы выйдете замуж — это будет лучше и спокойнее для нас обоих.

— Ваши слова, пожалуй, справедливы, — заметила Августа. — Но допустим, что ответчики подадут на апелляцию, и дело примет другой оборот, что тогда?

— Тогда мы оба будем работать, больше ничего. Вы — писать и выпускать ваши книги, а я — работать, как умею и могу.

— Хорошо, я поговорю с Бесси об этом, — согласилась Августа.

— Конечно, леди Холмерст найдет, что возразить, — мрачно заметил Юстас, — она нежно позаботится о ваших тряпках.

— Это все, что я могу сделать для вас, сэр, — решительно ответила Августа. — Спокойной ночи.

Она грациозно присела и исчезла.

— Кто может узнать мысли женщины! — размышлял Юстас, пока дворецкий не принес ему шляпу. — Она всегда сделает, что захочет, но чего она хочет?

Через десять дней после этого разговора небольшое, но избранное общество собралось в доме леди Холмерст на Ганновер-сквер.

Свадьба держалась в секрете, чтобы не привлечь толпы любопытных. Так как у Августы не было родных, она просила ученого доктора, с которым состояла в большой дружбе, заменить ей отца. Хотя за всю свою долголетнюю практику старому джентльмену чаще приходилось разрывать брачные узы, чем связывать их, он не мог отказать Августе в ее просьбе.

— Мне придется на время пренебречь своими обязанностями, дорогая леди, — сказал он, пожимая руку Августе. — Это очень дурно, очень дурно, потому что я должен быть в канцелярии. Но, может быть, я как-нибудь устроюсь, хотя это очень, очень нехорошо с моей стороны! Думаю, что буду просить суд, то есть пастора, подождать меня немного...

И в назначенный знаменательный день почтенный муж покинул свою канцелярию и присоединился к обществу.

Леди Холмерст выглядела необычайно изящной и красивой в своем вдовьем одеянии, ее мальчик Дик, очень веселый, сиял здоровьем и

изумлялся торжественному виду своей «тети».

В арьергарде находились братья Шорт.

Августа была прелестна в своем подвенечном наряде, и, любуясь ею, ученый доктор готов был сам влюбиться в нее. Но на прекрасном лице девушки лежала тень печали: сегодня Августа была счастлива, как может быть счастлива любящая и любимая женщина, но великая радость всегда является к нам вместе с нашими былыми печальями. Величайшее счастье имеет свойство напоминать нам прошедшее горе, потому что радость и печаль вытекают из одного источника. Так было и с Августой.

Ей вспомнилась дорогая сестричка, ее предсказание о счастливом будущем. Теперь счастье и успех сопутствуют ей, и рядом с ней стоит ее возлюбленный, но ее счастье омрачено воспоминанием о дорогом личике сестры, о маленькой могилке...

Потом Августе вспомнился бедный мистер Томби... Он давно погиб в волнах океана, а она живет, и перед ней — блестящая карьера... Бедный мистер Томби! Ей вспомнились его последние слова, когда он усаживал ее в лодку. Пожалуй, для него и лучше, что он умер.

— Теперь, мисс Смиссерс, — прервал доктор ее мысли, — больше никто не будет называть вас так! — возьмите мою руку, судья, то есть, я хочу сказать, пастор, пришел!

* * *

Церемония окончилась. Юстас и Августа стали мужем и женой. Все общество вернулось на Ганновер-сквер.

Первым, кто их приветствовал при входе, был маленький клерк Джона Шорта, явившийся сюда в сопровождении своего брата, клерка, служившего у Джеймса. Мальчик держал в руке официальное письмо.

— Помечено «немедленно», сэр! Я подумал, что надо поскорее доставить его вам!

Он подал письмо Джону.

— Что это такое? — спросил Юстас нервно. Он смертельно боялся теперь всех этих официальных писем.

— Вероятно, уведомление об апелляции! — заметил Джон.

— Откройте его скорее и читайте! Джон прочитал следующее:

Джону Шорту, эсквайру
Дорогой сэръ!

После совещания с нашими клиентами, мистером Аддисоном и мистером Роскью, мы уполномочены сделать вам следующее предложение. Пусть истец не требует отчета о прибылях, полученных фирмой...

— Неверный термин! — сказал Джеймс раздраженно. — Странно, что свидетель мог допустить такое выражение!

— Определение достаточно верное! — возразил его брат.

— Термин «прибыли» обозначает здесь доход со всего капитала.

— Ради Бога, не препирайтесь, — воскликнул Юстас. — Разве вы не видите, что я терзаюсь?

...и мои клиенты готовы отказаться от апелляции по делу «Мизон, Аддисон и К°». Если же истец будет настаивать на отчете, то мы передадим дело в высшую инстанцию суда.

С почтением, Ньюс

P.S. Весьма обяжете немедленным ответом.

— Ну, Мизон, что вы на это скажете? — спросил Джон. — Простите, я забыл: может быть, вы хотите посоветоваться с ним? — он указал на Джеймса, который с негодованием потирал свою лысину.

— Нет, нет, я уже решил, — возразил Юстас. — Пусть остаются со своими прибылями и доходами, они мне не нужны! Пошлите Ньюсу телеграмму.

— Я согласен с вашим взглядом на дело, — начал Джеймс торжественно, — и очень рад, что мы сходимся во мнениях, хотя, мне кажется, есть спорные пункты, на которые я хочу указать вам...

— Ради Бога, не сейчас! — прервала его леди Холмерст.

Адвокат со вздохом покорился. Ньюсу послали телеграмму, и все сели за свадебный завтрак, который прошел очень оживленно.

Леди Холмерст в первый раз со смерти мужа была веселой и оживленной, как прежде, и так прелестна, что Джеймс забыл свою ученость, свою профессию и не отходил от нее. Он дошел до того, что сказал ей какой-то громоздкий комплимент, который состоял из трех длинных фраз и разделялся на пункты.

В конце завтрака встал ученый доктор и произнес тост за здоровье новобрачных. Его речь была прекрасна и переполнена классическими цитатами.

— Мне приходилось слышать, — закончил он, — что есть люди — настоящие любимцы и баловни судьбы. Я не верил этому, но теперь убедился в истине данного изречения. Мистер Юстас Мизон, бесспорно, прекрасный молодой человек, очень милый и красивый, но позвольте спросить, что он совершил, чем заслужил свое необыкновенное счастье? Почему он избран из сотни других молодых джентльменов, чтобы обладать двумя миллионами капитала и жениться на прелестнейшей, талантливой и великодушной молодой леди? В красоте молодой леди заключается еще целое состояние, не говоря уже о ее уме и таланте. Сэр! — он поклонился Юстасу. — Приветствую вас, так как все люди должны приветствовать счастливого избранника судьбы! Смиренно преклоняюсь перед вами, смиренно желаю, чтобы вы долго наслаждались тем несравненным счастьем, которым Провидению угодно было наградить вас!

Затем встал Юстас и произнес маленький спич. Он припомнил, как с первого взгляда полюбил Августу, увидев ее в конторе своего дяди в Бирмингеме, как тяжело ему было, когда, вернувшись из Лондона, он узнал, что любимая девушка исчезла. Сколько он перестрадал, когда до него дошли слухи, что она утонула вместе с «Канчаро»!

— Доктор сказал, что я счастливый избранник судьбы, — закончил Юстас, — и я согласен с ним. В самом деле, я счастлив выше меры, выше моих заслуг, так счастлив, что даже пугаюсь. Когда я вижу свою возлюбленную жену рядом со мной, мне кажется, что я брежу, что все это сон — я проснусь и не найду никого около себя! Это колоссальное богатство, которым я обязан ей, — оно меня просто пугает. Я надеюсь, если Небу будет угодно, сделать много хорошего с этими деньгами, помня постоянно, что в моих руках великая сила, что мой долг — распорядиться по разуму и совести! Моя жена, неоценимое сокровище, мой лучший друг и советник, конечно, поможет мне.

Помолчав немного, Юстас предложил тост за здоровье братьев Шорт, которые сумели выиграть дело, не побоявшись целого сонма ученых мужей.

После Юстаса встал Джеймс и начал говорить удивительно цветисто и красноречиво и говорил бы бесконечно долго, если бы леди Холмерст не пришла в отчаяние и не дернула его за рукав, заявив, что он может предложить тост за ее здоровье.

Джеймс сделал это с величайшим удовольствием, причем намекнул на то, что хотя леди Холмерст считается вдовой, но «находится» в беспомощном положении, обладая всеми правами и ответственностью одинокой женщины.

Все общество разразилось смехом, включая бедную, смущенную леди Холмерст.

Джеймс уселся на свое место, негодуя, что безрассудные люди не умеют оценить меткости его определения.

После завтрака Августа пошла переменить платье. Началось шумное прощание. Новобрачные уселись в прекрасный кеб и уехали, сопровождаемые оглушительными криками и пожеланиями.

XXIII. Новая фирма «Мизон и К^о»

Прошел месяц — месяц чудных летних дней, безоблачного счастья. Юстас и Августа были счастливы, проводя свой медовый месяц под солнечным небом одного из прелестнейших островков близ континента.

Между тем у мистера Джона Шорта состоялось совещание с поверенными ответчиков Аддисона и Роскью, в результате которого оба джентльмена отказались быть далее компаньонами издательской фирмы и Юстас Мизон таким образом становился единственным владельцем обширного предприятия и должен был принять его в свое непосредственное ведение.

Сопровождаемый мистером Джоном Шортом, которого он назначил своим главным поверенным, и Августой, Юстас явился, чтобы формально вступить во владение фирмой.

Номер первый, державший все хозяйство в своих руках, несколько сердито вручил документы Юстасу. Ему вовсе не нравилась простота манер нового молодого владельца.

Юстас перелистывал бумаги, и его счастливая молодая жена стояла около него, думая об удивительной перемене обстоятельств. Год тому назад она стояла в этой конторе, как нищая, вымаливая у Мизона несколько лишних фунтов, чтобы спасти жизнь сестры, а теперь...

Вдруг Юстас вытащил из пачки один документ и просмотрел его. Это был контракт Августы с Мизоном относительно книги «Обет Джемимы», связавший ее на целых пять лет.

— Это подарок для тебя, моя дорогая! — обратился Юстас к жене. — Возьми его!

Августа взяла документ, взглянула на него и вздохнула. Он напомнил ей много тяжелого.

— Что же мне делать с ним? — спросила она. — Разорвать?

— Да, — ответил Юстас. — Нет, погоди!

Он взял у жены документ, написал на нем крупными буквами «похерен», подписался и поставил число.

— Теперь надо вставить его в рамку и вывесить в конторе для поучения! — сказал Юстас.

Номер первый с ужасом взглянул на молодого Мизона.

— Что дальше?

— Собрались ли джентльмены в зале? — спросил Юстас, отложив в

сторону остальные документы.

Номер первый заявил, что все в сборе, в большом зале собрались все издатели, управляющие различными отделениями фирмы, клерки, служащие, авторы и художники, которых он выстроил в одну линию.

Когда Юстас, его жена и Джон Шорт вошли в зал, где были приготовлены места, вся толпа поклонилась им. Юстас попросил их сесть.

— Джентльмены! — произнес он. — Прежде всего, позвольте вам представить мою жену, миссис Мизон, которая хорошо знакома с обычаями нашей фирмы, так как ее лучшие произведения печатались у нас... (*кто-то из толпы громко выразил одобрение, Августа покраснела и смешалась*) и которая, как я надеюсь, напишет еще много прекрасных книг, и мы будем иметь честь издать их... (*Аплодисменты.*)

Затем, джентльмены, позвольте мне представить вам мистера Джона Шорта, моего поверенного, который с помощью своего брата выиграл мое дело в суде...

Затем объявляю вам, что я один состою собственником фирмы, так как купил паи компаньонов Аддисона и Роскью. (*Голос в толпе: «Вот так штука!»*) Я надеюсь, что мы будем работать все вместе для нашего общего благополучия. Да будет также известно вам, что я хочу полностью преобразовать наше дело... (*оживление в толпе*) и с помощью мистера Шорта поведу его иначе. Мне известно, что в среднем чистый доход фирмы равнялся за последние десять лет сорока семи процентам. Теперь я желаю поставить дело так: десять процентов будет получать автор книги, и десять — наша фирма... (*Сильнейшее оживление, в особенности среди авторов.*) Допустим, что книга заработала сто на сто, следовательно, я возьму себе десять процентов, служащие — двадцать шесть, а автор получит шестьдесят процентов.

Номер первый прервал речь Юстаса.

— Это невозможно! — возразил он. — Невероятно! Фирма «Мизон» удовлетворится десятью процентами, несмотря на свои издержки, а автор, жалкий автор, получит шестьдесят процентов?! Это постыдно, постыдно!

— Я вас не заставляю служить у меня, — резко возразил Юстас, — но советую вам подумать... Джентльмены! — продолжал он. — Вижу, что такая перемена поражает вас, но уверяю вас, что я делаю это вовсе не из филантропии. Я желаю только, чтобы труд ваш хорошо оплачивался, и никогда не возьму на себя дела, которое может принести убытки! Все мы будем работать вместе, и я надеюсь, что лучшие писатели Англии будут печататься у нас, а все вы будете чувствовать себя намного лучше, чем теперь. (*Одобрительные возгласы.*) Авторам будут отведены отдельные

комнаты, заработок их значительно увеличится. (*Общие восторженные восклицания.*) Затем я раз и навсегда желаю уничтожить эту ужасную систему называть людей «номерами»... С этого дня каждый служащий фирмы «Мизон» будет называться своим именем. (*Громкие крики одобрения.*) Еще одно слово: надеюсь видеть вас всех за обедом в моем доме на следующей неделе, когда мы отпразднуем появление новой фирмы, которая будет именоваться «Фирма Мизон и К°», так как все мы будем заинтересованы в предприятии и станем компаньонами! Надеюсь, что наша фирма будет богатой, честной, уважаемой фирмой, в настоящем смысле этого слова!

Затем среди оглушительных приветствий и одобрений своих служащих Юстас и его жена раскланялись и направились к ожидавшему их экипажу.

Через полчаса они входили в ворота замка Помпадур, откуда год тому назад Юстас ушел, поссорившись с дядей.

У подъезда вытянулись в струнку напудренные, расфранченные слуги во главе с толстым дворецким Джонстоном, тем самым, который передал прощальный привет Юстаса его дяде.

— Боже милостивый! — воскликнула Августа. — Здесь шесть огромных лакеев... Что я буду делать с ними?

— Прогони их! — ответил Юстас. — Один их вид нагоняет на меня тоску.

Молодые хозяева поклонились и под взглядами многочисленной прислуги направились, стараясь сохранить свое достоинство, переодеться к обеду.

Скоро они очутились за обедом. Что это был за обед! Он продолжался час с лишним, и в продолжение этого времени шесть лакеев приносили и уносили серебряные блюда. Никогда со времени своей свадьбы Юстас и Августа не чувствовали себя так скверно!

— Но мне вовсе не нравится такое богатство! — произнесла Августа, вставая с места и подходя к мужу, когда дворецкий ушел и закрыл за собой дверь. — Это просто подавляет меня.

— И меня также! — согласился с ней Юстас. — И знаешь, что я скажу тебе, Густы, — добавил он, обняв жену, — я прогоню всех этих чертовых лакеев, продам этот дом, и мы найдем себе местечко поудобнее.

В эту минуту их беседа была прервана самым неприятным образом. Неожиданно двери в столовую отворились, и два огромных лакея внесли кофе, сливки, за ними Джонстон и другое напудренное чудовище внесли коньяк и ликеры.

Августа и Юстас, обнимавший ее, остались, словно парализованные, на месте. Потом Августа отскочила от мужа, Юстас нахмурился и закусил губу, а эти великолепные выдержанные лакеи не выказали ни малейшего смущения, не повернули даже головы и продолжали торжественно шествовать вперед со спокойным видом.

— Право, я не могу выносить этого, — тихо произнесла Августа, когда лакеи исчезли, — я пойду спать, я чувствую себя нехорошо.

— Да, — поддержал ее Юстас, — это самое лучшее, что мы можем сделать. Проклятье! Этот добрый Шорт, почему он не пришел к нам обедать? Пожалуй, здесь нельзя и покурить сигару... Эти черти будут презирать меня за подобное преступление! При моем дяде здесь не позволялось курить, и я курил в комнате буфетчика. Не могу же я теперь пойти туда!

— Почему ты не хочешь курить здесь? — спросила Августа. — Комната огромная, и запаха не будет.

— О, повесить бы их всех! — взорвался Юстас. — Подумай только... дорогие бархатные портьеры! Здесь курить невозможно! Я пойду вниз и покурю там...

Он ушел.

* * *

Рано, очень рано, когда Юстас еще крепко спал, Августа проснулась, встала и оделась.

Свет проникал в комнату сквозь богатые занавеси из золотистого шелка, озарял прекрасную резьбу кровати, убранной дорогими кружевами и шелком, драгоценную обстановку комнаты и весело играл на лицах купидонов, изображенных на фресках потолка. Августа посмотрела на окружающую ее роскошь и подумала, что хозяин всего этого великолепия лежит мертвый в убогой могиле на острове Кергелен. Какая насмешка судьбы!

— Юстас! Юстас! — произнесла Августа, подходя к спящему мужу. — Проснись! Мне надо кое-что сказать тебе!

— А? Что случилось? — спросил Юстас, зевая.

— Юстас! Мы слишком богаты, мы должны что-нибудь сделать с этими деньгами!

— Верно, — ответил Юстас, — прекрасная идея. Что же надо сделать?

— Я хотела бы отдать хорошую сумму — хотя бы двести тысяч, это вовсе не так много для нас — на основание убежища для непризнанных авторов.

— Отлично! — произнес Юстас. — Но надо это обдумать, нельзя же рубить сплеча! Кстати, — добавил он, — ты помнишь, что сказал тебе старик, когда умирал? Я полагаю, что голодные авторы, которых эксплуатировал Мизон, имеют полное право на наши деньги...

— Конечно! — ответила Августа и отошла к письменному столу, чтобы разработать свой проект на бумаге.

— Густы! — вдруг сказал ее муж. — Густы, я видел сон!

— Да? — отозвалась она резко, занятая своим делом. — Какой сон?

— Я видел во сне, что Джеймс Шорт зарабатывает большие деньги и женился на леди Холмерст!

— Я несколько не удивлюсь, если этот сон превратится в действительность! — отвечала Августа, кусая кончик пера.

Последовало молчание.

— Густы, — произнес Юстас сонным голосом, — счастлива ли ты?

— Конечно!

— Удивительно!

— Почему?

— Потому (зевок)... что я никогда не думал (зевок)... что женщина может быть счастлива (зевок)... если она не имеет возможности бывать на суде...

Он снова уснул. Августа продолжала писать.



Доктор Терн





ДОКТОР ТЕРН

I. Дилижанс над пропастью

Осенью 1896 года в Англии свирепствовала оспа. В моем родном городе Денчестере, представителем которого в парламенте я являлся в продолжение многих лет, она унесла пять тысяч жизней, и многие из оставшихся в живых утратили свою красоту и миловидность.

Ну что ж! Новое поколение придет им на смену, а следы оспы по наследству потомству не передаются... Утешает и то, что уж впредь этого не случится, так как теперь введена и строго соблюдается всеобщая обязательная прививка. Разве только жертвы той эпидемии могут служить укором нам, отправившим их так поспешно и бесцеремонно туда, откуда нет возврата, но куда именно — я затрудняюсь сказать, так как слишком много знаю об анатомии человеческого тела, чтобы верить в существование души.

Ведь подумать только! Пять тысяч человек в одном Денчестере! И большая часть из них погибла от оспы по вине моего красноречия, моих настойчивых доказательств, отвергавших пользу профилактических прививок.

Конечно, доктор, как и всякий человек, может ошибаться. Ну а если это вовсе не ошибка? Если бы все эти умершие могли вдруг предстать передо мной и сказать: «Джеймс Терн, ты наш убийца, так как из-за своей выгоды учил нас тому, чему сам не верил». Что тогда? Но я не боюсь их, всех этих молодых людей, цветущих девушек и детей, чьи кости загромаждают сейчас денчестерское кладбище. Что сделано, то сделано; изменить этого я не в силах. Из них из всех я боюсь встретить только двоих — Дженни, мою дочь, жизнь которой я принес в жертву своему самолюбию, и Эрнста Мерчисона, ее жениха, последовавшего за ней в могилу.

После того как умерла моя жена, Дженни была единственным существом, которое я любил, и ничто не может превзойти тех страшных страданий, какие я испытываю с момента, как смерть отняла ее у меня.

Я принадлежу к докторской семье: дед мой, Томас Терн, пользовался большой известностью во всей округе Денчестера; отец унаследовал его практику. После женитьбы отец все продал и переехал в самый Денчестер,

где вскоре о нем заговорили; перед ним открывалась блестящая карьера. Но однажды, осматривая больного оспой, отец заразился этой ужасной болезнью, которая оставила в его организме неизгладимый след в виде туберкулеза легких, и ему пришлось переселиться в места с более теплым климатом.

Передав практику своему ассистенту, отец вместе с семьей отправился на Мадеру, куда теперь переехал и я, сам не знаю почему. Но увы! Климат Мадеры оказался для него неподходящим, и, прохворав около двух лет и истратив за это время все, что имел, отец умер, оставив вдову и ребенка без всяких средств.

Благодаря добрым людям моей матери удалось вернуться в Англию, где мы поселились в маленькой рыбацкой деревушке близ Брайтона. Здесь я вырос и получил начальное образование в местной приходской школе. С раннего детства я мечтал стать доктором, подобно отцу и деду. Я сознавал, что доктор, сумевший завоевать себе известную репутацию, может заработать большие деньги. Угнетенный нуждой с самого раннего детства, я ничего так не жаждал, как денег. Я тогда уже знал, что современное общество создано только для богатых и никто, даже политический деятель, не может без денег сделать себе карьеру. В Америке или где-нибудь в дальних колониях человек с умом и способностями еще может рассчитывать на то, чтобы пробить себе дорогу, не имея капитала, но в Англии об этом и думать нечего.

Мне повезло совершенно неожиданно: младший брат моего покойного отца внезапно умер, оставив мне семьсот пятьдесят фунтов. Это дало мне возможность снять комнатку в Лондоне и стать студентом медицинского факультета.

Двадцати четырех лет я блистательно, с золотой медалью, окончил курс и немедленно был зачислен врачом в один из лучших лондонских госпиталей, где и прослужил еще год по истечении срока. Как раз в то время умерла моя мать, и я, чтобы забыться, поправить расшатанные нервы и отдохнуть после тяжелой работы, обратился к одному из приятелей, состоящему пайщиком в большой пароходной компании, совершавшей рейсы между Англией, Вест-Индией и Мексикой, с просьбой предоставить мне бесплатный проезд на одном из ее пароходов, а взамен предложил свои медицинские услуги. Мое предложение было принято с большой готовностью, причем я мог оставаться в Мексике месяца три и затем вернуться в Англию на том же пароходе.

Совершив весьма приятное и вполне благополучное путешествие, я прибыл наконец в Веракрус, этот своеобразно красивый город с высокими

домами и узкими прохладными улицами — тенистыми и молчаливыми. Не имея никаких особых дел, я решил провести здесь недели три, работая в местных госпиталях и больницах и изучая желтую лихорадку. Я не боялся заразы: меня страшила только одна болезнь, с которой мне очень скоро суждено было столкнуться.

Спустя три недели я собрался ехать в Мехико, куда в то время приходилось отправляться или верхом, или в дилижансе, так как железная дорога еще не была достроена. Мексика в те годы была еще дикой страной. Войны и революции лишили большую часть населения крова и заработка, так что путешественники отнюдь не могли быть уверены в своей безопасности.

Путь от Веракруса в Мехико постоянно идет в гору, так как последний лежит на семь тысяч футов выше уровня первого. Сначала проезжаешь «жаркий пояс», затем «умеренный» и, наконец, «холодный». На всем протяжении жаркой полосы вас поминутно останавливают женщины, чтобы предложить кокосовые орехи и спелые гранаты, утоляющие жажду; в умеренной полосе вам навязывают точно таким же образом апельсины и бананы, а в холодной с той же настойчивостью угощают какой-то противной мутной жидкостью, экстрактом из алоэ, называемым *пульке*, по виду и вкусу весьма напоминающим мыльную воду.

Где-то в умеренной полосе, помнится, мы проезжали небольшой городок из пятнадцати жилых домов и семнадцати церквей. Это изобилие церквей объяснялось тем, что вблизи этого городка в неприступных скалах с незапамятных времен гнездились разбойничьи шайки; а в то время существовал освященный предками обычай, по которому каждый предводитель шайки, в искупление содеянных им прегрешений и за упокой душ, преждевременно и насильственно отправляемых им в рай, строил церковь своему святому. Этот богобоязненный обычай теперь исчез, так как мексиканское правительство несколько лет тому назад, прислав сильный отряд войск, приступом взяло твердыню благочестивых разбойников, число которых в ту пору достигало нескольких сотен человек, и казнило всех поголовно.

Нас было восемь человек в дилижансе, запряженном восьмью мулами: четверо купцов, два священнослужителя и молодая девушка, которая впоследствии стала моей женой. Это была чрезвычайно привлекательная голубоглазая блондинка, с нежной кожей и раскованными манерами — американка из Нью-Йорка. Звали ее Эмма Беккер.

Мы сразу подружились, уселись в дилижансе рядом, и вскоре я уже знал всю ее историю. Круглая сирота, почти без средств, она с радостью

ухватилась за предложение единственной тетки приехать погостить к ней на прекрасное ранчо в восьмидесяти милях от Мехико. Не долго думая девушка пустилась одна в далекий путь из Нью-Йорка.

Мы выехали из Веракруса после полудня, ночь провели в отвратительной, кишасей насекомыми гостинице, а с рассветом нас снова усадили в дилижанс и медленно потащили в гору по такой крутой тропинке, что, невзирая на усиленную ругань и побои погонщиков, мулы останавливались через каждые сто шагов. Я уже задремал, когда меня вдруг разбудил мелодичный голос мисс Беккер: «Простите, что побеспокоила вас, доктор Терн. Право, вы должны посмотреть на это великолепное зрелище!» — И она указала на окно.

Действительно, ничего подобного я не мог себе представить. Солнце всходило над вершиной Орисаба, Звездой-Горой, как называли ее древние ацтеки. На восемнадцать тысяч футов вздымалась над нашими головами мощная громада вулкана, подножие которого окутывали темные леса, а вершину серебрил вечный снег. Зеленые склоны гор еще тонули в тени, а воздушную снежную вершину уже золотили первые лучи. Никогда в жизни не видел я ничего великолепнее этого торжества света над сумраком ночи. С потолка нашего дилижанса свисал тусклый фонарь, и при его свете, оторвавшись от грандиозного зрелища восхода, я разглядел милое лицо своей спутницы. Мне показалось, что и в ее лице было что-то необычайное. Глаза наши встретились, и мы без слов поняли, что не хотим разлучаться. Чтобы скрыть неловкость, овладевшую нами, мы завели самый обычный, ничего не значащий разговор. Разговор этот перескакивал с одной темы на другую, пока молодая девушка не задремала. Я хотел было последовать ее примеру, но мне не спалось. Мы ехали над обрывом по узкой горной тропе, жавшейся к скалам. Густой туман, скрывавший дно ущелья, не позволял судить о его глубине, и я подумал, что это крайне подходящее для нападения разбойников место. Вдруг передний мул как-то странно оступился, и где-то совсем близко я услышал выстрел. Погонщик мулов и его подручный соскочили с козел и с криками ужаса один за другим бросились с края обрыва в пропасть. В дилижансе началось что-то совершенно невообразимое — крики, мольбы и вопли: «Разбойники! Разбойники!»

Купцы с проклятиями спешили запрятать в сапоги и шапки свои драгоценности; один из патеров буквально выл от страха, тогда как другой машинально бормотал молитву, набожно сложив руки и склонив голову. Мулы сбились в кучу, дилижанс мог ежеминутно опрокинуться в пропасть. Но разбойники, уже обступившие дилижанс, поспешили перерезать

постромки и погнали животных вниз с обрыва. Затем смуглый чернородый парень с большим шрамом на щеке, отворив дверцу дилижанса, с галантным поклоном попросил нас выйти. Так как с ним было не менее двенадцати товарищей, то мы были вынуждены повиноваться. Всех нас выстроили в ряд, спиной к обрыву, на самом его краю. Я был крайний, а Эмма Беккер предпоследняя, так что мы стояли рядом, и я мог взять ее за руку.

Оглушив купцов ударами здоровых кулаков, обшарив их и раздев донага, разбойники грубо втокнули их в дилижанс и захлопнули дверцы. Затем пришла очередь двух патеров: одного они помиловали за отпущение грехов, а со вторым поступили, как с купцами. Мой мозг усиленно работал в поисках способов спасения. Вдруг мне вспомнилось, что погонщик мулов и его помощник, без сомнения знавшие каждый сантиметр этой дороги, не задумываясь спрыгнули с обрыва в пропасть, чего бы они, конечно, не сделали, если бы знали, что найдут там верную смерть. Разбойники тоже погнали мулов вниз, а эти умные животные ни за что не пошли бы в пропасть. Я оглянулся, но туман застилал все. Тогда я решил рискнуть и чуть слышно шепнул Эмме:

— Послушайте, я уверен, что этот обрыв не так страшен, как кажется. Не решитесь ли вы спрыгнуть вниз вместе со мной?

— Конечно, — не раздумывая ответила она, — лучше сломать себе шею, чем умереть от ножа разбойников. Но надо выждать удобную минуту. Если они увидят, что мы бежим, то будут стрелять.

Мы стали выжидать. Разбойники сводили счеты с четвертым купцом, за ним наступала наша очередь, и мы готовы были на глазах у всех кинуться с обрыва, когда неожиданно несчастный, которого обыскивали в этот момент разбойники, вдруг вырвался и бросился бежать вниз по дороге, под гору. Разбойники кинулись за ним, забыв о нас. Только один из них остался на страже у дверей дилижанса, в котором находились три купца и патер. С криками и смехом пустились они в погоню за своей жертвой, стреляя на ходу. Наконец один из выстрелов попал в беглеца, тогда они накинулись на несчастного и прикончили его ножами.

— Не смотрите туда, — шепнул я своей соседке. — Следуйте за мной, пора!

В следующий момент мы были уже на краю обрыва; под ногами у нас расстилался густой туман. С минуту я колебался, но Эмма, не дожидаясь меня, прыгнула вниз. К своему великому облегчению я услышат ее голос всего в нескольких футах и немедленно последовал ее примеру. Мы стали осторожно спускаться по крутому скалистому обрыву, окутанные со всех

сторон пронизывающим туманом. Мне думается, что наше исчезновение оставалось некоторое время незамеченным, так как стороживший дилижанс бандит был всецело поглощен зрелищем расправы над бежавшим купцом; все его внимание было обращено в ту сторону, а получивший помилование патер ничего не видел вокруг себя — закрыв лицо руками, он упал на колени и молился, припав к земле.

Чем ниже мы спускались, тем реже и прозрачней становился туман, так что скоро мы смогли различить, что идем по узкой крутой тропе, по левую сторону которой гора спускалась совершенно отвесно, а у подножия ее раскинулась долина, поросшая густым лесом. Менее чем в десять минут мы были уже внизу и, не слыша за собой погони, приостановились на минуту — отдохнуть и обдумать, что делать дальше. В пяти шагах от того места, где мы стояли, скала обрывалась так отвесно, что ни одна кошка не могла бы взобраться на нее.

— Это место сравнительно безопасное, — сказал я.

— Да, но оставаться здесь мы не можем, — возразила Эмма, и не успела она закончить фразы, как над нами раздался душераздирающий вопль, и сквозь туманный покров, расстилавшийся над нами, мы увидели, как что-то громадное мелькнуло в воздухе, приблизилось, рухнуло с грохотом и тут же разлетелось в щепки. Мы подбежали к месту катастрофы, но перед нами были только груды обломков дилижанса и изуродованные тела наших бывших спутников. Полные ужаса мы бежали вниз, бежали под защиту деревьев, инстинктивно стараясь укрыться от грозящей нам опасности.

II. Асиенда

— Что это? — вдруг спросила Эмма, указывая на каких-то животных, виднеющихся невдалеке в чаще диких бананов. Я пригляделся и увидел, что это были два мула, из тех, которых разбойники погнали вниз с обрыва, о чем свидетельствовали еще висевшие у них на шее хомуты с обрезанными постромками. Я без труда поймал этих мулов, на одного посадил молодую девушку, а на другого вскочил сам; мы отлично сознавали, что единственное наше спасение — в бегстве. Но в тот момент, когда мы готовы были тронуться в путь, я услышал позади себя голос, окликнувший меня: «Сеньор! Сеньор!» Выхватив пистолет, я обернулся и увидел мексиканца, лицо которого мне показалось знакомым.

— Не стреляйте, сеньор, — сказал человек на ломаном английском языке, — я ваш погонщик Антонио, мой товарищ упал вон туда. — И он указал на зияющую пропасть. — Вы спасаетесь от тех злых людей, я тоже, сейчас они будут искать вас здесь и убьют всех. Куда вы направляетесь?

— Знаете вы дорогу на асиенду де-Консепсьон, близ города Сан-Хосе? — вмешалась в разговор Эмма.

— О да, сеньорита, я хорошо знаю асиенду сеньора Гомеса и доставлю вас туда завтра же, если вы желаете.

— Ну, так ведите нас, — сказал я, и мы двинулись в путь, к видневшимся впереди холмам.

Перед закатом солнца мы благополучно добрались до какой-то убогой индейской хижины, где нам удалось поесть бобов и маисовых лепешек и расположиться на ночлег под кровлей из свежих ветвей, через которую на нас всю ночь капал дождь.

На рассвете я вышел и застал Антонио за беседой с индейцем, хозяином хижины, приютившим нас у себя.

— Что такое, Антонио? Уж не разбойники ли напали на наш след? — спросил я.

— Нет, сеньор, о них мы, вероятно, больше не услышим, но этот сеньор говорит, что в Сан-Хосе теперь много больных.

На это я возразил, что тем не менее намерен добраться туда. Сначала Антонио отказался было продолжать с нами путь, но, испугавшись возможной встречи с разбойниками и отчасти соблазненный крупным вознаграждением, обещанным ему за услугу, согласился, и мы продолжили путь. Под вечер второго дня Антонио указал нам на видневшуюся вдали

асиенду де-Консепсьон, красивое белое здание на горе над Сан-Хосе, маленьким убогим городишком с трехтысячным населением.

Когда мы подъезжали к воротам города, то услышали позади себя крики и, оглянувшись увидели двух конных мексиканцев, вооруженных ружьями. Они махали нам и требовали, чтобы мы повернули. Приняв их за нагнавших нас бандитов, мы пустили измученных мулов во весь опор, и всадники, преследовавшие нас до отмеченного большим белым камнем места, махнули на нас рукой и повернули обратно.

Теперь мы ехали по главной улице города, которая была совершенно безлюдна. Когда мы приблизились к базарной площади, нам попалась навстречу большая фура, нагруженная чем-то и накрытая черным сукном, причем нос и рот возницы были закрыты толстым кашне.

Мы въехали на площадь, окруженную со всех сторон колоннадой.

— Посмотрите, как эти люди спят, — заметила Эмма, указывая на ряд неподвижно лежавших под одеялами человеческих фигур, расположившихся под сводами колоннады. — Что за странный народ. Спать на улице среди бела дня!

Я увидел, как некоторые из лежавших приподнимались и снова падали на свои матрацы и подстилки из листьев или старых лохмотьев, и метались тревожно и болезненно.

Когда мы проезжали в каких-нибудь трех шагах от них, одна старая женщина вдруг сдернула одеяло с лежавшей на земле и, как мы полагали, спящей молодой женщины и принялась обливать ее водой из фонтана. Одного взгляда было для меня достаточно, чтобы убедиться, что лицо несчастной утратило всякий человеческий облик от сплошной корки оспенных язв, а тело ее представляло столь ужасное зрелище, что я не в состоянии передать этого.

Я бессознательно натянул повод, и мой мул тотчас остановился.

— Черная оспа, — прошептал я. — И эта сумасшедшая пытается излечить ее холодной водой!

Старуха подняла на меня глаза и сказала:

— Si, señor inglese, viruela, viruela... — и залепетала еще что-то, чего я не мог уже разобрать.

— Она говорит, — перевел Антонио, — что четверть населения уже вымерла, и что больных больше, чем здоровых...

— Бога ради, бежим отсюда! — воскликнул я, обращаясь к Эмме, также задержавшей своего мула и смотревшей полными ужаса глазами на несчастных страдальцев, расprostертых на земле.

— Ах! — воскликнула она. — Вы — врач, неужели вы не можете

ничем помочь этим несчастным?

— Что за безумие! — воскликнул я резко. — Можно ли рисковать вашей жизнью, да и к тому же я один здесь решительно не могу быть полезен: у меня нет под рукой никаких средств, никаких лекарств... Едем скорее! — И, схватив ее мула под уздцы, я потащил его за собой через город, по направлению к асиенде, расположенной на горе над городом.

Четверть часа спустя мы уже въезжали во двор асиенды. Здесь царили мертвая тишина и безлюдье; единственным живым звуком, донесшимся до нашего слуха, было жалобное мяуканье кошки где-то на чердаке. Но вот нам навстречу выбежала собака, крупное животное породы мастифов, отличающихся чрезвычайной злобностью, но вместо того, чтобы зарычать на чужих, она приветливо завиляла хвостом. Мы сошли с мулов и постучались, но никто не отозвался. Тогда я толкнул ногой дверь, она тотчас же открылась, и мы вошли. С первых же шагов нам стало ясно, что асиенда покинута. Маленькое кладбище в конце сада, близ часовенки, объяснило нам, почему это прекрасное жилище брошено на произвол судьбы. Здесь было несколько свежих могил, очевидно, батраков и услуг, а в особой ограде, где покоился прах усопших членов фамилии Гомес, тоже чернел новый холм — как мы узнали впоследствии, под ним лежал прах мужа Эмминой тетки, сеньора Гомеса.

— Это, несомненно, жертвы оспы, — произнес я. — Нам нельзя оставаться здесь.

Мы снова сели на своих измученных мулов и решили ехать дальше, куда глаза глядят, лишь бы уйти от заразы. Но не далее как в двух милях от асиенды нас остановили два вооруженных полицейских, которые заявили, что если мы, вопреки их запрету, поедем дальше, то они будут стрелять и заставят нас вернуться назад.

Только теперь мы поняли, что проникли за черту оспенного кордона и должны оставаться в ней до тех пор, пока не пройдет шесть недель после последнего случая заболевания оспой. Делать было нечего, мы вернулись в покинутую асиенду и в этом гнезде заразы устроились как могли. Запасов пищи здесь было много, также как и скота, так что в молоке и мясе мы недостатка не испытывали. Антонио принял на себя заботу о скоте и исполнял обязанности слуги. В саду было вдоволь плодов и овощей, а в амбарах — муки и зерна.

С плоской крыши асиенды нам была как на ладони видна вся базарная площадь городка, и три с лишним недели мы наблюдали отвратительные и ужасные сцены. А по ночам, когда уже не были видны предсмертные муки этих несчастных, мы слышали их стоны, вопли и рыдания и немолчный

звон церковных колоколов, звонивших не переставая для того, чтоб отогнать демона заразы или возвестить о полуночной мессе, которую служили священники, в надежде вымолить у Бога пощаду и помилование. По мере того как ряды духовенства редели, этот звон становился все слабее и слабее, пока наконец совсем не смолк. Живых уже не хватало, чтобы зарывать мертвых, и некому было принести воду больным.

Мне удалось узнать, что лет двенадцать тому назад один американский филантроп-энтузиаст прибыл сюда в сопровождении маленького санитарного отряда с целью привить оспу всему населению. Сначала все шло довольно благополучно, но когда прививки стали нарываться, среди пациентов началась смута, а местный глава духовенства вселил еще большее недоверие и ненависть к ученому филантропу, заявив, что оспа — одно из испытаний, ниспосланных Богом и что противодействовать этой болезни — грешно.

Так как до этого времени оспа не посещала Сан-Хосе, то послушные чада церкви и своего духовного пастора чуть не побили камнями американца-филантропа и изгнали его отряд за пределы своего округа. А теперь их дети и внуки пожинали плоды такой недалёковидности.

После двух недель пребывания в этом очаге заразы я дошел до того, что готов был наложить на себя руки. Я чувствовал, что если еще останусь здесь, то, несмотря ни на какие предосторожности, заболелю от одной лишь мнительности. И вот с помощью Антонио я вступил в долгие переговоры с офицером, начальником карантинной стражи, и в конце концов договорился, что за двести долларов наше бегство сквозь карантинный кордон в ночной темноте пройдет незамеченным.

В назначенный день, около девяти часов вечера, мы должны были покинуть асиенду втроем. За четверть часа до этого я пришел на конюшню, чтобы проверить, все ли готово к нашему отъезду. И что же? У конюшни, на дворе, около бака с водой, я увидел Антонио, корчившегося от боли в спине. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в том, что у него появились все признаки страшной заразы. Сознывая, что времени терять нельзя, я сам оседлал мулов и подвел их к крыльцу.

— А где же Антонио? — тотчас осведомилась Эмма.

— Он уехал вперед, чтобы проверить, свободен ли путь, — солгал я. — Он встретит нас по ту сторону гор.

Мы выехали из ворот асиенды.

Путешествие наше было довольно странным, но о нем я не стану рассказывать, так как вообще упомянул обо всех этих давно прошедших событиях лишь потому, что они особенно ярко показывают какую-то

таинственную связь важнейших событий моей жизни с оспой. Я родился, когда мой отец хворал оспой, женился после бегства из оспенного карантина, я... но остальное я расскажу в свое время; добавлю лишь, что мы с Эммой в конце концов благополучно добрались до Мехико, где и повенчались. А десять дней спустя уже находились на палубе большого океанского парохода, отправлявшегося в Англию.

III. Сэр Джон Белл

Эмма Беккер принесла мне приданое около пяти тысяч долларов, и мы решили употребить эти деньги на то, чтобы приобрести мне практику. Этой суммы, конечно, было далеко не достаточно, чтобы купить практику в Лондоне, и я поэтому избрал Денчестер, где имя Терн было уже достаточно известно и где с успехом практиковали мои дед и отец.

Прибыв туда, я узнал, что только один из моих коллег, Джон Белл, мог быть для меня опасным конкурентом. Он начал свою карьеру ассистентом моего отца и купил у него право на практику, когда отец захворал и был вынужден покинуть Англию. Не будучи ни искусным, ни знающим врачом, сэр Джон обладал самоуверенностью, скрывающей недостаток знаний, и заглаживал свои ошибки всегда имевшимися у него наготове оправданиями. Нет надобности говорить, что он был столь же богат, как и популярен, и лишь жалкие крохи выпадали на долю его менее счастливых коллег. Кроме того, за эти годы он приобрел громадное влияние на общественные дела, был членом всевозможных обществ, на которые щедро жертвовал, а потому постоянно нуждался в больших суммах.

Приехав в Денчестер, я счел своим долгом посетить сэра Джона Белла и сообщить ему, что думаю поселиться и практиковать в Денчестере. Это, как мне показалось, не особенно ему понравилось.

— Ну конечно, для вас, как сына моего покойного друга, я сделаю все, чтобы помочь устроиться, но должен сказать, что явись сам великий Гален или Гарвей, вряд ли даже им удалось бы составить здесь приличную практику.

— Тем не менее я хочу попытаться счастье, сэр Джон, и буду надеяться на кое-какие крохи со стола богача, — пошутил я.

— Да, да, Терн, вы можете рассчитывать на меня, конечно! — И он улыбкой дал мне понять, что аудиенция окончена.

Я ни одной минуты не обманывался в этом человеке: было ясно, что он постарается отнять каждую кроху, которая случайно перепадет мне, и что для моего блага он не пошевелит и пальцем.

Спустя две недели после этого визита мы с женой поселились в Денчестере, в старинном кирпичном доме времен королевы Анны. Местоположение его для практикующего врача было удобно — он стоял в двух шагах от главной торговой площади, в самом центре Денчестера, и имел две великолепные приемные комнаты со старинными резными

украшениями на потолке и стенах.

Мы с женой делали все возможное, чтобы приобрести практику. Нанесли визиты старым друзьям отца и деда, посетили миссионерские собрания и, несмотря на расходы, пригласили к вечернему чаю нескольких старушек, слывших первейшими городскими сплетницами. Они явились, пили чай и разглядывали мою новую обстановку, точно на аукционе. А в результате одна из них ядовито заметила мне, что мои хирургические инструменты далеко не так красивы, как инструменты «нашего дорогого сэра Джона», так как у его инструментов ручки из слоновой кости в серебряной оправе.

Я стал разузнавать, в чем причина моих неудач, и оказалось, что единственным виновником был все тот же сэр Джон Белл. Имея право совещательного голоса в учреждениях, куда я обращался с предложениями услуг, он одним многозначительным пожатием плеч или покачиванием головы побуждал совет отклонять мою кандидатуру.

Начиная отчаиваться в успехе, я уже собирался покинуть Денчестер, но по совету Эммы, которая была дальновидна и умна, решил еще подождать, пока хватит денег. Наконец и на моей улице настал праздник. Спустя почти год после того как я поселился в Денчестере, меня избрали в члены городского клуба. В числе завсегдатаев этого клуба был некий майор Селби, вышедший в отставку и не имевший никаких занятий, а потому постоянно проводивший время или в курительной, или в бильярдной клуба, с неизбежной большой сигарой в зубах и стаканом виски с содовой в руках. С виду это был цветущий крепкий мужчина, но на взгляд доктора такая наружность вовсе не свидетельствует о хорошем состоянии здоровья. Я познакомился с ним, и в разговорах он часто жаловался на свои недуги. Однажды, когда я сидел один в курительной комнате, вошел майор Селби, и, кинувшись в кресло, принялся потирать ногу.

— Что, майор, подагра прихватила? — шутливо спросил я.

— Нет, доктор, — по крайней мере, этот старый плут Белл говорит, что нет. У меня так сильно болела нога эти дни, что я сегодня утром отправился к нему, но он уверил меня, что это просто маленький ревматизм, и прописал какую-то гадость для втирания!

— А... а видел он вашу ногу?

— Нет, он сказал, что может определить болезнь не глядя.

— Гм... в самом деле? — заметил я. И мы прекратили этот разговор.

Четыре дня спустя я снова сидел в клубе, когда туда явился майор Селби. На этот раз он ступал с видимым усилием, и его всегда румяное и довольное лицо выражало страдание. Он по обыкновению заказал виски с

содовой и сел на диванчик подле меня.

— Как ваш ревматизм, майор? Вам лучше сегодня?

— Нет, доктор, я опять был вчера у старика Белла, и он приказал продолжать втирание мази, но мне от нее ничуть не легче, а даже как будто хуже, и я положительно не могу понять, каким образом ревматизм может вызвать синяк на ноге.

— Синяк на ноге? Что вы говорите? — удивился я.

— Да, синяк. Вы не верите? Хотите, я покажу вам? Смотрите! — И, завернув брюки, он обнажил немного ниже колена большое пятно с темным отливом посередине, причем одна из вен на ощупь оказалась вспухшей и затвердевшей.

— А сэр Джон видел это? — спросил я.

— Нет, я хотел, чтобы он осмотрел мою ногу, но он куда-то торопился и сказал мне, что я, точно старая баба, ношусь со своими недугами!

— Ну, я на вашем месте отправился бы домой и все-таки настоял на том, чтобы он явился и осмотрел вас.

— Что вы хотите этим сказать, доктор? — встревожился майор.

— Я только нахожу, что это скверный синяк, вот и все... и полагаю, что когда сэр Джон увидит его, то посоветует вам полный покой в течение нескольких дней.

В ответ майор Селби пробормотал что-то весьма нелестное в адрес сэра Джона и попросил меня поехать сейчас же к нему на квартиру и подробно осмотреть его.

— Я не могу сделать этого при всем желании, — проговорил я, — это было бы нарушением врачебной этики; но я провожу вас до экипажа.

Майор Селби уехал домой, а я отправился к себе и от нечего делать стал просматривать записки о разных случаях закупорки вен, с которыми мне довелось иметь дело в лондонских госпиталях. Я еще читал, когда у моих дверей раздался резкий звонок и в приемную влетел запыхавшийся и взволнованный слуга и с усилием проговорил:

— Пожалуйста, сэр, вас очень просят к моему господину, майору Селби, немедленно. Он внезапно заболел.

— Я не могу идти к нему, его лечит сэр Джон Белл, я не имею права лечить его больных.

— Я уже был у сэра Джона, сэр, но он уехал на двое суток в какое-то имение, и мой господин послал меня за вами.

От жены майора, миссис Селби, я узнал, что ее муж, вернувшись из клуба, выпил чашку чаю и собрался ехать к сэру Джону Беллу, но в тот момент когда он садился в экипаж, вдруг опрокинулся навзничь и потерял

сознание. Его отнесли в квартиру, уложили на диван и немедленно послали за мной.

Несчастный лежал и стонал от боли.

— Благодарю, что не отказались прийти, — простонал майор, — кажется мне, что этот старый дурак Белл доконал меня...

— Полноте, мы сейчас посмотрим, что можно сделать, — сказал я, поспешно осмотрел его и, прописав рецепт, приказал немедленно послать в аптеку, а в ожидании лекарства делать горячие припарки. Затем я вышел в соседнюю комнату, где меня тотчас обступили родственники больного.

— Что с ним, доктор? — спросила миссис Селби.

— Закупорка вены, — отвечал я. — Часть сгустка крови, очевидно, отделилась и закупорила одну из легочных артерий.

— И это опасно?

— Мы, конечно, должны надеяться, но считаю долгом предупредить вас, что мало надежды на то, что майор поправится.

— О, это невозможно! — воскликнул брат больного. — Мой брат находился все время под присмотром такого опытного врача, как сэр Джон Белл, первого врача в Денчестере, и этот врач говорил брату, что он страдает простым ревматизмом.

— Мне остается только пожелать, чтобы сэр Джон Белл оказался прав, а я заблуждался.

Мистер Селби немедленно телеграфировал сэру Джону Беллу о поставленном мною диагнозе. Вскоре пришел ответ. Сэр Джон Белл весьма сожалел, что не было поезда, с которым он мог бы вернуться в Денчестер в эту же ночь, и называл другого врача, к которому рекомендовал обратиться, добавляя, что диагноз доктора Терна ни на чем не основан и что я — молодой, неопытный врач, любящий преувеличивать болезнь.

Между тем бедный майор умирал. Он сохранял полное сознание до последней минуты и, несмотря на все мои усилия, сильно страдал. В числе других распоряжений на случай своей смерти он потребовал, чтобы было сделано вскрытие для определения причины смерти.

Взяв копию с телеграммы доктора Белла, я стал дожидаться приезда другого врача, за которым по моему настоянию немедленно послали.

Когда он прибыл, майора уже не было в живых. Было сделано вскрытие, как того пожелал покойный, в присутствии сэра Джона, меня и еще третьего врача, доктора Джеффриса. Я оказался прав, и если бы сэр Джон вовремя принял меры предосторожности, его несчастный пациент был бы жив.

Так как покойный майор Селби был личностью весьма популярной, то

смерть его наделала много шуму в городе, особенно, когда обывателям стали известны обстоятельства смерти.

На следующий же день одна из наиболее распространенных газет напечатала подробный отчет о результатах вскрытия. Этот отчет сопровождала небольшая редакционная статья, в которой автор в самых лестных выражениях отзывался о моих знаниях и выражал надежду, что население Денчестера не замедлит оценить меня по заслугам, а в адрес старого сэра Джона Белла было пущено несколько ядовитых замечаний под видом сравнения представителей врачей старой и новой школ и их приемов.

IV. Стивен Стронг идет в поручители

Велика сила рекламы и печатного слова! Когда я на следующий день вошел в свою приемную, то застал в ней трех пациентов, ожидавших меня. Это было началом моего успеха. Теперь, когда я считаю свою жизнь оконченной, могу сказать смело, что в то время я был действительно выдающимся врачом. Моя способность к постановке диагнозов граничила с вдохновением, с первого же взгляда на больного я угадывал его недуг, угадывал то, до чего даже более опытные врачи с трудом доходили после самого тщательного осмотра и исследования.

С того памятного события моя практика росла с каждым днем; клиенты прибывали отовсюду, так что, делая подсчет своим заработкам в конце второго года моего пребывания в Денчестере, я увидел, что за последние двенадцать месяцев получил свыше девятисот фунтов наличными и должен был дополучить еще около трехсот фунтов. Большую часть последней суммы я считал как бы несуществующей, так как положил себе за правило никогда не отказывать больному в своем содействии потому только, что он не в состоянии заплатить мне. После случая с майором мои отношения с сэром Джоном Беллом стали в высшей степени натянутыми (он некоторое время отказывался встречаться со мной даже на консилиумах), хотя я всегда старался не становиться поперек дороги такому старому и опытному практику. Но все вокруг сознавали, что я как врач стою выше него, и он ни разу не осмелился отвергнуть или критиковать мою манеру лечения. Я шел в гору, и мы с женой уже могли рассчитывать, что года через три будем не менее богаты, чем сэр Джон Белл.

Беда пришла неожиданно. К этому времени мы с Эммой были женаты около трех лет, и она готовилась стать матерью.

Эмма настаивала, чтобы я сам принял на себя обязанности акушера, но я боялся, что мне слишком тяжело будет видеть ее страдания и что я буду взволнован в те минуты, когда для врача необходимы полнейшие хладнокровие и невозмутимость.

И вот однажды я случайно столкнулся на одной консультации с сэром Джоном Беллом. Старик с необычайно дружелюбным видом подошел ко мне и спросил:

— Я слышал, дорогой Терн, что у вас в семье ожидается счастливое событие?

Я отвечал утвердительно.

— Предлагаю вам свои услуги в этом деле. Надеюсь, вы признаете, что тут долголетняя практика что-нибудь да значит.

С минуту я колебался, хотя сэр Джон действительно был знающий и опытный акушер и, по-видимому, собирался воспользоваться этим случаем для нашего примирения. Я колебался не из-за какого-нибудь предчувствия, а лишь потому, что моя жена не желала ничьего ухода за собой, кроме моего. Я уже хотел сказать ему об этом, но подумал, что старик сочтет это за страшную обиду и возненавидит меня больше прежнего. Мне пришлось поблагодарить его и согласиться, и мы расстались весьма дружелюбно.

Когда я сообщил об этом Эмме, она признала, что я не мог поступить иначе, и примирилась. Пришло время, и у меня благополучно родилась дочь, прелестный ребенок, белокурый, как мать, с такими же темными глазами, как у меня.

На четвертый день после родов, позавтракав, я поднялся в спальню жены, которая до этого чувствовала себя прекрасно. К своему удивлению я застал ее несколько слабой, и она жаловалась на головную боль. Не просидел я у нее и десяти минут, как прибежал слуга и сказал, что меня ожидают в приемной. Поцеловав Эмму и поправив ее подушки и одеяло, чтобы ей было удобнее лежать, я поспешил вниз, попросив ее постараться заснуть.

Пока я принимал и выслушивал больного, сэр Джон Белл явился к моей жене. Когда пациент уходил и сэр Джон спускался сверху, вбежал посыльный от лорда Колфорда, жена которого должна была родить. Посыльный требовал меня немедленно к своей госпоже, жене первого богача, банкира и баронета, лечить которого считалось завидной долей для любого врача Денчестера. Схватив хирургический набор, я тотчас же отправился вместе со слугой. Я уже выходил из дома на улицу, когда услышал, как сэр Джон крикнул мне что-то вслед, чего я не разобрал. Я ответил, что спешу, и поговорю с ним после, на что он, как мне показалось, крикнул:

— Ладно!

Это было около трех часов пополудни. Но роды леди Колфорд были такими тяжелыми и сложными, что я возвратился домой только в восемь часов вечера.

Я немедленно поспешил наверх к жене и, осторожно войдя в ее комнату, увидел, что она спала; сиделка дремала на диване рядом. Осторожно приблизившись к постели, я поцеловал жену прямо в губы и, сойдя вниз, поспешил к своей больной и провел у нее безотлучно всю ночь.

Вернувшись к себе около восьми часов утра, я застал ожидавшего меня в приемной сэра Джона Белла, и с первого взгляда на его лицо понял, что произошло нечто ужасное.

— Что случилось? — спросил я.

— Что? Да то, что я вам крикнул вчера вслед, но вы не захотели остановиться и выслушать меня. А потом я нигде не мог поймать вас. У вашей жены родильная горячка. Я вчера уже полагал, что это так, а сегодня не остается ни малейшего сомнения!

— Родильная горячка! — прошептал я. — В таком случае я погиб!

— Не падайте же духом, будьте мужчиной, у нее сильный организм, и нам, наверное, удастся вырвать ее из когтей смерти!

— Но вы забываете, что я принимал роды у леди Колфорд! И отправился к ней прямо от постели моей жены!

— Да! Это не совсем приятно... Ну что ж, будем надеяться на благополучный исход. Только в другой раз, когда вам будут кричать что-нибудь, будьте добры остановиться и выслушать.

Мы простились очень сухо.

Через неделю моей жены не стало, а спустя десять дней последовала за ней в могилу и прелестная леди Колфорд.

Оправившись от горя, я поспешил написать сэру Томасу и выразить ему глубокое сочувствие по случаю постигшего его несчастья, невольным виновником которого явился я. В ответ на это письмо я получил следующую записку, раскрывшую мне настоящее положение дел. Сэр Томас Колфорд писал так:

Сэр Томас Колфорд крайне удивлен тем, что доктор Терн считает нужным добавлять лицемерие к убийству.

А спустя несколько дней полицейский инспектор вручил мне ордер на арест по обвинению в умышленном убийстве леди Колфорд.

Ночь я провел в денчестерской тюрьме, а наутро предстал на допросе, причем для разбора моего дела была назначена специальная сессия суда. Меня обвиняли в преступной небрежности и злонамеренных действиях, вызвавших смерть леди Бланш Колфорд.

После обычного допроса свидетелей, установившего факт моего пользования леди Колфорд, а также факт и причину ее смерти, пришла очередь сэра Джона Белла, и я мысленно порадовался, что наконец-то он объяснит в чем дело.

После ответа на вопрос о степени заразности родильной горячки сэра

Джон перечислил подробности рокового дня, когда я был вызван к леди Колфорд.

Сэр Джон утверждал, что при посещении моей жены он убедился по ряду симптомов, что у нее родильная горячка. В сущности, это было ложью, так как в тот день, по его же словам, он еще только подозревал возможность болезни, а удостоверился в ней лишь на другой день. «Тогда я поспешил от своей пациентки, — продолжал лживый старик, — чтобы предупредить доктора Терна, который выходил из своей приемной. Но прежде чем я успел произнести хоть слово, он стал хвастаться, что за ним только что прислали от лорда Колфорда, жена которого должна родить. Я посоветовал ему отказаться от этого лестного предложения: «У вашей жены родильная горячка, а сиделка говорит, что вы были сейчас у ее постели».

Тогда Терн возразил мне, что этого не может быть, так как он только что видел свою жену и нашел ее совершенно здоровой, если не считать легкой головной боли.

Он заявил, что не может отказаться от такого блестящего случая, быть может единственного в его практике, и что принимать роды у леди Колфорд все-таки будет. «Смотрите, любезнейший, — сказал я, — если что-либо случится, то вас вправе будут обвинить в предумышленной и преступной небрежности». — «Очень вам благодарен за предупреждение, но ручаюсь, что ничего с ней не случится: я свое дело знаю и сам отвечаю за свои поступки», — заявил Терн, схватил свой чемоданчик и выбежал на крыльцо».

Не берусь описывать, с каким негодованием и омерзением слушал я эту наглую ложь. Как беззастенчиво, с каким невозмутимым спокойствием клеветал на меня этот человек!

Задыхаясь от волнения, я мог только воскликнуть:

— Это ложь, наглая ложь от начала до конца!

После сэра Джона выступила со своими показаниями сиделка. В числе многих лживых показаний, не моргнув глазом, она заявила, что стоя на верхней площадке лестницы, она слышала довольно продолжительный разговор между сэром Джоном и мной и в конце которого я будто бы произнес: «Я сам буду отвечать за свои поступки».

Я не нашел, что возразить на ее слова, и мог только повторить, что она лжет.

Затем последовал вопрос, есть ли у меня свидетели, которые могут опровергнуть эти показания; таких свидетелей у меня не было. Тогда мне задали обычные вопросы и спросили, что я имею сказать в свое

оправдание.

Я изложил все факты в их настоящем виде, заявив, что свидетельские показания — сплошная ложь и что сэр Джон — мой давний недруг, желавший погубить меня с того момента, как я начал практиковать в Денчестере. После этого суд удалился и вскоре мне объявили, что дело мое передается на съезд, сессия которого состоится ровно через месяц. А до того времени местный суд согласен отпустить меня на поруки под залог в пятьсот фунтов от меня и пятьсот фунтов от двоих поручителей, по двести пятьдесят фунтов от каждого, или же пятьсот фунтов от одного. Я безнадежно опустил голову, так как у меня не было ни родных, ни друзей, которые бы согласились выразить свое сочувствие столь скомпрометированному человеку.

— Благодарю вас, господин председатель, за ваше доброе желание, но мне придется отправиться в тюрьму, так как у меня нет никого, кто бы мог поручиться за меня! — сказал я печально.

Вдруг с задних рядов зала чей-то грубый голос произнес: «Я готов быть вашим поручителем!»

К столу подошел плечистый мужчина, лет пятидесяти, с отеком бледным лицом и плешивой головой, на которой непокорно торчали пучки еще уцелевших волос. Он был неряшливо одет в поношенный, черного цвета костюм и огненно-красный галстук.

— Эй вы, молодой человек, не напускайте на себя важность. Вы еще должны мне двадцать фунтов, три шиллинга и шесть пенсов, и вам хорошо известно мое имя; если же вы его забыли, то я укажу его вам в конце исполнительного листа!

— Это моя обязанность — спросить ваше имя, — ответил растерявшийся секретарь, — я спрашиваю вас по долгу службы.

— А-а, в таком случае, пожалуйста! Мое имя Стивен Стронг. Я могу добавить, что это имя имеет известную цену при подписании чека на любую сумму. Сейчас я явился сюда, чтобы поручиться за этого молодого человека, о котором я решительно ничего не знаю, кроме его фамилии и внешнего вида. Я не знаю, заразил ли он покойную леди или не заразил, но уверен, что, как и большинство отравителей, поклонников телячьей заразы, именующих себя оспопрививателями, этот Белл — наглый лжец, и если даже молодой человек действительно заразил ту женщину, то не его в этом вина. А теперь вот, считайте деньги!

Когда все было кончено, я подошел и поблагодарил его.

— Благодарить меня вам не за что, — ответил он, — я делаю это не для вас, просто я не хочу, чтобы они сажали невинных людей в тюрьму. Ну,

а теперь скажите мне, не нуждаетесь ли вы в деньгах для защиты?

Я отвечал, что в деньгах я в настоящее время не нуждаюсь, еще раз поблагодарил его, и на этом мы расстались.

V. Допрос

В назначенный день и час прокурор произнес блистательную обвинительную речь, в которой он доказывал, что я, преследуя низкие материальные выгоды, принес в жертву молодую жизнь. Затем начался допрос свидетелей, не выяснивший ничего нового. Когда же дошла очередь до сэра Джона Белла, то он повторил дословно все, что было сказано им на предварительном следствии. При опросе свидетелей подсудимого выяснилось, что с самого начала сэр Джон Белл относился ко мне недоброжелательно, так как, к его великому огорчению, я оказался более сведущим и знающим врачом, чем он, и что родильная горячка у моей жены была вызвана только его небрежностью. После этих показаний заседание суда было закрыто, и слушание дела отложено на следующий день.

Так как я находился на поруках, то прямо со скамьи подсудимых отправился пообедать в скромный ресторанчик, где меня никто не знал, для того, чтобы не видеть перед собой знакомых лиц.

Я медленно шел по улице, когда вдруг слышал за собой шаги и, обернувшись, очутился перед бледной физиономией и огненно-красным галстуком мистера Стивена Стронга.

— Вы расстроены и устали, доктор Терн, — сказал он, — почему же вы не с друзьями, а бродите один по улицам после такого утомительного дня?

— Потому что у меня нет друзей, — сказал я.

— Вот оно как? — проговорил он. — Пойдемте-ка поужинаем со мной.

Я поблагодарил старика. Сердечное отношение совершенно чужого человека тронуло меня. Вместе с ним мы дошли до его главной торговой лавки, и через небольшой коридорчик он провел меня в свою квартиру. В большой гостиной, обставленной громоздкой старомодной мебелью, в самом центре большого дивана сидела румяная седая женщина в черном шелковом платье. Она читала при свете лампы под розовым абажуром, поставленной на консоли позади нее. Я почему-то сразу заметил, что она читала какой-то трактат о противооспенных прививках и что на обложке книги изображена рука, страшно изуродованная оспой.

— Марта, — произнес мистер Стронг, входя в комнату, — вот доктор Терн, о котором я уже говорил тебе! Он зашел поужинать с нами. Доктор

Терн, это моя жена!

Миссис Стронг встала и протянула мне руку. Это была стройная худощавая женщина, с тонкими изящными чертами лица и ласковыми голубыми глазами.

— Я вам очень рада! — сказала она мягким, несколько монотонным голосом. — Все друзья Стивена для меня — желанные гости, в особенности те, которых преследуют за правое дело!

В этот момент вошла служанка и доложила, что все готово. Мы вошли в смежную комнату, где нас ожидал простой, но вкусный ужин, и, к немалой своей радости, я имел возможность убедиться, что мистер Стивен не подражал своей уважаемой супруге, которая не пила ничего, кроме простой воды. Муж же ее поставил на стол передо мной бутылку прекраснейшего портера.

Во время разговора за ужином мне удалось узнать, что Стронги, у которых никогда не было детей, посвятили себя пропаганде разных «идей». Мистер Стронг был «анти» всего, чего угодно, супруга же его не шла дальше «антиоспоривания». Вне этого великого вопроса ее ум был всецело поглощен совершенно безобидной «идеей», что англосаксы произошли по прямой линии от десяти затерявшихся колен израилевых.

Оставив в стороне вопрос об оспопрививании, я одобрил ее взгляды относительно десяти колен израилевых, чем до такой степени расположил милостивую маленькую женщину к себе, что, совершенно позабыв о моем неопределенном будущем, она просила меня почаще заходить к ней и тут же снабдила целой кипой литературы, касающейся предполагаемых странствований этих десяти племен. Таким образом завязалось мое знакомство с миссис Мартой Стронг.

На следующий день, в десять часов утра, я снова сидел на скамье подсудимых. Сиделка, ухаживавшая за моей женой во время ее родов, повторила согласованный с сэром Джоном Беллом вымысел. Однако после строгого повторного допроса выяснилось, что эта особа не вполне достойна доверия, хотя опровергнуть ее показания не было возможности. Тогда мой защитник указал суду на то обстоятельство, что все обвинение построено исключительно на одних только показаниях сэра Джона Белла, моего заведомого и давнего врага, и что, к несчастью, я не могу представить в свою защиту ни одного свидетеля, так как при этом мнимом разговоре не было третьего лица. Он пояснил, что если заявление доктора Белла — правда, то я должен быть положительно сумасшедшим: несомненно, что такой сведущий доктор не мог не знать, что родильная горячка заразна и что, переходя из комнаты больной жены к постели

пациентки, он должен был непременно заразить последнюю и тем самым погубить свою медицинскую карьеру. Но допустим даже, что из каких-либо соображений он принял на себя этот страшный риск. Неужели он не принял бы необходимых мер предосторожности? А последних, как было доказано, никому заметить не удалось.

Затем зачитали мое письменное заявление, что все сказанное доктором Беллом — сплошная ложь и что я, отправляясь к леди Колфорд, не имел ни малейшего представления о болезни своей жены.

Подводя итог, председатель суда указал присяжным, что это необычное преследование основано исключительно на показаниях доктора Белла, которым вторила сиделка, и если даже допустить, что обвиняемый действительно рискнул жизнью прекрасной женщины ради корыстных целей, не кажется ли странным то обстоятельство, что узнав от сэра Джона Белла о тяжелой и опасной болезни жены, он не выразил ни скорби, ни удивления. А между тем всем известно, что доктор Терн был очень нежным и любящим мужем. Остается только предположить, что обвиняемый не понял слов сэра Джона или не расслышал их.

После речи председателя присяжные удалились для обсуждения, а за ними удалился и суд. С уходом председателя суда зал закишел, как муравейник. Я сидел как на иголках, сознавая, как враждебно и недоброжелательно относятся ко мне все эти люди.

Присяжные очень долго не возвращались, и я мало-помалу свыкся со своим положением и перестал обращать внимание на настойчивые взгляды, обращенные на меня, и на замечания, раздававшиеся в толпе. Я ушел в себя и стал размышлять над своим положением. Какой бы приговор не вынесли мне присяжные, все равно моя дальнейшая карьера загублена, это было для меня совершенно ясно, и я заранее знал, что вконец разорен. А напротив меня сидел и торжествовал негодяй, который погубил меня своим лжесвидетельством, опозорил мое доброе имя и лишил меня куска хлеба. Он развязно болтал со своими соседями, как вдруг взгляд его случайно встретился с моим. Где-то в глубине его души еще таился остаток совести: старик вдруг смолк, губы его побелели и задрожали; он поспешно встал и покинул зал суда.

Очевидно, все это не ускользнуло от внимания одного из судей, беседовавшего с ним, и он сразу понял, чем именно вызвана столь внезапная перемена в уважаемом сэре Джоне Белле. Я заметил, как он сперва пристально посмотрел на меня, потом на сэра Джона, который, вернув себе обычную самоуверенность, торжественно направился к выходу. Член суда проводил старика глазами и стал смотреть в потолок,

тихонько насвистывая.

Вероятно, присяжные сильно затруднялись с решением этого дела, время шло, а они не возвращались. Прошло без малого полтора часа, когда полицейский чин сообщил, что *они* — то есть суд и присяжные — идут.

Я вглядывался в их лица, с каким-то страшным безучастием ожидая приговора. Напряженность ожидания сменилась во мне тупым оцепенением. Когда председатель суда занял свое место, старший присяжный громко и торжественно возгласил: «Не виновен, но в будущем, мы надеемся, доктор Терн будет более осмотрителен».

— Это весьма странный приговор! — раздраженно заметил председатель суда. — Он одновременно оправдывает и признает виновным. Доктор Терн, вы свободны и оправданы судом, но я весьма сожалею, что присяжные сочли нужным добавить к своему приговору эту загадочную фразу.

Низко поклонившись председателю, выражая этим признательность за его доброе ко мне отношение, я стал пробираться сквозь толпу.

Я зашагал к моему одинокому жилищу и опустился в первое попавшееся кресло пустой приемной, безнадежно оценивая свое безвыходное положение: любимой жены и друга у меня не стало, карьера разбита, репутация как человека и врача замарана и куда бы я ни поехал, всюду за мной последует дурная слава.

Пока я размышлял на эти безотрадные темы, слуга доложил о приходе какого-то господина. В комнату вошел маленький, весело улыбающийся человек, в котором я тотчас же узнал старшего помощника поверенного, который вел дело Колфорда против меня.

— Увы, доктор, — защебетал этот маленький человек, потирая руки, — вы еще не избавились от неприятностей: выбрались вы из уголовного леса, да попали в гражданское болото! Хи-хи-хи!... — И с этими словами он вручил мне бумагу.

— Что это такое? — спросил я.

— Это иск, предъявленный сэром Томасом Колфордом доктору Терну, на десять тысяч фунтов стерлингов. Согласитесь — это не слишком крупная сумма за утрату молодой и красивой жены... Так как он не мог добиться, чтобы вас засадили в тюрьму, то решил разорить вас гражданским иском. Если бы он меня тогда послушал, то начал бы с этого, а уголовного преследования не возбуждал вовсе. Я ни минуты не думал, что они вас осудят. Присяжные никогда не пошлют человека на каторгу за несчастную случайность. Ну, а гражданский иск — совсем другое дело, его всегда удовлетворят, если только поручить дело опытному адвокату. И вам

мой совет: бегите куда-нибудь прежде, чем начнется следствие. Всего хорошего, господин доктор... всяческих вам благ...

И юркий маленький человек скрылся за дверь.

Положение мое оказывалось хуже, чем я думал. Уже первое дело в суде стоило мне больших денег, и я не в состоянии был выдержать второго процесса, не говоря уж об удовлетворении иска. Что же мне оставалось делать? Сидеть и ждать, что будет дальше? Не лучше ли разом покончить счеты с жизнью, которая мне уже ничего не обещала. Разбитый последними событиями, я совершенно утратил чувство страха перед смертью. В тот момент она казалась мне символом полного успокоения и забвения.

Но, к несчастью моему и многих других, я не исполнил своего решения, хотя оно было твердо и серьезно. Прежде всего я написал длинное письмо для опубликования в газетах, в котором правдиво излагал все обстоятельства смерти леди Колфорд и обличал сэра Джона Белла в умышленной лжи и желании ценой ложной присяги погубить меня. Затем другое, которое должно быть вручено моей дочери, когда она достигнет совершеннолетия. В этом письме я раскрыл ей причины, побудившие меня к самоубийству, и просил простить за то, что покинул ее в столь раннем возрасте.

Подойдя к своему шкафчику с лекарствами, я подумал немного и остановился на синильной кислоте. Правда, последствия ее неприятны, зато действие быстро и верно. Какое мне дело до того, что после смерти я почернею и буду пахнуть!

VI. Врата смерти

Достав склянку из шкафа, я налил в рюмку достаточную дозу яда и развел его небольшим количеством воды, чтобы было легче выпить. Все это я делал не спеша, и мне оставалось только опрокинуть содержимое в рот, как вдруг я ощутил на лице холодное дуновение, словно от сквозняка. Я вздрогнул. Передо мной в темном проеме двери стоял Стивен Стронг. Да, это был он, свет свечи падал на его бледное лицо и большую лысую голову.

— Э-э, доктор! Да вы, как вижу, кутите, — раздался его грубый, но добродушный голос. — Что вы тут смаковали? Можно попробовать? — с этими словами он поднес рюмку к губам.

В одно мгновение сознание вернулось ко мне, и прежде чем Стивен Стронг успел коснуться рюмки, я быстрым движением выбил ее из рук. Она упала и разбилась вдребезги.

— А-а, я так и думал! — произнес мой гость. — Ну, а теперь, молодой человек, я попрошу вас сказать мне, почему вы принялись за подобные штуки?

— Почему? — воскликнул я с горечью. — Жена моя умерла, имя мое опозорено, карьера разбита... Зачем мне жить и ждать конца нового дела, которое возбудил против меня сэръ Томас Колфорд и которое окончательно разорит меня и пустит нищим по свету!

— И вы думали помочь этому горю, наложив на себя руки? Ведь вы же утверждаете, что не сделали ничего постыдного, ничего такого, что заставляло бы вас внутренне краснеть перед самим собой, и я верю вам. Так что вам до того, что думают о вас эти люди? Я знаю, вам теперь тяжело, но я сам был когда-то в худшем положении, поверьте. Я пошел на каторгу по ложному свидетельству, но не наложил на себя рук. Я отработал свой срок, понемногу оправился, и теперь я — глава радикалов и один из богатейших людей в Денчестере, хотя и простой торговец. Я мог бы заседать в парламенте, если бы только захотел. Почему бы вам не поступить так же?

— Да никто не пожелает воспользоваться моими услугами после того, что было! — сказал я.

— Я берусь найти таких людей. Что касается предъявленного иска, то я удовлетворю его. Я люблю судебные дела, а какая-нибудь тысяча фунтов не разорит меня. Впрочем, я явился сюда, чтобы пригласить вас отужинать с нами; полагаю, что лучше будет распить бутылочку портера со Стивеном

Стронгом, чем это адское зелье. Но прежде чем мы выйдем отсюда, вы должны дать мне слово, что не приметесь за старое! — И он указал на осколки рюмки, валявшиеся на полу.

— Даю вам слово, что больше это не повторится!

— Ну и прекрасно! — сказал мистер Стронг, беря меня под руку и направляясь к выходу.

Вечер этот я провел почти так же, как и мой первый вечер в доме Стивена Стронга. Миссис Стронг приняла меня весьма приветливо и после нескольких вопросов о моем деле перешла на свою излюбленную тему об исчезнувших десяти коленях, причем была крайне разгневана тем, что я не прочел ее книг и брошюр. Но в конце концов она умиротворилась, и я вернулся к себе домой успокоенный и чуждый волнений.

В следующий месяц или два ничего особенного в моей жизни не случилось, если не считать того, что дело по гражданскому иску сэра Томаса Колфорда вдруг было прекращено. Хотя о причинах прекращения этого судебного дела официально ничего не сообщалось, но я имею основание полагать, что оно было вызвано отказом сэра Джона Белла вторично выступить в суде и повторить свои показания против меня. Хотя я, конечно, был весьма рад такому повороту дела, тем не менее блестящая практика, которую я только что успел приобрести, была безвозвратно потеряна. Мои небольшие сбережения подходили к концу, и я предвидел необходимость зарабатывать себе на кусок хлеба как-то иначе.

Однажды утром я сидел в своем кабинете и читал какую-то медицинскую книгу, как вдруг у наружных дверей раздался звонок.

«Пациент!» — подумал я. Но меня ждало разочарование: вошел мистер Стивен Стронг.

— Ну, как вы поживаете, доктор? — начал он. — Вы, вероятно, удивляетесь тому, что видите меня здесь в такое время. Я пришел просить вас взглянуть на двух больных детей, к которым мы отправимся сейчас же, если только вы не против!

— Нет, конечно, я всегда рад служить вам! — отвечал я. — Кто эти дети, и чем они больны?

— Это сын и дочь одного сапожника, а чем больны — об этом вам судить, — ответил мой собеседник.

Долго проколесив по улицам беднейшего квартала города, мы наконец остановились перед невзрачного вида сапожной лавкой, с выставленными в окне на продажу несколькими парами грубо сшитых сапог. За прилавком находился владелец лавки, мистер Сэмюэлс, мрачного вида человек лет сорока.

— Сэмюэлс! Вот доктор, — произнес Стивен Стронг.

— Ладно, он найдет жену и детвору там, в смежной комнате! Хороши они, нечего сказать! Я не могу! Не могу смотреть на них. Душа во мне переворачивается! — проговорил Сэмюэлс и резко отвернулся.

Пройдя через лавку, мы очутились в задней комнате этого убогого магазинчика. Кто-то громко плакал и стонал. Посреди комнаты стояла истощенная, измученная женщина, уже не молодая на вид, а на постели лежали двое детей, мальчик и девочка, лет трех и четырех. Я тотчас же приступил к осмотру больных. Мальчик горел как в огне, все его тельце было покрыто яркой красной сыпью. Девочка же мучилась от огромной багровой опухоли на руке повыше локтя. Вся рука была сильно воспалена. Для меня было несомненно, что и то и другое — опасный вид рожистого воспаления, следствие перенесенной не более пяти дней тому назад прививки оспы.

— Ну, — спросил мистер Стронг, — что вы находите у этих детей?

Я ответил.

— А чем вызвана эта болезнь? Не следствие ли это прививки?

— Возможно, что и так! — уклончиво ответил я.

— Поди сюда, Сэмюэлс, и расскажи господину доктору все, как было! — сказал Стронг.

— Да что тут рассказывать? — отозвался огорченный отец, стараясь не глядеть на своих детей. — Меня три раза таскали в полицию и штрафовали за то, что я не прививал детям оспу. Я боюсь этой прививки с тех пор, как моя родная сестра умерла от нее, причем вся голова у нее была сплошь покрыта язвами и болячками. Но я уже не мог больше платить штрафов. Видите ли, дела шли плохо! Ну, я и сказал своей хозяйке, чтобы она взяла детей и отвела к городскому оспопрививателю. Теперь вы сами видите, что из этого вышло! Черт бы их побрал с их прививками!

С этими словами, безнадежно махнув рукой, он вышел из комнаты.

Я не стану описывать подробности, скажу только, что, несмотря на все мои старания, мальчик умер, а девочка поправилась. Примечательно, что обоим была сделана прививка от одной лимфы, и мне с большим трудом удалось убедить власти подвергнуть эту лимфу тщательному исследованию, причем оказалось, что она содержала бациллы рожи.

Этот случай, в котором я играл видную роль, наделал много шума. Противники прививок ссылались на меня, как на авторитет.

Мало-помалу, несмотря на то что я никогда не высказывался определенно по этому вопросу, на меня стали смотреть как на лидера и на светило небольшой группы врачей, противников прививки оспы. На

основании этой в сущности ложной репутации Стивен Стронг предложил мне весьма приличное вознаграждение за то, чтобы я принял на себя труд исследования всех отдельных ел у чаев, в которых, как предполагалось, прививка являлась причиной заболеваний. Я согласился, так как эти исследования в общем ни к чему меня не обязывали. И вот, за два года усердной работы я убедился, что прививки в том виде, как они практиковались — с руки одного человека на руку другого — нередко приводили к заражению крови, рожистому воспалению, нарывам и даже туберкулезу. Все эти случаи были мной опубликованы, и в результате я был вызван королевской оспопрививательной комиссией, заседавшей в то время в Вестминстере, для разъяснений по этому вопросу.

Выслушав мои доводы, некоторые члены комиссии пытались заставить меня высказаться о пользе или вреде прививок вообще. Я отвечал им уклончиво, не желая вступать в прения, так как бессмысленно отрицать значение великого открытия, сделанного Дженнером.

Стоит только вспомнить, что было время, когда почти каждый становился жертвой оспы, когда женщина считалась красивой уже только потому, что не была обезображена, подобно громадному большинству ее сестер.

Стоит только вспомнить, как много детей умерло от оспы в самом нежном возрасте, о чем свидетельствуют церковные записи тех лет.

Стоит только послушать рассказы стариков о том, как свирепствовала оспа во времена молодости их матерей и отцов.

Мало того, если прививки — обман, то почему девятьсот девяносто девять врачей из тысячи не только в Англии, но и в других цивилизованных странах так твердо убеждены в их несомненной пользе? Таково было мое внутреннее убеждение, но я не считал нужным заявлять об этом публично.

Между тем печальные последствия прививки не были в то время редкостью, но причиной их являлась плохая лимфа или небрежное обращение с больными.

VII. Я перешел Рубикон

Мое появление в качестве эксперта перед королевской оспопрививательной комиссией подняло мой престиж в глазах населения Денчестера. И вот я снова мог похвастать обширной, быстро растающей практикой и заработком, вполне достаточным для удовлетворения моих потребностей.

Прошло уже более трех лет с тех пор как я, вернувшись из зала суда, собирался покончить счеты с жизнью, когда в приемную неожиданно, как и в тот раз, вошел Стивен Стронг.

Из-за большого наплыва больных я не имел возможности принять его немедленно, так что ему пришлось дожидаться около часа.

— Теперь дела обстоят несколько иначе, доктор, — сказал он, входя в мой кабинет, — я дожидался вас целый час, а там еще шесть человек. С тех пор как вы лечили детей Сэмюэlsa, счастье успело повернуться к вам лицом. Как вы думаете, зачем я пришел?

— Говорите прямо, я угадывать не умею! — произнес я.

— Ну, так уж и быть, скажу вам, в чем дело. Читали вы во вчерашней газете, что наш старый пивовар Хикс возведен в достоинство пэра? Понимаете ли, в чем тут секрет? Он дал понять, что если его заставят дожидаться этой чести еще дольше, то он откажется внести в фонд своей партии членский взнос. А это пять тысяч фунтов в год! Ну, они и поспешили удовлетворить его, полагая, что так кресло в парламенте останется за ними. Но здесь-то они и ошибаются: если только нам удастся выставить подходящего человека, то радикалы возьмут на этот раз верх!

— А кто же этот подходящий человек? — осведомился я.

— Джеймс Терн, эсквайр, доктор медицины! — спокойно ответил Стивен Стронг.

— Что вы?! — воскликнул я. — Разве я могу потратить тысячу или даже две тысячи фунтов сразу на одни только выборы, да еще столько же ежегодно на разные подписки; кроме того, могу ли я быть практикующим врачом и членом парламента одновременно?

— Погодите, доктор, я обо всем подумал, как только ваше имя было произнесено вчера на совете радикалов. Все ваши возражения я предвидел. Теперь выслушайте меня: вы молоды, представительны, умны, и притом превосходный оратор — разумеется, вы желали бы выбраться наверх, но у вас нет средств. Вы живете только на то, что зарабатываете, а став членом

парламента, конечно, лишились бы и этой возможности. Но так как мы нуждаемся в таком человеке как вы, то, весьма естественно, должны и оплачивать ваши услуги.

— Нет, нет, мистер Стронг! — воскликнул я. — Я не согласен стать рабом радикалов, обязанным делать то, чего они от меня потребуют. Нет, я предпочитаю продолжать заниматься своим делом и остаться верным своей профессии.

— Не спешите отказываться, молодой человек! — остановил меня поучительно старик. — Никто и не требует вашего рабства. Но что бы вы сказали, например, если бы вам обеспечили все до последнего пенни, чтобы добиться места в парламенте, и, сверх того, тысячу двести фунтов ежегодного содержания в случае успеха и вознаграждение в пять тысяч фунтов, если вы потерпите поражение или почему-либо вынуждены будете отказаться от парламентской деятельности?

— Тогда бы я, пожалуй, согласился, при условии, что буду уверен в лице, гарантирующем мне все это, и кроме того буду знать, что это такой человек, от которого я могу принять деньги! — сказал я.

— Ну, об этом судите сами! — ответил мой собеседник. — Человек этот — я, Стивен Стронг, и я внесу в банк на ваше имя десять тысяч фунтов, прежде чем вы подпишете соглашение. Не благодарите меня, я делаю все это, во-первых, потому что у меня нет ни детей, ни родных, а вас я как-то сразу полюбил. Люди обошлись с вами возмутительно несправедливо, и я хочу видеть вас на высоте, чтобы все эти франты, считающие себя выше всех, стали лизать ваши сапоги, как только вы станете богатым и влиятельным человеком. Это только одна из причин; другая заключается в том, что вы — единственный человек в Денчестере, который может добиться для нас представительства в парламенте, и я буду считать, что чрезвычайно выгодно вложил эти десять тысяч фунтов, если эти самодовольные, хвастливые тори останутся на бобах.

Ну, а прежде чем вы мне дадите какой бы то ни было окончательный ответ, я хочу спросить вас кое о чем... Согласны вы стоять за пропорциональное доходам каждого налогообложение?

— Да, конечно, справедливость требует, чтобы каждый платил сообразно своему состоянию.

— Ну, а относительно избирательного ценза членов парламента?

— Разумеется, я буду настаивать на том, чтобы парламент был открыт для каждого достойного гражданина, а не только для богачей.

— Прекрасно! Затем, вам, конечно, известно, что мы добиваемся увеличения нашего флота, и вы, надеюсь, будете проводить ту же мысль.

Теперь все... Кроме вопроса об антивакцинации, который вы, конечно, будете отстаивать во что бы то ни стало!

— Нет! Я никогда и никому не давал повода думать, что буду отстаивать этот вопрос! — воскликнул я.

Он удивленно взглянул на меня.

— Нет? — повторил он. — Но вы также не говорили, что не будете... Однако нам надо оговорить все до мелочей. Здесь, в Денчестере, этот вопрос важнее всех остальных вместе взятых. Если только нам суждено удержать за собой кресло в парламенте, то не иначе, как проведением антивакцинации. Это — самый жгучий, самый животрепещущий вопрос! И вот потому мы все возлагаем надежды на вас; вы изучали этот вопрос и считаетесь одним из немногих специалистов, но если у вас есть на этот счет какие-либо сомнения, то скажите прямо, и мы не будем больше говорить об этом.

Я содрогнулся, слушая его слова. Без сомнения, исследования отдельных случаев заболеваний после вакцинации явились для меня весьма интересной работой, и потому я охотно взялся за них. Но стать одним из ярых противников прививок оспы, встать в ряды этих невежд-агитаторов, громить величайшее спасительное открытие!

Принять предложение Стронга — значило изменить своим убеждениям, своим научным знаниям. Нет, нет, я не мог этого сделать! Между тем мог ли рассчитывать человек в моем положении на лучший случай выбиться из ничтожества? Еще с детства моей заветной мечтой было заседать в парламенте.

И вот мне предлагают осуществление этой заветной мечты! Если бы мне удалось склонить этот город, считавшийся испокон веков гнездом тори, на сторону радикалов, я выдвинулся бы сразу. Я уже видел себя богачом, любимцем народа, уполномоченным лицом... и, как знать, быть может, даже возведенным в достоинство пэра. Видел себя доживающим свой век в почете и славе, оставляющим состояние своим наследникам.

А если я откажусь от предложения Стивена Стронга, такой счастливый случай мне уже никогда не представится. Весьма возможно, что я навсегда утрачу расположение Стивена Стронга и его доброй жены, их дружескую поддержку и обреку себя на вечную борьбу из-за куска хлеба. И вот, несмотря на то что в первый момент эта мысль показалась мне ужасной, я решил, что цена, которой мне предлагали купить мое будущее благополучие, была вовсе не так велика: не более чем обычная программа любого кандидата, вступающего на арену парламентской деятельности, обязующегося проводить все идеи и требования выставившей его партии,

независимо от того, сочувствует он им в душе или нет.

Борьба была непродолжительна и окончилась так, как и следовало ожидать от человека в моем положении. Если бы я мог предвидеть, чем все это кончится! Но я думал тогда только о себе!

— Ну, что же? — спросил мистер Стронг, обождав немного.

— Ну, что же? — повторил я. — Я готов пройти весь путь до конца! Но, вероятно, мой нерешительный тон смутил мистера Стронга.

— Послушайте, доктор, — сказал он, — я человек честный и прямой. Прав я или не прав, но я глубоко убежден во вреде прививок, и мы решили сделать этот вопрос краеугольным на этих выборах. Если вы не убежденный антивакцинист, как я полагал, то лучше вам отказаться от этого дела и считать, что я вам ничего не говорил. Вы, без сомнения, наш лучший оратор, человек, на которого мы возлагали самые блестящие надежды; тем не менее у нас есть на примете еще несколько лиц, и я прямо от вас отправлюсь к одному из них и сейчас же переговорю обо всем! — С этими словами он взял шляпу, собираясь уйти.

Я дал ему дойти до дверей и, когда он уже брался за ручку, вдруг воскликнул, словно меня подтолкнули:

— Я, право, не знаю, что вас заставляет так думать, я, кажется, достаточно доказал, что я — не сторонник вакцинации!

— Что вы хотите этим сказать, доктор?

— Да то, что мое единственное дитя, моя девочка, которой теперь почти четыре года, до сих пор еще не подвергнута этой операции!

— В самом деле? — неуверенно спросил Стронг.

В это самое время я услышал, как няня спускалась сверху с Дженни на прогулку. Я отворил дверь кабинета и позвал свою маленькую девочку. Это было прелестное белокурое дитя, с большими темными глазами и ярким улыбающимся ротиком.

— Вот, посмотрите сами, — проговорил я, заворачивая рукавички на обеих ручках Дженни, — видите, у нее нет нигде проклятых меток! — И, поцеловав девочку, я отослал ее обратно к няне.

— Это, конечно, прекрасно, доктор, но имейте в виду, что она и впредь не должна быть подвергнута прививке!

Когда он произнес эти слова, сердце мое невольно дрогнуло: я вдруг понял, что натворил, какой страшный риск принял на свою душу. Но жребий был уже брошен, или, вернее, так мне казалось тогда в моем безумии.

— Не беспокойтесь, — сказал я, — никакой телячьей отравы никогда не будет в ее крови!

— Теперь я верю вам, доктор, — проговорил Стронг, — ни один человек не стал бы рисковать жизнью своего единственного ребенка. Я передам ваш ответ совету комитета, и он пришлет вам официальное предложение выступить кандидатом на парламентских выборах. Прощайте. Теперь я уверен, что кресло в парламенте останется за нами!

VIII. Браво, антивакцинисты!

Неделю спустя борьба была в полном разгаре. И что это была за борьба! Подобного в Денчестере не было никогда.

Сэр Томас Колфорд был очень богат, это знали все. Носился слух, что в случае его избрания он готов доказать свою благодарность за оказанные ему честь и доверие весьма достойным образом: выстроить новый флигель, в котором сильно нуждался городской госпиталь, и обставить его всем необходимым за свой счет. Кроме того, сорок акров принадлежащих ему превосходных земель врезались в городской парк, и говорили, будто сэр Колфорд выражался в таком тоне, что эти сорок акров несравненно важнее для города, чем для него самого, и что он надеется когда-нибудь передать их городу.

После этого неудивительно, что его кандидатура была встречена местной прессой с большим энтузиазмом. Меня же называли авантюристом, напоминали о том, что я подвергался судебному преследованию. Меня выставляли социалистом, который, не имея никакой собственности, рассчитывал пожить чужой, и рехнувшимся антивакцинистом, который для того, чтобы приобрести несколько голосов, готов был заразить целый город ужаснейшей болезнью. Из всех обвинений последнее было единственным, кольнувшим меня в самое сердце.

Сэр Джон Белл, мой давний недоброжелатель и влиятельный сторонник сэра Томаса Колфорда, выступил с трибуны с речью, в которой уговаривал сограждан не верить своим политических интересов человеку, опозорившему свое сословие.

Эта речь произвела, как и следовало ожидать, немалое впечатление на слушателей, и казалось, мое дело проиграно, тем более что за последние годы ни один радикал ни разу не отважился оспаривать у консервативных кандидатов право представительства в парламенте. Но в Денчестере было громадное число избирателей, рабочих и специалистов, занятых на кожевенных и обувных фабриках. Эти люди, проводившие целые дни в душном помещении, а ночи в жалких бараках на окраинах города, единственном пристанище рабочего люда в городах, где квартиры слишком дороги, питали сильное озлобление к высшим классам общества и, как следовало ожидать, готовы были отдать голоса за всякого, кто обещал сделать хоть что-нибудь для улучшения их доли.

За этой группой избирателей следовала вторая группа людей, которые

отдавали голос за либералов только потому, что их отцы и деды были сторонниками этой партии. Затем шли избиратели, бывшие до этого консерваторами, но из-за недовольства внешней политикой правительства или по другим причинам решили перейти на сторону другой партии. Кроме того, можно было рассчитывать на несколько избирательных голосов от сторонников всевозможных дурацких «идей». Таковыми были противники намордников для собак, члены общества покровителей рабочих лошадей, члены общества трезвости и даже общества противников оказания медицинской помощи младенцам. Потакая в своей речи слабостям всех этих маньяков, я мог рассчитывать на несколько десятков голосов.

Но так называемые антивакцинисты насчитывались здесь сотнями, поэтому свыше двадцати процентов детей, рожденных за последние годы, не было вакцинировано. Некоторое время попечительство о народном здравии почти бездействовало, но перед выборами нового кандидата по настоянию врачебной управы города стали преследовать жителей, не сделавших своим детям обязательных прививок, были установлены штрафы и всякого рода наказания, которые до того озлобили население, что сторонники антивакцинации множились с каждым днем.

В Денчестере большинство антивакцинистов были радикалами, но насчитывалось еще несколько сотен человек антивакцинистов-консерваторов. Вот если бы удалось привлечь и их на мою сторону, радикалы восторжествовали бы!

На первом же митинге, после речи сэра Томаса Колфорда, представитель партии антивакцинистов поднялся и спросил его, намерен ли он стоять за отмену закона об обязательной прививке оспы. А нужно сказать, что на этом же митинге сэр Джон Белл только что обвинял меня в горячем сочувствии антивакцинации и тем самым до некоторой степени связал руки своему кандидату, поэтому сэру Томасу не оставалось ничего другого, как объявить, что он склонен освободить всех сознательных противников прививок от взысканий, но прямого ответа на вопрос не дал.

Тот же самый вопрос был предложен и мне. Я воспользовался случаем и произнес целую речь, вызвавшую гром восторженных аплодисментов. Я взывал к матерям в таких трогательных выражениях, что многие женщины разрыдались; я призвал их мужей, свободных сынов Англии, протестовать против насилия, против нарушения их родительских прав, и предлагал им провести меня в парламент, чтобы я мог поднять там свой голос в защиту их невинных детей, которых насильно подвергают операции, зачастую влекущей за собой самые ужасные последствия.

Когда я окончил свою речь и сел, вся громадная толпа избирателей — в

зале собралось более двух тысяч человек — поднялась и приветствовала меня громкими криками одобрения: «Мы вас проведем в парламент! Мы свободные люди, никто не может нас заставлять делать то, чего мы не желаем!»

Оставив в стороне все другие вопросы, я всецело посвятил себя вопросу антивакцинации. Мы забросали избирателей брошюрами и статьями о вреде прививок, о вакцинном тиранстве, о детоубийстве, об обмане доверчивых людей и тому подобном — все это было иллюстрировано изображениями страдальцев; распространяли фотографии детей, пострадавших от последствий злокачественной лимфы или небрежного ухода, показывали эти снимки в виде туманных картин во время публичных чтений, а также в читальнях, пивных и трактирах, наиболее посещаемых беднейшим населением.

Трудно себе представить, как все это действовало на толпу. Эти легковверные люди были глубоко убеждены, видя единичные случаи и не имея представления об ужасах самой оспы и страшной заразности этой болезни, что врачи из корыстных целей хотят отравить телячьим ядом все население.

Против меня ополчилась вся интеллигенция города. Из палаты лордов прибыл для личного вмешательства в это дело известный своим красноречием оратор. Он произнес блистательную речь. Но меня удивило то обстоятельство, что, явившись сюда для противодействия антивакцинистской агитации, он только мимоходом коснулся этого вопроса, подробно распространяясь обо всем остальном и напирая, главным образом, на «широкие задачи будущего».

Год спустя я имел удовольствие слышать этого выдающегося оратора; теперь уже он порицал преследования антивакцинистов, убеждал палату общин уступить их требованиям и ввести билль об освобождении родителей и опекунов, не желавших прививать оспу своим детям, от всякого рода преследований и взысканий. Его воззвание не пропало даром: билль прошел в несколько измененном виде, а двадцать лет спустя я увидел и результаты его успеха.

Наконец наступил день баллотировки. В восемь часов утра все избирательные урны были скреплены печатью и отправлены в городскую ратушу для подсчета голосов в присутствии лорда-мэра, кандидатов и других должностных лиц. Вскрывали ящик за ящиком и доставали из них бумажки, складывая их двумя отдельными кучками: одни за Колфорда, другие за Терна. В половине десятого начался подсчет голосов. Оказалось, что кандидат консерваторов имел тридцатью пятью голосами больше

кандидата радикалов. Но вот распечатали последний большой ящик. Сэр Томас Колфорд и я стояли со своими агентами по обе стороны стола, в почтительном молчании ожидая результатов выборов.

— Какие цифры? — спросил агент консерваторов.

— Колфорд — четыре тысячи триста сорок девять, Терн — четыре тысячи триста двадцать семь, да еще две пачки не считанные!

Агент вздохнул с облегчением; я видел, как он пожал руку сэра Томаса, очевидно поздравляя его, так как теперь уже не сомневался в торжестве своей партии.

— Как видно, игра наша проиграна, — шепнул я Стивену Стронгу. Я заметил, что лицо его в этот момент было мертвенно бледно, а губы подернулись синевой. Я испугался за его больное сердце.

— Вам следует, мистер Стронг, поскорее отправиться домой, — сказал я ему. — Выпейте снотворное, ложитесь в постель и постарайтесь заснуть!

Между тем вскрыли очередную пачку билетов и продолжили подсчет голосов: первый голос был за меня, затем девять билетов за Колфорда. Теперь вопрос о кандидате уже совершенно утратил всякий интерес, так как результат, казалось, был ясен всем. Послышался шепот поздравлений и сочувствий. Чиновник продолжал считать. Чтобы одержать верх, из сорока оставшихся голосов двадцать два должны быть за меня, а это казалось абсолютно невозможным.

Счетчик продолжал вслух:

— Десять голосов за Терна, один — за Колфорда... шесть... десять... пятнадцать — за Терна.

Говор в толпе присутствующих снова замер; все стали прислушиваться к счету; на лицах отразилось напряженное ожидание. Оставалось всего четырнадцать записок; и еще одиннадцать голосов мне были необходимы, чтобы взять верх над моим противником.

— Шестнадцать... восемнадцать... двадцать — за Терна, — продолжал чиновник-счетчик, и всеобщее напряжение становилось все заметнее и заметнее.

Еще два голоса за меня, и сэр Томас Колфорд останется за флангом... Все взгляды были устремлены на руки счетчика; по правую и левую его руки возвышались груды бумажек, справа — за Колфорда, слева — за меня.

— Двадцать один — за Терна, — продолжал счетчик, — двадцать два. И билетик снова ложился налево.

— Клянусь Небом, вы его побили! — воскликнул Стивен Стронг.

Осталось еще семь билетиков.

— Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять — за Терна! —

раздавался голос чиновника. — Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять — за Терна, все за Терна.

В этот момент из груди Стронга вырвался сиплый, почти нечеловеческий крик:

— Наша взяла! Браво, антивакцинисты! — И он без чувств упал навзничь.

Я склонился над ним, разорвал ворот его рубашки. В это время агент консерваторов потребовал от имени сэра Томаса Колфорда, чтобы подсчет был проверен еще раз.

Я при этом не присутствовал, пытаюсь вместе с другим доктором привести Стивена Стронга в чувство в одной из маленьких комнат, смежных с большой залой. Мы немедленно вызвали его жену. Войдя в комнату, она взглянула на больного мужа, затем перевела на меня вопросительный взгляд.

— Он еще дышит! — ответил я.

Маленькая женщина молча присела на край ближайшего стула и, молитвенно сложив руки, произнесла тихим покорным голосом:

— Если на то воля Господня, мой дорогой Стивен будет жив, а если нет на то воли Божьей, то он умрет!

Эту самую фразу она повторяла время от времени все тем же покорным тоном, пока не наступил конец.

По прошествии двух часов кто-то постучался в дверь.

— Уйдите! — крикнул я.

Но стучавший не желал уходить, так что я принужден был отворить ему дверь. Это был мой агент, который взволнованным голосом шепнул мне:

— Счет был совершенно верен: у вас на семь голосов больше!

— Хорошо, — ответил я, — скажите, чтобы прислали сюда еще спирту!

Стивен Стронг приоткрыл глаза, и в тот же момент до нас донесся торжествующий крик толпы, собравшейся на площади в ожидании результатов выборов. Этот крик приветствовал лорда-мэра, который, согласно обычаю, с балкона ратуши объявил народу результаты.

Умиравший устремил на меня вопросительный взгляд, так как уже не мог говорить. Я постарался объяснить ему, что избран большинством голосов, но он не понимал меня. Тогда мне в голову пришла счастливая мысль: я поднял с пола голубую розетку консерваторов, затем снял с груди розетку радикалов и, держа их в руках перед глазами умирающего, поднял вверх оранжевую розетку радикалов, а голубую бросил на пол.

Он понял мой маневр. Улыбка на мгновение скривила его изменившееся лицо, и с последним предсмертным усилием он прошептал:

— Браво, антивакцинисты!

Затем он закрыл глаза, и мне показалось, что наступил конец. Но в следующий момент он снова раскрыл их и посмотрел в упор сперва на меня, потом на свою жену, сопровождая этот взгляд едва приметным движением головы. Я не понял значения этого взгляда, но жена поспешила ответить:

— Не тревожься, Стивен, я тебя понимаю!

Еще минута — и все было кончено.

IX. Карьера и деньги

Так как у страха глаза велики, то мое избрание в глазах правительства приняло вид грозного предостережения. Газеты говорили довольно свободно о «знамениях времени», о «торжестве радикалов» и «силе и значении антивакцинистов», вселяя страх в робкие сердца консерваторов.

Незаметно мне удалось добиться назначения особой комиссии для обсуждения вопроса об антивакцинации, и билль об упразднении закона об обязательной прививке был внесен на рассмотрение в парламент.

Первоначально он был препровожден в постоянный комитет и в конце концов поступил на обсуждение палаты.

Тогда начались горячие прения. Даже председатель палаты произнес по этому поводу блистательную речь. Странно лишь, что хотя девяносто девять из каждых ста членов палаты общин были глубоко убеждены в необходимости оспенных прививок, ни один из них не решился протестовать против билля. Очевидно, урок, данный Денчестером, не пропал даром, и потому, как бы ни относились они к этому вопросу, все были уверены, что, заявив о своем неодобрении, лишатся половины голосов на следующих выборах. Билль этот прошел также палату лордов и стал парламентским актом.

Глубоко убежденное в том, что принудительная вакцинация необходима, правительство тем не менее предоставило отцам и матерям, в угоду их личным предрассудкам, право подвергать своих беззащитных детей опасности ужаснейшей болезни и даже смерти.

Карьера моя в течение многих лет была исключительным рядом удач и успеха во всех отношениях. Карьера блестящая и почетная, но вынуждавшая меня к большим расходам.

Я, конечно, не имел ни времени, ни возможности заниматься медицинской практикой, и если смог продержаться столько лет в парламенте, то только благодаря щедрости моего покойного друга Стивена Стронга.

Когда он умер, то оказалось, что он еще богаче, чем думали. Кроме недвижимой собственности в виде магазинов, складов товара, домов и земли, он оставил деньгами сто девяносто тысяч фунтов. За исключением тех десяти тысяч фунтов, положенных на мое имя, все остальное было безраздельно завещано им жене, которая могла распоряжаться наследством по своему усмотрению.

Я узнал об этом от самой миссис Стронг, когда возвращался вместе с нею с похорон моего друга.

— Мой дорогой Стивен оставил вам только десять тысяч фунтов, доктор, — сказала она, покачав головой. — Без сомнения, если бы Бог дал моему бедному Стивену время распорядиться, он оказался бы более щедрым по отношению к вам. Зная, как высоко он ценил вас, и помня, что вы в угоду ему отказались от призвания и посвятили себя делу той партии, чьим горячим сторонником он был, я уверена, он хотел, чтобы я обеспечила вас материально, как это сделал бы он сам, останься он жив. Именно это он и хотел сказать мне, когда смотрел на меня так упорно перед смертью. Я догадалась по его глазам. И потому, доктор, пока я имею хоть что-нибудь, вы никогда не будете нуждаться. Я отлично понимаю, что член парламента — немалая фигура и должен жить согласно своему положению, а на это нужно немало денег. Но я полагаю, что если я ограничу свои личные расходы пятьюстами фунтами в год и выделю еще тысячу фунтов в фонд антивакцинистов и на общество противников намордников для собак, да еще на общество отыскания десяти исчезнувших колен израилевых, то смогу ежегодно выделять вам до тысячи двухсот фунтов.

— Но позвольте, миссис Стронг, я не имею никакого права рассчитывать на какую-либо поддержку с вашей стороны!

— Доктор, я только исполняю волю моего дорогого Стивена! Он желал, чтобы я, располагая его же деньгами, которые послал ему Господь, обеспечила вас, быть может именно для того, чтобы дать возможность такому талантливому человеку, как вы, свергнуть тиранию правительства.

Я не стал больше возражать, и с тех пор раз в полгода, первого января и первого июля, аккуратно получал назначенную ею сумму.

Но со временем мной стала овладевать тревога: миссис Стронг постепенно слабела умом, с трудом узнавала знакомых и не усваивала самых простых вещей, понимать же что-либо в делах совершенно перестала. В течение некоторого времени ее банкиры еще продолжали выплачивать мне по прежним письменным предписаниям, но когда узнали о ее состоянии, то прекратили выдачу денег.

Я оказался в крайне затруднительном положении. Никаких сбережений у меня не было и, забросив за эти семнадцать лет врачебную деятельность, я, конечно, уже не мог рассчитывать на практику. Оставаться членом палаты я мог очень недолго: пока мне давали в долг, пока распродалось и закладывалось приобретенное мной небольшое движимое имущество. Этого хватило на целых полтора года, но скоро мои денежные затруднения стали известны всем, и меня уже встречал далеко не прежний

дружелюбный прием, так как без состояния в Англии нечего рассчитывать на популярность. Наконец дело дошло до крайности. Никогда еще, с того самого дня, когда, вернувшись из зала суда после процесса с Колфордом, я сидел перед рюмкой с ядом, не чувствовал я себя таким пришибленным и обескураженным, как теперь. Я положительно не знал, как прокормить себя и дочь — ведь я был уже не молод и не способен начать жизнь заново, и не к кому было обратиться за помощью и поддержкой.

Измученный и удрученный, вернулся я вечером домой после долгого бесцельного шатания по улицам. В прихожей на столике я нашел телеграмму и равнодушно вскрыл ее, пока шел к дверям своего кабинета. Телеграмма от одного из первых адвокатов в Денчестере была следующего содержания:

Наша клиентка миссис Стронг внезапно скончалась сегодня, в три часа пополудни. Необходимо видеть Вас. Можете ли Вы быть завтра в Денчестере? Если нет, просим указать, где и в какое время позволите ожидать Вас в Лондоне.

«Ожидать меня в Лондоне?» — подумал я. Представитель такой большой фирмы едва бы побеспокоился приехать в Лондон ради меня, если бы не какое-то чрезвычайно важное и приятное для меня и для него самого сообщение. Вероятно, миссис Стронг оставила мне сколько-нибудь денег или даже назначила меня своим единственным наследником. Уже не раз в моей жизни счастье оборачивалось ко мне лицом в тот самый момент, когда я стоял на краю гибели.

Я дал ответную телеграмму:

Буду в Денчестере в 8.30.

Вскочив в пролетку первого попавшегося извозчика, я поспел на вокзал как раз вовремя, чтобы застать поезд, отходивший в Денчестер. У меня в кармане было так мало денег, что едва хватило на билет третьего класса. Я ехал скорым поездом, но путь показался мне бесконечно длинным и утомительным. Вот наконец платформа станции Денчестер. «Если поверенный хочет сообщить мне что-нибудь важное, он, наверное, пришлет кого-нибудь из своих служащих встретить меня, если же это что-либо выходящее из ряда обыкновенного, то он явится сам», — думал я.

Когда поезд подкатил к станции и пополз мимо мокрой асфальтовой платформы, я на минуту закрыл глаза, чтобы отсрочить на мгновение

горечь разочарования. Когда я раскрыл их снова и взглянул в окно, первое, что бросилось мне в глаза, была красная самодовольная физиономия самого главы фирмы, выглядывавшая из мехового воротника щегольского пальто. От волнения я едва держался на ногах. Адвокат увидел меня и кинулся навстречу. Вид у него был сияющий и в то же время полный достоинства.

— Дорогой сэръ, — начал он, — надеюсь, что моя телеграмма не обеспокоила вас! Но новость, которую я имею для вас, такого рода, что я поспешил сообщить вам ее как можно скорее!

— Не трудитесь извиняться. Однако будьте любезны сказать мне, какую новость, кроме печальной — о смерти жены моего бедного друга, — вы хотите сообщить мне.

— О, да вы, вероятно, уже знаете, — ответил адвокат, — хотя покойница упорно настаивала на том, чтобы хранить это в тайне от вас!

— Я решительно ничего не знаю, — прервал я его.

— В таком случае, я весьма счастлив, что могу обрадовать вас замечательной новостью! — затараторил разом повеселевший поверенный. — Как душеприказчик моей покойной клиентки, миссис Стронг, я имею честь сообщить, что вы назначены ее единственным наследником.

Я едва удержался на ногах.

— Можете ли вы сказать мне, каково приблизительно мое наследство? — спросил я, немного овладев собой.

— Назвать точную сумму я сейчас несколько затрудняюсь, но вы знаете, какая это была экономная и бережливая женщина, а ведь капиталы растут — ох, как растут! Я полагаю, что это будет около четырехсот тысяч фунтов!

— Неужели?! Но ведь покойница была не в полном рассудке, как же она могла составить свое завещание?

— Дорогой сэръ, завещание было написано ею вскоре после смерти мужа. Но она настоятельно требовала, чтобы это оставалось для вас тайной и однажды явилось бы приятной неожиданностью.

Х. Дженни встречается с доктором Мерчисоном

Никто не оспаривал моих прав на наследство, так как завещание было неоспоримо, а родни или близких покойная миссис Стронг не имела. Когда стало известно о крупном наследстве, доставшемся мне, моя популярность не только в Денчестере, но и в Лондоне возросла еще больше.

Но, кроме удовлетворения своего честолюбия, я преследовал еще и другую цель: дочь моя, Дженни, стала взрослой девушкой, красивой и хорошо образованной. К тому же она унаследовала от своей покойной матери остроумие и самостоятельный, даже своевольный характер. Понятно, что я мечтал о самой блестящей партии для нее. Но до сих пор не мог подыскать для нее подходящего человека, так как ждал непременно пэра или многообещающего политического деятеля.

Я снял превосходный дом и зажил на широкую ногу, давая парадные обеды, на которых считали за счастье присутствовать люди самого избранного общества. Ум и привлекательность, а быть может, и богатство молодой хозяйки привлекали к нам множество ухажеров и друзей. В поклонниках не было недостатка; за одну зиму ей было сделано три предложения, но она отказала всем наотрез. На первые два отказа я не сказал ей ничего, но последний огорчил меня, что я и высказал ей.

Она выслушала меня спокойно и сказала:

— Я очень сожалею, что мне приходится огорчать тебя. Но выйти замуж за человека, который мне не по сердцу — это, быть может, единственное, чего я не могу сделать даже ради тебя!

— Но в таком случае обещай мне, Дженни, что ты также не дашь никому слова без моего согласия! — воскликнул я.

Она минуту колебалась, но затем ответила:

— Какой смысл говорить теперь об этом, дорогой отец, ведь я еще не видела ни одного человека, женой которого пожелала бы стать. Но если ты так хочешь этого, я готова пообещать, что когда встречу человека, который мне будет по душе, но которого ты почему-либо не пожелаешь видеть моим мужем, то в течение трех лет я не дам ему решительного ответа. Но, — добавила она, — я почти уверена, что моим избранником будет не граф и не пэр.

— Ах, Дженни, как можешь ты так говорить!

— Что же тут удивительного, отец? Как часто я слышала от тебя во время твоих публичных лекций, что люди все равны, за исключением рабочих, которые лучше других, и что «сын труда» достоин руки любой девушки в государстве!

— Я этого не говорил уже многие годы, — возразил я с досадой.

— Да, отец, ты не говоришь этого с тех пор, как умерла бедная миссис Стронг и завещала тебе все свое состояние, и всякие лорды и леди стали посещать наш дом. Не так ли, отец? — И она вышла из комнаты.

В августе, когда заседания в парламенте прекращаются и для членов парламента наступают каникулы, я с дочерью переезжал в свое загородное поместье на окраине Денчестера. Здесь у нас был прекрасный старинный дом, стоявший посреди громадного парка, в живописной местности, славящейся превосходной охотой.

На окраине этого поместья, даже занимая часть его, расположилась убогая пригородная слободка, предместье Денчестера, населенная беднейшими рабочими. Дженни до тех пор не давала мне покоя и не переставала мучить меня, пока я в угоду ей не отстроил для них несколько десятков современных образцовых коттеджей, с электричеством и водопроводом, что, впрочем, оказалось совершенно бесполезной затеей: рабочие продолжали ютиться все в тех же убогих лачужках, а коттеджи сдавали внаем за грошовую плату мелким чиновникам.

В недобрый час, посещая семейство Смитов, поселившееся в одном из наших образцовых коттеджей, Дженни познакомилась с доктором Мерчисоном, молодым человеком лет тридцати, состоявшим на службе в этом приходе и потому лечившим всех больных в нашем округе. Эрнст Мерчисон был ширококостный мускулистый шотландец, с резкими крупными чертами лица и глубоко сидящими большими и ясными глазами. Он был не речист, прям и резок до грубости. Но как врач он пользовался заслуженной репутацией, действительно знал и любил свое дело и считался лучшим врачом в Денчестере. На нем-то и остановила выбор моя дочь и одарила той привязанностью и расположением, которых тщетно добивались от нее самые блестящие молодые люди высшего лондонского света.

Случилось это так: в одном из образцовых коттеджей, как я уже говорил, поселилось семейство Смитов. Мистер Смит был композитором, а супруга его, урожденная Сэмюэлс, была та самая маленькая девочка, которую я вылечил от рожистого воспаления после прививки злокачественной лимфы. В некотором роде эта девочка была первым шагом к моему благополучию и благосостоянию, и я невольно питал к ней

чувство, похожее на признательность. У Смитов было двое детей — девочка лет четырех и маленький восьмимесячный мальчик. Как-то эти ребяташки подхватили коклюш, и Дженни пошла навестить их и принесла девочке коробку конфет в подарок.

Пока она была там, прибыл доктор Мерчисон. Он приступил к осмотру больных детей, как вдруг ему попала на глаза лежавшая у кровати девочки коробочка сладостей.

— Это что такое? — резко спросил он.

— Подарок мисс Терн для Тотти! — ответила мать ребенка, указывая глазами на Дженни.

— Тотти не должна кушать сладостей до тех пор, пока не поправится!

Продолжая осмотр, доктор внимательно оглядел ручку девочки и, покачав головой, сказал:

— Я не вижу меток от прививки! Не придаете ей значения? Или просто по небрежности?

Тут миссис Смит, вспыхнув от негодования, рассказала всю свою историю и историю своего брата, который умер от прививки в страшных мучениях, и при этом показала доктору метки на своей толстой руке.

— Хотя я сама и не помню этого, но знаю, что доктор говорил моей матери, чтобы я никогда не давала прививать оспу моим детям.

— Доктор! — гневно воскликнул Мерчисон. — Это был не доктор, а идиот, сударыня, идиот, или, вернее, какой-нибудь политический агитатор, готовый продать свою душу за один избирательный билет!

При этих словах Дженни порывисто поднялась со своего места, и глаза ее вспыхнули негодованием.

— Прошу прощения, что прерываю вас, сэр, — сказала она, — но тот господин, о котором вы выражаетесь так резко, — доктор Терн, мой отец, член парламента от этого города!

Доктор Мерчисон некоторое время смотрел в упор на Дженни, которая в гневе была так хороша, что на нее невольно загляделся бы всякий, затем просто, нимало не смущаясь, ответил:

— В самом деле? Я не интересуюсь политикой и потому не знал об этом.

Это совершенно вывело Дженни из себя и, боясь дать волю своему языку, она повернулась и ушла. Она уже прошла палисадник и собиралась отпереть калитку, когда услышала быстрые и уверенные мужские шаги; обернувшись, она очутилась лицом к лицу с доктором Мерчисоном.

— Я поспешил нагнать вас, мисс Терн, чтобы извиниться перед вами. Я не знал, конечно, кто вы, и не имел намерения оскорбить ваши чувства,

но должен вам сказать, что твердо убежден в пользе прививок, и потому выразился несколько резче, чем следовало!

— Другие люди, сэр, также имеют свои убеждения! — возразила Дженни. — И, быть может, не менее твердые, чем ваши.

— Я это знаю, — сказал он, — и даже знаю, чем это рано или поздно кончится. Вы сами все увидите, мисс Терн, если доживете до того времени. Теперь, конечно, нам бесполезно спорить об этом. — И, приподняв шляпу, он еще раз извинился и поспешным шагом вернулся в коттедж.

Некоторое время Дженни была очень сердита на доктора Мерчисона, но затем рассудила, что все же он извинился перед ней и, кроме того, сделал свое обидное замечание под влиянием невежества и предрассудков, а потому заслуживает сожаления. Затем она вспомнила, что, возмущенная его словами, даже забыла ответить на его извинения. В конце концов после нескольких случайных встреч с ним моя дочь пригласила его на чашку чая.

Я не стану останавливаться на подробностях этого злополучного романа. Несмотря на то что я был решительно против ухаживания доктора Мерчисона, должен сказать, что этот молодой человек при внешней грубости и резкости обращения имел доброе сердце, нежные чувства и честный, справедливый взгляд на жизнь.

Дженни серьезно привязалась к нему.

В конце концов он сделал ей предложение, и в одно прекрасное утро — я как сейчас помню, что это был первый день Рождества — они вошли ко мне в библиотеку, где я работал, и объявили, что любят друг друга и желали бы вступить в брак.

Мерчисон сразу приступил к делу, которое он изложил предельно просто, в двух словах, открыто и мужественно. Он сказал, что вполне сознает всю затруднительность своего положения, так как Дженни богата, а он не имеет ничего, кроме заработка, но все же он просит моего согласия на их брак, изъявляя полную готовность подчиниться любому благоразумному требованию с моей стороны.

Для меня это сватовство было большим ударом.

Я надеялся выдать дочь замуж за пэра Англии — и вдруг вижу ее невестой какого-то деревенского костоправа. Все мои надежды на блестящее будущее, на продолжение моего рода в знатной семье разом рухнули. И вот, вместо того, чтобы радоваться тому, что составило бы счастье моего единственного ребенка, я возмутился и вознегодовал. По природе своей отнюдь не горячий и не резкий человек, я на этот раз вышел из себя и наотрез отказал в своем согласии, причем угрожал даже лишиться дочь наследства и оставить ее без гроша. Но эта угроза только заставила

молодых людей улыбнуться. Тогда я ухватился за другое: вспомнив обещание Дженни отложить на три года брак с человеком, который почему-либо покажется мне нежелательной для нее партией, я напомнил ей об этом обещании и потребовал его исполнения.

К немалому моему удивлению, после короткого совещания вполголоса Дженни и ее жених согласились выполнить мое жестокое требование, заявив, что они готовы расстаться на три года, но что по прошествии этого срока будут считать себя вправе обвенчаться даже без моего согласия. После этого они в моем присутствии поцеловались и простились на три года. И никогда не пытались нарушить данное обещание. Правда, они встретились один раз, но судьба столкнула их случайно.

XI. Появление странного человека

Миновала уже половина назначенного молодым людям срока. Мы с Дженни снова находились в Денчестере; был август. В тот год лето выдалось чрезвычайно холодное; в июле по вечерам приходилось разжигать камин, чтобы согреться. Но в августе наступила чуть ли не тропическая жара. Особенно жаркими были ночи, и даже в тенистом парке Эшфилда было душно. В один из таких вечеров я вышел прогуляться за ограду парка и очутился в большом прекрасном сквере, разбитом на пожертвованном мной акре земли перед школьным зданием, стоявшим как раз напротив задних ворот моего парка. Сквер предназначался для детских игр и прогулок обитателей образцовых коттеджей и всего предместья.

В центре сквера бил фонтан, ниспадающий в просторный мраморный бассейн, а вокруг него, на расстоянии, были расставлены чугунные скамейки. На одной из них я и расположился, прислушиваясь к плеску воды и любуясь пестрой гурьбой ребятишек, игравших на площадке у фонтана.

Вдруг, случайно подняв глаза, я увидел человека, приближающегося к фонтану с противоположной стороны сквера. Он находился более чем в пятидесяти шагах от меня, и потому я не мог разглядеть его лица, но во всей его наружности было нечто такое, что сразу привлекло мое внимание.

Без сомнения, это был бродяга: одежда его была грязная, рваная, поля шляпы наполовину оторваны, из дырявых стоптанных сапог торчали пальцы. Незнакомец продвигался вперед медленным шагом, вытянув вперед шею и не отрывая взгляда от воды; время от времени он поднимал исхудалую руку и нетерпеливым движением почесывал лицо и голову.

«Этот бедняга мучается жаждой», — подумал я. И действительно, едва он добрал до фонтана, как опустился на колени перед бассейном и принялся жадно пить. Утолив жажду, он сел на край мраморного бассейна и вдруг окунул в него свои ноги вместе с сапогами. По-видимому, прикосновение воды было ему приятно, так как одним махом он весь погрузился в бассейн и уселся на дне его, точно в просторной ванне, причем над водой осталась только его огненно-красное пылающее лицо; шляпа слетела с головы и плавала на поверхности.

Этот необычный поступок бродяги развеселил детей. В одну минуту они обступили бассейн, дразня расположившегося в нем человека. Мне почему-то вспомнился пророк Елисей, преследуемый и осмеиваемый

детьми, и ужасная участь, которая их постигла.

Без сомнения, жара расстроила мои нервы в этот вечер. Но каково же было мое удивление, когда я, как бы в подтверждение только что ожившей в моем воображении картины, услышал слабый, надорванный голос бродяги:

— Перестаньте смеяться, дети, перестаньте, не то я вылезу из этой мраморной ванны и защекочу вас!

Но эта угроза еще больше рассмешила детей, которые принялись кидать в него мелкие камешки и прутики. Сначала я думал вмешаться, но, испытывая глубокое отвращение ко всякого рода скандалам, решил позвать полицейского для водворения порядка. Я направился к месту, где рассчитывал его найти, но так как там его не оказалось, пришлось пойти в другой конец сквера в надежде встретить полицейского по пути. Проходя мимо фонтана, я увидел, что бродяга сдержал свое слово: он выбрался из бассейна и, кидаясь то вправо, то влево, отряхиваясь, как мокрая собака, ловил детей одного за другим, щекотал и целовал их с безумным хохотом. Мне стало ясно, что это сумасшедший.

Увидев меня, он выпустил последнего ребенка, которого прижимал к себе. Я заметил, что это была маленькая Тотти Смит. Дети в испуге разбежались во все стороны, а бродяга побрел по направлению к городу все тем же размеренным шагом. Проходя мимо меня, он оглянулся и скорчил ужаснейшую гримасу; только теперь я разглядел это страшное лицо — оно все было покрыто оспой.

Меня охватил невыразимый ужас. Следовало немедленно предупредить полицию и санитарные власти, так как ужасная болезнь была в самом разгаре.

Но я не сделал этого, не сделал потому, что боялся вопроса: «Пророк, где же твоя вера?»

Нет, все это — пустяки, игра расстроенного воображения, действие жары на мои переутомленные нервы. Бродяга был просто пьян или же не в здравом рассудке и страдал какой-нибудь кожной болезнью, столь обычной между людьми этого сорта. Как мог я довести себя до такого нервного возбуждения!

Я пошел домой, тщательно прополоскал рот и опрыскал всю свою одежду крепким раствором марганцовки, так как, хотя мое безумие было очевидно, тем не менее не мешало соблюсти осторожность, особенно в жаркую погоду. Но меня не покидала мысль о том, что будет, если оспа распространится среди населения Денчестера и сотни других городов Англии.

Спустя пять лет после утверждения билля об обязательной прививке этот закон перестал исполняться на практике. Многие ленивые и нерадивые люди называли себя убежденными противниками прививки для того только, чтобы избавиться от лишних хлопот, как они назвали бы себя убежденными противниками чего угодно, лишь бы им не причиняли беспокойство. Если бы мы повели такую агитацию против грамоты, то, я полагаю, через несколько лет четверть детей не посещала бы начальные школы.

Таким образом, урожай созрел и только ждал беспощадного серпа болезни. Уже раза два этот серп, готовый начать свою работу, был остановлен применением жестокого закона об изоляции больного.

У некоторых африканских племен есть обычай: когда в каком-нибудь краале появляется оспа, селение тотчас ограждают и предоставляют его обитателям или умирать, или выздоравливать — как судьбе будет угодно, — но ни под каким видом не выпускают ни одного живого существа из зараженного места.

Во время бездействия закона о прививке подобное же правило соблюдалось при появлении оспы в Англии, благодаря чему страшный час расплаты и отдалялся до сих пор. Но чем дальше отдалялся этот час, тем ужаснее должна была быть расплата, как за просроченный долг.

Пять дней спустя после моей встречи со странным человеком я прочел в газетах, что неизвестный, очевидно мой бродяга, скончался в приюте в Писокингхеме прошедшей ночью. Доктора Батт и Кларксон, которые были приглашены для освидетельствования трупа, утверждали, что смерть последовала от натуральной оспы. Тело будет похоронено со всеми необходимыми предосторожностями за оградой кладбища. Эта смерть вызвала тревожные опасения среди местного населения: бродяга, как говорили, пришел в Писокингхем из Денчестера, где он, как слышно, перебивал в нескольких приютах и ночлежных домах и общался с другими бездомными, но, не зная о болезни, ни на что не жаловался.

Та же газета помещала вслед за вышеприведенным известием небольшую редакторскую заметку, в конце которой говорилось, как и подобало антивакцинистскому органу: «Страх перед этой отвратительной болезнью, который во времена наших отцов граничил с безумием, уже не мучает нас. Нам хорошо известно, что ужасы этой болезни были сильно преувеличены и с ней можно легко справиться посредством изоляции, не прибегая к так называемым предохранительным прививкам, отвергнутым в наше время половиной населения Англии. Тем не менее, принимая во внимание, что этот несчастный бродяга в течение нескольких дней ходил

по улицам нашего города, ночевал в ночлежных домах и приютах для бродяг, следует довести этот факт до сведения властей, чтобы они были настороже. Мы не желаем, чтобы эта старая язва — оспа — снова подняла голову и простерла над нами свою тощую руку, тем более теперь, когда ввиду близких выборов наши оппоненты не преминут воспользоваться этим пугалом для своих целей».

Неделю спустя я открыл свою политическую кампанию при громадном стечении народа. До последнего момента кандидаты оппозиции не являлись, и я начинал уже думать, что и на этот раз без труда удержу за собой место в парламенте, как это было уже неоднократно, как вдруг заявлено было имя — имя моего давнего соперника сэра Томаса Колфорда. Его появление в качестве кандидата значительно осложняло дело, и теперь мне опять приходилось бороться и оспаривать у него право на дальнейшую политическую деятельность.

В своей речи, которая была принята громкими криками одобрения — я все еще был очень популярен не только среди низших слоев населения, но даже и среди умеренных радикалов, — я подверг рассмотрению речь сэра Томаса, обращенную к избирателям. Он, хотя и с большой осторожностью, агитировал за восстановление старого закона об обязательной предохранительной прививке. Из негласных источников вся программа Колфорда была мне досконально известна еще за несколько дней, но тогда в ней этого параграфа не было — очевидно, он добавил его позднее, на основании каких-то дошедших до него слухов.

— Что вы можете думать, — воскликнул я, обращаясь к избирателям, — о человеке, который в наши просвещенные дни помышляет навязать свободным сынам Англии насильственную варварскую вакцинацию? Уже много лет тому назад мы отбросили этот обычай, как отбросили некогда бывшие в ходу орудия пытки, теперь возбуждающие удивление и отвращение наших современников!

И что бы мне на этом остановиться! Но, увлекшись своей идеей и громкими криками толпы, я продолжал развивать свою мысль, позабыв на мгновение о страшном призраке бродяги с огненно-красным лицом, преследовавшем меня, как кошмар.

— Помните, друзья, — говорил я, — как наши противники предсказывали, что не пройдет и десяти лет после утверждения билля об отмене обязательных прививок оспы, как она уничтожит половину населения. Но вот прошло уже почти двадцать лет с того времени, а мы здесь, в Денчестере, за весь этот долгий срок меньше страдали от оспы, чем в пору обязательных прививок. За все эти девятнадцать- двадцать лет

было не более трех случаев оспы во всем нашем округе.

— Да, но теперь их уже пять! — раздался чей-то голос из глубины зала.

Я выпрямился во весь рост и приготовился поразить своим бичующим словом этого лживого болтуна, как вдруг передо мной воскрес образ бродяги с воспаленным лицом, — я почувствовал себя сраженным, обессиленным и сразу перешел к вопросам внешней политики. Но с этого момента весь пыл моего красноречия, вся сила убеждения, которые я умел вкладывать в свои слова, меня покинули.

После митинга я прежде всего бросился наводить справки, и оказалось, что в различных частях города действительно было семь смертных случаев и что трое из умерших — дети школьного возраста. Один из них, как выяснилось впоследствии, играл у фонтана недели две тому назад и участвовал в возне с бродягой. Остальные же двое бродягу даже не видели.

Из Денчестера зараза распространялась всюду, несмотря на строжайшую изоляцию, применяемую властями при всех случаях заболевания, чтобы задуть болезнь в самом ее зародыше. Об оспе никто не говорил, только изредка проникали откуда-то смутные слухи. Но мало кто интересовался ими, так как все были в это время всецело поглощены выборами и животрепещущим вопросом дня — вопросом о чистоте пива, то есть отсутствии в нем примесей, способах его производства и путях распространения и продажи.

Что же касается меня лично, то я боялся наводить справки или разузнавать от кого-нибудь о жертвах заразы и, подобно страусу, зарывался головой в зыбучие пески политики. Но в душе я не находил ни минуты покоя, и страшный кошмар оспы неотвязно преследовал меня повсюду.

XII. Призраки заразы

Вскоре мне стало ясно, что борьба партий в Денчестере обещает быть очень упорной. Избиратели, остававшиеся в течение стольких лет моими верными сторонниками, на этот раз проявляли признаки недоверия. Может быть, в них говорила жажда перемен.

Для меня же самая мысль о поражении казалась невыносимой. Я не жалел ни средств, ни усилий и работал так, как не работал даже в первые годы своей политической деятельности. Почти ежедневно устраивал митинги, распространял листки и брошюры, а мои агенты по целым дням обходили все кварталы и дома города, собирая голоса в мою пользу.

Во главе одного из отрядов моих агентов стояла Дженни; я редко встречал не только девушку, но даже мужчину, одаренного таким тонким политическим чутьем.

Однажды вечером после усердной дневной работы Дженни, уставшая, возвращалась домой. Проходя мимо образцовых коттеджей, она вздумала зайти отдохнуть на минутку к миссис Смит.

— Я вам рада, как всегда, мисс, — сказала молодая женщина, встречая ее у калитки палисадника, — но сегодня вы застали меня в большом горе: моя малютка заболела, она, бедняжечка, вся горит, как в огне. Я уже послала за доктором Мерчисоном. Не хотите ли взглянуть на нее? Мы положили ее в первую комнату.

Дженни с минуту колебалась. Она сильно устала и спешила домой со своими записями и отчетами, но миссис Смит казалась такой измученной и, по-видимому, так нуждалась в сочувствии! А быть может, желание увидеть хоть на минутку любимого человека заставило девушку зайти в коттедж.

В углу комнаты на дешевой тростниковой кровати лежал больной ребенок, рядом с кроваткой играла старшая девочка, Тотти. Припадок судорог у малютки прошел, и она сидела, обложенная подушками; ее белокурые волосы разметались по плечам, а щеки пылали ярким лихорадочным румянцем. Она барабанила ручками по одеяльцу и, увидев мать, закричала:

— Мама, возьми меня!... Возьми меня!... Мне хочется пить... пить!...

— Вот так она весь день... Все пить просит, а сама вся горит, — пожаловалась мать и утерла передником слезу. — Если вы, барышня, подержите ее минутку, я сейчас приготовлю ей питье...

Дженни взяла малютку на руки и заходила взад и вперед по комнате,

укачивая ее, пока мать пошла готовить питье.

Случайно подняв глаза, она увидела стоящего в дверях доктора Мерчисона.

— Дженни! Вы здесь! — радостно воскликнул он вполголоса.

— Да, Эрнст, как видите.

Крупными решительными шагами он подошел к ней, наклонился и поцеловал прямо в губы. Взяв ребенка из рук своей невесты, он посадил его к себе на колени. Дженни показалось, что он чему-то сильно поразился. Затем, вынув из кармана маленькое увеличительное стекло, он стал внимательно разглядывать лобик ребенка, как раз у корней волос, после чего осмотрел шейку и кисти рук и, не сказав ни слова, положил малютку в кроватку. Когда Дженни подошла, чтобы взять ее на руки, он сделал знак отойти в сторону, и обратился к только что вернувшейся в комнату со стаканом лимонада матери ребенка с несколькими короткими вопросами.

Затем он повернулся к Дженни и сказал:

— Я отнюдь не желаю пугать вас, но вам было бы лучше уйти отсюда. К счастью, в то время когда вы родились, — добавил он с легкой улыбкой, — среди докторов еще не было моды противиться прививкам. У этого ребенка оспа.

— Оспа! — воскликнула Дженни и прибавила несколько вызывающим тоном: — Прекрасно, вот теперь мы увидим, чья теория верна: вы сами видели, что я держала на руках этого ребенка, а между тем мне никогда в жизни не делали предохранительных прививок. Мой отец не допустил этого, и я слышала, что тем самым он выиграл свои первые парламентские выборы.

Услышав это, Мерчисон на мгновение окаменел; казалось, он сейчас лишится чувств, он хотел сказать что-то, но язык не повиновался ему.

— Негодяй! — воскликнул он наконец сдавленным шепотом и прервал себя на полуслове, до крови закусив губу. Несколько овладев собой, он обратился к Дженни с видимым усилием и заговорил уверенным, хотя несколько глухим голосом:

— Быть может, еще не поздно... Да, мне кажется, что я могу еще спасти вас! — И из бокового кармана своего сюртука он достал маленький футляр с инструментами. — Будьте добры обнажить вашу левую руку, — прибавил он, — к счастью, у меня есть с собой свежая лимфа.

— Зачем? — спросила она.

— Я немедленно сделаю вам прививку.

— В уме ли вы, Эрнст? — воскликнула девушка. — Ведь вы же знаете, кто я такая, знаете, на каких убеждениях я воспитана... Как можете вы

думать, что я позволю вам ввести этот яд в мою кровь?

— Послушайте, Дженни, вы не раз говорили, что любите меня... и я настолько дорог вам, что вы пожертвовали бы жизнью ради моего счастья. Вот настала минута доказать искренность ваших слов... Я прошу вас, Дженни, уступите моему безрассудству! Неужели вы не можете сделать для меня даже этого?

— Эрнст, если бы вы требовали от меня чего-либо другого! Все, чего бы вы ни захотели, я готова сделать для вас, все — только не это!...

— Но, Бога ради, почему же? — воскликнул он.

— Потому, Эрнст, что сделать то, о чем вы просите, значило бы признать моего отца обманщиком и лгуном и показать всем, что я, его дочь, от которой он вправе более, чем от кого бы то ни было, ожидать поддержки, не верю ни в него, ни в его учение, которое он так настойчиво проповедовал в течение двадцати лет!

Когда Эрнст Мерчисон понял, что никакие доводы и убеждения не в силах поколебать слепой веры Дженни, он в порыве отчаяния решился прибегнуть к насилию. Неожиданно схватив девушку за талию, он силой бросил ее в кресло и принялся ланцетом разрезать рукав платья.

Но она сумела вырваться из его рук и сидела перед ним с лицом разгневанной богини.

— Вы позволили себе то, Эрнст Мерчисон, чего я никогда не прощу вам! Знайте, что с этого момента между нами все кончено! Идите своей дорогой, а я пойду своей!

— Навстречу смерти, Дженни, — прибавил он.

Она ничего не ответила и, выйдя из дома, направилась к своей калитке. Отойдя шагов десять или пятнадцать, она оглянулась и увидела любимого ею человека, стоявшего у дверей. Он закрыл лицо руками, и вся его мощная фигура сотрясалась от глухих рыданий. С минуту Дженни стояла в нерешительности: невыносимо было видеть этого сильного, сдержанного человека, всегда столь уравновешенного и твердого, рыдающим, как ребенок, на глазах у всех. И она поняла, как сильно должно было быть чувство, способное довести его до такого состояния. Дженни чувствовала, что никогда еще не любила его так сильно, как в эту минуту.

Но вдруг ей вспомнилось его оскорбительное обращение с нею. Она призвала на помощь всю свою волю и твердым шагом направилась к калитке отцовского парка.

Тогда Дженни не сказала мне ничего об этом, но впоследствии я узнал все до мельчайших подробностей от нее самой и отчасти от миссис Смит. Она не упомянула даже, что заходила в коттедж, пока, чуть ли не неделю

спустя, во время завтрака одна из наших служанок с испугом не объявила нам ужасную новость: ребенок Смитов умер от оспы в городском госпитале, да и старшая девочка тоже опасно больна. Меня это страшно поразило — ведь эти люди жили почти у самой ограды нашего дома. Я вспомнил, что своими глазами видел, как рыжий бродяга прижимал к себе эту девочку; вероятно, она занесла в дом заразу, от которой и умерла ее маленькая сестренка.

— Дженни, — сказал я, когда служанка удалилась, — слышала ты о малютке Смит?

— Да, отец, я знала, что у нее оспа, еще неделю тому назад!

— Так почему же ты ничего не сказала мне? И откуда ты это знала?

— Я не сказала тебе, дорогой мой, потому, что тебя даже само упоминание об этом тревожит, особенно теперь, когда ты так озабочен выборами. Я знала об этом, так как была у Смитов, нянчила малютку и носила ее на руках как раз в тот день, когда приехал доктор и сказал, что у нее оспа.

— И ты нянчила этого ребенка? — воскликнул я, вскочив со стула и весь трясаясь как в лихорадке. — Боже правый, дитя мое, что ты наделала! Ведь ты заразила весь дом!

— Именно так утверждал и Эрнст, то есть доктор Мерчисон, и хотел во что бы то ни стало сделать мне прививку.

— О-о... И что же? Ты позволила ему?

— Как ты можешь спрашивать у меня о таких вещах, отец? Вспомни только, что ты мне постоянно говорил, чему учил и меня, и всех. Я сказала ему... — И она в нескольких словах рассказала мне, что произошло между ней и доктором Мерчисоном.

— Я подразумевал не то, видишь ли... — проговорил я, когда она замолчала. — Я полагал, что ты под влиянием неожиданности... впрочем, ты, как всегда, поступила благоразумно. — И, не будучи более в состоянии сохранять самообладание, сознавая, что сбиваюсь и путаюсь в словах, я под каким-то предлогом встал из-за стола и вышел из комнаты.

Я говорил о ее благоразумии, хотя это было чистейшее безумие! Ах, почему этот Мерчисон не сумел настоять на своем! Ведь у него было больше, чем у кого бы то ни было, власти над ней. Но теперь уже поздно... Никакая прививка не могла спасти ее, разве только она каким-нибудь чудом оказалась бы невосприимчивой к заразе, на что едва ли можно надеяться. Насколько известно, не было случая, чтобы человек, которому не сделали предохранительных прививок, находясь в непосредственной близости от больного оспой, после того как уже показалась сыпь, мог остаться

невредимым.

Иначе говоря, через каких-нибудь несколько дней моя Дженни, моя единственная дочь станет жертвой одной из самых ужаснейших болезней. Мало того, так как ей ни разу не делали прививок, болезнь должна проявиться у нее во всей силе, тем более что оспа, свирепствующая теперь в городе, была такого рода, что больше половины случаев оказывались смертельными.

Ужасно было и то, что я ни разу не делал себе прививок после того, как они были сделаны мне в раннем детстве, то есть лет пятьдесят тому назад, так что и я оказывался беззащитным.

Я с радостью бежал бы из города, но как я мог сделать это чуть ли не накануне выборов? Я не смел даже показать испытываемого мной ужаса, так как все сказали бы: «Видите вы этого висельника, который бледнеет при виде веревки?»

С тех пор как отменили обязательную прививку оспы, мы противодействовали оспе системой строжайшей изоляции. Но как я мог отправить свою дочь в одну из заразных ям, где бы она в глазах всего Денчестера служила явным и неопровержимым доказательством лживости моего учения?

XIII. Время жатвы

Прошло пять дней; для меня это были пять дней невыразимой пытки, пять дней томительного страха и ожидания. Каждое утро я ожидал появления Дженни за завтраком с замиранием сердца, тем более ужасным, что должен был скрывать свои чувства от нее, от моей чуткой, пронизательной Дженни. Страх быть разгаданным ею был до того велик, что я едва смел поднять на нее глаза, когда она входила в комнату.

На пятое утро она несколько запоздала к завтраку, что было совершенно необычайным случаем, так как Дженни вставала очень рано. Она казалась несколько бледнее обыкновенного, быть может, из-за жары.

— Ты запоздала сегодня к завтраку, Дженни, — заметил я небрежно.

— Да, дорогой мой, я проснулась с головной болью. Теперь все прошло. Я полагаю, это от жары!

С этими словами она по обыкновению поцеловала меня.

— Да, конечно, от жары! — подтвердил я, и мы сели за стол.

Во время завтрака я неотступно наблюдал за Дженни. Она делала вид, что пьет чай, и на тарелке у нее лежало крылышко дичи, но я заметил, что она ничего не ест. Если Дженни заражена, если она умрет, то я — я, и никто иной, — буду ее убийцей, и не по неведению или заблуждению, а сознательно, из-за себялюбивых целей, из-за своей жалкой трусости!

После завтрака я отправился агитировать избирателей и произносить речи на митингах. Но что это был за ужасный для меня день, и как я проклинал теперь тот час, когда продал свои честь и убеждения за место в парламенте, за жалкую и дешевую популярность! Если бы Стивен Стронг не смутил меня тогда, моей Дженни была бы привита оспа, и хотя он до самой своей смерти оставался мне добрым другом, я в тот день проклял его память.

Я вернулся домой как раз вовремя, чтобы успеть переодеться к обеду. В этот день я ждал к себе гостей, и Дженни в качестве хозяйки присутствовала на этом обеде. Та вялость и утомление, которые замечались в ней утром, теперь совершенно исчезли: она была чрезвычайно весела, оживлена и остроумна. Никогда я не видел ее столь прекрасной, как в этот вечер: яркий румянец оживлял ее лицо, глаза как-то по-особенному сияли, затмевая блеск бриллиантовой диадемы, сверкавшей у нее в волосах. Но я заметил, что она опять ничего не ела, зато, вопреки привычке, выпила несколько бокалов шампанского. Прежде чем я успел избавиться от своих

гостей, она ушла к себе наверх и легла спать, так что в этот вечер я не имел случая поговорить с ней.

Оставшись один после ухода гостей, я удалился в кабинет и, закулив сигару, предался мыслям. Теперь я уже не сомневался в том, что яркий румянец на ее щеках был ничем иным, как скрытой лихорадкой оспы, и что ужасная зараза свила себе гнездо под моей кровлей. Я был разгорячен, так как выпил много вина за обедом, но при мысли об этом весь холодел от ужаса. Да, Дженни заразилась оспой, но она молода и может выздороветь, если же заражусь я, то, конечно, умру.

«Весьма возможно, что я уже заразился, — думал я. — И в этот самый момент семя страшной болезни уже начало свою разрушительную работу. Но если даже и так, — простонал я, хватаясь за эту мысль, как утопающий за соломинку, — если даже и так, то, быть может, еще не поздно!»

Я держал у себя запас свежей лимфы, так как только на днях приобрел ее, чтобы продемонстрировать перед моими слушателями во время лекций и пояснить им ужасные последствия прививки. Допустим, что я сделаю себе два-три надреза ланцетом на левой руке... кто узнает об этом? Легкое воспаление руки не помешает мне присутствовать на митингах, а под рукавом моего сюртука никто не увидит этих ранок!

Что удерживает меня от того, чтобы тут же, не раздумывая, привить себе оспу? Конечно, если меня разоблачат и выведут на чистую воду — это будет ужаснейшей катастрофой, о которой даже страшно подумать! Но что могли значить все возражения в сравнении с тем ужасом, который вселяла в меня чудовищная зараза, похитившая моего отца и схватившая за горло мою единственную дочь. Нет, я сделаю это сейчас же!

Я встал и запер на замок дверь кабинета. О другой же двери, ведущей в наши спальни, я не подумал, так как Дженни давно легла спать, а кроме нее там никого не было.

Скинув сюртук, я засучил левый рукав рубашки, зажег маленькую спиртовку, чтобы стерилизовать ланцет, приготовил костяную палочку и вскрыл крошечный пузырек с лимфой. Затем, расположившись в своем рабочем кресле таким образом, чтобы свет от электрической лампочки падал прямо мне на руку, я сделал на ней ланцетом пять глубоких надрезов, из которых выступила кровь, и смазал ранки порядочной дозой спасительного вещества.

Таким образом, операция была завершена, и теперь я сидел смирно, не шевелясь, свесив руку через спинку кресла, чтобы кровь могла остановиться прежде, чем я спущу рукав рубашки.

Вдруг я услышал позади себя легкий шорох и, обернувшись, очутился

лицом к лицу с Дженни. Она стояла у дверей, ведущих в наши комнаты, и опиралась рукой на спинку кушетки, словно ноги отказывались держать ее.

Я видел ее всего одну секунду, но этого было достаточно, чтобы уловить в ее глазах выражение ужаса и отвращения. В следующий момент я уже повернул выключатель, и комната утонула во мраке; мерцал только слабый свет спиртовки.

— Отец, — спросила девушка, и голос ее из темноты звучал как-то сдавленно и глухо, — что ты делал?

— Я споткнулся и ссадил руку об угол камина... — начал я говорить первое, что пришло мне в голову, но она не дала мне закончить.

— Ах, сжался же, сжался надо мной, отец! — взмолилась она. — Я не могу слышать, как ты лжешь! Ведь я же видела все своими глазами!...

Наступило молчание, которое среди окружающего нас мрака казалось еще томительнее и ужаснее. Но вот Дженни заговорила снова:

— Неужели, отец, у тебя нет слов утешения для меня? Неужели я должна буду уйти *так*? Скажи мне, как мог ты, препятствуя сотням и тысячам людей делать себе и своим детям прививки, тайно сделать ее себе? Если ты считаешь прививку действенным средством против заразы для себя, то почему же ты не позаботился о том, чтобы эти прививки были сделаны и мне, твоему единственному ребенку? Зачем ты уверял людей, что это вредный и глупый предрассудок? Ах, отец, отец, ответь мне! Объясни мне все это — я чувствую, что сойду с ума!

Тогда заговорил я:

— Сядь, Дженни, и слушай, и пусть в комнате будет темно — так мне легче говорить.

И я рассказал ей вкратце, но с полной ясностью и без всяких утаек обо всем. Я покаялся перед ней во всех своих слабостях, обнажил свою душу.

Дженни не проронила ни слова, но когда я кончил, она воскликнула:

— Бедный отец! Бедный, бедный мой отец! Почему ты не сказал мне всего этого несколько лет назад, когда я стала взрослой и могла уже понять тебя? Ну, да что теперь говорить об этом! Я пришла сказать тебе, что я очень больна, я знаю, что заразилась этой ужасной болезнью. О, если бы я знала две недели назад истину, я позволила бы Эрнсту привить мне оспу. Зажги свет, я хочу еще раз взглянуть на тебя. Мы уже больше не увидим друг друга. Я запрещаю тебе входить в мою комнату, и скорее наложу на себя руки, чем допущу это. Нет, нет! Не подходи ко мне, не целуй меня! Прощай, отец! Прощай! Теперь, когда я знаю все, я даже рада была бы умереть, если бы только не встретила Эрнста... — С этими словами Дженни повернулась и вышла из комнаты, медленно и с трудом поднимаясь

по широкой дубовой лестнице в свою комнату, из которой она уже больше никогда не вышла.

Через сутки выяснилось, что Дженни заболела той злокачественной оспой, которая свирепствовала в городе, унося каждый день десятки новых жертв. Однако ее не отправили в госпиталь, так как я держал ее болезнь в тайне. Я нарочно выписал для нее из Лондона сиделку, которой недавно была привита оспа. Лечением я заведовал лично, хотя и не навещал и не видел больной, потому что боялся разнести заразу по всему городу, приходя от больной на митинги и собрания.

Что касается меня лично, то я уже не опасался заразы, так как по прошествии недели у меня появились четыре крупных нарыва, которые служили мне гарантией безопасности.

Прошло еще шесть дней; наступил канун выборов. Во время перерыва я вырвался домой и к своей великой радости узнал, что Дженни, которая последние двое суток находилась между жизнью и смертью, чувствует себя заметно лучше. Она сама даже сказала мне это через дверь и пожелала успеха на митинге, так что я ушел от нее почти счастливый.

Но после того как я уехал, Дженни сразу сделалось намного хуже, и она почувствовала, что настал ее последний час. Тогда она приказала сиделке послать от ее имени телеграмму доктору Мерчисону:

Приезжайте немедленно. Умираю. Хочу Вас видеть.

Полчаса спустя Мерчисон стучал в дверь ее комнаты. Она попросила сиделку накинуть ей простыню на лицо, чтобы он не мог видеть, насколько оно обезображено болезнью, и оставить ее наедине с женихом.

— Послушайте, — начала она, когда доктор Мерчисон сел возле ее постели, — я умираю от оспы и послала за вами, чтобы попросить у вас прощения. Теперь я знаю, Эрнст, что вы были правы, но узнать об этом мне было тяжело, и сердце мое надорвалось...

Он молчал, низко опустив голову на грудь. Отрывистыми фразами она передала ему то, что узнала от меня... Час спустя Дженни не стало. Мерчисон до последней минуты не отходил от нее.

Не помня себя от горя, он кинулся домой, переменял платье и направился прямо в земледельческое собрание, где я выступал перед толпой избирателей. Это был очень многолюдный и бурный митинг; умы всех были взволнованы и омрачены слухами о растущем с каждым днем числе смертей от оспы, так что даже самые надежные мои сторонники начали уже колебаться и задавать себе вопрос, действительно ли так

неоспоримы мои крайние взгляды относительно предохранительных прививок.

Тем не менее моя речь, в которой я умышленно избегал вопроса о вакцинации, была принята если не с энтузиазмом, то, во всяком случае, с надлежащим уважением. Я закончил ее блестящим воззванием к народу, призывая и на этот раз оставаться верными великим принципам свободы. Я напомнил, что отстаиваю эти принципы в течение двадцати лет, а потому еще раз прошу их завтра, в решающий момент выборов, отдать свои голоса тому, кто долгие годы верой и правдой служил интересам своих избирателей и был неустанным поборником их прав.

Когда я окончил свою речь и сел, приветствуемый громкими криками одобрения, послышался голос из темного угла галереи:

— Я хотел бы спросить доктора Терна, верит ли он в действие предохранительных прививок?

Все собрание сдержанно засмеялось; сам председатель поднялся с места и, улыбаясь, сказал:

— Я, право, не вижу никакой надобности обращаться с этим вопросом к мистеру Терну, который более двадцати лет в глазах целой Англии считался одним из ревностных сторонников антивакцинации.

— Я повторяю свой вопрос! — снова раздался тот же голос.

Это упорство, по-видимому, смутило председателя.

— Если неизвестный потрудится выступить открыто, вместо того, чтобы скрываться там, в темном углу галереи, то я нимало не сомневаюсь, что доктор Терн удовлетворит его любопытство.

Под сводами галереи произошло движение, и кто-то стал прокладывать себе дорогу сквозь толпу.

Но вот таинственный оппонент подошел к самой эстраде, и в его рослой, могучей фигуре я сразу узнал жениха дочери, доктора Эрнста Мерчисона.

— Я спрашиваю вас, сэр, — сказал он тем же резким металлическим голосом, — верите ли вы сами или нет в действие предохранительных прививок?

Что я мог ответить?

— Я полагаю, сэр, что, как вам уже заметил господин председатель, вся моя общественная деятельность за последние двадцать лет говорит сама за себя. Взгляды свои я достаточно часто высказывал публично, и, как мне кажется, они здесь всем известны.

Тогда Эрнст Мерчисон отвернулся от меня и обратился к собранию.

— Граждане Денчестера! — возгласил он таким звучным громовым

голосом, что взгляды всех присутствующих обратились на него. — Все вы, конечно, знаете, что, по мнению доктора Терна, предварительная прививка бесполезна, даже вредоносна. Проповедуя открыто эти убеждения, он помешал сотням и тысячам людей сделать себе и своим детям эти прививки. Теперь я прошу его подтвердить всенародно свои убеждения, обнажив здесь, в присутствии всех, свою левую руку.

В собрании поднялся страшный шум, послышались голоса: «Да, да!», «Стыдитесь!», «Нет, пусть покажет!» Мои сторонники возмущались и роптали во всеуслышание, для меня же все слилось в дикий гул, и только невероятным усилием воли я вернул самообладание и, обращаясь к толпе, проговорил:

— Я здесь, чтобы отвечать на любые вопросы, но прошу защитить меня от оскорблений!

Толпа шумела и волновалась, а Эрнст Мерчисон стоял неподвижно, спокойный и неумолимый, как рок, как смерть, рядом со мной, а когда шум стих, он снова возвысил голос:

— Я еще раз повторяю свой вопрос. В городе свирепствует оспа, люди умирают сотнями, и многие поспешили предохранить себя от заразы, сделав себе прививку. Пусть же доктор Терн докажет нам, что он этого не сделал, и в доказательство обнажит перед всеми свою левую руку!

Председатель собрания взглянул на меня пристально, и я заметил, что губы его слегка побелели и дрогнули.

— Объявляю митинг закрытым! — громогласно заявил он.

Я поспешил сойти с эстрады. Вдруг голос, неумолимый голос рока прозвучал над самым моим ухом: «Убийца! Я всем покажу то, что ты желаешь скрыть!» И прежде чем я успел опомниться, Мерчисон схватил меня правой рукой за горло, а левой сорвал мое платье и белье с такой силой, что в одно мгновение обнажил мое плечо, и предательские знаки оспы предстали глазам всех, как явные улики моего позора.

Я лишился чувств, но в тот момент, когда сознание покидало меня, я услышал дикий крик ярости, сорвавшийся с уст сотен и тысяч обманутых мною людей, и эти крики и проклятия преследуют меня с тех пор повсюду. Они заставили меня покинуть родину, и даже теперь, даже здесь не дают мне покоя...

Вот и вся моя повесть, больше мне сказать нечего.



«TEPPA» - «TERRA»

